

РУССКОЕ СЛОВО.

XII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАНЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-ВЪЗВОРОДО.

1860.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Съдинкина, въ торговой 17.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20 Декабря 1860 года.

Ценсоръ *И. Дубровской.*

Ф. Размаиновъ.

[2], 12.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Есть у насъ народная поговорка, что «грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ нейдетъ». Но Боже мой! какъ часто видишь противоположныя явленія этой поговоркѣ, — какъ часто трудомъ нажитое богатство исчезаетъ, какъ дымъ, — не отъ расточительности, — а отъ какихъ-то непредвидѣнныхъ и ничѣмъ неотразимыхъ случаевъ, отъ стеченія и запутанности обстоятельствъ, которыхъ ни какая воля, ни какой умъ человѣческой не въ силахъ распутать, или обратить въ свою пользу, и капиталы ускользаютъ изъ рукъ, при всей благоразумной экономіи, по волѣ какой-то враждебной судьбы, дѣлаясь добычей честныхъ воровъ, или какъ говорятъ: «умныхъ людей». У насъ еще у многихъ въ понятіяхъ, — умный человѣкъ и плутъ, — сливаются въ одно; обмануть, надуть, ни болѣе ни менѣе, какъ только стать *ме промахомъ*, быть себѣ на умѣ, — и только... И сколько народныхъ пословицъ оправдываютъ это мнѣніе; — на примѣръ: «кто самъ себѣ врагъ». «Своя рубашка къ тѣлу ближе.» «На то шука въ морѣ,» и проч... Конечно надо имѣть ловкость, чтобъ продѣлка не слишкомъ бросалась въ глаза, чтобъ не навлечь на себя преслѣдованія и концы схоронить въ воду, а на общественное мнѣніе не стоитъ обращать вниманія. Да и что

такое общественное мнѣніе? Не изъ тѣхъ-ли же грѣшныхъ людей наши судьи?.. У насъ и на то сложились оправдательныя пословицы: кто Богу не грѣшентъ, царю не виновать».

И сколько, сколько этихъ *умныхъ людей* можно встрѣтить въ необразованныхъ обществахъ, по захоlustьямъ нашего раздольнаго отечества!..

И вотъ, послѣ этихъ-то умниковъ, спокойно нажитые ими капиталы, переходятъ къ ихъ потомкамъ и растутъ въ прибывающей прогрессіи, наперекоръ пословицѣ: *«рѣхомъ нажитое богатство въ прокъ неидетъ»*; благосостояніе потомковъ процвѣтаетъ; дѣти рождаются здоровыми, сыновья дѣлаются степенными, скопидомами, пользуются довѣріемъ общества, становятся въ первыхъ рядахъ его; дочери находятъ хорошія партіи;— словомъ, счастье во всемъ и вездѣ, деньги сами льются въ карманъ, и *«рѣхомъ нажитое богатство идетъ въ прокъ...»*

Между тѣмъ, какъ дѣти честныхъ труженниковъ, протягиваютъ руку за милостыней; да и часто не заслуженно лишаются даже честнаго имени — послѣдняго богатства бѣдняка...

Не разъ, не два этотъ грустный фактъ заставлялъ меня задумываться...

И страшно мнѣ стало, когда я припомнила всѣ подробности подобной *исторіи*, которую хочу вамъ передать, какъ фактъ.

Не то чтобъ давно, и не то чтобъ недавно, жили да были въ городѣ Привольскѣ два двоюродные братца... одинъ былъ Петръ Васильичъ, а другой Петръ Иванычъ и ирозывались оба Отрубевы. Петръ Васильичъ былъ купецъ богатый... Петръ Иванычъ... но передо мною развивается драма...

Въ одно весеннее время, послѣ-обѣда, супруга Петра Васильича Отрубева, Наталья Ивановна, сидѣла въ своей спальнѣ. Сидѣла она, облокотившись на столъ, и думала какую-то тяжелую думу. Глаза ея машинально переходили съ рабочаго ящика съ разноцвѣтными шелками на бархатную подушечку стальной швейки, на которой игралъ яркій лучъ солнца, прорывавшійся въ окно, сквозь густую зелень цвѣ-

тущихъ жасминовъ. Круглый подбородокъ купчихи лежалъ на ладони правой руки, на пальцахъ которой блестяло множество золотыхъ колець и разныхъ перстеньковъ. Короткіе, слегка закрученные височки оттѣняли полныя щеки Натальи Ивановны; зеленая французская косынка, ловко повязанная, оченъ шла къ ея темнорусымъ волосамъ; на открытой шеѣ переливалась мелкою гранью нитка крупныхъ янтарей; въ ушахъ висѣли большіе яхонты. Кисейный платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ, свалился съ плечъ, и оставилъ не закрытыми и грудь, и полную короткую талию, обтянутую тафтянымъ платьемъ.

Воздухъ комнаты былъ пропитанъ запахомъ жасмина. Передній уголь былъ занятъ большимъ кіотомъ, передъ которымъ неугасимо теплилась серебряная лампадка. Огромная кровать, съ горою подушекъ, подъ шатромъ бѣлаго полога, казалась не меньше другой походной палатки. Большой красного дерева комодъ, туалетъ, украшенный позолоченой рѣзьбой, и нѣсколько стульевъ, съ высокими дубовыми спинками, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, довершали убранство комнаты. Изъ спальни выходили трое дверей: одна въ маленькую прихожую, другая въ залу, третья небольшая дверь, въ ногахъ кровати, вела въ дѣтскую.

— Господи Боже мой! Чтожъ я это въ самомъ дѣлѣ, дурь-то на себя накидываю!.. прошептала Наталья Ивановна, какъ будто пробудясь отъ сна, подняла быстро голову и махнула рукой, какъ будто отгоняя отъ себя неприятный призракъ.

— Что я бранена? аль бита? аль недостатокъ какой терплю что-ли? Кабы увидѣлъ Петръ Васильичъ, такъ задалъ-бы мнѣ... грущу, тоскую, сама не знаю о чемъ...

Она встала, подошла къ окну, понюхала вѣтку жасмина, и сѣла опять на прежнее мѣсто, твердо рѣшившись приняться за работу;—но лишь только оторвала она съ клубка цвѣтную шелковинку, рука ея опустилась, голова склонилась на грудь сама собой:—что-то прихлынуло къ сердцу и глаза наполнились слезами.

Не видя причины о чемъ бы поплакать, Отрубева крѣпилась нѣсколько минутъ; но грустное чувство, съ которымъ

она боролась уже нѣсколько дней, взяло наконецъ свое: слезы брызнули градомъ; она дала имъ полную волю. Она плакала долго и много, стараясь только заглушить рыданія, чтобъ ктонибудь не подслушалъ.

Наконецъ, наплакавшись вдоволь, Отрубева почувствовала, что на сердцѣ у ней сдѣлалось легче, какъ всегда бываетъ послѣ обильныхъ слезъ; она отерла глаза, встала, подошла къ зеркалу, поправила разбившіеся височки, помахала платкомъ въ горящее отъ слезъ лицо, и произнесла грустно, покачавъ головой:

— А чтонибудь да значитъ, что сердце такъ тоскуетъ! можетъ и вѣщуетъ оно какую-нибудь бѣду — да не скажетъ...

Въ эту минуту на дворѣ послышался жалобный вой цѣпной собаки. Этотъ зловѣщій звукъ, словно острымъ желѣзомъ, скользнулъ по сердцу Натальи Ивановны.

— Это что еще! часъ отъ часу не легче! — почти вскричала она въ испугѣ и съ замирающимъ сердцемъ произнесла:

— Господи помилуй раба своего Петра и дѣтей нашихъ!..

Но собака не переставала выть.

Наталья Ивановна подошла къ окну. На мощеномъ дворѣ не видно было ни души, одинъ черный козель, съ рогами, окрашенными красной краской, выщипывалъ едва пробивающуюся между камнями мостовой зеленую травку, и огромная цѣпная собака, привязанная возлѣ конюшни, лежала въ растяжку на припекѣ, и высунувъ пересохшій отъ жажды языкъ, жалобно выла.

— Чтобъ твое вытье было на твою голову! — проговорила купчиха, взглянувъ на собаку, и стараясь успокоить внутреннее волненіе, кликнула:

— Эй! Любашка! нянька!

Дверцы изъ дѣтской скрипнули, на порогѣ показалась худощавая, съ длиннымъ носомъ старушка, въ ситцевомъ сарафанѣ — и послышался дребезжащій голосъ:

— Чего изволишь, сударыня?

— Ами ты, нянька! гдѣ-жъ Оедишка! спросила Наталья

Ивановна, не оборачиваясь, можетъ быть потому, чтобъ скрыть слѣды слезъ на своемъ лицѣ.

— Оединька, матушка, остался въ саду, — мы съ нимъ черемушки да сирѣни нарѣзали, такъ пучечки изъ нихъ связываетъ; а я пришла спросить: не прикажешь-ли самоварчикъ ставить?

— Черемушки нарѣзали!.. Ты смотри у меня, чтобъ дитя ручку не порѣзало!.. перебила Наталья Ивановна, и совершенно забывшись быстро оборотилась, — ты, смотри у меня, береги дитя пуще глаза... Какъ можно его одного оставлять!.. Развѣ твое дѣло о самоварѣ хлопотать?

— Ужъ не беспокойся, матушка, объ немъ-то! мы цвѣточки-то ножницами стригли, да и тѣ я себѣ въ карманъ спрятала... Помню, матушка, помню ваше приказаніе — не давать ему ножичка въ ручки, — отвѣчала нянька.

— А пянька Федора съ Фисонькою гдѣ?

— Федора, сударыня, съ дитею на крыльцѣ сидитъ; пришла къ ней сестра, — ужъ такъ-то переколачиваютъ, да шепчутся, ужъ вѣрно все про хозяевъ судятъ да рядятъ, отвѣчала нянька.

— Непремѣнно; такъ-таки ужъ по твоему, и говорить больше не о чемъ, какъ о хозяевахъ?

— Ужъ конечно. Отчего же они вслухъ не говорятъ? Ты сударыня, ужъ слова не дашь про Федору сказать; а послужала-бы сама...

— Перестань пожалуйста — я не люблю твои сплетни и ябеды слушать; ступай лучше въ садъ къ Оединькѣ, и пошли ко мнѣ Любашу.

— То-то и есть, сударыня, что Любашки собаками не съищешь; оттого-то я и пришла — что молъ не нужно-ли чего. Ужъ эта мнѣ дѣвка! дала ты ей матушка, Наталья Ивановна, волю... все-то она негодная у кучера на конюшнѣ, коли я ее не хватилъ! Ужъ если что выйдетъ, такъ пожалуй Петръ-то Васильичъ и на твою милость вскинется... что молъ, сударыня, не смотрила...

— Ты что это такое бредишь?.. Тебѣ ужъ вездѣ разныя пустяки мерещатся... произнесла съ досадой хозяйка. Ужъ когда дѣвчонка съ кѣмъ пошутила, такъ по твоему не

просто. Что ее развѣ на веревкѣ что-ль держать? Развѣ моя *обязанность* за холопками приглядывать?.. аль по щекамъ бить? такъ нѣтъ, ужь я къ этому не могу привыкнуть!

— И побьешь, матушка, Наталья Ивановна, и побьешь, коли рѣчѣй не слушаютъ — народъ такой хамово-колѣно. Это я, сударыня, по себѣ знаю: была и я грѣшная молода, и худы не добры были всѣ тѣ, кои меня уму-разуму учили, а тамъ послѣ и слюбилось, и добромъ помянешь строгость-то... А я скажу твоей милости, сударыня, какъ наемни Любашка въ семикъ на гулянку собиралась, такъ я на ней, пострѣловкѣ, коленкоровое платье застегнуть не могла, такъ кой-какъ веревочкой связала и свою шаль, съ *махрами*, на нее надѣла, такъ всѣ и прикрылось. А въ маленькомъ-то платочкѣ ужь и идти нельзя было...

— Коленкоровое платье — ей пять лѣтъ минуло какъ сшито, такъ мудренаго, что дѣвка и выросла, и потолстѣла...

— Нѣтъ, не то, не то — пожила таки я матушка на свѣтѣ, и коль-кто Михайловну обманетъ, такъ я думаю, трехъ дней не переживетъ, — вотъ что!

— А вотъ мнѣ это-то и *не нравится*, что ты завсегда съ хозяйкою готова спорить, и учить ее, — сказала запальчиво Наталья Ивановна.

— Что ты, сударыня моя! Да смѣютъ-ли, примѣрно, яицы курицу учить! Да и какъ я, хамово-колѣно, покушусь на то!.. Нѣтъ, нѣтъ, Наталья Ивановна, и напрасно ты гнѣваться изволишь! я такъ, спроста, иной разъ къ слову, люблю правду молвить... Вотъ хоть-бы Отрубевъ Петръ Иванычъ, и вся его семья — чтожъ, что они вамъ, мужняя родня-то, да другая и глядѣть-то-бы на нихъ не стала, — а ты матушка, готова ихъ къ себѣ за пазушку посадить... А что они, аспиды лпхіе, — прости ты меня Господи!.. Михайловна перекрестилась. Такъ истинно аспиды! Петръ-то Иванычъ кланяется чуть не въ землю, а кажись такъ и глядеть гдѣ-бы, въ которое мѣсто ужалить. А Сидоръ-то Петровичъ на весь Привольскъ на расцѣнъ цѣпить, сокола-то моего Пашеньку-то: и простофиля-то онъ, и рохля-то, и дуракъ-то, дур...

— Перестань! Я тебѣ давно приказала, чтобъ ты мнѣ

такихъ пустяковъ говорить не смѣла, сказала съ негодова-
ніемъ Наталья Ивановна, покраснѣвъ до самыхъ волосъ.

— Прости ты меня, сударыня Христа-ради, не гнѣвайся на старую дуру, а я говорю правду...

— Никто тебя не просить говорить ни правды, ни крив-
ды. А всего бы лучше, еслибъ ты помнила, что Петръ Ива-
нычъ Отрубевъ — мой двоюродный деверь, — проговорила
хозяйка, стараясь овладѣть собой: поди къ Оединкѣ, и ска-
жи Любашкѣ пле Агафѣ, чтобъ прпрнесли мнѣ пива и льду;
а самоваръ не нужно... фу! и такъ жарко... Наталья Ива-
новна сѣла, и приплясала обмахивать платкомъ горѣвшее
лице.

— Сейчасъ, иду сударыня... А ужъ не погнѣвайтесь — не
люблю, не люблю Отрубевыхъ! ужъ они такіе люди: лей имъ
на голову масла — а они говорятъ, — деготь... Деверь онъ
вашъ, деверь! да такихъ деверьевъ я думаю у васъ до Моск-
вы не перевѣш...

— Ужъ ты и грубіянить начала еще!.. вонъ! Наталья
Ивановна разсердилась не нашутку.

— Уйду, уйду, сударыня, говорила нянька, подвигаясь
къ двери: а ужъ если-бы воля-то, да власть моя, ужъ я бы
этихъ Отрубевыхъ! ужъ я бы имъ! ужъ я бы ихъ!.. вор-
чала нянька, выходя въ дѣтскую, и затворяя за собою дверь.

— Ужъ этакая злая старушонка! эта я ненавистинца! го-
ворила, сама съ собой хозяйка, по уходѣ няньки.

— И каждый разъ она меня на грѣхъ наведетъ... не-
дремѣнно наведетъ. Это ея любимое дѣло. А изъ чего? изъ
зависти — изъ чего-же больше... впрочемъ можетъ работни-
ца Петра Иваныча наболтала ей что нибудь — кто ихъ
знаетъ... Ужъ это народъ такой, забрала себѣ въ голову
одно, просто знать изъ ума выживаетъ.

Собака на дворѣ опять завыла.

— Нянька! крикнула опять Наталья Ивановна.

— Чего изволишь? отвѣтила нянька, высунувъ голову
въ дверь.

— Слышишь!.. сѣрко воетъ!

— Тьфу, проклятый! выль-бы на свою голову... Это онъ
отъ жару, сударыня.

— Скажи, чтобъ его перевели въ другое мѣсто, гдѣ есть тѣнь, да чтобъ дали ему пить.

— У него у проклятаго, и еще другая дурная привычка завелась:—Иванъ говоритъ, что онъ по ночамъ ямы роетъ.

— Не хорошо, прошептала Наталья Ивановна, покачавъ головой.

— Ничего, сударыня, это онъ отъ скуки, проговорила старуха, затворяя дверь.

Нянька ушла. Минуть черезъ десять явилась горничная Любашка, дѣвка лѣтъ восемнадцати, рыжая, и до нельзя веселоватая, въ холстинковомъ платьѣ и розовомъ передникѣ, съ большой хрустальной кружкой въ рукахъ, въ которой пѣнилось домашнее мартовское пиво.

Дѣвка поставила кружку на столъ.

— Гдѣ ты была? спросила Наталья Ивановна, стараясь строго смотрѣть на горничную.

— На огородѣ.

— А кто тебя туда посылалъ?

— Я-съ... да такъ... тамъ Агафья разсуду полетъ, и я съ нею слово за слово...

— Ишь не наговорились!.. Я думаю Агафья въ тебѣ не нуждалась, и безъ тебя свое дѣло дѣлала? а ты только шляешься: *семь пересемь, какъ бы день перешель*. Скажи-ка, которую недѣлю ты Пашинкѣ носки вяжешь?

— Что за важность; кажется вина моя небольшая, что съ Агафьей на огородѣ постояла!.. не съ кѣмъ-нибудь. Отвѣчала бойко дѣвка и, повернувшись, хотѣла уйти.

— Ишь какая словесная! отвѣчать умѣешь! Да куда же ты бѣжишь? Гдѣ-же ледъ? Я думаю нянька говорила тебѣ, чтобъ ты принесла мнѣ льду!

— Я не слыхала-съ; я сейчасъ пошлю Ивана на ледникъ.

— Тебѣ зачѣмъ-бы нибудь, да только къ Ивану сбѣгать; и за дѣломъ, и безъ дѣла выросла у Ивана... Ты смотри у меня! я гляжу, гляжу, да Петру Васильевичу буду говорить; ты что-то пзъ рукъ вонъ...

Горничная остановилась у порога и заплакала.

— Что вы меня, сударыня, съ какой стати Ивановъ-то корить изволите! Напрасно *обиждаете*—Богъ съ вами! я ни

въ какой винѣ не виновата; лопни мои глаза, коли въ чемъ виновата. Аль няньки слушаете, такъ она вамъ то наскажетъ, чего и во снѣ никогда не видѣлось...

— Ну хорошо, хорошо! а ты веди себя поскромнѣе, такъ никто ничего и говорить не станетъ. Да ступай, зачѣмъ тебя посылають, и скажи, чтобъ сѣрку напоили и привязали гдѣ нибудь въ тѣни.

Выслушавъ нотацию хозяйки, дѣвка всхлипывая и утирая слезы передникомъ, вышла.

— Побранила дуру, а самой жалко стало, думала Наталья Ивановна, по уходѣ горничной. Долго-ли занапрасно человѣка обидѣть! А ужъ и сплетница моя Михайловна, сплетница, какихъ на рѣдкость; и еслибъ все слушать, все принимать, что она говоритъ, такъ и Боже мой! И давно-бы я ее къ шаху, да что дѣлать, дѣти любятъ старую.

Вошла горничная съ тарелкой льду и не глядя сказала:

— Мавра Григорьевна пришла.

— Зови ее сюда!

Спустя минуту по уходѣ горничной, вошла въ спальню крошечная, пожилая женщина, въ ситцевомъ ватномъ капотѣ, повязанная черной косынкой по самые брови.

Помолясь на образа, она подобострастно обратила къ хозяйкѣ свое маленькое личико, украшенное на правой щекѣ черной бородавкой и, съ низкимъ поклономъ, проговорила робко:

— Здравствуйте, сударыня, Наталья Ивановна-съ! Какъ находитесь въ вашемъ драгоценномъ здравіи-съ?

— Помаленьку, Мавра Григорьевна, отвѣчала хозяйка, привѣтливо поцѣловавшись съ пришедшей. Какъ ты поживаешь? да что стоишь! садись, пожалуйста, гостя будешь.

— Покорнѣйше благодарствуемъ сударыня-съ, проговорила Мавра Григорьевна, кой-какъ прильнувъ на край стоявшаго у дверей стула; живемъ по сиротски, покуда Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ.

— Ну что твоя дочка, что она подѣлываетъ? разспрашивала ласково Наталья Ивановна, приходя минута отъ минуты все болѣе въ спокойное расположеніе духа.

— Одно у ней дѣло, сударыня Наталья Ивановна, кру-

жева плететь-съ; заказы таки есть, благодаря Бога. Дѣло сиротское, надобно кормиться сударыня-съ.

— Разумѣется такъ. Чтобъ тебѣ съ ней прійти когда нибудь? я люблю твою Дашу; такая она дѣвушка скромная...

— Покорнѣйше благодарствую, что похвалили, матушка, и Мавра Григорьевна опять низко поклонилась.

— Гдѣ ужъ, сударыня, намъ васъ безпокоить-съ!

— Вотъ какіе пустяки! Ну что, я думаю къ дочкѣ и женишки сватаются? Сколько ей лѣтъ?

— Вмѣсто отвѣта Мавра Григорьевна встала, подошла на цыпочкахъ къ хозяйкѣ и повалилась ей въ ноги.

— Что ты! что ты, Мавра Григорьевна! воскликнула съ изумленіемъ Отрубевы, вставъ со стула; встань пожалуйста, встань!

— Вѣдь я, матушка вы моя, просватала Дашу-то, за кузнеца просватала, говорила Мавра Григорьевна, все еще лежа на полу.

— Ну и слава Богу. Да встань-же пожалуйста!

— И пришла я, сударыня, не оставьте при такомъ дѣлѣ насъ сиротъ своей милостью...

— Какая ты упрямая, встань же пожалуйста!.. Лучше Богу кланяйся... Да расскажи-ка все по порядку.

Наслыу встала съ полу Мавра Григорьевна и, утирая слезы, усѣлась опять на краекъ стула.

— Ужъ простите... ужъ извините, сударыня Наталья Ивановна, на моей смѣлости! Не взыщайте, что утруждаю васъ.

— Постараюсь помочь чѣмъ могу. Да скажи-ка каковъ женихъ-то? Невѣста-то хороша.

— Говорятъ непьющій, вдовецъ, четверо дѣтей, сударыня, годовъ такъ сорока пяти.

— Что-жъ это ты такую молоденькую да за старика хочешь выдать?

— Гдѣ-жъ намъ сударыня разбирать? дѣло сиротское! Этотъ большаго приданаго не спрашиваетъ.

— Ну, а невѣста его видѣла?

— Какъ же, сударыня-съ. Съ Пасхи сватовство-то тя-

нется. Ее и водили къ Царю Константину къ вечерни; она ему *пондравилась*.

— Еще-бы! А невѣста-то что говорить.

— Что? извѣстно плачетъ. Дѣло дѣвичье, сударыня, дѣвухи всѣ плачутъ, и я плакала...

— Послушай, что я тебѣ скажу: откажи ты этому жениху; для твоей дочери женихъ найдется получше; я переговорю съ Петромъ Васильичемъ, и помаленьку все Богъ устроитъ; Даша еще не остарокъ, время терпитъ, сказала Наталья Ивановна и велѣла вошедшей горничной ставить самоваръ и подавать въ залъ. Ударили къ вечернѣ; Отрубевва перекрестилась и принялась убирать въ комодъ свою не начатую работу.

— Что-же это-съ? какъ-же это-съ? говорила перѣшительно, ошеломленная словами хозяйки, Мавра Григорьевна: какъ-же это-съ? Вѣдь ужъ мы на словѣ положили-съ.

— Ну что-жъ? лучше я думаю теперь взять слово назадъ, чѣмъ заставить дѣвуху плакаться и жаловаться на всю жизнь... Не уже-ли радостно ей будетъ житье въ семнадцать лѣтъ, съ четырьмя чужими дѣтьми, да еще въ бѣдности?

— Вѣдь ужъ, сударыня-съ, у меня и роспись-то имъ отдана-съ, твердила свое Мавра Григорьевна.

— Перестань ты съ своею росписью. Роспись: — два платья старыхъ, да третье въ дырахъ. — Откажи, да и все тутъ! — сказала горячо и рѣшительно Наталья Ивановна. — Эй, Любашка! подай стаканъ! —

Горничная подала стаканъ; хозяйка налила въ него пива изъ кружки и приказала подать Маврѣ Григорьевнѣ. У бѣдной вдовы дрожали руки; она боялась смотрѣть на Наталью Ивановну; сердце ея билось тревожно; она внутренно не соглашалась съ хозяйкой, но противорѣчить не смѣла, — тѣмъ болѣе, что отъ нея ожидала помощи. Чтобъ успокоить или ободрить себя сколько нибудь, она хлѣбнула пива; пѣнистая брага бросилась въ носъ, Мавра Григорьевна закашлялась, слезы покатались изъ глазъ. Не зная куда поставить стаканъ, она почти все пиво вылила себѣ въ колѣни, и увидѣвъ лужу на полу, принялась вытирать сво-

имъ носовымъ платкомъ. Сконфуженная, и перепуганная, она готова была провалиться сквозь землю, а вертлявая Любашка какъ на зло хохотала надъ ней изподтишка.

Между тѣмъ Наталья Ивановна накинула себѣ на плечи свалившуюся кисейную косынку и пригласила Мавру Григорьевну въ залъ.

Залъ въ домѣ Отрубевыхъ находился въ срединѣ дома, какъ и во всѣхъ купеческихъ домахъ старинной постройки. Два огромныхъ зеркала, оба цѣльные, въ золоченыхъ рамахъ, занимали простѣнки между окнами; подъ зеркалами стояли чинно два ломберные столика подъ камчатными скатертями. У стѣнъ стояли стулья съ высокими выгнутыми спинками, обитые желтой шелковой матеріей. Возлѣ одной изъ боковыхъ стѣнъ, стоялъ огромный шкафъ съ чайной посудой саксонскаго фарфора; на противоположной сторонѣ другой съ серебромъ, задернутый зеленою тафтою. Полъ былъ паркетный.

На право, возлѣ двери, стоялъ высокій футляръ съ стѣнными часами. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько картинъ изъ священной исторіи старинной французской гравировки, въ золоченыхъ рамахъ. На потолокъ, въ красноватыхъ облакахъ, былъ нарисованъ Юпитеръ во всемъ своемъ олимпійскомъ величїи; возлѣ него разрумяненная Юнона, облокотившаяся на своего павлина, съ самымъ радужнымъ хвостомъ. Орелъ, сидящій у ногъ Юпитера, приходился въ центрѣ потолка, и въ своемъ клювѣ держалъ большую люстру изъ граненаго хрустала, спускавшуюся надъ большимъ круглымъ столомъ. На этотъ столъ иногда ставились закуски для гостей, которыхъ Петръ Васильчъ не хотѣлъ принимать въ своей парадной гостиной, бывшей по большей части затворенною. Теперь на этомъ столѣ кипѣлъ самоваръ. Въ открытыхъ окнахъ были опущены живописныя гардины, съ нарисованной на нихъ охотой; красноватый колоритъ ихъ чуть пропускалъ матовый свѣтъ въ комнату, и она казалась въ какомъ-то полу-мракѣ.

— Ну вотъ здѣсь по прохладнѣе.... фу! Наталья Ивановна сѣла къ столу. Садись сюда по ближе, Мавра Григорьевна! но взглянувъ на гостью, она увидѣла, что та

стояла въ дверяхъ, глядѣла на лоснящійся паркетъ, и никакъ не рѣшалась войдти.

— Чтожъ ты стоишь!.... Поди сюда, садись пожалуйста поближе!

— Помилуйте-съ, сударыня Наталья Ивановна, боюсь натоптать-съ.

— Вотъ пустяки! Ахъ какая ты право!

Мавра Григорьевна вошла и помѣстилась у дверей. Ни какія убѣжденія хозяйки не могли ее заставить сѣсть къ столу; на всѣ уговариванья присѣсть бѣдная вдова только кланялась.

Хозяйка что-то пошентала, нырившей около стола горничной; та вышла, и черезъ минуту воротилась съ маленькимъ подносомъ, на которомъ стояла рюмка съ красной жидкостью, и поднесла ее гостѣ.

— Что это? Что это-съ, Наталья Ивановна, сударыня? лепетала, вскочивъ Мавра Григорьевна.

— Ничего, это вишневка, сладенькая.... Выпей, выпей, Мавра Григорьевна!

Мавра Григорьевна не смѣла долго отговариваться и выпила, хотя вовсе никогда не пивала; потомъ хотя и не ровными, но уже болѣе смѣлыми шагами, подошла къ столу за чашечкой; а потомъ какъ бы почувствовала маленькую бодрость, и рѣшилась заговорить:

— А что, сударыня Наталья-съ Ивановна, чай дорога эта матерья-то-съ, чтò у васъ стулики обиты? вѣдь атласъ-съ, проговорила она, водя рукою по подушкѣ сосѣдняго стула.

А право не знаю, вѣдь у насъ вся *мебель* изъ Пятера выписана готовая; это старая, а въ гостиной поньче къ Рождеству выписали новую, отыѣчала хозяйка съ маленькимъ тщеславіемъ.

— Охъ, моя сударыня, ужъ какъ хорошо-то у васъ! этикіе, подумаешь палаты-съ, Господи Боже мой!.... Это собачки-съ, какія прекрасныя, жаркія-съ.... Мавра Григорьевна говорила о собакахъ на гардинахъ, которыхъ солнечные лучи изъ коричневыхъ превратили въ оранжевыхъ. Потомъ она закинула свою крошечную голову и смотря на потолокъ

чуть не перекрестилась. Наталья Ивановна замѣтила это и улыбулась.

— Это написанъ языческій богъ Юпитеръ съ женою, объясняла она.

— Какъ, сударыня, богъ Юпитеръ-съ?

— Да. Это Петръ Васильичъ сказывалъ давно было, когда люди не крещены были еще, такъ поклонялися богу Юпитеру.

— Эко, сударыня-съ, какое пмячко мудренное-съ....

Стѣнные часы пробили, и заиграли какую-то арію. Хотя одна дудка сплыво хрипѣла и отставала отъ прочихъ, но Наталья Ивановна, постоянно слѣдившая за ихъ вѣрнымъ ходомъ, и не думала подозрѣвать этой продѣлки, да, кажется, и самъ Петръ Васильичъ едва ли ее замѣчалъ. Что же касается до Мавры Григорьевны, то она была въ совершенномъ восторгѣ, даже слезы навернулись на ея глазахъ.

— Ужъ истинно райскія забавы-съ, Наталья Ивановна, сударыня-съ! промолвила она накрывая чашку.

Наталья Ивановна улыбулась. Какъ ни ничтожна была ея гостья, но все таки видя возлѣ себя посторонняго чело-вѣка, Отрубева невольно развеселилась.

— Тебѣ *нравится* здѣсь; поди-ка, посмотри гостиную-то нашу, сказала вставая Наталья Ивановна, и отворила дверь въ гостиную. Мавра Григорьевна робко на цыпочкахъ побрела за хозяйкой.

Въ гостиной Отрубевыхъ зеленыя стѣны, расписанныя подъ штофную матерію, шелковые съ бахромой занавѣсы у оконъ, и бархатная малиновая мебель, которую вчера выбивали и не надѣли еще чохловъ, поразили Мавру Григорьевну.

— Господи! этакой чертогъ! воскликнула она всплеснувъ руками; вѣдь это настоящий бархатъ венецейскій-съ! промолвила она, пощупавъ стулъ. Наталья Ивановна промолчала, улыбувшись.

Четыре такихъ зеркала, какъ и въ залѣ, занимали четыре простѣнка. Двѣ узенькія софы, на кривыхъ ножкахъ, стояли возлѣ стѣнъ. Надъ одной софой висѣли большіе пор-

треты Кутузѣва и Баркляя-де-Толли, надъ другой портреты хозяйина съ хозяйкой; всѣ писанные масляными красками.

— Это вы сударыня-съ? Живые ей-Богу-съ, и косынка кивареечнаго цвѣта, и жемчугъ.... совсѣмъ живые-съ. Мавра Григорьевна подобострастно глядѣла на портреты, особенно на портретъ Петра Васильча, смотрѣвшаго гордо и слегка намурившаго брови. И наконецъ смотря на люстру, изъ большаго зеленаго куска хрустала, въ видѣ вазы, увѣряла, что это чистѣйшій настоящій изумрудъ, и любовалась красавицей Венерой, страстно смотрѣвшей съ потолка, у которой золотая пуговка надъ разрѣзомъ воздушной тунники была чрезвычайно натурально сдѣлана.

— Вы два царства царствуете, сударыня Наталья Ивановна-съ: на здѣшнемъ-то свѣтѣ увеселитесь, да и на будущемъ себѣ мѣстечко изрядное приготовили-съ, говорила Мавра Григорьевна въ умиленіи, оставляя гостиную.

— Ну, Мавра Григорьевна, на томъ-то еще не извѣстно, проговорила вздохнувъ Наталья Ивановна.

— Что вы, матушка-съ! да для кого же и рай-то пресвѣтлый приготовленъ-съ, какъ не для милостивыхъ? А вы-съ.... Мавра Григорьевна сама удивлялась своей смѣлостію.

— Въ рай ведетъ узкій путь, а мы грѣшныя идемъ широкой дорогой, замѣтила хозяйка, вздохнувъ глубже прежняго.

— А добродѣтель-то ваша-съ, добродѣтель-то-съ! она всѣ грѣхи, сударыня, покроетъ.... Ну развѣ это не добродѣтель, что вы меня-то бѣдную сироту-съ какъ привѣтили-то-съ, не погнушались моею бѣдностью, посадили вы меня съ собой-съ, обласкали и чайкомъ напоили-съ, и не оставленье свое сиротѣ-то моею общали-съ? Не оставь васъ, Господи, самихъ! Мавра Григорьевна утирала глаза.

Наталья Ивановна махнула рукой.

— Какія наши добродѣтели, сказала она! Но у самой на сердцѣ чувствовалось очень хорошо — отъ словъ-ли признательной женщины, или отъ сознанія, что она въ самомъ дѣлѣ поступаетъ хорошо — въ этомъ она не могла себѣ дать яснаго отчета.

— Вбѣжалъ младшій сынъ Отрубевыхъ, мальчикъ году по девятому, пухлый, круглолицый, съ русыми плотно выстриженными волосами, въ *платиць*, (куртка пришитая къ панталонамъ) изъ полуселковой полосатой матеріи и въ кружевномъ воротничкѣ; онъ въ обѣихъ рукахъ несъ пуки душистой сирени. Нянька сзади его несла полный передникъ цвѣтовъ черемухи.

— Оединька! Оедоръ Петровичъ! Поцѣлуй у маменьки, сударь, ручку, сказала нянька.

Оединька поцѣловалъ у матери руку.

— Ну гдѣ ты, дружокъ, погулялъ? А?

— Въ саду.... Видишь, какіе хорошіе цвѣточки....

— Не изволишь-ли, душечка, чайку? говорила Наталья Ивановна, поцѣловавъ сына и глядя его по головѣ.

— Дай! отвѣчалъ Оединька, кладя цвѣты на столъ.

— Говори, Оединька: пожалуй, маменька, учила нянька.

— Скажи, душечка: позвольте маменька-съ, повторила сама мать.

— Позвольте маменька-съ, повторялъ за ними мальчикъ машинально.

— Здравствуйте, сударь, Оедоръ Петровичъ, отозвалась Мавра Григорьевна, низко кланяясь.

— Кланяйся, Оединька! Это Мавра Григорьевна троюродная сестра твоего папеньки, сказала Наталья Ивановна.

Оединька только поглядѣлъ на бѣдную родственницу; костюмъ и наружность ея видимо его озадачили.

— Пожалуйте ручку-съ, Оедоръ Петровичъ?... пожалуйте ручку поцѣловать-съ? сказала Мавра Григорьевна.

— Оединька, дай ручку! молвила нянька.

Оединька протянулъ, не глядя, руку.

— Этакой умникъ! этакой красавецъ ненаглядный, судырь-съ! говорила Мавра Григорьевна: весь въ васъ, весь въ васъ, сударыня Наталья Ивановна, двѣ капли воды-съ вы.

— Напротивъ, онъ весь въ отца — носъ и глаза его, отвѣчала Наталья Ивановна, наливая сыну чаю, и поглядѣвъ на него пристально.

— Я ни въ мать, ни въ отца, въ прожьсаго молодца! проговорилъ сынокъ, усаживаясь за чай.

— Что это ты, судырь Федоръ Петровичъ?

— Помилуй, Оединька! Развѣ можно такъ говорить? воскликнули въ одинъ голосъ нянька и мать.

— Откудова, отъ кого ты научился такія рѣчи говорить? спросила съ досадою послѣдняя.

— Да Степка (сынъ кухарки) и всегда такъ говорить, когда Иванъ кучеръ его спрашиваетъ: Степка! на кого ты похожъ, на отца или на мать?

— Степка, душенька, рабскій сынъ, тебѣ съ нимъ равняться не слѣдъ, и говорить то, что онъ, дуракъ, говорить, не должно. А ты нянька чего глядишь? Развѣ я тебѣ не говорила, чтобъ Оединькѣ разговаривать много съ рабами не давать! Видишь что онъ у нихъ перенимаешь.

— Да какъ-же.... Помилуй, сударыня, перебила не перемонно старуха: положимъ, что Оединька и ваше дѣтище, — да все же онъ, сударыня, еще дитя младое, и все то одинъ одишешенекъ. Посиди-ка и ты большой человекъ одинъ то, такъ одурь возьметъ. А онъ извѣстно ребенокъ и порѣзвиться хочетъ. Ну, а Степка мальчишка однихъ съ нимъ лѣтъ, ну и поиграютъ, въ лошадки побѣгаютъ.

— Въ лошадки пусть побѣгаютъ, а болтать съ ними много не должно давать.... Ну кабы Оединька сказалъ это при гостяхъ! А? вѣдь онъ бы голову снялъ! — молвила мать.

— Этакое важное дѣло!... ужъ такъ-бы ребенка и осудили! Вѣдь онъ по глупости.

— Я знаю, что ты спорить съ хозяйкой любивъ и оправдываться тоже мастерица, сказала съ неудовольствіемъ Наталья Ивановна. А что діаконъ еще не бывалъ? Долго что-то сегодня нѣтъ его.

— Ужъ прости, сударыня, Христа-ради: приходилъ онъ, да я отказала; солгала матушка, что молъ сегодня Наталья Ивановна ученьемъ заниматься Оединькѣ не приказала.... Отвѣчала нянька.

— Это что еще такое значить! произнесла съ негодованіемъ Отрубевая. Ты что это выдумала распорядиться! мы будемъ стараться дѣтей учить, а ты мѣшаешь.... Нѣтъ ужъ, нѣтъ это изъ рукъ вонъ, я скажу Петру Васильичу.

Мавра Григорьевна сидѣла ни живая, ни мертвая, и со страхомъ взглядывала на раскраспѣвшееся лице хозяйки.

— Такъ чтожь! Ну, и скажи, сударыня. Экая вина моя большая! Будто я матушка и не перенесу чегонибудь за Ѳединьку-то перенесу, все перенесу, за него моего голубчика, дребезжала расхोдившаяся нянька.

— Ступай вонъ, старая грубиянка! вскрикнула Наталья Ивановна.

— Уйду, уйду, сударыня. Да и ты пойдемъ въ дѣтскую, судырь Ѳедоръ Петровичъ, говорила нянька, пятысь къ двери: а то опять маменька какуюнибудь еще *фальшу* найдетъ...

— Хорошо, хорошо, убирайся!... А ты, Ѳединька, въ другой разъ, дружокъ, такъ не дѣлай, и глупой своей няньки не слушай; она, видишь, изъ ума выжила, говорила мать сыну: ты долженъ, душенька, помнить, что папенька желаетъ чтобъ ты учился....

— Ученье ваше — мученье да и только, въ чахотку вгоните ребенка. Ипъ онъ и такъ какой сердечной испитой: въ чемъ душа держится; только что весны матушка дождалась, теплынь такая, всякая мушка отдохнула, только бы и гулять теперь дитяти, а вы.... Нянька уже стояла у порога и держалась за ручку замка, но не переставала пѣть свое.

— Слышишь Ѳединька! а не то, если маменьки ты не будешь слушать, то я скажу папенькѣ, и онъ тебя поставитъ въ уголъ, слышишь!

— Слышу! очень равнодушно отвѣчалъ сынъ, хладнокровно пившій чай, съ повязанною вокругъ шеи салфеткою, и очень хорошо знавшій, что его въ уголъ не поставятъ, а поставятъ въ назиданіе его Степку, на котораго ему прикажутъ казнить.

Въ эту минуту вышла изъ спальни нянька Ѳедора, женщина лѣтъ тридцати, полная и красивая, въ шелковомъ новоишникѣ и цвѣтныхъ бусахъ на шеѣ; на рукахъ она держала, пухленькую съ прищуренными глазками дѣвочку, лѣтъ двухъ, въ розовомъ чепчикѣ и кисейномъ платьицѣ.

— Вотъ и мы къ маменькѣ пришли, сказала нянька,

пріятнымъ голосомъ: Анфиса Петровна, *барышня* моя ненаглядная, сдѣлайте маменькѣ-съ *ручки*.

Дитя приложило рученку къ губамъ, и смѣясь потянулось было къ матери, но какъ будто одумалось, отвернулось, и обняло няню.

— Фисочка, Фисочикъ! Чтожъ, мой ангелъ, нейдешь ко мнѣ! Поди, я сахарку дамъ, говорила Наталья Ивановна, держа въ рукахъ кусокъ сахара.

Дитя поглядывало на сахаръ, но крѣпко держалось за шею няньки.

— Ненаглядная моя *барышня*, Анфиса Петровна! голубочка моя, подите къ маменькѣ! Упрямиться не надобно. Скажите: здравствуйте маменька!

— Маменька! пролепетало дитя и протянуло матери руки; потомъ такъ быстро бросилось, что Наталья Ивановна едва удержала ее.

Ласкамъ и поцѣлуямъ конца не было. Мавра Григорьевна чуть не плакала отъ умиленія.

— Ангелъ, шептала она громко, сущій ангелъ!

Разцѣлювавъ свою маленькую дочь, Наталья Ивановна приказала нянькѣ Федорѣ идти съ ней въ дѣтскую.

— Любашка! снеси мои цвѣты въ дѣтскую! приказалъ Оединька, поблагодаривъ мать за чай, и отправился вслѣдъ за ушедшей нянькой.

— Постой! подари мнѣ дружечекъ, хоть одинъ букетикъ, сказала ласково мать.

— Возьми! отвѣчалъ сынъ.

— Ты скажи, душенька: извольте взять маменька-съ.

— Извольте взять маменька-съ, повторилъ Федя машинально за матерью.

— Спасибо, дитя мое, поди, Господь съ тобою.

Наталья Ивановна стала нюхать букетъ, а Федя съ горничной вышелъ.

— Этакой, сударыня, сыночикъ-то у васъ умница-съ! замѣтила Мавра Григорьевна, вставъ, чтобъ откланяться; вѣдь что ни скажетъ, точно рублемъ подарить-съ, точно лѣтъ пятнадцати-съ.

— Не знаю, что будетъ впередъ, а теперь, благодаря Бога,

такой *смирный*, отвѣчала самодовольно мать. Да куда жъ ты торопишься, Мавра Григорьевна? Посиди!

— Премного благодарствую, сударыня-сь.... Ужъ такъ словно въ раю у васъ насидѣлась.... Прежде знаете я у вашей милости хоша и бывала, то въ дѣтской, то въ спальнѣ посидишь, а ужъ сегодня нарасовалась я, моя матушка....

Дверь тихонько отворилась, и вошла женщина въ какомъ-то черномъ *шуралѣ*, подпоясанная ремнемъ, и покрытая чернымъ драдемамовымъ платкомъ.

Положивъ три поклона передъ образомъ, она произнесла на распѣвъ гнусливымъ голосомъ.

— Миръ дому сему — и господину и госпожѣ дома сего; миръ и милость Божія во вѣки. Аминь.

— Милости просимъ, Марья Степановна! Садись-ка, садись! Хозяйка привѣтливо поцѣловалась съ гостьей и посадила ее возлѣ себя.

— Грѣшная раба Божія Мамельфа, отвѣчала пришедшая также на распѣвъ: ужъ такъ-то мнѣ опротивѣлъ сей миръ прелестный и лукавый, что даже имя-то свое мірское я готова совсѣмъ забыть и зараньше нарекла себя Мамельфой; и если Господь приведетъ дойти мнѣ до святаго и славнаго града Кіева, то не медленно, но пришествіи своемъ, буду просить постряженія.

— Я думаю прежде надобно выдержать искусь, Марья Степановна, въ какомъ нибудь монастырѣ?

— Грѣшная раба Божія — сестра Мамельфа. Прошу тебя называй ты меня, моя добрая, этимъ возлюбленнымъ именемъ.

— И такъ, сестра Мамельфа, я думаю, монастырскій искусь долженъ продолжаться сколько нибудь.

— Искусь, ты говоришь? О, возлюбленная! я уже искусилась; двадцать лѣтъ странствую я изъ монастыря въ монастырь; во многихъ изъ нихъ проживала я годичное, и даже двухъ-годичное время, и уставу монастырскому навыкла совершенно.... О Господи! не вмѣни сіе въ тщеславіе! Будущая Мамельфа подняла свое длинное узкое лицо къ верху, но въ ея тусклыхъ и безцвѣтныхъ глазахъ, увы! не выразилось ни вѣры, ни надежды, ни любви, ни внутрен-

ней энергіи, ни даже смиренія; это была статуя, говорящая скрытымъ механизмомъ. Даже мысли не слышалось въ ея монотонномъ голосѣ.

— Можно чайку? спросила хозяйка.

— Если не въ трудъ твоему великодушію, то не откажись, во славу Божію: *духъ бо бодръ, плоть же немощна...*

— Любашка! вели подогрѣть самоваръ, молвила Наталья Ивановна входившей горничной. И самоваръ исчезъ со стола.

— А это кто у тебя, моя возлюбленная? Ужъ вѣрно бѣдная или сирая, которыхъ ты мать? спросила Марья Степановна у хозяйки, показывая на Мавру Григорьевну.

— Это наша сродственница.... Вотъ она заботится бѣдная какъ-бы дочку сироту пристроить: говорю молю, за сиротами Богъ....

— Да, конечно за сиротами Онъ Творецъ премилосердый; но какъ же ты говоришь, пристроить?..

— Да просто замужъ выдать.

— А! Что ты это хочешь дѣлать, жена убогая! Сочетаваши свою дщерь міру лукавому и прелестному. Да знаешь-ли, чего ты ее лишаешь, какой мзды, если-бы, она въ дѣвахъ осталась!

Мавра Григорьевна робко поглядѣла на будущую монахиню и сказала:

— Матушка! Вѣдь мы люди бѣдные, въ монастырь безъ денегъ не примутъ.

— Все деньги-то у васъ на умѣ.... богатство погубительное и тлѣнное. Вотъ я развѣ богата? А развѣ христолюбцы не питаютъ меня пищею манною? И я во молодыхъ лѣтахъ оставила домъ родительскій, бѣжала удобства и покою временнаго, дабы обрѣсти покой вѣчный, и вотъ скитаюсь, летаю аки вольная птица.

— Однако-же, сестра Мамельфа, вѣдь священное писаніе не осуждаетъ сочетающихся законнымъ бракомъ? вѣдь не у всякой же молодой дѣвицы достанетъ терпѣнія и силъ, совершать такія странствія, какія ты совершаешь, говорила Наталья Ивановна, поддѣлываясь невольно подъ языкъ будущей монахини. А и въ монастырѣ-то тоже всякія боренія

предстоятъ, много хорошо начинающихъ, и мало хорошо кончающихъ; другіе увлекутся минутнымъ желаніемъ, а послѣ и раскаяваются, не находя въ себѣ довольно твердости, совершить трудный путь. Отчего на примѣръ, и ты сама до сей поры не осталась на постоянное жительство ни въ одномъ монастырѣ?

— Конечно, много званыхъ, а мало избранныхъ, проговорила странница, опять поднявъ глаза къверху: но я, моя возлюбленная.... чувствую въ себѣ къ тому особенное призваніе. А что я до-сихъ-поръ не основала еще своего постоянного жительства, такъ это оттого, что врагъ рода человѣческаго возставалъ на меня: въ иномъ монастырѣ, сестры, видя мои подвиги, озлоблялись на меня, и гнали по наущенію дьявольскому, въ другомъ я сама, видя, что предпочитаютъ мнѣ слабѣйшихъ и неискусныхъ послушницъ, отходила отъ соблазна.... А все это строить ненавистникъ нашего спасенія.... Какъ я у тебя была прошлый разъ, моя возлюбленная, ты объявила свое желаніе, идти въ святыи градъ Кіевъ, теперь настало время благопріятно.... договорила она, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Что дѣлать, матушка! желаніе-то мое, да воля-то не моя; давно я обѣщалась въ Кіевъ, еще въ первый годъ замужества, тогда у меня мужъ хворалъ, при-смерти былъ.... ну я и дала обѣщаніе въ Кіевъ, а теперь прошусь, такъ онъ говоритъ: какъ ты пойдешь? да гдѣ тебѣ пѣшкомъ! да какъ дѣтей и домъ оставишь! Погоди, говоритъ, вмѣстѣ, Богъ-дастъ съѣздимъ.... Вотъ и толкуй съ нимъ.... а обѣщаніе-то мое на душѣ лежитъ, не знаю, какъ Богъ устроить отвѣчала Наталья Ивановна.

— Вотъ она, вотъ замужняя-то жизнь! А я-то, я! какъ птица небесная.... никто меня не одерживаетъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ.... Ну, такъ чтожь ты намѣрена дѣлать?

— Что дѣлать! Я говорю, что воля не моя, вѣрно еще подождать надо.

— Не должно поддаваться врагу рода человѣческаго.... вѣдь это все дѣлается по его наущенію. А знаешь-ли, какъ прежде святые жены мужей оставляли....

— Любовь къ Богу великую имѣли.... сказала Наталья Ивановна, помолчавъ. По правдѣ сказать, и отпустилъ-бы

меня мой мужъ въ Кіевъ, если-бы мнѣ настоять на томъ; но ужъ это моя собственная слабость, что не люблю ссоры съ нимъ заводить; да и Богъ знаетъ будетъ-ли польза, отъ моего богомолья, когда мужъ гнѣваться да роптать станетъ? а я разстроюсь, буду тосковать. Хорошо молиться въ спокойномъ духѣ....

— Правда твоя; такъ что жъ Богъ и укрѣпить духъ, когда ты оставишь всѣ мірскія заботы...

— Нѣтъ, не могу я не заботиться о дѣтяхъ; что дѣлать, слаба, промолвила со вздохомъ Отрубевы.

— А какъ-бы мы съ тобой славно постранствовали, возлюбленная!.. ты бы наняла лошадокъ до Москвы, — а тамъ, пріявъ посохи, пошли бы мы по разнымъ монастырямъ; вездѣ бы я тебя выводила. Сколько мнѣ знакомыхъ игуменій, сколько честныхъ духовныхъ старцевъ, и ты, слушая ихъ, узнала бы совершенную тщету міра сего...

— Я прямо, безъ доклада... Здравствуйте мой свѣтъ, Наталья Ивановна... Здорово ли поживаете? воскликнула, входя въ комнату, съ большимъ узломъ въ рукахъ, высокая старуха, въ синемъ камлотовомъ каютѣ, накрытая шалевымъ платкомъ.

То была Авдотья Петровна, торговка по ремеслу, известная почти каждому въ Привольскѣ; она принимала на комиссію для продажи разнаго рода вещи: старое платье, и даже вышедшія изъ моды, шляпки привольскихъ щеголихъ. Входя въ всѣ дома, она отлично знала всю подноготную жителей Богомъ хранимаго града Привольска. Хотя заочно и звали ее вѣстовщицей и старой колотовкой, но всегда были рады ся приходу, потому что надѣялись услышать отъ нея какую нибудь новость, которая у ней всегда была въ запасѣ.

— Здорово, Авдотья Петровна!.. ты съ торгами не бось? молвила ласково хозяйка:

— Съ торгами-то съ торгами, да только эвтотъ не для васъ, моя дорогая...

— Отчего же?

— Да тутъ у меня старое тафтяное одѣяло, рублей въ пятнадцать, да наволочки кисейныя, такъ бы какой небогаты невѣстѣ.

— Такъ что жъ! у меня можетъ и невѣста есть; оставь у меня узелъ, и приди завтра, сказала Наталья Ивановна; а теперъ садись, напейся чайку, да потолкуй... Невѣста-то у меня хороша... (у Мавры Григорьевныг, сидѣвшей до сей поры молча и слушавшей разговоръ хозяйки со странницею, ёкнуло сердечко) да, невѣста-то славная дѣвушка, рукодѣльная... продолжала Наталья Ивановна. Нѣтъ ли у тебя, Авдотья Петровна, женишка?

— Вотъ ужъ эвтимъ-то ремесломъ не занимаюсь я; сударыни мои; отвѣчала торговка, усаживаясь, вотъ моя хозяйка, такъ пожалуй, она недавно стянула одну свадебенку. Лихая сваха, божится, лобъ трещить, а на каждомъ словѣ жетъ... А ты какъ поживаешь, Мавра Григорьевна? спросила Авдотья Петровна у вдовы.

— Слава Богу, матушка Авдотья Петровна.

— Слава Богу!... А я собираюсь къ вамъ — одна барыня воротничекъ кружевной заказываетъ, такъ ужъ я къ твоей дочкѣ... ну а ты какъ сюда попала, Марья Степановна? Давно ли въ нашихъ Палестинахъ? говорила торговка, живо повернувшись къ страницѣ, и устремивъ на нее свои каріе пронцательные глаза.

— Какая Марья Степановна! раба Божія Мамельфа, отвѣчала та по обыкновенію своему на распѣвъ.

— Кто? Мамельфа?.. Развѣ ты ужъ постриглась?

— Нѣтъ еще, Господь не сподобилъ, однако я желала бы, чтобъ меня назвали именовъ, которымъ я назовусь въ постриженіи; такъ я возненавидѣла сей міръ прелестный, что даже желала бы забыть свое мірское имя.

— Господи помилуй насъ! я думала, что грѣшно презирать имя, данное при святомъ крещеніи; оно невиновато, что мы грѣшныя. Ну я думала, что ты давно гдѣ нибудь въ монастырѣ мать... мать... ну просто Марья Степановна... Здравствуетъ ли твой братецъ?

— Мы все о Христѣ братія, я незнаю о комъ ты спрашиваешь, сказала съ досадою странница?

— О комъ? извѣстно объ отцѣ Василѣ, священникѣ села Успенскаго.

— Развѣ ты знаешь сестру Мамельфу? спросила Наталья Ивановна.

— Еще бы! вѣдь она дочь отца Стефана, священника села Успенскаго, — старичекъ умеръ, а теперь ея братецъ, отецъ Василій священникомъ. Я и матушку-то ея знала; мы бывало рѣдкій годъ прежде не ходили въ Успенское на праздникъ... И отецъ-то Василій хорошій человекъ... что онъ здоровъ ли? спросила опять торговка у будущей монахини.

— Весь погруженъ въ суеты мірскія, отвѣчала послѣдняя съ досадою.

Горничная явилась съ самоваромъ.

— А вѣдь сестра Мамельфа всегда говоритъ, что она издалека, сказала хозяйка, наливая чай.

— Забывъ все земное, мы должны думать о небесномъ отечествѣ, проговорила странница, принимаясь за чашку.

— Петръ Васильичъ пріѣхалъ! сказала горничная, выглянувъ въ дверь, и вскорѣ дверь широко распахнулась, и хозяинъ окинувъ всѣхъ строгимъ взглядомъ, быстро прошелъ черезъ залу въ спальню, нахмуривъ брови, только слегка кивнувъ головой на поклонъ Авдотьи Петровны.

II.

Наталья Ивановна тревожно посмотрѣла на затворившуюся громко за своимъ супругомъ дверь, но осталась на мѣстѣ; Авдотья Петровна видимо торопилась допить чашку; странница-же совершенно равнодушно наливала какъ можно побольше сливокъ, желая, во-что-бы ни стало, поймать жирную пѣнку, которая то и знай скрывалась подъ отливъ серебрянаго молочника. Одна только Мавра Григорьевна страшно оробѣла; кой-какъ пролепетала хозяйкѣ благодарность за угощеніе и неоставленіе, откланялась всѣмъ и поспѣшила уйти.

— Смотри же, Мавра Григорьевна, сдѣлай то, что я тебѣ говорю!.. ты у меня не погуби Дашу... не погуби, говорила ей въ слѣдъ въ полголоса хозяйка.

— Очинно хорошо, сударыня-сь, очинно хорошо-сь!.. твердила бѣдная родственница, кланяясь въ дверяхъ.

— А вы ничего не слыхали про Катерину Васильевну, сударыня моя Наталья Ивановна? спросила почти шопотомъ Авдотья Петровна, которая тоже торопилась уйти, но, непременно желала сообщить ей известную свѣженькую новость.

— Нѣтъ, ничего не знаю... а что такое?

— Да, я была у нея давеча; теперь гостить у нихъ какой-то странникъ, Иванъ Павлычъ, и съ сестрой Марьей Павловной.

— Много есть на свѣтѣ людей Божьихъ, проговорила какъ-бы сама съ собою странница.

— Ну что-жъ они? спросила съ любопытствомъ хозяйка.

— Ничего. Иванъ-то Павлычъ, такой мужчина еще не старыи, въ себя худощавый, ходитъ босой и посохъ носить, моя красавица, желѣзный, претяжелѣющій. Про его Катерина Васильевна сказывала, что будущее узнаетъ!

— А ты его ни о чемъ не спрашивала? спросила живо заинтересованная Отрубевка.

— О чемъ мнѣ съ нимъ толковать?.. будущее-то мое мнѣ извѣстно; замужъ не пойду, богатства не наживу: коль потружусь, похожу съ узломъ-то, такъ и на кусокъ добуду, а залѣнусь, да дома просижу, ну такъ и голодная пробуду... Охъ-ма! матушка Наталья Ивановна! а тамъ Богъ по душу сошлетъ... такъ о чемъ мнѣ спрашивать-то? Отвѣчала Авдотья Петровна.

— По-крайней мѣрѣ, онъ можетъ скажетъ: долго-ли проживешь, сказала хозяйка.

— Все равно матушка. Правда, умереть не хочется; а и старости-то боюсь, хворой да одинокой... Охъ тяжело безродной!.. за мужъ не вышла...

— Благуя часть избрала, замѣтила странница: христовлюбцы пропитаютъ.

— Хорошо это тому говорить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ, и кто привыкъ безсовѣстно надѣяться безъ труда на чужой хлѣбъ, почти сердито молвила старая торговка.

— Ну, а сестра-то Ивана Павлыча? спросила Наталья Ивановна.

— Охъ... сударыня вы моя — вотъ ужъ ова-то мнѣ и *непондравилась!*

— Отчего-же?

— Да такъ; глаза у ней такіе скоромные, даромъ что вся въ черномъ, однако еще молода. И Авдотья Петровна стала прощаться.

— Оставь же узель-то свой, а завтра побывай, побывай Авдотья Петровна, безпремѣнно. Мнѣ нужно съ тобою по-толковать, говорила Наталья Ивановна.

— Любашка! убирай самоваръ! да спроси Петра Васильевича, не прикажетъ ли онъ для себя его поставить, приказала хозяйка вставая.

Любашка съ самоваромъ ушла; осталась Наталья Ивановна вдвоемъ со странницей.

— Бозлюбленная моя! воскликнула послѣдняя: я къ тебѣ съ моей нужной просьбою, духъ-бо бодръ, плоть же не мощна, иду я грѣшная въ дальній путь, ряска моя ветха, есть другая, та на ватѣ, въ пути тяжела: сотвори любовь, одѣнь мое грѣшное тѣло; иѣтъ ли у тебя камлоту или чего-нибудь шелковаго по легче? коленкоръ али нанка скоро полиняютъ.

— Хорошо; я поищу. Зайди въ другое время!

— Иду въ дальній путь. Можетъ одолѣть немощь тѣлесная, тогда горскъ будетъ хлѣбъ съ пепломъ, захочется промочить запекшія уста, напримѣръ, чайкомъ, пожалуй ты мнѣ, хотя малое утѣшеніе; Господь тебя вознаградитъ большимъ...

— Чего же ты желаешь?

— Кабы рубликовъ пятьдесятъ на дорогу, — я бы и тѣмъ довольна была.

— Ну, пятьдесятъ не... знаю... а что могу. Ты придя въ другой разъ, Марья Степановна, сказала вставая хозяйка.

— Сестра Мамельфа, повторила странница, тоже вставая.

Простясь съ хозяйкой, странница остановилась у лѣстницы, придумывая, чтобы еще попросить, какъ выбѣжавшая изъ спальни горничная чуть было ее не сбила съ ногъ.

— Ну чего еще тутъ стоять-то! нечего стоять, надо и честь знать... пора и во-свосяси, говорила она грубо.— Ходите, да обираете только хозяйку. Ханжъ этакія. Ишь вамъ далась! кабы я была Петромъ Васильичемъ, такъ пугнула-бы васъ такъ, что и не заглянули бы! ишь святоша! міръ лукавый, міръ прелестный, а за деньгами первые руку протянете. Отъ міра отрѣклись, такъ нечего въ него и заглядывать.

— Возлюбленная... самъ діаволь говоритъ твоими устами... начала было странница, но толкнутая будто ненарочно озлобленной дѣвкой, хотя невольно, но скоро сбѣжала съ лѣстницы, говоря въ полголоса, уже не такіе напыщенные но довольно общепонятные эпитеты.

— Хорошо, хорошо! убирайся, покуда хозяинъ не вышелъ, кричала ей вслѣдъ горничная: а то еще и не такъ заговоришь!

— Рабыня вельзевулова, да спадетъ огонь на твою грѣшную главу, да пожретъ тебя глубина морская... злая раба доброй госпожи! выйдя на улицу выражалась озлобленно Марья Степановна, и съ угрожающимъ видомъ подняла руку.

Но обратимся къ хозяину дома, повидимому сердито прошедшему чрезъ залу въ спальню и довольно громко хлопнувшему дверью.

Петръ Васильевичъ Отрубевъ, былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, средняго роста, съ густыми кудреватými волосами, красивой окладистой бородой и смѣлаго гордаго вида. Созная свое нравственное превосходство надъ многими, онъ этого нисколько не таялъ; лицемѣрія не любилъ и имѣя ясный взглядъ на вещи, смѣло осмѣивалъ многое. На деньги смотрѣлъ, какъ на средство жить хорошо, и привыкъ всегда казаться богаче, чѣмъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ.

За нѣсколько надменное обращеніе называли Отрубева гордецомъ. Судя по этому бѣглому очерку его характера, очень понятно, почему онъ взбѣсплся, заставъ свою супругу въ такой *мизерной* компаніи. Вошедъ въ спальню, онъ смѣнилъ свой коричневой сюртукъ на шелковый съ красными полосками халатъ и, развязавъ галстухъ, принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

Порой останавливался противъ дверей, слушалъ разговоръ супруги въ залѣ, покачивалъ головой, взмахивалъ руками и опять принимался ходить. Наконецъ онъ сказалъ громко, услышавъ, что гости жены разошлись:

— Наталья Ивановна! пожалуй сюда!

— Сейчасъ! иду, иду, Петръ Васильичъ! отвѣтила Наталья Ивановна, и немедленно явилась передъ супругомъ.

— А-ахъ! молвилъ онъ съ упрекомъ, покачавъ головой.

— Что такое, батюшка Петръ Васильичъ?

— А-ахъ сударыня! повторилъ Петръ Васильичъ:— подумай-ка хорошенько, пристало ли тебѣ такую компанію водить? Подумай, кто ты такова, и кто твои гости? Вѣчно нищими, да ханжами себя окружаешь! гдѣ бы за хозяйствомъ за дѣтми смотрѣть, гдѣ бы въ чемъ мужу посовѣтовать, а ты, срамъ!.. Петръ Васильичъ плюнулъ.

Наталья Ивановна заплакала отъ незаслуженнаго упрека.

— Что жъ, я у тебя *мотушка* что ли какая? заговорила она: у меня ли худо хозяйство идетъ! я ли экономіи не знаю! у меня ли дѣти заброшены! одумайся, мой другъ, за что, ты меня обижаешь?

Петръ Васильичъ опомнился; ему жаль стало жены.

— Да подумай ты, сказалъ онъ мягче:— Мавра напри-мѣръ у тебя въ гостяхъ. Еще ханжа какая-то, или раз-стрига, торговка. И ты сидишь съ ними, перебиваешь, угощаешь ихъ, Наталья Ивановна *Отрубевка*! Да когда ты сама себя забываешь, такъ хоша бы помнила кто у тебя мужъ-то!

— Полно, мой другъ, Петръ Васильичъ! сказано: *Гордымъ Богъ противится*... проговорила супруга, утирая слезы; Мавра, что жъ такое Мавра? Она бѣдная женщина, а все-таки твоя сродница; пришла она по сиротству попросить дочь выдавать хочеть...

— Дай ей столько, сколько твое желаніе есть... развѣ я тебѣ запрещаю... чай тряпья-то у тебя есть и пере-есть, перебилъ мужъ:— а ужъ *компаниться* съ нею, распивать съ нею въ залѣ чай—нѣтъ Наташенька! воля твоя, а мнѣ не нравится...

— Другъ мой, Петръ Васильичъ, а по моему я думаю

такъ, что иной разъ бѣдному привѣтъ и ласки, въ тысячу разъ дороже милостыни; я думаю, теперь Мавра больше будетъ говорить о томъ, что сидѣла со мною, и я своими руками наливала ей чаю, — чѣмъ если бы я дала ей двадцать пять рублей... право такъ!

— Ты тоже имѣешь самолюбіе, только на другой манеръ, сказалъ какъ-будто самъ себѣ Отрубевъ.

Наталя Ивановна усмѣхнулась.

— А что я пригласила бездомную странницу выпить чашку чаю, то вина не велика; постороннихъ никого не было. Торговка же Авдотья Петровна, по своему ремеслу, и въ генеральскіе дома вхожа, а не только въ нашъ. По моему мой другъ, надобно всегда чувствовать, что, то, что сегодня имѣемъ, Богъ властенъ завтра отнять, и я могу сдѣлаться также бѣдна, какъ бѣдна Мавра...

Петръ Васильичъ на слова жены отвѣтилъ глубокимъ вздохомъ. Наталя Ивановна тоже вздохнула и замолчала, присѣвъ къ окну.

Петръ Васильичъ все ходилъ по комнатѣ и хмурилъ брови; по временамъ онъ вздыхалъ.

— Что жъ, мой другъ, такой ты не веселый? здоровъ ли ты? спросила ласковѣ супруга, когда онъ сѣлъ къ столу и облокотился задумчиво на руки.

— Ничего, отвѣчалъ онъ.

— Ужъ не случилось ли чего нибудь? спросила все болѣе и болѣе тревожная Наталя Ивановна: — гдѣ Пашенька?

— Пашенька ничего, остался въ лавкѣ.

— Что жъ, развѣ что съ судномъ сдѣлалось?

— Судно идетъ; отъ брата Петра письмо получилъ.

— Такъ что жъ такое, Петръ Васильичъ? Ужъ вѣрно, что нибудь не просто? Скажи, не мучь ты меня, ради Бога, добивалась неотступно Наталя Ивановна.

Долго молчалъ Отрубевъ, наконецъ сказалъ:

— Много будешь знать, скоро состарѣшься, и такъ ужъ морщинки появляются... кажется въ прихожую самоваръ подали, такъ сдѣлай-ко мнѣ пуншикъ.

Наталя Ивановна грустно вздохнула; она очень хорошо

знала, что Петръ Васильичъ, тогда только выпивалъ пушккъ, когда былъ разстроенъ или сильно огорченъ; но она уже болѣе не смѣла докучать своими вопросами.

Петръ Васильичъ выпилъ свой стаканъ чаю съ ромомъ, молча надѣлъ на себя свой домашній картузь изъ зеленого сафьяна съ большимъ козырькомъ, взялъ съ собой листокъ Сѣверной Пчелы, которую выписывалъ, и отправился въ садъ.

— Что нибудь да не просто, думала Наталья Ивановна по уходѣ мужа, и съ нетерпѣніемъ дожидалась изъ лавки своего старшаго сына. Наконецъ подъ окнами раздался топотъ воронаго рысака и стукъ бѣговыхъ дрожжекъ. Лошадью правилъ самъ Павелъ Петровичъ; сзади его сидѣлъ кучеръ.

Черезъ минуту сынъ вошелъ въ спальню матери. Это былъ молодой человекъ лѣтъ семнадцати, обыкновеннаго роста, русый и круглолицый, очень похожій на мать, съ робкими манерами; тихій отъ природы, но безпрестанно принуждающій себя *бойчиться*. Онъ былъ одѣтъ чисто и щеголевато, гороховый лѣтній сюртучекъ, сшитый первымъ Привольскимъ портнымъ, сидѣлъ на немъ не дурно; бѣлый пике, съ голубой каймой и съ золотыми пуговками жилетъ, батистовая вышивная манишка и ловко повязанный галстухъ говорили, что сынъ Натальи Ивановны привыкъ съ дѣтства къ порядочному костюму. Онъ вѣжливо подошелъ къ рукѣ матери и стоялъ, покуда она велѣла ему сѣсть.

— Пашенька! ты куришь табакъ? А? сказала она посмотрѣвъ пристально на сына.

— Помилуйте маменька-съ... съ чего вы извоили взять!.. А! вы услышали, что табакомъ отъ меня пахнетъ. Нѣтъ-съ, это Петруша Шестуновъ сидѣлъ возлѣ меня и курилъ, — ей-Богу-съ.

— Не божись напрасно, сказала мать. — Ты солгалъ, да и покраснѣлъ сейчасъ, я будто не вижу. Богъ съ тобой, мой другъ! ты моихъ наказовъ не слушаешься... Вредно Пашенька съ такихъ лѣтъ курить-то, еще молодъ; ну, долго ли, долго ли до грѣха, чаютку получить... а!

Павелъ Петровичъ дѣйствительно покраснѣлъ, потому что

лгалъ, и, обличенный матерью, сидѣлъ потупившись, не смѣя на нее взглянуть.

— Гдѣ жъ папенька-съ? спросилъ онъ чрезъ минуту.

— Папенька въ саду.

— Позвольте и мнѣ туда-съ?

— Погоди, посиди со мною: я хочу съ тобой поговорить, спросить кой-о-чемъ. Только смотри Паша, не лги, какъ теперь солгалъ.. Смотри, грѣшно мать обманывать!

— Помилуйте, маменька-съ!

— Ну, такъ вотъ что, — что это сегодня папѣнька очень не веселъ. Здоровъ ли онъ?

— Я не знаю-съ, кажется ничего-съ, по крайней мѣрѣ они ничего не жаловались, отвѣчалъ сынъ.

— Послушай, мой дружокъ, ну, что, какъ судно?..

— Да ничего, судно идетъ-съ, — все слава Богу-съ. Отъ Петра Иваныча сегодня письмо получили-съ.

— Дѣла-то, дѣла-то какъ?

— Какія дѣла, маменька-съ?

— Торговья-то дѣла какъ, Пашенька? Вѣдь папенька-то ничего со мною не говорить...

— За чѣмъ же про нихъ и говорить съ вами, — вы женщины-съ.

— Господи Боже мой! ужъ что я женщина, такъ будто и смыслу у меня ни какова нѣтъ. Это только вѣдь въ нашемъ глупомъ Привольскѣ мужъ жену считаетъ точно, прости Богъ, за болвана; ничего она не знаетъ какъ идутъ мужнины дѣла; словно дитя безсмысленное, только просить нарядовъ... Ну мужъ, который любитъ жену, и рядитъ какъ куклу, изъ послѣдняго тянется... какъ дуру-бабу не потѣшить, особенно старикъ — молодую; и лошади, и пиры и все, чего жена хочеть... а кабы жена-то иная знала мужинны дѣла, такъ и не попросила бы лишняго, да и дѣтой-то къ бережливости бы приучила. Вонъ поскажетъ Александра Ивановна, у нихъ въ Шуѣ, такія продувныя бабы, что чудо! другая сама фабрикой управляетъ, получше инаго мужчины... А у отцовъ, незамужнія дочери, часто вмѣсто приказчика счеты ведутъ, отчего? оттого что съ-измала къ тому приучаютъ; не таятся отъ женщинъ въ своихъ дѣлахъ...

А я, напримѣръ, двадцать лѣтъ за мужемъ живу, не знаю сколько у мужа капитала, сверхъ объявленнаго по второй гильдіи, али и объявленнѣй-то, свой или чужой, — и то мнѣ невзвѣстно!

— Ваше дѣло женское, маменька-съ, къ чему вамъ и знать-то-съ!

— Правда, мой другъ, въ Привольскѣ мужчины и всѣ такъ говорятъ. А умереть иной купецъ, останется жена съ малыми дѣтками, и завоюетъ обоймя голову... не знаетъ за что приняться; торговля брошена, опекуны чужіе иной разъ и тащатъ, она ничего не понимаетъ, ни счетовъ, ни отчетовъ; а если пустится въ торговлю, и тутъ горе-горькое, любой приказчикъ-разбойникъ ограбить... Вотъ что Пашенька...

Сынъ невольно разсмѣялся.

— Есть правда у насъ и такія, что надъ иногородными дѣловыми женщинами смѣются, — мужиками ихъ называютъ... А право они счастливѣе насъ, не бойсь нигдѣ не пропадутъ... А все-таки, мой другъ, я желала бы знать, отчего папенька такой грустный? Что нибудь да не просто.

— Да что вамъ сказывать-то-съ, отвѣчалъ сынъ потупясь; — ужь если папенька ничего не говорили вамъ-съ, такъ стало быть такъ и должно-съ.

— Богъ съ тобою, Паша! Стало и ты свою мать считаешь такую глупою?

— Помилуйте, маменька! не то, не то-съ. Ужь коли вамъ такъ желательно-съ... вы помните-съ... что зпмою Петръ Иванычъ на Моршѣ хлѣбъ закушалъ по дорогой цѣнѣ?...

— Помню, другъ мой, папенька проговаривалъ.

— Ну, а теперъ цѣны на хлѣбъ упали-съ, и на низу, и здѣсь, да и почти повсемѣстно-съ. Папенька говорятъ, что не стоитъ и приставать здѣсь судну... что лучше идти ему до Рыбницка; а тамъ, перегрузивъ, въ Петербургъ отправить. Ужь папенька послали нарочнаго, къ Петру Иванычу, чтобъ пріѣхалъ, оставивъ судно, и съ нимъ хотятъ посовѣтоваться-съ; они полагаютъ, что судно теперъ должно быть повыше Нижняго-съ. Такъ можетъ объ эвтомъ папенька и грустятъ-съ.

— Господи помилуй! Такъ объ чемъ же тутъ грустятъ?

Отд. I.

3

На все воля Божія; авось Богъ дастъ, и въ Питерѣ продадутъ хлѣбъ съ пользою... мало ли люди и въ Питерѣ управляютъ?

— Оно такъ-съ, маменька... заговорилъ опять сынъ, глядя на кончики своихъ сапоговъ; но вѣдь... до Питера пути-на дальняя-съ, а здѣсь бы все сподручиѣ-съ, на своихъ глазахъ... Притомъ же теперь и денегъ просятъ... Сроки подходятъ-съ...

— Кто денегъ просить? Какіе сроки? Что ты, Паша, сказалъ? спрашивала торопливо Наталья Ивановна, слегка поблѣднѣвъ.

— Деньги, которыя... которыя заняли... Да послушайте, маменька... вы сдѣлайте милость не скажите папенькѣ, вы знаете, они не любятъ...

— Что ты! что ты, мой другъ! Успокойся!

— Когда отъ насъ ходила разшива, продолжалъ молодой Отрубевъ тогда обходился безъ займа... ну-съ, а нынѣшній годъ папенька вздумали мокшанъ пустить. Капиталъ былъ ограниченный-съ, безъ займа не обошлось... у Чернухина заняли... принесло его съ деньгами, наваливаетъ. Вы знаете, маменька, Чернухина-съ?

— А я-то, глупая, радовалась, что нынче у насъ мокшанъ! Ахъ ты, Господи Боже мой! — сказала Наталья Ивановна, поблѣднѣвъ, какъ бѣлый платокъ. Ахъ-ти! Ахъ-ти!... Ну что-же, Пашенька, Чернухинъ?... Что-то ты про него сказалъ?

— Я спросилъ: не знаете-ли вы его.

— Слыхала; только не знаю, кто онъ такой?

— Старичишко-приказный, ужъ такой ростовщикъ — жидъ-жидомъ! — всегда носить подъ мышкой мѣшокъ съ деньгами, заходить къ знакомымъ въ лавки, спрашиваетъ: неугодно-ли-дескать товарцу... Вотъ какъ теперь помню-съ: зашелъ онъ къ намъ, уговорилъ папеньку, навалилъ денегъ, однако за большіе проценты-съ. Но передъ-тѣмъ незадолго Петръ Ивановичъ писалъ съ Морши, докладывалъ папенькѣ, что хлѣбъ на низу повсемѣстно дорожаетъ, и что надобно ожидать къ будущей зимѣ еще выше цѣны поднимутся, потому-дескать, что осенью озими всѣ померзля; снѣгъ долго

не выпадалъ. Ну, папенька и разсудили-сь, что отъб ольшой закупки можно побольше пользы приобрѣсть, и послали Петру Иванычу денегъ для большой закупки... Потомъ еще кой у кого занимали въ сроки, и послали ему... Вдругъ теперь пишуть, — что на низу взошли хлѣба озимные и яровые отличные, и около Приволжска тоже... да говорятъ, — по-всемѣстно хороши — и цѣны на хлѣбъ вдругъ упали... Можетъ объ этомъ папенька и грустить; они не такъ разсчитывали...»

— Не даромъ мнѣ все грустно; сердце вѣшунъ, — сказала какъ будто сама съ собою мать; но потомъ какъ будто одумавшись продолжала: — чтожъ дѣлать! Надобно на Бога надѣяться; зачѣмъ преждевременно убивать себя... Ну и въ Питеръ можно отправить, съ надеждой на Бога... Хотя безъ барыша, да и безъ убытка еслибы обошлось, то и слава Богу.

— Папенька разсчитывали, что послѣ распродажи съ судна могли уплатить кредиторамъ...

— Богъ дастъ и уплатимъ. Что-жъ такое! не мы первые занимаемъ; торговля дѣла безъ того рѣдко обходятся.

— Ну, маменька-сь, все это не скоро-сь, какъ Богъ донесетъ, до Петербурга не близко-сь... не скоро... сроки...

— Что-жъ за жиды такіе!... Ужъ-ли на нихъ креста-то нѣтъ? Уже-ли и не подождутъ?

— Можетъ другіе, а ужъ отъ Чернухина-то ждать пощады не надежно, — онъ сейчасъ попроситъ закладной, на домъ, или на лавку.

— Домъ въ залогъ! лавку... что я слышу!... Господи!... Думала-ли я когданибудь о томъ! — говорила со слезами на глазахъ Наталья Ивановна. Да ты, можетъ, все болтаешь, Паша? Тебѣ такъ можетъ кажется?

— Конечно, маменька, ничего этого не будетъ-сь, Богъ милостивъ... у насъ еще слава Богу съ; я только къ слову: что молъ у такихъ людей, какъ Чернухинъ, души нѣтъ... Вотъ я васъ только напугалъ, дуракъ этакой; успокойтесь, маменька, голубушка!... Павелъ Петровичъ всталъ, и поцѣловалъ руку у матери. Она его обняла и заплакала.

— Дай-то Господи, чтобъ всѣ эти случаи-то мимо насъ

прошли. Васъ-то мнѣ пуще жалко, тебя-то жалко, Федя еще малъ, Фисочка мала, дѣти, ничего не понимаютъ, а ты только на свѣтъ взглянулъ, только разцвѣлъ, веселиться и радоваться только-бы тебѣ, вотъ Господь-бы привелъ тебя женить, — да и на твое счастье посмотрѣть!...

— Полноте, милая маменька-съ, успокойтесь, прошу васъ... говорилъ Павелъ Петровичъ, цѣлуя руку у матери.

— Зачѣмъ это папенька съ этимъ Чернухинымъ-то связался?

— Я тоже думалъ, маменька... Да чтожъ дѣлать — вѣдь сказать не смѣлъ, папенька этого не любятъ, вы сами знаете-съ!

— Знаю, знаю!

Въ прихожей послышались шаги хозяина и прервали разговоръ матери съ сыномъ.

Петръ Васильчъ вошелъ, бросилъ картузъ на столъ и сѣлъ отдуваясь.

— Охъ!... фу! Насилу вошелъ на лѣстницу! Былъ на копяшнѣ: — Ванька, подлець, нисколько не жалѣетъ хозяйскаго добра; давно-ли ты, Паша, пріѣхалъ, — и онъ, разбойникъ, ужъ жеребца поить хочетъ. Еслибъ я не зашелъ, бездѣльникъ...

— Я сей-часъ пріѣхалъ, папенька-съ! отвѣчалъ Паша, вскочившій со стула, при входѣ отца, и все еще стоящій.

— Садись, сказалъ Петръ Васильчъ сыну. Тотъ сѣлъ.

— Хочу я, его негодяя барышнѣ отдать назадъ.... Пусть дѣлаетъ съ нимъ, чтó хочетъ, хоть въ солдаты отдаетъ... А хотѣлъ-было выкупить подлеца! — Чтò ты будешь дѣлать! самъ себѣ добра не желаетъ... А драться не люблю, развѣ въ части велѣтъ выпоротъ?

— Отдать его барышнѣ — деньги пропадутъ. Сколько уже она взяла: двѣсти, аль триста рублей? (ассигнаціями), замѣтила Наталья Ивановна, смотря въ окно, и стараясь, чтобъ супругъ не замѣтилъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Чтожъ дѣлать! Онъ нашутить можетъ и не на триста рублей... Вретъ онъ, разбойникъ, — что сѣрая отъ заковки храмлетъ, — онъ ее такимъ-же манеромъ опоплъ... Вотъ я ему! У Аграфены Оедоровны вспомнить и насъ!... а то за-

ѣлись шельмы... У насъ, у купцовъ въ богатомъ домѣ катаются какъ сыръ въ маслѣ... и въ усъ себѣ не дуютъ, и слова не скажи — напакостятъ... А вонъ у тебя Любашка — чему ты выучила? Только за воротами стоять.

— Петръ Васильичъ, ты мой другъ все на меня, — что такое Любашка! дѣвка, что и дѣвка....

— Знаю, что не парень. А ты Наташа не сердись, — я правду говорю... Ну что Паша, — Гришка-Татаринъ былъ послѣ меня въ лавкѣ? спросилъ Петръ Васильичъ, обратясь къ сыну.

— Былъ-съ; говорить, что помѣщикъ согласенъ взять ту цѣну, что вы давали, — завтра приведутъ лошадей-съ!

— Какихъ лошадей, Петръ Васильичъ? спросила Наталья Ивановна.

— Купилъ парочку вороныхъ у одного барина, соблазнился... Да ужъ и лошади! любо дорого! какъ сядешь, матушка, въ коляску, да поѣдешь, такъ всякій полюбуется, отвѣчалъ самодовольно Отрубевъ.

Жена вздохнула.

— Другъ мой! Къ чему лишнія траты? Вѣдь есть лошади... чѣмъ же худы?

— Эхъ, матушка! Не та стать, вовсе не та стать, такихъ на-малѣ... да кабы Гришка не предупредилъ, такъ Таратайкинь купилъ-бы, безпремѣнно-бы купилъ; я у него просто изъ-подъ носа вырвалъ... Татарину двадцать пять рублей обѣщаль, только-бъ смазлѣ дѣло.

— Все-то у тебя роскоши на умѣ, — не худо-бы иной разъ и ограничить себя, Петръ Васильичъ! Я сама слышала, что хлѣбъ дешевѣетъ... произнесла дрожащимъ голосомъ голосомъ Наталья Ивановна.

— Ну такъ что-жъ, что хлѣбъ дешевѣетъ! пусть дешевѣетъ, Богъ съ нимъ;... развѣ я самъ себя не понимаю, малый ребенокъ что-ль? Что это, сударыня, всегда не въ своей тарелкѣ: то съ ханжами хандринь, то объ торговыхъ дѣлахъ толкуешь, что до тебя вовсе не касается, чего я терпѣть не могу...

— Напрасно, Петръ Васильичъ, гнѣваешься; развѣ я лиходѣйка что-ли какая? Развѣ я не желаю тебѣ и своимъ

дѣлать добра?... Я думаю, въ мокшанъ-то вонче весь **капиталь** вбухаль?...

— Ну ужь, сударыня, покорно прошу оставить; не люблю, не люблю, когда не въ свое дѣло мѣшаешься!... Лучше бы ты знала свое варенье, да соленье, да почаще въ подвалъ, да въ кухню заглядывала, чтобъ слуги за уголь не таскали; ты, я думаю, не подозрѣваешь, что Любашка у тебя сахаръ да и чай крадетъ... Вотъ ты должна какую экономію-то знать! а то... по твоему все равно, можно и на хромой сѣрой ѣздить!

Наталья Ивановна замолчала, и мяла въ рукахъ кончикъ своей кисейной косынки.

— А на чемъ вы, папенька, сошлись? спросилъ сынъ.

— Восемьсотъ съ придачей хромой сѣрой. Татаринъ беретъ ее вылечить... Ну, чтожъ, вѣдь не дорого кажется, **Наша?** какъ по твоему?

— Лошади отличныя, папенька-съ.

— Ужъ что отличныя, такъ отличныя, только боюсь, Ванька испортить... Гришка-Татаринъ говоритъ, что знаетъ какого-то господскаго кучера, по оброку ходить, говоритъ: двадцать пять рублей въ мѣсяцъ асигнаціями, хвалитъ его... Ну что-жъ, я обѣщаль, хотѣлъ его переманить ко мнѣ.

— Этакія роскоши! прошептала Наталья Ивановна, покачивъ головой.

— Ничего, сударыня, сама не откажешься прокатить на хорошенькихъ лошадкахъ, **можилъ** весело Петръ Васильичъ, обращаясь къ супругѣ.

Наталья Ивановна взохнула, но промолчала.

Дверь отворилась; вошелъ Ѳедя, въ сопровожденіи няньки.

— Ѳедоръ Петровичъ! цѣлуй, сударь, у папеньки ручку, говори: спокойной ночи, папенька, пріятнаго сна желаю, проговорила нянька своимъ дребезжающимъ голосомъ. Ѳедя проговорилъ диктуемая нянькою слова.

— Ты ужъ спать собрался? сказалъ отецъ, глядя мальчика по головѣ.

— Да ужъ, батюшка Петръ Васильичъ, времечко и **баньки**; покушаль онъ, мой голубчикъ, больше нечего дѣлать, **качала-было** нянька.

Не обративъ вниманія на слова старухи, Отрубевъ сказалъ женѣ:

— Скажи пожалуйста, Наталья Ивановна, для чего ты держишь Оедю, какъ пятигодовалого ребенка? слава Богу, онъ не маленькій, что за особица, я думаю пора бы ему и за общимъ столомъ кушать? Пора ребенка и къ людямъ приучать...

— Гдѣ еще ему за общимъ столомъ, Петръ Васильчъ; дитя шалить только; одинъ въ дѣтской лучше, проговорила мать.

— Надобно, чтобъ онъ не шалилъ. Вотъ за этимъ такъ ты, сударыня, не можешь посмотрѣть... Это *не твое дѣло*... молвилъ строго Петръ Васильчъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Наталья Ивановна ничего не отвѣчала.

— Ну, что, Оединька, учился сегодня? Какъ твои прописи? Что учитель на нихъ записалъ? Покажи-ка мнѣ!

— Говори, Оединька: дескать учился, папенька, дескать все благополучно... подсказала опять нянька.

— Развѣ я у тебя спрашиваю? что ты это учишь его отвѣчать; развѣ у Оеди языка нѣтъ что-ли? сказалъ хозяинъ, строго взглянувъ на старуху: «ступай. вонъ!»

— Батюшка Петръ Васильчъ... я ничего... я учу...

— Не разговаривать! крикнулъ сердито Петръ Васильчъ. Михайловна уже пяткомъ выбралась изъ спальни.

Оедя со слезами на глазахъ бросился за нянькой.

— Оедя! сказалъ отецъ.

Оедя остановился.

— Поди сюда!

Мальчикъ робко подошелъ къ отцу.

— Ну что, мой милый! началъ опять Петръ Васильчъ, взявъ за руку сына. «Ничего твои прописи! А?»

— Я не писалъ... прошепталъ мальчикъ, помолчавъ.

— Отчего ты не писалъ? Да ты не дичись папеньки, смотри на меня, отчего? Развѣ дьяконъ не былъ сегодня?

— Отецъ дьяконъ былъ, да няня ему сказала, что сегодня жарко, учиться ненадобно, отецъ дьяконъ такъ и ушелъ.

— Слышите-ли, Наталья Ивановна! Это было сказано по твоему приказанію?

Наталья Ивановна не отвѣчала.

— Вотъ видишь-ли, какъ у тебя прислуга распоряжается. Я стараюсь дѣтей образовать, а тамъ какая нибудь безмозглая старуха... На что это похоже! говорилъ запальчиво Петръ Васильчъ. — И къ чему она Федю пріучитъ?... Давно я подумываю для него дядьку взять, какого нибудь пожилаго, двороваго человѣка.

— Отъ часу не легче!... Господи помилуй насъ! Новости за новостями, прошептала Наталья Ивановна; потомъ прибавила вслухъ: кажется, Петръ Васильчъ, Пашенька у насъ и безъ дядьки выросъ, да слава Богу, жаловаться напрасно грѣшно.

— Ну конечно выросъ; такъ что-жъ тогда?... теперь старуха тупа стала, балуетъ ребенка, и балуетъ глухо... Не нравятся мнѣ это...

— Тебѣ, мой другъ, нынѣ стало не *нравится* все что *нравилось* прежде. Не понимаю, что съ тобою сдѣлалось? сказала Наталья Ивановна вслухъ, и подумала про себя: вѣдь, знаю, знаю, что все съ грусти взрывается.

— На столъ готово-съ! проговорила горничная, просунувъ голову въ дверь.

— Поди, Федя, спать!... Прости мой милый, молвилъ Петръ Васильчъ, перекрестивъ мальчика. Только сегодня въ послѣднее, а завтра, братъ, обѣдаешь и ужинаешь вмѣстѣ съ нами. Слышишь!... Федя опять поцѣловалъ руку отца, простился съ матерью и съ братомъ и побѣжалъ въ дѣтскую.

Между тѣмъ старшіе члены семейства отправились въ столовую, которая находилась въ нижнемъ этажѣ.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Наталья Ивановна особенно усердно и со слезами молилась Богу.

Давно во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина. Въ хозяйской спальнѣ тускло мерцала неугасимая лампадка передъ образами; блѣдная луна заглядывала въ окно сквозь кисейные занавѣсы, и тѣнь отъ жасминовъ узорчатой рѣшеткой лежала на полу. Петръ Васильчъ храпѣлъ съ каками-то странными переливами, часто поворачиваясь съ бо

ку на бокъ; ему снился безпокойный сонъ: то приступаетъ къ нему въ сюртукѣ, спитомъ изъ векселей, Чернухинъ, настоятельно требуя отъ него закладной на домъ; то Гришка-Татаринъ просилъ у него денегъ, приведя на дворъ, вмѣсто купленной пары лошадей, какую-то купую, хромую клячу, и нагло ее похваливалъ. Иногда Петру Васильчу казалось, что онъ летитъ на парѣ купленныхъ вороныхъ, въ своей петербургской коляскѣ, летитъ быстрѣ птицы, быстрѣ вѣтра, на козлахъ сидитъ и погоняетъ коней нянька Михайловна, а Наталья Ивановна, въ черной ряскѣ, подпоясанная ремнемъ, бѣжитъ, бѣжитъ за нимъ и не можетъ догнать. То ему снилось, что пришелъ его мокшанъ, что его разгружаютъ, и что, вмѣсто хлѣба, онъ видитъ песокъ, песокъ и песокъ. Петръ Васильчъ мычалъ и метался... Наталья Ивановна, напротивъ, зарывъ голову въ подушки, какъ ни старалась заснуть, не могла сомкнуть глазъ; ей думались грустныя думы:

— Этакой, Петръ Васильчъ, Богъ ему судья!... Вѣдь грустить, знаю что грустить, а не хочеть быть откровеннымъ; я бы его и разговорила, и посоветовала, все-бы кажется, легче на сердцѣ было, такъ нѣтъ! Ужъ такой крѣпкой *идрава*... И что это, на роскоши-то напустился! ужъ передъ добромъ-ли?... Охти, охти!... Поди вотъ, невѣрь сердцу!... недаромъ оно, бѣдное, тосковало...

Въ мертвой полночной тишинѣ чиканье часовъ въ залѣ громко раздавалось. Межъ этимъ чиканьемъ слышался въ дѣтской мѣрный легкій стукъ... Это нянька, молясь въ землю, била лбомъ о-поль, произнося молитву шопотомъ, — но такъ, что слова долетали до ушей Натальи Ивановны.

На антресоляхъ, надъ спальней, раздавались осторожные шаги Павла Петровича, который, войдя послѣ ужина въ свою комнату, раздѣлся съ помощію старика Тимофея, который былъ чѣмъ-то въ родѣ дворника, а иногда и приказчика, онъ же былъ и истопникомъ. Въ известное время, Тимофей надѣвалъ какой-то длинный лиловый сюртукъ, и помѣщался на запяткахъ коляски; когда нуждались въ официантѣ, Тимофей выбривался почище, надѣвалъ бѣлый галстухъ, бѣлыя перчатки, и являлся къ столу; тогда брусничнаго

цвѣта лице его еще болѣе лоснилось отъ самодовольствія. Въ обыкновенные будничные дни, Тимофей или помогалъ кучеру на конюшнѣ, или помогалъ женѣ своей Агафѣ, на кухнѣ, или мелъ улицу, или просто, ничего не дѣлая, сидѣлъ за воротами. Онъ постоянно согнѣлъ отъ большихъ пріемовъ табаку и довольно скупъ былъ на слова. Всякій вечеръ Тимофей, раздѣвъ молодаго хозяина, ложился въ коридорчикѣ, возлѣ его комнаты. Объ этомъ онъ всегда такъ выражался:

— Меня Павелъ Петровичъ держитъ при себѣ *для скуки*.

И такъ, молодой Отрубевъ, раздѣвшись, посидѣлъ подѣ открытымъ окномъ, помечталъ о своемъ рысакѣ, парѣ воронныхъ, вчера купленныхъ, о модной шляпѣ, которую Петруша Шестуновъ выписалъ изъ Москвы; и мало-ли еще о чемъ мечталъ онъ. Потомъ легъ въ постель, думалъ-было читать какой-то романъ Дюкре-Дюменля, и... задремалъ.

Долго еще не спала Наталья Ивановна... Стала заниматься утренняя заря и она задремала.

III.

Утромъ, когда привели лошадей, Петръ Васильчъ вышелъ и съ восторгомъ любовался ими, ласково потрепывая ихъ волнистыя гривы. И правда, лошади стояли того; большія и статныя, съ лоснящеюся, какъ вороново крыло шерстью онѣ рыли отъ нетерпѣнія землю копытами, фыркали, и гордо закидывали головы. Кучеръ помѣщика, у котораго онѣ были куплены, и Татаринъ — маклеръ въ дѣлѣ покупки, едва ихъ удерживали.

— Грудь-то! шея-то! сударь, Петръ Васильчъ, говорилъ послѣдній, трепля одну изъ нихъ по крутой шеѣ; вѣдь дуга дугой. Экой звѣрь! Ишь ноздри-то раздула, ушами стришетъ!... Шалишь!

— Спасибо, Гриша! (въ Привольскѣ мода Татаръ называть русскими именами). Я думаю-бы запречь ихъ въ коляску. Прѣзди, братъ, ихъ, я посмотрю, сказалъ Отрубевъ.

— Извольте, сударь! Да ужъ будьте покойны, будете благодарить; еслибъ того... Александро Ивановичъ не проигрался,

не разстался бы онъ съ ними; онъ мнѣ по душѣ сказалъ. Чай, плачетъ теперь, сердечный... Посмотрите-ка, стать-то! стать-то! вѣдь доморощенная. Матка-то изъ Орловскихъ была...

— Слышалъ, слышалъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Ужь я вамъ скажу, сударь, еслибы Александро Ивановичъ подождалъ до Нижегородской... ей-ей! я вамъ скажу, по восьмисотъ за каждую-бы взялъ, продолжалъ Татаринъ.

— Ладно! Вѣдь ты барышникъ, что и говорить, не учиться тебѣ—обдули меня съ Александромъ-то Ивановичемъ, прервалъ весело Петръ Васильичъ.

— Что угодно, говорите, Петръ Васильичъ, а не отпустилъ-бы я ихъ, голубчиковъ, кабы-деньги были, порядочный-бы барышъ взялъ,— да видите, хозяину-то ихнему горячо пришло; ну, думаю, коли не себѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ доброму человѣку доставлю. Таратайкинъ, я думаю, когти грызеть; онъ мнѣ не двадцать пять далъ-бы. Только изъ уваженія, судырь къ вамъ!...

— Хорошо, хорошо! Закладывайте-ка!

Покуда лошадей закладывали въ коляску, съ помощью Татарина, и даже Тимофея, Петръ Васильичъ оставался въ сараѣ.

Наконецъ лошади были заложены. Иванъ взмогся на козлы, Татаринъ съ господскимъ кучеромъ сѣли въ коляску, Тимофей приткнулся на запятки. Петръ Васильичъ пошелъ въ компаты, велѣлъ позвать Павла Петровича и Наталью Ивановну, и сѣлъ возлѣ открытаго окна, любоваться бѣгомъ новокупленныхъ лошадей.

Вдругъ коляска вихремъ вылетѣла изъ воротъ, пронеслась вдоль по улицѣ. Петръ Васильичъ и Павелъ Петровичъ высунулись въ окно.

— О, охъ! крикнулъ отецъ въ восторгѣ.

— Лихо! замѣтилъ сынъ.

— Передавать, передавать всѣхъ!... Господи! Тимофей-то свалился, Тимофей свалился! кричала Наталья Ивановна, съ замирающимъ сердцемъ, смотря изъ другаго окна.

— Поди! Поди! оралъ во все горло Иванъ, едва сдерживая горячую пару, которая неслась какъ вѣтеръ. Испу-

ганные прохожіе, бросились во всё стороны; у Тимофея занимался духъ, онъ едва держался отъ страха. Наконецъ при поворотѣ коляска скрылась изъ глазъ хозяина.

Прошло болѣе получаса въ тревожномъ ожиданіи.

— Убьютъ, задавятъ, задавятъ-кого-нибудь! говорила Наталья Ивановна, съ упрекомъ смотря на супруга. Купилъ же такихъ звѣрей, Петръ Васильчъ, себѣ на бѣду; ужъ сломить ктонибудь шею! Знаю, знаю.

— Ничего ты не знаешь; это онѣ такъ сгоряча понесли, застоялись; — не бойся, не убьютъ, Богъ милостивъ, говорилъ Петръ Васильчъ, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе, хотя въ голосѣ его слышилось тревожное безпокойство: «Паша! взгляни-ка, не ѣдутъ-ли?»

— Не видать-съ, отвѣчалъ Паша съ нетерпѣніемъ, безпрестанно высовывающійся изъ окна.

— Не поѣду я, никогда не поѣду на этихъ лошадяхъ, говорила Наталья Ивановна.

— По мнѣ хоть вѣчно пѣшкомъ ходи, отвѣчалъ Петръ Васильчъ. Ну, что, Паша, не видать?

— Ёдутъ, ёдутъ-съ! воскликнулъ сынъ, завидѣвъ вдали клубъ пыли; и чрезъ нѣсколько минутъ всплывшие кони влетѣли на дворъ.

— Тимошки нѣтъ на запяткахъ! Куда у васъ Тимошка дѣвался? кричалъ хозяинъ въ окно.

— А кто-жъ его знаетъ, отвѣчалъ Иванъ; я и самъ-то чуть усидѣлъ... черти проклятые, издохнуть-бы имъ! проворчалъ онъ, осаживая лошадей у сарая.

— Такъ и есть, ужъ вѣрно ушибли... Охъ, Боже мой, какая бѣда! такъ и есть; вонъ и собака вчера выла, говорила въ сильномъ испугѣ хозяйка. Ахъ, Петръ Васильчъ!

И Петръ Васильчъ и Павелъ Петровичъ опять вышли на дворъ и съ безпокойствомъ спрашивали о запяткиѣ.

Даже и сама Наталья Ивановна явилась на крыльцо.

— Тимофея лошади убили! кричала горничная, бѣгая по всему дому. Жена его Агафья, услышавъ такую горькую вѣсть, подхватила своего годовалаго ребенка, и съ громкимъ воемъ выбѣжала на дворъ. Старшій, Степка, тоже не отставалъ отъ матери, аккомпанируя ей во все горло. Нянька, Михай-

ловна, забывъ свою обязанность, не отлучаться ни на минуту отъ Оединьки, прибѣжала, запыхавшись, на всеобщую суматоху. (Нянька Оедора въ это время гуляла съ Фисонькою въ саду.) Крикъ и плачь на дворѣ разбудилъ Оедю; онъ проснулся, и, не видя няньки въ дѣтской, въ одной ночной рубашкѣ бросился изъ комнаты, и, всѣдъ за бѣгущей съ лѣстницы Любашкой, скатился кубаремъ, и тоже поднялъ плачь, схватившись за платье стоявшей на крыльцѣ матери.

— Ахъ, ты, Господи, Оединька! радость моя! Нянька! старая дура, нянька! зачѣмъ ты его оставила?... Любка! Любашка! Боже мой! дитю-то перепугали... Оединька, что ты? кричала растерявшаяся Наталья Ивановна.

— Спинку, спинку больно, я съ лѣстницы упалъ... ай! Оединька ревѣлъ во все горло.

— Голубчикъ-ты мой, Тимофей Микифорычъ! На кого ты меня съ своими малыми дѣтками покинулъ! между тѣмъ голосила звонкимъ голосомъ краснощекая Агафья, у которой пестрый платокъ едва держался на самомъ затылкѣ.

— Нянька! Любашка! Пашинька! Оединька съ лѣстницы упалъ, расшибся?.. слышите-ли вы? кричала хозяйка, оцупывая сынка. Радость моя, ангелочикъ. Ахъ, онъ мерзавки!..

— Да гдѣ-же онъ у васъ? Упалъ что-ли? Куда вы его дѣвали? спрашивалъ хозяинъ.

— Свалился да и разъ... Ничего, лошади не помяли; вѣдъ позади стоялъ; что-жь, ничего; вотъ кабы съ козель... Да, я сударь, и подъ козлами бывалъ, и ногами меня эвти звѣри бивали, да что-жь, ничего, говорилъ барскій кучеръ, вылѣзая изъ коляски.

— Вотъ они, кони-то, какіе, Петръ Васильичъ! началъ-было Татаринъ.

Никто не замѣчалъ, что человекъ пять нищихъ, пришедшихъ на дворъ за милостынею, стояли тутъ-же и смотрѣли на эту сцену; и нѣсколько прохожихъ, слыша такой гвалтъ, съ любопытствомъ заглядывали въ ворота.

— Гдѣ, гдѣ онъ, свѣтъ-то мой, Тимофей Микифорычъ? вопила Агафья и лѣзла чуть не подъ ноги лошадамъ, которыхъ откладывали.

— Что такое сдѣлалось! Ужъ не разбила-ли кого лоша-

дв? спросилъ, вбѣгая на дворъ, запыхавшійся, весь въ пыли и безъ шапки, Тимофей.

— Воиъ онъ! вскрикнулъ первый барскій кучеръ.

— Ничего, цѣль, не помяли?

— Что ты?

— Ахъ!

— Какъ ты?

— Слава Богу, живъ! раздалось нѣсколько вдругъ голосовъ, и глаза всѣхъ обратились на Тимофея.

— Слава Богу, живъ, сказала Наталья Ивановна, уводя сына наверхъ.

— Голубчикъ Оединька, Оедоръ Петровичъ! Ну, зачѣмъ, судырь, изъ дѣтской выскочилъ? Ахти бѣда! все я виновата, все я дура, проклятая... А все Тимофей... все онъ, ворчала нянька, вслѣдъ за ними.

— Ну что, Тимофей, ушибся? спросилъ съ участіемъ Петръ Васильичъ.

— Больно ушибся, Тимоша? спросилъ ласково Павелъ Петровичъ.

— Ничего-съ, слава Богу, какъ есть ничего-съ, соскочилъ я, какъ знаешь, увидѣлъ что понесля-то. Ужъ и лошади, шутъ ихъ возьми!... Жаль только, картузъ потерялъ, не могъ найди, знать кто нибудь поднялъ; жаль, новенькій былъ-съ, отвѣчалъ спокойно Тимофей.

— Ну ничего, слава Богу, все обошлось, сказалъ весело хозяинъ.

— А мы объ тебѣ безпокоились, думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ... проговорилъ Павелъ Петровичъ.

— Покорнѣйше благодарствуемъ-съ, ничего-съ. Эка, картуза-то жалко!..

— Ну изъ чего ты такова безпокойства-то намъ надѣлалъ! а? вскинулась Агафья на мужа: дурья твоя рожа! Ужъ, право, родился дуракомъ, дуракомъ и умереть. И хозяева-то жалѣютъ и я-то вою, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало... Этакой сычъ, собачья морда!

Тимофей ничего не отвѣтилъ своей дражайшей половинкѣ и принялся помогать кучерамъ управляться съ лошадьми. Горничная, все время стоявшая въ сторонѣ и съ боязнію

смотрѣвшая, чтобъ которая нибудь изъ лошадей не улягнула Ивана въ зубы, услышала изъ окна дѣтской голосъ хозяйки:

— Эй, Любашка! Любашка! Куда засудобила ключъ отъ шкапа? Бѣги скорѣй!

Любашка побѣжала наверхъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, и проклиная въ душѣ Наталью Ивановну, лошадей и Петра Васильча, ихъ купившаго. Агафья въ присутствіи хозяевъ удовольствовалась мужу вышеприведеннымъ упрекомъ и, ни съ того, ни съ сего, дала шлепка ребенку, котораго держала на рукахъ. Степка, вспомнивъ, что онъ забылъ недоѣденный блинъ, побѣжалъ за матерью, подскакивая на одной ногѣ, и напѣвая въ полголоса:

— Тягька живъ, тягька живъ! Тра-та-та! тра-та-та!

Теперь только замѣтилъ Петръ Васильчъ стоящихъ на дворѣ нищихъ, нахмурилъ слегка брови и что-то шепнулъ сыну. Павелъ Петровичъ подошелъ и, одѣлавъ ихъ, показалъ рукою на ворота. Вскорѣ ворота затворились за ними.

— Каковы соколики-та! А? говорилъ Татаринъ, когда стали лошадей проваживать по двору. Дай Богъ на владѣнье вамъ, Петръ Васильчъ, только и всего.

— Спасибо, Гриша, спасибо. Я, братъ, у тебя въ долгу не буду; приходи ужо въ лавку, говорилъ Петръ Васильчъ, любуясь лошадьми. Ну, братъ, Ванька! теперь держи ухо востро: если что отъ твоего недосмотра съ лошадьми случится, тогда на себя не пеняй; это, братъ, не сѣрья; я тамъ спустилъ... а если что теперь, чего Боже сохрани, то... Петръ Васильчъ не договорилъ, но его взглядъ и жестъ, которые онъ обратилъ къ своему кучеру, до-того были выразительны, что тотъ закусилъ себѣ губу и прошепталъ только:

— Э!.. чортъ!

— То само собою, судырь, а теперь, какъ же поздравить вашу милость надобно... сказалъ Татаринъ, поглаживая свою клинообразную бороду, и вертя въ рукахъ шапку. На водочку-та?

Барскій кучеръ тоже стоялъ и переминался съ ноги на ногу, въ ожиданіи чего-то.

— О, мошенникъ! Да вѣдь Магомётъ водочку запретилъ!
 — Помилуйте, судырь! запретилъ пророкъ вино, да и что въ немъ, кисло; а объ водкѣ не сказалъ ни слова...

— Мало васъ мулла бьетъ, сказалъ смѣясь Отрубевъ: Паша! дай имъ по три цѣлковыхъ, обратился отецъ къ сыну. Сынъ исполнилъ приказаніе отца.

— Премного благодарны; прощенія просимъ, судырь.

— Прощайте.

— Вѣрно, хозяинъ-то богатъ? спросилъ кучеръ Татарина, выйдя за ворота.

— Не богатъ, да тароватъ, отвѣчалъ послѣдній.

Петръ Васильичъ съ сыномъ стояли на крыльцѣ и любовались лошадьми, до тѣхъ поръ, покуда можно было поставить ихъ въ конюшню.

— Вѣдь хороши, Паша? А? Какъ по твоему, хороши?

— Помилуйте, папенька-съ!

— Хороши-то, судырь, хороши, только не совѣтую на нихъ ѣздить Натальѣ Ивановнѣ, ей-Богу не совѣтую! замѣтилъ Тимофей, хотя его совѣта никто и не просилъ.

Между тѣмъ въ дѣтской Наталья Ивановна ухаживала за Оединькою: мочила ему голову спиртомъ, терла спину о-деколономъ, укладывала его въ постель, но мальчику не хотѣлось лежать и онъ плакалъ; бранила горничную, упрекала няньку и затруднялась, за кѣмъ-бы ей послать: за докторомъ, или за костоправкою; въ ея воображеніи Оедя былъ уже горбать, кривобокъ, испуганъ, косить глазами, и картавить. Она бы и заплакала, еслибъ не ожидала каждую минуту прихода своего мужа.

Словомъ, это утро было самое безпокойное для Отрубевыхъ.

По отъѣздѣ Петра Васильича въ лавку, явилась торговка Авдотья Петровна, помня вчерашнее приказаніе Натальи Ивановны.

— Послушай-ка, любезная моя; человѣкъ-то ты, кажется, не перебивчивый, пусть это останется между нами, заговорила Отрубева, кликнувъ торговку къ себѣ въ спальню.

— И! мать вы моя, Наталья Ивановна! Что вы, что вы матушка! да развѣ я не понимаю! да сохрани меня Господи!

— То-то-же, Авдотья Петровна: что я тебѣ скажу, чуръ не выносить; задумала я одну сироту пристроить... ну...

— Доброе дѣло, свѣтикъ вы мой, доброе дѣло... Такъ не нужно-ли чего? Салопчикъ продается.

— Ну это послѣ; а теперь главное, найди-ка мнѣ жениха...

— Ну ужъ не знаю, Наталья Ивановна...

— Невѣста у меня дѣвушка порядочная, дочь Мавры.

— Ужъ я такъ и догадалась, такъ и догадалась, вы, только вчера того-то, а я и догадалась, сказала Авдотья Петровна самодовольно улыбаясь и сверкнувъ своими карими проницательными глазами. Какого-бы вамъ жениха-то?.. Ужъ-коли вы, мой свѣтикъ, взялись за это дѣло, такъ вѣрно не обидите. Есть у меня на примѣтѣ сосѣдъ, домокъ свой имѣеть, съ матерью живетъ, моя сударыня, слесарному обучался.... Вотъ ужъ паренекъ, нечего сказать, кровь съ молокомъ!... Все-то люблюсь, какъ пройдетъ мимо; вотъ думаю: замужъ-то-могъ не вышла, и у меня-бы можетъ такой сыночикъ былъ! Вѣдь идетъ-то онъ, мой соколикъ, не обернется, словно отпочка, только кудерьки потряхиваются; а поклонится такъ степенно, да такъ привѣтно, словно дѣвушка.... Зовутъ его Сережей.... Ну ужъ паренекъ!

— Хорошо, еслибы парень порядочный, небалованный; ты, вѣдь, знаешь Дашу-то, пара онъ ей?

— Ужъ какая парочка-то! любо, сударыня, вы моя! отвѣчала утвердительно Авдотья Петровна.

— Ладно. Затѣвай-ка дѣло Петровна, авось, Богъ благословить!

— Наталья Ивановна, сватать не берусь, а съ матерью жениховой, пожалуй, поговорю, будто отъ себя: вотъ-могъ такая-то невѣста!

— Да, конечно, будто отъ себя.

— Вотъ-могъ у нихъ роденька богатая, Отрубевы, сиротѣ-могъ помогутъ.

— Хорошо; только смотри-же, будто отъ себя, не болтай!

— Что вы, радость моя, Наталья Ивановна! да сохрани меня Господи!

Отд. I.

4

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на жениха.... Ты говоришь, онъ слесарь? Пришли его къ намъ, будто замки по-твнять, а я за невѣстой пошлю.... ну и уладимъ, чтобъ они другъ-друга посмотрѣли, проговорила Отрубева, подумавъ: вѣдь ладно будетъ, какъ ты скажешь?

— О, да! распрекрасно, свѣтикъ вы мой, Наталья Ивановна! постараюсь, отвѣчала радостно торговка.

— Такъ что у насъ сегодня? вторникъ? четвергъ.... я жду въ четвергъ, молвила Наталья Ивановна. Слышишь? въ четвергъ!

— Постараюсь. Да не думаете-ли вы побывать у Катерины Васильевны? Сей-часъ я иду, а она со странницей-то своей отъ обѣдни идетъ.... сказала Авдотья Петровна.

— А! ты мнѣ напомнила.... сегодня же поѣду, посмотрю, что будетъ продаваться гожее для невѣсты, молвила Отрубева, прощаясь съ торговкою.

— И въ самомъ дѣлѣ, думала Наталья Ивановна по уходѣ Авдотьи Петровны, дѣло затѣяла, надобно переговорить съ Петромъ Васильичемъ; неужели откажетъ? А пожалуй чего добраго; на роскоши денегъ не жажко, да на свое удовольствіе, а помочь ближнему пожалуй и поскунится.... Охо хо! грѣшныя мы люди!... А вотъ поѣду къ Катеринѣ Васильевнѣ и спрошу Ивана Павлыча; что-то онъ мнѣ скажетъ, уладится-ли задуманное. Да, что-то скажетъ! Наталья Ивановна вздохнула, грустное предчувствіе опять зашевелилось въ ея сердцѣ.

Катерина Васильевна Саламатина, двоюродная сестра Натальи Ивановны, была женщина лѣтъ пятидесяти, съ безстрастнымъ, желтоватымъ лицомъ, съ протяжною рѣчью; нѣкогда бѣлокурые ея волосы замѣтно посѣдѣли, и постоянно были прикрыты простымъ кисейнымъ чепцомъ. Она никогда не мѣняла своего шелковаго капота и своей черной материнской шали, у которой кайма уже превратилась въ рѣшето.

Несмотря на то, что домъ Саламатиныхъ, слышій пѣз-лервыхъ купеческихъ домовъ въ городѣ, былъ не что иное, какъ пріютъ странниковъ, странницъ, святошъ, ханжей разнаго рода, и станція во время пребыванія ихъ въ городѣ.

Катерина Васильевна и въ церкви, и въ гости къ роднымъ являлась не иначе, какъ въ сопровожденіи юродиваго, или какой нибудь блаженной.

Супругъ ея Алексѣй Алексѣичъ, круглый, бодрый старичекъ, глядѣлъ сквозь пальцы на причуды своей жены, и умильно улыбался ключницѣ Якимовнѣ, сорокалѣтней вдовѣ, которую по праздникамъ дарилъ *рыжичками* (червонцамп) и которая управляла всѣмъ хозяйствомъ. Катерина Васильевна ни до чего не доходила и не обращала ни малѣйшаго вниманія на свое семейство. Двѣ взрослые дочери Саламатиныхъ, не имѣя порядочнаго платья для выѣзда, постоянно сидѣли дома. Мать не заботилась объ ихъ парадахъ, потому что обѣихъ собирала въ монастырь. Обязанность дѣвушекъ состояла въ томъ, чтобъ пить чаемъ материнныхъ гостей, слушать рассказы о ихъ странствованіяхъ и разныхъ эпизодахъ изъ монастырской жизни, а иногда и назидательныя поученія о презрѣнн суеты житейской. По вечерамъ дочери поочередно читали для матери что нибудь изъ священнаго писанія. Зато въ ея отсутствіе по цѣлымъ днямъ были баклуши, сидя подъ окномъ, шелкали орѣхи, встрѣчая и провожая глазами прохожихъ, слушали сказки старой няньки о колдунахъ и лѣшихъ, или скандальныя исторіи горничной, дѣвки не совсѣмъ строгихъ правилъ. Отъ этихъ рассказовъ молодое воображеніе разыгрывалось, и дочки Катерины Васильевны, забывъ о томъ, что ихъ готовили въ монастырь, очень охотно мечтали о гарнизонныхъ офицерахъ, игравшихъ въ исторіяхъ горничной главную роль.

Старшій сынъ Саламатиныхъ былъ женатъ. Но молодая и богатая невѣстка называла свекровь почти въ глаза ханжею, скучала въ этомъ полу-монастырскомъ домѣ, и все время проводила у своей матери. Мужъ ея, весь погруженный въ торговые расчеты и присмотръ за фабрикою, казалось не замѣчалъ отсутствія своей жены. Младшія дѣти, въ числѣ двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ отъ пятнадцати до девяти лѣтъ, были безъ всякаго надзора, худо одѣтыя, и худо накормленныя. Они забиралась па кухню, и тащили у кухарки, что кто могъ, иногда же уносили тихонько ключи у Якимовны и дѣлали нападенія на шкафы съ сладостями

и закусками. Ключница не смѣла жаловаться на нихъ хозяйкѣ, зато все передавала хозяйну. Алексѣй Алексѣичъ, погрозивъ имъ пальцемъ, кончалъ тѣмъ, что всѣхъ четверыхъ, правыхъ и виноватыхъ, ставилъ по угламъ въ залѣ. И лишь только выходилъ въ буфетъ, гдѣ что нибудь дѣлала румяная ключница, какъ дѣти съ крикомъ вырывались изъ подъ ареста, и неслись куда попало.

При матери, которая требовала тишины, эта шумная толпа кой-какъ торопливо выпивала чай и тоже убѣгала поспѣшно съ родительскихъ глазъ. Грамотѣ ихъ училъ какой-то семинаристъ, существо безотвѣтное, которому ученицы пришиливали бумажные банты къ фалдамъ сюртука, а ученики писали на спинѣ мѣломъ кресты и карикатуры. Обучать дѣвушекъ рукодѣльямъ возлагалось на старшихъ сестрицъ, но старшія сестрицы сами не долюбивали работы, потому что у одной, завязанный годъ тому назадъ чулокъ, очень мало подвигался къ окончанію, а у другой стояли пяльцы, за которыми никто ее не видалъ.

Очень понятно, что при такой обстановкѣ, дѣти болѣе смотрѣли изъ рукъ ключницы, потому что мать была для нихъ почти чужая. Прислуга хотя заочно бранила Якимовну, но въ глаза льстила и подличала передъ нею; Катеринѣ Васильевнѣ некогда было заглядывать въ кухню.

— Якимовна, другъ мой, ты смотри-же... не удариться-бы намъ въ грязь лицомъ; сегодня у меня обѣдаетъ отецъ казначей такого-то монастыря, если ли у насъ рыба? говорила, по обыкновенію, утромъ хозяйка ключницѣ.

— Есть мелкая, что вчера привезли, Катерина Васильевна-съ.

— Какъ-же можно мелкая! съѣди-ка на садокъ, выбери что есть лучшее; нечего тутъ толковать! А вина?...

— Вина подъ-исходъ, Катерина Васильевна; есть тамъ бутылки двѣ мадеры, да портвейну бутылка; ромъ весь. Я докладывала Алексѣю Алексѣичу, они сказали, что теперь покуда будетъ, не нужно-съ!

— Что тебѣ толковать съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, развѣ онъ понимаетъ что нужно! съѣди, мой другъ, въ погребокъ; слышь, завтра у меня отецъ-казначей обѣдаетъ.

— Очень хорошо-съ.... И ключница отправлялась за покупками. Хлопотлива была должность Якимовны; но она на нее не жаловалась, скапливая усердно *рыжички* на черный день.

На другое утро, по обыкновенію, Саламатина ѣхала къ обѣднѣ и приглашала къ себѣ на обѣдъ: то отца казначея, то отца эконома, иногда и самого игумена, какъ приходилось.

Обѣдъ былъ вкусный и чинный. Катерина Васильевна бесѣдовала съ отцами о суетѣ мірской, или о дѣлахъ монастырскихъ. Двѣ старшія дочки кушали молча, потупивъ глаза. На концѣ стола смиренно сидѣли двѣ-три странницы, или монахини-сборницы дальнихъ монастырей. Алексѣй Алексѣичъ то грозилъ пальцемъ, обертываясь на буфетъ, гдѣ въ полуотворенныя двери заглядывали младшіе дѣти, лишенныя общаго стола и ожидающія какой нибудь подачки отъ щедротъ Якимовны.

Старшій сынъ, часто не промолвивъ ни слова, уходилъ изъ за половины обѣда; когда бывала невѣстка, то, прислушиваясь къ разговору и не мѣшаясь въ него, она иногда позволяла себѣ дѣлать насмѣшливыя мнны, стараясь, чтобъ то замѣтила свекровь. Последняя въ присутствіи отцовъ дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ; но если бывали за столомъ только женщины, то громко изъясляла неудовольствіе на непочтеніе къ старшимъ, на неуваженіе къ святымъ людямъ, на вольнодумство, отъ жалобъ переходило къ упрекамъ, потомъ къ личностямъ. И ссора закипала: невѣстка осыпала насмѣшками свекровь, и та заливалась слезами. Алексѣй Алексѣичъ тихонько вставалъ и уходилъ. Дочки толкали другъ-друга локтями, не приставая ни къ той ни къ другой сторонѣ. Сынъ выбиривалъ жену, кидалъ салфетку, стулъ съ громомъ летѣлъ въ сторону, и онъ быстро убѣгалъ изъ комнаты. Гости вслухъ и шопотомъ творили молитву. Кончалось тѣмъ, что невѣстка уѣзжала къ матери, а Катерина Васильевна, для успокоенія взволнованныхъ чувствъ, заставляла одну изъ дочерей прочитать что нибудь назидательное.

Пробило шесть часовъ. Вся семья Саламатинныхъ была въ сборѣ и сидѣла за чаемъ въ гостиной; ободранная ме-

бель, которая постоянно покрыта была чахлами, и чахлы эти, по милости пыли и хозяйки, ничего вокруг себя невидѣвшей, изъ бѣлыхъ превратились въ ситцевые. Катерина Васильевна на диванѣ бесѣдовала съ чернобровою Марьей Павловной; старшая дочь разливала чай, вторая подавала чашку отцу, сидѣвшему подъ открытымъ окномъ. За другимъ столомъ, младшія дѣти, съ повязанными вокругъ шеи салфетками, перешептывались изподътишка, дразнили другъ-друга языкомъ, толкались и щипались. Около ихъ стояла старуха-нянька, унимавшая ихъ шопотомъ. На полу среди комнаты сидѣлъ Иванъ Павлычъ, въ сипемъ нанковомъ халатѣ, подпоясанный ремнемъ, босой, и нечесаный, худощавый, но крѣпкаго сложенія, повидимому лѣтъ сорока. Щетинистая рыжая борода его давала о себѣ знать, что она не очень давно была выбрита; лукавые, красноватые, прищуренные глаза его быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, хотя онъ и старался принять глупый видъ. Передъ нимъ на подносѣ стояла большая чашка съ чаемъ, въ которую онъ крошилъ булку; возлѣ него лежала желѣзная напка его, увѣшанная бубенчиками и лоскутками.

Подъ окномъ послышался стукъ дрожекъ.

— Наталья Ивановна идетъ, сказалъ Алексѣй Алексѣичъ, взглянувъ въ окно, и всталъ, чтобъ встрѣтить гостю.

— Наталья Ивановна, Наталья Ивановна! пронеслось по комнатѣ. Старшая дочь привела въ порядокъ чашки на столѣ; вторая поправила волосы.

— Тс... тише!... проговорила Катерина Васильевна, привставъ и обдергивая капотъ. Нянька, уведи этихъ шалуновъ.

Дѣти встали и пошли; старшій изъ нихъ сталъ за креслами отца.

— Александръ! произнесла протяжно мать: ты зачѣмъ тутъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? ступай вонъ!

— Маменька-съ... заговорилъ-было сынъ.

— Это что! не повиноваться матери! Аль хочешь на стыдъ меня навести? Ишь, оборвышь! неучъ! вонъ! Мальчикъ ушелъ.

Вошла Отрубева.

Хозяйка ее встрѣтила и обняла. Дѣвушка разцѣловалась съ гостею.

— Милости просимъ, Наталья Ивановна. Ну что, здоровы ли? Прошу садиться, говорилъ скороговоркою хозяинъ: хе-хе! ну какъ вы-сь?... А мы все спасаемся.... Хе-хе-хе!

Катерина Васильевна строго посмотрѣла на мужа.

— Провѣдать васъ надумала. Ужъ извините, сестрица, сказала Наталья Ивановна, усаживаясь: ну, вы какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Слава Премилосердому! до сегодня. И я тоже думала къ тебѣ, Наташенька, заѣхать.... Видишь, у меня какое сокровище! Катерина Васильевна показала на Ивана Павлыча и Марью Павловну. Последняя встала и смиренно поклонилась. Рабы Божіи удостоиваютъ мою хижину своимъ посѣщеніемъ, не за мои добродѣтели.... нѣтъ! а за молитвы моихъ родителей, продолжала Саламатина, садясь возлѣ гостыи.

— Слышала я, сестрица.... и не утерпѣла, проговорила Наталья Ивановна посмотрѣвъ съ любопытствомъ на Ивана Павлыча.

— Ну, вотъ видишь, блаженные какъ ни стараются скрыться, какъ ни стараются избѣгать мірской славы, а все-таки земля наполняется слухомъ объ ихъ жизни. Чудные братья и сестра, посвятившіе себя страннической жизни!... Взгляни-ка ты на нее-то, Наташенька, какая еще юная!...

Наталья Ивановна обратила вниманіе на Марью Павловну. Несмотря на черное длинное платье и платокъ, закрывавшій лобъ по самыя брови, видно было, что она не дурна, и на видъ ей казалось не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Но темные, быстрые глаза ея вовсе не выражали того смиренія, которое она старалась придать своимъ движеніямъ.

— А онъ-то, ужъ истинно праведный человѣкъ!... Все духомъ провидитъ, сказала шопотомъ Катерина Васильевна, наклонясь къ уху гостыи; лишь только взглянулъ на Надю и Сою: ты, говоритъ, ихъ замужъ не выдавай, а въ монастырь. Слышишь, точно узналъ мои сокровенныя мысли; да, онъ и узналъ.... Прозорливый человѣкъ!...

Наталья Ивановна съ удивленіемъ покачала головой.

— Я тоже намѣрена у него кой-о-чемъ спросить, затѣмъ

и пріѣхала, молвила она шопотомъ: Грусть такая, сердце щемить... сама не знаю отчего... словно бѣду какую чую; а сама здорова, и дѣти тоже, слава Богу.

— А все лукавый на уныніе наводитъ, Наташенька; право такъ... Да что мы гостью-то не попотчѣемъ?.. Соня! чаю Наталья Ивановнѣ! молвила хозяйка, обращаясь къ старшей дочери.

Надя подала чай гостьѣ.

— Да у васъ все дѣти прислуживаютъ! Какъ это хорошо, сестрица! пріятнѣе чѣмъ изъ чужихъ рукъ... право-съ! замѣтила Отрубева.

— Они у меня послушаніе несутъ, привыкаютъ; правда, я, грѣшна, я и всегда заботилась о ихъ смиреніи, сказала самодовольно Катерина Васильевна; онѣ у меня, Наташенька, слава Милосердому, совсѣмъ не имѣютъ житейской гордости, или мірскихъ желаній; другія, знаешь, пожалуй, и нарядовъ-бы запросили, а онѣ и не думаютъ.

Въ это время Иванъ Павлычъ всталъ, и, поднявъ свою палку, принялся прыгать на одной ногѣ, вокругъ подноса съ чашкою. Надя подошла и хотѣла взять подносъ.

— Не смѣй!.. крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, не переставая кружиться. Сдѣлавъ два-три прыжка, и поднявъ подносъ, подалъ его съ низкимъ поклономъ Наталья Ивановнѣ. Та робко приняла, смотря съ боязнію на включенную голову юродиваго.

— Покорно благодаримъ, Иванъ Павлычъ! садись-ка, садись, рабъ Божій, между нами; молвила прівѣтливо Катерина Васильевна и подвинулась въ уголъ дивана. Иванъ Павлычъ безцеремонно помѣстился между хозяйкою и Натальею Ивановной. Послѣдняя боязливо отъ него отодвинулась и смотрѣла съ недоумѣніемъ въ пустую чашку, не зная, что съ нею дѣлать.

— Пей! сказалъ юродивый, нагло посмотрѣвъ на гостью.

— Да тутъ ничего нѣтъ, чашка пустая, отвѣтила робко послѣдняя.

— А! вы любите полныя-то чаши, пустыхъ не любите! Знаю, знаю!.. и Иванъ Павлычъ замололъ скороговоркой: стоятъ семьдесятъ семь горшковъ, полнымъ полны, сокраща-

ми ровны, кади не съ пшеницей, не съ чечевицей, золотомъ насыпаны, полны сусѣки серебра и куры не клюютъ, несутъ курицы золотыя яйцы...

— Богатство тебѣ пророчить, — шепнула Катерина Васильевна гостѣ.

— Иванъ Павлычъ! проговорила не смѣло Наталья Ивановна: у насъ суденышко съ хлѣбцомъ въ путинѣ; благополучно-ли оно приплыветъ?

— А что-жь ты мнѣ дашь, Наташа, коли я пѣсенку спою? А? что ты мнѣ дашь?

Наталья Ивановна посмотрѣла вопросительно на хозяйку.

— Дай ему хоть цѣлковый, если есть съ тобой деньги, молвила та тихо.

Наталья Ивановна достала изъ кармана бисерный кошелекъ, въ которомъ нашлось мелочи целковыхъ на два; она всѣ деньги подала предсказателю.

Иванъ Павлычъ всталъ, повертѣлся на одной ногѣ, подошелъ къ столу и наливъ въ полоскательную чашку воды, бросилъ туда деньги, и, сталъ смотрѣть, выдѣлывая самыя странныя гримасы; потомъ дико затянулъ:

«Плыветъ, плыветъ корабликъ
«Съ парчами, съ соболями,
«Съ добрыми молодцами...

— Слышишь! шептала Катерина Васильевна, подталкивая подъ-бокъ Наталью Ивановну.

Послѣдняя кивнула головой; сердце ея радостно билось.

Но юродивый выбралъ изъ чашки деньги, спряталъ ихъ къ себѣ въ рукавъ, а водою съ ногъ до головы окатилъ Сою. Дѣвушка вскрикнула и убѣжала.

— Вотъ, славно, ха, ха, ха! хохоталъ во все горло Иванъ Павлычъ, и прибавилъ, обратясь къ хозяйкѣ: Катюша! вели-ка мнѣ сдѣлать пуншикъ.

Катерина Васильевна сердито посмотрѣла вслѣдъ убѣжавшей дочери, и обратилась ко второй.

— Надя! сдѣлай пуншикъ Ивану Павлычу.

Дѣвушка принялась исполнять приказаніе, но когда стала подливать въ стаканъ рому, юродивый подскочилъ и безце-

ремонно началъ колотить по рукѣ молодую хозяйку, такъ, что ромъ лился черезъ край стакана на блюдечко.

— Иванъ Павлычъ! пропищала дѣвушка, отнявъ бутылку.

— Надя! что ты! молвила строго мать, развѣ ты не понимаешь, что Иванъ Павлычъ пророчить намъ *въ полномъ* домѣ жить... Но уже лить было не куда, блюдечко было полно, и предсказатель, схвативъ стаканъ, принялся со смѣхомъ пить, потомъ запѣлъ:

«Ужъ ты роща, березовая,
«А въ тебѣ, рощица, брала Мама ягодки,
«Калину съ малиною...

— Слышите, Катерина Васильевна, что братецъ-то пророчить? пророчить дорогу, значитъ мы отъ васъ скоро отправляемся, пойдемъ лѣсами и будемъ питаться ягодками, замѣтила смиренно Марья Павловна, доселѣ молчавшая.

— Что это вы, Марья Павловна! Да какъ я рада-то васъ въ своей хижинѣ видѣть! развѣ что не понравилось Ивану Павлычу? Такъ ужъ уговорите его, чтобъ простилъ наши недостатки... а я право рада, еслибъ вы погостили, отвѣчала хозяйка.

— Покорно благодаримъ, наша матушка, за ваше радушіе, отвѣчала странница съ низкимъ поклономъ. Но что-жъ дѣлать, когда посвятили себя страннической жизни; не все покоиться въ вашемъ благопріятномъ домѣ, пора подумать и о новыхъ трудахъ... Жалѣю только, что съ вами, сударыня, прежде не познакомилась, вы тоже добрая душа, какъ видно, не гнушаетесь насъ, смиренныхъ рабовъ Божиихъ... примолвила она, обращаясь къ Натальѣ Ивановнѣ.

— Я тоже съ своей стороны очень жалѣю, что не пригласила васъ посѣтить мой домъ. Удивляюсь я, такія вы, Марья Павловна, еще молодыя, а обрекли себя на такую многотрудную жизнь: легко сказать, безъ вѣрнаго пристанища ходить по бѣлу свѣту! сказала ласково Наталья Ивановна.

— Молода я, правда ваша,—отвѣчала Марья Павловна, потупя глаза; такъ что-жъ, покуда въ силахъ; зачѣмъ же

дожидаться хворой старости, когда ноги ходить не будутъ... А теперь, вотъ мы съ братцомъ, два раза были въ Кіевѣ, два раза въ Новомъ Іерусалимѣ; теперь собираемся въ старый, если боголюбцы помогутъ...

— Доброе дѣло, но трудное, Марья Павловна! Говорятъ, тамъ вѣдь по-русски ни слова не знаютъ. А на пути-то все разбойники, такъ, говорятъ, и губятъ, и губятъ прохожихъ, которымъ откупиться не чѣмъ... замѣтила хозяйка.

Вошла Соня.

— Что это, сударыня, бѣгаешь! дура ты этакая! гдѣ-бы радоваться, что праведный человѣкъ, значить, можетъ быть здоровье тебѣ пророчить, или особую какую благодать, а она позволить кричать, замѣтила строго Катерина Васильевна.

— Маменька-съ, да какъ-же-съ! Вѣдь я испугалась; я была вся мокрая, нужно было платье переменить-съ, отвѣчала робко дочь.

— Перестань, сударыня, дурачиться, ишь испугалась! А чего, позволь спросить? Молчать у меня!.. чтобъ я больше не слышала! Дѣвушки переглянулись и тихонько пересмѣхнулись, увидѣвъ, что мимо окна проѣхалъ верхомъ адъютантъ.

— Иванъ Павлычъ! заговорила Наталья Ивацовна: я къ вамъ, батюшка, за совѣтомъ: задумала я свадьбу устроить, какъ вы скажете, а?

Иванъ Павлычъ, кончивъ свой пуншъ, понюхалъ изъ тавлинки табакъ и отвѣчалъ съ разстановкою:

— Ъхалъ мужикъ на телѣгѣ, были запряжены двѣ лошади: одна ретивая, другая лѣнвая; первая впередъ бѣжитъ, а послѣдняя упирается; обѣ мучатся, и выходятъ дрянъ. А кабы была запряжена одна ретивая, то бѣжала бы какъ ей надо, а одна лѣнвая, тащилась-бы тоже какъ хотѣла. Не надо, не нужно, дочь не женится, сынъ замужъ не пойдетъ... надѣнуть дѣвушки черныя шалочки... ха, ха, ха... Понюхай-ка, Наташа, табачку!.. Иванъ Павлычъ поднесъ свою раскрытую тавлинку къ самому носу Натальи Ивановны.

— Я не нюхаю, Иванъ Павлычъ, отвѣчала она и шепнула хозяйкѣ: значить, сестрица, свадьбѣ не бывать?

— Разумѣется! да что-жъ это за свадьба! неужели ты о Пашѣ думаешь? кажется, рано, еще молодъ!

— Нѣтъ, не о немъ, я такъ... задумала объ одной дѣвушкѣ. Неужели, что онъ говорить, все можетъ сбыться?

— Увѣрю я тебя, что это праведный человекъ! не только чтò можетъ случиться, да чтò и думаешь, и то можетъ быть знаетъ...

— Господи помилуй! прошептала со страхомъ Наталья Ивановна, усомнившаяся въ святости Ивана Павлыча, видя, съ какимъ удовольствіемъ онъ тянулъ пуншъ. Сестрица, я не знаю, право... можетъ и грѣшу, а вѣдь онъ, посмотрите-ка; и хмѣльное пьетъ, и табакъ нюхаетъ, замѣтила она на ухо Катеринѣ Васильевнѣ.

— Это онъ, другъ мой, такъ на себя юродство накидываетъ, чтобъ люди его поста не видѣли, а ты думаешь онъ изъ удовольствія? О! нѣтъ!

Иванъ Павлычъ вышелъ.

— Уже хотя на единую минуту, а буду у васъ, Наталья Ивановна; за грѣхъ считаю не посѣтить васъ! сказала умиленно Марья Павловна: много святыхъ мѣстъ, предполагаемъ мы съ братцомъ посѣтить, можетъ, возъмѣете усердіе на свѣчи послать?

— Зайдите, Марья Павловна, во всякое время я рада буду.

— Ужъ, конечно, позвольте съ братцомъ. Одна я никуда не хожу, грѣшница.

— Рѣдко вы насъ посѣщаете, Наталья Ивановна, вотъ что-съ. Сказалъ вдругъ Алексѣй Алексѣичъ, доселѣ молча перебиравшій какую-то книгу; а Петръ Васильичъ и вовсе къ намъ не заглядываетъ, да-съ, наше общество ему не нравятся. Вѣдь онъ такой *вольнодумецъ*. Хе, хе, хе!

— Что это Алексѣй Алексѣичъ! ты ужъ вовсе изъ ума выжилъ. Да какъ тебѣ не стыдно, да какъ тебѣ не грѣхъ такія богопротивныя слова говорить! Ты его вольнодумцемъ называешь... Развѣ мы не знаемъ, что Петръ Васильичъ

и въ церковь ходить... Ахъ, ты грѣховодникъ! сказала Катерина Васильевна.

— Ну что-жъ я такое сказалъ? я ничего... Петръ Васильичъ такой-же православный, только многого не любитъ такого, что любишь ты; да и смѣется еще вдобавокъ... Вѣдь я правду говорю; Наталья Ивановна, что вы, на это скажете-съ?

Наталья Ивановна только махнула рукой.

— Полно, судырь, о людяхъ говорить, самъ-то ты что дѣлаешь? человекъ ты старый, сѣдинами украшенъ... гдѣ бы иной разъ что нибудь назидательное прочитать, на пользу себѣ и другимъ, а ты, только и вижу, что какую-то театральную книжонку въ рукахъ вертишь. Стыдно сказать — урокъ дѣтямъ; примѣръ поучительный. Охъ ты, грѣховодникъ!..

— Ну, вся разсердилась! сказалъ въ полголоса Алексѣй Алексѣичъ, понюхавъ табаку изъ большой серебряной съ чернью табакерки, продолжалъ вслухъ:

— Э-хе-хе!.. что-жъ тутъ за грѣхъ? Не вижу, матушка, никакого грѣха, умное сочиненіе просмотрѣть, это видишь *горе отъ ума*, то есть критика...

— Перестань ты съ критиками своими. Что такое критика? праздные люди, отъ нечего дѣлать, или отъ злости пересуживаютъ другъ-друга. Стыдно, судырь, тебѣ такими пустяками заниматься! Горе отъ ума! послушайте добрые люди!.. прибавила Саламатина, обращаясь къ гостямъ: горе отъ ума! Да развѣ отъ ума терпѣлъ кто горе?.. терпятъ, судырь, горе-то, да только отъ безумія. Вотъ что!

Алексѣй Алексѣичъ махнулъ обѣими руками и вышелъ въ залу, забывъ на окнѣ табакерку.

— Ужъ какъ бы мнѣ дочерей-то поскорѣй Богъ привелъ избавить отъ такого соблазна! сказала со вздохомъ Катерина Васильевна.

— И такъ вы думаете дѣвицъ?.. молвила Отрубева.

— Въ монастырь... Ужъ это рѣшено давно; пусть молятся за меня Богу! перебила хозяйка.

Въ залѣ послышалось шушуканье, поцѣлуй, и голосъ

Петра Васильича Отрубева. Потомъ онъ явился на порогѣ гостинной, въ сопровожденіи хозяина.

— Ну вотъ и я къ вамъ! мое почтеніе, Катерина Васильевна! здоровье ваше? Приѣхалъ я домой, говорятъ: Наталья Ивановна уѣхала къ Катеринѣ Васильевнѣ, ну и я слѣдомъ за женой.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ, не видала васъ, Петръ Васильичъ. Садитесь-ка, милости просимъ! говорила хозяйка: вотъ здѣсь, гость дорогой, возлѣ Натальи-то Ивановны. Эй, Якимовна! чаю Петру Васильичу!

Отрубевъ и хозяинъ помѣстились на ближнихъ креслахъ. Остывшій самоваръ унесли со стола. Дочерямъ мать приказала идти въ свою комнату.

— О, у насъ все тѣ же гости, Катерина Васильевна! Вы нисколько не перемѣнились! Право, какъ вы постоянны! замѣтилъ гость, посмотрѣвъ холодно на Марью Павловну, которая потупилась.

— Поздно ужъ мнѣ, да и грѣшно на старости лѣтъ мѣняться, отвѣчала хозяйка; какіе-жъ тѣ же гости у меня? эта смиренная странница еще не давно... вы, вѣрно, ее не видали?

— Право, не помню. Я хотѣлъ только сказать, что вы по прежнему окружаете себя странниками разнаго рода, ханж...

Наталья Ивановна толкнула тихонько мужа.

— Ну что-жъ ты толкаешься! развѣ я не правду говорю?..

Катерина Васильевна поморщилась.

— Полно, полно, вольнодумецъ! хе, хе! Когда ты исправишься? сказалъ весело хозяинъ.

Марья Павловнѣ было очень не ловко; она встала, подошла къ окну, повертѣлась и сѣла въ самый дальній уголъ.

— Петръ Васильичъ, я думаю, всякій воленъ принимать въ своемъ домѣ кого онъ хочетъ, замѣтила съ неудовольствіемъ хозяйка.

— Я не спорю съ вами, только позвольте замѣтить, что вѣрно скучно вашимъ дочкамъ вести такую, какую-то затворническую жизнь?.. право! А я Софья Алексѣевнѣ и жениха

вашелъ. Ну-ка, Катерина Васильевна, не лучше-ли веселымъ пиркомъ, да и за свадебку, чѣмъ притворствовать-то тутъ! Право!..

Наталя Ивановна сидѣла точно на угольяхъ.

— Петръ Васильичъ! прошентала она.

— Ну что такое, Петръ Васильичъ! развѣ я не правду говорю?

— Никто васъ не просить искать жениховъ для моихъ дочерей, сказала съ видимою досадою хозяйка, кусая губы. Съ своими дочерьми я и сама умѣю распорядиться безъ вашего вмѣшательства; я сказала, что онѣ не будутъ замужемъ, ну, и не будутъ, я хочу чтобъ онѣ шли въ монастырь, и пойдутъ, значить я мать, и властна дѣлать изъ нихъ что хочу. У меня, слава Богу, онѣ не смѣютъ и губами перешевелить. А вамъ, Петръ Васильичъ, не слѣдовало-бы насмѣхаться надо мною; у васъ у самихъ дѣти...

— О, да вѣрно съ вами не сговоришь! Ну, Богъ съ вами, совсѣмъ; боюсь только, что и жена моя не набралась бы отъ васъ такихъ же душеспасительныхъ мыслей, тогда хоть изъ дому бѣги... А замашки-то ужъ появляются. Послушайка, Алексѣй Алексѣичъ, у меня и Наталя Ивановна, въ подражанье твоей суругѣ, приучила какую-то пройдоху... сказалъ Петръ Васильичъ, обращаясь къ хозяину, который уже суетился около окна, то заглядывая подъ столъ, то шаря руками подъ стульями.

— Слышу, слышу! отвѣчалъ послѣдній. Эка пропасть! куда она запропастилась?

— Да что ты тутъ дѣлаешь?

— Табакерку, братецъ, ищу; не помню, гдѣ положилъ..

— Петръ Васильичъ! молвила съ упрекомъ Наталя Ивановна, покачавъ головой.

— Что, я развѣ не правду сказалъ? Однако здѣсь очень жарко, пойдѣмъ-ка сюда, Алексѣй Алексѣичъ! Отрубевъ всталъ и вышелъ въ залу, на порогъ столкнулся съ Иваномъ Павлычемъ.

— Это что еще за нечеса у васъ? Тьфу, ты, чортъ! Кто онъ такой? спрашивалъ онъ строго.

— Человѣкъ, отвѣчалъ юродивый, закатывая глаза подъ лобъ.

— Не кобенься, пожалуйста! какой-же ты человѣкъ, кто и откуда?

— А тебѣ на-что? Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей, отвѣчалъ какъ будто не хотя странникъ, прошелъ мимо Отрубевы, закинувъ голову и развалился на диванѣ, между хозяйкой и Натальей Ивановной.

— Знаешь-ли что? — и барабанъ обшитъ кожей. А что, если палки, которыя гуляютъ по барабанной кожѣ, разгуляются грѣхомъ по твоей,—что ты на это скажешь, любезный? проговорилъ Петръ Васильчъ, нахмуривъ брови.

— Вы осмѣливаетесь обижать въ моемъ домѣ смиренныхъ странниковъ, людей праведныхъ! Вы ничему не вѣрите, Петръ Васильчъ; смотрите, не получите за то наказанія свыше... проговорила Катерина Васильевна, съ угрожающимъ видомъ и поблѣднѣвъ съ досады.

— Сестрица, извините его, ужъ у него такой *характеръ*, вставая, сказала взволнованнымъ голосомъ Наталья Ивановна.

— Сиди, сиди, Наташенька! я тебѣ рада, мой другъ; помнѣ, право, обидно...

— Я васъ не думалъ обижать; но воля ваша, не заставьте меня считать праведникомъ всякаго бродягу. Въ бывлыя времена, сударыня, праведники не заглядывали въ тѣ дома, гдѣ сладко кормятъ, и не лѣзли напоказъ, а всячески скрывались, чтобъ люди не замѣтили ихъ подвиговъ. Вотъ что! А это что такое? лѣнтяя, и, работать не хотятъ, тунеядцы, къ старухамъ подбиваются, строятъ имъ турысы на колесахъ, да деньги выманиваютъ; одну одурачатъ, къ другой идутъ; вотъ и все!.. Чего это, право, полиція-то у насъ смотритъ? тоже съ досадою проговорилъ Петръ Васильчъ.

— Господи! какое вольнодумство! воскликнула сквозь слезы хозяйка и заткнула себѣ уши.

— Ну вотъ и сама, матушка, проговорила богопротивное слово, замѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ, поднимаясь съ полу. Не могу найти... что ты будешь дѣлать... куда это она дѣвалась?.. Эй! Якимовна!..

Якимовна явилась на зовъ.

— Поищи ты моей табатерки, не знаю куда дѣвалась! помнится, я тутъ на окнѣ ее оставилъ.

Ключница принялась искать табатерку.

Между тѣмъ Иванъ Павлычъ нагло погрозилъ Петру Васильичу палкою.

— Каналья!.. произпесь послѣдній, выходя въ залу. Ну, Алексѣй Алексѣичъ, только съ тобой ссориться не хочу, сказалъ онъ, когда подошелъ къ нему хозяинъ: а то я съумѣлъ-бы проучить этого *нечосанаго* шельму, я отправилъ бы его въ полицію, не посмотрѣлъ-бы на защиту Катерины Васильевны. Ишь, смѣетъ мнѣ палкою грозить! мерзавецъ!

— Полно, братецъ; стоитъ-ли обижаться. Чего ты захотѣлъ отъ дурака?

— Ну ужъ мое почтеніе! Я бы тогда узналъ, дуракъ онъ или наглый плутъ; удивляюсь я тебѣ, Алексѣй Алексѣичъ! Ну можно-ли терпѣть подобныя женины дурачества! Положимъ, что она сердобольна и пусть накормитъ ихъ, когда они голодны, дастъ ночлегъ на ночь, ну это куда не шло; а-то окружать себя безпрестанно подобными уродами, день и ночь сидѣть съ ними; и, какъ какую нибудь диковинку, возить ихъ на показъ съ собою въ коляскѣ!.. А кто ихъ знаетъ, можетъ быть они какіе нибудь бѣглые мошенники! По правдѣ сказать, привольская, братецъ, полиція, часто не знаетъ, что у ней подъ носомъ дѣлается. Какъ хочешь, все это ни на что не похоже.

— Что ты будешь дѣлать! сказалъ хозяинъ со вздохомъ, садясь противъ гостя, и пожавъ плечами. Я тоже сперва и такъ и сякъ — куда ты! жалуется, что преграждаю ей путь къ спасенію, и то и другое... Ну, скрѣпилъ свое сердце и махнулъ рукой. Богъ съ тобой! думаю, живи, матушка, какъ хочешь, тревоги и ссоры не люблю; притомъ-же ея причуды никому большаго и вреда не дѣлаютъ.

— Напротивъ, другъ любезный, вредъ-то они дѣлаютъ большой. При всемъ моемъ уваженіи къ Катеринѣ Васильевнѣ, замѣчу, что она не совсѣмъ хорошо поступаетъ; пусть бы

ужь хотя сама-то ханжила, какъ хотѣла, а-то и дочерей-то къ тому-же ведетъ. Что вамъ выдать что-ль ихъ не чѣмъ?

— Петръ Васильичъ, дочери наши сами желаютъ въ монастырь.

— А ты ихъ спрашивалъ объ ихъ желаніи?

— Что мнѣ спрашивать-то! Что я? мое, братъ, мужское дѣло. Ихъ должна мать руководствовать!

— То-то и есть. А я думалъ Союю-то бы за Петрушу Шестунова. Ужъ смазали бы дѣло. Какъ ты думаешь?

— Поди-ка, сговори съ Катериной Васильевной. Охъ, братъ! Алексѣй Алексѣичъ махнулъ рукой: Якимовна, что-жъ табатерка?

— Не нашла, сударь, Алексѣй Алексѣичъ! ужь вѣрно дѣти затащили, отвѣчала ключница, выходя изъ гостиной.

— Ну такъ поскорѣй, хоть чай давай.

— Какое къ праху дѣти затащили, дѣти давно ушли, лишь Наталья Ивановна пріѣхала, сказалъ хозяинъ, по уходѣ ключницы.

— Вотъ къ слову, хоть-бы и младшія-то ваши дѣти, гдѣ они? при васъ ихъ никто никогда не видитъ, прячутся, гдѣ-то по закоулкамъ.

— Эхъ братецъ! шалуны, шалить, шумять.

— Они и всегда будутъ шалунами, когда только съ прислугою на кухнѣ обращаться станутъ, а пріѣдетъ, напри-мѣръ, кто нибудь къ вамъ, они и носа показать не смѣютъ. *Не изъ рода вонъ*, моя Наталья Ивановна, тоже выдумала держать Федю, всегда одного въ дѣтской, кормитъ на особицу; я вчера ужь вниманіе на то обратилъ, говорю: что это, сударыня, что ты сына-то дикаремъ что-ли хочешь сдѣлать! Нѣтъ, такъ-то, почтеннѣйшій Алексѣй Алексѣичъ! нонче свѣтъ другой пошелъ, надобно дѣтей въ люди выводить.

— Правда твоя, я согласенъ, да что ты будешь дѣлать, мать того не хочетъ: а спорить, непріятности заводить, я не люблю.

— Неизлѣчимъ, братъ ты, совѣмъ неизлѣчимъ, Алексѣй Алексѣичъ! сказалъ Отрубевъ, покачивая головой. Да и всѣ-то вы *чудные*, вотъ у васъ и Николай Алексѣичъ, чело-вѣкъ-бы кажется умный, а со стороны посмотришь, точно

чужой въ своей семьѣ, вѣчно на фабрикѣ торчитъ; изъ дому бѣжитъ какъ угорѣлый; домашніе безпорядки для него *трынь трава*. Впрочемъ извши, братъ Алексѣй Алексѣичъ, что я говорю то, чтобы не должно, не мое дѣло; говорятъ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ. Душевно тебя люблю и уважаю, а бывать у васъ часто не могу, потому что лишь попаду къ вамъ, непременно съ Катериной Васильевной поспорюся. А что за радость!..

— Полно, Петръ Васильичъ, перестань пожалуйста, перебить хозяинъ. Мало ли что между родственниками говорится; если что такое и сказалъ ты, что Катеринѣ Васильевнѣ не понравилось, то я увѣренъ, что все же изъ желанія намъ добра. Ну, а что я тебя люблю, и уважаю, такъ ужъ ты братецъ, въ томъ не сомнѣвайся... Якимовна, сдѣлай-ка намъ по пушику, только смотри: не по будничному, а по праздничному. Понимаешь!.. примолвилъ онъ, хлопнувъ легонько по плечу ключницу, подошедшую съ чаемъ.

— Ого! любезный, какія нѣжности! сказалъ гость, засмѣявшись, и принимаясь за стаканъ: — смотри, жена увидитъ, бѣда! Пожалуй и ключницу къ шаху! А ключница-то у васъ славная! Смотри-ка какая пышка!

— Что это-съ, Петръ Васильевичъ, ужъ что нибудь да скажете... право-съ!.. молвила Якимовна, закраснѣвшись и убѣгая въ буфетъ.

— Ахъ ты шутникъ! однако на счетъ Катерины Васильевны, братецъ мой, того-то...

— А что?

— Да такъ, святоша стала... совсѣмъ святоша.

— Вотъ что! такъ значить на твои проказы глядятъ сквозь пальцы; а ты ея дурачествамъ поблажаешь. Это ужъ что-то будто по дворянски. Смотрите чего добраго, не разойдитесть на разныя половины, чтобъ обоимъ было удобнѣе... да!

— Шутникъ ты ей-Богу! Хе, хе, хе! разсмѣшилъ, братецъ. Однако шутить нечего, жена и такъ это пристала, отпусти ея, видишь, въ монастырь съ дочерьми; тамъ она, слышь, годъ али два проживеть, устроить ихъ, поглядитъ на ихнее жптье-бытье.

— Такъ что жъ ты?

— Да помилуй, братецъ!.. какъ же я тутъ съ младшими-то дѣтьми останусь!

— Напрасно. А я бы, знаешь ли, что сдѣлалъ, отвезъ-бы ее самъ, да въ такую пустыню, гдѣ монахини сами все черныя и тяжелыя работы исправляютъ, безъ всякаго лицепріятія, да попросилъ бы еще, чтобъ се тамъ къ трудамъ-то хорошенько постарались приучить. Вотъ что-съ! А то у этихъ барынь монастырская-то жизнь только на языкѣ...

Якимовна подала стаканы съ пуншемъ.

— Совсѣмъ забылъ я тебѣ сказать, Алексѣй Алексѣичъ, я новыхъ лошадей купилъ у Кутялова. Посмотри-ка какія; нарочно велѣлъ въ коляску запречь и прикатилъ сюда на нихъ.

— Ахъ ты мотъ, мотъ! Развѣ сѣрая-то пара у тебя, худа что ли была? сказала, покачавъ головой, Саламатинъ.

— Куда сѣрая, одна захромала... а ты посмотри-ка, братъ, что это за лошади! небось у всякаго зубы разгорятся; онѣ у воротъ,—я Ванькѣ не велѣлъ вѣзжать на дворъ. Пойдемъ-ка въ столовую... посмотри...

Хозяинъ и гость вышли, и долго изъ окна столовой любовались стоявшими за воротами лошадьми. Когда они опять возвратились въ залу, стаканы ихъ были порожни, и стояли опрокинуты вверхъ дномъ.

— Это что! воскликнули почти въ одинъ голосъ хозяинъ и гость.

— Ужъ вѣрно Иванъ Павлычъ спрочаказилъ! сказалъ, засмѣявшись, хозяинъ, желая обратить все въ шутку.

— И это ничего у васъ, позволяется? молвилъ Отрубевъ, вспыхнувъ отъ досады.

— Да что ты будешь дѣлать съ дуракомъ!.. Эй, Якимовна!

— Не надо, молвилъ гость, нахмуривъ брови:—не безпокойся, пожалуйста, Алексѣй Алексѣичъ, мнѣ пора домой; а то ваши дураки еще какую нибудь дурацкую шутку подшутятъ, чего я терпѣть не могу. Онъ всталъ.

На крикъ хозяина вмѣсто ключицы вошла горничная.

— Звать изволили-съ? Степаниды Якимовны нѣтъ-съ, сказала она.

— Возьми стаканы, и вели Якимовнѣ сдѣлать пунши, приказалъ хозяинѣ.

— Ай! Иванъ Павлычъ! проворчала дѣвка, взявъ поднось.

— Что такое Иванъ Павлычъ?

— Да ничего-съ; выпилъ пуншъ, и думаю совсѣмъ теперь свалился-съ, отвѣчала горничная.

— А ты развѣ видѣла, какъ онъ пилъ?

— Видѣла-съ.

— Дура! отчего-же ты ему ничего не сказала?

— Помилуйте, Алексѣй Алексѣичъ, развѣ я смѣла чтонибудь сказать-съ! вы сами изволите знать, какъ бы за это Катерина Васильевна прогнѣвалась...

— Ну, ну, замолчи пожалуйста, сказалъ хозяинъ, которому уже замѣтно дѣлалось стыдно.

— Наталья Ивановна, пора домой! Наталья Ивановна, слышишь! пожалуйста поскорѣй... говорилъ Петръ Васильичъ, быстро подходя къ дверямъ гостиной.

Наталья Ивановна поднялась и стала торопливо прощаться съ хозяйкой.

— Наташенька, посиди, мой другъ, я тебѣ рада, говорила Катерина Васильевна: куда торопишься-то?

— Ну-же, пора, пора, Наталья Ивановна! говорилъ Отрубевъ, стоя въ дверяхъ.—Мое почтеніе, Катерина Васильевна... за угощеніе! — счастливо оставаться...

— Помилуйте, Петръ Васильичъ. Ужь заторопились. Рѣдко къ намъ жалуете, да и то словно на угольяхъ; и поглядѣть-то на себя не дали.—Посидите пожалуйста, сказала хозяйка.

— Покорно благодаримъ-съ... Ужь пожалуйста не удерживайте... ну же Наташенька!

— Къ намъ милости просимъ, сестрица, пожалуйста, проговорила Отрубева, накидывая шаль.

— Только пожалуйста безъ вашихъ юродивыхъ, договорилъ мужъ. Саламатина не слыхала.

— Заторопились вдругъ, и Боже мой! скоро больно надобно. Ахъ Петръ Васильчъ! точно загорѣлось!..

— Да, загорѣлось... загорѣлось мое самолюбіе, Катерина Васильевна, то есть, позвольте вамъ доложить, что вашему дураку себя дурачить не позволю; съ вами онъ все можетъ дѣлать, но со мной... вретъ онъ собачій сынъ! не на такого напалъ, я попрошу полиціймейстера, чтобъ онъ допытался, что это за праведникъ такой; тогда увидимъ. Жаль только, что теперь его здѣсь нѣтъ, проговорилъ Петръ Васильчъ, сурово оглядывая гостиную, изъ которой къ счастью Иванъ Павлычъ улизнуть.

— Прощенья просимъ... сказалъ Отрубевъ Катеринѣ Васильевнѣ, повернулся, и быстро и гордо пошелъ черезъ залу, пожавъ на походѣ руку оторопѣвшему хозяину. Наталья Ивановна также съ нимъ поклонилась, слѣша догнать мужа.

— Господи! произнесла обиженнымъ тономъ Саламатина, и, залившись слезами, опустилась на диванъ.

— И все-то вы изъ-за насъ терните такія непріятности, наша благодѣтельница!.. сказала слезливымъ голосомъ, выходя изъ угла Марья Павловна:— ужь позвольте лучше мнѣ несчастной удалиться! не могу видѣть, не могу видѣть вашихъ слезъ, вашего безпокойства-съ!

— Нѣтъ, нѣтъ, душенька моя Марья Павловна; напротивъ, оставайтесь, сидьте тутъ возлѣ меня. Развѣ вы не видите, что это искушеніе... надо перенести... Катерина Васильевна утирала глаза. Страница послушно помѣстилась возлѣ нея на диванѣ, и вздыхала какъ только могла, вторя глубокимъ вздохамъ хозяйки.

Между-тѣмъ сконфуженный хозяинъ думалъ немножко поправить, понюхавъ табаку; но какъ въ жилетномъ карманѣ табатерки не отыскалось, то онъ только въ раздумьи почесалъ за ухомъ, и поинюхувъ головой, остался на мѣстѣ.

— А! такъ вотъ онъ гдѣ! хорошо! нашель-таки, нашель!.. кричалъ басистый голосъ за дверьми. Дверь распахнулась, и Петръ Васильчъ лицомъ-къ-лицу столкнулся съ Ильею Епифанычемъ Чемодановымъ.

IV.

— Нашель-таки, нашель друга... не переставаль кричать Илья Епифанычъ, едва проттолкнувшись въ половинку двери, и покушаясь закинуть свои короткія жирныя руки на шею Петра Васильпча, который однако жъ успѣлъ отшатнуться.

— Илья Епифанычъ! воскликнули въ одинъ голосъ гость и хозяинъ. Къ послѣднему, при появленіи посторонняго лица, успѣла возвратиться его обыкновенная живость.

Илья Епифанычъ Чемодановъ никто иной былъ, какъ исправникъ ирвольскаго земскаго суда. Краснощекій, усатый, толстякъ-помѣщикъ, картежникъ, кутила, и извѣстный коноводъ, знакомый со всеми въ городѣ, знающій каждого въ лицо и по имени, даже десятилѣтнихъ дѣтей. Види, что Отрубевъ уклонился отъ его душныхъ объятій, Чемодановъ протянулъ обѣ руки и гостю и хозяину.

— Петръ Васильчъ! Алексѣй Алексѣичъ! какъ поживаете, госнода? Наталья Ивановна, — ваше здоровье? Что ваши дѣточки-съ?

— Поживаемъ, слава Богу, отвѣчали въ одинъ голосъ Отрубевъ и Саламатинъ. Наталья Ивановна, молча, поклонилась.

— А я, представьте, не утерпѣлъ, ей-Богу не утерпѣлъ... продолжалъ исправникъ скороговоркой: — иду, вижу кутиловская пара у воротъ стоитъ; Ваньку гоже твоего узналъ, Илья Епифанычъ обратился къ Отрубеву; — спрашиваю: хозяинъ, говоритъ, купилъ. Чортъ возьми, думаю, а самъ сюда... ну, Петръ Васильчъ, укралъ... ей-Богу укралъ. Будь я подлець. Объ рождествѣ Александру я за нихъ тысячу давалъ, не продалъ, бестія; при деньгахъ былъ и теперь будь я тутъ, соколики не ушли бы отъ моихъ рукъ: такъ ибѣтъ, вѣрно ужъ не судьба... унесла меня пелегкая на слѣдствіе, чортъ возьми! Однако я думаю, покунку-то надобно вспырнуть. Какъ ты думаешь, дружище?

— Такъ что жъ! И поѣдемъ съ нами, Илья Епифанычъ, милости просимъ, я сейчасъ домой, отвѣчалъ Отрубевъ.

— Пстой, пстой дружище, зачѣмъ торопиться, дай миѣ, по-крайней-мѣрѣ, съ хозяиномъ-то... говорилъ исправникъ, схвативъ Петра Васильча за полу сюртука. Ну что, Алексѣй Алексѣичъ, что вашъ Николай Алексѣичъ подѣлываетъ? обратился онъ къ хозяину.

— Да ничего-съ; все тоже что и всегда, отвѣтилъ Саламатинъ.

— Ну пойдѣмъ, Наташа! Прощайте, господа! И коль поѣдете ко миѣ, Илья Епифанычъ, то пора, а если нѣтъ, то оставайтесь съ Богомъ, сказалъ Отрубецъ, потянувшись къ двери.

— Да погоди же, дружище, ну подожди немного; дай хоть Катеринѣ Васильевнѣ почтеніе отдать. Я сейчасъ, я выпустивъ изъ рукъ полу сюртука Петра Васильевича, исправникъ поспѣшно побѣжалъ въ гостиную.— Мое наиглубочайшее почтеніе Катеринѣ Васильевнѣ! проговорилъ онъ, расшаркиваясь передъ хозяйкою своими коротенькими ножками.

— Добро пожаловать, Илья Епифанычъ! прошу покорно садиться! побесѣдуйте съ старухой, молвила ласково Катерина Васильевна.

— Некогда, добрѣйшая Катерина Васильевна, ей-Богу некогда, торопл... Чемодановъ не договорилъ, устремивъ свои круглые глаза на Марью Павловну, и подходя поспѣшно къ ней.

Страница тоже какъ взглянула на него, такъ и окаменѣла, словно истуканъ, поблѣднѣвъ смертной блѣдностію.

— Что съ вами, Илья Епифанычъ? спросила въ недоумѣніи хозяйка, взглянувъ на него, и замѣтивъ необыкновенное выраженіе лица исправника.

Вмѣсто отвѣта исправникъ протянулъ руку къ Марьѣ Павловнѣ, какъ-будто хотѣлъ схватить ее за воротъ. Чувство самосознанія мгновенно возвратилось къ страницѣ, она быстро вскочила и хотѣла бѣжать.

— Афроська! крикнулъ громовымъ голосомъ Илья Епифанычъ, и уже безцеремонно держалъ страницю желѣзной рукой. Послѣдняя раскрыла-было ротъ, но не могла произнести ни одного слова; блѣдность ея лица перешла въ зеленый цвѣтъ.

Катерина Васильевна тоже не могла выговорить отъ испуга, и сидѣла, открывъ ротъ и выпучивъ глаза.

— Афроська! ахъ ты мерзавка! попалась наконецъ! эй люди! квартальнаго и будочника! кричалъ Чемодановъ: карауль! карауль!

— Карауль! въ свою очередь проговорила Марья Павловна, и стала съ усиленіемъ рваться изъ рукъ исправника.

На крикъ появились въ дверяхъ гостинной хозяйинъ и Петръ Васильичъ; изъ-за нихъ робко выглядывала Наталья Ивановна.

— Что вы, Илья Епифанычъ? произнесла наконецъ опомнившаяся Саламатина, и встала, трясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, ничего-съ, Катерина Васильевна, успокойтесь! примолвилъ Чемодановъ и закричалъ опять: — Эй! бѣгите за будочникомъ! эй! люди! Да помилуй, Алексѣй Алексѣичъ, пошли же за будочникомъ, сказалъ онъ повелительно, увидѣвъ хозяина. Саламатинъ засуетился, и не зналъ, что дѣлать.

— Къ чему же вы обижаете смиренную странницу, мою гостью? Зачѣмъ схватили ее? что она вамъ сдѣлала, скажите-ка на-милость, Илья Епифанычъ? возразила съ достоинствомъ хозяйка.

— Какая тутъ странница, Катерина Васильевна! это моя Афроська, — увѣряю васъ!

— Обознались вы, Илья Епифанычъ, тоже увѣряю васъ, — это Марья Павловна; она и братъ ея Иванъ Павлычъ посвятили себя страннической жизни. И вотъ пришли помолиться къ намъ въ Привольскъ, ну я, ради Бога, приняла ихъ, успокоила... и вотъ они у меня гостятъ три недѣли...

— Помилуйте, Катерина Васильевна, какая тутъ Марья Павловна! — Это Афроська, моя Афроська, понимаете ли, сударыня! это горничная моей жены, которая четыре года отъ насъ бѣгала; а вы принимаете, укрываете у себя бѣглыхъ! гдѣ жъ ея братъ? это вѣрно тоже какой-нибудь бродяга.

Алексѣй Алексѣичъ и его супруга поблѣднѣли, какъ полоотно. — Помилуйте, помилуйте-съ, Илья Епифанычъ! можетъ быть какое недоразумѣніе, произнесъ заикаясь хозяйинъ. Между-тѣмъ какъ Отрубевъ насмѣшливо улыбался, супруга его дрожала словно въ лихорадкѣ.

— Кто жъ ты такая—Афроська, аль нѣтъ? вскричалъ горячо Чемодановъ, сильно тряхнувъ страницу. Послѣдняя вмѣсто отвѣта опустилась на колѣни, схватилась за ноги исправника, и чуть слышно произнесла:

— Помилуйте, Илья Епифанычъ! Помилуйте! виновата!

— Видите, Катерина Васильевна!.. вотъ ваша страница-та! Да гдѣ жъ тотъ, котораго она братомъ называла?

Саламатина, не отвѣчая, закрыла лице руками и со стономъ опустилась на диванъ.

— Что жъ, Алексѣй Алексѣичъ, вѣроятно вы съ умысломъ за-знамо укрываете у себя бѣглыхъ? сказала Чемодановъ, обращаясь къ хозяину и приходя въ азартъ. Отчего вы до-сихъ-поръ не посылаете за полиціей!.. А-съ?

Саламатинъ какъ бомба вылетѣлъ за дверь, чтобъ отдать должныя приказанія. Илья Епифанычъ между-тѣмъ, выпустивъ изъ рукъ свою жертву, заперъ однѣ двери на ключъ, который положилъ себѣ въ карманъ, и самъ сталъ возлѣ Отрубева у зальныхъ дверей.

Всѣ находились въ тревожномъ ожиданіи. Наталья Ивановна жалобно посматривала на Марью Павловну, которая стояла на своемъ мѣстѣ, какъ къ смерти приговоренная. Между-тѣмъ Петръ Васильичъ не переставалъ пожимать плечами, и насмѣшливо поглядывалъ на хозяевъ.

— Охъ, Боже мой! вѣдь знаю! знаю, что это искушеніе!.. Не дай ты мнѣ умереть, дай все перенести, перетерпѣть... охъ, дурно мнѣ, дурно!.. чуть слышно говорила хозяйка, закрывая глаза.

Наталья Ивановна бросилась отъискивать горничную и ключницу, которыя вскорѣ прибѣжали, — одна съ холодной водой, а другая съ спиртомъ. Вслѣдъ за ними являлся совершенно разстроенный Алексѣй Алексѣичъ и бросился къ женѣ.

— Ну что жъ, матушка! ну кто жъ виноватъ, коли случай такой несчастный! ну, кто жъ могъ предвидѣть! бормоталъ онъ, помогая женщинамъ поднятъ съ дивана охавшую Катерину Васильевну, и увести се въ спальню.

— Ну что, Алексѣй Алексѣичъ! Хорошо начудила Катерина Васильевна? Вотъ вамъ и праведники ваши смиренныя!

Не говорилъ ли я вамъ, что принимаете и сами не знаете кого, сказалъ Отрубевъ, когда возвратился хозяинъ. Саламатинъ только развелъ руками, вздохнулъ и опустилъ голову.

— Прошу васъ, Илья Епифанычъ, какъ благороднаго человѣка, не погубите насъ, сказалъ онъ подумавъ и обращаясь къ исправнику, вѣдь мы не знали; жена имѣетъ, такъ сказать, привязанность къ разнымъ богомолкамъ, — ну что вы будете дѣлать! Хоть самъ-то я и не люблю ханжества, — да вѣдь не станешь же съ нею ссориться каждый день... сами посудите-съ!

— Я вамъ какъ честный человѣкъ говорю: будь я подлецъ, еслибъ другой на моемъ мѣстѣ не сыгралъ съ вами шутки, заговорилъ Чемодановъ, хлопнувъ хозяина по плечу; — я только изъ дружбы къ вамъ, вотъ что... ну, Богъ съ вами! Это все Катерина Васильевна виновата. Ну да что будешь дѣлать, Богъ съ ней, имѣю слабость, братцы, дамамъ все прощать.... Право, я радъ, что она попалась. Дѣло вотъ въ чемъ: жена моя страшно ее ко мнѣ ревновала, и иногда этакъ, хлопъ-хлопъ по ланитамъ, знаете. Ну что бы кажется такое, велика ли у барыни рука... отчего бы и не перенести, такъ нѣтъ же. Надобно сказать вамъ, что у Афроськи дурной нравъ, словомъ, дѣвка была непокорливая: ужъ коли, бывало, барыня ударила, такъ она убѣжить и три дня съ собаками ее не сыщешь... Что жъ, наконецъ, совсѣмъ убѣжала, да и пропала слишкомъ четыре года...

— Ну, а этакъ жена-то, не напрасно ее къ вамъ ревновала? спросилъ смѣясь Отрубевъ.

— Ужъ конечно. Вотъ вамъ доказательство, что если бы что нибудь того-то, такъ неужели бы дѣвка — дрянъ этакая, убѣжала отъ такого молодца, какъ я, напротивъ, она должна бы гордиться моимъ вниманіемъ, пронзесъ хвастливо Илья Епифанычъ.

Отрубевъ расхохотался.

Вскорѣ пришелъ квартальный, съ двумя будочниками.

— Прикажете обыскать? спросилъ будочникъ, обратясь къ исправнику, и не дождавшись отвѣта, проворно засунулъ руку въ карманъ страницы, вынулъ оттуда что-то блестя-

щее, и поспѣшно спряталъ себѣ въ рукавъ. Движеніе это не укрылось отъ Отрубева.

— Что ты вынулъ у ней? спросилъ онъ подходя.

Будочникъ опять погрузилъ руку въ карманъ и вытащилъ платокъ.

— Больше ничего... отвѣчалъ онъ, размахивая платкомъ.

— Напротивъ, вы вынули ключи.

— Какіе ключи? ничего нѣтъ, посмотрите сами. Будочникъ выворотилъ самый карманъ; но при этой операциі, не ловко запрятанная вещь выпала изъ рукава и покати-лась по полу.

— А, вотъ что, Алексѣй Алексѣичъ! табатерка-то твоя... сказалъ Петръ Васильчъ, поднимая ее съ полу и подавая хозяину.

— Ахъ! да какъ, да какимъ манеромъ? Откуда она взялась? спрашивали хозяинъ и Чемодановъ.

— Очень просто: ваша смиренная гостыя положила ее въ свой карманъ; а потомъ: *воръ у вора дубинку укралъ*... никто на эти слова не обратилъ вниманія, кромѣ будочника.

— Что вы сказали-съ? спросилъ онъ обернувшись и посмотрѣвъ на Отрубева.

— Я, я сказалъ, что хотя Илья Епифанычъ и не хотѣлъ Афроську наказывать за побѣгъ, но за воровство я бы совѣтовалъ дать ей хорошую припарку, въ примѣръ прочимъ, кто прячетъ чужія вещи въ свои карманы, за пазуху и въ рукава... сказалъ Петръ Васильчъ, посмотрѣвъ выразительно на будочника. Послѣдній сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но только скривилъ ротъ въ какую-то неестественную гримасу.

По настоянію Чемоданова, отыскали и Ивана Павлыча, который, выпивъ приготовленные въ залѣ праздничные пунши, завалился спать гдѣ-то подъ лѣстницей, въ темномъ чуланѣ. На всѣ вопросы, кто онъ и откуда, юродивый только мычалъ, дико водя глазами вокругъ себя; но когда ему связали руки, и вмѣстѣ съ Марьей Павловной повели въ полицію, казалось, хмѣль вышелъ у него: онъ понялъ, въ чемъ дѣло, затрясся, принимаясь нѣсколько разъ что-то сказать, заикался и не могъ выговорить ни слова.

— Наконецъ комедія кончилась, пора домой, прощайте Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ Отрубевъ, когда увели арестантовъ.

— Посиди, братецъ Петръ Васильичъ; вотъ мы всё по пуншику... Сдѣлай, братецъ, компанію Ильѣ-то Епифанычу, сказалъ хозяинъ. А на счетъ комедіи-то, я вамъ вотъ что скажу: читаль я сегодня «Горе отъ ума» и моя Катерина Васильевна...

— Разыграла: «Горе отъ ханженства,» проговорилъ въ полголоса Петръ Васильичъ.

Хозяинъ понюхалъ табаку, и сильно крикнулъ; напротивъ Чемодановъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ай-да Петръ Васильичъ! ну съострилъ, удружилъ, нечего сказать, удружилъ! кричалъ онъ, хлопая въ ладоши. Да побудь съ нами! ну куда ты торопишься? У меня, дружище, и дѣла есть... да чортъ съ ними, писарь подождетъ. Хоть какъ ни убивайся, чортъ возьми, а толку больно не много. И я здѣсь останусь изъ любви, изъ дружбы къ почтеннѣйшему Алексѣю Алексѣичу. Ну неужели такой случай, какъ Афроська, долженъ нарушить наши хорошія отношенія? Что вы на это скажете, Алексѣй Алексѣичъ? Будь я подлець...

Явилась ключница съ стаканами.

— Вотъ и утѣха, радость дорогая, Аннушка милая! продолжалъ исправникъ, подливая къ Якимовнѣ: — вѣдь тебя Аннушкой зовутъ?

— Никакъ итъ-съ, отвѣчала та жеманно.

— Ну для меня все равно, — ты, милая, не обидься... Тьфу, чортъ, какая дыня! примолвилъ онъ, прищуривъ лѣвый глазъ и смотря въ слѣдъ уходившей въ буфетъ Якимовнѣ.

— Значитъ, вы не ѣдете со мной? спросилъ Отрубевъ, перебивая болтуна-исправника.

— Завтра, завтра, дружище, дѣлаю тебѣ визитъ...

Наталья Ивановна—пошла было проститься съ хозяйкой, но у дверей ее встрѣтила Надя, и объявила шопотомъ, — что только теперь успокоилась маменька и приказала, чтобъ ее никто не беспокоилъ. Между тѣмъ Соня дежурила у постели матери.

— Ну вотъ и праведники ваши! Видѣла исторіи въ ли-

цахъ? говорилъ Петръ Васильичъ своей женѣ, когда сѣли въ коляску. Надѣюсь Наталья Ивановна, ты не будешь подражать Катеринѣ Васильевнѣ?

Отрубева молчала, и только тогда вздохнула свободно, когда завидѣла свой домъ.

Между тѣмъ, какъ хозяева проводили у Саламатныхъ самый покойный вечеръ, въ ихъ собственномъ домѣ въ дѣтской происходила слѣдующая сцена:

На столѣ Одея строилъ карточные домики, сердился, и плакалъ, что они падали. На всѣ его просьбы — помочь ему, сидѣвшая съ чулкомъ у окна нянька, Михайловна, отвѣчала ворчаньемъ, въ родѣ того: «и что это, Оедоръ Пегровичъ, право, съ нустяками-то мнѣ пристаешь! Дай мнѣ петлю, судырь, поднять; ишь, спустилась, проклятая...» Потомъ она начала громко бранить свои старые плохіе глаза.

Нянька Оедора ходила взадъ и впередъ, укачивая на рукахъ Фисочку, и напѣвая звонкимъ голосомъ:

«Ужъ ты котикъ, мой котокъ,
Котикъ, сѣренькій хвостокъ,
Приди, котикъ, почевать,
Приди, Фисоньку качать.
Ужъ и я тебѣ, коту,
За работу заплачу,
Дамъ тебѣ, коту,
Я кувшинъ молока,
Да конецъ пирога...»

Дитя начинало засыпать, но крикъ Оеди опять разбудилъ его, и дѣвочка заплакала.

— Сдѣлай такую милость, Михайловна, погуляй съ Оедоромъ Петровичемъ, покуда я дитя укачаю; ишь, она, бѣдвяжка, мечется, започивать ей охота, а вы съ нимъ, мою милушку, будите.

— Ишь, какая указчица! Изволь, барыня-сударыня, такъ вотъ по твоему и будетъ, и пойду съ ребенкомъ шляться по зорѣ, на воздухъ, отвѣчала задорливо Михайловна.

Оедора не отвѣтила ничего, покачала головой, и видя, что дѣвочка опять засыпаетъ, принялась снова напѣвать:

«Спи въ таѣтѣ,
Пробудись въ камкѣ;

Выростешъ большая,
 Стенешъ въ золотѣ ходить,
 Будешъ серебро носить!
 Нянекъ, мамушекъ
 Подарочкамъ дарить,
 Сѣнныхъ дѣвушекъ
 Гостинчикамъ дѣлать...»

Въ эту минуту Федя, бросивъ карты, съ хныканьемъ принялся Михайловну звать въ садъ.

— Что это, сударь! развѣ не знаешь, что маменька не приказываетъ поздно вечеромъ на вольномъ воздухѣ быть.

Федя громко заплакалъ и разбудилъ сестру.

— Бога ты не боишься, Михайловна, вѣкъ доживаешь, а сноровки никакой нѣтъ. Знаю, что ты на зло мнѣ дѣлаешь; да *барщина*-то моя милая чѣмъ виновата? Прошу тебя, успокой ты Фединьку, дай мнѣ Фисочку укачать!

— Вѣкъ-то я доживаю, да, слава Богу, въ дуракъ не бывала до сихъ поръ, только нонче у насъ новые порядки пошли: стали хозяева старыхъ слугъ, что двадцать лѣтъ служать, — на пришлецовъ мѣнять, которые два года живутъ. А отчего? Оттого, что язычкомъ услужить умѣютъ... ворчала озлобленная старая нянька.

— Напрасно ты грѣшишь, старушка-Божья, окромѣ тебя никто язычкомъ не служитъ. А право, давно-бы пора, про твои обиды, да не Наталья Ивановнѣ сказать — она у насъ добрая душа, — а самому Петру Васильичу... говорила Федора, отараясь казаться равнодушной, — у тебя на всѣхъ зависть, да ненависть. Да кабы тебя хозяйка слушала, такъ тутъ никому-бы житья не было-бы; всѣ тебѣ впоперегъ горла стоятъ.

— Чтожъ! Зачѣмъ дѣло стало! жалуйся на меня хозяевамъ. Будто ужъ мы противъ тебя и отвѣтить не сумѣемъ? отвѣтимъ, Богъ дастъ; видали мы и не такихъ... А я все-таки отсюда не выйду, дѣтская обща: тебѣ уголь — и мнѣ уголь; а я въ своемъ сижу давно, а ты не давно, да Федоръ-то Петровичъ мой постарше своей сестрицы, такъ тебѣ и не слѣдъ мной распорядиться. Ступай сама, куда хочешь, тебѣ не первина по горницамъ шляться безъ хо-

зьевъ, — а я не выйду, сама Феденьку укладывать буду, а ты не смѣй его у меня беспокоить своимъ люлюканьемъ... Продолжала Михайловна, и въ ея дребезжащемъ голосѣ слышалась слезливая досада.

— Этакая азарница! сказала Федора въ полголоса, оставляя дѣтскую. Потомъ примолвила: «Голубушка моя, милая *баришна*, и мѣста-то намъ съ тобою нѣтъ здѣсь... И пошла она ходить по заламъ, прилюлюкивая дитя попрежнему своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что! сама скорѣе моего вылетѣла!... вскричала ей въ слѣдъ старуха Михайловна; и принялась бранить вслухъ нынѣшній развратный свѣтъ, и балованную молодую прислугу.

Находившись до-сыта, нянька Федора усѣлась съ своей ненаглядной *баришней* въ мягкія кресла, и скорѣе звонкое люлюканье перешло въ какую-то грустную жалобную пѣсню кукушки, растерявшей въ черномъ бору своихъ дѣтенышей. Голосъ ея дрожалъ, словно отъ слезъ. Порою будто она отирала свою полную свѣжую щеку, и съ любовію тихо прикладывала свои губы къ пухленькой ручкѣ дѣвочки, крѣпко спавшей на ея груди. И о чемъ думала теперь эта женщина? Прожитое-ли время беззаботнаго дѣтства проходило въ ея воображеніи? Можетъ быть, она вспомнила о своихъ дѣтяхъ, зарытыхъ въ могилу или брошенныхъ въ далекой сторонѣ на чужія повеченія, — кто знаетъ!

Между тѣмъ въ дѣтской, Федя не переставалъ хныкать, а его старая нянька ворчать; она непременно настаивала, чтобъ онъ покушалъ, и легъ почивать, потому что уже пробило десять часовъ; а онъ настаивалъ, чтобъ она съ нимъ шла въ садъ. Наконецъ старуха успѣла заставить его лечь, обѣщая рассказать сказку. Но сказка, которую мальчикъ слышалъ уже сто разъ, ему скоро наскучила.

— Что же, въ-самомъ-дѣлѣ, ты сегодня, судырь, *расфуражился*, ничѣмъ тебя утѣшить не могу! вѣдь ужъ скоро полночь. Смотри, того и гляди, что худо будетъ!

— А что-же будетъ? спросилъ мальчикъ.

— А вотъ что: около полуночи домовой по всему дому ходить, и, коли твое хныканье услышитъ, такъ бѣда!

Федя, нѣсколько разъ слышавшій отъ кучера, что лошадей домовой то любитъ, то не любитъ, но, необращавшій никогда на то вниманія, теперь хотѣлъ полюбопытствовать, кто такой этотъ домовой, котораго онъ почему-то воображалъ коноваломъ-татаринномъ, и спросилъ:

— Какъ же смѣетъ домовой придти въ комнаты, и зачѣмъ придетъ? Вѣдь онъ только въ конюшни ходитъ?

— А вотъ—таки нѣтъ, судырь, домовой хозяинъ дому, — вездѣ онъ ходитъ, гдѣ ему угодно.

— А вотъ и врешь, няня!—хозяинъ дому-то мой папенька, а не домовой.

— То папенька само по-себѣ, и ужъ кого онъ не влюбитъ, то бѣда... Отвѣчала увѣрительно нянька.

— Я его не боюсь, я его видѣлъ, и что это у него на поясѣ-то чтò-то виситъ?

— Полно, судырь. Ты это видѣлъ, вѣрно, коновала; домоваго, судырь, никто не видитъ, и коли, чего Боже сохрани, увидалъ ты его, то и глазки бы покосило, и язычекъ бы отнялся.

— А ты его, няня, видѣла?

— И! что ты, мой родимый! Сохрани Господи! — наше мѣсто свято!... Михайловна перекрестилась,

Федя присмирѣлъ, закутался плотнѣе одѣяломъ, чувствовалъ, что ему чего-то страшно. — Няня, подвинься поближе. сказалъ онъ. Да скажи-же, гдѣ живетъ этотъ домовой?

— Да вездѣ онъ живетъ, по всему дому; — вотъ, можетъ, теперь и въ дѣтской находится! кто его знаетъ! оттого его хозяинномъ и зовутъ.

Федя боязливо озирался кругомъ по угламъ, которые были въ глубокой тѣни.

— Няня! Ты-бы засвѣтила свѣчки.

— Полно, судырь, какая свѣчка! Я тебя баньки укладываю, а ты свѣчки захотѣлъ... Спи, Господь съ тобою!...

— Я боюсь, няня.

— Чего, мое яблочко, тебѣ бояться: я съ тобою.

— Отчего-же ты говоришь, что домоваго никто не видѣлъ? спросилъ Федя, нѣсколько помолчавъ.

— Оттого, что онъ не человѣкъ; напримѣръ: вотъ онъ тутъ близко, а его не видишь, оттого что не человѣкъ.

— Да кто-же онъ такой?

— Кто? А вотъ, видишь, мой родной. Богъ сотворилъ ангеловъ; вотъ одни ангелы были святые, а другіе согрѣшили — и стали дьяволы. Святые-то ангелы грѣшныхъ дьяволовъ съ неба и сверзили, и они полетѣли въ воду, сдѣлались водяные, а что упали въ лѣсъ — сдѣлались лѣшіе, а что упали въ дома — стали домовые. Вотъ, кто домовые-то!

Өеда задрожалъ; онъ вообразилъ близъ себя страшнаго дьявола съ копытами, рогами, и длиннымъ хвостомъ, котораго онъ видѣлъ горящаго въ адскомъ пламени, на иконѣ страшнаго суда, висѣвшей на церковной паперти.

— Ай, няня! мнѣ страшно!... прошепталъ онъ, схвативъ за руку сидѣвшую возлѣ кровати старуху.

— Чего страшно, — дитя мое, вѣдь я съ тобою... И знаешь-ли что!... продолжала она: съ тѣхъ поръ домовые и шутятъ разныя шутки съ тѣми, кого не любятъ; напримѣръ: днемъ они живутъ на подволокѣ, а ночью бродятъ по всему дому; то лошадамъ на конюшнѣ гривы заплетаютъ, али верхомъ на нихъ ѣздятъ, да такъ измучатъ, что лошадь и къ овсу не притронется; то косы бабамъ плетутъ, али бороды мужикамъ; иной разъ навалится на тебя, и душитъ, душитъ, бѣда, того гляди, душа вонъ; али изщиплетъ всего до синяковъ, коли не взлюбить. Говорятъ, которымъ случилось его видѣть, такъ послѣ того по три дня не говорили ни слова отъ испуга; говорятъ, будто весь черный, да лохматый, страсти подобно; а другіе говорятъ, что видѣли его старикомъ, какъ есть — старикъ съ бородой...

— Няня!... я боюсь!... шепталъ, закутываясь мальчикъ, и дрожа отъ испуга. Няня! лягъ со мной! Не уходи, не уходи отъ меня...

— Какъ же я, судырь, съ тобою лягу!... вѣдь кроватка маленькая... Да постой-ка, я лампадку засвѣчу, поохотнѣе будетъ... А ты почивай, судырь, скоро и папенька съ маменькой прѣдутъ, сказала старуха. Напуганная своимъ соб-

ственными разсказами, и робко озираясь, она встала и пошла въ передній уголь, чтобъ засвѣтить лампадку.

Федя, выпустивъ руку вянки, еще крѣпче закутался одѣломъ. Но ему почудилось, что дверь скрипнула, онъ робко выглянулъ изъ-подъ одѣла. На бѣломъ фонѣ двери чернѣла человѣческая фигура небольшого роста; фигура тихонько двигалась безъ шума. Вглядысь хорошенько, онъ увидѣлъ старика, съ сѣдой бородой, который шелъ къ кровати, и Федя хотѣлъ закричать, но голосъ не выходилъ изъ гортани. Холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ мальчика, и, употребивъ неимоверныя усилія, онъ вскрикнулъ пронзительнымъ голосомъ:

— Домовой, домовой!

Испуганная Михайловна оглянулась и увидѣла ту же фигуру позади себя; съ громкимъ крикомъ: «домовой!...» бросилась стремглавъ изъ дѣтской въ сѣни, и во мракѣ, со всего размаха, наткнулась на возвратившуюся отъ Саламатиныхъ хозяйку, за которою шелъ Петръ Васильчъ и горничная, все время въ отсутствіи хозяевъ, простоявшая за воротами.

— Что такое!... спрашивала въ испугѣ Наталья Ивановна, едва удержавшаяся за перилы лѣстницы.

— Ты меня съ ногъ сбила!...

— Охъ! домовой, домовой! наше мѣсто свято! Матушка Наталья Ивановна... лепетала старуха, едва переводя духъ: «Федоръ Петр...» Михайловна не договорила, вспомнивъ, что оставила Федю одного, въ жертву привидѣнія, бросилась впередъ, но силы ей измѣнили, ноги подкосились и старуха грохнулась на полъ. Отецъ и мать поспѣшно вбѣжали въ дѣтскую въ сопровожденіи горничной, и къ удивленію увидѣли во мракѣ Петра Ивановича Отрубевы, поднимавшаго съ полу безчувственнаго Федю.

Первымъ движеніемъ родителей было броситься на помощь къ сыну, но Наталья Ивановна, коснувшись холодныхъ рукъ мальчика, мгновенно вообразила, что онъ умеръ, пронзительно вскрикнула и упала бы, еслибъ не удержалъ ее мужъ.

— Огня, огня! кричалъ между-тѣмъ Петръ Васильчъ, посадивъ жену на стулъ, и вмѣстѣ съ горничною отыски-

вая спички и свѣчу, которыхъ на ту пору, какъ нарочно, не случилось въ комнатѣ.

Къ счастью, Павелъ Петровичъ, проведеншій весь вечеръ у себя на антресоляхъ, за какимъ-то мрачнымъ романомъ Г-жи Редклифъ, слышавъ внизу шумъ и бѣготню, прибѣжалъ съ огнемъ, и освѣтилъ странную суматоху.

— Боже мой! Чтожь это такое надѣлалось? говорилъ Петръ Васильичъ, приводя въ чувство сына, который оказался въ обморокѣ.

— До сего часа, судырь-братецъ, я и понять не могу, что случилось... отозвался Петръ Иванычъ, тоже суетясь около дѣтской кровати.

Наконецъ Федя открылъ глаза.

— Домовой! Маменька! прошепталъ мальчикъ, съ ужасомъ посмотрѣвъ на приказчика, и спряталъ лицо на груди матери, плакавшей отъ испуга и радости, что Федя очуствовался.

— Господь съ тобой, мой ангелъ! какой тутъ домовой, наше мѣсто свято, *а ижеи проклято*. Ты не узналъ, дружечекъ—это Петръ Иванычъ, нашъ Петръ Иванычъ, отвѣчала Наталья Ивановна, нѣжно цѣлуя сына.

Наконецъ, когда все мало-по-малу успокоилось, Петръ Васильичъ сѣлъ и обратился съ вопросомъ къ приказчику: «давно-ли онъ пріѣхалъ, и какъ тутъ очутился.»

— По вашему приказанію, судырь-братецъ, третьяго дня Иванъ Погорѣлкинъ встрѣтилъ судно недалеко отъ Нижняго... отвѣчалъ Петръ Иванычъ, учащая съ каждымъ словомъ свои поклоны,—и какъ слѣдуетъ-съ вручилъ онъ мнѣ ваше письмо, и я, оставивъ судно, поѣхалъ на перемѣнныхъ, какъ вы приказывали мнѣ въ письмѣ. Пріѣхавъ часа съ два тому назадъ, я немедленно явился сюда. У востъ мнѣ Степка сказалъ, что вы съ *фамиліей* уѣхать изволили въ гости, и я пошелъ къ нянькамъ, какъ и прежде дѣлалъ, чтобъ спросить: скоро-ли вы хотѣли возвратиться... Прихожу, судырь, я въ дѣтскую, не успѣлъ я оглянуться, смотрю, Михайловна съ крикомъ вонъ бѣжитъ, Федоръ Петровичъ прыгнулъ изъ кровати, и хлопъ. Бросился я къ нему, — холодный весь. Перепугался я, даже подколѣнки у меня задрожали. Потомъ

смотрю, и вы изволили войти... Какъ ваше здоровье, судырь-братецъ? добавлялъ приказчикъ съ самымъ низкимъ поклономъ.

— Ничего, слава Богу. Ну что судно?

— До часа моего отъѣзда было все благополучно, отвѣчалъ приказчикъ. Извините, я, сударыня Наталья Ивановна, вашъ покорнѣйшій слуга не успѣлъ и почтенія моего отдать, примолвилъ онъ, низко поклонившись, и пробывъ съ минутой въ наклонномъ положеніи.

Но Наталья Ивановна, занятая совершенно сыномъ, не обратила вниманія на его поклонъ.

— Стало-быть, сказала Петръ Иванычъ, обратясь къ женѣ: Петръ Иванычъ просто за-просто своимъ нечаяннымъ приходомъ въ-потьмахъ перепугалъ Ѳедю, и старую дуру Михайловну. Нянька! Михайловна! гдѣ-жъ она тамъ?

На зовъ вошла Михайловна, которую горничная успѣла образумить кой-какъ, и безъ утайки, нисколько не оправдывая себя, рассказала, какъ она разговаривала съ Ѳедей про домового, и какъ онъ и она приняли за нечистаго духа вошедшаго нечаянно стараго приказчика.

— А все онъ, государи мои, виновать! продолжала она, глядя свирѣпо на Петра Иваныча, и тряся головой: все онъ, Петръ-то вашъ Иванычъ, родня-то ваша хорошая, дитю перепугалъ, не на животъ, а на смерть, да и меня тоже... Ухъ! чуть-чуть душа въ тѣлѣ удержалась!..

— Видишь, Наташа, произнесъ Петръ Васильичъ, нахмуривъ брови: прислуга у тебя дѣтей совсѣмъ безъ ума сдѣлаетъ!... Разказывать ребенку такія вещи! Да она, свинья, даже и не понимаетъ, что худо сдѣлала... А ты чего смотришь?

— Петръ Васильичъ! Развѣ я всегда съ нимъ бываю, заговорила-было жена.

— Лучше молчи, сударыня; кажется, за тобою тоже водится похвальная манера пугать дѣтей трубочпстомъ, букою и разнымъ вздоромъ. Я не разъ замѣчалъ тебѣ, что этого не должно быть... Слышишь!..

— Слышу, прошептала супруга.

— Да гдѣ-жъ нянька Ѳедора съ Фисонькой? не видя ихъ, спросилъ вдругъ Петръ Васильичъ.

Растерявшаяся Наталья Ивановна, только теперь замѣтила, что колыбель дѣвочки стояла пустая.

— Извѣстно, безъ васъ Ѳедора любить шляться по всѣмъ комнатамъ, задрезжала-было нянька.

— И ужъ вѣрно поссорились? сказала хозяйка.

— Помилуй, сударыня, Наталья Ивановна, кто, напри- мѣръ, старше, я или Ѳедора? Я у вашей милости живу двадцать...

— Молчать! ступай-же вонъ, и чтобъ завтра не было тебя въ домѣ! крикнулъ сердито хозяинъ: завтра у Ѳеди будетъ дядька; я ихъ помѣщу на антресоляхъ.

Михайловна громко завывла и бросилась со слезами цѣловать руки своего питомца, причитывая на-распѣвъ:

— Несчастливая, я горемычная... Ненаглядной мой сударикъ, Ѳедоръ Петровичъ; разлучать насъ съ тобою...

— Вонъ!... повторилъ, топнувъ, хозяинъ.

Ѳедя заревѣлъ во все горло, уцѣпясь за шею своей няньки.

— Папенька! помилуйте-съ! простите ее! проговорилъ скромно Павелъ Петровичъ.

— Прости мой соколикъ! Папенька на меня твой прогнѣвался, гонить меня, старую дуру... говорила Михайловна, обхватывая мальчика.

— Ѳедя не переставалъ ревѣть.

— Петръ Васильичъ, ну прости ее; успокой ребенка, захвораетъ бѣдный, того и гляди...

— Хорошо; но только до слѣдующаго раза, проговорилъ строго хозяинъ, вставая: только смотри, Наталья Ивановна, чтобъ я болѣе не видѣлъ ничего подобнаго... Петръ Иванычъ, ты ужинаешь у насъ, а завтра поговоримъ о дѣлѣ... Любашка! накрывать на столъ!

Всѣ вышли, кромѣ матери и няньки, которая всячески старалась успокоить расплакавашагося мальчика.

— Ѳедора, ты опять здѣсь, отчего же не въ дѣтской? спросила Наталья Ивановна, выходя въ залу, гдѣ молодая

нянька чутко дремала въ креслахъ, боясь пошелохнуться, чтобъ не разбудить своей ненаглядной *баринны*.

— Я нарочно ушла сюда, сударыня, потому что Михайловна не хочетъ знать никакой сноровки, не хочетъ унять Федора Петровича, чтобъ онъ не шумѣлъ, и я не могла качать мою *баринну*.

— Другъ на друга. Что мнѣ съ вами дѣлать? молвила съ досадой Наталья Ивановна. Ну, да скоро васъ разведемъ. Она перекрестила малютку дочь, тихонько поцѣловала, и приказала снести въ колыбель.

Когда Отрубевы сѣли за ужинъ, Петръ Васильчъ дѣлалъ приказчику самые пустые вопросы, какъ будто нарочно избѣгая дѣловаго разговара. Петръ Иванычъ отвѣчалъ подобострастно, какъ и всегда, привставая со стула при каждомъ отвѣтѣ. Наталья Ивановна почти шопотомъ рассказывала сыну о происшествіи въ домѣ Саламатиныхъ. Онъ слушалъ съ молчаливымъ удивленіемъ.

— И такъ, Петръ Иванычъ, приходи, пожалуйста, завтра пораньше, — сказалъ послѣ ужина хозяинъ приказчику.

— Очень хорошо, сударь-братецъ, отвѣтилъ послѣдній съ низкими поклонами.

Петръ Иванычъ Отрубевъ, несмотря на низкіе поклоны, личность была вовсе не симпатичная, не нравившаяся не одной старой Михайловнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, лицо его, смиренное и подобострастное въ домѣ своего двоюроднаго брата и хозяина, при выходѣ оттуда принимало какое-то плутовское выраженіе: главное чувство приказчика была зависть, главная цѣль жизни — деньги, какъ-бы ни нажить ихъ; но дѣло въ томъ, что онъ былъ еще бѣденъ и закупая хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ для своего богатаго родственника, а иногда исполняя другія его порученія, жилъ такъ себѣ, мечтая о собственномъ богатствѣ. Особенно эта грѣшная мечта дразнила его, когда онъ былъ въ домѣ Петра Васильча. Довольство, комфортъ, и свѣтлая жизнь — все это заставляло его задумываться, желать подобной жизни если не себѣ, то по-крайней-мѣрѣ дѣтямъ.

Хозяина онъ не любилъ за то, что Петръ Васильчъ, не смотря на родство и довѣренность къ приказчику, всегда

какъ-то умѣлъ держать его отъ себя на извѣстномъ разстояніи, тѣмъ болѣе гордый, открытый видъ, громкій, почти всегда повелительный голосъ и прямыя смѣлыя сужденія богатаго родственника подѣ-часъ очень смущали рабскую натуру Петра Ивановича.

Въ своемъ кругу Петръ Ивановичъ, откинувъ притворное смиреніе, корчилъ изъ себя всегда книжника, сыпалъ нечестно изъ библія, которую, какъ говорится, проглотилъ, объяснялся загадками, говорилъ иносказаніями, и пускался въ словопреніе о такихъ предметахъ, о которыхъ и самъ едва ли имѣлъ ясныя понятія; словомъ, слылъ человѣкомъ начитаннымъ и хитрымъ, но никто не звалъ его добрымъ. Давно уже онъ былъ вдовъ, и, имѣя двухъ сыновей, изъ нихъ онъ особенно любилъ старшаго Сидора Петровича, который осуществлялъ въ себѣ отцовскія стремленія и ожиданія — накопить деньги.

За нѣсколько лѣтъ прежде Сидоръ Петровичъ былъ приказчикомъ у одного погребщика. По случаю войны тогда бывшей, были частыя рекрутскіе наборы и служащіе въ казенной палатѣ, вмѣстѣ съ отдатчиками пьянствовали напропалую, сидя безвыходно въ погребкѣ, въ которомъ торговалъ молодой Отрубевъ. Сидоръ Петровичъ, какъ ловкій малый, умѣлъ пользоваться случаемъ; онъ пустилъ всевозможныя надувательныя средства, неуловимыя при распивочной торговлѣ, и барыши, вмѣсто хозяйскаго кармана, шилъ въ его собственный. Вскорѣ Сидоръ Петровичъ отошелъ отъ хозяина и началъ торговать отъ себя.

На другой день прибытія своего въ Привольскъ, часовъ въ одиннадцать утра, Петръ Ивановичъ сидѣлъ у сына въ лавкѣ и бесѣдовалъ съ послѣднимъ отечески, опершись подбородкомъ на конецъ своей палки. Онъ по-временамъ обкусывалъ бороду, отчего она всегда казалась подстриженной.

Сидоръ Петровичъ въ длинномъ суконномъ сюртукѣ и въ смазныхъ сапогахъ съ длинными голенищами, стоялъ передъ батюшкой, опершись на прилавокъ, и взглядывалъ изъ-подлобья то на отца, то на свои сапоги. На кругломъ, грубомъ лицѣ его трудно было прочесть, о чемъ онъ думалъ.

Наружная дверь лавки была заперта изнутри.

— Тоскуеть, видимо тоскуеть, хошь и старается скрыть; однако думаю: нѣтъ! меня, стараго воробья, не обманешь: насквозь вижу... говорилъ старикъ. Ну, думаю: свѣтло жили, — любн кататься, любн и саночки возить... Однако я не жалѣю, сказано: *гордымъ Богъ противится...* Хоть-бы напри- мѣръ вчерась, фамилія-то важнѣйшая, я того-то... поклонъ, а она мальчишку своего лжетъ, будто не видитъ, *ананья!* (Петръ Иваычъ вмѣсто канальи всегда употреблялъ: *ананья*). Ну, думаю: лжи... Да, хорошо было, какъ въ гору шло... Ну, терни барышъ, терни и убытокъ... Да, видимо тоскуеть...

— Что ихъ жалѣть, еще заводъ останется, хоть-бы и въ самомъ-то дѣлѣ — какова пора; не мѣра, замѣтилъ сынъ.

— Ну заводъ, и заводъ тоже; съ окончаніемъ войны, поставки товару меньше въ армію понадобится... Ужь, братъ, какъ пойдетъ, такъ только держись!.. И теперь хочеть не мытьемъ, такъ катаньемъ. Слышь, пшутъ, что въ Питерѣ пшеница въ цѣнѣ, за границу большое требованіе, такъ и хочеть туда посылать... Ну, Сидоръ, прибавилъ онъ, буди меня завтра раньше. Путь далекій лежитъ.

И на другой день, едва забрезжила заря, онъ простился съ сыномъ и невѣсткой (другой сынъ его жилъ въ людяхъ) и отправился на лодкѣ на судно; при наказѣ хозяина не приставать у Привольска, а плыть до Рыбинска, перегрузиться тамъ на барки и отправиться въ Петербургъ.

Наступилъ четвергъ, и вѣрная своему слову Авдотья Петровна, привела къ Натальѣ Ивановнѣ молодаго слесаря, починять замки. Сцена происходила внизу, въ столовой. Съ изломанными замками оказался старинный комодъ; около его возился съ клещами красивый молодецъ, въ суконной сибиркѣ. У окна сидѣла Даша, хорошенькая, бѣлокурая дѣвушка, гладко причесанная, въ ситцевомъ платицѣ и крошечномъ платочкѣ на бѣлой шеѣ; возлѣ Даши сидѣла словоохотливая торговка, и говорила съ ней о кружевахъ. Слесарь тоже посматривалъ черезъ-плечо на Дашу. Явилась Наталья Ивановна, съ костяною, устюжской работы, шкатулочкою въ рукахъ, отъ которой потерялся ключикъ, и принялась о томъ толковать

съ мастеромъ. Молодецъ учтиво объяснялся съ купчихой; она пристально на него смотрѣла, спросила, какъ его зовутъ? кто у него есть? и проч... причемъ также поглядывала и на Дашу. Дѣвушка все это показалось подозрительнымъ; притомъ она припомнила слова матери, которая сказала, что Наталья Ивановна увѣрила ее, что выдастъ Дашу за порядочнаго жениха. Сердце Даши стукнуло, щеки и даже уши загорѣлись, она встала, чтобъ уйти; но хозяйка серьезно приказала сѣсть.

Передавъ шкатулку слесарю, Наталья Ивановна ушла; и онъ, покончивъ съ комодомъ, и получивъ отъ горничной деньги за работу, раскланялся съ Дашей и Авдотьей Петровной.

— Погоди, свѣтикъ Сережинька, пойдемъ вмѣстѣ по одной дорогѣ: вѣдь сосѣди. Прощай душа, Дарья Семеновна, будь здорова, говорила торговка и догоняла сосѣда за воротами.

— Ну что, Сережа! вѣдь ягодка-вишенка. Что на это скажешь? спросила она молодца.

— Что сказать-то, Авдотья Петровна, чего-жъ лучше. Вѣдь и мы-то что такое! отвѣтилъ женихъ.

— Ну, ладно, дай-то Богъ! А я завтра схожу къ Натальѣ Ивановнѣ; я думаю, что ты, мой соколикъ, ей тоже понравился, и, Господи благослови, посылайте настоящую сваху...

По уходѣ жениха, Дашу позвали къ Натальѣ Ивановнѣ въ спальню.

— Ну, что Дарьюшка! я слышала, что тебя мать просватала-было за какого-то старика? сказала ласково Отрубевка, пригласивъ дѣвушку сѣсть.

— Ужъ не говорите, сударыня, Наталья Ивановна, выдумаютъ-же старухи что нибудь... право-съ, пристроить, только у нихъ и на языкѣ, а ужъ пристройка! нечего сказать! пристроить тебѣ суму за плечи, ну, и носи.... Ужъ не одну ночь я проплакала-съ.

— Не плачь, Богъ дастъ выдадимъ за молодого, молвила, улыбаясь Наталья Ивановна, и открыла комодъ. Я тебѣ хотѣла, Даша, заказать кружево выплести, но это послѣ; а теперь вотъ эта работа нужнѣе, продолжала она, вынувъ

изъ комода два куска полотна. Накрой рубахъ. Я думаю, умѣешь?

— Какъ могу-съ, готова вамъ служить, отвѣчала скромно дѣвушка; позвольте мнѣ вашу шитую сорочку-съ.

— Не нужно, другъ мой; крой на свой ростъ, и конечно, да и приносить не трудись, когда сошьешь. А это вотъ тутъ моихъ два шелковыхъ платья, перешей по себѣ, и ситецъ на наволочки возьми.

Наталья Ивановна вытащила еще узелъ изъ комода.

— Да скажи матери, чтобъ на-дняхъ ко мнѣ побывала....

Даша стояла, какъ громомъ пораженная; руки и ноги тряслись у ней; она поняла въ чемъ дѣло, и слезы въ три ручья покатались по щекамъ дѣвушки; она закрыла лице руками, и не могла ничего выговорить.

— О чемъ это? спросила смѣясь Наталья Ивановна. Полно, мой другъ, не плачь: женихъ молодой, красивый... Правда, дѣвушки всѣ плачутъ, а замужъ идутъ! *Кто наплачется за столомъ, тотъ не будетъ плакать за столбомъ.* (*)

V.

Быль полдень тихій и знойный, несмотря на то, что стоялъ еще май мѣсяцъ; прозрачный туманъ и запахъ гарри носился въ воздухѣ; чуть замѣтная рябь едва шевелила поверхность Волги, по обоимъ берегамъ которой тамъ и сямъ пестрѣли согнанныя на полдневный отдыхъ къ водопою стада. Скотина или лежала на песокѣ, жуя лѣниво жвачку, или стоя поколѣно въ водѣ, флегматически глядѣла другъ на дружку, и на проплывающія мимо лодки. Цѣлый караванъ грузныхъ судовъ тянулся бичевами вверхъ по рѣкѣ. Бичевы эти, каждая въ нѣсколько десятковъ человекъ, покрывали собой лѣвый, песчаный и отлогій берегъ, сильно навалившись плечами на широкую ременную лямку, прикрѣпленную къ бичевѣ. Грязные бурлаки изъ всѣхъ низовыхъ племенъ

*) Народная поговорка; т. е. наплачется въ невѣстахъ при людяхъ, такъ не будетъ плакать украдкою замужемъ.

шли тяжелой поступью въ ногу, напѣвая, съ ухащемъ и присвистомъ, плясовую или хороводную пѣсню, или привирая какуюнибудь совершеннѣйшую безмыслицу.

Другія суда шли завозомъ; здѣсь бурлаки съ тѣми же грубыми припѣвами сновали взадъ и впередъ по палубѣ, вытягивая завозную снасть. На нѣкоторыхъ мачтахъ болтались топсели (малые верхніе паруса), поднятые въ подмогу сплѣ человеческой, но за совершеннымъ отсутствіемъ вѣтра висѣли словно на просушкѣ.

На одномъ изъ большихъ мокшайовъ, шедшихъ завозомъ, въ двѣ смѣны, одна половина бурлаковъ работала съ однообразнымъ припѣвомъ: «быкъ да козель, былъ да ушелъ!» другая половина, въ ожиданіи обѣда, отдыхала на палубѣ, сидя и лежа въ различныхъ положеніяхъ. На креслахъ (*) у руля стоялъ лоцманъ, приземистый, лысый мужикъ, съ огромной до-нельзя рыжей бородой, въ красной рубахѣ, и синей поддѣвкѣ. Онъ былъ безъ шляпы, и усердно утиралъ бѣлой ширинкой крупный потъ, подъ полуденными лучами солнца, градомъ выступавшій на его лысинѣ.

Въ самомъ-ли дѣлѣ кривъ былъ лоцманъ на лѣвый глазъ, или только шурилъ его по привычкѣ, на это никто не могъ достовѣрно отвѣтить; за-то правый глазъ, неопредѣленнаго цвѣта, безпрестанно прыгающій, глядѣлъ немовѣрно лукаво.

Надѣвъ шляпу, лоцманъ посмотрѣлъ правымъ глазомъ на флюгарку, откуда алая *сорочка* **) висѣла вдоль мачты, безъ малѣйшаго движенія.

Около артельныхъ котловъ, въ которыхъ варились щи и каша, хлопотали два кашевара, парни лѣтъ по шестнадцати. Возлѣ домика, пристроеннаго на палубѣ къ мачтѣ, въ которомъ жилъ приказчикъ судна, расположилось человѣкъ шесть бурлаковъ; они, повидному, съ большимъ вниманіемъ слушали разказчика-краснобая, только-что кончившаго свой разказъ и говорившаго въ заключеніе самымъ увѣрительнымъ тономъ:

*) Креслами зовутъ на мокшанахъ возвышеніе, съ котораго лоцманъ править рулемъ.

**) Полоса кумача, голубой китайки, а иногда и просто бѣлаго холста.

— Ей-же ей, ребята, не лгу! такъ дѣло было, а коли не вѣрите, такъ... рассказчикъ не договорилъ, и принялся со свистомъ втягивать табакъ правою ноздрей, прижавъ пальцемъ лѣвую.

— Оно такъ... оно, вѣстимо... оно всяко бываетъ... проговорило на разные лады нѣсколько голосовъ.

— Да, всяко бываетъ!.. примолвилъ старый, сѣдой и щедушный бурлакъ. — Вотъ со мной тоже оказія такая, ребята, случилась, что, право, подумать *колды* страшно... Онъ какъ-то робко оглянулся и замолчалъ.

— Что-жь ты, дѣдъ, не басшь? Расскажи, что такое? спросилъ одинъ парень.

— Ужь коли, началъ, такъ Расскажи, дѣдушка Макаръ! сказывай!.. повторило нѣсколько голосовъ.

— Взаправду, коли-началъ, такъ что-жь! сказалъ старикъ, какъ будто ободряя самъ себя: что-жь... на все воли Божья... Вотъ, ребяташки, давно это было-то, женили меня, братцы, минуло мнѣ только восемнадцать лѣтъ; взялъ я дѣвку нашей же деревни, которую мнѣ взять хотѣлось, а ей за меня выйдти, ну, значить, мы слюбившись были, все дѣло рѣшилось. Прожили мы зиму вмѣстѣ, вотъ на весну мнѣ батка и баеть: дескать, Макарка, надобѣ и въ путину сряжаться. Мнѣ, знашь, словно ножъ подъ сердце, ну, а вѣдь отцу поперечить не станешь, въ путину, такъ въ путину, дѣлать нечего... Вотъ мы съ бабой ночь-ту всю протужили, а на утро какъ ни въ чемъ не бывало; ей-ту еще ничего, бабье дѣло, хоть и вспухнетъ рожа-то отъ слезъ, ну а мнѣ знать стыдно: — вѣдь и ребята просмѣютъ... а все-таки просто дурость, молодость была... Одначе нехвастовски сказать, ужъ и баба у меня была, что лебедь!.. Вонъ Тимофей-ту нашепской знаетъ мою старуху, и солгать не дастъ... она и таперичка конь концемъ... Тимохъ!.. обратился онъ къ одному, невзрачному мужиченку, который, сядя на связкѣ каната, чистилъ свою трубку: Тимохъ! знаешь мою старуху?

— Колды не знать! отвѣчалъ Тимоха.

— Ну вотъ, и прощаньецо пришло, режемъ оба коровой... матка нуще нашего голосить, колды отецъ плетью пригрозилъ... Дѣлать нечего, ушелъ я. Пришелъ въ Казань

и нанялся я отъ Казани до Рыбной. Не помню, какая кладь была... Ёду я, а самъ тоскую, дурость наша, глаза бы на свѣтъ не глядѣли, отъ ёды отбило; хотѣлъ ужъ и домой бѣжать, отца боюсь... каюсь, раза два хотѣлъ свѣту бѣлаго укрыться... просто-на-просто въ воду броситься...

— Вотъ, братцы, какъ теперь помню: разъ остановилось судно ночевать. Ночь такая темная, да душная, ребята всѣ улеглись, и я легъ на палубѣ съ краю... тоска меня такъ и давить, не спится, нолды голова разболѣлась... Гляжу я, этакъ около полуночи, идетъ ко мнѣ моя баба... откуда взялась, не примѣтилъ. Идетъ, какъ есть, она, тихонечко ступаетъ, рубаха на ней бѣлая, подолъ кумачомъ обшить, простоволосая, косы висять, такъ-то мнѣ весело стало, она и шмыгъ ко мнѣ подъ-бокъ. Словно я, помнится, ребята, хочу слово промолвить... нѣтъ, языкъ не владеетъ... точно я окаменѣлъ весь; а она обнимаетъ, цѣлуетъ меня; а мнѣ ужъ какъ будто и ужасно... Вспомнилось мнѣ, что жена-то отъ меня больно далеко, верстъ тысяча пожалуй будетъ... навожденіе, себѣ думаю, навожденіе. А она-то шепчетъ: и завтра, говоритъ, къ тебѣ приду, только не бай про-то никому, да меня, слышь, именовъ не называй... а сама ластится... Спалъ я, братцы, аль не спалъ, не могу заподлинно сказать... Стали ребята наши на зарѣ подниматься, всталъ и я, и всталъ я самъ не свой; смѣюсь, будто и весело мнѣ, будто я взаправду съ своей бабой навидался, а сердце словно змѣя сосетъ... Промаячилъ я день кой-какъ; а ѣсть не могу, въ горло хлѣбъ нейдетъ... Вотъ опять вечеряетъ, дрожь меня беретъ, нолды зубы стучать другъ объ-другу, а самъ опять на старое мѣсто ложусь, и жду что будетъ... Гляжу: около полуночи идетъ, и опять ложится возлѣ меня, такъ вѣдь вотъ, братцы, какая сила вражья!.. у меня ужъ словно и страху нѣтъ... И начала она волосы гребнемъ расчесывать. И сталъ я словно привыкать. Днемъ подумаю: вѣдь, молъ навожденіе, а какъ вечеръ—и помысла того нѣтъ... будто такъ и надобно... какъ лишь начнетъ смеркаться, я ужъ насили и дождусь полуночи... Горе, бывало, какъ попутный дуетъ, коли вѣтеръ небольшой, судно и ночью идетъ парусомъ, а меня иной разъ на носу до полуночи посадить. Послѣ того, какъ смѣнять,

да уснешь подъ утро, не придетъ... и тоска такая всесвѣт-ная, что не знаешь куда и дѣваться цѣлый день... а тамъ какъ ляжешь съ вечера, придетъ... Да такъ, братцы, и ходила ко мнѣ недѣли двѣ, а можетъ и больше, и дошелъ же я за то время! Здоровъ, а сдѣлался совсѣмъ испитой, вѣтромъ шатаеть, объ обѣдѣ и рѣчи не заводи... Вотъ и случись-же на мое счастье такой случай: былъ у насъ на суднѣ бурлакъ, старый такой, все его шептуномъ звали, оттого что онъ, бывало, безпрестанно самъ съ собою что-то шепчетъ, молитву что-ль творить, аль заговоръ какой!.. кто-жъ его вѣдаетъ... Ложится разъ этотъ шептунъ возлѣ меня, и не радъ я былъ сосѣду, да такъ полѣнился перелечь на другое мѣсто... Не спится мнѣ... ворочаюсь съ боку на бокъ, а на Волгѣ тихонечко, только наши ребята похрапываютъ... Гляжу я: идетъ моя баба, отъ кормы. Подошла, видитъ шептуна, покачала головой и пятится... и... пропала. Не спалъ я до утра, и что со мною дѣялось?—сказать нельзя... Досадно мнѣ на шептуна, что онъ ея мѣсто занялъ... да словно и страхъ на меня нашель... такъ-бы вотъ кажись и заревѣлъ коровой.. такъ слезъ-то нѣтъ, словно сердце закаменѣло... Хожу я поутру словно дуракъ; ребята завтракаютъ, сѣлъ и я за муру, (мурую зовутъ на Волгѣ крошенный хлѣбъ съ водою) нѣтъ! ложка въ ротъ, братцы, нейдетъ... И слышу я послѣ завтрака, подошелъ шептунъ къ лодману, да и говорить:

— Не ладно, Григорій Григорьевичъ! больно не хорошо! дескать Макарку нечистая сила обуяла...

Лодманъ покачалъ головой.

— Прикачнулась, совсѣмъ прикачнулась... надобѣ парню помочь...

Лодманъ какъ окинетъ меня глазами, такъ на меня словно кто нибудь ведро холодной воды. Вотъ пошептали они, пошептали и разошлись. И нужно было энтимъ разомъ съѣхать на берегъ за хлѣбомъ. Подвалили мы къ селу, поѣхали наши ребята на берегъ, шептунъ мнѣ и баить: — Макарка, поѣдемъ и мы съ тобой. Ладно, говорю, поѣдемъ пожалуй, по мнѣ все равно. Вотъ поколѣ ребята на базаръ ходили, мы съ шептуномъ легли на травкѣ близъ кабака.

— Послушай-ка, баитьковъ сынъ! если на тебѣ хрестъ-

то? баеть мнѣ мой дѣдъ. А креста-то, братцы, давно на мнѣ не было, порвалась веревочка и не вспомню коли.

— Потерялъ, говорю, дѣдъ: надобѣ купить!

— То-то, говоритъ, парень. А вѣдь худо! вѣдь къ тебѣ того-то!..

— Какъ промолвилъ эвто шентунъ, такъ-то мнѣ, братцы, тошно стало, словно подкатило что подъ сердце; ничего я не отвѣтилъ, уткнулъ носъ въ траву, да такъ горько всплакнулъ, не знаю, откозь у меня только слезы взялись...

— Ладно... баеть дѣдъ; добро, не плачь... поможемъ, авось, Богъ милостивъ!.. а самъ и пошелъ въ кабакъ. Несеть мнѣ оттудова стаканъ вина, пребольшущій, а я толды еще хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, отбиваюсь, а онъ приступаетъ ко мнѣ.

— Выпей... говоритъ, дуриная твоя голова, коли хочешь себѣ-ка добра!

Выпилъ я, братцы, все пошло кругомъ; дѣдъ мой передо мной на головѣ ходитъ, кабакъ пляшетъ, и чего-то мнѣ не видѣлось! а тутъ ужъ и не помню какъ свезли меня на судно. Опомился я, братцы, въ мурѣ, шубами прикутанъ, мнѣ жарко стало... слушаю, пѣтъ не плывемъ, стоимъ, гляжу, темно, и тихо, всѣ спятъ, только на палубѣ надъ моей головой шентунъ съ кѣмъ-то разговариваетъ... И вдругъ словно кто соскочилъ въ воду, вода заплескалась, и такъ кто-то жалобно, словно женщина, заплакалъ. А у меня точно порвалось что у сердца. Тутъ опять я ничего не помню...

— Встаю я, ребятушки, на другой день, бають, къ вечеру, а самъ шатаюсь, силы нѣту, иначе перекусилъ крошку. Дня три я больно маялся, руки опускались, да лоцманъ-то былъ нашъ добрый человекъ, Григорій Григорычъ, живъ—доброе здоровье, а умеръ, царство небесное,—сноровилъ, не бросилъ. А ка-бы ссадили на берегъ, ужъ можетъ меня грѣшного давнешенько на свѣтъ-то бы не было, уморилъ бы въ лазаретѣ, али на берегу-бы издохнулъ, какъ собака. Ну вотъ и оклемался-же я дня черезъ три. Веротился я домой. Надобѣ сказать правду, на первыхъ порахъ словно ужасно было мнѣ-ка своей жены, хоть она и встрѣтила меня, и повисла на шеѣ, ну а тутъ и ничего, и привыкъ. А старики, отецъ

съ маткой, баяли, что съ моей бабой и сладить не вѣдали какъ, больно тосковала слышь обо мнѣ; правду знать бають, что сердце сердцу вѣсть подаетъ. Вотъ она прича-то какая!.. всяко бываетъ. Послѣ эвтаго одначе батька годовъ съ десятокъ не посылалъ меня на Волгу, а тутотки онъ *побывшился*, ну, и пошелъ я опять, и пошелъ да пошелъ... одначе ужъ такого навожденія не бывало, Богъ мпловалъ... только сегодня...

Старикъ мгновенно замолчалъ, качнувъ съ досадою головою, какъ будто на то, что проговорился.

Слушатели подождали минуты три, но видя, что рассказчикъ молчитъ, нѣкоторые изъ нихъ заговорили:

— Ну такъ что-жь, дѣдко... досказывай!.. али привидѣлось что сегодня... скажи-ка! скажи!..

— Да что, братцы, сказать-то? примолвилъ Макаръ, почесавъ затылокъ, наше мѣсто свято, сегодня приснилось... будто опять свою бабу видѣлъ, какъ прежде, въ бѣлой рубахѣ... Тьфу, ты!.. и онъ плюнулъ на сторону.

— Ха, ха, ха! отозвался молодой парень: дѣдушка, вѣдь старуха-то твоя жива?

— Жива, ну такъ что-жь? отвѣчала старикъ.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ; продолжалъ шутникъ: значить, старуха тоскуетъ объ тебѣ. А ты, старый хрѣнъ, все еще ходишь по Волгѣ! Ну, въ твои-ли года! сидѣль-бы на печи, съ своей старухой, не ровенъ часъ...

— Что правда, то правда... отвѣчалъ какъ-то особенно грустно Макаръ, а вотъ такъ, привычка... Вѣдь и нѣтъ никого, двоимъ-то со старухой можно-бы сытыми быть, а все такъ за привычку...

Всплескъ веселъ подѣхавшей лодки прервалъ рѣчь старика. Это возвратились бурлаки, посланные за припасами въ городокъ, мимо котораго тянулось судно. Они привезли груды печенаго хлѣба и пучки зеленаго луку, часть котораго сейчас-же была расхватана бурлаками, а остатки были привязаны на веревку и спущены въ воду, за бортъ судна. У кашеваровъ все было готово. Работающая половина бурлаковъ сняла лямки, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты, палуба покрылась кружками обѣдающихъ рабочихъ. Всякій, вытаскивъ

свою ложку изъ-за полоски плиса или ремня, опоясывающихъ его шляпу, садился возлѣ артельной чаши, и утолялъ свой голодь, не исключая и лопмана. Судно на эту минуту остановилось совсѣмъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, кромѣ стараго Макара, ложка котораго какъ-то особенно лѣнливо работала, и старикъ былъ замѣтно невеселъ.

— Попутнаго-то Богъ не даетъ, замаялись! промолвилъ одинъ молодой бурлакъ, взглянувъ на повисшій топсель.

— Эка замаялись! видно ляжку тянуть не у жены за спиною лежать! А вотъ я, братъ, лѣтъ тридцать ее тяну, такъ ужъ старыя-то кости и сказываются; а то эка! жутко ишь кажется. Да ты не въ первый-ли разочикъ на Волгѣ-то? Коль въ первый, такъ еще на кобылу дружка погонимъ, сказалъ Макаръ.

— А что такое, какая такая кобыла? спросилъ, озираясь, молодой бурлакъ.

— Э! въ первый, въ первый!.. закричалъ съ хохотомъ весь кружокъ.

— А вотъ пойдешь на нее, такъ и узнаешь, сказалъ одинъ старый бурлакъ. Счастливъ, коли судно парусомъ пробѣжитъ. Да вонъ и того Васюка на кобылу: онъ тожъ, кажись, въ первый... Онъ указалъ на одного изъ Чувашъ.

— За что мой на кобылу пойдетъ, бачка? Васюкъ никого не обидилъ, бачка, отозвался Чувашъ.

— Ладно! разговаривай! А какъ меня ребята погнажи, такъ я всѣхъ святыхъ перемолилъ!

— А, а! сказали со смѣхомъ нѣсколько голосовъ.

— Ужъ такъ-то отжарили, такъ любо-дорого. А денегъ-то ни гроша не было...

— И я, братъ, помню, ой, ой! проговорилъ Макаръ.

— Ужъ-ли и тебя, дѣдко?

— А какъ-же!

— Что-жъ эхто такое взаправду? спросилъ съ видимой заботой новичекъ, обращаясь къ одному пожилому бурлаку, котораго звали Никитичемъ, и котораго честный, задушевный видъ говорилъ въ его пользу, надѣясь, что этотъ мужикъ не зубоскаль, и навѣрное скажетъ правду.

— А вотъ что, отвѣчалъ послѣдній: подъ Привольскомъ

есть большущій, высокій и гладкій камень. Вотъ, какъ идетъ бычева по берегу, всѣ бурлаки и погоняютъ на эхтотъ камень, примѣрно тебя, и другихъ, кто первую путину идетъ...

— Эка-ста важность, можно и нейти...

— Полѣзешь, братъ, какъ примутся лямками-то жарить; небо съ овчинку покажется...

— Эхъ! А рази ужъ безъ того и нельзя?..

— Отчего нельзя, можно, коли вина купишь да угостишь.

— Вона што! проговорилъ парень въ раздумьи, почесавъ въ затылкѣ. Ну, а кобыла-то чтожъ?

— Эхтотъ-то камень и зовутъ кобылой, отвѣчалъ Микитичъ.

Между тѣмъ старый Макаръ потиралъ себѣ плечи и поспяпу и поглядывалъ на небо.

— Дѣдко носъ поднялъ, знать попутный чуетъ, молвилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Попутный, не знаю, а ненастье такъ чуетъ моя спина, отвѣчалъ Макаръ.

— Охъ ты, старый хрѣнь! вѣдь прикидываешься, будто ужъ и невѣсть какая старость! Старики любятъ себѣ годы насчитывать, я это знаю; баушка моя всѣмъ говорила, что другое сто живетъ, а мать баеетъ, что и всего-то старуха жила семдесятъ лѣтъ. Такъ и ты...

— Нечего зубы-та скалить, спроси-ка у Микитича, онъ тебѣ про-то скажетъ... Микитичъ, сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Макаръ.

— Кажись, сорокъ минуло, дѣдушка Макаръ.

— Вотъ слышь; а Микитичъ толды родился, колды я женился.

— Ишь знаетъ коли Микитичъ-то родился! Ахъ ты старый балясникъ!

— Еще бы! мы изъ одной деревни съ дѣдушкой Макаромъ, сказалъ Микитичъ, затыкая свою ложку за шляпу, и подымаясь на ноги отъ опорожненной чашки.

— Да еще маленько и сродни, договорилъ Макаръ.

Всѣ встали, и помолясь на востокъ, пошли всякій на свое

мѣсто. Работавшая до обѣда половина бурлаковъ пошла на отдыхъ, а отдыхавшая лѣниво надѣвала лямки.

Между тѣмъ ставшій на свое мѣсто лоцманъ, пытливо поглядывалъ за бортъ судна, гдѣ съ крикомъ рѣяли рыболовки, чуть не касаясь воды крыльями. Мелкая рябь переходила въ легкія волны.

— А! пошевеливается! быть погодѣ, сказалъ самъ себѣ лоцманъ, взглянувъ на флюгарку мачты, которая вертѣлась во всѣ стороны.

— Проворнѣй ребята, собачьи дѣти! крикнулъ онъ пронзительнымъ рѣзкимъ дискантомъ.

— Гей, шевелись! раздалось опять: что заснули скоты! и градъ ругательства посылался отъ руля, и покрылъ всю палубу. Бурлаки засуетились, толкая другъ-друга.

— Что спишь, Василій Ивановичъ, поворачивайся... вскричалъ одинъ изъ бѣгущихъ къ бичевѣ, и хлеснулъ ляжкой лѣниво двигающагося передъ собой Чуваша. Этакой пародецъ, чортъ, какъ къ обѣду, такъ первый, понимаетъ и слышитъ, а къ дѣлу такъ словно не понимаетъ... распроклятые!..

Чувашъ оглянулся и молча почесалъ спину.

И вскорѣ раздался по палубѣ мѣрный тяжелый шопотъ: бурлаки, опустя руки и головы, легли всей силой на лямки, и задрали во все горло, безсмысленно: «еще разъ!»..

— Савель! Савелко! поди становись, а я часокъ сосну, сказалъ лоцманъ, обращаясь къ высокому молодому парню; таперичка ничего, а тамъ какъ пройдемъ колѣно, смотри, разбуди меня, тамъ влѣво каменная коса, да и вправо мель есть. Смотри, разбуди, слышь! а то не ровень часъ, чортъ попутаетъ...

Савель, родной племянникъ лоцмана, готовящійся тоже быть въ свое время лоцманомъ, влѣзъ на кресла, и смѣнилъ дядю. Послѣдній отправился въ казенку.

Это былъ домикъ, состоящій изъ трехъ крошечныхъ комнатокъ, оклеенныхъ цвѣтными шпалерами. Въ первой, кромѣ широкой скамьи, ничего не было, во второй, кругомъ стѣнъ были придѣланы чистыя лавки, кромѣ того находились большой крашеный столъ, и два стула грубой работы, старый посудный шкафъ, съ закопченными стеклами; въ углу

образъ, предъ которымъ висѣла цвѣтная лампадка, и на стѣнѣ разбитое зеркальце. Въ третьей комнатѣ, которая служила спальней приказчику судна, помѣщалась сосновая некрашенная кровать, и маленькій придѣланный къ стѣнѣ изъ некрашенныхъ досокъ шкафикъ. За отсутствіемъ приказчика, теперь эта комнатка служила спальней лоцману. Вошедъ въ нее, Самойлычъ прилегъ на постель, состоящую изъ войлока и грязной подушки, твердой какъ кирпичъ, и скоро захрапѣлъ.

Между тѣмъ Савелій стоялъ у руля и разговаривалъ съ водоливомъ. Мужикъ этотъ былъ огромнаго роста, съ заросшимъ густою черною бородою лицомъ и свирѣпымъ взглядомъ; словомъ, имѣлъ такую образину, встрѣтись съ которою, не только ночью въ лѣсу, но и днемъ среди чистаго поля, всякій попятился бы назадъ и перекрестился. Теперь Филипычъ (такъ звали водолива) вылѣзъ изъ мурьи *), какъ баснословный гномъ изъ нѣдръ земли и, усѣвшись на кормѣ, на связкѣ каната, закурилъ свою коротенькую трубку, часто полевывая на сторону.

— Какъ ты мекаешь, Филипычъ, я чаю скоро гряда-то, про кою дядюшка баялъ? обратился Савелій къ водоливу.

— Тебѣ больше знать, руль-то въ рукахъ держишь, отнѣчалъ, плюнувъ, Филипычъ и почесалъ за ухомъ.

— Мало-ли что руль... тебѣ больше моего это дѣло извѣстно: не годъ, не два по Волгѣ ходишь; а я... я... долго-ли до грѣха!..

— Не мое дѣло, не мнѣ приказано.

— Вотъ вѣдь ты какой, Филипычъ! молвилъ Савелій съ досадою, а отчего бы не сказать! развѣ тебя убудеть, что-ль?

— Не мѣшай мнѣ дѣло дѣлать, проворчалъ водоливъ, снова набивая трубку.

Савелій, опасаясь гряды, поверотилъ немного вправо.

— Куда ты воротишь, чертенокъ! вскричалъ вдругъ Филипычъ, вскочивъ проворно на кресла и вырвавъ у Савелья

*) Мурью на рѣчныхъ судахъ называется пространство подъ палубою, гдѣ помѣщается грузъ.

руль, круто поворотилъ влѣво. Ослѣпъ что-ль? прибавилъ онъ, показавъ на длинную полосу желтоватой воды, почти возлѣ самага праваго борта.

— Ахти, Господи! проговорилъ Савелій, почесавъ въ затылкѣ; совсѣмъ не досмотрѣлъ. Спасибо, дядя Филипычъ.

— Ну теперь возьми глаза въ зубы, смотри прямо, ишь головачи торчатъ! сказалъ водоливъ, бросивъ руль, и сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ передъ носомъ судна, три или четыре камня, при совершенно гладкой поверхности рѣки, едва выказывали свое сѣрое темя. Савелій удачно ихъ обошелъ.

— Филипычъ, ужь вѣрно это гряда-то начинается?

Водоливъ молчалъ.

— Ахъ-ти бѣда, чуть не насадилъ, продолжалъ парень; а какъ ты думаешь, судно старо?

— Порядово, отвѣчалъ лаконически Филипычъ.

— Значить и опасно, коли шарахнется.

— Отъ коего чорта шарахнется! умѣючи поведешь, такъ не шарахнется; а вотъ такой лоцманъ, какъ ты...

Савелій почесалъ затылокъ; замѣтно было, что ему хотѣлось поговорить, но также замѣтно было, что водоливу при всякомъ отвѣтѣ хотѣлось ругнуть будущаго лоцмана.

Оба молчали. Прошло четверть часа, судно обогнуло небольшой мысъ, и Савелій почувствовалъ, что ему подуло въ спину.

— Кажись, низовякъ подулъ! смотрико-сь Филипычъ, замѣтилъ онъ водоливу, взглянувъ на флюгарку, которой длинная сорочка хлестала чуть ему не въ лицо.

Послѣдній, вмѣсто отвѣта, всталъ, спряталъ свою трубку въ карманъ шараваръ, и пошелъ будить лоцмана.

Черезъ минуту уже Самойлычъ стоялъ на мѣстѣ племянника, буровилъ воду рулемъ и кричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Попутный! молись Богу, ребята!.. потомъ, снявъ шляпу, перекрестился, и продолжалъ во все горло: косные на райну, распетляй парусъ!

Вмигъ встрепенулась его грязная команда; отдохавшіе

тоже вскочили съ мѣстъ, сняли шляпы и крестились на-ско-ро; одни бросились на носъ, вытягивать завозный якорь, до котораго судно дошло. Другіе съ крикомъ полѣзли на райну, (большая рея нижняго большаго паруса), по веревочнымъ лѣстницамъ, или просто цѣпляясь по снастямъ, чтобъ рас-пустить подвязанный парусъ. Черезъ десять минутъ, все ви-димое пространство Волги, покрытое судами, огласилось страшнымъ крикомъ. Нѣтъ словъ выразить этотъ безконеч-ный вопль, прерываемый ругательствами, и это было не что иное, какъ команда лоцмановъ, и вспомогательные крики бур-лаковъ, по ихъ мнѣнію, возбуждающіе силы человѣка, при исполненіи тяжкихъ работъ. «Завяжи узелъ! затяни петлю! отдай снасть! подай веревку!» слышалось на разные голоса, и это все перемѣшивалось тѣми словами, которыми такъ бо-гаты русскій языкъ. Молитва, при начатіи дѣла, и ругатель-ства при исполненіи, кажется, необходимы для русскаго про-стаго человѣка; по-крайней-мѣрѣ на Волгѣ думаютъ, что безъ этого нельзя.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ, на волнахъ появились бѣлые гребни, съ юго-востока показалась сизая туча, вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ и гнулъ райну. Самойлычъ все кри-чалъ, кричалъ, до потери голоса, доколѣ его дискантъ не пе-решелъ въ какой-то хриплый вопль, терявшійся въ общемъ крикѣ. Наконецъ парусъ распустили, онъ заполоскался и на-чалъ надуваться.

Молодые и болѣе ловкіе бурлаки полѣзли на среднюю рай-ну, чтобъ поставить средній топсель; малый вверху давно уже круто надувался.

Старикъ Макаръ, бывшій въ числѣ косныхъ, и также си-дѣвшій на концѣ большой райны, развязывалъ веревки и так-же кричалъ, насколько ставало легкихъ. Когда работа кон-чилась, онъ сходилъ внизъ по веревочной лѣстницѣ, осту-пился на половинѣ и... упалъ на палубу. Грохнувшись, ста-рикъ простоналъ, потомъ смолкнулъ, закрылъ глаза, и не шевелился. Товарищи ахнули, бросились къ нему, оцупыва-ли голову, раны ни гдѣ не оказались, но бѣднякъ былъ безъ памяти. Постояли вокругъ бурлака, поговорили, спрыснули его холодной водой, но легче не было, только легкая дрожь

пробѣжала по старому тѣлу. Ушибеннаго прикрыли кафтаншкомъ, и отошли прочь. Долѣе всѣхъ возлѣ него оставался Никитичъ, какъ землякъ и родственникъ; положилъ ему голову на связку каната, чтобъ было половчѣе, звалъ его по имени, старался влить въ ротъ хоть каплю воды, но видя, что ушибенный не шевелится, пошелъ къ лоцману, около котораго собралось уже нѣсколько человѣкъ.

— Иванъ Самойлычъ! бурлакъ съ райны упалъ... ушибся... перебивали другъ-друга работники, что—прикажешь съ нимъ дѣлать-то?

Но Иванъ Самойлычъ, не обращая вниманія на ихъ говоръ, хрипло кричалъ сидѣвшимъ на средней райнѣ, чтобъ они шевелились проворнѣй. Наконецъ, когда всѣ паруса были поставлены, какъ слѣдуетъ, и лоцманъ окончательно охрипъ, отъ своей команды, Никитичъ заговорилъ:

— Иванъ Самойлычъ! старикъ Макаръ, слышь, ушибся!

— Эка чортъ! прохрипѣлъ лоцманъ; а рази я виноватъ?

— Извѣстно не виноватъ никто, знать рокъ его такой; а все-бъ попользовать надоть, хоша-бы вина каплю въ ротъ влить...

— Какое вино! замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ: старикъ, сердечный, такъ зубы щемилъ, что и не разнимешь; смотри, скоро умретъ...

— Эти слова нѣсколько смутили лоцмана; онъ передалъ руль водолмву *), и пошелъ посмотреть больнаго.

— Гмъ! да! проговорилъ онъ, пощупавъ пальцемъ зубы убившагося. Не оживетъ, кажись!.. и отошелъ на носъ судна, сѣлъ, и началъ хриплымъ дискантомъ:

— Держи лѣво, держи право, чортовъ сынъ!.. прибавлялъ онъ въ полголоса къ своей командѣ.

— Эхъ-ма, поди-жь ты! да и гдѣ ужъ такому старику быть въ косныхъ!.. замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ, стоявшихъ близъ Макара.

*) На волжскомъ суднѣ всѣ паруса ставятся по командѣ лоцмана, и когда уже судно въ полномъ ходу, лоцманъ передаетъ руль водолмву, какъ первому по себѣ на суднѣ лицу, и начинаеть самъ командовать съ носу судна.

— Ужъ знать такъ на роду написано! заключилъ другой, принимаясь бротать какую-то веревку.

— Держи право, дьяволъ! или: — держи лѣво, чортовъ сынъ! оралъ въ свою очередь, стоя на кормѣ водоливъ Филипычъ, видя, что правому или лѣвому борту судна угрожала на всѣхъ парусахъ, летѣвшая расшива. И суда, съ помощію обоюдныхъ криковъ и ругательствъ, расходились.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ, потянулись длинныя тѣни отъ растущихъ по берегамъ сосенъ, запахъ которыхъ приносился вѣтромъ на суда, проходившія близъ крутыхъ подъярыхъ береговъ. Солнце, западая за далекій темный лѣсъ, окрашивало огненнымъ цвѣтомъ бѣлые паруса судовъ, и края черносизыхъ тучъ, которыя все болѣе и болѣе, плотной массой, сдвигались позади убѣгающихъ судовъ, и казалось, стояли въ раздумьи пуститься, или нѣтъ, за этою утлой бѣлокрылой стаей.

Дико раздавались крики лопмановъ, и между хриплымъ ревомъ уныло дребезжалъ какой-нибудь дискантъ, какъ завыванье голоднаго волка. Пискъ рыболовокъ и плескъ пѣнистыхъ валовъ дополняли эту дисгармонію, отъ которой всякій непривычный человѣкъ съ удовольствіемъ заткнулъ бы уши.

И вотъ тучи надумали идти по слѣдамъ судовъ, двигаясь быстро, и заволокли собой полнеба. Только на западѣ албла узкая полоса зарі. Раздался глухой далекій ударъ грома.

Самойлычъ все еще сидѣлъ на носу, и возлѣ его Савелій докучалъ, по обыкновенію, своими разспросами:

— А что, дядюшка, на перекатахъ (мели) будемъ паузяться, али нѣтъ? спросилъ племянникъ.

— Кто-жъ знаетъ, впередъ не узнаешь, грузно идемъ... отвѣчалъ лопманъ.

— Да, грузновато. А какъ, дядюшка, скажешь, нонче вода?

— Кажись, большая, а кто-жъ его знаетъ, къ Волгѣ-то, Савелю, не примѣнишься... Вонъ лѣто-сь весною подъ Балахной, и слуху не было, что мель, я самъ мокшанъ провель, а осенью, тихвинка съ солью на мель сѣла, а еще лѣто было дожливое... поди ты! Да никто и не помнитъ, что тутотка мель была, вотъ и раскуси...

— Такъ-ста... Савелій почесалъ въ затылкѣ.

— А что, дядюшка, отчего энто вдругъ приказчикъ-то у насъ съ судна съѣхалъ, не доплылъ съ нами до Привольска?

— Стало-быть хозяинъ такъ приказалъ, отвѣчалъ лопманъ, и закричалъ, что было силъ:

— Руль лѣво, — камень!

Удары грома слышались все ближе и ближе, чаще и чаще; сталъ накрапывать дождь; вѣтеръ почти превращался въ бурю, парусъ заполаскивало, мачты гнулись со скрыпомъ; начинало смеркаться ранѣе обыкновеннаго. Самойлычъ оглянулъ небо и волны; впереди шедшія суда принялись уже съ крикомъ убирать паруса. Самойлычъ еще съ четверть часа сидѣлъ на носу, опередилъ многія изъ судовъ; и потомъ, снова занявъ свое мѣсто у руля, крикнулъ:

— Убирай парусъ, чортовы дѣти, поколь не разнесло по ключьямъ! спускай верхній топсель! ишь боковень рветъ! Смотри, отурить, залобанить... *).

И въ-самомъ-дѣлѣ вѣтеръ, началъ дуть въ лѣвый бортъ, отчего при прямыхъ парусахъ очень легко можно было удариться въ крутой берегъ.

И опять пошла работа; суета, бѣготня, крикъ и ругательства заглушали команду лопмана; опять полѣзли на мачту, на райну; никто не думалъ о бѣдномъ Макарьѣ, котораго всякую минуту можно было чѣмъ-нибудь прихлопнуть, задавить. Вскорѣ судно пошло однимъ среднимъ топселемъ, и замѣтно убавило ходу.

Бурлаки сѣли уживать, поспѣвая до большой грозы.

— Ну вотъ и дѣдушка Макарь! а еще собирался гнать меня на какую-то кобылу! замѣтилъ новичекъ, пристававшій за обѣдомъ съ распросами къ Никитичу.

— Да, дума за горами, а смерть за плечами, проговорилъ другой бурлакъ.

— На все воля Божья, ребяташки, сказалъ со вздохомъ Никитичъ.

— Извѣстно воля Божья! а недаромъ, ребята, старикъ

*) То есть вѣтеръ подуетъ съ носу.

баялъ, что сегодня баба-то ему въ бѣломъ пригрезилась; не къ добру! примолвилъ третій.

— Баба! известно что такое баба,—сама-то смерть и есть! заключилъ второй.

Вся артель невольно и робко оглянулась назадъ, какъ-будто въ самомъ-дѣлѣ смерть была у нихъ за спиной.

— Мартыново! Мартыново! раздалось нѣсколько голо-
совъ, и руки протянулись къ лѣвому берегу, гдѣ изъ-за
темныхъ сосенъ бѣлѣла сельская колокольня. Почти всѣ на-
чали креститься.

— А какъ вы думаете, ребята, лоцманъ ссадить на бе-
регъ дѣдушку Макара? спросилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Ссадить, какъ есть ссадить, отвѣчалъ другой; ужъ
у Ивана Самойлыча снаровки нѣтъ, отцу родному не спуст-
тить...

— Ужъ рази креста на немъ нѣтъ что ль? заговорилъ
Никитичъ. Смотрико-сь, какая темень-то! хочеть быть буря!
того и гляди дождь хлынетъ... И что такое старикъ,—воля
Божья! авось, къ утру и очнется!..

Сильная молнія и трескучій ударъ грома, почти надъ самымъ
судномъ, прервали его слова, всѣ вскочили на ноги и начали
креститься. Застучалъ по палубѣ рѣдкій и крупный дождь.

— Ужъ какая молонья!.. Господи помилуй!.. такъ вотъ
словно змія возжою! да возлѣ самага судна!.. говорилъ одинъ
старый бурлакъ своему товарищу, опускаясь въ мурью: «святъ,
святъ!..» прибавилъ онъ, крестясь при вторичномъ блескѣ молніи.

— Я самъ видѣлъ, какъ стрѣла въ воду упала, нолды
судно дрогнуло, примолвилъ другой, и оба погрузились во
мракъ.

Когда судно немного проплыло село Мартыново, на па-
лубѣ появился водоливъ, съ какою-то бумагою въ рукахъ;
онъ велѣлъ четверымъ бурлакамъ приготовиться съѣхать
на берегъ. Потомъ обратился къ Никитичу, который опять
старался съ родственной заботливостью около ушибеннаго.

— У тебя что ль старикова котомка? спросилъ онъ.

— У меня. А на что тебѣ-ка? спросилъ Никитичъ.

— Какъ на что? Развѣ не видишь, что нужно его на
берегъ свезти... издохнетъ, пожалуй, тутъ...

— Богъ съ тобой, Филипычъ! Креста что ль, родимый, на тебѣ вѣту-ть? что старикъ помѣшалъ тебѣ-ка? — Авось опомнится, пролежится... а то смотри-ка, какова ночка-то хочеть быть!.. началъ-было Никитичъ.

— Разговаривать нечего, давай котомку, а не то и не-надоть. Вотъ его паспортъ и деньги... Ребята, подымай!.. крикнулъ звѣрски Филицычъ. Двое бурлаковъ прыгнули въ лодку, другіе двое приподняли Макара, и стали напяливать на него кафтанишко.

— Охъ! больно... простоналъ ушибенный.

— Вотъ вѣдь онъ, сѣрдечный, въ памяти, говорилъ Никитичъ. — Побойся Бога, Филипычъ! что это за управа у насъ такая... Господи Боже мой!.. Онъ побѣжалъ къ кормѣ и началъ упрашивать лоцмана.

— Отецъ родной, Иванъ Самойлычъ! Ну что это вздумали сдѣлать-то, дѣдушку Макара на берегъ... Да онъ умереть тамъ, сѣрдечный, такъ-таки и умереть, прежь времени... И дождь, и буря, — Господи Боже мой!..

— Ну жь, подавай котомку... слышь! ревлѣ водоливъ, осыпая ругательствами Никитича.

— Слышу я... и прошу твоей милости, смилуйся!.. хо-ша бы подь-утро — а то ночью то, какая буря! умереть онъ!..

— Дурень, чортовъ сынъ, умереть! вскричалъ хрипло лоцманъ: — а рази не умереть онъ здѣсь на суднѣ? А рази не наѣдетъ всяческій судъ, да не задержитъ судна на недѣлю, водяные черти! (такъ честилъ лоцманъ водяную коммуникацію), до-тѣхъ-поръ, какъ водяному не сунешь въ зубы цѣл-качей пятнадцать, и побольше? А рази больно весело, когда станемъ какъ раки на зимовѣ сидѣть, коли прочіе люди поносомъ (попутнымъ вѣтромъ) побѣгутъ! А рази ты, дуракъ, не видишь, какой вѣтеръ Богъ даетъ!.. Такъ не указывай подмазывать, дурья твоя башка, — знаемъ-ста съ твое... Лоцманъ прибавилъ очень энергическое слово. Никитичъ почесалъ затылокъ и долженъ былъ подать котомку старика.

Водоливъ положилъ въ котомку деньги и паспортъ.

— Прости, дѣдушка Макарь! Сѣрдечный, не доживетъ онъ до завтра... говорилъ жалобно Никитичъ, когда больнаго спу-скали въ лодку. Послѣдній глухо простоналъ. Вслѣдъ за нимъ

сброшена была его котомка. Трое сильныхъ гребцовъ ударили дружно въ весла, четвертый былъ на кормѣ, и лодка быстро понеслась.

Толпа молча и равнодушно глядѣла на происходившее. Ни одинъ голосъ, кромѣ Никитича, не протестовалъ противъ самоуправства лоцмана; всѣ знали, что Макарь не первый, и не послѣдній подвергался своей незавидной участи, которая, можетъ быть, и многихъ изъ нихъ ждетъ впереди.

Долго стоялъ на палубѣ Никитичъ, вытянувъ шею и опустивъ руки; зорко глядѣлъ онъ вслѣдъ удаляющейсь быстро лодкѣ, которая, направляясь къ берегу, скоро сдѣлалась едва замѣтнымъ пятномъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла въ густомъ мракѣ бурнаго вечера.

— Эка! подумасшь, воля Господня! проговорилъ онъ, разводя руками: ну, Иванъ Самойлычъ!.. и сошелъ съ мѣста, когда уже лодка совсѣмъ исчезла.

Между-тѣмъ, несмотря на мракъ, Самойлычъ, обрадовавшийся попутному вѣтру и не думалъ бросать якорь; водоливъ смѣнилъ его у руля, а онъ опять сѣлъ на носу судна.

— Держи лѣво! впереди конная! кричалъ онъ Филипычу.

Филипычъ сильно взбуровилъ воду рулемъ, и мокшанъ обошелъ какое-то длиннохвостое черное чудовище, мигавшее своими фонарями, словно очами огненными, и загромоздившее собою путь. По берегамъ чернѣло что-то неопредѣленное: были ли то ряды крестьянскихъ избъ, или тянулася кустарникъ; все приняло какія-то уродливыя очертанія и слилось въ ночной темнотѣ.

Попутный вѣтеръ донесъ бой часовъ съ колокольни села Мартынова. Было десять.

И когда лодка возвратилась съ берега, Никитичъ спрашивалъ заботливо:

— Ну, что, ребята, свезли старика?

— Ничего, свезли и положили — никто не видалъ.

— Не доживетъ онъ, сердечный, до утра, замѣтилъ въ полголоса Никитичъ.

Ничего, доживетъ! старики живущи! примолвилъ одинъ изъ возвратившихся бурлаковъ. — Да и село недалечко...

— Кажись, дядюшка, тутъ спянкъ? (камень) замѣтилъ дремавшій возлѣ него Савелій.— Смотри, вѣдь, зги не видно.

— Кажись, ты хочешь спать, такъ спи; а мнѣ не указывай подмазывать, коли тебя не спрашиваютъ, отвѣчалъ лощманъ.

Послѣ удара грома полилъ сильный ливень. Бурлаки прятались, кто куда попало, только лощманъ и водоливъ, накинувъ на себя рогожи, не оставляли своихъ мѣстъ.

— Держи право! держи лѣво! — какъ-будто на память кричалъ Самойлычъ, — и Филипычъ сильной рукой ворочалъ руль Громъ гремѣлъ, вѣтеръ свисталъ, дождь стучалъ въ налубу, и судно бѣжало.

— Чье судно? раздался рѣзкій окликъ возлѣ самаго борта, выходившій какъ-будто изъ водяной пучины.

— Изъ Привольска, отвѣчалъ Самойлычъ.

— Чье изъ Привольска?

— Отрубева!

— Подавай причалъ, приказчикъ воротился! раздалось съ лодки.

— Эй, дурни! что спите, бросай причалъ, приказчикъ воротился!.. кричалъ въ свою очередь лощманъ: — эй, встрѣчай!

Полусонные бурлаки выползали изъ всѣхъ закоулковъ, и сновали, не зная за что прийтись. Узнавъ, въ чемъ дѣло, многіе опять попрятались на оставленные теплыя мѣста свои. Причалъ (веревка) былъ брошенъ, и черезъ минуту на налубѣ показался приказчикъ, знакомый нашъ Петръ Иванычъ Отрубевъ, въ бѣломъ азымѣ, и высокомъ, пухомъ набитомъ, своемъ картузѣ, съ котораго бѣжала ручьями дождевая вода.

— Ну, Самойлычъ, здорово! все ли у васъ благополучно? спрашивалъ онъ, отряхиваясь.

— Здорово, Петръ Иванычъ; нечто, ничего такого, слава Богу, не случилось, полземъ помаленьку, отвѣчалъ съ поклономъ лощманъ.

— Такъ!

— Только сегодня бурлакъ убился... съ райны упалъ.

— До смерти убился? спросилъ въ испугѣ приказчикъ.

— Живъ еще, Петръ Иванычъ. Подъ Мартыновскимъ ссадили...

— Ладно сдѣлалъ. Ты у меня, Самойлычъ, молодецъ, ананья! а то бы умеръ на суднѣ—водяные съ допросами нахлынули бы, какъ коршуны, чортъ ихъ дери! ну вотъ, а я и опять къ вамъ воротился...

— Милости просимъ, Петръ Иванычъ! Мы безъ твоей милости *скупчались*, — свыклись цѣлую путину, все вмѣстѣ, говорилъ лопманъ, отворяя дверь въ казенку, куда шелъ приказчикъ.

— Какъ я измокъ... тьфу, какая темь! гдѣ Никитичъ? говорилъ приказчикъ, отряхиваясь.

— Чаво угодно, Петръ Иванычъ?.. спросилъ голосъ въ темнотѣ.

— Хоть бы ты, ананья, огня засвѣтилъ!

— *Опаско*, Петръ Иванычъ, смотри—Золотухинъ не далеко, водяные швыряютъ. Кому хочется штрахъ платить, замѣтилъ лопманъ.

Вскорѣ за приказчикомъ внесены было въ казенку его подушка, сундучокъ и кулечекъ съ сѣстнымъ.

Петръ Иванычъ сбросилъ свой азымъ въ первой комнатѣ, вошелъ ощупью во вторую, и также, ничего не видя во мракѣ, перекрестился въ уголъ.

— Тьфу, какая темь!.. хоша бы выпилъ чего, и закусилъ: да боюсь въ ухо пронести; знать, придется подождать, когда *солнце возсіяетъ*. А я тебя, Самойлычъ, побраню, прибавилъ Петръ Иванычъ: безшабашная твоя голова! темь-глазъ уколи, а ты идешь топселемъ. Ну, если ты, ананья, насадишь!.. а?..

— Хмъ! насадить! что твоя милость говорить изволишь, Петръ Иванычъ! отвѣчалъ самонадѣянно усмѣхнувшійся лопманъ, хотя этой усмѣшки Петръ Иванычъ и не могъ видѣть.

— Насадить! мѣста знакомыя, дѣло привычное, вѣтерокъ дуетъ... верстъ двадцать ночью уйдемъ—и ладно! А завтра, кто жъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуетъ... А коль твоей милости угодно, такъ и якорь бросимъ!

— Брось, Самойлычъ, брось, отдохнемъ маленько. Сегодня парусомъ много ли пробѣжали?

— Порядово, Петръ Иванычъ; версть тридцать пробѣжали.

— Пора на покой, Самойлычъ.

— Спокойной ночи, Петръ Иванычъ; только кровать-то твоя моею постелью занята.

— Ничего, ничего, уладимся... старый вѣдь ты знакомый-то: надобно жпть по-товарищецки, молвилъ ласково приказчикъ: — прощай, братъ!

— Прощенья просимъ... лопманъ вышелъ, и на палубѣ послышался крикъ:

— Спускай топсель, собачьи дѣти! Эй, черги! бросай якорь! слышь! — Опять послышалась бѣготня и брань. Блоки заскрипѣли, тяжесть упала въ воду, вода заплоскалась, минуты три судно двигалось, потомъ стало, и все затихло... порой слышались шаги и броть веревки. Вскорѣ все смолкло.

Между-тѣмъ Петръ Иванычъ оцупалъ въ своемъ кулечкѣ полуштофикъ: отпилъ нѣсколько изъ горлышка, и также оцупью закусилъ. Потомъ легъ и старался согрѣться и заснуть, но ни того, ни другаго не удавалось; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но не отъ стужи и сырости, а отъ своихъ чудовищныхъ мыслей, которыя не давали ему сомкнуть глазъ; воображеніе рисовало ему страшныя картины: то онъ видѣлъ себя богатымъ, въ почетѣ, рылся въ деньгахъ, полъгорода ему кланялось, то его тащили за воротъ въ тюрьму. Онъ безпрестанно открывалъ, и закрывалъ глаза и наконецъ, не вытерпѣвъ, закричалъ:

— Эй, Никитичъ! Бурлакъ, бурлакъ!

— Что надобно твоей милости? откликнулся Никитичъ, спавшій на скамьѣ, въ первой комнатѣ.

— Ты тутъ?

— Тутъ я. Что надобно, Петръ Иванычъ?

Петръ Иванычъ не отвѣтилъ ничего.

А. КОБЯКОВА.

АТТА ТРОЛЬ.

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Гейнриха Гейне.

ГЛАВА I.

Посреди туманныхъ высей,
Гдѣ бушуютъ водопады,
Въ зеленѣющей долинѣ
Котерэ расположилось.

Дамы вышли на балконы
Бѣлыхъ домиковъ мѣстечка,
И, смѣясь, глядятъ на площадь,
На народное веселье.

Тамъ внизу толпа нестрѣтъ
И шумить, и суетится.
Тамъ подъ звукъ плохой волынки
Два медвѣдя плохо пляшутъ.

Атта Троль съ своей супругой,
Съ черной Муммою своею
Возбуждаютъ удивленье
Вѣчно празднаго народа.

Атта Троль танцуетъ чинно,
Величаво и спокойно,
Но косматая супруга
Увлекается порою,

Такъ что позы и движенья
 На сап-сап сбиваясь, сильно
 Grand' Chaumièге напоминають,
 Возбуждая смѣхъ въ народѣ.

Иногда вожатый строгій,
 На цѣпи державшій пару,
 Обращалъ свое вниманье
 На безнравственную пляску,

И тогда кнутомъ тяжелымъ
 Укрощалъ ея порывы, —
 Мумма черная ревѣла
 Такъ, что стонъ стоялъ въ ущельѣ.

У вожатаго на шляпѣ
 Шесть мадоннъ, для охраненья
 Головы его отъ пули
 И отъ разныхъ насѣкомыхъ.

На плечо его надѣто
 Шерстяное одѣяло,
 Заменяя азьмавиву
 И скрывая пистолеты.

Онъ сначала былъ монахомъ,
 Занялся потомъ разбоемъ,
 А потомъ, служба Карлосу,
 Сталъ и грабить, и молиться.

Но Карлосъ съ своей дружиной
 Принужденъ былъ удалиться,
 Разбѣжавшись палadini
 Ремеслу рѣшились выбрать:

Самъ Шнапханскій сталъ поэтомъ,
 А гидальго нашъ почтенный
 Сталъ водить по всѣмъ базарамъ
 Атта Троля и супругу.

Онъ плясать ихъ принуждаетъ.
 Въ Котерэ, передъ народомъ,
 На базарѣ многолюдномъ,
 Атта Троль въ оковахъ пляшетъ.

Атта Троль, владыка лѣса,
 Бушевавшій самовластно
 На скалистыхъ Пиринеяхъ
 Предъ людьми въ долинѣ пляшетъ.

Изъ-за денегъ, изъ подъ палки
 Пляшетъ тотъ, кто наслаждался
 Самовластіемъ широкимъ,
 Кто всеялъ повсюду ужась.

О быломъ воспоминанья,
 О господствѣ надъ лѣсами
 Потрясаютъ и волнуютъ
 Духъ танцора Атта Троля.

Черный царь у Фрейлиграта
 Билъ не въ тактъ по барабану,
 Атта Троль же отъ досады
 Пляшетъ плохо и небрежно.

Но сочувствія не видно:
 Всѣ смѣются. И Жюльетта
 Засмѣялась на балконѣ
 Надъ досадою медвѣдя.

У Жюльетты грудь безъ сердца.
 Вся она живетъ наружу
 Какъ Француженка живая,
 Но наружность — восхищенье!

Взоры сѣтъ, лучей блестящихъ:
 Наше сердце попадется
 И, какъ рыбка, затрещетъ
 Въ частыхъ петляхъ этой сѣти.

ГЛАВА II.

Черный царь у Фрейлиграта
 Барабанилъ такъ усердно
 По большому барабану,
 Что насквозь пробилъ покрывку.

Это жалобно, конечно,
И для уха, и для сердца!
Но представьте, что внезапно
Атта Троль разбилъ оковы.

Смѣхъ и музыка затихли;
Перепуганные, съ крикомъ,
Всѣ толпой бѣгутъ съ базара,
Дамы смотреть и блѣднѣють.

Разорвавъ свои оковы,
Атта Троль черезъ мѣстечко
Мчится дикими прыжками,
Разгоняя предъ собою

Всю смущенную ватагу.
Наконецъ бѣжитъ онъ въ горы
И, взглянувъ на мѣръ долины,
Исчезаетъ за скалами.

На базарѣ опустѣломъ
Остаются только Мумма
И вожатый. Въ изступленьи
Онъ бросаетъ шляпу на земь

И мадоннъ ногами топчетъ;
Онъ срываетъ одѣяло,
Обнажаетъ грудь и плечи
И клянетъ неблагодарность

Измѣнившаго медвѣдя.
Онъ держалъ его какъ друга,
Онъ внушилъ ему стремленье
Къ танцевальному искусству;

Троль ему обязанъ жизнью:
Разъ напрасно предлагали
Сотню талеровъ за кожу
Убѣжавшаго танцора.

Съ сокрушеніемъ во взорахъ
Передъ нимъ стояла Мумма,
Умоляя о пощадѣ
Раздраженнаго Испанца;

Раззорившійся вожатый
 На нее досаду вылилъ:
 Онъ избилъ ее и назвалъ
 Королевою Христиной.

Эта сцена совершалась
 Въ теплый, чудный, лѣтній вечеръ.
 Этотъ вечеръ ночь смѣнила;
 И зажглись на небѣ звѣзды.

Половину этой ночи
 Я провелъ съ Жюльеттой рядомъ
 На балконѣ, гдѣ мы вмѣстѣ
 Въ небо звѣздное глядѣли.

И Жюльетта говорила:
 Хороши въ Парижѣ звѣзды,
 Гдѣ онѣ, въ осенній вечеръ,
 Смотрятъ въ грязь широкихъ улицъ.

ГЛАВА III.

Лѣтней ночи сонъ! Безцѣльна,
 Фантастична пѣснь поэта,
 Какъ любовь, какъ жизнь безцѣльна,
 Какъ Создатель и созданье!

Служить собственной охотѣ,
 Галопируетъ и скачетъ,
 И рѣзвится въ царствѣ миеа
 Мой Пегасъ неоцѣненный.

Не мѣщанская онъ лошадь
 Съ добродѣтью полезной,
 Не ретивый конь военный,
 Устремляющійся къ бою.

Златомъ кованы копыта
 Бѣлой лошади крылатой.
 Жемчугомъ блестятъ поводья —
 Я пускаю ихъ по волѣ.

Понеси, куда захочешь,
 По крутымъ дорожкамъ горнымъ,
 Гдѣ каскады возвѣщаютъ
 Смыслу здравому погибель.

Черезъ тихую долину,
 Гдѣ дубы лѣсовъ дремучихъ
 Изъ корней своихъ пускаютъ
 Сладкій токъ легендъ старинныхъ;

Тамъ напьюсь и влагой жизни
 Омочу свои рѣсницы.
 Страсть влечетъ меня увидѣть
 Ключъ всевѣдѣнья завѣтный.

Пелена съ очей спадаетъ;
 Мракъ пещеръ доступенъ взорамъ.
 Взоръ мой видитъ Атта Тролля,
 Рѣчь его понятна уху.

Странно! кажется знакомымъ
 Мнѣ языкъ его медвѣжий.
 Не слыхалъ ли я въ отчизнѣ
 Звуковъ этой грубой рѣчи.

ГЛАВА IV.

Ронсеваль! При этомъ словѣ
 Предъ моимъ воображеньемъ
 Разцвѣтаетъ и трепещетъ
 Голубая незабудка.

Въ блескѣ мѣръ воспоминаній,
 Разлетѣвшійся во мракъ,
 Возстаетъ, и привидѣнья
 На меня взираютъ грозно.

Звуки трубъ! Мечей бряцанье!
 Сарацинъ дерется съ Франкомъ,
 И въ отчаяньи, слабѣя,
 Стонетъ славный рогъ Роланда.

Тутъ въ долинѣ ронсевальской,
Возлѣ трещины Роланда,
Гдѣ герой, чтобы дорогу
Проложить себѣ въ утесѣ,

Въ стѣну яростно ударилъ
Знаменитымъ Дюрандалемъ,
Такъ что даже въ наше время
Видѣнь слѣдъ его удара.

Тутъ то въ каменномъ ущельи,
Поростающемъ кустами
Дикихъ сосенъ, подъ утесомъ
Скрыто ложе Атта Тролля.

Тамъ въ кругу своемъ семейномъ,
Отдыхаетъ онъ усталый:
Отъ тревогъ и огорченій
Многотрудныхъ путешествій.

Сладкій мигъ! Дѣтей увидѣлъ
Онъ въ пещерѣ той завѣтной,
Гдѣ родилъ ихъ вмѣстѣ съ Муммой.
Всѣхъ подлюжины ихъ было.

Дочки Тролля всѣ блондинки,
Точно дочери пастора,
Сыновья темноволосы —
Младшій даже очень смуглый.

Младшій былъ любимецъ Муммы,
И она, играя съ сыномъ,
У него скусила ухо
И съ любовью проглотила.

Онъ былъ мальчикъ геніальный,
И къ гимнастикѣ способный,
Совершавшій кувырканья,
Какъ гимнастикъ славный Масманъ,

Онъ, цвѣтокъ родимой почвы,
Свой языкъ природный любить —
Языку Эмлады, Рима
Никогда онъ не учился.

Свѣжъ, свободенъ, честенъ, веселъ,
Онъ терпѣть не можетъ мыла,
Роскоши новѣйшей моды,
Какъ гимнастикъ славный Масманъ,

Силѣ генія ввѣряясь,
Онъ на дерево взлѣзаетъ,
Что пзъ глубины разсѣлинъ
Поднимается къ утесу,

Вплоть до каменной платформы,
Гдѣ семейство, поздней ночью,
За родителемъ выходитъ
Подышать ночной прохладой.

И старикъ вѣщаетъ дѣтямъ
О житейскихъ приключеньяхъ,
Сколько видѣлъ онъ различныхъ
Городовъ, людей, событій.

Какъ, подобно Одиссею,
Онъ страдалъ въ житейскомъ морѣ,
Какъ была съ нимъ Пенелопа
Черная супруга Мумма;

Онъ рассказываетъ дѣтямъ
Какъ онъ пляскѣ обучался,
Какъ потомъ своимъ искусствомъ
Отличался онъ публично.

Старъ и младъ смотрѣли жадно,
Между тѣмъ, какъ вдохновенный
Сладкозвучною воынкой,
Онъ плясалъ передъ народомъ.

А въ особенности дамы,
Знатоки его искусства,
Аплодировали крѣпко
И прищуривали глазки.

И, тщеславный, какъ художникъ,
Нашъ медвѣдь припоминаетъ,
Улыбаясь, о талантѣ,
Возбуждавшемъ удивленье.

Побѣжденный вдохновеньемъ,
Онъ доказываетъ дѣломъ,
Что не хвастаетъ напрасно
Онъ искусствомъ танцевальнымъ;

Вдругъ онъ вскакиваетъ съ полу,
Поднимается на лапы
И, по прежнему, танцуетъ
Чинно, важно и спокойно.

И, примолкнувъ, рты разинувъ
Смотрятъ юные медвѣди,
Какъ отецъ серьезно пляшетъ,
Озаренный луннымъ свѣтомъ.

ГЛАВА V.

У своихъ, въ пещерѣ темной
Атта Троль лежитъ, тоскуя,
На спинѣ и лапу гложетъ,
И ворчить, потупя взоры:

Мумма, Мумма, перлъ мой черный,
Я тебя въ житейскомъ морѣ
Уловилъ; въ житейскомъ морѣ
Потерялъ тебя я снова;

Ахъ, еще бы мнѣ хотѣлось
Сладкихъ губъ ея коснуться;
Черной Муммы губы сладки,
Точно вымазаны медомъ.

Мнѣ хотѣлось бы понюхать
Черной кожи запахъ нѣжный;
Этотъ запахъ мнѣ дороже
Аравійскихъ ароматовъ.

Мумма бѣдная томится
Подъ оковами животныхъ,
Называющихся гордо
Господами мирозданья.

Смерть и адъ! И эти люди,
Эти эрцаристократы,
Смотрять съ гордостью дворянской
На сословіе животныхъ.

Жень, дѣтей у насъ воруютъ,
Вяжутъ, бьютъ и убиваютъ,
Чтобы торгъ вести мѣхами
И убитыми тѣлами.

И считаютъ это правомъ
Насъ преслѣдовать и мучить;
Ихъ юристы произносятъ
Гордо: «право человѣка!»

Люди! Право человѣка!
Кто же далъ вамъ это право?
Не природа! Не поступить
Неестественно природа.

Люди! Кто же вамъ доставилъ
Привиллегіи такія?
Ужъ, конечно, не разсудокъ —
Тотъ не будетъ безразсуденъ.

Люди! Чѣмъ же вы гордитесь?
Тѣмъ, что жареную пищу
Вы ѣдите за обѣдомъ?
Мы ѣдимъ сырую пищу.

Но конечный выводъ тотъ же;
Результатъ не измѣнился.
Только тотъ, кто мыслить честно,
Будетъ вѣчно благороденъ.

Люди, потому ль вы лучше,
Что съ успѣхомъ занимались
Вы наукой и искусствомъ?
Мы и въ этомъ не уступимъ.

Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
Лошадей, способныхъ къ счету?
Развѣ зайцы не умѣютъ
Превосходно барабанить?

Въ гидростатикѣ извѣстность
 Приобрѣсть бобры успѣли,
 И клистиръ для медицины
 Былъ придуманъ журавлями.

Въ критикѣ ослы явились
 И на сценѣ обезьяны;
 И Батавія-мартышка
 Отличилась въ пантомимѣ.

Соловьи поютъ весною —
 Фрейлиграть прослылъ поэтомъ.
 Кто же можетъ льва прославить
 Лучше земляка-верблюда.

Самъ я совершилъ для пляски
 То, что Раумеръ для науки.
 Развѣ Раумеръ пишетъ лучше,
 Чѣмъ медвѣдь танцуетъ польку?

Перестаньте же гордиться!
 Высоко главу несете,
 Но ползуть въ главѣ надменно
 Низко низкія мысленки.

Не подумайте гордиться
 Лоскомъ гладкой вашей кожи!
 Васъ природа обрекаетъ
 Эту честь дѣлить съ змѣями.

Да! двуногія вы змѣи!
 Вы затѣмъ надѣли брюки,
 Чтобы шерстью отъ животныхъ
 Наготу змѣи украсить.

Дѣти! будьте осторожны!
 Берегитесь безволосыхъ!
 Дочери! Не довѣряйтесь
 Вы тому, кто носитъ брюки —...

Рѣчи дерзкаго медвѣдя,
 Повосившаго тирановъ
 Съ полнымъ жаромъ демагога,
 Выписывать не стану.

Я, какъ человѣкъ, не долженъ
 Человѣческую личность
 Поносить негѣпой рѣчью
 Неразвитаго медвѣдя.

Да, какъ человѣкъ, я лучше
 Остальныхъ твореній міра.
 Отъ священныхъ правъ рожденья
 Не рѣшусь я отступиться.

И въ сраженіи съ звѣрями
 Буду вѣчно я бороться
 За священное господство
 Человѣка надъ природой.

ГЛАВА VI.

Классу высшему животныхъ,
 Человѣку не мѣшало бѣ
 Наводить порою справки,
 Какъ пониже разсуждаютъ.

Тамъ, въ общественныхъ подпольяхъ,
 Въ сферахъ тьмы, труда и горя.
 Тамъ живутъ въ животномъ царствѣ
 Гордость, бѣдность, озлобленье....

Дерзкимъ рыломъ отвергаютъ
 Тамъ велѣнія природы,
 Освященныя вѣками
 И обычаемъ завѣтнымъ.

Старики, ворча, внушаютъ
 Дѣтямъ вредное ученье,
 Что вредитъ образованью
 И успѣхамъ просвѣщенья.

Троль валяется, въ тревогѣ,
 На постели непокрытой
 И лепечетъ вдохновенно:
 Дѣти! будущее наше!

Если бъ звѣри согласились
 Прекратить свои раздоры,
 Мы бъ тирановъ поразили
 Въ наступательномъ союзѣ.

Конь помогъ бы носорогу,
 Слонъ бы хоботомъ, по братски,
 Могъ обнить рога крутые
 Безпокойнаго бизона.

Разноцвѣтные медвѣди,
 Волкъ, козель, мартышка, заяцъ,
 Ополчитесь поголовно
 И тогда побѣда наша.

Да! единство составляетъ
 Современную потребность.
 Насъ въ отдѣльности плѣнили,
 Мы въ союзѣ сбросимъ иго.

Заклучимъ союзъ священный,
 И во прахъ падеть господство
 Монополіи зловредной.
 Правда въ тваряхъ воцарится.

Равноправность тварей Зевса
 Основнымъ закономъ будетъ
 Безъ различья мифологій,
 Кожи, запаха, породы.

Пусть осель допущень будетъ
 Къ управленью министерствомъ;
 Левъ же въ мельницу съ кулями
 Можетъ бѣгать крупной рысью.

Ну, собака! Та, конечно,
 Къ рабству гнусному привыкла;
 Съ нею люди постоянно
 Обращались, какъ съ собакой.

Въ нашихъ дебряхъ мы собакѣ
 Прежнія права даруемъ:
 Безъ ошейника и своры
 Песъ нашъ будетъ джентльменомъ.

Даже жидъ! И тотъ получить
 Полноправное гражданство:
 Онъ сравненъ передъ закономъ
 Будеть съ прочими скотами;

Только къ пляскѣ, на базарѣ,
 Мы Евреевъ не допустимъ.
 А иначе невозможно
 Процвѣтаніе искусства:

Эта раса не постигла
 Строгой пластики движеній,
 И она испортить можетъ
 Вкусъ толпы непросвѣщенной.»

ГЛАВА VII.

Мрачно въ мрачномъ подземельѣ;
 Мизантропъ, медвѣдь суровый,
 Засѣдаетъ подъ утесомъ
 И ворчитъ, оскаливъ зубы:

Эта гнусная ужимка
 Мнѣ всегда глаза колола, —
 На улыбку человѣка
 Я не могъ смотрѣть спокойно.

Если я на бѣломъ рылѣ
 Видѣлъ подлую гримасу,
 То я чувствовалъ отъ злобы
 Тошноту въ моемъ желудкѣ.

Ярче словъ улыбка эта
 Обнаруживаетъ дерзость
 Черной, низкой и презрѣнной
 Человѣческой породы.

Ихъ улыбка тамъ мелькаетъ,
 Гдѣ необходима важность.
 Улыбаются ихъ губы
 Въ мигъ любви и наслажденья.

Люди, въ пляскѣ улыбаясь,
Профанируютъ искусство,
И на степень шутки сводятъ
Актъ священнаго служенья.

Пляской въ древности старались
Выражать святыя чувства,
И кружился вокругъ кумировъ
Хороводъ жрецовъ усердныхъ.

Самъ я понималъ когда-то
Такъ значеніе искусства.
Такъ плясалъ я предъ народомъ,
Возбуждая изумленье.

Похвала, сознаться должно,
По душѣ мнѣ приходилась.
Сердцу нашему пріятно
У враговъ брать дань восторга.

Но они и въ энтузьязмѣ
Улыбаются. Не можетъ
Чувства ихъ облагородить
Даже видъ высокой пляски.

ГЛАВА VIII.

Гражданинъ иной полезный
Дурно пахнетъ въ этомъ мірѣ,
А богатыхъ баръ лакей
Амбру и лавандъ изводятъ.

Есть и дѣвственныя души,
Отъ которыхъ пахнетъ мыломъ;
Ароматнымъ масломъ часто
Умывается развратный.

Потому не морщи носа,
Мой читатель, если ложе
Атта Тролля не напомнитъ
Намъ арабскихъ ароматовъ.

Ты побудь въ пещерѣ смрадной
Средь тяжелой атмосферы,
Изъ которой, какъ изъ тучи,
Нашъ герой вѣщаетъ къ дѣтямъ.

Сынъ, мой сынъ, отростокъ младшій,
Ты къ родительскому рылу
Приложи едино ухо
И всоси совѣтъ серьезный.

Верегись людскихъ совѣтовъ —
Ихъ совѣты губяты душу.
Между всѣхъ людей вселенной
Не найдешь ты человѣка.

Нѣмцы были лучше прочихъ,
Но теперь и дѣти Твиска,
Бывшая родня медвѣдей,
Развратились, погибають...

ГЛАВА IX.

Какъ языкъ изъ мрачной пасти
Фрейлигратова владыки
Выступаетъ и глумится
Надъ толпою Европейцевъ;

Такъ изъ темныхъ тучъ выходитъ
Полный мѣсяцъ. Въ отдазеньи,
Днемъ и ночью, водопады
Вѣчно плещуть и рокочуть.

Атта Троэль въ уединеньи,
На скалѣ своей любимой,
Повѣряетъ вѣтру ночи
Сердца жалобы глухія:

«Я медвѣдь, я сынъ пустыни,
Я по вашему косматый
Изегримъ и косолапый
Пецъ. Ругайтесь надо мною.

Я медвѣдь, я это знаю,
Звѣрь нелѣпый, кровожадный,
Неуклюжій, безобразный!
Насмѣхайтесь! Потѣшайтесь! —

Я предметъ нелѣпыхъ шутокъ,
Я чудовище! Вы на ночь
Мной дѣтей пугать привыкли
Шаловливыхъ и капризныхъ.

Я нелѣное созданье
Вашихъ нянюшкиныхъ сказокъ.
Такъ пускай меня узнаетъ
Весь вашъ мелкій міръ людшекъ.

Я медвѣдь, вы это знайте,
Я горжусь своей породой,
Точно будто я потомокъ
Моисея Мендельсона.»

ГЛАВА X.

Въ часъ таинственный полночи
Двѣ могучія фигуры
Пробрались, на четверенькахъ,
Черезъ темный лѣсъ сосновый.

Атта Троль и сынъ героя,
Одноухій нашъ гимнастикъ,
При кровавомъ камнѣ оба
На прогалинѣ присѣли.

Троль пустился въ разсужденья:
Алтаремъ былъ этотъ камень
И на немъ друидъ фанатикъ
Человѣка рѣзалъ въ жертву.

Что за гнусное злодѣйство!
Шерсть моя встаетъ щетиной
На спинѣ при этой мысли:
Кровь лилась въ угоду Бога. —

Ну, конечно, эти люди
 Развилась и не рѣшатся
 Ради будущаго блага
 Убивать и рѣзать ближнихъ.

Всѣ за благами земными
 Побѣжали въ перегонку;
 Всякій хочетъ поживиться,
 Для себя воруетъ всякій.

Такъ общественныя блага
 Разбѣгаются въ карманы,
 И о собственности гордо
 Разсуждаетъ похититель.

Отъ души ихъ ненавижу!
 Ты наследуй жажду мщенья.
 Здѣсь клянись на этомъ камнѣ
 Въ вѣчной ненависти къ людямъ.

Будь врагомъ неумолимымъ
 Притѣснителей коварныхъ;
 Не прощай имъ, умирая.
 Юный сынъ, клянись мнѣ въ этомъ.

Подражая Аннпбалу,
 Гордый юноша поклялся.
 И обоихъ мизантроповъ
 Облилъ мѣсяцъ блѣднымъ свѣтомъ.

Мы, со временемъ, расскажем
 Какъ пленецъ исполнилъ клятву:
 Новый эпосъ мы составимъ
 О потомкахъ Атта Троля.

Что касается до Троля,
 Мы теперь его оставимъ,
 Чтобъ потомъ попасть въ рѣбѣ
 Изъ ружья свинцовой пулей.

Государственный пэмѣнникъ,
 Попосившій человѣка!
 Конченъ судъ, и надъ тобою
 Приговоръ нашъ состоится.

ГЛАВА XI.

Строемъ сонныхъ баядерокъ
Смотрятъ горы подь покровомъ
Бѣлой магии тумана,
Шевелимой легкимъ вѣтромъ.

Аполлонъ ихъ пробуждасть,
И туманъ съ холмовъ снимая,
Золотымъ лучомъ ласкаетъ
Обнаженные вершины.

Рано, утромъ, мы съ Ласкаро
Вышли драться съ медвѣдями
И въ обѣденную пору
Подожли мы къ pont-d'Espagn'ю.

Онъ изъ Франціи выводитъ
Черезъ ущелья Пиринеевъ
Въ край суровыхъ Кастильянцевъ,
На десять вѣковъ отставшихъ ---

На десять вѣковъ отстали
Въ современномъ направленіи!
Дикари моей отчизны
Только на сто лѣтъ отстали.

Робко, съ зампраньемъ сердца,
Покидаю свитую землю
Я свободы и красавицъ,
О которыхъ я вьдыхаю.

По средниѣ pont-d'Espagn'я
Засѣдалъ Испанецъ нищій,
И въ плацѣ его дырявомъ
И въ глазахъ видѣлась бѣдность.

Исхудалою рукою
Онъ брнчалъ на мандолинѣ,
И на кислый звукъ гитары
Смѣхомъ горы откликались.

Иногда онъ нагибался
 Надъ обрывомъ и смѣлся,
 Заигралъ потомъ усерднѣй
 И запѣлъ подъ звукъ гитары:

У меня, въ среднѣ сердца,
 Золотой поставленъ столикъ,
 Золотыхъ четыре стульца,
 Окружаютъ этотъ столикъ.

И за столъ, на эти стульца,
 Сѣли маленькія дамы,
 Всѣ они играютъ въ карты,
 А выигрываетъ Клара,

И, довольная, смѣется.
 Ты въ груди моей, мой ангелъ,
 Будешь въ выигрышѣ вѣчно:
 Вѣдь тебѣ и карты въ руки.

Я подумалъ, это странно!
 Мы изъ Франціи выходимъ,
 И безуміе встрѣчаемъ
 На таинственной границѣ.

Означаетъ ли безумный
 Мѣну мыслей двухъ народовъ?
 Или онъ листокъ заглавный
 Одичалаго народа?

Мы достигли поздней ночью
 Крова жалобной позады.
 Тамъ насъ олеа-потрида
 Въ грязной встрѣтила посудѣ.

Тамъ отвѣдалъ я garbanzos
 Съ пулю ростомъ и дородствомъ —
 Нѣмецъ, выросшій на клецкахъ,
 Ихъ глотать едва рѣшался.

А постель моя, какъ перцомъ,
 Насѣкомыми набита....
 О! клопы для человѣка
 Хуже всѣхъ враговъ на свѣтѣ.

Хуже льва и крокодила
 Васъ измучаетъ презрѣнный
 Клопъ, забравшійся случайно
 Въ вашу мягкую перину.

Отдавайтесь на съѣденье,
 А давить клопа не смѣйте!
 Кожь раздавите, то запахъ
 Вамъ всю ночь не дастъ покоя.

На землѣ всего страшнѣе
 Ссора съ гадиною мелкой,
 Защищающей воню.
 Да, дуэль съ клопомъ несносна.

ГЛАВА XII.

Лазить вверхъ, спускаться къ низу,
 Прыгать по горамъ и камнямъ, —
 Это ноги утомляетъ
 И измучиваетъ душу.

Рядомъ шелъ со мной Ласкаро,
 Какъ свѣча, худой и блѣдный,
 Молчаливый и печальный.
 Онъ — умершій сынъ колдуньи.

Говорятъ, что онъ ужъ умеръ
 И, что мать его Урака
 Колдовствомъ своимъ грѣховнымъ
 Въ немъ поддерживаеъ силы.

Что за лѣстницы? Проклятье!
 Какъ я ногъ не перепортилъ,
 Какъ я въ пропасть не свалился
 И теперь не понимаю.

Дико стонуть водопады
 Вѣтеръ сосны, гнетъ, какъ прутья,
 Воютъ сосны и надъ нами
 Разразилась непогода.

Возлѣ lac-de-Gobe въ пзушкѣ,
 Намъ рыбакъ даетъ радушно
 Кровь и свѣжія форели —
 Рыба — просто объѣденье.

Тамъ сидѣлъ на мягкомъ креслѣ
 Старый лодочникъ болящій,
 Двѣ племянницы — красотки
 Успоковали дядю.

Ангелы въ фламандскомъ вкусѣ,
 А la Rubens! Золотыя
 Кудри, очи голубыя,
 Роскошь линій, свѣжесть красокъ,

Ямочки въ щекахъ румяныхъ,
 Путевство сидитъ въ тѣхъ ямкахъ;
 Члены сильны и роскошны,
 Возбуждаютъ страхъ и радость!

Эти милья созданья
 Спорили между собою,
 Какъ и чѣмъ, какимъ напитокомъ
 Угостить больного дядю.

Вотъ одна ему подноситъ
 Чашку липоваго цвѣта;
 А другая полагаетъ,
 Что ему поможетъ мята.

Ну, васъ къ черту съ этой дрянью!
 Говоритъ старикъ брюзгливый,
 Я виномъ моей отчизны
 Угостить гостей желаю.

Но предложенный напитокъ
 Я виномъ назвать не смѣю,
 Признаюсь, что въ Брауншвейгѣ
 Я-бъ его за барду принялъ.

Черный мѣхъ его козловый
 Отличался страшною вонью.
 Нашъ старикъ развеселлся
 Сталъ здоровъ и разговорчивъ.

Онъ повѣдалъ намъ дѣянья
Контрабанды и бандитовъ,
Безпренятственно бродящихъ
По высокимъ Пиренеямъ.

Много зналъ онъ старыхъ сказокъ.
Изъ вѣковъ давно минувшихъ,
Между прочимъ о раздорахъ
Исполнновъ и медвѣдей.

До прихода челоуѣка
Исполнины и медвѣди
Состязались за господство
Надъ горами и долиной.

Но проникли въ горы люди,
И гиганты побѣжали,
Потому что мало мозгу
Въ головахъ обширныхъ было.

Эти глушые гиганты
Прибѣжали къ океану,
И, увидѣвъ сводъ небесный,
Отраженный въ синемъ морѣ,

Воду приняли за небо
И, на Бога уювая,
Бросились въ морскія волны
И конечно утонули.

Что касается медвѣдей,
Ихъ изводитъ по немногу
Человѣкъ, и ежегодно
Ихъ число въ горахъ слабѣетъ.

Такъ-то новые владѣльцы
Вытѣсняють предъидущихъ...
А когда погибнуть люди
То возьмутъ господство карлы.

Эти умные пигмеи
Обитають въ подземельѣ
И прилежно собирають
Драгоценные металлы.

Я видагъ при лунномъ свѣтѣ
 Какъ мышинныя ихъ глазки
 Изъ разсѣлины сверкали.
 Страшно мнѣ за вѣкъ грядущій!

Тамъ наступитъ ихъ господство
 И въ смущеньи наши внуки,
 Точно глупые гиганты,
 Прыгнуть въ небо водяное.

ГЛАВА XIII.

Въ черномъ каменномъ ущельи
 Глубь воды лежитъ недвижно,
 Грустно смотря блѣднымъ взоромъ
 Съ неба звѣзды. Ночь покойна,

Ночь тиха. Удары весель—
 И, какъ плещущая тайна,
 Чолнъ плыветъ, и управляютъ
 Имъ племянницы больнаго.

Правятъ весело. Блится
 Въ темнотѣ рука нагая,
 Озаренная луною;
 Свѣтятъ глазки голубые.

Близъ меня сидитъ Ласкаро
 Блѣдный, вѣчно молчаливый.
 Стало жутко мнѣ при мысли:
 Неужели онъ покойникъ?

Самъ я, можетъ быть, скончался
 И съ печальными тѣнями
 Я плыву въ челнѣ Харона
 Въ царство мрачное Плутона.

Подомною воды Стикса,
 И за мной своихъ прислужницъ
 Прозерпина посылаетъ
 За отсутствіемъ Харона.

Нѣтъ, я кажется не умеръ,
 Не угасъ; въ груди горячей
 Ярко блещетъ пламень жизни
 И пылаетъ, и ликуетъ.

Бойко лодкой управляютъ
 Дѣвы, брызгая водою,
 Ниспадающею съ весель,
 И дурачатся, смѣются.

Свѣжи, веселы ихъ лица!
 То не призрачныя кошки
 Изъ подземнаго чертога,
 Не служанки Прозерпины!

Чтобъ вполне себя увѣрить
 Въ ихъ земномъ существованьи
 И на дѣлѣ убѣдиться
 Въ силахъ собственнаго тѣла,

Торопливо прижимаю
 Я къ щекамъ румянымъ губы.
 Я, должно быть, не покойникъ,
 Потому что я цѣлую.

Выходя на темный берегъ,
 Милыхъ дѣвъ цѣлую снова
 И плачу такой монетой
 За труды и безпокойство.

ГЛАВА XIV.

Облились румянымъ свѣтомъ
 Фиолетовыя горы.
 Надъ крутымъ обрывомъ смѣло
 Какъ гнѣздо виситъ деревня.

Всѣ большіе разлетѣлись
 На работу изъ деревни,
 И одни птенцы остались,
 Не собравшіеся съ силой.

Всѣ ребята и дѣвчонки,
Наряженные въ пунцовыхъ
Или бѣлыхъ кашюнонахъ
Пѣли свадьбу на базарѣ.

Мы игрѣ не помѣшали,
И при мнѣ одинъ влюбленный
Принцъ мышей палъ на колѣни
Передъ кошечкой-царевной.

Принца бѣднаго вѣнчаютъ;
На него ворчитъ красotka
И бѣдняжку заѣдаетъ.
Мышь издохла, праздникъ конченъ.

Цѣлый день съ дѣтьми я пробылъ,
Мы болтали дружески
И малютки разспросили:
Кто я? Чѣмъ я занимаюсь?

Я сказалъ: я родомъ Нѣмецъ,
И въ отчизнѣ, какъ охотникъ,
По пустымъ лѣсамъ скитался
И преслѣдовалъ медвѣдей.

Дралъ не разъ я черезъ уши
Окровавленную шкуру,
И меня подъ часъ порядкомъ
Обижалъ медвѣдь косматый.

Наконецъ мнѣ надоѣло
Въ дебряхъ родины суровой
Ежедневно состязаться
Съ мѣшковатыми скотами.

Въ вашу землю я пріѣхалъ
Понскать получше дичи,
На великомъ Атта-Троллѣ
Показать отвагу Нѣмца.

Онъ, противникъ благородный
Онъ руки моей достоинъ,
А въ отчизнѣ за побѣду
Мнѣ подъ часъ бывало стыдно.

И, со мной прощаясь, дѣти
 Проплясали общій танецъ
 И отчетливо пропѣли:
 «Giroffino! Giroflette!»

Съ смѣлой граціей подходитъ
 Танцовавшая малютка
 И, присѣвъ четыре раза,
 Тонкимъ голосомъ пропѣла: —

Если на моей дорогѣ
 Понадется чортъ съ рогами,
 Поклонюсь четыре раза:
 «Giroffino! Giroflette!»

«Giroffino! Giroflette!»
 Хоръ поетъ и завертѣлась,
 Прихотливо извиваясь,
 Пляска рѣзвая малютокъ.

Я спускался внизъ въ долину,
 И звучало, замирая
 Надо мною щебетанье:
 «Giroffino! Giroflette!»

ГЛАВА XV.

Безобразно искривившись,
 Колоссальные утесы
 На меня какъ звѣри смотрятъ
 Изъ холоднаго гранита;

Тучи сѣрыя несутся;
 Въ нихъ причудливыхъ узорахъ
 Рассмотрѣлъ я блѣдный отблескъ
 Дикой каменной громады.

Водонадъ въ дали бушуетъ;
 Изъ ущелий рвется вѣтеръ;
 Шумъ въ утесахъ раздается
 Роковой, неуловимый.

Страшное уединенье!
 На сѣдѣющія сосны
 Сѣли галки черной стаей
 И крыломъ безсильнымъ машутъ.

Безобразная окрестность!
 Мнѣ мерещится проклятье!
 Вижу кровь на корняхъ сосны,
 Покоробленной снѣгами.

Вотъ въ тѣни стоитъ избушка,
 Въ землю жалобно востая,
 И соломенная крыша
 Насъ о чемъ-то умоляетъ.

Въ той избѣ живутъ Каготы,
 Эти жалкіе остатки
 Угнетеннаго народа,
 Жизнь влачащаго во мракѣ.

Затаилось къ нимъ презрѣнье
 Глубоко въ душѣ у Басковъ,
 Какъ печальное наслѣдье
 Фанатической эпохи!

Видѣлъ я въ Банверской церкви
 Небольшую дверь съ рѣшоткой.
 Эта дверь, сказалъ мнѣ дьяконъ
 Открывала входъ Каготамъ.

Имъ никакъ не позволялось
 Проходить въ другія двери,
 И они какъ бы украдкой
 Пробирались въ домъ Господень.

Тамъ Каготъ на табуретѣ
 Въ уголкѣ, одинъ молился,
 И другіе прихожане
 Какъ чумы его чуждались.

Но горитъ веселымъ свѣтомъ
 Факель пынѣшняго еѣка:
 Тѣнь злобѣщую былого
 Гонитъ лучъ образованья.

Мой Ласкаро подъ сосною
 На дворѣ остановился,
 Я вошелъ въ избу сырую
 И пожалъ Каготу руку,

Приласкалъ его ребенка,
 А ребенокъ былъ невзраченъ,
 Какъ паукъ больной и тощій
 Длиннорукій и голодный.

ГЛАВА XVI.

Если издали посмотришь,
 Эти горныя вершины
 Предъ тобой заблещутъ ярко
 Золотымъ и краснымъ свѣтомъ.

Но вблизи поблекнутъ краски,
 Пропадутъ эффекты свѣта,
 И хребетъ разоблачится
 Какъ величіе земное.

Вотъ и золото и пурпуръ
 Оказались бѣлымъ снѣгомъ.
 Этотъ снѣгъ томится грустью
 Въ высотѣ уединенной.

На высокихъ Пиренеяхъ
 Этотъ снѣгъ хруститъ и плачетъ,
 И безчувственному вѣтру
 Онъ тоску свою ввѣряетъ:

Въ ледяной пустынѣ горной
 Даже время замерзаетъ:
 Каждый часъ ползетъ, какъ вѣчность,
 Замороженная стужей.

Бѣдный снѣгъ, зачѣмъ я выпалъ
 На хребетъ оледѣнный
 А не въ свѣтлую долину,
 Гдѣ цвѣты благоухаютъ.

Я бы тамъ въ ручей растаялъ,
И прекраснѣйшая дѣва,
Улыбаясь, свѣжей влагой
Грудь и шею бы умыла.

Я въ волнахъ лазурныхъ моря
Могъ бы въ жемчугъ превратиться
И явиться украшеньемъ
Королевской діадемы.

Услыхавъ такія рѣчи,
Я сказалъ: сосѣдь любезный,
Ты напрасно полагаешь,
Что въ долигѣ такъ прпвольно.

Вѣрь, душа моя, что въ жемчугъ
Превращается не всякій.
Гдѣ нибудь въ вонючей лужѣ
Ты бы въ грязь преобразился.

Между-тѣмъ, какъ съ грустнымъ снѣгомъ
Я держалъ такія рѣчи,
Грянулъ выстрѣлъ, и какъ камень
Повалился сверху коршунъ.

Пошутилъ надъ нимъ Ласкаро,
Но лицо стрѣлка, какъ прежде,
Оставалось неподвижно.
Только стволъ ружья дымился.

Изъ хвоста убитой птицы
Онъ неро спокойно вырвалъ
И къ полямъ пуховой шляпы
Прикололъ трофей побѣды.

Страшно было даже видѣть
Какъ, чернѣя и колеблясь,
Тѣнь пера его ложилась
На снѣгу вершины горной.

ГЛАВА XVII.

Длинной, узкою дорогою
Извивается ущелье;
Тамъ отвѣсные утесы
По бокамъ стоятъ стѣною.

Наклонившись надъ долиной,
Съ высоты утеса смотритъ
Одинокій домъ Ураки;
Я вошелъ туда съ Ласкаро.

Языкомъ условныхъ знаковъ
Сталъ онъ спрашивать совѣта,
Какъ завлечь медвѣдя Троля
И убить его вѣрнѣе.

Мы слѣды его открыли;
Мизантропу нѣтъ спасенья;
Дни медвѣдя Атта Троля
Сочтены и на исходѣ.

Чародѣйка ли Урака,
Я рѣшить не въ состояньи,
Такъ твердятъ о ней сосѣди,
Населяющіе горы.

Подозрительна наружность,
И глаза всегда такъ красны,
И мигаютъ какъ-то странно,
Такъ что ужасъ разбираетъ.

Злобенъ взоръ косога глаза;
Отъ него коровы чахнутъ
И, лишаясь аппетита,
Молоко свое теряютъ.

Отъ ея руки костлявой
Свиньи жирныя колѣютъ,
Козь она быка погладитъ
То и быкъ тотчасъ издохнетъ.

И не разъ ее винули
 За такія преступленья
 Въ колдовствѣ передъ судьей;
 Но судья — Вольтеріанецъ,

Сынъ испорченнаго вѣка,
 Обвиненію не вѣритъ,
 И истца съ пустой насмѣшкой
 Отпускаетъ во-свояси.

По наружности Урака
 Въ колдовствѣ не виновата.
 Мать растеньями торгуетъ
 А Ласкаро птицъ стрѣляетъ.

Полонъ домъ набитыхъ чучель,
 Воздухъ въ домѣ весь пропитанъ.
 Крѣпкимъ запахомъ растеній
 И остатковъ битой птицы.

И разставлены рядами
 Были коршуны на лавкахъ.
 Широко раскрыты крылья
 И торчатъ носы ихъ грозно.

Крѣпкій запахъ травъ сушеныхъ
 Сильно дѣйствуетъ на нервы,
 Птицъ недвижныхъ рядъ печальный
 На меня наводитъ ужась.

Нѣтъ ли тутъ людей заклятыхъ
 Въ этомъ образѣ пернатомъ?
 Не толпятся ль здѣсь въ неволѣ
 Обвинители колдуньи.

Глазъ недвижный смотреть строго,
 Въ немъ мнѣ чудится страданье.
 Вотъ они какъ бы украдкой
 Покосились на колдунью.

А Урака и Ласкаро
 Сѣли вмѣстѣ у камина;
 И свинецъ въ ковшѣ желѣзномъ
 Растопивъ, взялись за дѣло.

Заколдованныя пули
Отливаютъ для охоты,
И причудливо играетъ
На лицѣ колдуньи пламя.

А Урака безпрестанно
Движетъ тонкими губами,
Заговоръ читаетъ старый,
Чтобъ удачно вышли пули.

Иногда, она съ усмѣшкой
Головой киваетъ сыну;
Тотъ, серьезный, какъ покойникъ,
Молча преданъ весь работѣ.

Душно въ этой атмосферѣ!
И, приблизившись къ окошку
Подышать ночной прохладой,
Посмотрѣлъ я на долину.

Отъ полуночи до часу
Тутъ я многое увидѣлъ
И намѣренъ подѣлаться
Удивительнымъ видѣньемъ.

ГЛАВА XVIII.

Ярко блещетъ полный мѣсяцъ
Въ ночь святаго Іоанна.
Черезъ путь духовъ несется
Съ шумомъ дикая охота.

Изъ урвина окошка
Я слѣдилъ вниманья полный
За движеньемъ привидѣній,
Пролетавшихъ по ущелью.

Мѣсто выбрано удачно,
Чтобы видѣть представленье:
Я въ подробностяхъ увидѣлъ
Какъ ликуютъ привидѣнья.

Далеко несутся крики,
 Тѣни хлопають бичами,
 Кони ржутъ, собаки лаютъ,
 Рогъ звучить, смѣнясь смѣхомъ!

Быстро мчится передъ ними
 Стая дичи благородной:
 За оленемъ, за кабаномъ
 Скачеть бѣшено охота.

Всѣ вѣка и всѣ народы
 Высылають депутатовъ;
 Вотъ несется за Немродомъ
 Беззаботный Карлъ десятый.

Мимо оконъ пролетѣли
 Кони бѣшеной охоты.
 Сзади ихъ бѣгутъ пикеры,
 Свѣтятъ факеломъ смолистымъ.

Въ пролетѣвшихъ эскадронахъ
 Распозналъ я пацадиновъ.
 Въ золотомъ вооруженьи
 Проскакалъ Артуръ британскій.

Датскій витязь Огiererъ
 Былъ одѣтъ въ зеленый панцырь
 И блисталъ при лунномъ свѣтѣ
 Какъ огромная лягушка.

Въ длинномъ строѣ привидѣній
 Узнаю героевъ мысли:
 Вольфгангъ нашъ меня плѣняетъ
 Свѣтлымъ взоромъ глазъ блестящихъ.

Осужденный Генгстенбергомъ,
 Не найдя въ гробу покоя,
 И любя охоту страстно,
 Онъ несется въ дикой скачкѣ.

Граціозная улыбка
 Указала мнѣ Вильяма.
 Этотъ грѣшникъ, пораженный
 Гнѣвомъ строгихъ Цуритановъ,

АТТА ТРОЛЛЬ.

Выѣзжаетъ величаво
На конѣ неукротимомъ.
На ослѣ за нимъ шетется
Нѣмца скромная фигура.

Взоръ невинный богомольца,
И ночной колпакъ смиренный
Привлекли мое вниманье:
Ба! Францъ Д'орнъ, пріятель старыи.

Горнъ отважился при жизни
Комментировать Шекспира,
И за то онъ послѣ смерти
Дѣлать съ нимъ труды охоты.

Бѣдный Францъ въ натруску ѣдетъ.
А при жизни онъ ни шагу
Не ступалъ, не подкрѣпляя
Духъ молитвой и бесѣдой.

Францъ при жизни былъ балованъ.
Лаской дѣвъ благочестивыхъ —
Я могу себѣ представить
Какъ всѣ дѣвы ужаснутся.

Поѣздъ шествуетъ галопомъ,
И Вильямъ великій смотритъ
Иронически на Франца,
Выступающаго рысью.

Францъ отчаянно схватился
За нечесанную гриву,
Но Шекспиру не измѣнить
Ни при жизни, ни въ могилѣ.

Дамы многія несутся,
Отъ мужчинъ не отставая,
И блистаютъ въ лунномъ свѣтѣ
Близна роскошныхъ членовъ.

На коняхъ верхомъ безъ сѣделъ
Нимфы голыя скакали,
И въ волнахъ волосъ роскошныхъ
Формы свѣжія тонули;

Осѣненные вѣнками,
И, назадъ откинувъ тѣло,
Съ сладострастнымъ выраженьемъ
Нимфы пальмами играли.

Изъ эпохи феодальной
Ѣдутъ барышни въ одеждахъ;
Всѣ сидятъ на дамскихъ сѣдлахъ,
Держать сокола на ручкѣ

И пародіей живою
На кляченкахъ истомленныхъ
Мчится шумная ватага
Женщинъ странно наряженныхъ.

Привлекательны ихъ лица,
Но безстыдны и задорны
И искусственнымъ румянцемъ
Щеки пухлыя пылаютъ.

Эхо въ горы улетаетъ!
Звукъ роговъ смѣняетъ хохотъ!
Кони ржутъ, собаки лаютъ,
Тѣни хлопаютъ бичами!

ГЛАВА XIX.

Красотою неземною
Въ дикомъ поѣздѣ сіяли
Три прелестныя фигуры —
Вѣкъ я ихъ не позабуду.

У одной надъ головою
Полумѣсяцъ серебристый,
И бѣла, какъ чистый мраморъ,
Ѣдетъ гордая богиня.

Высоко хитонъ подвязанъ
Грудь, бедро полузакрыты,
Лучъ зупы ласкаетъ страстно
Очертанья формъ цвѣтущихъ

Бѣлый ликъ ея какъ мраморъ
 Неподвиженъ и серьезенъ,
 Всѣ черты лица спокойны
 Блѣдны, холодны и строги.

Но таинственно пылаетъ
 Въ черномъ окѣ Артемиды
 Пожирающее пламя,
 Искра страстнаго желанья.

Артемиды измѣнилась!
 И теперь бы не рѣшилась
 На съѣденіе собакамъ
 Предоставить Актеона.

И теперь въ веселой скачкѣ
 Искушаетъ грѣхъ тяжелый:
 Какъ земная дѣва ночью
 Надъ землей она летаетъ.

Страсть въ груди проснулась поздно,
 Но за то она клокочетъ,
 И въ очахъ ея сверкаетъ
 Пламя адское желанья.

Жаль, было не воротись!
 Греки были такъ красивы,
 Но количество замѣнить
 Красоту богинѣ гордой.

Рядомъ съ ней другая дѣва:
 Въ округленныхъ очертаньяхъ
 Чистой дѣвственной фигуры
 Блещетъ сѣверная свѣжесть.

То волшебница Абунда.
 Миѣ узнать ее не трудно
 По улыбкѣ откровенной
 И по хохоту живому.

На лицѣ румянецъ нѣжный,
 Какъ въ картинѣ кисти Греза,
 Губы свѣжія раскрыты,
 Зубы блещутъ бѣлизною.

Голубое одѣянье
 Развѣвается по вѣтру —
 Даже въ лучшихъ сновидѣньяхъ
 Печь подобныхъ я не видѣлъ.

Я хотѣлъ прыгнуть въ окошко,
 Чтобъ къ груди прижать Абунду —
 Мнѣ-бъ досталось очень плохо:
 Л-бъ навѣрное расшибся,

А она бы засмѣялась,
 Если-бъ я, окровавленный
 Палъ къ ногамъ ея на камни —
 Я слышалъ подобный хохотъ.

Третья женская фигура,
 Взволновавшая мнѣ сердце,
 Не была, подобно первымъ,
 Духомъ тьмы и отрицанья. —

Обаяніе востока
 На лицѣ больномъ и знойномъ;
 Блескъ сливающихся красокъ
 На вознующемся платьи.

Губы ярки, какъ гранаты;
 Выгнуть носъ ея лилейный;
 Члены стройны и роскошны
 Какъ у пальмы на оазѣ.

Бѣлый конь ступаетъ гордо,
 А поводья золотыя
 Держать рослые Арабы,
 Въ драгоценныхъ одѣяньяхъ.

Въ этой всадницѣ узналъ я
 Азіятскую царицу,
 Испросившую у мужа
 Казнь невиннаго страдальца. —

Кровь надъ нею тяготѣетъ
 И она за это вѣчно
 Будетъ съ дикою охотой
 По глухимъ мѣстамъ носиться. —

Своеправная царица!
 Полюбился ей отшельникъ!
 О ея любви кровавой
 И теперь живетъ преданье. —

Умерла она въ порывахъ
 Помѣшательства отъ страсти...
 Но и страсть-то что иное,
 Какъ не истое безумье? —

Пронеслась царица мимо
 И, въ окно взглянувъ, кивнула
 Мнѣ съ кокетливой истомой,
 Такъ что сердце задрожало.

Вверхъ и внизъ, ихъ поѣздъ трижды
 Проносился мимо оконъ
 И, три раза проѣзжая,
 Милый призракъ поклонился.

Поѣздъ тонетъ въ отдаленнѣ;
 Звукъ роговъ несется въ горы;
 Голова моя пылаетъ
 Отъ привѣта привидѣнья.

Я всю ночь, не засыпая,
 Провалялся на соломѣ,
 Потому что у Ураки
 Въ домѣ не было перины.

Какъ таинственно кивнула
 Мнѣ прелестная злодѣйка!
 Для чего ласкала взглядомъ
 Ты меня, краса востока?

ГЛАВА XX.

Всходитъ солнце. Къ темнымъ тучамъ
 Брызжутъ стрѣлы золотыя
 И окрашиваютъ алымъ
 Блескомъ сѣрые туманы.

Вотъ одержана побѣда.
 День, какъ гордый триумфаторъ,
 Наступилъ, въ сіяньи славы,
 На туманныя вершины.

Голосистыхъ пташекъ стан
 Распѣваютъ въ скрытыхъ гнѣздахъ;
 Запахъ травъ струится къ небу,
 Какъ концертъ благоуханій,

Первый лучъ зари румяной
 Насъ выводитъ на долину,
 И пока Ласкаро ищетъ
 На землѣ слѣдовъ медвѣдя,

Я въ раздумье погружаюсь,
 Прогоняю время думой.
 Дума душу утомила,
 Приняла оттѣнокъ грусти.

Изнуренный и печальный,
 Я присѣлъ на мохъ зеленый
 Подъ развѣсистую ольхой,
 Гдѣ бѣжитъ источникъ тихій.

Ключъ причудливымъ журчаньемъ
 Навѣваетъ обаянье,
 Такъ что путаются мысли
 И мышленье пропадаетъ.

Сильно кровь во мнѣ кипѣла,
 Сна хотѣлось, бреда, смерти,
 Лишь бы призраки увидѣть
 Трехъ промчавшихся красавицъ.

Вы съ зарею улетѣли,
 Граціозныя видѣнья.
 Но куда же вы бѣжали?
 Тѣни, гдѣ вы днемъ живете?

Артемиды возлѣ Рима,
 Подъ развалинами храмовъ
 Кроетъ голову, спасаясь
 Отъ дневной и тяжелой власти.

Въ мракъ полуночи дерзаетъ
 Выйти юная богиня,
 И съ проклятыми тѣнями
 Забавляется охотой.

А прелестная Абунда,
 Устрашившись новыхъ истинъ,
 Дни безпечные проводить
 Въ безопасномъ Авалѣнѣ.

И романтики лазурной
 Тихо плещущія волны
 Омываютъ этотъ островъ,
 Недоступный человѣку.

Только сказочная лошадь
 Донесетъ туда на крыльяхъ.
 Ни печаль, ни пароходы
 Не причалать къ Авалѣну.

Колокольный звонъ печальный
 Не звучитъ на Авалѣнѣ.
 Для Абунды ненавистенъ
 Этотъ гулъ однообразный.

Тамъ, въ весельи безпрестанномъ
 Вѣчной юностью блистаетъ
 Граціозная Абунда,
 Бѣюлицая блондинка.

Тамъ, въ аллеяхъ, подъ цвѣтами,
 Фея весело гуляетъ,
 И за ней, идутъ, ласкаясь,
 Духи мертвыхъ паладиновъ.

Азіатская царица,
 Ты гдѣ спишь? Я знаю, знаю
 Ты лежишь въ могилѣ царской
 Въ дальнемъ городѣ востока.

Днемъ ты спишь въ своей гробницѣ;
 Непробуднымъ сномъ могилы,
 Но встаешь ты въ часъ полночный
 На призывъ веселыхъ спутницъ;

Скачешь съ дикою охотой
 За Діаной и Абундой.
 Ненавистно покаянье
 Всей ликующей охотѣ.

Привлекательна охота!
 Какъ бы мнѣ хотѣлось съ вами
 По лѣсамъ носиться ночью!
 И съ тобою, Азіатка,

Былъ бы вѣчно неразлученъ:
 Я люблю тебя сильнѣе,
 Чѣмъ богиню Артемиду
 И красавицу Абунду.

Я люблю тебя! Я слышу,
 Какъ душа моя трепещетъ.
 Полюби меня! отдайся
 Мнѣ, красавица востока.

Я тебѣ какъ разъ подъ пару,
 Самъ я рыцарь. Нѣтъ мнѣ дѣла
 До того, что ты скончалась
 И что ты проклятый призракъ.

Я навѣрное не знаю
 Попаду ли я на небо.
 Да и живъ ли я, порою
 Сомнѣваюсь не на шутку.

Вѣрнымъ рыцаремъ я буду,
Cavalier-Servant усерднымъ:
 Понесу твою мантилью
 И снесу твои капризы.

Ночью, съ дикою охотой
 Я съ тобой поѣду рядомъ;
 Будемъ нѣжничать, смѣяться
 Беззавѣтнымъ смѣхомъ счастья.

Незамѣтно ночь промчится
 И наступитъ день печальный —
 Я одинъ, рыдая, сяду
 Близъ оставленной могилы.

На возлюбленной гробницѣ
Днемъ я горько буду плакать.

ГЛАВА XXI.

Какъ Язонъ и Аргонавты
За руномъ поили въ Колхиду,
Такъ за мѣхомъ въ Пириней
Мы съ Ласкаро устремились,

Мы, новѣйшіе герои,
Злополучнѣйшіе люди!
Насъ поэты не прославятъ
И забудется нашъ подвигъ.

А и мы терпѣли горе!
На вершинѣ обнаженной,
Гдѣ ни тѣни, ни жилища,
Насъ застигъ ужасный ливень.

Тучи лопнули надъ нами,
Такъ что врядъ ли Аргонавтамъ
Удалось такую ванну
Испытать въ горахъ Колхиды.

Зонтикъ! Ради Бога, зонтикъ!
Тридцать конунговъ за зонтикъ,
Восклицалъ я въ изступленьи!
Между тѣмъ, вода струилась.

И измучившись, продрогши,
Какъ облитыя собаки,
Поздней ночью мы вернулись
Въ домъ колдуньи, на вершину.

Тамъ Урака у камня
Мопса толстаго чесала,
Но, лишь только мы явились,
Мопсъ отпущенъ былъ на волю.

Мнѣ Урака развязала
Неудобнѣйшую обувь,
[По испански эспардилъи]
Съ мокрыхъ ногъ стащила брюки

И избавила отъ плетя,
 А оно прилипло крѣпко,
 Какъ непрощенная нѣжность
 Добродушнаго бѣзвана.

«Шлафрокъ! Тридцать фараоновъ.
 За сухой и теплый шлафрокъ!»
 Отъ промоченной рубашки
 Царь густой распространился.

Я продрогъ. Стучали зубы.
 Постоявши передъ печкой,
 Я, совсѣмъ ошеломленный,
 Повалился на солому.

Но заснуть я былъ не въ силахъ.
 У огня сидитъ колдунья,
 На колѣняхъ держитъ сына,
 Обнаженнаго по поясъ.

Рядомъ съ ней, на заднихъ лапахъ
 Толстый мопсъ стоитъ и держитъ
 На переднихъ лапахъ банку
 Съ подозрительною мазью.

Краснымъ жиромъ этой банки
 Осторожная колдунья
 Мажетъ грудь и ребра сына
 Съ содроганіемъ невольнымъ.

И, втирая мазь, мурлычетъ
 Колыбельные припѣвы,
 И горять дрова въ каминѣ
 Съ страннымъ трескомъ и шипѣнемъ.

Какъ мертвецъ костлявый, желтый
 Сынъ лежалъ въ ся колѣняхъ,
 И печально раскрывался
 Очи тускляя Ласкаро.

Неужели онъ покойникъ,
 И родительская нѣжность
 Заколдованною мазью
 Силы жизни обновляетъ?

Странный полусонъ горячки!
 Члены страшнымъ утомленьемъ
 Точно скованы, а чувства
 Въ напряженномъ состояннѣ.

Запахъ травъ меня смущаетъ:
 При ужасныхъ напряженьяхъ
 Я никакъ не мочь припомнить
 Гдѣ слыхалъ подобный запахъ.

Вѣтеръ вылъ въ пустомъ каминѣ —
 Такъ, казалось мнѣ, стонали
 Души высохшихъ страдальцевъ —
 Стоны были мнѣ знакомы.

У меня надъ головою
 На доскѣ стояли птицы
 И особенно смущали
 Нервы глазъ моихъ усталыхъ.

Крылья птицъ качались тихо,
 Ихъ носы ко мнѣ склонялись,
 И казалося мнѣ, что гдѣ-то
 Я видалъ носы такіе.

Но не помню: въ Амстердамѣ
 Или въ Гамбургѣ на биржѣ —
 Мысль работаетъ лѣниво,
 Залегла туманомъ память.

Наконецъ я засыпаю,
 И здоровое видѣнье
 Прогоняетъ. безпечность
 Лихорадочнаго бреда.

Вижу я, что превратилась
 Въ бальный залъ моя избушка:
 Вырастаютъ колоннады,
 Ярко свѣтятъ жирандоли.

Гдѣ-то скрыты музыканты
 И играютъ изъ Роберта
 Танецъ бѣшеный монахинь —
 Я одинъ хожу по залѣ.

Наконецъ открылись двери,
И торжественно приходятъ
Важной медленной походкой
Удивительные гости.

Косолапые медвѣди
Мѣрнымъ шагомъ выступаютъ
Съ привидѣньями подъ ручку,
Перепутанными въ савань.

Всѣ по-парно начинаютъ
Въ вальсѣ бѣшеномъ кружиться:
А меня при этомъ видѣ
Смѣхъ и ужасъ разбираетъ.

Тяжело медвѣдямъ жирнымъ
Поспѣвать за мертвецами:
Тѣ несутся бѣлымъ вихремъ,
Вѣютъ легкія одежды.

И влекутъ безъ состраданья
За собой звѣрей несчастныхъ:
Тѣ храпятъ и заглушаютъ
Басъ могучаго оркестра.

Другъ на друга налетая,
Пары путаются въ вальсѣ,
И медвѣди очень рѣзко
Мертвецовъ своихъ толкаютъ.

Въ толкотнѣ медвѣдь порою
Разрываетъ бѣлый савань,
И тогда глядитъ наружу
Обнаженный бѣлый черепъ.

Наконецъ, аккордомъ дружнымъ
Затрещали барабаны,
И въ началѣ галопѣ
Разомъ грянули литавры.

Я конца не могъ дождаться.
Мнѣ медвѣдь тяжеловѣсный
Отдавилъ мозоли ланой,
И отъ боли я проснулся

ГЛАВА XXII.

Огневыхъ коней стегая,
 Фебъ на солнечной пролеткѣ
 Совершилъ до половины
 Путешествіе по небу.

Я межъ тѣмъ смотрѣлъ на пляски
 Привидѣній и медвѣдей,
 Образующихъ собою
 Прихотливые узоры.

Былъ ужъ полдень. Я проснулся,
 Совершенно одинокій.
 И хозяйка, и Ласкаро
 Рано вышли на охоту.

Дома мопсъ одинъ остался.
 Онъ стоялъ передъ плитою
 И мѣшалъ желѣзной ложкой
 Въ кипятившейся кострягѣ.

Мопсъ отлично дрессированъ:
 Если супъ перекипаетъ,
 Онъ замѣшиваетъ ложкой
 И съ горшка снимаетъ пѣну.

Неужли я околдованъ?
 Иль въ умѣ злой бредъ вечерній?
 Я ушамъ не смѣю вѣрить:
 Мопсъ ведетъ съ собою рѣчи.

Говорить онъ по-нѣмецки
 Съ отпечаткой швабской рѣчи,
 Потерявшись въ размышленьяхъ,
 Онъ мечтательно бормочетъ:

«Бѣдный швабскій стихотворецъ!
 Я печально изнываю
 На чужбинѣ въ видѣ мопса
 Въ услуженьи у колдуньи!

Колдовство, какая подлость!
 Какъ судьба моя трагична!
 Человѣческія чувства
 Затаились въ шкурѣ мопса.

Если-бъ я остался дома
 У товарищей по школѣ!
 Тѣ совсѣмъ не чародѣи,
 Никого не очаруютъ.

Если-бъ я остался дома
 Съ Карломъ Мейеромъ, съ пѣвцами
 Сладкогласными отчизны,
 Гдѣ перловый супъ вкушаютъ.

Я тоскую по отчизнѣ!
 Если-бъ только дымъ увидѣть,
 Выходящій ежедневно
 Изъ трубы штутгардскихъ кухонь!

Потрясенный тономъ рѣчи
 Я встаю съ моей постели
 И, придвинувъ стулъ къ камину,
 Въ разговоръ вступаю съ мопсомъ.

«Благородный стихотворецъ!
 Какъ попали вы къ колдунѣ,
 И за что она жестоко
 Превратила васъ въ собаку?»

Мопсъ воскликнулъ съ восхищеньемъ:
 Я считалъ васъ за Француза.
 «Вы Германецъ; вамъ понятны
 Были жалобы поэта.

О землякъ мой! Для чего же
 Секретарь посольства Кёлле
 За стаканомъ и за трубкой
 Повторяетъ безпрестанно:

Довершить образованье
 Можно только за-границей;
 Надо по свѣту поѣздить;
 Посмотрѣть чужіе нравы».

Чтобы духъ провинціальный
Свѣжимъ воздухомъ разбавить,
Чтобъ постичь, подобно Кёлле,
Утонченную науку.

Я съ отчизною простился
И, пустившись за-границу,
Я забрелъ на Пиринен
И попалъ въ избу колдуньи.

Кернеръ далъ письмо къ Уракѣ.
Могъ-ли я себѣ представить,
Чтобы другъ мой находился
Съ чародѣями въ сношеньяхъ.

Дружелюбно былъ я принять,
Но замѣтилъ, ужасаясь,
Что радуніе Ураки
Переходить въ пламень страсти:

Въ дряхломъ сердцѣ загорѣлся
Дикій пламень поздней страсти:
Эта женщина рѣшилась
Соблазнить мою невинность,

Я взмолился о пощадѣ:
«Я, сударыня, ей-Богу
Не послѣдователь Гёте;
Я поэтъ изъ Швабской школы.

Наша муза такъ стыдлива,
Такъ боится оскверненья.
Ради Бога, пощадите
Цѣломудріе поэта.

У однихъ поэтовъ геній,
У другихъ воображенье,
У иныхъ — есть страсть и чувство —
А у насъ одна невинность.

Въ этомъ все богатство наше!
Я молю васъ не берите
У меня завѣтной тряпки,
Подъ которой я скрываюсь.

Я сказать, но съ злой усмѣшкой
 На меня взглянула баба,
 Помело схватила быстро
 И главы моей коснулась.

Вдругъ почувствовалъ я холодъ
 Мнѣ казалось, кожей гуся
 Члены гибкіе покрылись.
 То была не кожа гуся,

А косматый мѣхъ собаки.
 Я съ той бѣдственной минуты
 Принялъ волею колдуньи
 Мопса гнусную фигуру».

Бѣдный малый отъ рыданья
 Слова вымолвить не въ силахъ,
 Слезы хлынули рѣкою.
 И совсѣмъ смочили кожу.

Я спросилъ: нельзя ли будетъ
 Отъ колдуньи васъ избавить
 Чтобы звукомъ вашихъ пѣсень
 Снова Швабы насладились?

Мопсъ махнулъ безсильной лапой
 И, сдержавъ свои рыданья,
 На вопросъ съ тяжелымъ вздохомъ
 Отвѣчалъ, глотая слезы:

Я до свѣтопреставленья
 Сохраню фигуру мопса,
 Если дѣвы благородство
 Не разрушить чаръ колдуньи:

Я избавлюсь, если дѣва,
 Не-любившая мужчину
 Принести себя рѣшится
 Въ очистительную жертву.

Въ ночь Сильвестра эта дѣва,
 Не смыкая глазъ блестящихъ,
 Прочитать должна Густава
 Пфицера стихотворенья.

Если съ книгой не задремлетъ
Благородная дѣвица,
То тогда я сброшу форму
Заколдованнаго мопса.

Я сказалъ: въ подобномъ дѣлѣ
Я помочь не въ состояннѣ,
Потому-что я во-первыхъ
Не могу назваться дѣвой;

Во-вторыхъ мнѣ невозможно
Пѣсни Пѣйцеровой лиры
Прочитать, не засыпая
Надъ плачевными строками.

ГЛАВА XXIII.

Изъ гнѣзда колдуннѣ злобной
Мы опустимся въ долину.
Снова ходимъ мы по почвѣ
Положительнаго міра.

Прочь, ночныя превидѣнья,
Бредъ фантазіи горячей!
Мы займемся хладнокровно
Незабвеннымъ Атта Троллею.

Нашъ старикъ лежитъ въ берлогѣ,
Спитъ въ кругу своихъ домашнихъ,
Усыпленный безмятежно. —
Просыпаясь, онъ зѣваетъ.

Одноухій сынъ съ нимъ рядомъ
Чешетъ черный свой затылокъ,
Будто гонится за риемой
И скандируетъ по лапамъ.

Близъ отца, въ мечтаньяхъ сладкихъ
На спинѣ лежатъ безопасно,
Нѣжнымъ лизаньямъ подобны,
Дочери медвѣдя Тролля.

Что за тихое раздумье
Занимаетъ духъ невинный
Цѣломудренныхъ медвѣдицъ?
Въ ихъ очахъ блистаютъ слезы.

Молодая всѣхъ грустиѣе
Въ щекотаніи блаженномъ
Проявилось въ чистомъ сердцѣ
Купидоново господство.

Черезъ мѣхъ ея проникли
Стрѣлы рѣзваго Эрота:
Ей пришлось... великій Боже
Привязаться къ человѣку.

И его зовутъ Шнапханскимъ.
Въ генеральномъ отступленіи
Мимо дѣвы онъ промчался
По утесистой вершинѣ.

Героизмъ великъ въ несчастьи!
На чертахъ вождя Карлистовъ
Какъ всегда лежало горе
И забота о финансахъ.

Всѣ военные финансы,
Двадцать восемь зильбергрошей,
Привезенныхъ изъ отчизны,
Всѣ достались Эспартеро.

Подъ залогомъ въ Пампелунѣ
И часы его остались —
А часы — отца наследье;
Серебро ихъ неподдѣльно.

Пробѣгая безъ оглядки,
Онъ внезапно по дорогѣ
Захватилъ съ собою сердце —
Это лучшая побѣда.

Такъ врага своей породы
Дочка Троля полюбила;
Заворчитъ отецъ свирѣпо,
Если тайну онъ подмѣтитъ.

И какъ старый Оггардо,
Гордый истиннымъ мѣщанствомъ,
На Эмилию Галлотти
Свой кинжалъ поднять рѣшился,

Такъ медвѣдь собственноручно
Умертвилъ-бы дочь родную,
Если-бы дѣвушка рѣшилась
Принцу сдѣлаться женою.

Но теперь настроенъ мягко
Атта Троль и не рѣшится
Погубить младую розу,
Не попорченную вихремъ.

Склонный къ мягкому раздумью
Атта Троль лежитъ въ берлогѣ,
И стремленье къ жизни лучшей
Тихо въ душу западаетъ.

Вдругъ глаза его большіе
Омрачаются слезою:
«Дѣти! Странствіе земное
Я свершилъ. Пора разстаться!»

Нынче въ полдень мнѣ явился
Сонъ пророческаго свойства;
Чувство сладкое я вынесъ
Приближающейся смерти.

Я совсѣмъ не суевѣренъ,
Не болтунъ безъ убѣжденій,
Но въ иныхъ вопросахъ жизни
Мысль отвѣта дать не въ силахъ.

Поразмысливъ о природѣ
Я заснулъ, зѣвая тихо,
И подъ деревомъ роскошнымъ
Я внезапно очутился.

Изъ вѣтвей широколистныхъ
Бѣлый медъ ко мнѣ сочился,
И, по кашѣ въ пасть спадая,
Нѣжилъ вкусъ мой утонченный.

Бросивъ къ верху взоръ восторга,
Я увидѣлъ надъ собою,
Какъ на сучьяхъ потѣшались
Семь малютокъ медвѣжатокъ.

Что за нѣжныя созданья!
Мѣхъ ихъ — розоваго цвѣта
На плечахъ, подобно крыльямъ,
Легкимъ пухомъ развивался.

Да, у розовыхъ медвѣдей
Были шелковыя крылья;
Голоса ихъ неземные
Пѣли чудныя кантаты.

Электрическою дрожью
Эта пѣснь прошла по тѣлу —
Какъ эфиръ воспламененный
Къ небу духъ мой устремился!

Такъ то голосомъ дрожащимъ
Атта Троль лепечетъ тихо,
И, расстроганный, смолкаетъ,
Погружаясь въ созерцанье.

Но внезапно уши Троля
Наострились, задрожали,
И вскочивъ съ живымъ восторгомъ,
Троль реветъ и весь трепещетъ:

«Дѣти, слышите-ль вы голосъ?
Ваша мать подходит близко.
Это ревъ моей супруги,
Ненаглядной черной Муммы!

Атта Троль при этомъ словѣ
Какъ безумный устремился
Изъ берлоги прямо къ смерти,
И нашель погибель злую.

ГЛАВА XXIV.

На долинь Ронсеваля
Тамъ, гдѣ витязь знаменитый,
Карла славнаго племянникъ,
Изнемогъ въ бою неравномъ,

Тамъ сраженъ изъ за утеса
Атта Троль неукротимый,
Обольщенный, какъ Роландо
Въроломнымъ Ганелономъ.

Чувство высшее медвѣдя,
Чувство нѣжности къ супругѣ,
Помогло коварнымъ людямъ
Приманить его на гибель.

Реву Муммы такъ удачно
Подражать взялась Урака,
Что въ берлогѣ безопасной
Атта Троль не могъ остаться;

Окрыленъ желаньемъ знойнымъ,
Онъ бѣжалъ черезъ долину,
За скалой искалъ онъ Муммы—
И наткнулся на Ласкаро.

Тотъ спокойно изъ засады
Цѣлилъ въ нѣжнаго супруга.
Грянулъ выстрѣлъ и волною,
Кровь изъ сердца покатилась.

Атта Троль впередъ рванулся,
Застоналъ и повалился,
Въ содроганіяхъ предсмертныхъ
Повторяя имя Муммы.

Палъ герой неукротимый,
Троль убитъ, но онъ безсмертенъ.
Послѣ смерти онъ воскреснетъ
Въ пѣснопѣніи поэта.

Онъ воскреснетъ въ пѣснопѣнны
И хорей четырехстопный
Пронесетъ по всей вселенной
Немерцающую славу.

И воздвигнется въ Валгалѣ
Монументъ несокрушимый
Съ эпитафией приличной
По заслугамъ Атта Тролля. —

Танцовалъ онъ очень дурно,
Но медвѣдь былъ съ направленьемъ.
Въ запахъ бывалъ замѣченъ.
Нѣтъ талантовъ. Былъ характеръ.»

ГЛАВА XXV.

Тридцать три старухи хоромъ
Прославляютъ славный подвигъ.
Всѣ онѣ въ капуцахъ красныхъ
Обступаютъ входъ въ деревню.

Какъ Девара съ тамбуриномъ,
Пляшетъ бодрая старуха,
Воспѣвая въ честь Ласкаро
Убіеніе медвѣдя.

Съ торжествомъ четыре парня
Тащатъ трупъ огромный звѣря.
Троль сидитъ на табуретѣ,
Точно лордъ, больной подагрой.

А Урака и Ласкаро
Чинно шествуютъ за мертвымъ;
Съ замѣшательствомъ колдунья
Отвѣчаетъ на поклоны.

Съ ратуши помощникъ мера
Держитъ рѣчь, и цѣлый поѣздъ
Передъ нимъ стоитъ недвижно
Живописной, пестрой группой

Въ длинной рѣчи нашъ чиновникъ
 Не преминулъ мимоходомъ
 Изложить свои воззрѣнья
 На политику министровъ.

Возвышенье мореходства,
 Упраздненіе таможенъ, (?)
 Урожай обильный рѣпы
 И вражду различныхъ партій,

И Людовика Филиппа —
 Все въ привѣтствіе онъ втиснулъ,
 Наконецъ онъ переходитъ
 Къ славнымъ подвигамъ Ласкаро.

«Ты, Ласкаро!» Произносятъ
 Нашъ ораторъ, обтирая
 Лобъ трехцвѣтною эшарной.
 Ты, Ласкаро!! Ты, Ласкаро!!!»

«Ты Французовъ и Испанцевъ
 Избавляешь отъ медвѣдя!
 Ты герой обѣихъ націй,
 Лафайеттъ своей отчизны!»

При такой похвальной рѣчи
 Самъ Ласкаро былъ растроганъ,
 Покраснѣлъ отъ восхищенья
 И пріятно улыбнулся,

И несвязными словами,
 Заикаясь отъ волненья,
 Изъявилъ онъ благодарность
 За оказанную почесть.

Онъ смотрѣлъ съ живымъ вниманьемъ
 На неслыханную сцену,
 И съ таинственной боязнью
 Всѣ старухи зашептали

Вотъ Ласкаро засмѣялся!
 Вотъ Ласкаро покраснѣлся!
 Вотъ Ласкаро ротъ разинулъ!
 Онъ, умершій сынъ колдуньи!

Атта Тролля ободрали
 Въ день торжественнаго въѣзда;
 Мѣхъ богатому торговцу
 Уступили за сто франковъ.

Тотъ подблизъ сукномъ пунцовымъ
 Превосходный мѣхъ медвѣдя
 И за то двойную цѣну
 Получилъ потомъ въ Парижѣ.

И изъ третьихъ рукъ Жюльетта
 Получила эту кожу,
 И въ своей парижской спальнѣ
 Положила у постели.

Частъ я босою ногою
 Поширалъ медвѣжью кожу,
 Часто ночью становился
 На останки Атта Тролля.

Я тогда бывалъ растроганъ,
 Вспоминалъ слова поэта:
 «То, что въ пѣсни будетъ вѣчно,
 То должно погибнуть въ жизни.»

ГЛАВА XXVI.

Что случилось съ черной Муммой?
 Какъ извѣстно, Мумма дама;
 Всѣ же дамы въ этомъ мѣрѣ
 Какъ фарфоръ саксонскій хрупки.

Разлученная судьбою
 Съ благороднѣйшимъ супругомъ,
 Мумма сноситъ огорченье,
 Отъ тоски не умираетъ.

И обычной колеею
 Жизнь ея катилась дальше.
 Передъ публикой танцуя
 Мумма лавры пожинала;

АТТА ТРОЛЛЬ.

Наконецъ досталось Муммѣ
Обезпеченное мѣсто:
Мумму взяли на кормленье
При Jardin-des-Plantes въ Парижѣ.

Въ Воскресенье мы съ Жюльеттой
Долго по саду ходили.
Я рассказывалъ Жюльеттѣ
О растеньяхъ и животныхъ.

Мы смотрѣли кедръ ливанскій,
Дромадеру и жираффу,
Золотыхъ фазановъ, зебру
И приблизились къ медвѣдамъ.

Подошедши къ парпету
Обиталища медвѣдей,
Мы увидѣли, о Боже!
Что увидѣли мы въ ямѣ!...

Привезенный изъ Сибири,
Неотесанный невѣжда
Велъ съ медвѣдицею въ ямѣ
Слишкомъ нѣжную бесѣду.

Я узналъ фигуру Муммы,
Измѣняющей супругу,
Влажный блескъ очей глубокихъ
Различилъ я даже сверху.

Дочь Испаніи роскошной
И супруга Атта Тролля
Согласилась на интригу
Съ грубымъ сыномъ льдовъ цолярныхъ.

Подоселъ къ намъ Негръ одѣтый
И замѣтилъ, улыбаясь:
«Посмотрите, что за прелесть
Видѣть вмѣстѣ двухъ влюбленныхъ.»

Я спросилъ у джентльмена
О его происхожденіи.
Мой вопросъ былъ неожиданъ.
Негръ отвѣтилъ съ изумленьемъ:

«Развѣ вы меня не знали
По поэмѣ Фрейлиграта?
Я владыка черныхъ Мавровъ —
Мнѣ у Нѣмцевъ стало скучно.

Здѣсь я сторожемъ приставленъ;
Здѣсь — растенія отчизны,
Здѣсь тропическіе звѣри,
Леопарды, львы, и тигры;

Здѣсь пріятнѣе живется,
Чѣмъ на ярмаркахъ нѣмецкихъ;
Тамъ я часто барабанилъ
И кормился очень плохо.

Я женился на кухаркѣ,
На блондинкѣ изъ Эльзаса
И въ объятіяхъ супруги
Нахожу свою отчизну.

Ноги мнѣ напоминаютъ
О ногахъ слоновъ Судана,
И въ ея французской рѣчи
Слышу я родные звуки.

Сонъ ея напоминаетъ
Рокотанье барабана,
Что обить былъ черепами
И пугалъ змѣю и тигра.

И, подобно крокодилу,
Слезы лить моя супруга,
Если кротко блещетъ мѣсяць
Въ ночь безоблачную лѣта.

Хорошо готовить пищу;
Я роскошно распцѣтаю;
Аппетитъ мой африканскій
Возвратился совершенно.

Я успѣлъ набить животикъ,
Онъ глядитъ изъ подъ рубашки
Будто полный мѣсяць черный
Изъ за бѣлыхъ тучъ выходить.

ГЛАВА XXVII.

(Августу Фарнгагену Ф. Энзе.)

«Ради Бога, Лодовико,
 Что вы тутъ нагородили?
 Какъ въ умѣ у васъ сложилась
 Эта дикая нелѣпость?»

Кардиналъ съ такою рѣчью
 Обратился къ Аріосто,
 Прочитавъ его поэму
 О безуміи Роландо.

Да, Фарнгагенъ, другъ мой старый,
 Ты готовъ сказать мнѣ тоже;
 Добродушная улыбка
 На губахъ твоихъ играетъ.

Ты при чтеніи смѣешься,
 Но порою тихой грустью
 Подавляется улыбка,
 Возникаетъ тѣнь былого.

Ты невольно вспоминаешь
 Грезы юности далекой,
 Шамиссо, Фуке, Брентано,
 Голубья ночи лѣта!

То трезвонъ благочестивый
 Раздается въ отдаленьи;
 То знакомый колокольчикъ
 Здѣсь насмѣшливо играетъ;

Соловья живыя пѣсни,
 Рель свирѣпаго медвѣдя
 Переходятъ незамѣтно
 Въ тихій лепетъ привидѣній.

Разсуждаетъ съумасшедшій,
 И безумствуетъ разумный,
 Въ рѣзкій хохотъ переходятъ
 Умиращаго стоны.

Да, мой другъ, все это звуки
Изъ поры былыхъ мечтаній;
Только новые напѣвы
Измѣняютъ старый голосъ.

Не смотря на голосъ смѣлый,
Ты порой замѣнишь робость —
Снисходительности друга
Довѣряю я поэму.

Старой пѣсни романтизма
Замирающіе звуки
Пронесутся незамѣтно
Посреди военныхъ клинковъ.

То ли время? Тѣ ли птицы?
Тѣ ли птицы? Тѣ ли пѣсни?
Вотъ гогочуть словно гуси,
Отстоявши Капитолій.

Воробьи щебечутъ грозно,
Въ слабыхъ лапкахъ держатъ спички;
Точно молнію Зевеса
Потрясаютъ надъ землею.

Вотъ и горлинки воркуютъ,
Имъ любовь надоѣдаетъ;
Имъ пріятно ненавидѣть,
И, оставивъ культъ Венеры,

Посвятить себя Беллонѣ.
Вотъ жуки весны народной,
Точно злые берсеркеры,
Міръ громятъ своимъ жужжаньемъ.

Что за время? Что за птицы?
Что за птицы? Что за пѣсни?
Непривычный слухъ поэта
Пѣсенъ нынѣшнихъ не терпитъ.

Д. ПИСАРЕВЪ

ЯНЪ ГУНИАДИ.

Статья вторая.

VII.

Собранное у Сегеда войско выступило въ походъ къ концу сентября, нѣсколькими днями позже срока, назначеннаго кардиналомъ Чезарини. Въ составѣ своемъ оно было мало-численнѣе, чѣмъ въ прошлогоднемъ походѣ, потому что вызванные волонтеры изъ Поляковъ и Румыновъ, были снова распущены, лишь только начались переговоры о мирѣ. Наличный составъ войска, по свидѣтельству Длугоша, состоялъ изъ 15,000 всадниковъ и незначительнаго числа пѣхоты. За войскомъ слѣдовалъ огромный вагенбургъ, въ числѣ 2,000 возовъ, наполненныхъ болѣе всего предметами роскоши, а не провіантомъ и снарядами, что естественно затрудняло и замедляло самый походъ. Въ началѣ октября союзники, переправившись черезъ Дунай въ Видинъ, имѣли намѣреніе открыть себѣ дорогу по пройденному уже въ прошломъ году пути, и достигнуть Адрианополя чрезъ двѣ недѣли, откуда могли бы легко и безпрепятственно прибыть въ Галиполи, чтобы примкнуть къ флоту кардинала Гондолміери. Но обремененные множествомъ возовъ, для которыхъ переѣздъ чрезъ лѣсистыя горы былъ почти невозможенъ, союзники принуждены были переимѣнить направленіе, и руководимые Гуниади совершили знаменитый переходъ чрезъ Балканы по направ-

ленію къ Варнѣ, который въ стратегическомъ отношеніи считается образцовымъ *). Неизлишнимъ находимъ войти въ нѣкоторыя подробности этого похода, показывающія въ какой степени была знакома Яну Гуніади мѣстность балканскихъ горъ, ихъ ущелія и ложбины, составляющія и въ настоящее время предметъ изученія стратегиковъ.

Путь, по которому Гуніади повелъ союзное войско, былъ гораздо отдаленнѣе предполагаемаго черезъ троянскій балканъ, но за то покойнѣе для войска и удобнѣе для огромнаго фурверка, который за нимъ слѣдовалъ. Путь этотъ лежалъ по правому берегу дунайской долины и намѣреніе главнокомандующаго было, обогнувъ восточные балканы, спуститься къ Черному морю, и за тѣмъ береговыми ущеліями войти въ восточную Фракію, откуда союзники безпрепятственно могли-бы достигнуть и Галлиполя, главной цѣли ихъ похода. Хотя и эта дорога представляла нѣкоторыя затрудненія, но ущелія горъ здѣсь не такъ сомкнуты, какъ въ западной сторонѣ балканъ, такъ что длинная вереница воевъ, составлявшая въ эту эпоху одно изъ средствъ защиты, могла безпрепятственно быть подъ рукой. Кромѣ того дорога эта представляла и удобство въ отношеніи войсковаго продовольствія, между тѣмъ какъ въ западной Болгаріи бывали случаи, когда фуражиры съ большими затрудненіями могли найти необходимые припасы **). Въ нѣсколько дней достигли союзники Никополя, сохраняя примѣрный порядокъ и дисциплину, но достигнувъ этого мѣста, кто-то распространилъ слухъ, что въ Никополь свезены были огромныя сокровища непріятели. Прежде чѣмъ Гуніади могъ принять

*) *Beaujour*, Voyage militaire dans l'Empire Othoman, v. 1. p. 461. La marche de Ladislas à travers la Bulgarie est un modèle proposer à tout général qui voudra franchir le Balcan pour marcher sur Constantinople. Въ этомъ отношеніи любопытна также статья *Шельса*. — Militärische Berichte über die Schlacht bei Warna, помѣщенная въ Oesterreichische militärische Zeitschrift, 1826 170.

**) Au lieu de s'engager imprudemment dans les hautes passes de la chaîne moëssique, Ladislas chercha à la tourner sur son flanc oriental, occupa ses principaux contreforts sur la mer Noire, pour mieux éclairer sa marche, et longea la côte, sa gauche appuyée à la mer, et sa droite, couverte, selon l'ancienne coutume des Scythes, par un rempart de chariots. *Beaujour*, t. I. p. 461.

мѣры къ устраненію пенужнаго и лишняго нападенія, окрестности этого города были уже наполнены грабившими ихъ солдатами. Современники говорятъ, что самъ Владиславъ, по молодости своей увлекся примѣромъ солдатъ, и если бы имѣлъ съ собой осадныя орудія, быть-можетъ, не упустилъ случая бомбандировать самый городъ, окруженный толстыми стѣнами, въ которыхъ заперся незначительный непріятельскій гарнизонъ. Тѣмъ не менѣе войско союзниковъ потеряло подъ Никополемъ три дни безъ всякой пользы.

Воевода Валахіи, Данъ или Денисъ III *), прибылъ въ польско-венгерскій лагерь во время его стоянки въ виду Никополи, для свиданія съ Владиславомъ. Намѣреніе Дана было — отклонить союзниковъ отъ предпринятаго ими похода. Приглашенный на военный совѣтъ, Данъ совѣтовалъ королю не вдаваться въ горы и лѣса Балкана съ столь незначительною арміею, которая, какъ онъ говорилъ, неможетъ сравниться въ числѣ даже съ охотой султанской. Собственное несчастіе, прибавилъ онъ, научило его, какъ страшна сила Турокъ **). Если союзникамъ и удастся побѣдить непріятели, то все-таки они ни въ чемъ не успѣютъ, потому что зимнее время съ каждымъ днемъ приближается. Кардиналъ Чезарини выставлялъ ему съ своей стороны, что султанъ со всѣми силами находится теперь въ малой Азіи; что съ сѣвера и юга новыя союзники не замедлятъ присоединиться къ ихъ рати; къ тому же переходъ въ Европу черезъ Геллеспонтъ охраняется флотомъ, а Іоаннъ Палеологъ готовъ соединиться съ ними, япшь только войско короля пе-

*) Энгель, Гебгарди и за ними всѣ послѣдующіе историки называютъ его Дракуломъ. Румынскій истерикъ Когалиничано очистилъ достаточно хронологію первыхъ воеводъ Валахіи. Этотъ Данъ III, по его свидѣтельству, есть тотъ, который господствовалъ съ 1422—1446 г. и былъ сыномъ Влада II.

**) Въ 1434 г. онъ ѣздилъ къ султану въ М. Азію на поклонъ, и обѣщалъ открыть ему путь черезъ свои владѣнія во время похода Турокъ въ Трансильванію. Во второй разъ, въ 1440, онъ снова посѣтилъ Мурата, но на этотъ разъ былъ заключенъ въ темницу, и только подъ условіемъ вызова двухъ своихъ сыновей, которые долженствовали остаться у Мурата заложниками, былъ отпущенъ въ Валахію. Причину этого заточенія полагаютъ неудачу турецкаго похода въ Трансильванію, въ 1438 г.

рейдегъ горы. Янъ Гуниади упрекнулъ воеводу Валахін въ его соумышленности съ Турками, такъ что Данъ, вспыхнувъ въ полномъ собраніи совѣта, хотѣлъ поразить Гуниади ножомъ, но былъ во время остановленъ. Чтобы загладить свою запальчивость, онъ предложилъ союзникамъ 4,000 всадниковъ подъ командою своего сына. Кромѣ того, онъ далъ Владиславу двухъ молодыхъ Румыновъ, которымъ, какъ онъ увѣрялъ, была извѣстна каждая тропинка въ горахъ восточной Болгаріи, и двухъ коней, замѣчательныхъ по быстротѣ и силѣ. Каллимахи рассказываетъ, что какая-то ворожея, Болгарка, предсказала ему, что христіане будутъ разбиты, а король убитъ.

Отъ Никополя войско двинулось равнинами лѣваго берега Дуная и, поворотивъ къ югу, прежде чѣмъ достигло горъ, раздѣлилось на три отряда изъ предосторожности, чтобы въ гористыхъ мѣстахъ предупредить могущія быть тамъ непріятельскія засады. Авангардъ, состоявшій изъ Валаховъ и 3,000 Венгровъ былъ предводимъ Яномъ Гуниади. За тѣмъ въ недалекомъ разстояніи слѣдовалъ вагенбургъ подъ прикрытіемъ части пѣхоты, главныя же силы подъ начальствомъ Владислава находились въ арьергардѣ. Предосторожности эти были излишни, потому что Турокъ какъ-бы и слѣдъ простылъ. Ни о Муратѣ, ни о его полчищахъ не было ничего слышно. Не было извѣстно также и о приближеніи войскъ, обѣщанныхъ союзниками. Выше мы видѣли, по какой причинѣ не явился обѣщанный отрядъ Албанцевъ; увидимъ также, что другой союзникъ Венгровъ, Іоаннъ Палеологъ, не только не выставилъ обѣщаннаго вспомогательнаго отряда, но даже не смѣлъ отдалиться отъ стѣнъ своей столицы, представлявшей ему самому весьма невѣрное убѣжище.

Путь къ Варнѣ лежалъ чрезъ Добруджу *). Встрѣчавшіеся на этомъ пути укрѣпленія, не занятыя гарнизонами, были снесены. Жители этой части Болгаріи, выходявшіе на встрѣчу венгерскимъ полкамъ, видя въ нихъ своихъ освободителей, много пострадали отъ насилій и грабежа, не смо-

*) *ἱστρατοπεδίουτο κατά τὴν τοῦ Ἑυξείνου παραλίαν, Δεβροτικῶν τοῦ Μισοῦ* (т. е. Болгары) *ἄβραυ ἐπὶ Καλλιόχρον τε καὶ ἐπὶ Βαρναν. Chalcocon. L. VI. p. 327.*

тря на стараніе короля и Гуниади устранить эти разбои. Болѣе всего страдали храмы, на которые смотрѣли они, какъ на молебни схизматиковъ. Тяжелая рука католицизма ясно была видна въ этихъ опустошеніяхъ и оскверненіи церквей. Недостаточно было мухаммеданскаго фанатизма; христіане Запада, ополчившись во имя креста, не пощадили этотъ самый крестъ, столь терпѣливо несомый ихъ восточными братьями. Насилія эти продолжались по всему пути, пока союзникамъ не открылись укрѣпленныя мѣста, занятія незначительными турецкими гарнизонами. Первое нападеніе было произведено на крѣпости, расположенныя въ окрестностяхъ Варны. Защищаемыя, какъ мы сказали незначительными гарнизонами, онѣ были взяты; но Суніумъ и Пезехъ, полагаясь на свои укрѣпленія, отринули предложенія о сдачѣ. Венгры пошли на приступъ; Турки не выдержали, и 5,000 ихъ были частію убиты, частію сброшены съ крутыхъ береговъ въ море. Вскорѣ послѣ взятія этаго мѣста, Владиславъ получилъ отъ кардинала Гондолміери извѣстіе, что султанъ Муратъ перешелъ изъ Азіи въ Европу со всѣмъ своимъ войскомъ. Страшная вѣсть эта, какъ громомъ, поразила войско союзниковъ. По предложенію Гуниади оставалось, или поспѣшно удалиться по очищенному уже пути, или, укрѣпившись на мѣстѣ, узнать достоверно о силѣ и планѣ дѣйствій непріятеля, и тогда уже самимъ дѣйствовать по усмотрѣнію. Но Владиславъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, а увлеченный лично храбростію, самонадѣянно вошелъ въ горы и въ десять дней достигъ плоскаго берега Чернаго моря. Находившіеся здѣсь укрѣпленныя мѣста, занятія Турками, были поспѣшно ими очищены, при первой вѣсти о взятіи Суніума и Пезеха. Каварна, Макрополисъ, Калліакри, Варна и Галата были взяты безъ боя *), такъ что въ нѣ-

*) Слѣдуемъ болѣе ясному и достоверному разсказу Каллимахи. Гаммеръ (Hist. de l'Emp. Othom. t. II, p. 309 seqq.) какъ видно, смѣшалъ эти мѣстности и города Суніумъ и Пезехъ едва ли не находились гдѣ вибудъ въ Добруджѣ по направленію къ Татаръ-Пазарджику. Ошибочно также указаніе, что сожженныя турецкія суда находились на Камчакѣ, который впадаетъ въ Черное море южиѣ Варны. Къ Камчику Владиславъ не могъ достигнуть. Подвигаясь впередъ отъ Дуная, онъ въ 10 дней пришелъ къ Бал-

сколько дней все побережье отъ Калліакри и до мыса Галата было во власти союзнаго войска. Все это пространство представляло, какъ въ стратегическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи продовольствія, самое выгодное положеніе для союзниковъ. Варна лежитъ на отлогой долинѣ восточнаго ската Балканъ среди двухъ возвышенностей, такъ что можетъ имѣть весьма легкое сообщеніе и со стороны моря и съ окрестными селами и городами. Расположенная въ глубинѣ небольшого залива, Варна имѣетъ на сѣверной сторонѣ выдавшійся мысъ Макрополя, на южной мысъ Галату. Съ южной стороны города тянется длинное болотистое озеро, достаточно защищавшее станъ союзниковъ. Расположившись въ этомъ мѣстѣ, они ожидали дальнѣйшихъ событій, которыя не замедлили послѣдовать.

Извѣстіе о расторженіи сегедскаго мира и повомъ вторженіи Владислава за Дунай, было получено султаномъ Муратомъ въ Магнезіи. Нѣсколько гонцевъ, посланныхъ къ нему одинъ за другимъ, сыномъ его Магоммедомъ, заставили Мурата послѣшить къ Геллеспонту, переправу чрезъ который, какъ сказано выше, охранялъ ианскій флотъ. Это препятствіе заставило султана спуститься незамѣтно по-ниже Галлиполя и при помощи генуэзскихъ судовъ пересадить на европейскій берегъ немногіе полки, взятые имъ послѣшно изъ Магнезіи. вмѣстѣ съ незначительными отрядами, ожидавшими его появленія на Фракійскомъ херсонисѣ, Муратъ выступилъ на встрѣчу союзникамъ съ сорока-тысячнымъ войскомъ, которое было почти вдвое многочисленнѣе войска Владислава. Подвигаясь усиленными переходами къ Варнѣ, султанъ послалъ къ Иоанну Палеологу гонца съ извѣстіемъ о счастливой переправѣ своей въ Европу, приглашая его въ тоже время соединиться съ нимъ, для изгнанія изъ восточной Болгаріи засѣвшаго тамъ непріятеля. Вѣсть эта приве-

чину и Коварнѣ. У Дуки (г. XVIII) рѣка, гдѣ стояли турецкіи суда названа Панисъ, впадающая въ Черное море между Мессемврией и Одиссомъ или Варной. Теченіе этой рѣки вообще указано неясно, и едва ли въ этомъ случаѣ объясненіе Энгель (т. III. стр. 36) не будетъ справедливымъ, который говоритъ, что суда были сожжены на Дунаѣ.

ла Цареградъ въ сильное смятеніе. Пристать къ сторонѣ Мурата, значило навлечь на себя гнѣвъ Венгріи. Незвѣстность, какой исходъ будетъ имѣть предстоявшая война, заставила Іоанна Палеолога проволочить время въ переговорахъ, пока первая встрѣча Турокъ съ Венграми не покажетъ, чью сторону будетъ ему безопаснѣе принять. Вотъ почему византійское войско не могло показаться внѣ стѣнъ Царяграда, такъ что обѣ стороны, рассчитывавшія на его содѣйствіе, были обмануты.

Муратъ, переправившись въ Европу, двинулся сначала къ Адрианополю, откуда послѣшно выступилъ къ берегу Чернаго моря. На седьмой день явился онъ подъ Варпу, и разбилъ лагерь свой въ четырехъ тысячахъ шагахъ отъ стана союзниковъ. Лазутчики донесли Владиславу о быстромъ приближеніи Османовъ, но вскорѣ, такъ какъ это было ночью, союзный лагерь могъ видѣть въ недалекомъ отъ себя разстояніи зажженные костры непріятельскаго войска. Владиславъ, давъ приказаніе усилить патрули и часовыхъ, самъ началъ приготовляться къ битвѣ слѣдующаго дня. Численное превосходство османской рати, расположенной въ виду малочисленныхъ союзниковъ, вызвало въ военномъ совѣтѣ, собранномъ на зарѣ того же дня, снова вопросъ объ укрѣпленіи лагеря посредствомъ фурверка и тяжелой артиллеріи. Кардиналъ Чезарини, нѣсколько епископовъ, венгерскіе и польскіе магнаты были этого мнѣнія, потому что, какъ они говорили, находившееся войско на геллеспонтскомъ флотѣ, не замедлитъ послѣдовать за Османами и ударить имъ въ тылъ. Но на это Гуниади рѣшительно отвѣчалъ, что, однажды расторгнувъ миръ съ непріателемъ и выступивъ снова противъ него, не слѣдуетъ укрываться за валами и траншеями, а смѣло идти ему на встрѣчу; необходимо даже предупредить всякое нападеніе и начать самимъ наступательныя дѣйствія. Все зависитъ, — говорилъ Гуниади, — отъ приѣма и способа этого наступленія. Въ настоящемъ случаѣ весь успѣхъ будетъ зависѣть болѣе отъ быстроты и смѣлости нападенія, чѣмъ отъ хитрости, медленности и нерѣшительности. «Было бы смѣшно, продолжалъ онъ, «ожидать помо-

щи отъ находящагося на Геллеспонтѣ флотскаго экипажа, который точно также можно употребить на сушѣ, какъ конницу на водѣ.» Убѣдительное краснорѣчіе Гуниади, его храбрость, всѣмъ извѣстная находчивость и быстрое соображеніе на полѣ битвы, заставили совѣтъ принять его мнѣніе единодушно. Наступательное движеніе было рѣшено. Къ принятію этого рѣшенія понудило однако жъ и то обстоятельство, что совѣтъ еще не расходился, какъ со стороны форпостовъ получено было извѣстіе, что непріятель готовится уже къ битвѣ. Гуниади, которому было поручено главное начальство, поспѣшно отправился къ войску, чтобы приготовить его къ бою *). Мѣстность, избранная имъ была чрезвычайно удобна, а именно, тылъ союзной арміи, примыкая къ долинь, которая своимъ открытымъ мѣстоположеніемъ могла дать непріятелю возможность свободно атаковать союзниковъ съ этой стороны, — былъ забранъ вагенбургомъ и пушками. По срединѣ стоялъ Владиславъ съ 500 венгерскихъ и польскихъ всадниковъ, составлявшихъ его отборную стражу. Боевая линия авангарда, растянутая отъ болотистаго мѣста до Варны, была расположена слѣдующимъ образомъ: на правомъ крылѣ, примыкавшемъ къ Варнѣ, стояли главныя силы союзниковъ, т. е. венгерскіе полки, предводимые баномъ Франко, за тѣмъ полки Симона Розіони, — эрлаускаго епископа, Матко Талоча, — бана Славоніи, и наконецъ ополченіе крестоносцевъ, бывшее подъ начальствомъ Юліана Чезарини. Въ резервѣ стояли отряды Іоанна Арби, — епископа варадинскаго, и польскій — Ляско Бобнича. Лѣвое крыло христіанской рати, примыкавшее къ болоту и закрытое возвышенностями, было защищено небольшимъ отрядомъ, потому что съ этой стороны менѣе всего должно было ожидать нападенія. Что же касается вспомогательнаго четырехтысячнаго отряда Валаховъ, Гуниади не назначилъ ему отдѣльнаго поста, а оставилъ его въ собственное распоряженіе, имѣя въ виду отдѣлять отъ него подкрѣпленія на тѣ

*) Нѣсколько дней передъ тѣмъ у Владислава разболѣлась нога отъ нарыва.

пункты боевой линіи, которые болѣе всего нуждались бы въ свѣжихъ силахъ *).

Турецкая рать была уже готова принять сраженіе.

Даудъ-паша, беглербегъ румилійскій съ европейскими войсками, и Караджа — паша съ корпусомъ, выведеннымъ изъ Малой Азій, расположены были по правому и лѣвому флангу, между которыми стоялъ Муратъ съ сильнымъ отрядомъ янычаръ. Лишь только распоряженія къ битвѣ были окончены, какъ вдругъ со стороны горъ порывисто дунулъ сильный вѣтеръ прямо на войско союзниковъ, такъ что въ одно мгновеніе разорвалъ на полы нѣсколько знаменъ. Это явленіе, при ясномъ и безоблачномъ небѣ, при тихой погодѣ, бывшей за минуту дотолѣ, было истолковано не къ добру. Рассказываютъ также, что утромъ того же дня, когда Владиславъ готовился сѣсть на подведенную ему лошадь, она, всегда послушная и смиренная, вскочила вдругъ на дыбы, стала кружиться, такъ что король съ трудомъ успѣлъ овладѣть ею и утвердиться въ стременахъ. Другое обстоятельство еще болѣе вселило въ сердцахъ окружавшихъ Владислава тревожное суевѣріе: пажъ, подавая королю кольчугу и оружіе, упустилъ на землю шлемъ, который упалъ съ трескомъ, что считалось самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ для воина, отправлявшагося на битву.

Туркамъ не была извѣстна сила и число христіанской рати: это заставляло ихъ медлить и не начинать наступательнаго дѣйствія. Цѣлыхъ три часа стояли неподвижно непріятельскіе ряды другъ противъ друга. Наконецъ отъ турецкой линіи отдѣлился отрядъ въ 6000 всадниковъ и легкой рысью понесся къ правому крылу мадарской линіи, расположенной на небольшой возвышенности, откуда можно было разомъ обозрѣть боевую линію союзниковъ. Прискакавъ на небольшое растояніе отъ мадарскихъ полковъ, Тур-

*) Боевой порядокъ варнскаго сраженія описанъ одинаково у Калимахи, Творча, Длугоша. Вѣрнѣе первыхъ у Длугоша. Изъ византійскихъ историковъ описываютъ эту битву Халкокондилъ (174—180), Дука (124) и Франца (197—200); но описаніе ихъ непослѣдовательно и отрывочно, т. е. они касаются отдѣльныхъ эпизодовъ и то въ краткихъ выраженіяхъ.

ки послали имъ тучу стрѣлъ, какъ бы на вызовъ, но банъ Франко и стоявшій тутъ же за нимъ въ резервѣ, Іоаннъ Арби, не двинулись съ мѣста; когда же отрядъ спустился по отлогости въ долину, тогда банъ далъ знакъ и полки его стремительно понеслись на османскихъ всадниковъ, и въ одно мгновеніе отбросили ихъ къ противоположной возвышенности, примыкавшей къ главнымъ турецкимъ силамъ. Въ то же время появились новые полки Турокъ, но и они были въ свою очередь отброшены неустрашимымъ баномъ. Гуниади, расположивъ союзныя войска въ боевой порядокъ, положилъ главнымъ условіемъ не оставлять ни подъ какимъ видомъ назначенныя имъ позиціи. Уловка выступившаго отряда турецкихъ всадниковъ, который былъ ничто иное, какъ усиленная рекогносцировка, удалась отчасти, потому что отрядъ епископа варадинскаго, Іоанна Арби, увлеченный жаромъ битвы, оставилъ свою позицію и бросился преслѣдовать удалявшася непріятеля. Лишь только Мадяре достигли долины, проскакавъ въ разсыпную не большое пространство отъ своей позиціи, какъ вдругъ наткнулись на развернутый фронтъ всей почти боевой линіи османской рати. Принять сраженіе было бы безумно, и весь отрядъ поспѣшилъ обратно занять оставленную имъ позицію, но мало знакомый съ мѣстностью, Арби былъ притиснутъ къ болоту и едва не погибъ. Это обстоятельство заставило все войско союзниковъ отступить за вагенбургъ, который тотчасъ былъ осажденъ непріателемъ. Здѣсь началась страшная битва, въ которой обѣ стороны сражались съ одинаковою храбростью. Нѣсколько возовъ было уже откинута, и Османы готовились было прорвать линію вагенбурга и врубиться въ самую средину мадарскихъ отрядовъ, какъ король Владиславъ и Гуниади, замѣтившіе издали перевѣсъ, который брали Турки, стремительно ударили имъ въ тылъ съ своими отрядами, и заставили ихъ отступить на двѣ тысячи шаговъ отъ осажденнаго вагенбурга. Въ пылу битвы Владиславъ далъ было приказаніе пуститься слѣдомъ за удаляющимся непріателемъ, но Гуниади остановилъ его при обозѣ. Быстрый взглядъ опытнаго воєводы замѣтилъ движеніе новыхъ османскихъ полковъ, направленныхъ къ правому флангу союзниковъ.

Предусмотрительность Гунади была как нельзя болѣе къ стати. Свѣжій корпусъ Османовъ густою колоной двинулся къ отрядамъ, находившимся подъ предводительствомъ бана Франко и кардинала Чезарини. Здѣсь, казалось, должна была рѣшиться участь битвы. На этомъ пунктѣ развѣвалось священное знамя Венгріи, которое, должно было спасти во что бы ни стало, и къ нему-то устремились полки союзниковъ, окруживъ его сплошною стѣной. Съ обычною стремительностью ударили турецкіе воины на этотъ пунктъ, но Маляре и Поляки, одушевленные примѣромъ короля и Гунади, не утрапились въшестеро многочисленнаго непріятеля, и сражались какъ львы. Три тысячи Османовъ легло въ нѣскольکو минутъ на этомъ мѣстѣ, но въ тоже время свѣжія толпы замѣнили убитыхъ. Смерть или побѣда! было лозунгомъ христіанской рати, и одно это поддерживало въ ней сверхъестественную силу противъ столь многочисленнаго непріятеля. Столь рѣдкая храбрость, при содѣйствіи еще болѣе рѣдкою распорядительності и присутствія духа вождя, увѣнчала полнымъ успѣхомъ необыкновенныя усилія христіанскихъ воиновъ. Въ одно мгновеніе, какъ будто по данному знаку непріятель обратилъ тылъ и спѣшилъ занять оставленную имъ позицію. Съ криками радости бросились Маляре, вмѣстѣ съ королемъ за убѣгавшими Османами, поражая и опрокидывая цѣлыя ихъ ряды. Кровопротіе это приняло бы еще болѣе широкіе размѣры, разстройство турецкихъ полковъ обратилось бы въ окончательное пораженіе ихъ, и, кто знаетъ, быть можетъ блистательный, можно сказать, неожиданный успѣхъ, увѣнчалъ бы усилія союзниковъ, если бы преслѣдователи не наткнулись на ряды верблюдовъ, навьюченныхъ казною султана и его войска. Рассказываютъ, что султанъ, видя побѣгъ своихъ воиновъ, приказалъ немедленно взвалить на верблюдовъ мѣшки съ казною и распороть ихъ такъ, что бы золото и серебро высыпалось наружу и привлекло бы жадность маляро-польскихъ солдатъ. Уловка эта удалась, потому что множество воиновъ, оставивъ преслѣдованіе, бросились подбирать разсыпанныя деньги. Это обстоятельство спасло и большую часть Турокъ, обратившихся въ бѣгство. Многіе изъ нихъ, безъ оглядки поскакали въ ущелія горъ и

давши не большой роздыхъ конямъ своимъ, продолжали дальше путь свой по Фракіи, прибыли въ Адрианополь, гдѣ распространили ложную вѣсть, объ окончательномъ поражениі султана подъ Варной. Ужась объялъ турецкое населеніе этой османской столицы въ Европѣ, такъ что большая часть жителей, собравъ все свои пожитки, готовилась переселиться обратно въ Азію *). Но вскорѣ новыя вѣсти уснокоили устранныхъ османовъ Адрианополя.

Въ то самое время, когда король Владиславъ такъ неустрашимо отбилъ Турокъ отъ вагенбурга и бросился поражать бѣгущихъ, Янъ Гуніади, распоряжаясь на лѣвомъ крылѣ, одержалъ въ свою очередь блистательную побѣду надъ турецкимъ корпусомъ, направленнымъ въ эту сторону. Османская кавалерія понесла страшное пораженіе, такъ что стянуть снова въ ряды ея разсѣянные остатки, было невозможно. Но у Турокъ оставались еще янычаре, расположившіеся въ арьергардѣ арміи, окружая ставку султана Мурата. Они не принимали еще никакого участія въ сраженіи, и въ этомъ то мѣстѣ, которое они занимали, долженствовала окончательно рѣшиться судьба битвы. Въ пылу преслѣдованія король Владиславъ врубился, вмѣстѣ съ немногими изъ окружавшихъ его рыцарей, въ ряды янычаръ, опрокинувъ первыя ихъ шеренги. Къ нему подоспѣлъ также Янъ Гуніади, и испуганная сѣча снова закипѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ султанскаго шатра. Муратъ оторопѣлъ въ это рѣшительное мгновеніе, видя какъ цѣлыя ряды его воиновъ падали подъ страшными ударами христіанъ; онъ уже началъ отчаяваться въ побѣдѣ, и далъ даже приказаніе къ побѣгу. Говорятъ, что онъ самъ рѣшился дать первый примѣръ и ступилъ уже одною ногой въ стремя своей лошади; но беглеръ-бегъ анатолійскій, Караджа, остановилъ его, и чтобы удержать султана на мѣстѣ, схватилъ коня его за узду, и силой удержалъ его. Страшный бой длился съ одинаковымъ

*) По свидѣтельству Длугоша, стр. 351—360. *Non pius sistebant fugam donec pervenerunt Adrianopolim, ubi vulgata sua strage et regis victoria, universa Adrianopolis pavere concussa, qualiter fugeret, qualiterque ex Europa in Natoliam per mare trajeceret, summo conatu spectabat.*

ожесточеніемъ. Сомнительна была побѣда для той или другой стороны; но пока перья на шлемѣ Владислава развѣвались по вѣтру, пока онъ самъ ратовалъ противъ невѣрныхъ въ виду своихъ воиновъ, находившихся ближе къ нему, христіане не теряли надежды искупить блистательной побѣдой надъ Турками тѣ жертвы, которыя они принесли на берега Чернаго моря. Но вдругъ король исчезъ изъ виду. Въ пылу битвы, врубившись, какъ мы видѣли въ первые ряды янычаръ, Владиславъ не могъ пересилить въ себѣ то опьяненіе, понятное однимъ воинамъ, у которыхъ мужество увеличивается вмѣстѣ съ опасностію. Въ сопровожденіи горсти неустрашимыхъ рыцарей, онъ послѣднимъ усиліемъ опрокинулъ толпу янычаръ, защищавшихъ ставку султана и очутился, со всего размаха, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ самаго Мурата. Но въ тоже мгновеніе янычаре густой колонной охватили эту небольшую толпу рыцарей и отрѣзали ее отъ остальныхъ полковъ христіанъ. Глухо разнеслась по рядамъ Мадяръ и Поляковъ зловѣщая молва, что Владиславъ въ плѣну, что онъ даже убитъ! — и мужество ихъ мгновенно поколебалось.

Это несчастное обстоятельство рѣшило исходъ самой битвы. Даже многіе изъ янычаръ, видя иступленное мужество противниковъ, намѣревались искать спасеніе въ бѣгствѣ, но замѣтивъ Владислава, окруженнаго со всѣхъ сторонъ, они съ новымъ остервененіемъ бросились въ битву. Владиславъ не упалъ однакожъ духомъ, и почти одинъ отбивался отъ направшей толпы враговъ. Гуниади издали замѣтилъ эту нестройную свалку; онъ увидѣлъ наконецъ и опасность, какой подвергался король, и плачевныя слѣдствія для войска, для Венгріи, быть можетъ для всего юго-востока, если враги одолѣютъ его. Въ одно мгновеніе онъ проложилъ себѣ дорогу къ Владиславу по опрокинутымъ нестройнымъ рядамъ турецкой рати, издали крикнулъ королю поспѣшить укрыться за Вагенбургъ и тѣмъ спасти себя и оставшихся воиновъ, но было уже поздно; король не могъ или не хотѣлъ оторваться отъ боя, среди котораго онъ ратовалъ съ изумительнымъ торжествомъ, повергая все вокругъ себя на землю. Вдругъ конь его получаетъ ударъ топоромъ по

задней ногѣ, падаетъ на землю, увлекаетъ за собою Владислава среди толпы янычаръ, и голова несчастнаго короля воткнутая на копье, вскорѣ показалась издали окаменѣлымъ отъ ужаса его вопнамъ *). Самъ Гуниади на одно мгновение упалъ духомъ, увидѣвъ окровавленную, блѣдную голову короля, возвышавшуюся на копьѣ. Нужно было, по-крайней-мѣрѣ, спасти тѣло Владислава, но Гуниади, бросившись съ Валахами на выручку этихъ останковъ, былъ увлеченъ бѣгущими за вагенбургъ толпами воиновъ, такъ что и самое тѣло несчастнаго короля осталось на полѣ битвы. Наступившая ночь раздѣлила оба враждебные стана. Турки въ стройномъ порядкѣ заняли свой лагерь, между тѣмъ какъ остатки мадяро-польской рати спѣшили чрезъ горы и лѣса Балкана достигнуть Дуная. Кардиналъ Чезарини былъ одинъ изъ первыхъ, послѣдившій удалиться съ поля битвы. Каллимахи рассказываетъ, что Чезарини былъ найденъ однимъ рыцаремъ, почти нагимъ гдѣ-

*) Каллимахи, Длугошъ, Халкокондила и Франца рассказываютъ почти одинаково это обстоятельство. — *Τὸν ἐπιστάτην πύδα τοῦ ῥιγυδὸς τρέφασί ἀξίτην.* Franza, I. II, Cap. XLX. Онъ называетъ янычара, отрубившаго голову короля *Χαμορζάκι*, у Сеадеддина *Κοδζα-Κυζάρη*. Османскіе писатели, по свидѣтельству Гампера, утверждаютъ что Муратъ съ намѣреніемъ привлекъ Владислава ближе къ своему шатру, чтобы отрѣзать его отъ войска. Нѣкоторые историки хотѣли очернить славу Гуниади, говоря, что онъ оставилъ короля на жертву Туркамъ, а самъ бѣжалъ съ поля битвы; что не самъ онъ бросился спасать Владислава, а послалъ къ нему одного изъ гонцовъ. Но это нареканіе опровергается всѣми другими лѣтописцами, описавшими варискій походъ. Эти клеветы были выдуманы въ XV вѣкѣ. Еней Сильвій (у Прая, *Annales*, p. III, 31) и Длугошъ (*Historia Poloniæ*, I. XII, 803—812), первые записали въ свои лѣтописи эту бессмысленную ложь, которую повторилъ и Гиббонъ. Клевета эта была пущена въ обращеніе и даже публично высказываема во время войны Фридриха III съ Гуниадомъ, бывшимъ, послѣ варискаго погрома, верховнымъ правителемъ Венгріи. Причина, почему Австрія хотѣла очернить Гуниади, весьма понятна. Главная ошибка, какъ мы видѣли, состояла въ томъ, что Владиславъ не послушалъ совѣта Гуниади и увлеченный пыломъ сраженія, оставилъ свою позицію. Яснѣе всего свидѣтельствуется объ этомъ обстоятельстве Халкокондила (I. VII. p. 335—336), который ясно говоритъ, что Владислава окружали люди несправедливше Гуниади — *περὶ δὲ Λαδίσλαου τὸν παύσαν βασιλέα ἦσαν γὰρ ἄνδρες ἐθνοφύται καὶ ἀχθόμενοι τῷ Ἰωάννῃ διὰ τὴν ἀρετὴν*, — которые и понудили его броситься въ битву. Это были Юліанъ Чезарини, и епископы варадскій и эгерскій, внушившіе ему, что если онъ (Владиславъ) хочетъ упрочить за собою славу этой битвы, то долженъ принять въ ней личное участіе. —

то въ лѣсу, израненнымъ, въ сторонѣ отъ большой дороги. Другіе же говорятъ, что онъ былъ избитъ и оставленъ своими же людьми, желавшими овладѣть его богатствами. Рыцарь, къ которому умирающей Цезарини обратился за помощью, оставилъ его безъ вниманія. Длугошъ же говоритъ, что онъ былъ убитъ во время перехода чрезъ Дунай; но вообще смерть его покрыта какою-то таинственностью *).

Остатки союзной арміи долгое время блуждали вдоль по Дунаю, и только не многимъ изъ принимавшихъ участіе въ вариской битвѣ удалось увидѣть снова родную землю. Часть этихъ воиновъ еще дорогой падала отъ истощенія, голода и ранъ, а многіе, не зная пути, вдались южнѣе въ горы, шли на западъ, и попали въ Сербію, Боснію и даже Албанію, гдѣ они распространили печальную вѣсть о варискомъ пораженіи. Многіе изъ нихъ, зашедшіе въ Албанію, какъ свидѣтельствуетъ Барлетти **), радушно были приняты Скандербегомъ, который доставилъ имъ возможность черезъ Рагузу возвратиться въ отечество. Гуніади только въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоѣкъ переправился черезъ Дунай въ Валахію, черезъ два дня послѣ своего пораженія. Онъ сѣлшился въ Венгрію, гдѣ присутствіе его было столь необходимо въ настоящую минуту, потому что страна эта, оставшаяся безъ правителя, легко могла подпасть неурядицамъ. Но воевода Валахіи, издавна питая къ нему ненависть, подстергъ его переправу, схватилъ его и заключилъ въ темницу. Высшее дворянство Венгріи, узнавъ объ этомъ измѣнническомъ поступкѣ недавняго своего союзника, пришло въ сильное негодованіе. Оно отправило въ Валахію особеннаго посла съ тѣмъ, чтобъ объявить воеводѣ: если Гуніади не будетъ тотъ же часъ отпущенъ, то вся, находящаяся подъ рукой армія, состоявшая изъ Мадяръ и Поляковъ, вторгнется въ Валахію, для наказанія вѣроломнаго воеводы. Угроза эта подѣйствовала, и Гуніади былъ отпущенъ. Данъ-дракулъ хотѣлъ даже задобрить своего плѣнника тѣмъ, что поднесъ ему большіе дары и самъ проводилъ его до границъ Трансильваніи.

*) Эти обстоятельства сведены у *Иваниша* (письма Гуніади), помѣщ. въ собраніи Швандтнера, II. р. 18.

**) De vita et gestis Scanderbegi. Francf. 1578.

Трое суток турки не рѣшались выходить изъ своего лагера, думая, что христіане все еще находятся въ засадѣ за вагенбургомъ. Только на третій день они убѣдились въ противномъ, и рѣшились осмотрѣть поле сраженія и его окрестности. Султанъ Муратъ не отважился однако жъ преслѣдовать бѣгущихъ, увидѣвъ, какъ дорого обошлась ему эта побѣда. Болѣе половины его войска, а именно до 30.000 воиновъ покрывало поле битвы. Число христіанъ, павшихъ на этомъ мѣстѣ, и пропавшихъ безъ вѣсти на возвратномъ пути въ Венгрію, не превышало 5,000 человекъ *). Въ числѣ убитыхъ найдены были, Кардиналъ Юліанъ Чезарини, епископы — варадинскій и эрлаускій, Стефанъ Баторій — знаменосецъ Владислава, не отстававшій отъ него ни шагу, и множество другихъ знатныхъ воиновъ Венгрии и Польши **). Голова Владислава, помѣщенная въ сосудъ, и упитанная медомъ, для предохраненія ея отъ порчи, была отправлена въ Брусу, столицу тогдашней азіатской Турціи. Все населеніе этого города вышло на встрѣчу кровавому трофею, который торжественно былъ обнесенъ на копѣѣ по многочисленнымъ улицамъ Брусы. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Владиславъ обезглавленъ, Муратъ приказалъ воздвигнуть небольшой памятникъ и, какъ рассказываютъ, съ надгробной надписью. Ученая Европа въ свою очередь почтила память его латинскимъ четверостишіемъ ***). Владиславу было не болѣе

*) *Длугошъ*, стр. 362 говоритъ, что изъ 20,000 союзной арміи пятая часть осталась на полѣ битвы. *Халкокондила*, стр. 339, ссылаясь на извѣстія турокъ, утверждаетъ, что они потеряли только 6000 в. *ἔπιστον δὲ ἐν ταύτῃ τῇ μάχῃ τοῦρκων μὲν, ὡς αὐτοὶ λέγουσιν, ἀπὲρ τοὺς ἑξακισχιλίους*. Число павшихъ въ варнской битвѣ указано также у *Petro de Reva — De monarchia Regn. Hung.* помѣщенное въ собраніи Швандтнера. т. II. р. 666. Рева приводитъ слова будто бы сказанныя Муратомъ: *Nollem hoc modo sæpius vincere*, — показывающія, что число павшихъ турокъ было довольно значительно.

**) *Multi in paludem et lacunam delapsi mersique, multi late in silvis vepribusque occisi. Callimachus*, р. 518.

***) У *Петра Рева*, стр. 665.

Romulidæ Cannas, ego Varnam clade notavi,

Discite mortales non temerare fidem.

Me nisi Pontifices jussissent rumpere fœdus,

Non ferret Scythicum Pannonis ora jugum.

двадцати лѣтъ отъ роду. По единогласному отзыву современниковъ, онъ былъ высокаго роста, черноволосъ, съ смуглымъ лицомъ и благородной осанкой, отличался ловкостью, силой и храбростью. Много надеждъ подавалъ онъ для соединенныхъ королевствъ Венгріи и Польши, исчезнувшія въ одно мгновеніе отъ его же неосторожности и юношеской запальчивости. Прошли вѣка; мѣста, гдѣ ратовалъ двадцатилѣтній герой Польши, неоднократно обагрялись кровью, но далеко еще не *отомщена смерть Владислава!*

VIII.

Во время краткаго плѣна Гуниади въ Валахіи, Венгрія чуть-было не подверглась самымъ ужаснымъ неурядицамъ и междоусобию. Главное, что занимало всѣ умы королевства, это было томительное ожиданіе турецкаго вторженія, о которомъ носились самые страшные слухи. Всѣ думали, что Муратъ идетъ по слѣдамъ разбитыхъ имъ дружинъ; что онъ уже достигъ Дуная, и народонаселеніе въ Венгріи огромными толпами спѣшило укрыться въ горы и укрѣпленные города. Въ то же время, видя въ какомъ броженіи находится королевство, и пользуясь отсутствіемъ Гуниади, котораго считали погибшимъ, Фридрихъ III, поспѣшнѣе съ своей стороны привести въ исполненіе свои тайные замыслы относительно обладанія Венгріей. Чешскіе кондотьеры Янъ Иска и братъ его Георгъ не прекращали своихъ безчинствъ и грабительствъ въ верхнихъ комитатахъ Венгріи, которые они занимали отъ имени Владислава Постума. Къ тому же

т. е. Римляне прославили Канны своимъ пораженіемъ, Варя же ознаменовалась моею гибелью. Учтите, смертные, не преступать данной клятвы! Если бы папы не заставили меня нарушить условія мира, то край Паннона (т. е. Венгрія) не носилъ бы Скиѣскаго (турецкаго) ига. —

Тамъ же находятся и другіе анекдоты, выдуманые, какъ справедливо замѣчаетъ Цинкейзенъ, — *Geschichte des osmanischen Reiches in Europa*, т. I. — въ послѣдствіи, и между ними тотъ, гдѣ говорится, что Муратъ велѣлъ воткнуть на копье сегедскій трактатъ и выставить у своего шатра, чтобы союзники могли его видѣть, и имѣть передъ собой живоо угрызеніе совѣсти.

присоединилось и другое обстоятельство: начали ходить слухи, что король Владиславъ вовсе не былъ убитъ подъ Варной, но что онъ, избѣгнувъ смерти, тайно пробрался въ Польшу, откуда не замедлитъ прибыть въ Венгрію. Слухи эти были разглашаемы партіей магнатовъ, которые не желали видѣть на престолѣ Постума, находившагося въ то время въ Вѣнѣ, при дворѣ Фридриха. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжали поддерживать эти нелѣпные слухи. Палатинъ Лаврентій Гедервара, вѣрившій имъ, всѣми силами противился созванію сейма, для избранія новаго короля, что еще болѣе запутывало дѣла Венгріи. При этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ явился Гуніади, выпущенный, какъ видѣли изъ валахскаго плѣна.

Между тѣмъ Гедервара, не хотѣвшій вѣрить смерти Владислава, чтобы тѣмъ удалить по возможности Постума, какъ законнаго наслѣдника мадярскаго престола, заперся съ партіей крамольныхъ магнатовъ въ Будѣ. Ясно было видно, къ чему стремилась партія Гедервары: она хотѣла разрушить вѣковое конституціонно-монархическое правленіе Венгріи и ввести аристократическую республику. Не смотря на то, что большая часть бароновъ и богатѣйшихъ магнатовъ королевства съ жаромъ приняли мысль Гедервары, Янъ Гуніади и мелкое дворянство, не могли не утрашиться тѣхъ послѣдствій, которыя повлекла бы за собою эта перемѣна во внутреннемъ правленіи Венгріи. Аристократическая олигархія, возвысившись надъ конституціонными началами, грозила окончательнымъ уничтоженіемъ народной свободы, повела бы къ безконечнымъ распрямъ и усобицамъ всѣхъ сословій, и не замедлила бы сдѣлать Венгрію легкой добычей либо Фридриха, либо Мурата *). Гуніади сообразилъ эти очевидныя опасности, которымъ подвергалось отечество и находя естественное сочувствіе въ мелкомъ дворянствѣ и народѣ, онъ назначилъ съѣздъ въ Буду, гдѣ находился Гедервара съ магнатами. Затворившись въ городѣ, эти послѣд-

*) Всѣ эти обстоятельства подробно разобраны у *Энла Сильвея*, *Epist. LXIII и LXXXI*, а также *Litterae Frederici III*, помѣщенные у *Катоны*, т. XIII. стр. 416.

ніе недопустили въ него Гуиади, который, перейдя Дунай, открылъ съѣздъ въ Пестѣ *). Здѣсь первымъ дѣломъ его было торжественно объявить о несчастной смерти Владислава, а чтобы удалить и тѣнь всякаго сомнѣнія, предложилъ отправить въ Польшу особое посольство къ матери Владислава, королевѣ Софіи, чтобы удостовѣрить собраніе въ истинѣ несчастной судьбы ея сына. Въ ожиданіи отвѣта изъ Польши, приступлено было къ совѣщанію объ избраніи новаго короля на престолъ Венгріи. Съ этой стороны не было никакого затрудненія, потому что все права въ отношеніи новаго избранія были на сторонѣ Владислава Постума, сына Алберта и Елизаветы. Онъ одинъ въ состояніи былъ устранить усобицы, возвратить Венгріи занятые Фридрихомъ отъ его имени города, равно также и тѣ, которые находились въ залогѣ. Призывая Владислава въ Венгрію, сеймъ однимъ ударомъ разрушалъ замыслы сосѣднихъ государей и заговоръ высшей аристократіи. Но Владиславъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы царствовать; ему было не болѣе пяти лѣтъ. Жилъ онъ, какъ извѣстно, у своего опекуна, внѣ отечества, и никто не могъ опредѣлить времени его возвращенія на родину. Необходимо было во все продолженіе времени его отсутствія учредить временное правленіе, и поручить дѣла такому человѣку, который бы могъ строго соблюдать и интересы народа и выгоды наследственныхъ правъ Владислава. Тогда сеймъ предложилъ назначить Яна Гуиади главнымъ правителемъ Венгріи, и поручилъ за тѣмъ Яну Искрѣ, Освальду Росгони, гранскому архіепископу Діонисію и другимъ, отправиться въ Вѣну, и отъ имени народа просить Фридриха отпустить въ Венгрію короля Владислава и возвратить корону св. Стефана.

Занятый внутреннимъ устройствомъ Венгріи, Гуиади не терялъ однакожъ изъ виду главную цѣль, къ которой стремился, а именно, войну съ невѣрными. Увлеченный общаніями западныхъ государей, и понимая недостатокъ собственныхъ силъ, онъ снова обратился къ римскому первосвященнику, котораго вліяніемъ на государей западной Европы

*) Въ троицынъ день 1445 года.

онъ надѣялся воспользоваться, чтобы устроить новый походъ на Османовъ. Съ этой цѣлью отправилъ онъ весной 1445 г. въ Римъ капелана Власія, каноника варадинской церкви, съ надлежащимъ уполномочіемъ, чтобы склонить Евгенія IV къ новому вооруженію Запада *). Но ни просьбы Гуніади, ни убѣдительные доводы его капелана, не могли заставить Евгенія дать какой либо положительный отвѣтъ въ столь важномъ дѣлѣ. Римскій первосвященникъ не въ силахъ былъ возбудить западныя державы къ новому предпріятію противъ Турокъ. Гуніади же, смотря на неудачу этого посольства, не терялъ однакожь надежды. Въ концѣ того же года онъ отправилъ въ Римъ магистра Винкентія съ новыми предложеніями, но результатъ этого вторичнаго посланія былъ одинъ и тотъ же **). Изъ Рима Винкентій уѣхалъ во Францію. Король Карлъ VII, герцогъ Бургундскій, и многіе другіе князья и государи Запада, съ которыми Гуніади списывался, приняли радушно его посланнаго, съ соболѣзнованіемъ выслушали его рассказы о возраставшей власти Османовъ, объ опасностяхъ, угрожавшихъ христіанству и о легкости изгнанія изъ Европы этихъ противниковъ ученія Христа. но кромѣ пустыхъ словъ и выраженій, посланный магистръ ни чего болѣе не вынесъ съ собою въ Венгрію ***). Такимъ образомъ, Гуніади, не смотря на старанія свои возбудить въ западныхъ державахъ сочувствіе къ новому походу противъ Турокъ, принужденъ былъ остаться одинъ лицомъ къ лицу не только съ Турками, но и съ Фридрихомъ австрійскимъ, который готовился уже, подъ предлогомъ защиты законныхъ правъ своего питомца, внести войну въ предѣлы венгерскаго королевства.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Гуніади ни на минуту не прекращалъ военныхъ приготовленій. Спн-

*) Письмо Гуніади къ папѣ Евгенію IV отъ 11 мая 1445 года, начнется рядъ его посланій, помѣщенныхъ у Шанднера *Scriptores rerum Hungaricarum*, подъ заглавіемъ *Epistolarum Johannis de Zrenda D. Gubernatoris et statuum regni Hungariae exaratum volumen*. Собраніе этихъ писемъ обогачено замѣчаніями современника Павла Ивановича. Прѣжнія письма Гуніади затеряны.

***) Второе письмо Гуніади къ папѣ въ ноябрѣ того же года. Ibid.

***) *Sed nihil reportavit*, — говоритъ Иваничъ, — *praeter verba*. Ibid.

сываясь съ Римомъ и западными государями, находясь въ сношеніяхъ съ вѣнскимъ дворомъ по случаю призванія въ Венгрію Постума, онъ успѣлъ также предпринять походъ и въ Влахію, куда звало его желаніе не столько наказать вѣроломство господаря за кратковременный плѣнъ, которому подвергся, возвращаясь изъ подъ Варны, сколько для того, чтобы изгнаніемъ Дана-драгула и назначеніемъ въ господари Дана IV (1446), подготовить себѣ вѣрнаго союзника къ будущему походу противъ Турокъ *).

Посланные отъ пестскаго съѣзда прибыли между тѣмъ къ Фридриху и застали его среди военныхъ пригстовленій противъ Венгріи, гдѣ онъ хотѣлъ силою оружія водворить своего питомца. Фридрихъ обрадовался, или показалъ видъ радости, когда посланные представились ему и изложили цѣль, для которой они прибыли въ Вѣну. Но лишь только они объявили ему желаніе народа отпустить съ ними молодаго Постума, какъ Фридрихъ сдѣлался менѣе сговорчивъ и всячески старался избѣжать прямого отвѣта. Настойчивое требованіе пословъ заставило Фридриха объясниться: онъ силился доказать имъ, что молодой Владиславъ, имѣя не болѣе пяти лѣтъ отъ роду, можетъ легко подвергнуться какому либо несчастію, и что онъ, Фридрихъ, какъ руководитель и воспитатель юнаго принца, избранный самою Елизаветою, не можетъ рѣшиться удалить отъ себя своего питомца. Поэтому онъ предлагалъ, до совершеннолѣтія Постума, самого себя въ правители Венгріи. Чтò же касается короны св. Стефана, то Мадыре не имѣютъ въ ней болѣе никакой надобности, потому что Постумъ уже вѣнчанъ на царство, ѿ корона, — какъ добавилъ онъ, — ни къ чему болѣе служить не можетъ. Переговоры нѣсколько разъ начинались, и всякій разъ Фридрихъ умѣлъ ловко увертываться и не давать обстоятельнаго отвѣта. Очевидно было, что онъ

*) *Д. Лушошъ* и *Эней Сильвій* (въ собр. Катонъ, стр. 449 и 452), говорятъ, что въ 1445 г. Гунади былъ также въ походѣ противъ Турокъ и имѣлъ съ ними дѣло на Дунаѣ и Саввѣ; что ему удалось даже отнять у нихъ нѣсколько крѣпостей; но этотъ выдуманный походъ достаточно опровергнутъ тутъ же самимъ Катонъ.

не хотѣлъ ничего уступить, и когда посланные, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшились прервать съ нимъ сношенія, тогда Фридрихъ на прощаньи предложилъ имъ сообщить сейму, во-первыхъ, чтобы законность вѣнчанія Постума была подтверждена особымъ декретомъ, чтобы корона Венгріи хранилась бы въ Австріи, и чтобы Пресбургъ уступленъ былъ Фридриху, гдѣ.этотъ послѣдній имѣлъ намѣреніе воспитывать Постума до его совершеннолѣтія. Съ этимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ посланные вернулись въ Венгрію, гдѣ готовился общій, генеральный съѣздъ штатовъ и народа, чтобы уладить дѣло съ Австріей. Предположеніе, сдѣланное на пестскомъ съѣздѣ относительно назначенія правителя Венгріи, должноствовало быть первымъ вопросомъ будущаго сейма, на который съѣзжались всѣ штаты королевства.

Мадярскіе штаты съѣхались на обширную долину Ракоса, возлѣ Песта, гдѣ обыкновенно и издревле происходили генеральные сеймы Венгріи, по самымъ важнымъ дѣламъ королевства. День 5 іюня 1446 г. назначенъ былъ для открытія совѣщаній. Верхомъ на коняхъ, во всеоружіи, облитые блестящими лучами солнца, подъ открытымъ и яснымъ небомъ собрались со всѣхъ комитатовъ толпы Мадяръ, и тѣснясь вокругъ мѣста, гдѣ происходило совѣщаніе, представляли собою величественную и шумную картину. Вся внутренняя жизнь Венгріи хлынула въ долину Ракоса. Когда посланные къ Фридриху III первые открыли совѣщаніе, и представили сейму отвѣтъ императора, Штаты единогласно отвергли подчиниться его власти, но не желая еще дѣйствовать противъ него силою оружія, они снова объявили Постума *избраннымъ и наслѣдственнымъ* своимъ королемъ; — *electi-nati* *), и въ ожиданіи его возвращенія въ Венгрію, положили избрать *правителя*, который бы управлялъ дѣлами королевства во все время его отсутствія. Но прежде чѣмъ приступлено было къ избранію такого лица, сеймъ озаботился съ точностію он-

*) Во всѣхъ грамотахъ, дипломахъ, приказахъ, изданныхъ въ эпоху Гуніадскаго намѣстничества, Постумъ вездѣ названъ *Electus-natus*. Въ этихъ двухъ словахъ выраженъ весь духъ мадырской конституціи, въ которой происхожденіе и права династіиныя уступали мѣсто свободному избранію.

редѣлить кругъ его дѣйствій на новомъ правительственномъ поприщѣ.

Власть правителя, съ нѣкоторыми только ограниченіями, равнялась власти конституціоннаго короля Венгріи. Ограниченія эти состояли въ томъ, что онъ, безъ предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ не могъ объявлять войны, не могъ заключать мира и утверждать трактаты. Равнымъ образомъ, безъ согласія сейма, не былъ онъ въ правѣ назначать кого-бы то нибыло на высшія церковныя и гражданскія должности. Право публичныхъ наградъ и дарственности (*donatio*) было также ограничено. Всѣ дарственные записи, выданныя правителемъ во время его управленія, чтобы имѣть силу и въ будущемъ, долженствовали быть подтверждены Владиславомъ, лишь только онъ займетъ престолъ Венгріи *). Но въ случаѣ военнаго вторженія, внутреннихъ смуть, или войны, власть правителя становилась по возможности неограниченною, и то только въ кругѣ военныхъ его распоряженій. Опредѣливъ такимъ образомъ кругъ дѣйствій этого высшаго административнаго поста Венгріи, сеймъ приступилъ къ избранію и самого правителя. Янь Гуниади, воевода Трансильваніи и главнокомандующій венгерской арміей былъ избранъ единогласно на этотъ постъ. Общее довѣріе къ нему было столь велико, что ни одинъ голосъ не возвысился противъ его избранія. Сеймъ вручилъ ему затѣмъ принадлежннсти и знаки его новой должности, какъ-то: государственныя печати, грамоту на завѣдываніе крѣпостями, и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнилъ ему въ главнѣйшую обязанность всѣми силами стараться освободить Владислава Постума изъ-подъ опеки Фридриха и возвратить его родинѣ.

Рѣшеніе сейма на Ракошѣ относительно избранія въ правителя Яна Гуниади, было принято мадарскою націей съ особенной радостію. Вся Венгрія, говоритъ Турочъ, торжествовала это избраніе нѣсколько дней сряду, и тѣмъ болѣе радовалась она, что новый правитель, лишь только вступилъ

*) Форма титула Гуниади, какъ верховнаго правителя Венгріи была слѣдующая: *Nos, Johannes de Hunyad, nomine et in persona inclitj domini Ladislai electi-nati quondam domini Alberti regis Hungariae ejusdem regni gubernator.*

въ свои обязанности, какъ тотъ часъ отозвался на всеобщее желаніе народа, объявленіемъ войны Фридриху III. Гуніади въ разосланныхъ грамотахъ призывалъ также и жителей Вѣны принять участіе въ освобожденіи Владислава Постума, насильно удерживаемаго его родственникомъ, который видимо старался присвоить себѣ его права. Трусливый, но лукавый Фридрихъ, видя какой оборотъ приняло это дѣло, старался въ посланіи, къ мадарскимъ штатамъ, очернить Яна Гуніади. Но это не помогло, и онъ обратился съ тою же жалобой къ папѣ. Гуніади поспѣшилъ представить римскому первосвященнику все дѣло, прося его быть безпристрастнымъ судьей между имъ и Фридрихомъ. Онъ одинъ коужъ не удовольствовался этимъ, и отиравилъ всѣмъ сосѣднимъ государямъ, въ томъ числѣ и венеціанскому джу, окружныя посланія, въ которыхъ, не скрывая истины, выставилъ всѣ честолюбивыя происки Фридриха относительно свободныхъ правъ Венгріи *). Окончивъ эти дипломатическія сношенія, Гуніади выступилъ въ походъ съ десяти тысячною арміей, и не смотря на приближеніе зимы, быстро прошелъ Карніолію, Каринтію и Штирію и явился подъ стѣнами Вѣны. Жители этого города, къ которымъ Гуніади обращался съ просьбою содѣйствовать ему въ освобожденіи Постума, старались подъ разными предлогами проволочить только время, не давая ему никакого рѣшительнаго отвѣта. Между тѣмъ наступила зима, и не смотря на позднее время года, Мадяре все-таки смѣли осадить Нейштатъ, гдѣ находился Фридрихъ. Императоръ напрасно звалъ къ себѣ на помощь дружины своихъ областей; къ нему явилось самое незначительное войско, такъ что, осажденный Мадярами, онъ заперся въ Нейштатѣ, не отваживаясь встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ. Гуніади по случаю зимняго времени не рѣшался вести правильную осаду города. Опустошивъ его окрестности, онъ возвратился въ Венгрію съ огромною добычей, имѣя въ виду предпринять болѣе удачный походъ будущей

*) Любопытныя подробности этихъ сношеній изложены у Прая, *Annales*. III, p. 46—50.

весной *). Фридрихъ, боясь возвращенія Гуниади, обратился снова въ Римъ, прося папу быть посредникомъ между имъ и мадарскимъ сеймомъ. Гуниади, желая также уладить это разногласіе путемъ мира, созвалъ въ первыхъ числахъ Января 1447 года всѣ штаты Венгріи, которые положили снова отправить въ Вѣну для переговоровъ знатнѣйшихъ духовныхъ особъ королевства. Были избраны епископы Діонисій и Августинъ, первый Грана, другой Гейера, палатинъ Гедервара, банъ Славоніи Владиславъ Гара, и воевода Трансильваніи Николай Уйлакп. Собравшись снова въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ уполномоченными Фридриха, они тотчасъ начали переговоры. Но проходили дни и недѣли, а совѣщанія не привели ни къ чему положительному. Видя уклончивость Австрійцевъ, мадарская патура гуниадовыхъ послѣвъ не выдержала, и полагая болѣе надежды на сабли своихъ воиновъ, чѣмъ на діалектику Нѣмцевъ, они внезапно прервали всѣ сношенія съ ними и вернулись въ Венгрію. Новый походъ казался неминуемъ, но былъ вдругъ остановленъ письмами папы Николая V, полученными въ одно время и Фридрихомъ III и Яномъ Гуниади. Папа принималъ на себя помирить враждовавшія стороны, и 1-го Юня 1447 года тѣ же лица, которые вели переговоры въ Вѣнѣ, собрались снова въ Ракерсбургъ.

Здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ уступокъ, сдѣланныхъ Фридриху, рѣшено было, чтобы Владиславъ Постумъ до совершеннолѣтія оставался бы при дворѣ своего опекуна, а Янъ Гуниади на все это время признавался правителемъ Венгріи. Устраненіе дальнѣйшей войны съ Фридрихомъ было необходимо. Оно давало возможность Мадярамъ приготовить себя для другой борьбы, которая со дня на день грозила имъ со стороны востока, гдѣ варнское пораженіе легко могло привлечь Османовъ снова въ Венгрію.

*) *Pray* p. III. pag. 50—54 и *Bonfini*. decad. III. p. 476, рассказываютъ этотъ походъ со всѣми подробностями.

IX.

Успокоенный, хотя на нѣкоторое время, со стороны Австріи, Гуниади сосредоточилъ все свое вниманіе на Османахъ. Онъ хорошо понималъ, что если Муратъ и не воспользовался на первыхъ порахъ послѣ пораженія христіанъ подъ Варной, ихъ беспорядочнымъ бѣгствомъ, чтобы ударить имъ въ слѣдъ, но узнавъ о внутреннемъ состояніи Венгріи, объ усобицахъ и несогласіяхъ магнатовъ, и о томъ безучастіи, въ какомъ оставили эту страну западные государи, султанъ не замедлилъ бы вывести за Дунай свои многочисленныя полчища, съ которыми трудно было бы Мадырамъ справиться. Гуниади спѣшилъ предупредить вторженіе, тѣмъ болѣе, что возмутившіеся подъ предводительствомъ Скандербега, Албанцы могли заставить силы Османовъ раздвоиться, и тѣмъ облегчить предпріятіе мадырскаго предводителя.

Въ то же время онъ не прекращалъ своихъ сношеній и съ западными державами; но дипломатическія его посланія не производили никакого впечатлѣнія ни во Франціи, ни въ Италиі, ни въ Германіи. Одинъ только папа Николай V въ особой грамотѣ пожаловалъ Гуниади титулъ *князя священной Имперіи*, и вмѣстѣ съ дипломомъ на это достоинство, прислалъ ему золотую цѣпь съ изображеніемъ на ней спасителя. Гуниади возвратилъ ему дипломъ княжескій, не признавая себя достойнымъ столь высокой степени, а цѣпь пожертвовалъ Фегерварскому храму въ Трансильваніи *).

Походъ былъ назначенъ лѣтомъ 1448 года. Войско, выведенное Гуниади изъ Венгріи, состояло, по однимъ показаніямъ изъ 24,000, по другимъ изъ 40,000 пѣхоты и 7,000 всадниковъ. Союзникъ Гуниади, господарь валахскій, Данъ, выставилъ 8,000 воиновъ, и кромѣ того въ мадырскомъ войскѣ находилось до 2,000 нѣмецкихъ и чешскихъ наемниковъ.

*) *Телеки*, т. III. Гуниади писалъ папѣ: я не просилъ о почестяхъ, но о помощи противъ непріятеля. Жду эту помощь, чтобы сдѣлаться достойнымъ возвыситься на степенъ князи.

Какъ обыкновенно, огромный вагенбургъ, состоявшій изъ 2,000 возовъ, слѣдовалъ за мадарскимъ войскомъ, и на каждомъ возѣ находились по два артиллериста съ огнестрѣльнымъ оружіемъ *). Это отборное войско, многосленнѣе и лучше вооруженное нежели то, которое мы видѣли подъ Варной, не было однакожъ достаточнымъ для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ огромнымъ массамъ, которыя могли выступить по одному мановенію турецкаго султана. Но воспоминаніе о томъ, какъ дорого досталась Османамъ побѣда ихъ подъ Варной, равно также и о блестящемъ успѣхѣ Мадаръ въ походѣ 1443 г., а также отсутствіе большей части турецкаго войска, занятаго въ то время войной противъ Скандербега, въ глубинѣ Албаніи, заставили Гуніади немедленно выступить въ походъ. Въ концѣ сентября онъ двинулъ войско къ Дунаю двумя путями, и перешолъ его не вдалекѣ отъ трояновыхъ воротъ, пониже впаденія рѣки Моравы.

Расчитывая на помощь Бранковича, Гуніади при переходѣ въ сербскія земли послалъ къ нему гонца съ приглашеніемъ соединиться съ нимъ, и условиться о планѣ войны, въ успѣхѣ которой онъ несомнѣвался. Но Бранковичъ давно измѣнилъ свои мысли въ отношеніи союза съ Венгріей. Утвердясь вторично въ сербскихъ владѣніяхъ, не желая возбуждать противъ себя гнѣвъ султана, онъ рѣшительно отказался содѣйствовать Гуніади въ новомъ его походѣ на Турокъ. Отказъ Бранковича заставилъ предводителя Мадаръ вести себя въ Сербіи, какъ въ непріятельской землѣ, за что съ своей стороны Бранковичъ отправилъ гонца сообщить Мурату о вторженіи Мадаръ чрезъ Дунай. Впрочемъ не одно желаніе сохранить вѣрность Туркамъ руководило въ этомъ случаѣ Бранковичемъ: его вызвали на новую измѣну, личныя непріязненные отношенія къ Гуніади, бывшія слѣд-

*) *Турочи* р. 261 подробно описываетъ составъ мадарской рати, съ поименованіемъ отдѣльныхъ предводителей отрядовъ. Что же касается вагенбурга, то объ немъ находимъ очень любопытныя извѣстія у *Халкокондила*. р. 356, съ поименованіемъ рода оружія. На каждомъ возѣ, говоритъ онъ, помѣщались одинъ *παλαστής* — сѣкироносецъ и *τληβολιστής* — пицальникъ, и по одному орудію, называвшемуся *ζαροβάτανος*, — зароватанасъ!

ствіемъ, какъ мы выше видѣли, лишенія дарованныхъ ему помѣстій въ Венгріи. Потомокъ его, историкъ Бранковичъ, по приведенной выпискѣ Раича *), оправдываетъ своего предка тѣмъ, что онъ не желалъ быть подъ командою Гуніади, потому что онъ, Бранковичъ, «Муссійскій Деспотъ съ Кралемъ единоравный степень имущъ и царскаго рода лозу съ собою влекущъ;» — но это оправданіе — чистая натяжка, и гораздо вѣроятнѣе приведенное выше объясненіе его дѣйствій. Кромѣ того, посылая Мурату гонца за гонцомъ, Бранковичъ извѣщалъ его не только о движеніи Маляръ, о числѣ ихъ войска, но сообщилъ ему и планъ дѣйствій. посредствомъ котораго султанъ могъ бы разбить Гуніади и отбросить ему путь къ отступленію.

Всѣми свои Бранковичъ пересылалъ къ Мурату въ Адрианополь откуда султанъ вызвалъ всѣ свои войска находившіеся не только въ Европѣ, но и въ Азіи. Сборнымъ мѣстомъ назначена была Софія, куда ежедневно прибывали новыя толпы воиновъ, даже изъ отдаленнаго Карамана. На генеральномъ смотрѣ оказалось, что Муратъ могъ располагать отъ 150 до 200 тысячъ воиновъ, и не теряя времени повелъ ихъ чрезъ Радоміръ и Враню на-встрѣчу Маляръ, которые съ своей стороны, спѣшили къ Косову полю, куда, какъ свидѣтельствуемъ Халкокондилъ, имѣлъ прибыть также и Скандербегъ съ своими Албанцами **). Непрительскія войска почти въ одно и тоже время сошлись на-Косовѣ, и 17 го октября 1448 года, они увидѣли другъ друга черезъ Ситницу, раздѣляющую на двое это роковое поле, на которомъ шестьдесятъ передъ тѣмъ лѣтъ подъ саблями тѣхъ же Османовъ легли послѣдніе бойцы сербской независимости.

Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ ***) слѣдующимъ образомъ описываетъ это поле, на которомъ не разъ сходились непрительскія войска и въ эпоху христіанской Ви-

*) Исторія разн. Словен. Народовъ, Въ Будимѣ, 1823, ч. III. стр. 205—206.

**) *Πραβεσάμιμος δὲ ἐπὶ Σκάνδερν τε καὶ Ἀριανίτην.* Chalc. p. 257. Объ этомъ сношеніи Гуніади съ Скандербегомъ упоминаетъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ Халкокондила.

***) *А. Ф. Гильфердингъ*, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. С. Петербургъ, 1859. стр. 230.

зантіи и во время первых турецких завоеваній. «Отъ Неродимля начинается Косово поле и тянется 14 часовъ пути (около 70 верстъ) до Митровицы, крайней на югозападъ точки боснійскаго пашалыка. Ширина его не ровная, но ни гдѣ, кажется не болѣе пяти или шести часовъ. Это большой параллелограммъ, лежащій между Македонією и Боснією, и заслоненный отъ первой на юго-востокъ высокимъ хребтомъ Любетнемъ, вершина котораго, Круглица, покрыта снѣгомъ среди лѣта, а отъ второй, на сѣверо-западъ хребтомъ Рогозномъ; съ обѣихъ сторонъ ведутъ къ нему ущелья: съ юго-востока со стороны Македоніи, весьма узкое, Качаникъ, прорытое рѣчкою Лепенцемъ, притокомъ Вардара, нѣсколько болѣе широкое, но рѣчкѣ Баньской съ сѣверо-запада, со стороны Босніи. Боковыя грани параллелограмма, сѣверная и южная не такъ ясно обозначена природою. По всей дорогѣ отъ Неродимля до Митровицы вы видите съ права и съ лѣва рядъ высотъ, то довольно большихъ и крутыхъ (особенно съ сѣверной стороны), то не значительныхъ и отлогихъ. Между ними выдается только довольно большая гора Голешъ: она стоитъ почти на срединѣ южной гряды, ограждающей Косово поле. Южная гряда эта отдѣляетъ поле отъ Подримья и Метохиі, сѣверная отъ новобродскаго края. — Одинъ взглядъ на положеніе Косова поля показываетъ, что на немъ должны сталкиваться войска сѣверо-западныхъ областей залунайскаго полуострова, сходящія съ горныхъ пространствъ Сербіи и Босніи, съ войсками выступавшими изъ юго-восточныхъ областей этого полуострова, изъ Фракіи, Македоніи, Фессаліи. И сколько, разъ лилась здѣсь кровь! она лилась въ 1073 г. когда Косово-поле еще причислялось къ землѣ болгарской, и когда Сербы одержали подъ Приштиною великую побѣду надъ Греками и ихъ болгарскими союзниками; около 1170 г. когда основатель сербскаго единодержавія, Неманя, отстоялъ, въ битвѣ на Ситницѣ, подъ Звѣчаномъ, это единодержавіе противъ своихъ братьевъ и помогавшихъ имъ Грековъ и наемныхъ Франковъ и Турокъ; въ 1389 году, когда сербское царство пало на Косовѣ; въ 1403 г., когда Стефанъ, сынъ павшаго на Косовѣ царя Лазаря, почти на томъ

же мѣстѣ, гдѣ погибъ его отецъ (близъ Грачаницы), одержалъ великую побѣду, къ несчастію почти безплодную, надъ султаномъ Мусою, внукомъ того Мурата, котораго послѣднимъ предсмертнымъ приказаніемъ было обезглавить отца стефанова; въ 1448 году, когда три дня съ ряду герой Гуниади бился на Ситницѣ и потерпѣлъ страшное пораженіе.» Во всѣ три великіе похода на Дунай, Гуниади рассчитывалъ на союзниковъ туземцевъ и вотъ почему во всѣ три раза мѣнялъ свои направленія. Въ первый разъ, сплывая прорваться во Фракію чрезъ трояновъ хребетъ, онъ главную надежду свою полагалъ на Георга Бранковича и на христіанскихъ жителей Болгаріи. Предпринявъ за тѣмъ походъ подъ Варну, Гуниади имѣлъ въ виду помощь Византіи и морскую силу Гондоліери. Направясь теперь чрезъ Косово-поле, онъ надѣялся на сильную диверсію со стороны Албаніи, равно также и на помощь Георга Бранковича. Но увидѣвъ ясно, что деспотъ не только-что небылъ намѣренъ поддержать его въ этой новой войнѣ съ Турками, но явно измѣнилъ ему, увѣдомивъ, какъ сказано выше, Мурата, о его вторженіи, Гуниади, несмотря на малочисленность своего войска, рѣшился дѣйствовать одинъ и безстрашно началъ готовиться къ бою.

Войско Османовъ расположено было точно въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ распредѣлилъ его Муратъ I, когда шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ на томъ же мѣстѣ разбилъ сербскаго царя Лазаря и его союзниковъ. Въ центрѣ находился самъ султанъ Муратъ съ янычарами. На лѣвомъ флангѣ стояли азіатскія дружины, на правомъ полки европейскихъ областей Турокъ. Мадярская же рать по болѣе достоверному разсказу Халкокондила расположена была соотвѣтственно турецкой т. е. центръ ея былъ занятъ Гуниади съ полками Эрделии или Трансильваніи и съ частію мадарскихъ всадниковъ, которыхъ греческій историкъ называетъ витязями — *βιτιζίδες*. — Правое крыло занимали полки подъ начальствомъ племянниковъ Гуниади *) и прочихъ магнатовъ,

*) *Chalcocond. De rebus turc. p. 358 seqq.* τὸ μὲν δεξιὸν αὐτοῦ εἶχον οἱ Πηδονοὶ ἄρχοντες καὶ σκελεπτοὺς αὐτοῦ. Приводитъ также и ихъ имена, но они такъ искажены греческимъ правописаніемъ, что ничего мадарскаго ниже румынскаго нельзя въ нихъ узнать.

а лѣвое поручено было воеводѣ валахскому Дану, который привелъ на Кассово, какъ сказано, восемь тысячъ Румыновъ. Растянувъ такимъ образомъ свою линію въ параллель съ войсками Турокъ, Гувіади имѣлъ въ виду скрыть малочисленность своихъ силъ, раздробивъ ихъ на тридцать восемь отдѣльныхъ полковъ, такъ что они составляли съ виду одну линію. Но масса ея была слаба и отъ опытнаго глаза не могли укрыться рѣдкія ея шеренги.

Еще до начала общей схватки, т. е. въ 17 день октября изъ рядовъ мадарскихъ, говоритъ Халкокондиль, отдѣлился витязь и подѣхавъ къ рядамъ мусульманъ, сталъ вызывать охотника помѣряться съ нимъ силой. Вызовъ былъ принятъ однимъ малоазійскимъ Туркомъ, который посидѣвши вступить въ единоборство съ мадаромъ. Съ первыхъ ударовъ видно было, что оба они равной силы и храбрости. Возобновивъ нападеніе, христіанскому витязю удалось сильнымъ ударомъ ссадить Турка съ сѣдла, но въ то же мгновеніе лошадь Мадяра упала и увлекла съ собою всадника. Бойцы спѣшившись стали продолжать единоборство въ виду обѣихъ ратей, которое впрочемъ кончилось ничѣмъ. Начались было нѣсколько частныхъ стычекъ, но день склонился къ вечеру и оба войска отступили къ своимъ окопамъ въ ожиданіи слѣдующаго дня. Съ восходомъ солнца, въ день апостола Луки, праздуемый нашей и католической церковью 18 октября, султанъ Муратъ велѣлъ двинуть къ расположеннымъ уже въ боевой порядокъ Мадярамъ лѣвое крыло всей рати. Османы густою массой пошли на христіанскія дружины и, подойдя къ нимъ на растояніе полета стрѣлы, пустились бѣгомъ къ двинувшимся имъ на-встрѣчу при звукѣ трубъ и литавровъ Мадярамъ. Съча закипѣла; оба непріятельскія войска словно испугленные ринулись другъ на друга. Современники говорятъ, что въ этой первой схваткѣ, въ которой приходилось сражаться одинъ на одинъ, такъ какъ Османы употребили въ дѣло только часть своего войска, эти послѣдніе въ нѣсколько часовъ потеряли уже до 15,000 человекъ. Сильнѣе закипѣлъ бой къ полудню. Стремительный натискъ Мадяръ заставилъ Османовъ отступить къ своимъ окопамъ и, казалось, что счастье уже начинаетъ

улыбаться христіанамъ. Но въ это мгновеніе янычаре выступили на подкрѣпленіе спагівѣвъ и Мадяре въ свою очередь вынуждены отступить. Гуніади съ дружиной своихъ *витязей* употребилъ неимовѣрныя усилія поддержать порядокъ въ рядахъ малярскихъ и примѣръ его, в одушививъ воиновъ, удвоилъ ихъ мужество. Битва продолжалась до поздняго вечера, и читая современныя сказанія объ этомъ днѣ, въ который пятеро Османовъ приходилсъ на одного Мадяра, можно сказать, что вся сила боя была исключительно сосредоточена на Янѣ Гуніади. Ночь раздѣлила снова воюющихъ, но удалившись за свои окопы, воины до разсвѣта оставались съ оружіемъ въ рукахъ, потому что тяжелая артилерія не умолкала съ обѣихъ сторонъ, а часть турецкой конницы, пыталась прорваться въ малярскій лагерь, но была съ большимъ урономъ отброшена Яномъ Гуніади за османскіе окопы *).

Наступило слѣдующее утро, 19 октября, день Іоанна Рыльскаго. Съ самаго разсвѣта 40,000 Османовъ, непринимавшихъ на канунѣ участія въ битвѣ, одни могли уже обезпечить султану побѣду надъ усталыми, выбившимися изъ силъ Мадярами. Но Гуніади, пока еще была въ немъ надежда побѣдить, и не думалъ оставлять поля сраженія. Станувъ въ густую колонну часть своихъ полковъ, онъ стремительно бросился на-встрѣчу вновь выступившему свѣжему корпусу Азіатцевъ, и успѣлъ опрокинуть первые ихъ ряды. Муратъ, замѣтивъ минутное преимущество Мадяръ, выслалъ къ азіатскому корпусу часть европейскіхъ дружинъ, которыя, обойдя Мадяръ, ударили на нихъ съ тылу. Прорванные ряды христіанъ смѣшались. Усилія Гуніади возстановить порядокъ оказались бесполезными. Къ довершенію несчастія въ это мгновеніе совершилась самая гнусная измѣна, покрывшая вѣчнымъ стыдомъ румынское оружіе на Коссовѣ: воевода Данъ, снявшись съ своей позиціи, перешелъ съ Валахами къ Мурату. Но на этотъ разъ предатель дурно разчиталъ послѣдствія своей измѣны. Еще въ началѣ битвы этого дня, когда уже было ясно видно, что Гу-

*) Объ этой ночной схваткѣ рассказываетъ одинъ Халкокондиль. стр. 368.

иади проиграеть сраженіе, Данъ тайно послалъ сказать Мурату, что онъ готовится перейти на его сторону *). Онъ думалъ избѣжать такимъ образомъ мести Мурата, который не замедлил бы наказать его соучастіе въ битвѣ противъ него. При приближеніи Валаховъ, Муратъ приказалъ рядамъ янычаръ раздвинуться и окружить отрядъ ихъ. Валахи въ знакъ своей покорности, сложили оружіе, и тогда говоритъ греческій историкъ, началась страшная, безпощадная рѣзня измѣнниковъ. Муратъ приказалъ беглербегу румынскому съ двадцати пяти тысячнымъ отрядомъ исполнить это кровавое порученіе, и возвративъ Румынамъ сначала ихъ оружіе, для того, чтобы его неосудили въ убійствѣ беззащитныхъ, велѣлъ ихъ рубить. Такимъ образомъ они всѣ до одного легли жертвою своего гнуснаго поступка. Остатки мадярскаго войска издали смотрѣли на это кровавое побоище. Большая часть ихъ спѣшила уже въ горы и лѣса по направлению къ Сербіи, гдѣ новая измѣна деспота Бранковича сторожила ихъ на ихъ обратномъ пути къ Дунаю. Гуиади, съ трудомъ достигнувъ вагенбурга, пытался было еще съ немногими оставшимися при немъ воинами удержать напоръ янычаръ, но выдвинутыя Османами пушки разметали и это послѣднее убѣжище горсти храбрецовъ, которые принуждены были также искать спасеніе въ бѣгствѣ. Такимъ образомъ кончился трехдневный бой Гуиади съ Турками на Коссовѣ. Сорокъ тысячъ Османовъ и семнадцать тысячъ Мадяръ покрывали поле битвы. Между убитыми находилась большая часть предводителей отдѣльныхъ дружинъ, въ числѣ которыхъ былъ и банъ Далмаціи и Кроаціи, Франко Талочъ, котораго мы видѣли уже въ битвѣ подъ Варной; воевода Трансильваніи, Емерикъ Пельзевчъ и братъ его Владиславъ; затѣмъ Бенедиктъ Лозончъ, Тома Цехъ, братъ кардинала Діонисія, были также убиты. Большая часть мадярской молодежи знатныхъ родовъ Венгріи осталась на Коссовѣ. Но

*) Слѣдуетъ разсказу Халкокондида, самому подробному и достовѣрному объ этой битвѣ. Многие факты, упоминаемые византійскими историками, увушены и Турочемъ и даже самимъ Гуиади въ его письмахъ. Разсказъ Халкокондида о битвѣ на Коссовѣ, изложенъ имъ на 22 страницахъ (355—377) *De rebus Turcicis*. ed. Bonnæ, 1348.

весьма не многіе изъ спасшихся бѣгствомъ черезъ Сербію могли достигнуть Венгріи. Бранковичъ, какъ мы сказали выше, сторожилъ ихъ на пути и большую часть изъ нихъ лишилъ жизни. Онъ мстилъ имъ за своеволие съ жителями его княжества. Онъ мстилъ имъ и за старые счеты, какіе имѣлъ съ самимъ предводителемъ Мадяръ, котораго почиталъ врагомъ своихъ личныхъ интересовъ, заключавшихся въ его имѣніяхъ въ Венгріи, вымѣненныхъ имъ за Бѣлградъ.

Путь Яна Гуниади въ Венгрію былъ въ высшей степени неудаченъ. Когда Янъ увидѣлъ, что послѣдніе бойцы его частію разбѣяны, частію грудами лежатъ вокругъ него, когда первые толпы янычаръ, прорвавъ цѣнь вагенбурга, бросились добывать оставшихся Мадяръ, Гуниади, вскочивъ на коня, пустился въ свою очередь по направленію къ сербской границѣ. Къ вечеру того же дня онъ пріѣхалъ въ Звѣчанъ, но обезоруженный, усталый, почти одинъ спѣшилъ войти въ предѣлы Георга Бранковича, потому что Звѣчанъ принадлежалъ Туркамъ *). Продолжая свой путь, онъ вдругъ наткнулся на небольшую толпу турецкихъ мародеровъ. Избѣжать ихъ встрѣчи было почти невозможно, прорваться сквозь нихъ безъ оружія, — безумно. Гуниади, оставивъ коня, хотѣлъ укрыться въ чашу лѣса, но не успѣвъ добѣжать, спрятался въ тростникѣ. Черезъ нѣсколько времени двое Турокъ, проходя мимо этого мѣста, замѣтили его, и принявъ его за простаго христіанскаго воина, готовились или взять его въ плѣнъ, или убить. Къ счастью Гуниади имѣлъ на груди золотую цѣнь: онъ бросилъ ее Туркамъ, и когда они начали за нее спорить, Гуниади улучивъ минуту, выхватилъ у одного изъ нихъ саблю, ловкимъ ударомъ повалилъ его замертво на землю и обратилъ другаго его товарища въ бѣгство. Избѣжавъ этой опасности, Гуниади продолжалъ одинъ путь свой по направленію къ Дунаю. Почти цѣлый день блуж-

*) Городъ Звѣчанъ лежалъ на вершинѣ горы не вдалекѣ отъ Митровицы, въ сѣверной сторонѣ Коссова поля. Съ этимъ городомъ связано множество воспоминаній въ исторіи Сербіи. У *Халкокондила* стоитъ *ίλι εὐφρανίου τοῦ βασιλέως* (т. е. султана) *πέλιον*. Видно, что Гуниади, спѣшивъ по направленію въ Новый-Пазаръ,

далъ онъ среди незнакомыхъ горъ и лѣсовъ Сербіи, переносъ разнаго рода лишенія, наконецъ, встрѣтивъ одного Сербя, насильно заставилъ его указывать дорогу и служить ему проводникомъ. Сербъ показалъ видъ будто покорился ему, но такъ какъ бѣгство его съ Коссова сдѣлалось уже извѣстно, и Георгъ Бранковичъ назначилъ вознагражденіе тому, кто приведетъ Гуниади живымъ въ его руки, то этотъ Сербъ заподозрилъ въ немъ предводителя Мадяръ. Имѣя въ виду княжескую награду, онъ направился съ нимъ по дорогѣ въ Смедерево, несмотря на то, что увѣрилъ Яна будто идетъ на Бѣлградъ.

Довѣрившись такимъ образомъ проводнику, Гуниади остановился въ одномъ селѣ, и мучимый голодомъ обратился къ небольшой толпѣ поселянъ, прося чего нибудь поѣсть. По выговору его и по благородному виду поселяне тутъ же смекнули, что онъ не простой воинъ, и просили его отправиться съ ними къ начальнику мѣста, который, какъ они увѣряли, угоститъ его наилучшимъ образомъ. Гуниади отказывался, и видя что теряетъ только время, хотѣлъ уже удалиться, но поселяне остановили его силой. Янъ спросилъ тогда старосту, говоря, что желаетъ переговорить съ нимъ наединѣ. Къ нему подошелъ тогда почтенный старикъ, которому онъ открылъ свое имя, обѣщалъ большую награду, если онъ выручитъ его изъ бѣды и проводить въ Бѣлградъ. Старикъ согласился и назначилъ ему отправиться въ путь ночью, тайно отъ своихъ земляковъ. Эти поселяне, заподозривъ старосту, и имѣя въ виду награду отъ деспота, взяли Гуниади силою и въ цѣпяхъ доставили его въ Кладово. Здѣсь, онъ былъ посаженъ въ тюрьму, — и успѣлъ еще разъ подкупить стражу; но начальникъ крѣпости, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ отправить его въ Смедерево къ Георгу Бранковичу. Неблагодарный деспотъ, желая отмстить Гуниади за потерю своихъ помѣстій въ Венгріи, предложилъ султану выдать ему своего плѣнника. Но Муратъ съ презрѣніемъ отвергъ эту двойную измѣну. «Не знаю, — говоритъ въ высшей степени правдивый и такъ мало извѣстный историкъ Ранчъ, — не знаю, слѣдовало ли Деспоту такъ поступать съ Янкомъ, отъ котораго получилъ онъ столько благодарностей. *He*

малую ощущаю въ Деспотъ неблагодарность и безчеловѣчїе, въ коемъ онъ зятю своему уподобился, его же страхомъ обнять благоудити изволилъ турчину таковымъ Янка заточеніемъ *) Отказъ Мурата заставилъ Бранковича серьезно призадуматься о послѣдствіяхъ своего необдуманнаго поступка. Видя, что ему болѣе не возвратитъ къ себѣ прежняго расположенія Гуниади, опасаясь также, чтобы Мадыре не повторили съ нимъ тогоже, что было съ господаремъ Валахиі, задержавшимъ, подобно ему, Яна Гуниади, Бранковичъ рѣшился помириться съ своимъ плѣнникомъ, который съ своей стороны, спѣша возвратиться въ Венгрію, вызвалъ въ Смедереву старшаго сына своего Владислава, оставивъ его заложникомъ деспоту сербскому. Но вскорѣ Бранковичъ горько раскаялся за свои поступки. Гуниади переѣхавъ въ Венгрію, наскоро собралъ небольшую дружину и съ свойственной ему быстротой возвратился снова въ Сербію, разоряя и опустошая области деспота до тѣхъ поръ, пока тотъ не выслалъ ему обратно Владислава. Нѣкоторые изъ мадырскихъ магнатовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Ульрихъ Силлей, зять Георга Бранковича, старался помирить его съ Гуниади, и успѣли сблизить ихъ на томъ условіи, чтобы дочь Ульриха, а слѣдовательно внука Георга, была бы помолвлена за Матвѣя, втораго сына Гуниади. Помирившись такимъ образомъ съ Бранковичемъ, Гуниади не зналъ однакожъ, что онъ роднится съ двумя кровными врагами, которые старались подорвать безпредѣльное довѣріе къ нему мадырской націи и сдвинуть его съ высокаго поста, на который взошелъ онъ путемъ доблестныхъ дѣяній **).

*) Исторія разн. слав. народовъ. ч. III. стр. 211.

**) Помощь этого Бранковича, деспотъ Георгъ II Бранковичъ, такъ печально окончившій жизнь свою въ Эгерской тюрьмѣ, куда былъ заключенъ Австрійцами, оставилъ, какъ извѣстно, исторію Сербіи, написанную имъ въ заточеніи на латинскомъ языкѣ и находящуюся еще въ рукописи въ Карловцѣ. Ранѣе пользовался ею и дославно приводитъ изъ нея отрывки въ текстѣ своей *Исторіи разнѣхъ Славянскихъ народовъ*. Вотъ между прочимъ, что говоритъ Бранковичъ о плѣнѣ Гуниади: «На полнѣ томъ Коссовѣ при холмѣ Голешъ, котораго кор. ни рѣка Ситница подлизуетъ, сраженіе учинивше Унгарскіи вельможи съ воинствомъ своимъ изгибоша. Янко же *Корвинъ* или *Хунлдій*, намѣстникъ кралепскій съ малолюдствомъ.

X.

Пораженіе на Косовомъ полѣ, истребившее большую часть мадарскаго войска, и предавшее Венгрію новымъ опасностямъ, послужило поводомъ къ тѣмъ низкимъ клеветамъ на верховнаго правителя королевства, о которыхъ мы говорили выше. Въ то самое время, какъ мелкое мадарское дворянство, собранное въ Сегедѣ, съ восторгомъ встрѣчало своего побѣжденнаго вожда, и вмѣстѣ съ нимъ оплакивало бѣдствія родины, нисколько не упрекая его въ нихъ, высшіе магнаты не скрывали наглої радости и во всеуслышаніе говорили, что безумная увѣренность Гуниадп въ своихъ военныхъ дарованіяхъ, принесла наконецъ ожидаемые плоды, а его гордость получила наконецъ достойное наказаніе. Эти бароны и магнаты отиравили къ панѣ и другимъ западнымъ государямъ письма, въ которыхъ выставляли Гуниади, какъ челоуѣка, неумѣвшаго владѣть собою, гордаго, неблагоуразумнаго, вѣдущаго войну скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ для блага родины, утверждая притомъ, что онъ постоянными и безумными предпріятіями губитъ народныя силы. Эти клеветы были благосклонно приняты за границей; западные государи, великіе защитники на словахъ, обрадовались случаю набросить тѣнь на героя, который не могъ похвалиться, подобно имъ, рядомъ увѣнчанныхъ предковъ, который въ глазахъ ихъ былъ ничто иное, какъ весьма посредственный предводитель партій.

Прелаты и католическіе священники еще болѣе были ра-

убѣгал, сквозѣ сербскія земли шествоваше его же сербскіи приставницы городовъ, вспомнившіе угроженія его деспоту реченная, помнили его въ мѣстѣ *Кладовъ* и въ Смедеревскій градъ къ деспоту отнесли. Деспотъ сего *Хуниадія* нѣсколько дней при себѣ заставивъ, между собою погоду учинили, да отпустить его съ сицинимъ договоромъ, яко да сынь его *Матвей*, потомъ краль Унгарскій, отъ деспотска дщери за Графомъ Цейлійскимъ сущия, внуку себѣ въ супружницу воспринметъ, и да возвратитъ ему мѣстечка въ Россіи (Сербіи) отнятая. И во еже бы тверда погода сіа была, да старшаго сына *Владислава* въ залогъ вмѣсте себе отдасть Деспоту. *Рачъ* ч. III, стр. 210.

ды случаю очернить Гуніади. Они не забыли его благородной оппозиціи въ дѣлѣ Чезарини. Желая въ то же время избавиться отъ непрерывныхъ пособій деньгами и солдатами, и сложить съ себя отвѣтственность за вариское пораженіе, они стали преувеличивать п размѣры пораженія на Косовомъ полѣ; утверждали, что оно произошло, единственно отъ пеновиновенія приказаніямъ св. коллегіи, и довели злословіе и зависть до того, что стали обвинять въ безграничномъ честолюбіи человѣка, къ которому столько разъ обращался, какъ къ спасителю христіанскаго запада. По ихъ словамъ, цѣль Гуніади была — пріобрѣтеніе популярности, чтобы упрочить за собой верховную власть надъ Венгріей, выпавшую ему на долю только временно.

Находясь въ рукахъ людей нерасположенныхъ къ мадарскому герою, Николай V имѣлъ слабость повѣрить этимъ извѣстямъ. Онъ усомнился въ неутомимомъ рыцарѣ, преданность котораго такъ часто испытывали его предшественники; начало колебаться и довѣріе его къ человѣку, которому онъ самъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ пожаловалъ титулъ князя, въ награду за его неоспоримыя заслуги. Вотъ почему, когда правитель Венгріи, изложилъ въ письмѣ къ папѣ подробности и дѣйствительное значеніе пораженія на Косовомъ полѣ, вмѣсто отческаго отвѣта на его сыновнее посланіе, папа отправилъ на мадарскій сеймъ нунція Валентина убѣдить Мадарь отъ имени первосвященника, прекратить борьбу съ Турками, далеко превосходившими ихъ въ силахъ.

Безъ сомнѣнія, этотъ совѣтъ имѣлъ свою долю истины. Венгрія, раздраемая внутренними междоусобіями, не могла отдать всѣ свои силы на такое дѣло, которое едва ли было для нея возможно даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Но въ правѣ ли былъ папа, посредничество котораго не принесло еще никакой пользы, обращаться съ упреками къ людямъ, согласившимся подчиниться его неогрѣшимому рѣшенію. Притомъ, если даже допустить упреки, то нужно было выбрать другое время, а не обращаться съ ними въ минуту, когда еще слишкомъ живо было воспоминаніе о недавнемъ пораженіи, стоившемъ столько драго-

цѣнной крови мадарскому народу, пролитой имъ въ защиту независимости и народности. При другихъ обстоятельствахъ, Мадяре видѣли бы въ папскомъ увѣщаніи сочувствіе къ ихъ интересамъ; теперь же оно показалось имъ черною неблагодарностію, даже оскорбленіемъ. Понятно, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ пошукъ папы на благородную душу Гуниади; но не смотря на это здѣсь-то и проявляется вся ея сила: скрывъ свое неудовольствіе, онъ рѣшился ни въ какомъ случаѣ не оставлять доблестнаго пути, на который вступилъ съ юнаго возраста. Съ этимъ намѣреніемъ, созвалъ онъ въ 1450 году въ Пестѣ сеймъ, и обратился къ представителямъ страны съ вопросомъ: считаютъ ли они себя отвѣтственными за дѣла, совершенныя вождемъ, котораго они временно себѣ избрали? Это вызвало со стороны депутатовъ посланіе, которое они отправили Николаю V. Не смотря на почтительный тонъ посланія, они съ твердостію высказали въ немъ, какъ несправедливо смотрѣли на Западъ на ихъ передоваго гражданина. Пока Гуниади и Мадяре, — писали они, — одерживали побѣды, римскій дворъ молчалъ, потому что разбитый непріятель, не могъ помѣшать его сну и природной лѣни. Но когда Турки, подвигаясь впередъ, раскинули лагерь подъ стѣнами Царяграда, и появились за тѣмъ на берегахъ Дуная, тогда вдругъ раздаются изъ Рима громкіе крики и обвиненія на Венгрію! Между тѣмъ, какъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, получая изъ Рима только пышныя благословенія, она тратила послѣднія свои силы на то, чтобы защищать грудью неподвижный и безпечный христіанскій западъ.

Эта народная демонстрація, въ пользу Гуниади, укрѣпила его власть, но не остановила его обвинителей и клеветниковъ; они, напротивъ, стали еще дѣятельнѣе преслѣдовать свою жертву. Неблагодарность римскаго двора дошла до того, что въ 1450 году, онъ заключилъ въ темницу одного изъ пословъ Гуниади, что заставило послѣдняго громко протестовать противъ этого нарушенія народнаго права, и римскій дворъ принужденъ былъ освободить мадарскаго уполномоченнаго. Несмотря на всѣ эти препятствія, Гуниади обратилъ особое вниманіе на развитіе внутреннихъ силъ коро-

левства, и на его обезпеченіе, какъ со стороны крамольныхъ магнатовъ, такъ и со стороны Австріи.

Выше мы видѣли, какъ въ силу великаго сѣзда на Ракосъ (въ 1446), правитель Венгріи обязался возвратить ей законнаго ея государя, Владислава Постума. Видѣли также, что желаніе народныхъ представителей было закономъ для Гуниади и онъ, не колеблясь, жертвовалъ общей пользѣ, всѣми личными выгодами. Для возвращенія престола его законнаго властителя, Гуниади принялъ всѣ мѣры, пустилъ въ дѣло и оружіе и дипломатику. Если въ теченіе четырехъ лѣтъ его усилія не были увѣичаны успѣхомъ, то это была не его вина. Всѣ принятыя имъ мѣры оказались бесполезными предъ постоянною уклончивостію Фридриха III и неумѣстнымъ посредничествомъ папы.

Кромѣ того, не говоря уже о турецкой войнѣ и чешскихъ отрядахъ, занимавшихъ съ 1440 года, нѣсколько сѣверныхъ комитатовъ,—интриги нѣкоторыхъ бароновъ и магнатовъ, причиняли ему бездну хлопотъ, затрудняя каждый его шагъ. Но Гуниади не падалъ духомъ. Онъ обнялъ однимъ взглядомъ всѣ трудности своего положенія, и составилъ планъ дѣйствій, рѣшился разомъ предпринять слѣдующія три дѣла, бывшія высшей важности въ тогдашнемъ положеніи Венгріи: дипломатическимъ путемъ заставить Фридриха выдать Владислава, выгнать изъ Венгріи чешскихъ наемниковъ противной партіи, и помириться съ враждебными ему магнатами. Предполагая такимъ образомъ возстановить внутреннее спокойствіе въ государствѣ, онъ не зналъ, что между этими самими баронами и магнатами, составилъ уже противъ него заговоръ, въ которомъ личныя выгоды свои они прикрывали именемъ юнаго короля.

Двое изъ заговорщиковъ были особенно могущественны и страшны. Это были намъ уже извѣстные Владиславъ Гара и Николай Уйлаки. Гара ненавидѣлъ Гуниади за побѣду, которую одержалъ онъ надъ нимъ при Сегсардѣ. Притомъ власть, которую имѣлъ Гара въ обыкновенное время, сдѣлалась почти номинальною вслѣдствіе постоянныхъ сеймовъ и исполнительнѣйшей власти, ввѣренной Мадьярами правителю королевства. Что касается до ненависти Уйлаки къ Яну Гу-

ніади, его прежнему брату по оружію и товарищу по трансильванскому воеводству, то она происходила чисто из зависти. Старый полководец завидовалъ славѣ и популярности ребенка, который сражался вмѣстѣ съ нимъ, подъ его начальствомъ, а теперь сталъ выше его. Надѣясь, что его примиреніе съ этими двумя значительными лицами ускоритъ всеобщій миръ, Гуніади забылъ прежнія неудовольствія и свое самолюбіе, напомнилъ своимъ противникамъ о патриотизмѣ и личномъ ихъ интересѣ, и убѣдилъ ихъ заключить съ нимъ союзъ братства и взаимности. Было обнаружено, что намѣстникъ Янь Гуніади, Палатинъ Владиславъ Гара и воевода Трансильваніи Николай Уйлаки, связанные нѣкогда тѣсною дружбою, но разшедшіеся потомъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, рѣшились заключить дружескую, братскую мировую, которая была обязательна и для ихъ сыновей и потомковъ. Далѣе говорилось, что послѣ долгаго и зрѣлаго размышленія они стали смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ и друзей, и обязывались поступать одинъ въ отношеніи другаго, какъ друзья и братья. Поэтому оскорбленіе, нанесенное одному изъ ихъ, будетъ оскорбленіемъ и для остальныхъ двухъ; они обѣщали сообщать другъ другу и разузнавать о всѣхъ козняхъ противъ нихъ, и въ особенности обо всемъ, что касалось освобожденія короля Владислава Постума. Наконецъ они клялись не разрывать своего братскаго союза даже по возвращеніи отсутствующаго короля, помогать другъ другу во всѣхъ дѣлахъ, политическихъ и гражданскихъ, общественныхъ и частныхъ; не добиваться почестей и богатствъ, одинъ въ ущербъ другому; словомъ, дѣйствовать имъ троицею во всемъ, какъ одно лицо.

Сначала казалось, что этотъ братскій союзъ между тремя самыми вліятельными лицами мадярской аристократіи, примиритъ умы и водворитъ внутреннее покоиство. Гуніади могъ снова приняться за ходатайство, о возвращеніи Владислава Постума, вступить въ новые переговоры съ императоромъ и побудитъ нерѣшительнаго Николая V къ болѣе дѣятельному посредничеству, добиться, по крайней мѣрѣ, продолженія перемирія. Устроивъ всѣ эти дѣла, онъ

рѣшился избавить Венгрію отъ иноземцевъ, наводнившихъ ея территорію. Тогда то онъ увидѣлъ, что его враги, молчавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не забыли совершенно, подобно ему, своихъ прежнихъ личныхъ неудовольствій..

Чехи, призванные, какъ видѣли, Елизаветою на помощь ея сыну, во время борьбы ея съ Владиславомъ Варненчикомъ, все еще продолжали стоять лагеремъ въ сѣверной Венгріи. Не смотря на смерть королевы - матери, не смотря на законное избраніе Владислава Постума, не смотря наконецъ на декретъ Ракошаго сейма, положить оружіе и оставить королевство, они и не думали двигаться съ мѣста. Иванъ Искра, Петръ Комаровскій, Аксемитъ Поиграчъ, родомъ Маляръ, сдѣлавшійся гусситомъ, и многіе другіе, менѣе извѣстные авантюристы, расположились какъ у себя дома въ комптатахъ Спшскомъ, Лиштовскомъ, Турочѣ, и собравъ подъ свои знамена послѣдніе остатки великихъ армій Жижки и двухъ Прокоповъ, строили замки, укрѣпляли города, однимъ словомъ, вели себя, какъ побѣдители. Кромѣ того, множество изъ послѣдователей Гусса, надѣясь на покровительство своихъ земляковъ въ Венгріи, переходили границу, основывали на католической территоріи «Святой короны», села, жили по своимъ обычаямъ, совершали обряды своей секты, вступали въ браки и обращали въ свою вѣру многихъ окрестныхъ поселянъ — Маляръ. Они, какъ люди мирные и трудолюбивые, не причиняли никому зла; но зато ихъ вооруженные соотечественники, прежніе герои переродившіеся теперь въ наѣзниковъ, постоянно нарушали общественное спокойствіе, мѣшали развитію торговли и промышленности, оскорбляли мирныхъ гражданъ, опустошали села и грабили цѣлые города. Всѣ эти насилія производили они подъ тѣмъ предлогомъ, что защищаютъ законность правъ Владислава Постума, и заботятся о возвращеніи ему малярскаго престола. Въ 1451 году точно также, какъ и 1440 году Иванъ Искра гордо величалъ себя *верховнымъ вождемъ пресвѣтлѣйшаго государя Владислава, короля Венгріи*. Подобный порядокъ вещей необходимо долженъ былъ обратить на себя особенное вниманіе правителя. Неутомлтый защит-

никъ римскаго закона онъ, безъ сомнѣнiя, не могъ равнодушно смотрѣть на распространенiе ереси въ предѣлахъ своего отечества. Но душа его еще болѣе возмущалась при видѣ десятка тысячъ иноземцевъ, наводнившихъ его родину и безнаказанно ее грабившихъ. Дѣйствительно, обстоятельство это было не малой важности. Дѣло шло о народной независимости той части Венгрии, защиту которой противъ всѣхъ и cadaго взялъ на себя Янь Гунади.

Устроивъ дѣла съ панною и заключивъ договоръ съ Уйлаки и Гарой, возстановившій, по видимому, внутреннее спокойствiе, онъ принялся за Чеховъ. Война была начата успѣшно. Непрiятель, разбитый въ нѣсколькихъ стычкахъ, отступилъ и оставилъ въ рукахъ Мадыръ нѣсколько крѣпостей. Эти первые успѣхи ободрили Гунади и онъ подступилъ къ замку Лозончу, построенному Искрой. Замокъ не сдавался, благодаря прочности стѣнъ, неприступному положенiю и храбрости гарнизона. Видя, что осада затягивается и что его воины крайне утомлены, Гунади обнародовалъ, въ силу своей намѣстнической власти, поголовное ополченiе (*insurrectio*) въ окрестныхъ комитатахъ. Прелаты, бароны, графы стали стекаться, во множествѣ съ своими дружинами, крѣпость была окружена со всѣхъ сторонъ отборнымъ войскомъ, и не снабженная заблаговременно военными снарядами и съѣстными припасами, она должна была, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени сдаться. Между тѣмъ въ одну ночь, когда въ мадырскомъ лагерѣ всѣ спали глубокимъ сномъ, внезапно раздались крики тревоги. Солдаты стали выбѣгать изъ шатровъ и наскоро вооружаться, но уже было поздно. Искра съ Чехами окружилъ лагерь, и пользуясь всеобщимъ смятенiемъ, началъ страшную рѣзню; прелаты, бароны, магнаты съ своими полками исчезли внезапно, а вокругъ Гунади осталась только его вѣрная дружина. Преданная на жизнь и смерть своему любимому вождю, она бросилась на непрiятеля, вдесятеро сильнѣйшаго, и заставила его отступить. Но Гунади, не желая бесполезно проливать кровь этихъ храбрецовъ, съ трудомъ заставилъ ихъ отступить и дать свободно непрiятелю удалиться.

Причина этой неожиданной вылазки осталась бы неизвѣс-

тной, если бы не былъ случайно тяжело раненъ одинъ изъ ополчившихся магнатовъ, Николай Бебекъ Пэльчесь. Когда солдаты Гуниади нашли его умирающимъ на дорогѣ, то Бебекъ, испуганный приближеніемъ смерти, потребовалъ духовника. Такъ какъ между окружавшими его лицами не было священника, и не желая явиться на судъ божій съ тяжкимъ грѣхомъ на душѣ, онъ приподнялся и сдѣлалъ слабымъ голосомъ слѣдующее признаніе: Мадяре, послѣшившіе на помощь къ Гуниади, передали его Чехамъ; благодаря одному ихъ содѣйствию, Искра проникъ въ мадарскій лагерь. Затѣмъ Бебекъ признался также, что онъ самъ участвовалъ въ этомъ преступномъ заговорѣ и молилъ сжалиться надъ кающимся преступникомъ.

Измѣна не помѣшала Гуниади продолжать войну. Не довѣряя болѣе дружинамъ магнатовъ, онъ устроилъ армию на свой счетъ, собралъ старыхъ, преданныхъ ему солдатъ, столько разъ бывшихъ подъ его начальствомъ, участвовавшихъ въ войнахъ его противъ Турокъ, и немедленно приступилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Три крѣпости, Саагъ, Росвіо, Шейбсъ были взяты приступомъ и разрушены. Затѣмъ онъ двинулся къ Дейкхену, получившему отъ Искры названіе Валгаты. Подобно Лозончу, онъ составлялъ собственность чешскаго предводителя. Замокъ этотъ, построенный среди долины, получалъ воду изъ небольшой рѣчки, имѣвшей истокъ свой на сосѣдней горѣ. Гуниади, занявъ эту мѣстность, отвелъ воду, и жажда заставила осажденныхъ сдать на капитуляцію. Потомъ онъ взялъ другую крѣпость, Соли, и оставилъ въ ней свой гарнизонъ. Искра, преслѣдуемый Яномъ, не могъ держаться въ занятыхъ имъ позиціяхъ. Но вдругъ къ нему прибыло изъ Чехіи новое подкрѣпленіе, такъ что положеніе Гуниади сдѣлалось снова чрезвычайно затруднительнымъ. У него оказалось гораздо меньше солдатъ чѣмъ у непріятеля, и притомъ переходъ, который совершили они чрезъ всю сѣверную Венгрію, чрезвычайно изнурилъ ихъ. Впрочемъ Гуниади не думалъ ни отступать, ни класть оружія. Онъ хотѣлъ помѣриться въ открытомъ полѣ съ человекомъ, который ночью, и благодаря измѣнѣ, побѣдилъ его подъ Лозончемъ, и не

давая имъ минуты отдыха солдатамъ, смѣло пошелъ впередъ.

Въ это самое время является вѣстникъ отъ сейма, съ приказаніемъ прекратить непріязненные дѣйствія и подписать условія мира, которыя сеймъ, не предупредивъ Гуіади, заключилъ уже съ Искрой. Можно судить, какъ былъ изумленъ Гуіади узнавъ, что въ силу этихъ условій Искра получалъ 10,000 флориновъ и не возвращалъ ни одной крѣпости! Но онъ долженъ былъ подчиниться рѣшенію сейма и не считалъ себя въ правѣ нарушать постановленія избравшаго его собранія.

Власть Гуіади со дня на день подрывалась тайными кознями враговъ. Рѣшившись погубить его, они не отступали ни предъ какою низостію, не останавливались ни предъ какими средствами. Оклеветанный за-границею, онъ видѣлъ какъ постепенно исчезаютъ его золотыя мечты, придававшія ему прежде столько силы, и онъ ужъ боялся, что не будетъ въ состояніи окончить взятой на себя обязанности возстановить внутреннее спокойствіе въ королевствѣ.

Гуіади былъ слишкомъ честенъ для того, что бы противоставлять кознямъ новые козни, и потому вовсе не помышлялъ употребить въ дѣло ту популярность, которою онъ пользовался среди мелкаго дворянства и гражданъ свободныхъ городовъ, чтобы создать себѣ особую партію среди другихъ партій, присвоить себѣ, во имя общественнаго блага, верховную власть, которая была временно возложена на него и проявленіе которой затрудняло теперь каждый его шагъ.

Оставивъ эту власть на всегда за собою, подъ тѣмъ предлогомъ, что Владиславъ Постумъ, еще ребенокъ десяти лѣтъ, при томъ же Австріецъ, дурно воспитанный и удерживаемый насильно родственникомъ Фридрихомъ III, не былъ способенъ свободно и счастливо царствовать надъ венгерскимъ народомъ, Гуіади также не хотѣлъ. Онъ помнилъ присягу, принесенную имъ на Ракосъ и думалъ только объ одномъ: возвратить Мадырамъ избраннаго ими короля и за тѣмъ немедленно отказаться отъ свсей временной власти. Съ этою цѣлію онъ рѣшился употребить въ дѣло и мир-

ные переговоры, а въ случаѣ надобности и вооруженную силу. Онъ полагалъ, что возвращеніе короля прекратитъ разговоры, вызванные его отсутствіемъ и возстановитъ миръ и согласіе внутри королевства. Но прежде чѣмъ приняться за что нибудь рѣшительное, нужно было устроить восточныя дѣла. Вотъ почему Гуніади, не надѣясь получить никакой помощи, ни изъ Рима, ни изъ другаго мѣста, положилъ заключить съ Турками перемиріе, и за тѣмъ только принялся за дѣло въ высшей степени важное для Венгріи, а именно, заставить Фридриха добровольно отнестись въ Буду Владислава Постума.

Новое посольство отправлено было къ императору въ 1421 году, но оно имѣло также мало успѣха, какъ и предыдущее, благодаря обдуманной нерѣшительности Австрійца. Тогда Гуніади обратился къ разнымъ народамъ, признавшимъ также власть Постума, какъ и Мадяре, а именно; къ Австрійцамъ, Мораванамъ и Чехамъ. Они благосклонно приняли его предложеніе, потому что имъ надѣла уже императорская опека и возникавшіе отъ нея раздоры. Генеральное собраніе депутатовъ изъ этихъ народовъ единогласно постановило, что если и теперь Фридрихъ откажется возвратитъ подданнымъ ихъ короля, то его принудятъ силою согласиться. Эта коалиція не нашутку напугала Фридриха III. Императоръ поспѣшилъ отправиться въ Италію, подъ предлогомъ своей коронаціи на римскій престолъ, и не позабылъ взять съ собою дорогаго племянника, въ сопровожденіи его наставника для того, разумѣется, что бы это путешествіе принесло научную пользу воспитаннику.

Эта хитрая увертка помѣшала вспыхнуть возстанію, которое уже готовилось. Не смотря на отсутствіе Фридриха, Гуніади и его союзники продолжали упорствовать въ своемъ предложеніи. Они отправили къ Николаю V посольство съ просьбою, чтобъ его святѣйшество вступился за нихъ и повелѣлъ бы императору возвратитъ Мадьярамъ короля Владислава. Послы, прибывшіе въ Римъ во время самой коронаціи императора, были очень дурно приняты. Они продолжали настаивать; тогда папа отлучилъ ихъ отъ Церкви, вмѣстѣ съ возмутьившимися Австрійцами. Во Флоренціи, по-

слы подкупили наставника Владислава и чуть было не похитили молодого короля; но эта попытка еще болѣе запутала дѣло, потому что Николай приказалъ Гуниади разорвать всѣ связи съ Австрійцами, отлученными отъ церкви.

Гуниади, вѣрный своему союзу, отправилъ письмо къ вѣнскому сенату и только этимъ путемъ могъ достигнуть своей цѣли, потому что сенатъ объявилъ, что такъ какъ папа находится подъ вліяніемъ императорскихъ плутней, то Мадярамъ слѣдуетъ апеллировать къ ближайшему сейму.

Между тѣмъ Фридрихъ, не имѣя возможности продлить свое пребываніе въ Италіи, что бы тѣмъ выиграть время, возвратился въ нейштатскій дворецъ, и пытался было напомнить крамольникамъ о покорности. Въ отвѣтъ на это, Австрійцы, раздраженные его пробочнымъ упорствомъ, сами осадили его въ Августѣ 1452 года въ Нейштатѣ, такъ что Фридрихъ былъ вынужденъ или умереть съ голоду, или выдать Владислава. Не имѣя силы доводить упрямства до безумнаго героизма и не будучи способнымъ на подобнаго рода подвиги, императоръ согласился наконецъ разстаться съ своимъ питомцемъ, самъ вышелъ изъ осажденнаго города и предложилъ предводителямъ осадной арміи миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

Владиславъ, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ, будетъ отправленъ въ Вѣну, въ сопровожденіи Ульрика Силлея, своего родственника съ матерней стороны; онъ останется тамъ до тѣхъ поръ, пока собраніе представителей его владѣній не укажетъ мѣста, гдѣ онъ долженъ оставаться до совершеннолѣтія. Выше означенные представители соберутся въ Вѣнѣ слѣдующаго 11 ноября. Плѣнникамъ той и другой стороны будетъ дана свобода, и въ рукахъ Фридриха останутся мадарскія крѣпости, удерживаемыя имъ въ видѣ залога.

Противъ своего обыкновенія императоръ выполнилъ подписанныя имъ условія, потому что обстоятельства не позволили ему отказаться отъ нихъ. 4-го сентября въ присутствіи блестящаго собранія бароновъ и прелатовъ, онъ торжественно простился съ сыномъ Елизаветы и передалъ его на руки графу Силлею. Ульрахъ немедленно отправился съ нимъ въ Вѣну, гдѣ толпа съ радостными привѣтствіями при-

няла своего государя, съ такимъ трудомъ исторгнутаго на-
нець изъ подъ императорской опеки.

Вѣсть о возвращеніи Постума была также радостно при-
нята и Мадярами въ особенности Яномъ Гуніади. Въ этомъ
событіи правитель и граждане видѣли желанный конецъ вну-
треннимъ междоусобіямъ. Сеймъ не замедлилъ вскорѣ соб-
раться, и отправилъ къ молодому королю съ привѣтствіями
отъ имени всего королевства кардинала примаса Грана, эпи-
скоповъ Варада и Вача, кромѣ того палатина, воеводу Тра-
пспльваніи и старшаго сына правителя, Владислава Гуніади.

Съ прибытіемъ Владислава Постума въ Венгрію, Гуніади
долженъ былъ уступить ему тѣ права, которыми онъ былъ
облеченъ только во время его отсутствія. Съ перваго ша-
га на почву Венгріи Владиславъ полюбился восторженнымъ Ма-
дьярамъ. Представители разноплеменныхъ областей, подвласт-
ныхъ Постуму, возбудили было вопросъ: среди котораго
племени юный король изберетъ свое мѣстопробываніе? и
когда, едва не дошло снова до усобицы, тогда самъ Постумъ
рѣшилъ этотъ вопр. съ, объявивъ, что онъ Мадяръ и слѣдо-
вательно остается въ Венгріи. Мысль эту приписываютъ
также Яну Гуніади, который и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ,
какъ совершенный политикъ.

Изъ богатаго матеріала, оставленнаго современниками,
мы легко можемъ слѣдить за Яномъ Гуніади и на крова-
вомъ полѣ битвы, а въ области политики. Что бы вполне
уяснить себѣ эту знаменательную личность, необходимо так-
же взглянуть на нее и съ административной точки зрѣнія.
Въ этомъ отношеніи мы не можемъ почерпнуть изъ доку-
ментовъ свѣдѣній вполне удовлетворительныхъ.

У Гуніади не было времени заняться серьезными рефор-
мами: онъ долженъ былъ постоянно воевать съ Турками,
Чехами, Австрійцами, вести переговоры съ Фридрихомъ III
и принимать мѣры противъ заговоровъ магнатовъ, и все это
шло шагъ за шагомъ чрезъ всю его жизнь. Молчаніе лѣ-
тописцевъ и историковъ удостовѣряетъ насъ, что онъ дѣй-
ствительно не предпринималъ никакихъ важныхъ реформъ;

но многіе достовѣрные факты даютъ возможность составить себѣ понятіе объ общемъ духѣ его администраціи. Она была безъ сомнѣнья также энергична, какъ его тактика и дипломатія. Онъ рѣшалъ дѣла однимъ почеркомъ пера, однимъ ударомъ сабли. Мы можемъ привести только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ объ его административной дѣятельности, кой-гдѣ записанныхъ лѣтописцами. Одинъ изъ этихъ фактовъ относится къ огражденію свободы крестьянскаго сословія, этого краеугольнаго камня, на которомъ зиждется весь административный организмъ кого бы ни было государства. Въ годы правленія Яна Гуниади, многіе изъ крестьянъ Трансильваніи, такъ называвшіеся *jobbationes*, оставляли помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ они отправляли повинности барщины, и селились между саксонскими колонистами. Помѣщики преслѣдовали бѣглыхъ и силою исторгали ихъ изъ рукъ укрывавшихъ ихъ колонистовъ. Саксонцы протестовали противъ этого нарушенія права убѣжища, дарованнаго имъ древними льготами и Гуниади, не смотря на возраженіе дворянъ, принялъ сторону колонистовъ. Декретомъ 4 го Ноября 1447 года, онъ призналъ льготы, жалованныя вѣкогда Саксонцамъ Седмиградѣи, объявилъ поступки помѣщиковъ, возвратившихъ силою своихъ крестьянъ, незаконными, и приказалъ имъ немедленно отпустить ихъ; наконецъ далъ позволеніе Саксонцамъ защищать свои права противъ кого бы то ни было. Два другіе указа, 3 го іюля 1450 года, и 1 го мая 1451, — постановляли, что граждане Германштадта и другихъ саксонскихъ городовъ, должны судиться своими обыкновенными судьями, и не подлежатъ суду ни дворянскихъ, ни церковныхъ трибуналовъ. Это справедливое начало, освященное древнею мадирскою конституціей, и обеспечивавшее каждому возможно — большую долю правосудія; было примѣнено Яномъ Гуниади также къ жителямъ Пресбурга. Онъ запретилъ титулованнымъ дворянамъ, графамъ, подчинять своей юрисдикціи — судей, присяжныхъ и гражданъ королевскаго свободнаго города Пресбурга (Посони), даже въ случаѣ, если бы они путешествовали внѣ предѣловъ своего комитата. Въ послѣднемъ случаѣ, преступники, если они были простые граждане, подлежали суду своихъ обыкновенныхъ судей;

судья же и присяжные судились въ присутствіи самаго наместника. Далѣе — Пресбургцы имѣли право преслѣдовать, арестовать и наказывать всякаго, кто покусился бы на чью либо собственность или личность внутри ихъ города, или на ихъ городской землѣ; имъ даже позволено было поступать съ должниками, какъ не дворянами такъ и дворянами по всей строгости законовъ. Наконецъ, желая показать, какое серьезное значеніе онъ придавалъ этимъ постановленіямъ, онъ велѣлъ принять строгія мѣры противъ одного значительнаго лица, Гренбергера, оскорблявшаго и грабившаго многихъ гражданъ Пресбурга. Правда, въ пятинадцатомъ столѣтіи, могущественные магнаты часто грабили смиренныхъ гражданъ. Но показать примѣръ строгости надъ членомъ аристократической партіи, строго державшейся неприкосновенности своихъ привилегій, не значило ли открыто привѣять сторону мелкихъ гражданъ и народа противъ феодальныхъ узурпаторовъ? Король Матвѣй Корвинъ всегда выказывалъ много сочувствія къ вольнымъ городамъ, и послѣдніе доказали, какъ они были признательны за его справедливое покровительство, не разъ помогая ему своими дружинами, во время бунтовъ аристократіи. Очевидно, что эта популярная политика, доставившая ему столько силы и величія, была внушена ему славнымъ отцомъ его, Яномъ Гуниади.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что Гуниади, при всей преданности католицизму, не совершилъ ничего противнаго здравному смыслу и правосудію. Онъ признавалъ догматы, довѣрялъ священникамъ, но не колеблясь наказывалъ церковныя злоупотребленія. Духовное сословіе, по его мнѣнію, должно было служить примѣромъ для всѣхъ вѣрующихъ, и потому, если оно совершало преступленія, если служило поводомъ къ какому нибудь соблазну, то подобно мірянамъ и даже болѣе чѣмъ они, подлежало строгому наказанію. По этому, когда Гуниади узналъ, что францисканцы Грапа, Дебрецина и Сатмара развратнымъ поведеніемъ безчестили свои монастыри и орденъ, то, не считая себя въ правѣ лично прекратить этотъ соблазнъ, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ принеся на нихъ жалобу римскому легату.

XI

Около этого времени въ Вѣнѣ невидимо завязался узелъ который вскорѣ послѣ того затянулъ, если можно такъ выразиться, въ своихъ изгибахъ и свободу Венгріи. Ни одинъ изъ Мадяровъ, даже Янъ Гуниади, одаренный рѣдкою прозорливостію, не могъ въ этомъ случаѣ предвидѣть будущаго порабощенія своей родины. Мы сейчасъ увидимъ при какихъ обстоятельствахъ Венгрія вынуждена была связать свою судьбу съ Габсбургамъ. Въ Ноябрь 1452 года сообразно условію, заключенному подъ стѣнами Нейштата, собрался въ Вѣнѣ представитель разныхъ областей и народовъ, подвластныхъ Владиславу Постуму. Со стороны императора былъ — Эней Сплвій Пякколомини, бывшій епископомъ сіенскимъ, баварскіе герцоги, Людвигъ Бранденбургскій и Карлъ Баденскій.

Венгрія избрала своими депутатами: Яна Гуниади, Діонисія, архіепископа Гранскаго, Яна Витеза, епископа Варадскаго, Владислава Гедервару, Владислава Гару, воеводу Трансильваніи, Николая Уйлаки, и выборныхъ главныхъ королевскихъ городовъ.

Главный вопросъ, занимавшій вѣнскую конференцію, былъ окончательное примиреніе императора съ подданными его родственника. Но вопросъ этотъ не рѣшился такъ легко, какъ, казалось, можно было ожидать. Фридрихъ объявилъ такія притязанія, которыя принять было не возможно. Онъ потребовалъ вознагражденія за убытки, причиненные ему опекунствомъ, возвращеніе питомца подъ его покровительство, и наказанія бунтовщиковъ. Мадяре съ своей стороны потребовали отъ императора слишкомъ многого, имѣя въ виду получить хоть что нибудь. Они потребовали немедленнаго возвращенія короны св. Стефана, тайно увезенной изъ Вышеграда, равно какъ и городовъ, заложженныхъ Елизаветою, основываясь на томъ, что святая корона была, по закону, не отчуждаема, что древнія конституціи лишали иноземцевъ права владѣть въ Венгріи, что, слѣдовательно, такъ какъ Влади-

славъ былъ государемъ и по избранію и по рожденію (electus-natus), то Фридрихъ не могъ, въ качествѣ опекуна, удерживать за собою то, что принадлежало его бывшему питомцу. Австрійцы требовали также, чтобы имъ были предоставлены нѣкоторыя мѣста и земли, взятія императоромъ изъ наслѣдства герцога Альберта и присоединенныя къ его частнымъ владѣніямъ. Разумѣется, вопросъ, поставленный такимъ образомъ, возбудилъ очень жаркія и продолжительныя пренія. Ни тѣ, ни другіе не хотѣли уступить, и вѣнская конференція, подобно предъидущимъ, можетъ быть ни чѣмъ не кончилась бы, если бы братъ Фридриха, Альбертъ, не предложилъ болѣе выгодныхъ условій, въ слѣдствіе которыхъ окончательное рѣшеніе сейма было слѣдующее: Фридрихъ, отказываясь отъ опекунства, возвратитъ святую корону и мадарскіе города, если Венгрія заплатитъ ему семьдесятъ тысячъ золотыхъ флориновъ. Но при этомъ случаѣ хитрый Фридрихъ какъ будто забылъ подписать официальные документы, а Мадяре не въ состояніи были немедленно выплатить условленную сумму, то споръ только временно прекратился, но не кончился. Разногласіе это нѣсколько лѣтъ таилось во мракѣ и по смерти короля Матвѣя Корвина внезапно возникло съ новою силой. Габсбургскій домъ немедленно занялъ свои прежнія владѣнія, возобновилъ интриги и кончилъ тѣмъ, что водворился въ Венгрію окончательно. Габсбурги всегда отличались необыкновенною живучестію. Кошачья ихъ политика умѣетъ во-время пританть дыханіе, притвориться мертвою, но лишь только гроза мпнуеть, она снова возстаетъ, продолжая идти неуклонно къ предположенной цѣли.

Нѣсколько недѣль послѣ вѣнскихъ конференцій, въ первой половинѣ января 1453 года, Янъ Гуниади сложилъ съ себя власть, которою былъ облеченъ въ теченіе болѣе шести лѣтъ. Владиславъ Постумъ, которому тогда минуло двѣнадцать лѣтъ, былъ не въ состояніи править королевствомъ, поэтому всѣ выгоды мадарскаго народа, требовали, чтобы онъ до своего совершеннолѣтія продлилъ власть Гуниади, который такъ хорошо умѣлъ вести, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла Венгріи. Такъ по-крайней-мѣрѣ думали всѣ

благомыслящіе совѣтники, имѣвшіе доступъ къ королю — ребенку; но не такъ думалъ Фридрихъ, который болѣе всего опасался честнаго и могущественнаго Гуніади, что заставило его поручить своего молодаго родственника, находившагося теперь внѣ его вліянія, человеку, образъ мыслей котораго онъ вполне одобрялъ, а именно Ульриху Силлею.

Нѣсколько разъ въ продолженіи нашего разсказа мы имѣли случай встрѣчать эту личность, которая постоянно находилась на второмъ планѣ. Хотя Силлей со времени своего плѣна, послѣ осады Гейера, не могъ ничѣмъ вредить Гуніади, но озлобленный на него особенно послѣ претерпѣннаго пораженія въ 1445 году, какъ недѣзя охотнѣе принялъ на себя роль тайнаго агента Австріи. Будучи сыномъ рыцаря большихъ дорогъ, Ульрихъ оказался такимъ же злодѣемъ, какъ и его отецъ Германнъ. Получивъ столь высокій постъ при Постумѣ, сдѣлавшись его дядькою, онъ задумалъ сдѣлать изъ него беспрекословно-послушнаго питомца, и совершенно подчинить его своей волѣ. Фридрихъ, бережливость котораго доходила до послѣднихъ предѣловъ скупости, такъ что онъ надѣвалъ въ дождливую погоду самое поношенное платье, пріучилъ своего племянника къ мирному и правильному образу жизни. Ульрихъ хотѣлъ, чтобы Владиславъ усвоилъ себѣ теперь совершенно противоположный образъ жизни. Самъ онъ ѣлъ и пилъ пять или шесть разъ въ день, держалъ арфистовъ, пѣвцовъ и танцовщицъ. Однимъ словомъ велъ жизнь самую разгульную. Изрѣдка только рѣшался онъ заняться государственными дѣлами, и потомъ отправлялся гулять по городу, въ великолѣпномъ нарядѣ, верхомъ на ретивой лошади, бросая отъ времени до времени двухсмысленные взгляды и площадныя слова дѣвушкамъ и дамамъ, привлеченнымъ къ окнамъ и дверямъ шумомъ сопровождавшей его кавалькады. Сдѣлавшись наставникомъ и дядькою молодаго короля, онъ всячески старался вселить въ юномъ его сердцѣ склонность къ роскоши и разврату. Но ребенка не такъ легко было испортить. Владиславъ былъ серьезенъ не по-лѣтамъ; онъ говорилъ мало, краснѣлъ при неприличныхъ словахъ, пилъ и ѣлъ умеренно, — но не смотря на то, мало по малу сталъ подчиняться вліянію Ульри-

ха, слушалъ его совѣты и рѣдко осмѣливался противорѣчить ему.

Силлей вскорѣ замѣтилъ свое вліяніе и рѣшился воспользоваться имъ, чтобы окончательно погубить Яна Гуніади. Искусно подмѣчая добрыя наклонности въ своемъ питомцѣ, онъ сталъ рисовать ему Гуніади тираномъ, угнетавшимъ страну, а не управлявшимъ ею; говорилъ, что онъ попираетъ ногами законы, дѣйствуетъ во всемъ произвольно и ищетъ въ виду собственно личную выгоду, а не пользу общую. Ободренный молчаливымъ вниманіемъ своего питомца, Силлей болѣе и болѣе сталъ высказывать черныя пзвѣты свои, и даже началъ обвинять Гуніади въ стремленіи къ верховной власти, для чего будто бы онъ предалъ и убилъ уже короля Владислава *варненчика*, отдалъ въ жертву Туркамъ двѣ мадырскія арміи и цвѣтъ мадырскаго дворянства. Рассказъ объ этихъ преступленіяхъ привелъ въ ужасъ молодого Постума. Не имѣя возможности разувериться въ истинности показаній графа, Владиславъ сталъ смотрѣть на Гуніади, какъ на послѣдняго изъ преступниковъ; онъ такъ былъ раздраженъ и напуганъ, что хотѣлъ было уполномочить Ульриха Силлея арестовать виновнаго.

Узнавъ объ этихъ пзвѣтахъ, которые ковались на его счетъ при вѣнскомъ дворѣ, Гуніади принялъ мѣры предосторожности противъ своего неумолимаго врага. Помпирившись съ Гарой, двоюроднымъ братомъ своимъ, и воеводой Уйлаки, онъ лишилъ такимъ образомъ Силлея его двухъ могущественнѣйшихъ сподручниковъ. За тѣмъ перемпріе, заключенное имъ съ Искрой, лишило его врага и этого союзника. Тогда Яну Гуніади оставалось только составить себѣ партію изъ мѣстнаго дворянства, которое, при безгранчной къ нему преданности, носило шло собраться вокругъ него и защитить его въ случаѣ несправедливаго гоненія. Укрѣпившись такимъ образомъ, онъ просилъ своихъ друзей, оправдать его передъ королемъ и открыть ему всю низость клеветы, которой онъ подвергся. Король съ радостью встрѣтилъ это оправданіе чловѣка, къ которому и самъ питалъ уваженіе. Онъ вспомнилъ всѣ заслуги, оказанныя ему Яномъ, вспомнилъ, что ему одному былъ обязанъ сохраненіемъ своихъ владѣній и

воцареніемъ на престолѣ Венгріи, и рѣшился торжественно вознаградить его за эти услуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ загладить минутное заблужденіе, въ которое ввелъ его Ульрихъ Силлей. Не откладывая далѣе задуманной почести, которую онъ хотѣлъ оказать всенародно правителю, Постумъ велѣлъ соорудить, въ половинѣ января 1453 года, на одной изъ вѣнскихъ площадей, не подалеку отъ монастыря Кармелитокъ, великолѣпный тронъ, блестящій золотомъ, съ котораго предполагалъ встрѣтить Яна Гуниади. Одѣвшись въ царскія одежды, съ скипетромъ въ рукѣ, окруженный герцогами, графами и высшими сановниками, Владиславъ велѣлъ Гуниади приблизиться. Янъ подошелъ, преклонилъ колѣно на ступеняхъ трона, и передалъ въ руки государя грамоту, которую онъ былъ облеченъ въ званіе правителя Венгріи. Тогда Владиславъ въ свою очередь всталъ, поблагодарилъ въ нѣсколькихъ словахъ Гуниади за его услуги, возвелъ его въ достоинство потомственного графа Бестерча, утвердилъ въ достоинствѣ воеводы Трансильваніи, назначилъ верховнымъ вождемъ мадырской рати и отдалъ въ его вѣдѣніе все доходы королевства. — Присутствовавшіе вельможи, составлявшіе королевскую свиту, и народъ, тѣснившійся на площади и въ сосѣднихъ улицахъ, съ восторгомъ привѣтствовали это монаршее благоволеніе, оказанное любимому правителю.

Но этимъ дѣло не кончилось, — благоволенія и награды Яну Гуниади, высказанныя въ Вѣнѣ торжественно, слѣдовало подтвердить и скрѣпить на сеймѣ. Поэтому Владиславъ отправился чрезъ нѣсколько дней въ Пресбургъ, гдѣ въ присутствіи представителей всѣхъ комитатовъ Венгріи, выданы были Гуниади три грамоты замѣчательныя тѣмъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ оффиціальныи перечень всѣхъ заслугъ, оказанныхъ имъ Венгріи, и всѣхъ доблестныхъ подвиговъ, имъ совершенныхъ *).

Неудивительно, что Владиславъ, изблщивъ такъ торжественно клевету Силлея новыми знаками неограниченнаго довѣрія къ Гуниади, оставилъ клеветника безъ всякаго нака-

*) Дипломы эти помѣщены у Прая, *Annales regum Hungariae*, p. III. pag. 125.

занія. Слишкомъ юный его возрастъ объясняетъ это обстоятельство; но не такъ думали тѣ изъ многихъ, которые искренно были преданы пользѣ общественной.

Воротившись изъ Пресбурга въ Вѣну въ сопровожденіи Силлея, Владиславъ снова подпалъ опасному влиянію своего наставника, который немедленно принялся строить новыя козни. Его первая неудача показала, что для того, чтобы овладѣть умомъ юнаго короля, необходимо удалить отъ него всѣхъ благомыслящихъ совѣтниковъ и подчинить своему исключительному влиянію. Силлею удалось такимъ образомъ уединить Постума отъ всѣхъ его окружавшихъ, такъ что никто не могъ видѣть его безъ формальнаго позволенія наставника. Заключенный въ четырёхъ стѣнахъ дворца, Владиславъ по неволѣ долженъ былъ выслушивать рѣчи Силлея, или его наушниковъ; въ дѣтской наивности, онъ снова повѣрилъ самымъ нелѣпымъ выдумкамъ, и вскорѣ по прежнему сдѣлался задушевнымъ врагомъ Гуниади и всѣхъ мадярскихъ патріотовъ. Но планы Силлея были и на этотъ разъ неожиданно разрушены въ то самое время, когда, какъ казалось, ничто не могло помѣшать ихъ осуществленію. Удаленные изъ дворца сановники, раздраженные новымъ высокоуміемъ Силлея, и видя себя игрушкою этого иноземца, рѣшились во что бы ни стало низвергнуть его. Явившись однажды къ королю ранѣе обыкновеннаго, они тотчасъ по входѣ заперли на ключъ всѣ двери пріемной залы, и на вопросъ Владислава о причинѣ такой предосторожности, отвѣчали, что по древнимъ законамъ австрійскаго герцогства иноземцы не имѣютъ права присутствовать на тайныхъ совѣщаніяхъ, и что настало время удалить неумѣстнаго посредника, и поговорить откровенно съ своимъ государемъ. Король, нѣсколько встревоженный, не отвѣчалъ ни слова. Тогда одинъ изъ главныхъ присутствующихъ, Эйцигеръ, раскрылъ королю все гнусное поведеніе графа; сказалъ, что Силлей старается выказывать предъ всѣми свою расточительность и пороки, грабитъ государственные доходы, безчеститъ женщинъ всякаго званія и сословія, дѣлаетъ государю ложные доносы; что подобныя поступки возбуждаютъ

сильное неудовольствіе во всѣхъ слояхъ общества, и рано или поздно, своими послѣдствіями, будутъ весьма опасны.

Владиславъ былъ тронутъ этою рѣчью и приказалъ удалитъ отъ себя пристаивка. Въ это самое время самъ онъ сильно постучался въ дверь, приказывая отворить ему. Вошедши въ залу совѣщаній, онъ неожиданно услышалъ отъ Эйцннгера рѣшеніе короля и со злобою въ душѣ долженъ былъ въ скоромъ времени оставить Вѣну. Удаленіе его еще болѣе сблизило Постума съ Мадярами. Народъ надѣялся отдохнуть отъ тѣхъ тревоженій, которыя приходилось ему испытывать въ послѣднее время. Но надежды его не исполнились, и вскорѣ положеніе Венгріи сдѣлалось гораздо опаснѣе, чѣмъ когда либо, въ виду торжествующаго оружія Османовъ.

XII.

Вѣсть о взятіи Константинополя, какъ громомъ поразила западныхъ государей. Но болѣе другихъ озаботила она Яна Гунади, которому на долю приходилось первому столкнуться съ грознымъ завоевателемъ Византіи и безстрашно выдержать напоръ всей его многочисленной рати. Что Могометъ II послѣ взятія Византіи имѣлъ въ виду силою оружія присоединить къ областямъ своей европейской державы и сѣверо-западные оконечности балканскаго полуострова, — это было и въ порядкѣ вещей и слѣдствіемъ стратегическихъ его соображеній. Легкость, съ какою подчинились ему не большія княжества острововъ эгейскаго моря и мелкія деспотства Морей, затѣмъ — безсиліе генуэзской республики, и не давно заключенный передъ тѣмъ миръ съ синьоріей Венеціи, достаточно обезпечивали его отъ болѣе близкихъ непріятелей. Главная опасность была на верхнемъ Дунаѣ, и въ этомъ онъ не ошибался; потому что доколѣ былъ въ живыхъ Гунади, до-тѣхъ-поръ Магометъ почиталъ власть свою не совсемъ утвержденною на Дунаѣ, Моравѣ и Саввѣ, гдѣ сербская и мадырская народности каждую минуту могли угрожать его владычеству даже въ самомъ Цареградѣ. Еще во время осады Константинополя явились въ станъ султана ма-

дярскіе уполномоченные объявить ему, что Венгрія только подъ тѣмъ условіемъ подписала перемиріе съ нимъ, если султанъ оставитъ въ покоѣ греческаго императора; но такъ какъ Магометъ пренебрегъ этимъ условіемъ, то между нимъ и Мадярами не можетъ быть болѣе и слова о мирѣ. Нужно сказать однакожь, что поводомъ къ появленію мадырскихъ уполномоченныхъ въ лагерь Магомета II, былъ тайный трактатъ между императоромъ Константиномъ Палеологомъ и Юномъ Гуніадп, въ силу котораго правитель Венгріи обязывался послѣдствовать на помощь осажденной Византіи, если ему будетъ уступленъ одинъ изъ двухъ морскихъ городовъ, Месѣмврія или Селиврія, лежація — первая на черномъ, вторая на мраморномъ морѣ. Обстоятельство это сохранилъ одинъ Франца, бывшій и историкомъ, и государственнымъ мужемъ Византіи, принимавшій, какъ извѣстно, самое дѣятельное участіе въ ея судьбѣ, въ эпоху осады ея Магометомъ II. Обстоятельства Палеолога были столь плохи, что онъ легко согласился на предложеніе Гуніади и послалъ ему хрисовуль, составленный самимъ Францею, въ которомъ онъ уступалъ правителю Венгріи Месемврію. Изъ всего этого видно, что Гуніади желалъ получить въ сосѣдствѣ Константинополя или Галлиполя такой пунктъ, который въ послѣдствіи могъ бы обратиться въ укрѣпленный лагерь противъ Турокъ, но взятіе Цареграда совершенно растроило его широкіе планы *). Распространяясь объ этомъ случаѣ греческій историкъ говоритъ далѣе, что когда мадырскіе послы прибыли къ Магомету, въ виду осажденной Византіи, не было уже никакаго сомнѣнія, что она не выдержитъ долго; съ другой же стороны, внутрення неустройства Венгріи, были такого рода, что самъ Гуніади никакъ не могъ, если бы и хотѣлъ, выступить на спасеніе Цареграда. Магометъ, продержавъ пословъ нѣсколько дней безъ всякаго положительнаго отвѣта, велѣлъ сказать

*) *Georgii Phrantzas. Annales. p. 327. καὶ τὸ χρυσόβουλλον δι' ἑμοῦ* (т. е. Францею) *ἔγραψεν*. Не смотря на то, что всѣ остальные историки, присавшіе объ этой эпохѣ, молчатъ объ этомъ фактѣ, онъ однакожь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Хрисовуль этотъ, или грамота съ золотою печатью, былъ посланъ къ Гуніади чрезъ зятя Θεοδοσία Кипріота, сына Михаила, но чрезъ кого именно? Франца не говоритъ.

имъ наконецъ, что онъ предоставляетъ Гуниади дѣйствовать, какъ ему угодно, и отъ него зависитъ желать ли войны или мира. Отвѣтъ этотъ былъ строго расчитанъ на времени, когда по расчету Магомета должна была пасть столица Восточной имперіи. И дѣйствительно, не успѣли послы, возвращаясь въ Венгрію, достигнуть Дуная, какъ вѣсть о взятіи Цареграда уже опередила ихъ.

Но если бы даже Гуниади, во время покоренія Византии, не предъявилъ своего протеста, если-бы онъ оставался, подобно западнымъ державамъ, спокойнымъ зрителемъ покоренія цѣлой имперіи Турками, и тогда эти послѣдніе не оставили бы въ покоѣ Венгрію, которая въ глазахъ Магомета была, изъ всѣхъ сосѣднихъ державъ, самую опасною въ отношеніи его завоевательныхъ видовъ. Слѣдовательно, главною его мыслию, послѣ завоеванія Константинополя, было осуществить завоеваніе Венгріи, но чтобы дѣйствовать въ этомъ случаѣ съ большимъ успѣхомъ, слѣдовало устранить на этомъ пути и другое препятствіе, т. е. окончательно завоевать Сербію.

Судьба этого княжества, или деспотства, раздробленнаго и слабого, была, какъ это каждый можетъ видѣть, тѣсно связана съ судьбою Венгріи. Вотъ почему мы думаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о состояніи его за два года, которые предшествовали великому походу Турокъ на Бѣлградъ. Сербы, платя Туркамъ дань еще со времени Мурата, не могли пользоваться поэтому полною самостоятельностью. Ненадежный, измѣничивскій характеръ ея деспота не могъ упрочить въ этой несчастной странѣ ни одного начала, которое бы оградило ее хоть сколько нибудь, отъ внѣшнихъ столкновеній съ османскими завоевателями, и въ то время, когда Бранковичу чрезвычайно легко было дѣйствовать противъ нихъ подобно Скандербегу на югѣ и Яну Гуниади на сѣверѣ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, пославшій Магомету, послѣ паденія Константинополя, уполномоченныхъ и вѣстѣ съ ними двѣнадцать тысячъ червонцевъ, какъ условленной дани. Престарѣлый Георгъ Бранковичъ, дрожа за свой клочекъ земли, а главное — за свои сокровища, думалъ этимъ расположить къ себѣ султана, который съ своей сто-

роны искалъ только удобнаго случая окончательно присоеди- нить къ своимъ европейскимъ областямъ и этотъ уголокъ Сербіи. Впрочемъ Магометъ болѣе полугода оставался по- коентъ, частію въ завоеванномъ Цареградѣ, частію въ быв- шей временной столицѣ европейской Турціи, Адрианополѣ *). Бездѣйствіе, въ какомъ находились европейскія державы въ отношеніи къ новому властелину на юго-востокѣ, дали ему возможность весной 1454 года снова выступить къ новымъ завоеваніямъ, и первая жертва, долженствовавшая пасть и признать полное его господство была, какъ мы сказали, Сер- бія. Не стѣняясь никакими ограниченіями международнаго права, Магометъ послалъ сказать Бранковичу, чтобы онъ немедленно приготовился сдать власть надъ Сербіей его упол- номоченнымъ. «Земли, которыми ты владѣешь, — вѣдѣлъ онъ сказать ему, — не только что не принадлежатъ тебѣ, но да- же не составляли собственности твоего отца. Сербія дол- жна была принадлежать Стефану, сыну Лазаря, и затѣмъ переходила по наслѣдственному праву мнѣ **). Поэтому очисти ихъ отъ твоего присутствія, какъ можно скорѣе. Я дамъ те- бѣ часть земель, которыми владѣлъ отецъ твой, Вукъ, и кромѣ того, городъ Софію. Въ противномъ же случаѣ за- ставлю тебя силою оружія исполнить мое приказаніе ***)». Это повелѣніе Магомета было достаточно ясно, и могла ли Сер- бія, къ которой довѣріе Гуніади и Скандербега, вслѣдствіе неуживчиваго характера ея деспота, значительно охладѣло, успѣшно противостать явному стремленію Магомета. Разу- мѣется, Бранковичъ, доведенный до послѣдней крайности, рѣ- шился попытать еще разъ счастье въ сопротивленіи, но это сопротивленіе, не смотря на вынужденное участіе Венгріи, не могло отстоять ему владѣній.

• Посланный султана, прибывъ въ Сербію, не засталъ тамъ

*) Который въ сербскихъ и болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ часто на- зывается *Цариградомъ*.

***) Тотъ же предлогъ, какой, какъ мы видѣли, представлялъ и Муратъ II въ отношеніи владѣнія Сербіей, т. е. потому случаю, что одна изъ сестеръ Стефана Лазаревича, Мара, была женою Мурата II.

***) Приказъ этотъ записанъ Дукой въ его *Historia Byzantina*, pag. 315. ed. Bonnæ.

Бранковича, который, узнавъ съ какимъ приказомъ ѣдетъ къ нему гонецъ отъ Магомета, послѣшилъ отправиться за Дунай, въ Венгрію, умолять Гуніади о помощи. Бояре, или, какъ называется ихъ Дука, архонды (*οἱ ἀρχοντες*) отвѣчали посланному, что Бранковичъ сегодня — завтра возвратится изъ-за Дуная, и тогда сдѣлаетъ все по желанію султана. Это была впрочемъ безсильная уловка со стороны деспота, чтобы выиграть время и успѣть снабдить укрѣпленные мѣста его владѣній продовольствіемъ, оружіемъ и воинами. Магометъ назначилъ своему посланному двадцать пять дней срока для исполненія его порученія, въ противномъ случаѣ угрожалъ ему смертію; но тотъ на тридцатый день только успѣлъ, что былъ обманутъ боярами въ томъ, что деспотъ, какъ они увѣряли, скоро возвратится изъ-за Дуная, и послѣшилъ извѣстить султана о его бѣгствѣ и о дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ отпору, которыхъ онъ не могъ не видѣть. Этимъ онъ спасъ себя отъ вѣрной смерти, и заставилъ Магомета послѣшить походомъ. Тотчасъ двинулся изъ Адриполя массы полковъ, которые въ нѣсколько дней прошли пространство, раздѣляющее этотъ городъ отъ Софіи. Здѣсь султанъ отдѣлилъ только двадцать тысячъ пѣхоты, которые немедленно перешли сербскую границу, и на пути своемъ нашли всю страну опустѣвшею. Жители почти все удалились въ укрѣпленные мѣста, а богатые землевладѣльцы спѣшили перейти со всемъ своимъ имуществомъ за Дунай, укрываясь въ Венгрію.

Таково было начало предстоявшаго покоренія Сербіи и знаменитой затѣмъ осады Бѣлграда. Юный король Венгріи, предоставивъ, какъ мы видѣли, главное управленіе Гуніади, созвалъ въ Январѣ 1454 года генеральный сеймъ въ Буду, для совѣщанія о предстоявшихъ опасностяхъ по случаю паденія Цареграда, и о приготовленіяхъ къ защитѣ противъ турецкаго вторженія. Отвѣтъ, который далъ Магометъ мадарскимъ посламъ въ лагерь подъ Византіей, достаточно показалъ Венграмъ, какой опасности подвергалась ихъ страна, если непріятель двинетъ свои силы къ Дунаю. Упомянувъ выше о созваніи будскаго сейма, мы должны прибавить, что на немъ Янъ Гуніади былъ признанъ главнокомандующимъ

всѣми силами Венгріи, и гласнымъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ королевства въ предстоявшей войнѣ съ Османами *).

Гуниади съ своей стороны не терялъ ни одной минуты въ военныхъ приготовленіяхъ, и съ обычной дѣятельностію, въ виду грозящей опасности, въ нѣсколько мѣсяцевъ могъ уже выставить въ поле значительное число войска. Приготовленія эти подходили уже къ концу, когда Георгій Бранковичъ и нѣсколько сербскихъ бояръ явился въ Венгрію просить помощи. Турки, двинувшись къ границамъ Сербіи, не успѣли еще достигнуть Флипполя, когда Гуниади стремительно бросился съ небольшимъ отрядомъ за Дунай, и чтобы отвлечь главныя турецкія силы, бывшія уже въ походѣ на Сербію, ударилъ на мѣста между Видномъ и Терново, въ сѣверо-западной Болгаріи **), занятыя османскими гарнизонами. Разбивъ турецкіе отряды въ нѣсколькихъ схваткахъ, Гуниади возвратился снова за Дунай, узнавъ, что Магометъ не измѣнилъ своего направленія и достигнувъ Софіи, вошелъ въ южные округи сербскаго княжества. Узнавъ объ отступленіи Мадыръ, султанъ быстро повернулъ къ сѣверу и усиленными маршами достигнулъ Смедерева и Островицы на Дунаѣ. Въ Островицѣ, или какъ называютъ ее Турки, Сирвигиссаръ, Бранковичъ хранилъ часть своихъ сокровищъ, что заставило Магомета еще болѣе желать, какъ можно скорѣе овладѣть этимъ мѣстомъ. Островица не могла выдержать многочисленнаго напора непріятели. Она сдалась чрезъ нѣсколько дней и передала султану хранившіяся въ ея крѣпости богатства Бранковича, прежде чѣмъ Гуниади могъ явиться къ ней на выручку. Онъ успѣлъ спасти только Смедерево и то не городъ, а крѣпость. Самый городъ былъ ужь раззоренъ Турками, когда Магомету донесли, что Мадыре показались въ виду крѣпости. Онъ не рѣшался однакожъ вступить

*) Заключенія будскаго сейма въ 16-ти отдѣльныхъ пунктахъ, помѣщены у Катоши, *Hist. critica regum Hungariae stirpis mixtae. t. VI. ps. II. 947—962.*

**) Οουγγροι δὲ πρὸς τὸν ποταμὸν καὶ τὰ τῆς Τερνὸβου μέρη λεηλατοῦντες. *Diss.* p. 316.

съ ними въ битву, и снявъ поспѣшно осаду, удалился къ югу. Гуниади, ободренный его отступленіемъ, упорно привязался къ его слѣдамъ, но Магометъ спокойно удалился за горы, въ Адрианополь, и только съ дороги, какъ будто одумавшись, отдѣлилъ тридцати двухъ-тысячный корпусъ на-встрѣчу Гуниади. Корпусъ этотъ встрѣтился съ Мадярами у Крушевца, но и здѣсь Гуниади не успѣлъ принудить Турокъ принять сраженіе. Густой туманъ, какъ рассказываютъ, препятствовалъ непріятельскимъ войскамъ видѣть другъ друга. Когда же онъ разсѣялся и лучи показавшагося солнца ярко блеснули по стальной стѣнѣ боевой линіи Мадаръ, то это неожиданное зрѣлище, а еще болѣе присутствіе Гуниади, заставили Турокъ поспѣшно удалиться. Одна легкая конница Мадаръ бросилась по слѣдамъ непріятеля, преслѣдуя и поражая отстававшихъ до поздней ночи, и возвратилась въ лагерь, приведя съ собою множество плѣнныхъ, и между ними Фирусъ-бега, главнаго предводителя. Изъ Крушевца Гуниади поворотилъ снова къ Дунаю и неожиданно явился подъ Видномъ, занятый турецкимъ гарнизономъ, почти безъ боя изгналъ оттуда непріятеля, срылъ укрѣпленія и удалился за Дунай, гдѣ въ виду Бѣлграда расположилъ укрѣпленный свой лагерь въ ожиданіи новыхъ событій. Не смотря однакожь на счастливый исходъ этого вторженія за Дунай, Гуниади не могъ не убѣдиться, какъ трудно было ему одному предпринять борьбу съ Магометомъ. Поэтому онъ обратился къ Фридриху III, убѣждая его пристать къ новому крестовому походу; но императоръ не думалъ вмѣшаться въ дѣло, которое ему лично не могло принести большой пользы, и Гуниади остался снова одинъ въ виду угрожавшихъ опасностей.

Зимой съ 1454 — 1455 году, когда Гуниади вывелъ изъ за Дуная всѣ свои полки, Магометъ снова стянулъ у Софій войско и обложилъ главную резиденцію деспота, укрѣпленную не столько искусствомъ, сколько природой, гдѣ хранились какъ его частное имущество, такъ и огромное количество государственныхъ сокровищъ. Семь дней продолжалась осада этого города, втеченіе которыхъ день и ночь орудія большаго калибра не переставали громить его стѣны. На седьмой день широкія брешн дали возможность янычарамъ ворваться въ

городъ, и на разрушенныхъ его укрѣпленіяхъ утвердилась съ тѣхъ поръ власть турецкихъ султановъ въ южной Сербіи (въ Іюль 1455 г.).

Вслѣдъ за взятіемъ Новоброда Магометъ не скрывалъ бо-
лѣе своего намѣренія относительно Бѣлграда, взятіе котора-
го облегчало ему завоеваніе сѣверной полосы Сербіи и от-
крывало за тѣмъ свободный входъ въ Венгрію. Намѣреніе
его завоевать Венгрію было такъ ясно, что одинъ изъ со-
временниковъ, Итальянецъ Тальякоццо, состоявшій въ свитѣ
знаменитаго Іоанна Капистрана, говоритъ, что когда Маго-
метъ стоялъ лагеремъ подѣ Бѣлградомъ, то произнесъ тор-
жественно клятву подчинить своей власти въ теченіе двухъ
мѣсяцевъ всю Венгрію *). Восторженная натура Магомета II,
его непомерное честолюбіе, его громадныя средства, все
это мы напоминаемъ нашимъ читателямъ для того, чтобы
рельефнѣе выставить доблестный подвигъ Яна Гуніада при
защитѣ Бѣлграда, который едва ли имѣлъ что-либо себѣ подоб-
ное въ исторіи новой Европы. Даже извѣстная защита Вѣны
Яномъ Собѣскимъ, взявъ во вниманіе обстановку средствъ и
обстоятельствъ, уступаетъ въ этомъ отношеніи Бѣлграду.
Приготовленія Магомета были громадны. Со времени осады
Цареграда не было видано столько дѣятельности въ воору-
женіяхъ Османовъ, какъ теперь противъ горсти защитниковъ
Бѣлграда. Цѣлую зиму тянулись къ окрестностямъ Констан-
тинополя и къ Адрианополю полки изъ разныхъ концовъ ту-
рецкой имперіи, такъ что по показаніямъ однихъ, число вон-
новъ восходило до 150,000, а нѣкоторые увѣряли, — хоть и
съ большимъ преувеличеніемъ, — что число ихъ при осадѣ
Бѣлграда доходило до 400,000 человекъ *). Не въ далекомъ отъ
Крушевца, на Сербской Моравѣ было сооружено нѣсколько
заводовъ, на которыхъ день и ночь работали надъ орудіями

*) Тальякоццо помѣщенъ у Катоны, стр. 1070. loco citato.

**) Придерживаемся указаніямъ Петра Рандануса — *Épitome rerum hun-
garicarum*, помѣщенный у Шанднера, t. I. p. 384. Ранданусъ довольно
подробно описалъ осаду Бѣлграда и упоминаетъ о 160 тысячахъ отборнаго
турецкаго войска, принимавшаго непосредственное участіе въ осадѣ. Равно
также и Іоаннъ Капистранъ въ письмѣ своемъ къ папѣ Каалісту III гово-
ритъ о 150 тысячахъ. У Катоны, стр. 1102. loco citato.

большаго размѣра. Величина этихъ орудій для разрушенія стѣнъ бѣлградскихъ восходила у нѣкоторыхъ изъ нихъ до 27-ми футовъ длины. Такихъ колоссальныхъ пушекъ было вылито двадцать двѣ, и кромѣ того до 300 меньшей величины разныхъ калибровъ. Что же касается остальнаго вооруженія, и въ особенности продовольствія турецкой арміи, то все приготовлялось въ обильномъ количествѣ. На большой дорогѣ, по направленію къ Бѣлграду, всюду были заготовлены продовольственные склады, поставлены мельницы для зерноваго хлѣба, устроены пекарни. Все это показывало, что не простымъ налетомъ хотѣлъ Магометъ явиться подъ Бѣлградъ, а предпринять противъ него правильную, долгую осаду, и въ случаѣ завладѣнія имъ, опъ хотѣлъ сдѣлать его операционнымъ пунктомъ въ дальнѣйшихъ своихъ предпріятій противъ Венгріи. Кромѣ сухопутныхъ приготовленій Магометъ не пренебрегъ и морскими. Къ Видину должныствовали прибыть 200 вооруженныхъ плоскодонныхъ судовъ, которыхъ назначеніе было, во время осады Бѣлграда, отрѣзать всякое сообщеніе осажденныхъ съ противоположнымъ берегомъ, и такимъ образомъ воспрепятствовать Мадьярамъ посылать имъ помощь, какъ со стороны Дуная, такъ и со стороны Саввы. Кромѣ того суда эти предназначались и для перевоза осадныхъ орудій.

Въ іюнь, во время жатвы, двинулось османское войско съ Юга на Сѣверъ, по направленію къ Бѣлграду. Войдя въ полосу верхней Сербіи, которая номинально признавала еще власть Бранковича, никто и не думалъ сопротивляться. Подойдя къ Бѣлграду, Османы тотчасъ окружили его отъ одного до другаго берега, а самъ Магометъ раскинулъ шатеръ свой на возвышенности, не вдалекѣ отъ города. Къ концу же мѣсяца подоспѣли и вновь вылитыя орудія, которыя расположены были въ виду стѣнъ, какъ городскихъ, такъ и крѣпости, готовые начать канонаду по первому знаку. Замѣчательно, что кромѣ мусульманскихъ народовъ, составлявшихъ рать Магомета II, въ числѣ его наемниковъ находились: Нѣмцы, Мадьяры, Итальянцы, Босняки и Далматы *).

*) *Петръ Рацианусъ*: Eorum autem, quae erant usui bombardis, negotium Germanis, Hungaris, Bosnensibus coeterisque Dalmaticis datum. *Epist. rer. hung.*

образомъ и со стороны Дуная приняты были мѣры къ отраженію непріятеля, если бы его войска приблизились съ этой стороны для подкрѣпленія Бѣлграда. Чтобы отрѣзать совершенно сообщеніе съ этой стороны, Магомедъ приказалъ забрать все воляное пространство, нѣсколько по выше крѣпости, у слитія Саввы съ Дунаемъ, частымъ рядомъ судовъ, связанныхъ между собою толстыми цѣпями. Причиной этому была вѣсть, что Янъ Гуниади заготовилъ также съ своей стороны рѣчную флотилію, для того, чтобы облегчить мадарскому войску переправиться въ бѣлградскую крѣпость.

XIII.

Какія же силы могла выставить Венгрія въ виду опасности, грозившей ей независимости? При первой вѣсти о приближеніи Турокъ къ Бѣлграду юный Владиславъ, слѣдуя совѣту своихъ приближенныхъ, убѣжалъ изъ Офена въ Вѣау. Только немногіе изъ магнатовъ остались, чтобы исполнить долгъ свой въ отношеніи къ свободѣ и независимости родины. Пробужденные, какъ говорятъ современники, пушечными выстрѣлами, которыхъ громъ донесся до Сегедна, они поспѣшили собраться снова вѣкругъ знаменъ Яна Гуниади, на которомъ опять легли всѣ надежды мадарскаго народа, а вмѣстѣ съ ними и вся обуза предстоявшей войны съ Турками *). Появленіе этихъ послѣднихъ на Дунаѣ, и опасность, которой подвергалась Венгрія, не производили болѣе никакого ощущенія въ западныхъ государяхъ. До какой степени простиралось ихъ равнодушіе, можно судить изъ того обстоятельства, что папа Каликстъ III обнародовалъ чрезъ своихъ легатовъ совершенное отпущеніе грѣховъ тѣмъ, которые, или сами примутъ участіе въ войнѣ противъ невѣр-

*) Отъ Бѣлграда до Сегеда или Сегедина считается до 23 геогр. миль. Что выстрѣлы слышны были въ этомъ городѣ, этому способствуетъ и самая мѣстность. Тальнокцо называетъ по-именно тѣхъ магнатовъ, которые поспѣшили первые подъ знамена Гуниади. Сохранилось однакожъ письмо самаго Гуниади къ Владиславу (отъ 24 іюля, у Катоны, р. 1108), въ которомъ онъ жаалуется на безучастіе, въ какомъ оставили его нѣкоторые магнаты.

ныхъ, или же вмѣсто себя поставятъ на свой счетъ солдата, не болѣе, какъ на шесть мѣсяцевъ. Но и папская булла не помогла; католическіе народы какъ-то недобѣрчивы стали къ очистительнымъ грамотамъ римскихъ первосвященниковъ, такъ что Гуниади оставался при 60,000 Мадяръ, вызванныхъ единственно его патріотическою рѣчью. Неоднократно уже упомянутый нами Тальякоццо оставилъ довольно подробное описаніе мадарскаго войска *), въ которомъ, какъ онъ говоритъ, только небольшая часть была составлена изъ хорошо-вооруженныхъ людей и бывшихъ уже въ огнѣ. Остальные были даже дурно вооружены; но за то воодушевленіе было изумительное. Лучшій отрядъ въ этомъ, можно сказать, сбродѣ людей разныхъ званій, былъ полкъ, состоявшій изъ трехъ сотъ польскихъ всадниковъ. Не смотря на эту скудость средствъ, на эту малочисленность въ ратныхъ людяхъ, при Гуниади находился человекъ, который жгучимъ своимъ словомъ и изумительною дѣятельностію былъ, можно сказать, душею при защитѣ Бѣлграда, какъ Гуниади былъ ея умомъ и силой. Человекъ этотъ извѣстный современному католическому міру, былъ знаменитый Іоаннъ Капистранъ, приставшій къ штабу Гуниади съ значительною свитою монаховъ и до конца принимавшій самое живое участіе въ защитѣ Бѣлграда. Не смотря на то, что онъ, кромѣ итальянскаго языка, не зналъ ни одного иностраннаго, онъ постоянно имѣлъ при себѣ опытныхъ переводчиковъ, которые передавали его рѣчи и воззванія и распространяли ихъ въ народѣ. Такъ поступалъ онъ во время бытности своей въ Германіи и Польшѣ, такъ дѣлалъ онъ и въ Венгріи.

Не смотря на фанатическое настроеніе этого минорита, онъ тѣмъ не менѣе былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ это время совершеннаго равнодушія Запада къ возрастающей опасности со стороны Османовъ. Въ Европѣ давно уже носилась молва о его кипучей дѣятельности и неукротимомъ фанатизмѣ, съ какимъ онъ преслѣдовалъ противниковъ католическаго вѣроученія. Обѣздивъ большую часть Италіи и Германіи, онъ ревностно преслѣдовалъ Гусситовъ въ Чехіи

*) У Катоны, стр. 1079, loco citato.

и Евреевъ въ Силезіи. Въ подобномъ подвижничествѣ промла его молодость и годы его зрѣлаго возраста. Подъ старость онъ явился отчаяннымъ противникомъ Османовъ и поспѣшилъ въ Венгрію предложить услуги свои Гуниади. Вся сила этого необыкновеннаго человѣка состояла въ томъ огненномъ словѣ и убѣждающемъ краснорѣчій, которое неотразимо — обаятельно дѣйствовало на массы народа и двигало ихъ по его произволу. Бывали, правда, случаи, въ которыхъ прозелитизмъ его успѣвалъ мало и въ этомъ отношеніи нельзя умолчать о попыткѣ его обратить въ католичество престарѣлаго Георга Бранковича, когда онъ, какъ выше видѣли, ѣздилъ въ Вѣну искать помощи противъ Турокъ. Здѣсь Бранковичъ встрѣтился съ Капистраномъ. Однажды, бесѣдуя съ деспотомъ о разныхъ вѣщахъ, и о настоящей войнѣ съ Турками, Капистранъ предложилъ ему принять католичество, за что обѣщаль защиту Запада. — «Георгій, — продолжаетъ Райчъ, выписывая изъ рукописной исторіи Георга II Бранковича, — девять-десятилѣтнему Елеазару подражая, на сіе отвѣща Капистрану сице рекъ: се азъ во исповѣданіи и законѣ Восточной церкви уже девяносто лѣтъ жизни моей прожилъ, яко же и прародители мои, отъ нихъ же во юности моей и въ народѣ моемъ насаждено и вкоренено бысть. Аще убо и въ неблагополучіи нынѣ обрѣтаюся, обаче непоколебимъ и цѣломудръ въ вѣрѣ моей пребываю, и таковъ всегда познаваемъ быхъ; ты же нынѣ хочещи сотворити миѣ, да увѣруютъ прочіи яко иже временною старостию отягощенъ есмь, и здраваго разума лишень обрѣтаюся, яко же обыкновенно говорится: старцы и второе младенчествуютъ. Тѣмъ же убо я не точію области государства моего, но и живота вѣка сего паче лишиться хочу, нежели отъ прародителей моихъ принятаго закона и вѣры отлучитися, и отступникомъ назватися» *).

Вездѣ, гдѣ ни появлялся Капистранъ, народъ тысячами, стремился къ нему на-встрѣчу, и преклонялся предъ нимъ, какъ предъ посланнымъ свыше. Въ этомъ случаѣ Чезарини уступалъ ему во многомъ, даже въ фанатизмѣ преслѣдо-

*) См. *Paura*, Исторія разныхъ Словенскихъ Народовъ, ч. III, стр. 22°.

ванія. Говорятъ, что находясь въ Бреславѣ, Капистранъ сжегъ однажды на кострѣ 414 Евреевъ, такъ что едино-вѣрцы ихъ, обитавшіе въ Чехіи и Венгріи, толпами оставляли эти страны и удалялись въ сѣверную Германію и Польшу *). Таковъ былъ этотъ новый поборникъ католичества на верхнемъ Дунаѣ, когда Магометъ II устремилъ всѣ свои силы къ Бѣлграду, чтобы овладѣть этимъ ключемъ въ Венгрію.

Осада началась въ первыхъ числахъ іюля, когда первые отряды мадарскаго войска показались съ противоположной стороны Дуная. Въ то время, когда турецкая конница, разсѣявшись по окрестнымъ мѣстамъ, грабила, жгла и убивала, 100 орудій день и ночь громили крѣпость. Стѣны и башни не могли долго выдерживать разрушительнаго дѣйствія огромнаго калибра ядеръ, которые однакожь убивали весьма немногаго народа въ самыхъ стѣнахъ крѣпости. Небольшой гарнизонъ, оставивъ предмѣстья города и даже самый городъ, скрылся въ крѣпости, гдѣ отчаянно защищался, но готовъ былъ уже сдаться, когда вдругъ получилъ извѣстіе о приближеніи Гуиади съ мадарскимъ войскомъ. Двѣ недѣли сряду продолжалась стрѣльба по крѣпости и только на четырнадцатый день показалась вверхъ по Дунаю небольшая флотилія, долженствовавшая открыть Мадярамъ путь къ противоположному берегу. Нужно было или разбить, или обратить въ бѣгство османскую флотилію, расположенную поперекъ Дуная, противъ самой крѣпости. Гуиади и Капистранъ употребили на это всѣ свои силы. Сорокъ лодокъ были вооружены лучшими воинами и получили приказаніе смѣло плыть внизъ по теченію на неприятельскія суда, между тѣмъ какъ Гуиади, съ частию своей конницы займетъ берегъ и постарается отрѣзать сообщеніе съ турецкимъ лагеремъ.

Планъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе въ ночь съ 13-го на 14-ое іюля, а съ разсвѣтомъ начался самый от-

*) О житіи и дѣйствіяхъ Іоанна Капистрана существуетъ монографія, напечатанная въ Римѣ подъ заглавіемъ: *Compendio dell' heroiche virtù e miracolose attioni del B. Giov. da Capestrano. Da Battista Barberio. Roma, 1661.*

чаянный бой. Нападеніе Мадяръ было совершено быстро и съ безпримѣрнымъ мужествомъ не смотря на отчаянное сопротивленіе Турокъ. Послѣ пятичасовой борьбы, обогрившей на большое пространство Дунайскую воду кровію, Мадярамъ удалось прорвать цѣпи, связывавшія турецкія суда, которыя тотчасъ увлекло теченіемъ. Изъ нихъ три галеры, со всѣмъ вооруженіемъ и матросами, были пущены ко дну. Этотъ смѣлый подвигъ рѣшилъ можно сказать, участь Бѣлграда. Въ-мѣсто того, чтобы преслѣдовать удаляющуюся флотилію Турокъ, Гуніади воспользовался минутой всеобщаго одушевленія своихъ воиновъ, и бросился къ осажденной крѣпости. Капистранъ послѣдовалъ за нимъ туда же. Первою заботой ихъ было на скоро возстановить поврежденныя стѣны, насыпать новые валы и вооружить ихъ сколько нибудь годными еще орудіями. Но непріятель не далъ имъ времени, потому что Магометъ, озлобленный ихъ послѣднимъ подвигомъ, рѣшился во что бы ни стало размѣтать до послѣдняго камня бѣлградскую крѣпость. Между-тѣмъ какъ пальба сильно продолжалась изъ всѣхъ осадныхъ орудій, султанъ приготовилъ густую колонну янычаръ, предназначая ихъ на приступъ. Они бросились на внѣшнія стѣны крѣпости, но были отбиты. Нѣсколько разъ повторяли они нападенія, такъ что Гуніади рѣшился уступить имъ передовую ограду и сосредоточить всѣ свои силы въ цитадели.

Занявъ городъ, Магометъ приказалъ срыть всѣ дома, чтобы расчистить мѣсто для тѣснѣйшей блокады самой цитадели. Была минута, когда эти приготовленія заставили Гуніади усомниться въ самомъ себѣ, быть можетъ первый разъ въ жизни, и подумать о сѣ отступленіи; но Капистранъ удержалъ его, и переправясь на противоположный берегъ перевезъ въ крѣпость еще нѣсколько тысячъ воиновъ. Подкрѣпленіе это было весьма кстати, потому что Магометъ приготовилъ приступъ къ вечеру. 21-го іюля, послѣ захожденія солнца, по данному знаку султана густыя толпы янычаръ, какъ бѣшеные, бросились на мостъ ведущій къ цитадели, но были встрѣчены живою стѣною Мадяръ, которые каждую пядь земли уступали непріятелю за огромныя жертвы. Гасанъ-паша, командовавшій этимъ осаднымъ корпусомъ, былъ

убить въ самомъ началѣ битвы, продолжавшейся всю ночь, до разсвѣта. Когда показалось утро, нѣкоторымъ янычарамъ удалось взобраться по стѣнамъ и проникнуть внутрь крѣпости. Гунади далъ приказаніе войску отступить отъ крѣпостныхъ стѣнъ и валовъ въ цитадель, строжайше запретивъ имъ выходить на защиту внѣшнихъ укрѣпленій и безпрепятственно допустить янычарамъ вторгнуться въ опустошенныя улицы и дома на поискъ добычи. Хитрость удалась какъ нельзя лучше. Въ то время, какъ янычары заняты были грабежемъ, данъ былъ знакъ, и показавшіеся вдругъ Мадяре заняли всѣ выходы изъ крѣпости. Прежде чѣмъ янычары успѣли собраться, какъ они были уже окружены со всѣхъ сторонъ и изрублены почти всѣ до одного. Только немногіе изъ нихъ успѣли прорваться чрезъ главные ворота къ мосту, прыгая въ крѣпостные рвы, но и здѣсь они не избѣжали своей участи, потому что эти самые рвы также обратились въ страшное побоище.

Вотъ что рассказываетъ Тальякоццо, о губительномъ средствѣ, какое было употреблено Мадярами для истребленія тѣхъ изъ непріятелей, которые рѣшились бы идти на вторичный приступъ. Когда въ теченіе ночи крѣпостные рвы наполнились безчисленнымъ множествомъ янычаръ, прыгавшихъ въ нихъ толпами, тогда, вѣроятно по совѣту Каипстрана, осажденные приготовили огромное число связокъ изъ хворосту; нанятаи ихъ сѣрой и другими горючими веществами, и запаливъ ихъ къ утру, разомъ бросили въ столпившихся во рвахъ янычаръ, менѣе всего ожидавшихъ подобной огненной атаки со стороны осажденныхъ. Дѣйствіе этихъ горящихъ связокъ было страшное: всѣ, оставшіеся еще въ живыхъ во рвахъ, были сожжены или же задохлись въ густомъ дыму. Говорятъ, что ни одинъ изъ Турокъ не спасся изъ этого пламени. Войска, стоявшіе по ту сторону рва, бросились искать убѣжища за осадную артиллерию; когда же насталъ день, можно было видѣть огромные кучи обгорѣвшихъ труповъ, что еще болѣе увеличивало ужасъ истребленія. Рвы до самыхъ краевъ были наполнены обезображенными трупами, плававшими въ крови; что же касается Мадяръ, только 60

человѣкъ, какъ увѣряютъ, выбыло изъ строя въ этой огненной бойнѣ, но за то многіе изъ нихъ были тяжело ранены.

Не смотря на то, что побѣда надъ Османами была почти рѣшена, Гуиіади не хотѣлъ однакожь рисковать съ малымъ числомъ своей рати, чтобы преслѣдовать непріятеля, который былъ еще довольно силенъ, и могъ бы возобновить штурмъ крѣпости. Но онъ не въ силахъ былъ остановить мужество воиновъ, увлеченныхъ этимъ успѣхомъ. Въ то время, когда онъ стягивалъ полки свои на небольшой косѣ при впаденіи Саввы въ Дунай, отрядъ въ 2,000 человѣкъ бросился къ Капистрану и настойчиво требовалъ вести его на Турокъ, засѣвшихъ подъ защиту осадныхъ орудій. Прелатъ не имѣлъ силы сопротивляться, и взявъ 1000 воиновъ медленно направился съ ними къ первой линіи непріятельскихъ орудій. Въ это самое время за отрядомъ Капистрана бросились новыя толпы, которыя увлекли съ собою и самаго Гуиіади. Претерпѣвъ недавнее пораженіе, Турки и не думали защищать орудія и бросились за вторую ихъ линію. Вскорѣ и эта была взята, такъ что османское войско, объятые паническимъ страхомъ, бросилось за третью линію орудій, обнесенную валами и рвами. На этомъ-то мѣстѣ и началась собственно рѣшительный бой. Магометъ самъ бросился на полки Мадяръ, опрокинулъ передовые ихъ ряды, но раненый въ ногу, долженъ былъ оставить поле битвы. Гуиіади, не смотря на малочисленность своихъ дружинъ, умѣлъ вдохнуть въ нихъ столько мужества и неограниченнаго къ себѣ довѣрія, что Мадяре не сомнѣвались въ побѣдѣ. Прорвавъ всѣ три линіи непріятельскихъ орудій, они повернули эти послѣднія на Османовъ. Магометъ надѣялся еще на стойкость своихъ янычаръ, но и они нравственно потеряли уже ту силу, которая постоянно ихъ отличала въ битвахъ; они даже, по увѣренію Халимокондила, отказались повиноваться голосу своихъ офицеровъ *). Видя это, Магометъ распалился гнѣвомъ, обратился къ Гассану, янычаръ-агѣ, или начальнику

*) Этотъ моментъ битвы обстоятельно описанъ у греческаго историка. Онъ говоритъ: *οι πολλοί αὐτῶν* (т. е. янычары) *δοκ εἰσέλθον ἐλακόνων. De reb. Turc.*

лвычаръ съ бранью, и послѣдній, какъ шальной бросился въ самую густую толпу Мадяръ, и въ одно мгновеніе исчезъ подъ сабельными взмахами, въ глазахъ самаго султана.

Для Турокъ уже было все потеряно. Правда они рискнули еще употребить въ дѣло 6,000 всадниковъ, не принимавшихъ дотолѣ участія въ битвѣ; но имъ удалось только отбить налетѣвшій отрядъ Мадяръ къ султанскому шатру, и отбросить его за вторую линію, или какъ говорятъ теперь, за вторую параллель осадныхъ верковъ. Но и это не помогло, потому что Магометъ совершенно палъ духомъ, и не рѣшался возобновлять нападенія. Съ наступленіемъ ночи онъ далъ приказаніе отступить, и это отступленіе обратилось чрезъ нѣсколько часовъ въ формальное бѣгство. Страхъ объялъ Османовъ, они съ каждой минутой ждали погоню Гуниади и спѣшили удалиться изъ виду Бѣлградскихъ стѣнъ. На ста огромныхъ возахъ едва могли поднять и увезти раненныхъ. Шатры, снаряды и орудія остались въ рукахъ побѣдителей. Говорятъ, что Османы оставили подъ Бѣлградомъ и въ окружавшихъ его рвахъ до двадцати четырехъ тысячъ убитыми, между тѣмъ какъ Мадяре потеряли не болѣе пяти тысячъ. Уходя поспѣшно съ роковаго поля битвы, Османы спѣшили по направленію къ Софіи, между тѣмъ какъ распространился слухъ, будто самъ Магометъ скончался отъ полученныхъ имъ ранъ, другіе же утверждали, что онъ палъ на полѣ битвы. Вѣсть эту подтвердилъ и Георгъ Бранковичъ, отправившій за бѣгущими Турками сорокъ соглядатаевъ, которые, возвратясь къ деспоту, донесли ему, что даже слѣдъ Магомета исчезъ *).

Не смотря на то что случай, какъ нельзя больше былъ удобенъ довершить пораженіе Османовъ и ворваться по ихъ слѣдамъ чрезъ Балканы во Фракію, Гуниади однакожъ не рѣшался попытать это послѣднее усиліе, при томъ состояніи, въ какомъ находилось его войско, безъ всякихъ средствъ для веденія войны, быть можетъ довольно продолжительной. На первыхъ порахъ у него не доставало даже средствъ къ возстановленію

* Объ этомъ свидѣтельствуетъ Капистранъ, у *Катоны*, стр. 1102. *Ex quo ipse despotus vehementer opinatur, ipsum (Магометъ) esse mortuum.*

обрушенныхъ стѣнъ отбитаго Бѣлграда, который по необходимости долженствовалъ обратиться, въ случаѣ продолженія войны, въ операціонный пунктъ на Дунаѣ. Кромѣ того на всемъ пространствѣ, гдѣ только были расположены войска, отъ нечистотъ и разлагавшихся труповъ развелись болѣзни, такъ что ряды Мадыръ ежедневно теряли болѣе воиновъ, чѣмъ сколько поразилъ ихъ мечъ Османовъ, и Янъ Гуниади былъ принужденъ хотя и противъ своей воли, отложить не только преслѣдованіе, но и вывести изъ Бѣлграда за Дунай свое войско.

XIV.

Невѣроятныя усилія и труды, оказанные Яномъ при защитѣ Бѣлграда, подѣйствовали такъ сильно на его здоровье, что онъ не могъ пересилить недуга и слегъ въ постель. Говорятъ, что горячка, которую получилъ онъ черезъ нѣсколько дней, послѣ освобожденія Бѣлграда, была слѣдствіемъ заразы, сильно свирѣпствовавшей передъ тѣмъ, и которой онъ самъ подвергнулся. Во всякомъ случаѣ, болѣзнь вскорѣ приняла опасный оборотъ и Яна поспѣшили перевезти изъ Бѣлграда, находившагося въ развалинахъ и устѣяннаго трупами, на другой берегъ Дуная, въ Землинъ. Но ни перемѣна воздуха, ни самыя неусыпныя заботы, не принесли никакой пользы. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, ему становилось хуже. За Гуниади послѣдовалъ въ Землинъ и Капистранъ. Какъ въ Бѣлградѣ, онъ ободрялъ его своею пылкою рѣчью, такъ здѣсь, онъ облегчалъ страданія больного, своими благочестивыми увѣщаніями. Видя приближеніе смерти, Гуниади пожелалъ устроить свои земныя дѣла и приготовиться къ смерти.

Немного спустя, чувствуя наступленіе послѣдней минуты, умирающій велѣлъ положить себя въ часовнѣ, приготовленной для этого, по его желанію. Вокругъ его лежали горѣли свѣчи. Капистранъ началъ читать отходную, а Гуниади съ закрытыми глазами, ждалъ приближеніе смерти, съ спокойствіемъ стойка. Растаніе его съ жизнью было почти

незамѣтно, прошло нѣскольکو минутъ и его не стало. (11-го августа 1456 г., пятидесяти лѣтъ отъ роду.)

Вѣсть объ освобожденіи Бѣлграда, быстро разнеслась по Венгріи, при радостныхъ кликахъ народа. Но вслѣдъ за нею разнеслась и другая вѣсть о смерти Гуніади, и всеобщая радость, превратилась въ мертвое отчаяніе, въ тоскливое предчувствіе будущаго.

Народъ потерялъ въ Янѣ Гуніади своего покровителя, мелкое дворянство своего храбраго вождя. Среди всеобщей скорби, одинъ только графъ Силлей былъ настолько низокъ, что не скрывалъ своей радости. Чтѣ касается до Владислава Постума, сначала и на него подѣйствовала эта неожиданная вѣсть, но онъ скрѣпилъ въ душѣ своей, глубокое сожалѣніе о потерѣ вѣрнаго своего помощника. Уважая послѣднюю волю Яна, онъ утвердилъ старшаго сына его Владислава во всѣхъ титулахъ, переданныхъ ему отцомъ.

Вѣсть о смерти Гуніади произвела то же самое впечатлѣніе и внѣ предѣловъ Венгріи. По крайнсей мѣрѣ католическій Западъ, не замедлилъ также выразить свое глубокое соболѣзнованіе къ человѣку, отдавшему жизнь свою на служеніе ему, но въ сущности, кромѣ неблагодарности, ничего отъ него не получившему. Вотъ что писалъ тогда извѣстный историкъ, а въ послѣдствіи папа, Эней Сильвій Пикколомини, такъ часто и такъ несправедливо клеветавшій на Яна Гуніади: «Я оплакиваю смерть этого вождя христіанской рати, воеводу, и какъ его называютъ, Гуніади. Со смертію его рушились и наши надежды.» *)

Римскій верховсвятенникъ Каликстъ III, велѣлъ отслужить по немъ въ Римѣ торжественную панихиду, въ присутствіи кардиналовъ, прелатовъ, епископовъ, свѣтскихъ державцевъ, дворянъ и плебеевъ. Самъ Магометъ II выразилъ также сожалѣніе о смерти перваго вожля Европы. Если вѣрить историкамъ Турочу и Бонфини, онъ будто бы сказалъ, при извѣстіи о смерти Гуніади! «да, я плачу. Съ самаго начала столѣтія ни у одного изъ государей не было такого подданнаго!»

*) См. ego Epistolae, CCXXXIX.

Тѣло Гуніади, — бана Сѣрени, графа Темесварскаго, воеводы Трансильванскаго, бывшаго намѣстника Венгріи и генералиссимуса или верховнаго вождя королевства, было перенесено въ Фейерваръ и погребено въ соборной церкви. Рядомъ съ нимъ положенъ былъ скипетръ въ знакъ того, что Гуніади, не бывши королемъ, тѣмъ не менѣе пользовался при своей жизни королевскою властію. Въ 1601 году этотъ скипетръ былъ найденъ Валахами, во время вторженія ихъ въ Трансильванію и переданъ однимъ изъ нихъ Петру Орси, начальнику Грана. Орси велѣлъ утопить несчастнаго, осмѣлившася своимъ святотатственнымъ прикосновеніемъ осквернить могилу великаго вождя. Послѣ чего Орси бросилъ самый скипетръ въ Дунай, съ слѣдующими замѣчательными словами: «Въ рукѣ славнаго Яна Гуніади ты спасъ Дунай и Венгрію, отъ ига невѣрныхъ. Теперь никто болѣе не достоинъ держать тебя. Пусть же рѣка, спасенная тобою, защититъ тебя и отъ будущаго позора!»

Но клевета, преслѣдовавшая Гуніади при жизни, не оставяла его въ покоѣ и послѣ смерти. И кто же смѣлся распространить её? Это были тѣ самые магнаты, которые трусливо скрывались въ своихъ замкахъ, во время великаго бѣлградскаго погрома; это былъ, — трудно повѣрить! — безсильный, тщедушный король, который, блѣднѣя отъ страха, оставилъ свою столицу въ минуту опасности, и вступилъ въ нее потомъ только для того, чтобы присутствовать при незаконной казни сына своего спасителя!

Злодѣйскій поступокъ съ несчастнымъ Владиславомъ Гуніади требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, любопытныхъ уже потому, что они тѣсно связаны съ судьбою Яна Гуніади. Послѣ смерти послѣдняго, Постумъ и неразлучный спутникъ его, графъ Ульрихъ Силлей прибыли въ Бѣлградъ. Жертва, противъ которой Ульрихъ всю жизнь строилъ ковы, ускользнула отъ него, и преждевременною смертію, упрочила за собой славу доблестнаго гражданина и воина. Неудовлетворенная месть Ульриха обрекла себѣ на жертву двухъ сыновей Яна, о которыхъ онъ выражался, что *готовъ былъ стереть съ лица земли эту собачью породу!* Владиславу Гуніади были извѣстны намѣренія Силлея, и онъ, выйдя изъ

Бѣлграда, на-встрѣчу Постуму, взялъ съ собою и все мадарское войско, состоявшее изъ 40,000 для того, чтобы не дать Ульриху возможности подкупомъ, или другимъ какимъ либо способомъ, возмутить противъ него нѣкоторые полки. Ульрихъ воспользовался этимъ случаемъ и увѣрилъ короля, что Владиславъ Гуниади, выводя изъ Бѣлграда войско, готовить измѣну. Между тѣмъ въ то же время писалъ онъ къ тестю своему, Георгу Бранковичу, что, *«въ скоромъ времени онъ пошлетъ ему два ядра для забавы.»* намекая этимъ на головы двухъ братьевъ Гуниади. Письмо это было перехвачено и передано Владиславу Гуниади, котораго друзья и приверженцы его дома заставили потребовать отъ Ульриха объясненія въ его злоумышленіяхъ. Черезъ нѣсколько дней, а именно 11-го декабря, въ то время, когда Постумъ находился у обѣдни, Ульрихъ былъ приглашенъ на совѣтъ. Не подозрѣвая ничего, онъ явился въ залу совѣщаній, гдѣ находились уже Гуниади и его друзья. Гуниади, показавъ Силлею письмо его къ деспоту, потребовалъ отвѣта въ его поступкахъ; Ульрихъ вышелъ изъ себя, вырвалъ у одного изъ тѣлохранителей мечъ и нанесъ Гуниади двѣ раны, по головѣ и по рукѣ. Друзья Владислава бросились къ нему въ защиту, и въ схваткѣ убили Силлея. Король узналъ объ этомъ убійствѣ своего наставника, но не сказалъ ни слова. Черезъ нѣсколько дней онъ оставилъ Бѣлградъ и вернулся въ Офенъ.

Здѣсь въ концѣ декабря 1456 года, Постумъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ и потребовалъ доставить ему вѣдомость о доходахъ его двора, которые показали ему недостаточными, почему и назначилъ въ Офенъ съѣздъ, на который однакожъ никто не явился. Вліяніе его со дня на день падало; дошло даже до того, что когда онъ написалъ однажды епископу Эрлаускому по дѣлу какого-то пріорства, епископъ разорвалъ королевскую грамоту, бросилъ на полъ и истопталъ ея ногами. Замѣшательства эти еще болѣе увеличивались распріею между домомъ Гуниади и его непріятелями. Замѣчательно, что къ партіи враговъ этого дома, присталъ также и будущій тестъ Гуниади, палатинъ Владиславъ Гара. Оба же брата Гуниади, Владиславъ и Матвѣй, довѣря ко-

ролевскому слову, прибыл, окруженный многочисленною свитой, въ Офенъ, но когда Постумъ увидѣлъ, что они явились съ вооруженными полками, рѣшился задержать обоихъ братьевъ и заключить ихъ въ темницу,

Вообще дѣло арестованія братьевъ Гуниади покрыто какою-то таинственностію. Обвинять ихъ въ преступныхъ замыслахъ противъ Постума нѣтъ никакихъ данныхъ, но скорѣе можно подумать, какъ это часто случается, что Постумъ сильно былъ настроенъ своимъ наставникомъ видѣть преступные замыслы тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Положительность тревожила тѣлеснаго короля Венгріи, такъ что лишь только Владиславъ Гуниади явился на аудіенцію (въ мартѣ, 1457 г.), то былъ арестованъ въ присутствіи палатина Гары, Павла Банфи, Искры и другихъ магнатовъ. Въ то же время былъ взятъ подъ стражу и братъ его Матвій, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе изъ его приверженцевъ и друзей.

На третій день послѣ взятія ихъ подъ стражу Владиславъ Гуниади былъ переданъ офенскому магистрату для казни, Все это дѣлалось въ тайнѣ, потому что опасались народнаго возстанія. Вечеромъ, 17 марта, осужденнаго безъ суда, двадцати-четырехлѣтняго, красиваго юношу, окруженнаго стражею съ завязанными назадъ руками, повели на мѣсто казни. Онъ шолъ бодро, смѣло смотрѣлъ на своихъ палачей. На немъ былъ кафтанъ, шитый золотомъ, быть можетъ тотъ самый, который получилъ онъ не задолго передъ тѣмъ въ подарокъ отъ короля. Прибывши на лобное мѣсто, палачъ велѣлъ ему стать на колѣни. При этомъ случаѣ, какъ водится, глашатай объявилъ молчаливой толпѣ, не преступленія осужденнаго, не приговоръ суда, а сказалъ просто *такъ будутъ наказаны тѣ, которые окажутся невѣрными своему властителю*. За тѣмъ, отдѣливъ отъ затылка длинныя, густыя, свѣтлорусыя волосы обреченной жертвы, палачъ поднялъ мечъ, чтобы поразить ее; но въ это мгновеніе онъ самъ до того былъ смущенъ, что затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Три раза лезвіе меча поражало, и только четвертый ударъ отдѣлилъ голову отъ туловища.

Безчеловѣчный и въ высшей степени безсудный поступокъ Постума возбудилъ противъ него все сословія народа. Мать Владислава, Елпсавета Гуніади, узнавъ о судьбѣ своихъ сыновей, не предалась ни слезамъ, ни отчаянію: она вдругъ ополчилась, и при содѣйствіи брата своего, Миханла Силаги, одного изъ бѣлградскихъ героевъ, приняла самое грозное положеніе въ отношеніи къ королю. Постумъ затрепеталъ въ виду этихъ приготовленій. Между тѣмъ, приверженцамъ Гуніади, взятымъ подъ стражу, удалось бѣжать всемъ почти до одного изъ тюрьмы, одинъ только Матвѣй Гуніади и Пѣвель Модраръ остались въ заточеніи. Побѣгъ этотъ еще болѣе увеличилъ страхъ короля, который изъ Офена поспѣшилъ уѣхать въ Вѣну. Мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ вышелъ въ свою очередь Матвѣй изъ тюрьмы, чтобы занять мѣсто на престолѣ Венгріи. Здѣсь необходимо договорить послѣднее слово о той черной неблагодарности и гнусной клеветѣ, какую Постумъ и его наущники силились очернить передъ потомствомъ память Яна Гуніади, осуждая его, уже умершаго, въ небывалыхъ преступленіяхъ и воображаемыхъ честолюбивыхъ замыслахъ.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ пышныя похвалы мадярскому герою, на которыя были такъ щедры королевскія грамоты, 30 января 1453 года. Гораздо любопытнѣе взглянуть теперь на обвинительный актъ, 21 марта 1457 г., изданный отъ имени того же государя, и въ которомъ для оправданія всей гнусности преступленія, совершеннаго въ Будѣ противъ Владислава Гуніади, старались доказать дѣйствительность его воображаемаго преступленія, черня при томъ славнаго отца вмѣстѣ съ его сыновьями.

«Мы, Божію милостію, Владиславъ, король венгерскій, богемскій, далматскій, кроатскій и пр. и пр. и пр. на память потомству о томъ, что совершилось. Творецъ вселенной, устанавливая во всемъ извѣстный порядокъ и сообразно съ непреложными законами поставилъ однихъ людей выше другихъ, установилъ королей, принцевъ, судей... и возложилъ на нихъ обязанность правосудно править народами... Награждать за-

слуги... и наказывать преступленія. Вотъ почему мы желаемъ, чтобы содержаніе сего акта сдѣлалось извѣстно всѣмъ, и современникамъ и потомкамъ нашимъ.

«Нѣкто Янъ Гуніади, бывшій первоначально правителемъ Серени, а потомъ воеводой трансильванскимъ, собралъ армию, двинулся на наши графства Силлейское и Загарское, захватя тогда нашими вѣрными и любезными родственниками Фридрихомъ и Ульрихомъ, графами Силлей и проч., вступилъ за тѣмъ въ наше австрійское герцогство, разграбилъ и опустошилъ огнемъ и мечемъ вышеупомянутыя графства и герцогства».

Далѣе: «Назначенный правителемъ нашего королевства, отъ нашего имени, онъ, правда, защищалъ его нѣкоторымъ образомъ; но за то, сколько золъ, сколько притѣсненій вытерпѣли отъ него наши вѣрные подданные?»

Далѣе: «Мы считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Много разъ опустошалъ онъ земля и владѣнія нашего вѣрнаго Георгія, господаря Сербіи, прибѣгая даже отъ времени до времени къ помощи Турокъ, (sic!) осаждалъ и бралъ приступомъ его крѣпости. Изъ нашихъ воеводъ Валахіи и Молдавіи, остававшихся вѣрными намъ и нашему королевству, однихъ онъ убилъ, другихъ изгналъ и замѣнилъ ихъ преданными себѣ людьми.

«Между тѣмъ мы избавились отъ римскаго императора (Фридриха III) и явились въ наше королевство, гдѣ насъ встрѣтили, отъ имени всей нашей монархіи, наши вѣрные прелаты и бароны. Когда наконецъ мы рѣшились вступить въ управленіе государствомъ, то къ намъ явился самъ Янъ Гуніади, вмѣстѣ съ нашими другими прелатами и баронами. По этому случаю мы простили ему всѣ прежнія его преступленія (sic!) и даже осыпали его нашими милостями; мы пожаловали ему, на примѣръ, графство Бестерче и многіе другіе изъ нашихъ собственныхъ замковъ. Мы даже предоставили ему управленіе нашимъ королевствомъ, измѣнивъ только титулъ регента на верховнаго вождя нашей Венгріи. Отправляясь для коронаціи въ Чехію, мы ввѣрили ему вер-

ховную власть со всеми нашими королевскими доходами, общими и частными».

«Мы надѣялись, что за неисчислимыя милости и почести, оказанныя нами Гуниади, онъ сохранитъ вѣрность нашему престолу, но обманулись въ нашихъ надеждахъ».

«Дѣйствительно, когда послѣ коронаціи въ Чехіи мы рѣшились возвратиться въ наше государство и принять въ свои руки бразды правленія, то неоднократно посылали къ Гуниади депутатовъ, выбранныхъ отчасти даже между прелатами и баронами нашего королевства, и повелѣвали ему сообразно съ его обязанностями вѣрноподданнаго, возвратитъ намъ наши королевскіе замки, сдать государственные доходы нашимъ комиссарамъ и незавѣдывать болѣе ими. Тогда-то мы убѣдились, какъ преступенъ былъ образъ дѣйствій Гуниади въ отношеніи насъ. Съ великимъ трудомъ исторгнули мы у него нашу будскую крѣпость; все же остальные, вопреки нашей волѣ, онъ удержалъ за собою, равно какъ и нашу королевскую казну. Мало этого, онъ не хотѣлъ являться къ намъ, въ Буду, не получивъ предварительно охранной грамоты, составленной съ крайне мелочными подробностями; и впоследствии неоднократно призываемый, онъ являлся ослушникомъ нашей воли. Съ другой стороны, благодаря содѣйствію Гуниади, Турки вступили въ наше королевство Сербію (sic!), — и совершенно опустошили его огнемъ и мечемъ. Чрезъ посредство Михаила Силаги, назначеннаго имъ комендантомъ нашей Нандоръ-Альбекой (Бѣлградской) крѣпости, онъ велѣлъ отрѣзать пальцы правой руки знаменитому князю Георгу, господарю Сербіи, вѣрноподданному нашего величества, и удерживалъ его въ плѣну до тѣхъ поръ, пока не получилъ отъ него значительную сумму денегъ, все чрезъ посредничество того же Михаила».

«По смерти Яна Гуниади, сыновья его, Владиславъ и Матвѣй, дѣйствовали совершенно въ духѣ своего отца, поручившаго имъ довершить начатый имъ рядъ преступленій...».

«Король Владиславъ собственноручно».

Стоитъ ли опровергать подобныя клеветы, которымъ Венгрія никогда не вѣрила, которымъ даже писавшіе ихъ не

придавали никакой вѣры? Что Венгрія имъ не вѣрила, это видно изъ того, что она незамедлила откликнуться на призывъ вдовы Гуниади, Елисаветы, — занятой одной мыслию, отомстить за сына, котораго она не могла вырвать изъ рукъ палача, и защитить память своего доблестнаго мужа. Мадяре возстали поголовно подъ начальствомъ брата Елисаветы, храбраго Силаги, и заставили вѣроломнаго короля бѣжать въ Вѣну, потомъ въ Прагу, гдѣ онъ и окончилъ печально свою жизнь, четыре мѣсяца спустя послѣ казни Владислава.

Тогда національный сеймъ собрался подъ стѣнами Песта для избранія новаго государя, и, среди восторженныхъ криковъ патріотовъ, какъ дворянъ, такъ и народа, провозглашенъ былъ королемъ Матвѣй Корвинъ Гуниади, пятнадцатилѣтній юноша, достойный сынъ спасителя мадярской свободы.

Янъ Гуниади, какъ описываютъ его современники, былъ созданъ для боевой жизни. Онъ былъ росту средняго, коренастъ, и легко переносилъ всѣ неудобства лагернаго быта. Густые, каштанные волосы, завитые отъ природы, украшали его полную мысли голову. Суровое выраженіе лица, полное энергіи и гордости, напоминало скорѣе солдата, нежели государственнаго мужа. Изъ подъ густыхъ бровей сверкали большіе, темные глаза, полные огня, ума и восторга. Хотя онъ и велъ постоянно простой образъ жизни, но былъ чрезвычайно изысканъ въ выборѣ своего наряда. Его вездѣ можно было отличить, какъ на сеймахъ, такъ и на полѣ битвы по накинутой на плеча гунѣ или меньтику, покрытомъ цвѣтнымъ шитьемъ и подбитымъ мѣхомъ. На высокомъ его колпакѣ блѣстѣло перо, усыпанное алмазами, а чапракъ и сѣдло его коня украшены были золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Въ частной жизни Гуниади былъ скромнъ, щедръ, и въ особенности добръ. Онъ много помогалъ бѣднымъ, былъ обходителемъ и вѣжливъ со всѣми, не только себѣ равными, но и съ тѣми, которые поставлены были ниже его на лѣстницѣ общественной жизни.

Военную добычу, и часто даже свои собственные доходы онъ жертвовалъ на постройку церквей, украшеніе соборовъ,

на дары монастырямъ и конгрегаціямъ, но не смотря на это, онъ не былъ ослѣпленъ фанатизмомъ, какъ это мы имѣли уже случай видѣть въ нашемъ разсказѣ. Чистота его нравовъ была столь безукоризнена, что не дала даже враждебнымъ ему историкамъ, какъ напримѣръ Длугошу и Энею Сильвію, случая чернить его въ этомъ отношеніи.

Примѣръ его отозвался и на его сыновьяхъ, которые были вполне достойными носить великое его имя. Старшій изъ нихъ, Владиславъ, подавалъ большія надежды и если бы не Постумъ, то онъ сдѣлался бы однимъ изъ мужественнѣйшихъ защитниковъ Венгріи. Другой его сынъ, Матвѣй, достигнулъ королевскаго сана, который носилъ съ честію и славой. Качества, отличавшія Яна Гуніади въ семейной жизни, перешли и въ его общественную дѣятельность, принявъ только болѣе широкіе размѣры. Такъ мы видимъ, что все свои матеріальные средства онъ употреблялъ на пользу родины, держа на свой счетъ цѣлыя арміи. А сколько было случаевъ, доказывавшихъ его рѣдкое великодушіе? Такъ, напримѣръ, Георгій Бранковичъ, измѣнялъ христіанамъ, истреблялъ ихъ послѣ пораженія, удерживалъ въ плѣну ихъ вожда, даже хотѣлъ выдать Туркамъ страшнаго для нихъ Янко, прозваннаго ими *Шайтаномъ*, — чортомъ, и Гуніади хотя и наказалъ его съ начала, но потомъ, когда господарь сталъ умолять о помощи, онъ двинулся на-встрѣчу Османамъ, разбилъ и прогналъ ихъ, спасъ князя и княжество, и удалился не требуя ни-какого вознагражденія. Далѣе, Гуніади не хотѣлъ воспользоваться случаемъ, когда Силлей находился въ его рукахъ, тотъ самый Силлей, который очернилъ его въ глазахъ короля, выставляя его измѣнникомъ и цареубійцею, и покушавшійся даже на его жизнь.

Одинъ изъ дипломовъ Постума, данный Яну Гуніади въ то время, когда король признавалъ еще все его заслуги, заключаетъ описаніе герба Гуніади, на которомъ эмблематически изображена вся доблестная жизнь Янка. На первомъ планѣ представляется легендарная сторона его жизни, именно воронъ, съ распростертыми крыльями, съ золотымъ кольцомъ въ клювѣ, на голубомъ полѣ. Далѣе, въ бѣломъ полѣ красный

левъ, съ открытою пастью, поднятый на заднія лапы и готовый ринуться впередъ. Въ одной изъ переднихъ лапъ онъ держитъ золотую корону, повидимому предлагая ее кому-то. Левъ представляетъ мужество, выказанное Яномъ Гуніади; красный цвѣтъ — кровь пролитая героемъ. Корона означаетъ, что Гуніади правилъ королевствомъ, и затѣмъ передалъ власть надъ нимъ своему законному государю, а бѣлое поле — символъ его постоянной вѣрности.

С. ПАЛАУЗОВЪ.

ПОННЗОВАЯ ВОЛЫНИЦА.

(МАТЕРІАЛЫ ДЯ ІСТОРІІ НАРОДА.)

I.

Хотя грустно, что до-сихъ-поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты изъ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій, однако утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя повидимому препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ поволжѣ и по всѣмъ крайнимъ провинціямъ въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи крайнихъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячснъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякаго рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «пониновой вольницѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видимыхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчи-

вость лежитъ, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцовъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманный и уличенный «Иванъ непомнящій родства,» на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ,» что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Яикъ, «на сытовья воды и кисельные берега,» на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію;» нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу, — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжелъ и не неблагодаренъ, гдѣ человѣку живется легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смуть, народъ бѣжалъ цѣлыми вотчинами къ Царицыну и Камышину; цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скоть и домашнюю рухлядь. По всѣмъ мѣстамъ разглашалась вѣсть, что бѣглецы, переправясь за Волгу, порыли тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то майоръ Парубучъ *). Съ трудомъ могли остановить это движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разсѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы,» которые нигуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житѣ въ новую столицу: но эти «подлые люди,» какъ назывались они въ указахъ, бѣгали за Кубань, на Куму, за Волгу и Яикъ въ бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились,» жили «звѣрски, въ отчаяніи» **). Въ Россію они не хотѣли идти; и если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнаруженіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житѣ въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ; съ ними шли и бѣглецы помѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвра-

*) Полное собраніе законовъ, т. XV. 10.791.

**) XVI. 12,003.

щаяся на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь. Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревизскимъ сказкамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вели ихъ въ присутствіе и брили *). Встрѣтивъ такой же пріемъ, бѣглые опять покидали вотчины и разсыпались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія, — и, погулявъ за границей, огромными шайками врывались въ предѣлы Россіи, расходились по всѣмъ дорогамъ, грабили и разоряли все; они нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей; многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ **). Но непрочно были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смуть крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецовъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ ***). Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе соглашались жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри, посвящались въ монахи ****), и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили *****). Переходя изъ села въ село, бѣглые, на вопросъ воеводъ и комендантовъ — что за люди? — отвѣчали, что выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, — и пропускались безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣглые солдаты, вездѣ находившіе радужный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блес-

*) Полн. собр. зак. XVI. 12,266, XIX. 13,517.

***) Полн. собр. зак. XVI. 11,894.

****) XVI. 11,860.

*****) XIX. 13. 413.

*****) Полн. собр. зак. XIX. 13,767.

тящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства,» пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ *). Регулярныя войска, размѣщенные по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно,» какъ чинили его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ своихъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вмѣнялось командирамъ войскъ, — не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинныя канаты, — проходили неизмѣримыя пространства: ихъ водили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самого Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ везли ссыльныхъ до Казани и Самары **). Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ за 402 версты, черезъ море; Якутскъ за 2266 верстъ, Охотскъ за 3037; разстояніе между камчатскимъ большерѣцкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: втеченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги ***). Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались по тюрьмамъ внутри Россіи: арестанты помещались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребахъ; ихъ набивали въ тѣсныя казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помещать болѣе трехъ человекъ на одной квадратной сажени, гдѣ три человека могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи приговоровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высылали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ начальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаванія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ на сутки. За то бѣглые арестанты дѣлались самыми закоренѣлыми разбойни-

*) XVI. 11,617.

**) Полн. собр. зак. XVI.

***) XVII. 12,345.

ками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьянъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный малороссійскій посполытый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ — новобранцевъ, разбивали конвойныя отряды и вводили съ собой будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что административныя формы не уложились еще въ стройныя формы. По всѣмъ концамъ государства ходили правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предподительствуемая избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ непрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда, — вѣшали, — топили, убивали изъ ружья, кололи, или выгоняли изъ артели. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія; вѣшали попадавшихъ имъ въ руки; разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особые сыщики съ военными отрядами, которые завѣдывали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендатамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помѣщикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревизскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или въ волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни пристанодержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятой нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія Черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались стѣзжіе и сторожевыя пункты. При появленіи шаксъ, изъ городовъ

и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за невѣніемъ войскъ собирались и вооружались чѣмъ могли отставные унтеръ-офицеры и солдаты, сгонялись вооруженные обыватели и всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ или рогаминою *).

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непойманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что дѣло не завершалось до тѣхъ-поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги, съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говоритъ сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, пстязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, они «сговаривали» съ нихъ и показывали на другихъ, ни въ чемъ невиноватыхъ. Сидя цѣлыя годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ», перепутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣйства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ,» какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто ихъ приводилъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія,» наводя ужасъ на цѣлыя уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣ-

*) Указ. Екат. 1779; 65—67.

но было производить сѣшно, въ одинъ мѣсяць, а иногда, — не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, имъ выдавали изъ казны деньги за каждаго пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристанодержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ *).

Въ случаѣ отысканія гдѣ либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *вытъ* — плата за все пограбленное имущество **) Тогда производились стачки истцовъ съ судьями: обоюдное «похлѣбство», скрѣпляемое взяткой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ большихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагались огромныя выты, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

Разбой были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столпцахъ нельзя было разсчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили пѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбои. Столица представляла видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточныя караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь, всѣмъ караульнымъ положено было имѣть трепотки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ какъ на пожаръ ***).

*) Полн. собр. зак. XVI. 11,750.

**) Полн. собр. зак. XVII. 12,455.

***) Ук. 1762.

Но нигдѣ разбой не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ какъ въ поволожьѣ. Впродолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволжья да и всей юговосточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азійскихъ ордъ; вызываетъ изъ-за границы нѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваться хлѣбомъ. — Но старый порядокъ менѣе всего уничтожался въ поволжьѣ; дряхлый XVII вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разъѣзжали тѣже толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаулами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шаекъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, вѣложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которыхъ они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ; они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыхъ шайки или приставали къ старымъ, мстивъ за свои спины и вырванные поздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ располхъ и грабили цѣлыя селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивлявшихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разъѣзжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они имѣли свои пушки, которыми отстрѣливались отъ военныхъ разъѣздовъ; свободно приставали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ и съ солью и только изрѣдка защищались имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, которыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не страшались ни воинскихъ высылковъ, противъ нихъ, ни обывателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали пристанодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ, особенно по хуто-

рамъ; обыватели не вредили имъ, потому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ понизовыми бурлаками,
Съ ярыгами кабацкими.

«Понизовые бурлаки» извѣстны были во всей Россіи; ихъ знало правительство какъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ; ихъ опасались коменданты крѣпостей, расположенныхъ по юговосточнымъ и восточнымъ линіямъ; ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ бурлаки каждую весну абордировали на своихъ косныхъ лодкахъ: отбирали ихъ казну, брали товары, ружья, пушки, порохъ и паспорта. Не одна мать оплакивала любимого сына, ходившаго «во царевъ кабакъ» и завлеченнаго въ разбой понизовыми бурлаками, какъ поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Петерять тебѣ, сыну, буйну голову.

Полная лѣтопись походовъ всѣхъ главныхъ шаекъ понизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи, возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и никѣмъ нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки понизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье втеченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свидѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царичинскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ *): верстахъ

*) Царичин. арх. № 135. Дѣло о командированіи по рѣкѣ Волгѣ Командъ для истребленія появившихся разбойниковъ. 1770 г.

въ шестидесяти ниже Царицына, на поповицкомъ приверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («снизу бѣгущихъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человекъ. Неизвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ плылъ Кретовъ, напали на него и взяли ловкимъ абордированіемъ, къ которому такъ привыкли. Они избили Кретова; многіе порывались заколотъ его, но ограничились только грабежомъ. Въ апрѣлѣ же слѣдовалъ Волгою сержантъ Деревягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медикаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаковѣ, въ ночь на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человекъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Деревягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе *).

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безопасности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали развѣданныхъ офицеровъ — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ писалъ всѣмъ городovýmъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станціямъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги, что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напоминая начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордеры «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи развѣдываній», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «злодѣевъ» всѣми возможными способами; онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проѣзжимъ мѣстамъ и, вслучаѣ появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ» пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ

*) «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человекъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо поврежденія не сдѣлали; потому и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пули.»

и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе», сверхъ того посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи; вслучаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавлялъ онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго повожья и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и всѣ окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутожимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковыя разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можете», и велѣлъ о результатѣ поисковъ доносить ему ежемѣсячно; кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать во всѣхъ мѣстахъ копию съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, расписаться на подлинномъ приказѣ, а подлинный выслать къ нему обратно; саратовскому воеводѣ Строеву приказалъ сноситься объ этомъ предметѣ, то есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шайкъ, съ тамошнимъ комендантомъ полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ сего въ которой дистанціи сдѣлается подобное грабительство, то оныхъ мѣсть командиры за слабое ихъ вблизиности себя смотрѣніе не только разжалованы, но и нещадно еще на тѣль штрафованы будутъ».

Вслѣдъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ судно, то подъѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и всѣ всходили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ ввидѣ завозни, которыя употребляются при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абординовали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на пагубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей *).

*) Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендованъ былъ Бекетовымъ. Какъ нынѣ, говоритъ онъ, мнѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи

Но это не помогало. Хотя царицынскій комендантъ втеченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносилъ постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ определенной по рѣкѣ Волгѣ развѣздъ чиненъ былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшней округѣ нигдѣ не предусматривается», — но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволюе.

II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстныя власти поволюя «недреманнымъ окомъ» наблюдали за тишиной во ввѣренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на сцену, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшаго и коннаго. Въ 1771 году становится пзвѣстнымъ атаманъ Ивановъ *) съ своею многочисленною шайкою, которая, въ

по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ я не имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ поступаетъ незначительно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предусматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемые отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхаетъ могутъ, то бѣ всѣ съ лодки своей вошедъ на оно, со всѣми будущими при нихъ ружья, находились скрытно, ни мало себя не оказывал, а лодку свою при томъ судиѣ вели бѣ, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промышленныхъ судахъ каковыя бываютъ. Когда же тѣ злодѣи по своему намѣренію сдѣлаютъ на то судно нападеніе и на оно, не выдавъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнутъ въ руки; для чего имѣя такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, дондеже оныя на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неупустительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцелярїи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Каковое средство въ тѣ отправленныя команды производить развѣзая городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ. На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету*.

*) Цар. Арх. № 188. *Дѣло о содержащихся при царицынской гражданской канцелярїи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и оклеветанныхъ или Качалинской станицы атаманъ и казакахъ. 1772 года.*

случаѣ надобности, для совершенія какой либо важной экспедиціи могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что впрочемъ было не въ правилахъ разбойниковъ прошлаго вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собою не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью шестью человѣками производилъ самыя смѣлыя набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многочисленныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходитъ къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проводится волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезенные съ верховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдицы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ азовскаго и чернаго морей. Качалинъ былъ постоянно наполненъ бурлаками изъ верховыхъ городовъ и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ и имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, но жилъ тамъ не какъ атаманъ разбойниковъ и не укрывался, а панималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти копѣекъ въ сутки*. У Иванова былъ по фамиліи есаулъ Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Страхининъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ привелъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ-день-гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ Ивановской шайки былъ одинъ который слылъ между ними за бѣглаго дьякона города Тобольска. Разбойникъ самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ успенскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помѣщичьи и экономическіе крестьяне, купеческіе приказчики; — но самый большой процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данными имъ при крещеніи, потому

что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

....Смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній....

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно, и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорта и прикидывали какой кому къ лицу, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣглому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно, — кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другой находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону, — на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготовлялъ для шайки «воровскіе паспорта».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлежѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кушачи, платки, деньги и проч.

Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ, и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили тамъ до новыхъ походовъ. Такъ они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстныя военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопребываніи шайки Иванова, потому-что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдъ за тѣмъ отряжена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человѣкъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ эсауломъ Юдинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царпцынъ и при-

ставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ бѣльшая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина, и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными наряжена была судная коммиссія, презусомъ которой назначенъ былъ секундъ-маіоръ Казадаевъ; коммиссія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но потворствовали имъ потому, что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ. Разбойникъ Стряхинъ, напримѣръ, сознавался, что «пристань имѣлъ въ Качалинской станицѣ, у вдовы казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того ево-жъ пивалъ въ кабакѣ виномъ». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ качалинской станицѣ жилъ у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговоренныхъ» нашлось до двадцати человекъ, между которыми попадаетъ имя казака трехъ-островской станицы, Ивана Семенникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго лже-Петра III, — самозванца Богомолова *). Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Стряхинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Стряхина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Стряхинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ паспортомъ жительство имѣлъ; а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ что онъ былъ несомнительный, много былъ смотрѣнъ; грабленаго-жъ кумача отъ него никакого не биралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ въ кабакѣ никогда не пивалъ». На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фразами;

*) См. нашу статью — «Самозванецъ Богомоловъ» — въ Парусѣ № 1-й 1859 года.

подобными же фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглою дьяконъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ ево видалъ и считалъ ево за работнаго человѣка, а не за дьякона; съ паспортномъ ли же онъ или безъ паспорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная комиссія не рѣшила однако участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя оправданы, но оставлены однако въ подозрѣніи; нѣсколько же человѣкъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому-что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они винулись сами.

Это происходило за три дня до бунта, вспыхнуваго 25-го іюня въ Царицынѣ во имя Лжепетра III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула; когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка между народомъ и войскомъ и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ; вслѣдствіе чего, находя присутствіе лжеимператора въ безпокойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день, т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывезли тайно изъ Царицына въ Черный Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Незвѣстно также, что случилось съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцовъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбой и чѣмъ кончилъ свою удающую жизнь: съ ружьемъ ли и пожемъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами кнута, пріютила ли его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, повидимому столь сильное извнѣ, было безспильно у себя дома и не въ состояніи было спасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и палліативы были недостаточны для успокоенія массы. Нисколько неудивительно, что въ описываемое нами время

сами блюстители порядка, долженствовавшіе «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судовладельцевъ. Такъ военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать дѣло о грабѣжѣ у слѣдующаго отъ Суворона до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ, въ дачахъ города Царицына, пахотнаго солдата Козмы Полякова, нападшими разбойническими людьми его Полякова и работниковъ его пашипортовъ и денегъ. (Цар. арх. № 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царцынского 2-го батальона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!

III.

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачева — царцынскаго Же-петра III — самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачева (что должно составить содержаніе особаго, обширнаго труда, предпринятаго нами), мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачева. Но приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачева и послѣдующимъ служитъ явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачева и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью *).

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинаетъ дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ официальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* **).

*) См. нашу статью — «Заметаевъ» — въ Рус. Дневн. 1859 г. NN. 7 и 8.

***) Цар. арх. N. 337. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1773*

Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвѣстно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ понизовыми бурлаками, со ярыгами кабацкимп», и наконецъ очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничьемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на всѣ четыре стороны — къ Киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы набирали свои шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ Киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попалъ въ руки къ мѣстному начальству, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго письменнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ, и съ тѣхъ поръ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаги*.

Мнимаго рекрута засадили подъ караулъ, судили въ Астраханской военной комиссіи и опредѣлили въ солдаты въ Самарскій полкъ съ фамилією Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ, служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ; она послала въ полкъ довѣренное лицо, убѣдилась въ истинѣ слуховъ, и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкнувшуюся съ буйной волей, такую жизнь не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ навербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человекъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торпакова, огра-

били его домъ и избивали до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военно-судная коммиссія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («прогнать сквозь шпигцъ-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачевъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда всѣ уцѣлѣвшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимаго Петра III, Кулага бѣжалъ изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человекъ.

Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря были переловлены. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюгѣ. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодежь, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и неизвѣстно по какимъ причинамъ бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ прикащики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ, и, успѣвъ пригласить только двухъ человекъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшись отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 человекъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюгѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ нѣкто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ батальонѣ. Онъ оставилъ свой батальонъ

только въ іюлѣ 1775 года, нѣсколько времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулаги. Еще раньше Тарабарина пристагъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимірской губерніи, изъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подъ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партією Владиміръ, онъ бѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на созяную пристань; здѣсь онъ нанимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю сему 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между чернорѣченскими ловцами въ продолженіи трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. Но весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагою и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ спознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ бѣгства изъ полка онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулаги былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, Федоръ Васильевъ, уроженецъ богатаго села Лыскова, «помыщика Грузинскаго царевича Егора Вактундича крестьянинъ *).» Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемъ и «по учпненіи присяги,» когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, бѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурлаками, такими же какъ самъ онъ бродягами и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани.» Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постоянного жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Наскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возымѣлъ, чтобъ пройтить пока вверхъ,» и случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагою, или привлеченный въ его шайку молвой его имени, уже извѣстнаго и по взморью на всемъ понизовьѣ, онъ поступилъ подъ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Силантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулаги находилась не одна отважная голова;

*) Въ другомъ мѣстѣ — *Вактундича*.

только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Силантьевъ, какъ сынъ протопопа и воспитанникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибытіемъ новыхъ лицъ, то уменьшалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку; иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ расчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ, и вообще надѣлало много шума.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ по преимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой коспѣ или рыбацкой лодкѣ, а не на большемъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно извѣстна изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ рассчитывать на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцовъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулаги, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили питейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулаги, разбойникъ Шумняковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ покинулъ свою шайку и снова, въ качествѣ простаго бурлака, отправился на ловецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромные сухопутные грабежи скоро перешли въ отважныя разбои, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто укра-ла большую заводу, родъ небольшого судна, которое называлось «досчанникомъ.» Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и слѣлалъ нападеніе на старую ватагу купца Сквор-

цова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, Киргизъ-кайсаковъ и Калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому наспію и оружіе отразить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороха, ружей, пикъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно плохенькая, какія нибудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія непріятели; рабочіе на ватагахъ и самыя ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены, Кулага забралъ у нихъ деньги, взялъ также шесть ружей «съ приборами», двѣ шашки, ловецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорта. Паспорта тотчасъ были разобраны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорта, и въ какомъ изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взялъ для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбой, а свой досчаникъ бросилъ на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,
 Что плыветъ гребетъ *леика-лодочка*;
 Хорошо-то была лодка изукрашена,
 У ней носъ, корма раззолочены,
 Что расшита легка лодочка
 На двѣнадцатеры веселочки;
 На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
 На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
 По краямъ лодки добры-молодцы,
 Посреди лодки красна-дѣвица,
 Эсаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смѣтрѣлъ простымъ бурлакомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ

лохмотьяхъ; не было у нихъ и красной дѣвицы; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала также храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага знала, что съ лодками легче было управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмель; лодка могла плыть невидимою и незамѣченною подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абродировать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи питейнаго дома на Башмаковкѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему-то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага пріѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана — батюшку съѣстными припасами.

29 іюня во второмъ часу полуночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29 іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ почти никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ щучинской ватаги отправились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика, Калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвѣстно по какой причинѣ, жестоко «смертельно» избили нагайками этого бѣднаго пастуха и Калмычку, жену его, избили такъ, что нельзя было даже надѣяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ каспійскому взморью *). Въ этихъ похожденияхъ прошла ночь Петрова дня

*) Въ поданномъ въ Астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу пополуночи, въ небытность на щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, пріѣхавъ на оную ватагу съ одной лодкѣю на десять веселъ воровской атаманъ, называемой Кулага, съ това

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападенія разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдатъ, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Болдѣ. Извѣстно, что разъѣздныя команды или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго начала XVII столѣтія постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскія партіи отъ дистанціи до дистанціи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ *). Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поравнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехизбинской ватагѣ упомянутаго купца Шарыпина, разъѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенію: что за люди? — «Добрые люди» — дань былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, не тронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подъѣхали къ кухнѣ этого заведенія, пристали къ берегу — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ разбойникъ Кулага и съ нимъ воровская его партія». — Ограбивъ щучинскую ватагу, Кулага про-

рыщи своими десятью челоуьками, съ ружьями, палашами, большими ножами, которые по приѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у протчихъ нѣсколько экшажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейся при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ оноу табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкіева, били ево и жену ево нагайками смертельно, и будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой впередъ живы или нѣтъ, неизвѣстно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»

*) Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *высылки* и воевода, отправляющій ихъ для поимки добрыхъ молодцовъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное,
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани *часты высылки*,
Высылаетъ все *высылки стрѣлецкія*,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцовъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе,
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —
Воровства, грабительства довольно есть.

бирался къ каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избинской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти всѣ на срокъ отпущены были для расчета въ Астрахань, а потому, обманувъ разъѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ея окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и рассчитывать на успѣхъ. Но разъѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «онихъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря оныхъ злодѣевъ, капралъ и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворамя изъ ружей; но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ пальнуть же, и была сильная пальба со обохъ сторонъ, и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были и ранены, также и солдаты. На послѣдокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодоленіи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при прѣмыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и прочія лодки изрубили и затопили».

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однакоже не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми ранеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, негодное, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-избинской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшацкой станицѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбой этихъ двухъ самыхъ популярныхъ атамановъ, производился въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ Киргизамъ и доходилъ до азійскаго берега Каспійскаго моря, а Кулага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, всгдѣ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ-называемому морскому бибииковскому стану, принадлежавшему

тоже купцу Шарыпину. Что дѣлалъ Кулага на этомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными успѣхами Заметаева и незнавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой то Кулага-атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левинъ, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ поволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, строжайшіе ордера о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбойника. Онъ приказалъ, во что бы то ни стало выслѣдить и искоренить его *безъ всякаго упущенія, не принося никакихъ въ томъ невозможностей*: «предписывалъ и» разѣзднымъ командамъ *накрѣпко* подтвердить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ «и вслѣдъ» по часту репортовать» о томъ, что будетъ происходить. Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ и Цыцлетевѣ отвѣчалъ на него Левину, что «находящимся въ разѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобы они по точности вышесаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, *а наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусытное стараніе, безъ упущенія, наискрѣпчайше отъ меня подтверждено.*»

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынской комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошегъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ, и, нѣскольکو часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцелярѣи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то останавливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ людей и, спросивъ паспорта, приводить каждаго изъ нихъ къ Ку-

лагъ; если Кулага на вопросъ, принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ — къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то не смотря ни на что, если бы даже эти уличенные имѣли паспорта, брать подъ караулъ, оковывать въ крѣпкія желѣза и присылать въ Царицынъ» за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оныя въ дорогѣ утечки учинить не могли.» На другой день Волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ, и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить внимательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ; — но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни остановокъ, ни притѣсненій, а вели слѣдовать «своимъ трактомъ».

Повика Кулаги была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ пополудни, войсковою старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Кріулинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена и находившіеся въ ней четыре человека взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было что это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцелярії сказочный Аванасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человека, лицо котораго было ему знакомо; этого человека онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ извѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакѣ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лицо разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25 сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ ночью на Волгѣ — Персидскимъ и Кріулинымъ. Вѣсть, пе-

реданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулага между этими четырьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъизбинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разъѣздной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разъѣздные команды ищутъ его по всѣмъ направленіямъ и имя Кулага не разъ произносилось въ комендантскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шопотомъ и на базарахъ, — однимъ словомъ, — испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ нибудь въ верховыхъ городахъ, и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей, Тарабарина, бурсака Силантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человекъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть въ царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались пріобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ — «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе *), какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

*) Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, — находясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ, и, вслѣдствіе манифеста, опубликованнаго послѣ смерти Пугачева, получилъ въ Астрахани новый видъ, «съ тѣмъ, чтобъ онъ шелъ въ домъ прямѣйшимъ трактомъ;» случай столкнулъ его съ Кулагой: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ, подошелъ просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглие солдаты

оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по-двое: бур-сакъ Силантьевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартирѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкоть; недалеко отъ Волги, на бечевинкѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и нанялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Несмотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ, — Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинымъ, на идущихъ снизу судахъ, не угаданы.» Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги, вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь» или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собой бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, приобрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынъ; здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ присталъ къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулаги.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынъ, а 13-го отправлены по форпостамъ въ Астрахань на судъ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «по ихъ важности, какъ оныя въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка,» командированъ былъ сильный конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкція относительно надсмотръ за преступниками *).

и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за карауль (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій — уржумскій крестьянинъ Ямщиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, также какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги, и, подобно Григорьеву, взять былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачева, а не потеряли паспортъ.

*) Инструкція эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и кромѣ того показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) Съ гобвахты отъ караульнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручни и на обѣихъ ногахъ въ колодки, а

IV.

Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась непереселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойни-

прочихъ, какъ въ наручняхъ, такъ и въ такихъ же колодкахъ осмотра, гораздо укрѣпить.»

2) «А потомъ принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъ-майору Василю Василюевичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и Черноярскому коменданту Айдарову и подорожную для нашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп., да кормовыхъ денегъ 70 коп., отъ воеводской канцеляріи, слѣдовать въ путь, при наряженномъ съ нами конвоемъ съ линіи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Ярѣ командѣ казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣдняго, съ Мазайскаго, тожь и съ подлежащими въ Черной Ярѣ 15-ю человекъ слѣдовать до Астрахани, принявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человекъ отъ стоящаго при гобнахтѣ караульнаго офицера, заклепавъ всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадя на подводы, распредѣлить къ нимъ изъ конвою къ каждому по рассмотрѣнію вашему.»

3) «Будучи въ пути имѣть крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подъ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и наручни въ пути, окружась конвоемъ, а на ночлегахъ и ночевьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разговоровъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на ночь доставать на свѣтъ жиру или лучины, и сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать уходъ, и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставлять, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подъ вашимъ самоличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете караульныхъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.»

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на трое хлѣба, употребя по 2 коп. на человекъ въ сутки, и онымъ удовольствоваться.»

5) «По прибытіи въ Черный Ярѣ къ тамошнему господину коменданту являсь по здѣшнему сообщенію при подачѣ онаго донести, чтобъ на дальній путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить по своему распоряженію, и въ Енотаевской крѣпости равно отъ тамошняго господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ наискорѣе.»

ками, выставляли передъ правительствомъ какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ «новый славный разбойникъ Кулага».

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всѣ изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомоловъ — казакъ легионной команды, Пугачевъ — донской казачій офицеръ, Ханинъ — отставной казакъ; точно также всѣ разбойничьи атаманы, предводители шаекъ, большая часть изъ эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсаулъ Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагунъ и Зубакинъ — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всѣ военные бѣглецы. Атаманъ Наумъ Филиповъ *), о которомъ идетъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, самарскаго уѣзда, въ селѣ Марквашѣ, въ имѣніи графа Девиера. Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тенгисскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Калуга оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастья въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцевъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку — промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотъ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкасскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности вѣроятно не понравились Филипову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжело больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимый больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабацѣ и дня два пилъ «на оныя деньги» зелено ви-

*) Дѣло о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи. 1775. Цар. Арх. N. 323.

но; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что бѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работники, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой хуторъ, стоящій на Донцѣ верстахъ въ шести отъ кочетовской станицы, и держалъ его два года; но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выслазъ его изъ своего хутора, сказавъ: «миѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйдти на Волгу, поискать счастья въ волжскомъ повожьѣ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдицей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, шацкаго уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдицу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Иваномъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узнавъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, бѣжалъ изъ арміи и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ на свой хуторъ, на рѣчку Щелканъ, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ — «вы уже миѣ болѣе не надобны,» — отслазъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подъяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партій Пугачева и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самого Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работники, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачева.

У Пугачева, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлые караваны судовъ съ съѣстными припасами, казной, награбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на этотъ флотъ самозванца поступили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флотилии мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачева поступилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верстъ за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и принуждено было сдаться;

однако Филиповъ счастливо избѣжалъ плѣна. Когда съ берега сдѣлано было на нихъ нападеніе, Филиповъ и съ нимъ человекъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачева сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ *). Они доплыли такимъ образомъ до караванской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачевского ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними исчезаетъ изъ виду и товарищъ Филипова Кирпичниковъ. Между тѣмъ Филиповъ, съ пятадцатью бѣглецами, изъ караванской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушный пріемъ, потому что одинъ изъ его партіи, малороссіянинъ Власть Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и жепать былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ дѣйствительно позволилъ имъ переночевать у себя, хотя зналъ, что они бѣжали изъ пугачевского ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ **). Утромъ вся партія разошлась въ разные стороны, а на хуторѣ остались только Филиповъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власть Якимовъ. Скоро Филиповъ свелъ короткое сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «спознался» съ сестрою волжскаго старшины Ощепкина, Ирину, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передала ей на сохраненіе часть своего добра ***). Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караванскаго казака, по фамиліи Вдовина, котораго зналъ Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно-ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

*) «Не доплывя онаго (Царицына) вереть съ пять (говорилъ послѣ Филиповъ на допросѣ), пристаи къ Денежному острову, гдѣ высланною изъ Царицына воинскою командою оноо судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшии онаго, сѣвъ въ нѣкуюся при томъ суднѣ лодку, человекъ до 15-ти, избѣгая себѣ поимки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ.»

***) «Отъ насъ съ Василемъ Хохловымъ (слова Филипова) отобралъ платковъ *талянскихъ* разныхъ цѣтовъ пять, цѣной каждой по 3 рубли, да отъ пришедшаго съ нами одново бурлака взяли тогда ить сукна алова тонкова шесть аршинъ.»

****) «... рубашки двѣ — александрійской пестреди, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отлазная травчатая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублевъ.»

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову, — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ, въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали старшины, — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ *).

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Богѣ недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашніе власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но впродолженіе зимы Филиповъ не сидѣлъ сложа руки. Онъ замыслилъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ,

*) Подлинныя слова, взятая изъ допросовъ.

«чтобы лѣтомъ,» — какъ самъ выражался, — «прибравъ партію, начать разбой». Начались между бродягами сходки и совѣщанья, — избраніе атамана, эсаула, хлопоты о приобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху — точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черныя вороны солетались,
Собрались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку заедино.
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ.

Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелецъ Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девьера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ, и направился во вновь поселяемыя нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая кто они и откуда; Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и явившись въ колонокъ Кустаревъ, что выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня сѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, склонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ казаковъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братьи много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь,» сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что-вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина и они отправились въ караванскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ-тѣхъ-поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ,» то бродягой, непомятымъ роду-племени; снѣ.

жилъ и у Морозова, и у Донешанкина или Лихоманкина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворянина, и у казака Защенина, у котораго дѣлазъ телѣги для отправления въ Моздокъ, и наконецъ у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачева толпы». Съ пристани онъ взятъ былъ въ пугачевскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ-тѣхъ-поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣглаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караванской станицы. Кромѣ того въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22 й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачевымъ Оренбурга, находилась въ япцкой крѣпости. Генерал-майоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности сноситься съ осажденнымъ Оренбургомъ потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачевского ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались сквозь армію Пугачева и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Илека они были пойманы пугачевскими сыщиками (а можетъ быть и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачева; депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяцъ Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачева, пришелъ опять въ япцкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волгскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работою до самого прихода Пугачева въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, занимался къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожнихъ судахъ. По взятіи Пугачевымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ прожигалъ у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ошепкина, потому что пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малороссианномъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то

безрукаго старика, и жилъ уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

И такъ, мы видимъ, первыми товарищами Филипова были все люди военные. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходкахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Филиповъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ приятельницѣ Филипова Маріѣ Ощепкиной. Время было такое, что пора бы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филипову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человѣкъ, такіе же какъ и они бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, шли теперь промыслять на Волгу. Филиповъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ нибудь на берегу Волги и немедля начать разбой. Ниже Караванской станицы находилась пустой форпостъ оставленный вѣроятно во время нашествія Пугачева. Не смотря на то, что форпостъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочнаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форпостѣ они могли найти почлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ, и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форпостѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступить къ обдуманнѣйшимъ дѣйствіямъ. Последняя партія, въ числѣ семи человѣкъ, отправилась по направленію къ сестрянскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйти на Волгу, а Филиповъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибыли въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиповъ вывелъ наконецъ на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ ерикѣ еще въ прошломъ году, въ то время когда они спасались отъ царцицскаго отряда преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолеть, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человѣкъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбною ловлею. Три дня провела шайка на форпостѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ, эта другая

партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для препровожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры,» солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его, состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ онъ вѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и проѣхавъ антиповскую станицу, приближался къ караванской. Не доѣзжая семи верстъ до Караванокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенную ихъ трусостію наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обобрали тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точію чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли.» Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули,» и оставили несчастнаго въ одномъ только казенномъ камзолѣ *). Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемѣ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обобранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направи-

*) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обобрали, не оставя и для прикрытія наготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было попротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули.»

лась къ сестрянскимъ хуторамъ и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форпостъ въ воскресенье Фоминой недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только камзоломъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой караванской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отправился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» *) отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана, показались Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечисты; что онъ знаетъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыгратъ столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже нищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣть свое почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ, и взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непременно убить Степанова.

— Напрасно мы солдата отпустили, не бросили въ воду, говорили они: — ежели еще попадетъ къ намъ въ руки, то смерти нещипнетъ... Всячески старатца будемъ, въ поѣздъ его изъ караванской станицы, поймавъ умертвить».

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары лпшквѣ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ караванскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгуція на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова попутный ни-

*) Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію.»

зовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса; лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степановъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «ст. большою азартностію:»

— Я не имѣю отъ войска грамоты для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамота, а потому понятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмутилъ находившагося тамъ отставнаго капрала легионной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:

— Ты не стараешься сыскивать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты такъ старателенъ, то поѣзжай самъ, — а я команды не даю: — команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправились на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атаманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ ослабленіи разбойникамъ:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впоследствии.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгою огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около караванской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капралъ Серебряковъ уличилъ бродягу, сказавъ, что видѣлъ

его прежде въ Караванской станицѣ, — что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменамъ Пугачева и, по взятіи вхъ судна у Денежнаго Острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачева, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караванкахъ, и согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбой, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозы Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ; пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласилсь убить Степанова; а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станничій эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впередъ себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человекъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разъѣздной команды, «по понаровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не старались, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ понаровку.»

Какъ-бы то ни было, но атаманъ, эсаулъ и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбой его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ рассчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (караванской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, тожъ и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именамъ.» Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станничьими властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ

отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партією изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнаною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котелъ для приготовленія пищи, отъѣхала внизъ, за балыклейскую станицу, для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавлялъ Филиповъ, вамъ переловить легко можно.» Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по ловецкимъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отъѣхавшую за балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться опасности быть утопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ или наконецъ повѣшеннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ станичнаго эсаула, дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ своими своими далеко нехрабрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варварски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсаулъ ему «съ серцовъ» въ томъ отказалъ, притомъ:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось какъ взять съ собою уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе; но эсаулъ приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не соглашался уступить ему свою добычу, эсаулъ сказалъ:

— Мы и сами съумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо.» Степановъ принужденъ былъ ѣхать дагѣ съ одними ловцами и рассчитывать на неизбѣжную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караванками и Балыклейками и вскорѣ Сте-

пановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома побѣда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ снять кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филипова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыклейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи развѣдной команды. Однако и здѣсь пришлось ему услышать такой-же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей караванской станицы.

— У насъ воровъ нѣтъ!.. да и для сыску ихъ, чтобы посылать команды, не имѣется отъ войска грамоты, сказалъ станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ караванской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыклейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула караванской станицы, жалуюсь, что онъ отнял у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и понаровку,» развязалъ ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсаулъ былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсаулъ, неизвѣстно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже нѣсколько извѣстный читателямъ по нашимъ прежнимъ очеркамъ. Наконецъ Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ и Царицына, и 1-го мая подалъ во 2-й Царицынскій батальонъ къ батальоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнувшаго въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванецъ Богомолвъ). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей,» о преслѣдованіи ихъ съ помощью развѣдной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сто-

ронахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ о помнкѣ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станицъ, и жалуясь на нихъ, прибавлялъ: «что я, видя такіе поводы, убоясь, чтобы еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкіи лодки, уѣхалъ въ путь.»

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались писемныя извѣстія и ходили слухи, что все поволжье неспокойно, что нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и отъ кого зависѣло счастье обнищавшихъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захоlustьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захоlustьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода провалялось между кучь рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ,» объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммисія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственныя дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать дѣянія добрыхъ молодцовъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно-бы желало замаять и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненіе, и оно выпрыгивало по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что тянуло время или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филипова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствіяхъ. Тогда царинскій комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманные въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ караванской станицы «зстребованы-ль, и нынѣ подѣ караулъ отданы-ль; а ежели не требованы, то чего ради упущено.» Потомъ онъ приказалъ —

«разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, къ поступленію съ ними по указомъ, въ комендантскую канцелярію.» Волжское войско отвѣчало что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караванскому станичному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненія по дѣлу о Филиповѣ; но теперь препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковою атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣреніе производить проѣзжающимъ по Волгѣ, рѣкѣ людямъ разбой, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станичными старшинами Федоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Селиваньевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ-же отправлены были въ базыклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Степановъ и посадилъ тамъ подъ караулъ — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ войсковою атаманъ добавлялъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станичнаго атамана караванской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки — атаманъ Филиповъ, эсаулъ Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самаго тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачева) толпы минуло не малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачева и сами признались въ этомъ). Притомъ, по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о нападеніи на него разбойни-

ковъ; а потому велѣно было истребовать въ комиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презумомъ военносудной комиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Комиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ презуса уговариваны были, дабы при начинающемся, даже и до окончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти», и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ-ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочтана была, «для напоминвенія» присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ *):

*) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовуть, чей ты сынъ, сколько тебѣ отроду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божию ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли? —

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличныя къ тому указы тебѣ читаны были ли и что кому за какіе преступленія штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) На предъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обидъ, налоговъ и притѣсненія тебѣ не было ль?

5) Нынѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего, и съ кѣмъ именно, и при томъ побѣгѣ не снесъ ли ты чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣгло или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго пашпорта, и по немъ имя свое и прозваніе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразныя съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ, — не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убивства, домашъ поджоговъ или какого другого злодѣйства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и наконецъ — *«напряженія чтобъ пристать за границу не имѣлъ ли?»* Последній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли истинную правду, показалъ подсудимый и не утаилъ ль чего?

«Степаномъ меня зовутъ, Федоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взять я въ 1773-мъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Федора Иванова сына Ермолаева изъ крестьянъ, и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божию хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ».

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличныя къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ».

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ спозна. Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣми отвѣтами Сучковъ объяснялъ обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и наконецъ поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія, и потому утаилъ нѣкоторые обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, онъ работалъ на соляной пристани, что противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаясь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственнаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбой, «однако еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но всѣ согласно показывали, что начальники караванской станицы и казаки были къ нимъ очень мило-

стивы. Комиссіи не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судъ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась, — «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинъ Ошепкина и Бирюлькина, бывшаго станичнаго атамана Кузнецова и вновь избраннаго Кумкова, казака Морозова и пріятельницю воровскаго атамана Прияну Бирюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило; тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цыплетева комиссіи просила «накрѣпчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины караванской станицы были непременно присланы въ комиссію, такъ какъ пменнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становищниковъ и пристаподержателей съ крайнею прилежностію съискивать и дѣла оканчивать въ мѣсяцъ». Вытребованъ былъ въ комиссію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авилловъ и нѣкоторые другіе ассесоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему воинскому суду назначенные. судии кленемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семь судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, вопиющимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хошемъ, право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онь, нелицемѣрный судія».

Между тѣмъ 27 января получена была наконецъ отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именемъ правительства дѣлались въ Царицынѣ. Войсковою атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ комиссію, что «хотя оные бѣглецы по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачева) толпы по прѣѣхъ въ дачехъ Караванской станицы и иетались, но до разбитія злодѣя (Пугачева) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оные поиманы караванскою станицею посланные изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показаніямъ на поимщиковъ, злобствуя за то, что они ими переловлены, едва ли можно въ силу законовъ вѣрить, а особливо *естъ ли за поимку будутъ бы-*

лые разбойники показывать и за то поимщиков забирать къ слѣдствію и чинить въ проѣздахъ убытки, то каждому впродъ къ поимки таковыхъ ревность можетъ быть отнята». Вслѣдствіе этого комиссія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ комиссіи военнаго суда въ таковыхъ-же держаніяхъ фергерамъ и крикскретамъ вѣдомства своего стариннамъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь-противныхъ законамъ проступкахъ, отъзываясь разными обстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а наконецъ съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батоги». Затѣмъ разбойники уличены были Степановымъ и признались во всемъ, кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжкой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ караванской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличивалась, помимо уликъ въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно — «похищеніемъ казеннаго интереса», потому-что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами *)». О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ-быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ-бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шаекъ. Царицынъ и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобы по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвой съ связанными въ колодки раз-

*) Интересно, что военносудная комиссія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «по сколько цѣною положены по штату солдатскій кафтанъ и штаны шитыя, и получила отвѣтъ, «что солдатской кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ два рубли шездесать две копейки пять шестыхъ на десять (2 р. 62²/₁₀ к.) штаны съ пуговицами шездесать девять копеекъ съ половиною двѣ трети одна осмая» (!! 69¹/₂ + ²/₃ + ¹/₅ коп.).

бойниками; то везли въ телѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, то приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу шпиль-рутевовъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проводы наказанныхъ. Въ тотъ день когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринымъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ — въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коновода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи *). Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около того же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генералъ-аншефа гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія калмыка Зотбу Гецуля Ножикова **). Эти — «по самоважнымъ дѣламъ колодники» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между-тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступленіемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому-что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ ночи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежда. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ защитою законнаго свидѣтельства, можно было найти гдѣ-нибудь въ захолустѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыслъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать примѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пересвидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно

*) Объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ имѣетъ быть въ скоромъ времени напечатана особая статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

**) Дѣло о разбойникѣ Свирадѣ Тарелкинѣ съ товарищи. 1775 г. Цар. арх. N. 843.

огрabitъ или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его пашпортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или просроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь ищутъ на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ то варищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пики и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ душлистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлые члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ кабакахъ, послушаютъ говору людскаго, нападуть на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ полетутся въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Иловлю и Медвѣдицу, найдутъ пристанище, кто за деньги, кто за имя Христово; иные вынопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней какъ пустынники.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

Безуміе горя.

(Посв. пам. Ел... П...й).

Когда, держась за ручку гроба,
Мой другъ! въ могилу я тебя сопровождалъ --
Я думалъ: умерли мы оба
И какъ безумный — не рыдалъ.
И представлялось мнѣ два гроба:
Одинъ былъ твой — онъ былъ уютно-малъ,
И я его съ тупымъ, бессмысленнымъ вниманьемъ
Въ сырую землю опускалъ;
Другой былъ мой, — онъ былъ просторенъ,
Лазурью, зеленью вокругъ меня пестрѣлъ,
И солнца дискъ, къ нему прилаженный, какъ бляха
Роскошно-золоченая, горѣлъ.
Когда твой гробъ исчезъ, забросанный землею,
Увы! мой — все еще насмѣшливо сіялъ —
И озпрался я, покнутый тобою,
Душа души моей! — и смутно сознавалъ,
Какъ не легко въ моемъ громадно-пышномъ гробѣ
Забиться — умереть на столько, чтобъ забыть
Любви утраченное счастье,
Свое ничтожество, и — жажду вѣчно жить. —
И порывался я очнуться, — вострепнуться, —
Подняться, — вѣчную мою гробницу изломать —
Какъ саванъ сбросить это небо,
На солнце наступить и звѣзды разметать, —
И ринуться по этому кладбищу,
Покрытому обломками свѣтилъ,
Туда, гдѣ ты — гдѣ нѣтъ воспомнаній
Прикованныхъ къ ничточеству могилъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ А. А. БЕСТУЖЕВА

(Марлинскаго.)

1797—1818.

(Изъ воспоминаній его брата. *)

Всякій разъ, когда я пытаюсь воскресить въ своей памяти, самую отдаленную эпоху нашего дѣтства и думаю о братѣ Александрѣ, онъ постоянно представляется мнѣ, въ полу-лежащемъ положеніи, въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, съ огромною книгою въ рукахъ. Меня, какъ ребенка, прельщали иллюстрированныя картинки, изображающія костюмы и бытъ разноплеменныхъ народовъ... и я по цѣлымъ часамъ стоялъ позади кресель, чтобъ дожидаться, когда братъ, прочитавъ текстъ, откроетъ новую картинку. Помню, съ какимъ снисходительнымъ терпѣніемъ онъ удовлетворялъ моему любопытству: объясняя мнѣ, что вотъ это Калмыкъ, это Самоѣдъ, а это Алеутъ, рассказывалъ, какъ они живутъ, какъ ѣздятъ въ санкахъ на оленяхъ, или какъ плаваютъ въ байдаркахъ; какъ промышляютъ бобровъ и другихъ звѣрей и потомъ, увлеченный желаніемъ продолжать чтеніе, безжалостно прогонялъ меня, не смотря на мои неотступныя просьбы показать и рассказать другія картинки. Эти сцены повторялись часто, и сколько я помню, всегда въ томъ же отцовскомъ кабинетѣ, въ тѣхъ же вольтеровскихъ креслахъ, стоящихъ подлѣ огромнаго шкафа, гдѣ помѣщалась библіотека избранныхъ книгъ. Отецъ нашъ, какъ человѣкъ весьма просвѣщенный по тогдашнему времени, собралъ въ ней все, что только появлялось на

*) Статья эта сообщена Редакціи М. И. Семевскимъ; за что душевно благодаримъ его

Отъ Редакціи.

русскомъ языкѣ примѣчательнаго; въ другомъ отдѣленіи были книги на иностранныхъ языкахъ. Входъ въ кабинетъ намъ не былъ возбраненъ, гдѣ на большихъ столахъ были разложены кшны бумагъ, въ шкафахъ за стеклами и на высокихъ этажеркахъ были расположены минераллы, граненые камни, рѣдкости изъ Геркуланума и Помпея, обдѣланныя изъ рѣдкихъ камней вазы, чаши, кандеябры и проч; но ключи отъ библіотеки довѣрялись только *прилежному Сашѣ*; и тогда какъ мы, меньшіе его братья и сестры, довольствовались позволеніемъ любоваться только золото-рѣсписными корешками книгъ, — Саша имѣлъ право брать любую книгу, но читать ему позволялось только съ позволенія отца. Гордятся-ли этою привилегіею, или точно увлекаемый любознательностію, но онъ читалъ такъ много, съ такою жадностію, что отецъ часто принужденъ былъ на-время отнимать у него ключи отъ шкафовъ, и осуждалъ его на невольный отдыхъ. Тогда онъ промышлялъ себѣ книги контрабандой; — какіе либо романы, сказки, какъ на примѣръ: Видѣніе въ пиринейскомъ замкѣ, Ринальдо Ринальднини, Тысяча и одна ночь и подобныя, и поглощалъ ихъ тайкомъ, лежа гдѣ нибудь подъ кустомъ, въ нашемъ тѣнстомъ саду.

Странно, эта привычка дѣтства — читать лежа сохранилась у него и въ зрѣлыхъ годахъ. По большей части онъ и сочинялъ лежа, проснувшись или ложась спать. Если-же ему приводилось, что прилечь было не куда, то онъ на первомъ попавшемся подъ руки лоскуткѣ бумажки, часто на выкройкахъ сестеръ, чернилъ каракульки, прикурнувшись и свернувшись *калачикомъ*, какъ мы тогда называли. Съ перомъ въ рукахъ онъ совершенно отчуждался отъ окружающаго его міра: музыка, говоръ, пѣсни и танцы его не развлекали. Случалось часто изъ необходимости или просто изъ шутки, его отгѣсняли на край рабочаго дамскаго стола, и тогда только инстинктивно сознавая, что уже нѣтъ мѣста, онъ перекочевывалъ изъ одного угла въ другой, не замѣчая общаго хохота, возбужденнаго его разсѣянностію. Онъ всегда говорилъ: «летѣть мыслию я могу только съ перомъ въ рукахъ,» но съ такими перьями, какими онъ писалъ, едва-ли можно было высоко подняться, потому-что онъ ихъ безжалостно грызъ и обкусывалъ, такъ что иногда отъ пера оставалось едва столько, чтобъ захватить тремя пальцами.

Ежели на ребенка, какъ на самое впечатлительное существо, падаетъ неизгладимую печать все его окружающее — худое или доброе, то наше дѣтство было поставлено въ самое благоприят-

ное положеніе. Отецъ — артиллеристъ екатерининскихъ временъ, вышедшій за ранами въ отставку еще въ полной жизненной силѣ, былъ человѣкъ образованный, преданный душею наукѣ, просвѣщенію и службѣ родинѣ. Это нравственное направленіе невольно сблизило его съ графомъ Строгановымъ, человѣкомъ тоже весьма просвѣщеннымъ, душою добрымъ, старавшимся заслужить имя мецената покровительствомъ и поощреніемъ искусствъ, наукъ и художествъ. Они взаимно уважали другъ-друга: графъ просилъ отца принять подъ свое вѣденіе его канцелярію и доставилъ ему мѣсто главноуправляющаго екатеринбургскою гранильною фабрикою, которая обязана была готовить ко двору изящныя произведенія изъ даровъ природы, добываемыхъ изъ пѣдръ уральскаго хребта. Отецъ поднялъ фабрику изъ ея ничтожества; съ одной стороны прекративъ злоупотребленія, съ другой введя строгую отчетность, онъ нашелъ средства представлять ко двору произведенія истинно изящныя, носящія печать изобрѣтательности и вкуса. Для подобныхъ результатовъ онъ долженъ былъ войти въ близкія сношенія съ лучшими профессорами академіи художествъ, съ извѣстнымъ литейщикомъ Екимовымъ, устроить на разумныхъ началахъ бронзовую фабрику, и образовать мастеровъ — техникувъ. Имѣя сношенія со многими горными чиновниками, служившими въ Сибири, и любя науку во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, онъ тщательно и съ знаніемъ дѣла занимался собраніемъ полной, систематически — расположенной коллекціи минераловъ нашей обширной Руси, самоцвѣтныхъ граненыхъ камней, камеевъ, рѣдкостей по всѣмъ частямъ искусствъ и художествъ; приобрѣталъ картины нанихъ отличныхъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушекъ, крѣпостей и знаменитыхъ архитектурныхъ зданій, и безъ преувеличенія можно было сказать, что домъ нашъ былъ богатымъ музеемъ въ миниатюрѣ. Такова была внѣшняя обстановка нашего дѣтства. Будучи вседневно окружены столь разнообразными предметами, вызывающими дѣтское любопытство, пользуясь во всякое время безпрепятственнымъ доступомъ къ отцу, хотя постоянно занятому серьезными дѣлами, но не скучающему удовлетворять наше безпокойное любопытство; слушая его толки и разсужденія съ учеными, артистами или мастерами, мы невольно, безсознательно всасывали всѣми порами нашего тѣла благотворные элементы окружающихъ насъ стихій. Прибавьте къ этому кругъ знакомства, не большой, но людей избранныхъ; дружескія бесѣды безъ принужденія, гдѣ веселость смѣнялась дѣльными разсужде-

ніями, споры безъ желчи; поучительные рассказы безъ претензіи на ученость, прибавьте нѣжную къ намъ любовь родителей, ихъ доступность и ласки безъ баловства и безъ потворства къ проступкамъ; полная свобода дѣйствія съ завѣтомъ не переступать черту запрещеннаго, и тогда можно будетъ составить нѣкоторое понятіе о послѣдующемъ складѣ ума и сердца нашего семейства, а особенно старшихъ членовъ, какъ болѣе взрослыхъ, слѣдовательно болѣе умо-воспримчивыхъ.

Братъ Николай былъ первенецъ, слѣдовательно — любимое дѣтище родителей. «Но эта горячая любовь, говорилъ мнѣ братъ Николай, не ослѣпила отца до той степени, чтобъ повредить мнѣ баловствомъ и потворствомъ. Въ отцѣ я увидѣлъ друга, но друга строго повѣряющаго мои поступки *). Я и теперь не могу дать себѣ полнаго отчета, какими путями онъ довелъ меня до такихъ близкихъ отношеній. Я чувствовалъ себя подъ властію любви, уваженія къ отцу, безъ страха, безъ боязни непокорности, съ полною свободою въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ обаяніемъ такой непреклонной логики здраваго смысла, столь положительно точной, какъ военная команда, такъ что если бы отецъ скомандовалъ мнѣ: на право, я бы не простилъ себѣ, если бы ошибся на пол-дюйма. Доказательствомъ все-сильнаго вліянія этой дружбы на меня былъ слѣдующій случай. Пріязненныя связи отца съ властями морскаго корпуса давали мнѣ случай пользоваться ихъ снисхожденіемъ, такъ что мало-помалу я сдѣлался первостатейнымъ лѣнивцемъ. Долго это скрывалось отъ бдительнаго его надзора, наконецъ скрывать долѣе уже было невозможно; онъ все узналъ. Вмѣсто упрековъ и наказаній, онъ мнѣ просто сказалъ: ты недостойнъ моей дружбы, я отъ тебя отступаю — живи самъ собой, какъ знаешь. Эти простые слова, сказанныя безъ гнѣва, спокойно, но твердо, такъ на меня подѣйствовали, что я совсѣмъ переродился: сталъ во всѣхъ классахъ первымъ, вышелъ по экзамену первымъ, и дѣло небывалое, не впримѣръ другимъ, назначенъ корпуснымъ офицеромъ, съ правомъ преподавать уроки по тремъ предметамъ.»

Держался-ли отецъ подобной системы воспитанія относительно брата Александра, тогда моему ребяческому уму постигнуть было не подъ силу; и свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ впоследствии

*) Что видно изъ писемъ, случайно сохранившихся изъ корреспонденціи отца съ гардемаринномъ сыномъ, бывшимъ на кораблѣ, подъ командою капитана Лунина.

братомъ Николаемъ, отчасти подтверждають, что и съ нимъ онъ поступалъ точно также. «Передъ моими офицерскими эполетами, — говорилъ братъ Николай, настѣжь отворились двери свѣтской жизни; въ вихрѣ разсѣянности я часто терялъ изъ вида брата Сашу, тѣмъ болѣе, что онъ уже былъ тогда въ корпусѣ. Когда же мы видались, то я замѣчалъ, что онъ уже находился подъ тѣмъ же вліяніемъ, подъ какииъ находился и я.

Я же съ своей стороны убѣжденъ, что отцу не для чего было измѣнять системы воспитанія для каждаго изъ насъ, когда она такъ хороша была въ приложеніи. Въ этомъ я еще болѣе увѣрился, прочитывая впослѣдствіи его журналъ, веденный имъ съ самого поступленія въ горный корпусъ. На заглавномъ листкѣ этого любопытнаго дневника красовался эпитафій собственнаго его сочиненія, который говорилъ: *«рука дерзкаго откроетъ; другу я самъ покажу»*. Мнѣ очень памятенъ тотъ день, когда, въ горделивой позѣ, весь сіяющій торжественностію, Саша заставилъ меня прочитать этотъ высоко-знаменательный эпитафій. «Понимаешь-ли ты, что тутъ написано? — спросилъ онъ меня, когда я вопросительно смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Да чтожь тутъ понимать?» — отвѣчалъ я ему наивно. «Какъ что? — и онъ съ профессорскою важностію началъ мнѣ читать о святыхъ обязанностяхъ друга — и какъ лестно для меня, что онъ удостоиваетъ брата именемъ друга. «Братомъ можетъ быть всякій — заключилъ онъ — а другомъ — дѣло иное».

Жаль и очень жаль, что этотъ любопытный дневникъ десятилѣтняго кадета затерянъ или истребленъ имъ, что впрочемъ не могло случиться ранѣе 1825 года, потому что я читалъ его не задолго до этого времени. Въ этомъ тайникѣ его чувствъ и помысловъ, писанномъ собственно для себя, безъ всякой претензіи на авторство, безъ обдуманнаго плана, съ дѣтскою наивностію, можно было уже замѣтить зародыши будущихъ талантовъ и недостатковъ его на литературномъ поприщѣ; въ немъ какъ бы въ зеркалѣ увидѣли миниатюрнаго Марлинскаго, съ его складомъ ума и сердца, съ его оригинальною, саркастическою рѣчью, наблюдательнымъ взоромъ и пылкимъ воображеніемъ.

Непонятно, какииъ образомъ, при однообразной корпусной обстановкѣ, онъ ежедневно находилъ столько силъ, въ своей ребяческой головкѣ, чтобъ наполнять цѣлыя страницы дневника, не повторяясь въ описаніи произшествій обыденной жизни, или въ изображеніи длинной галлерей портретовъ, смѣняя веселый тонъ на болѣе серьезный, и даже иногда впадая въ сантимен-

гальную элегію. Та часть его дневника, гдѣ онъ въ карикатурѣ чертилъ портреты своихъ товарищей, учителей, офицеровъ, и даже служителей, была особенно хороша. Поля и даже цѣлыя страницы между текстомъ были изчерчены изображеніемъ отдѣльных лицъ и даже цѣлыхъ группъ, такъ что я иногда, при посѣщеніи горнаго корпуса, узнавалъ личность безъ предварительной рекомендаціи. Эту способность къ рисованію первоначально онъ получилъ въ академіи художествъ, гдѣ лучшія профессоры живописи давали уроки ему и брату Николаю, — который впоследствии былъ очень хорошимъ живописцемъ акварелью и масляными красками, какъ портретистъ и пейзажистъ, а Александръ...

- Онъ къ моднымъ знаніямъ стрѣмилъ дары натуры,
- Былъ мастеръ рисовать одни карикатуры.

И это невозное влеченіе — схватывать во всемъ смѣшную сторону предмета и передавать словомъ, карандашемъ и перомъ, часто были источникомъ большихъ неприятностей, какъ въ корпусѣ, такъ и потомъ на службѣ. Однажды эта слабость едва не стоила ему жизни, когда, будучи уже въ лейбъ-гвардіи драгунскомъ полку, онъ изобразилъ все общество офицеровъ въ карикатурномъ видѣ птицъ и животныхъ; — всѣ, узнавая себя, смѣялись; только одинъ, представленный въ образѣ индѣйскаго пѣтуха, обидѣлся за шутку — и они стрѣлялись.

Казалось, что съ такою наклонностію къ насмѣшкѣ, онъ долженъ былъ много имѣть враговъ; напротивъ, онъ былъ любимъ всѣми, гдѣ жилъ и служилъ. Въ его бесѣдѣ, безыскусственно-живой, веселой и сообщительной — всѣ остроты и сарказмы сопровождались такою наивностію и теплотою чувствъ, что они казались такою-же неотъемлемою принадлежностію его рѣчи, какъ пѣна и брызчикъ шампанскому. Въ сношеніяхъ съ родными вѣяло сердечною теплотою; братьевъ и сестеръ онъ любилъ всѣми силами своей любящей души, но когда дѣло шло о дружбѣ, то онъ облакалъ ее въ броню Баярда и хотѣлъ, чтобъ она рождалась, какъ Минерва совершенною и совершеннолѣтнею, а потому въ обращеніи со мною, какъ съ другомъ еще недозрѣлымъ, былъ оттѣнокъ диктаторства, которому я безсознательно покорялся съ полною увѣренностію, что онъ мнѣ желаетъ добра. Изъ многихъ случаевъ приведу одинъ. На крестовскомъ островѣ, по сѣздству съ нашею дачей, было очень много мальчиковъ, съ нами однолѣтокъ. Однажды, когда намъ надобны были игры въ солдатиковъ, мы стали играть въ разбойниковъ; начальство было присуждено брату Александру. Этотъ титулъ онъ

принять какъ должную дань, но ватруднился только, — какое принять имя: Карла Мора или Ринальдо. Но, впрочемъ, онъ колебался не долго: антипатія ко всему нѣмецкому взяла свое, и онъ принялъ титулъ Ринальдо Ринальдини. Началось дѣйствіе. Ринальдо занимаетъ съ своей шайкой маленькій островокъ, общавшійся съ материкомъ посредствомъ небольшого плотика. Сбирь святой Германдаты насъ окружили; намъ угрожало неминуемое пораженіе и плѣнъ. Ринальдо приказываетъ отступить. — Всѣ бросились черезъ кусты на плотъ; я одинъ не слышалъ сигнала, а когда онъ былъ повторенъ, плотъ уже отчалилъ, такъ, что прибѣжавъ къ берегу, я остановился въ нерѣшительности. «Скажи, если не хочешь быть въ плѣну,» закричалъ Ринальдо Ринальдини. Съ необычайнымъ усиліемъ я совершилъ salto mortale... Падая на плотъ, я поскользнулся на мокрыхъ доскахъ, крѣпко ударился затылкомъ — и лишился чувствъ. Чтò было потомъ, я не помню. Очнувшись, я увидѣлъ себя на плечахъ изнемогавшаго отъ усталости брата; у него еще хватило на столько силъ, чтобъ поднести меня къ рѣкѣ, освѣжить и обмыть отъ крови мою голову. «Ну, Мишель, говоришь онъ, ласкаясь ко мнѣ, радъ я, что ты очнулся, а то мы «бы перепугали матушку и сестеръ. Ты крѣпко ушибся, въ этомъ «я виноватъ, за то ты не попался въ руки сбировъ, вѣдь это «было бы стыдно, а теперь, напротивъ, ты себя велъ прекрасно. «Братцы! я горжусь имъ, и дѣлаю его своимъ помощникомъ,» заключилъ онъ, обращаясь къ разбойникамъ, окружавшимъ насъ.

Другой случай тоже носитъ отпечатокъ подобнаго рыцарства.

Тамъ же, на Крестовскомъ острову, отрядъ маленькихъ удалцовъ, подъ начальствомъ брата Александра, завладѣлъ лодкою и мы поплыли внизъ по рѣчкѣ, обтекающей кругомъ острова. Проплывая подъ мостомъ, лодка ударилась о подводную сваю, и проломилась. Едва теченіемъ сорвало лодку съ подводной сваи, какъ она начала наполняться водою. Намъ грозила вѣрная смерть. Всѣ храбрые сподвижники Ринальдо оказались страшными трусами и думали искать спасенія въ отчаянныхъ крикахъ, которые совершенно заглушались пронзительнымъ голосомъ маленькаго брата Петруши. Не потерялся только нашъ атаманъ Ринальдо. Онъ снялъ съ себя куртку и заткнулъ на скоро дыру; потомъ схватилъ брата Петра и, приподнявъ надъ водою, закричалъ: «Трусяшка! ежели ты не перестанешь кричать, я тебя брошу въ воду.» Хотя мнѣ тоже было страшно, но я кричать не смѣлъ.

Воцарилась тишина, а насъ между тѣмъ несло на середину рѣки, потому что, единственный человѣкъ, бывшій между нами, г. Шмитъ, — едва-ли не вдвое старше старшаго изъ насъ, — который управлялся съ веслами, до того потерялся, что вмѣсто гребли, кричалъ въ тактъ: ухъ! ухъ! и махалъ веслами по воздуху. Братъ Александръ вырвалъ у него весло, сѣлъ самъ и велѣлъ мнѣ взять другое. Мы скоро приткнулись къ берегу. Братъ выскочилъ съ причаломъ, но, выскакивал, оттолкнулъ лодку назадъ и она пошла опять въ рѣку, таща за собою брата, который не хотѣлъ бросить веревки и неминуемо погибъ бы, если бы ему не удалось ухватиться за свѣсившійся сукъ дерева и тѣмъ остановить и притащить къ берегу лодку.

Съ такимъ экзальтированнымъ настроеніемъ, съ такою впечатлительною натурою, частое посѣщеніе въ дѣтствѣ академіи художествъ братомъ, примѣтно развили въ немъ чувство изящнаго. Я помню его восторженное описаніе всего видѣннаго имъ въ залахъ академіи, описаніе натурнаго класса, при чемъ каждый разъ онъ собственно своею персоною представлялъ натурщика.

Въ корпусѣ онъ былъ прилежнымъ ученикомъ, но не во всѣхъ предметахъ одинаково: такъ онъ не слишкомъ жаловалъ нѣмецкій языкъ и особенно математическія науки. Въ прочихъ классахъ онъ постоянно былъ или первымъ, или изъ первыхъ, а если случалось, что онъ терялъ первенство — я всегда читалъ на его лицѣ неудовольствіе. Желаніе первенствовать, отличаться во всемъ и надъ всѣми, было уже въ тѣ лѣта, преобладающимъ элементомъ его характера, и потому даже незначительное пониженіе въ классѣ, было для него истиннымъ мученіемъ, до тѣхъ поръ, пока онъ съ лихвою не завоевывалъ высшее мѣсто. Эта перемѣна мѣстъ совершалась посредствомъ частыхъ мѣсячныхъ экзаменовъ, гдѣ экзаменаторами были взаимно состязующіеся соперники, и чтобъ занять мѣсто противника, надо было его, по кадетской терминологіи, *заиграть*. Къ такой битвѣ, претендентъ готовился задолго до рѣшительнаго выгона на бой, и часто нападавъ врасплохъ — получалъ легкую побѣду, но рѣдко случалось, чтобъ первые въ классѣ проигрывали сраженіе, потому что всегда держали себя на-готовѣ. Надо было по-смотреть тогда на лихорадочную дѣятельность брата Александра. Дни и ночи просиживалъ онъ надъ книгами, картами и тетрадями, составляя безконечныя таблицы хронологическихъ чиселъ, историческихъ именъ и проч., испещряя ихъ іероглифическимъ

знаками, замѣтками, вопросами, или просто вопросительными знаками (?) «крючками, какъ выражался братъ, которыми надо *подкрючить* противника.» Самъ я, съ дѣтства и до старости отъ Бога не обиженъ былъ памятью: съ ея помощію я, на 16-мъ году выдержалъ экзамень на чинъ морскаго офицера, а впослѣдствіи изучилъ шесть языковъ при недостаткѣ всѣхъ матеріальныхъ пособій; но у меня голова шла кругомъ, когда бывало, онъ просилъ меня проэкзаменовать себя по составленнымъ таблицамъ. Часто, развернувъ атласъ, онъ приказывалъ мнѣ задать для отысканія самую мелкую подпись — значить самую ничтожную, и указывалъ безъ всякаго затрудненія. Однажды я спросилъ его: «Отъ чего-же, Саша, ты такъ все хорошо знаешь, а тебѣ въ исторіи сѣли три человѣка на годову.» — «Причиною всему злу мой очарованный лѣсъ, отвѣчалъ онъ; ты знаешь, я какъ примусь за что, то не могу оторваться. Когда я его сочинялъ — уроки шли своимъ чередомъ; я отсталъ, а это подмѣтили, и я слетѣлъ.»

Нельзя оставить безъ вниманія этотъ «*Очарованный лѣсъ*,» какъ потому, что онъ былъ вторымъ литературнымъ его произведеніемъ послѣ дневника, такъ и потому, что въ немъ уже ясно была замѣтна претензія на авторство: въ немъ авторъ уже являлся передъ публикою не замарашкою, какъ въ дневникѣ, а въ костюмѣ мальчика, выѣхавшаго впервые на гулянье. Очарованный лѣсъ была довольно большая пѣса, въ пять актовъ, составленная имъ для кукольнаго театра, который мы устроили общими силами. — Все, что онъ только могъ замѣтить особеннаго въ Днѣпровской русалкѣ, Князѣ невидимкѣ, Волшебной флейтѣ, или Тысячи и одной ночи, все было пересоздано и помѣщено въ его очарованномъ лѣсу. Тутъ были храбрый князь и очарованная княжна, его стремянной и ея наперстница. Шуть — въ родѣ Кифара, и трусь — въ родѣ Тарабара; добрая волшебница и Зломиръ; русалка и чортъ; заколдованный замокъ и очарованный лѣсъ. Не смотря на всю эту чертовщину, надо было отдать брату достойную похвалу его умѣнію поддерживать сказочный интересъ пѣсы, не спутываясь въ лабиринтѣ волшебныхъ вымысловъ и искусному расположенію хода сценическихъ явленій. Языкъ дѣйствующихъ лицъ былъ очень хорошо принаровленъ къ характерамъ, такъ напримѣръ, князь или волшебникъ говорили, хотя напыщенно-величаво, но плавно и эффектно; трусь-оруженосецъ былъ уморительно смѣшонъ, а шуть — саркастически ѣдокъ: онъ безпрестанно сыплетъ калам-

бурами и играет созвучіемъ русскихъ словъ. Хоры охотниковъ и русалокъ были написаны стихами, и рѣчи подземныхъ обитателей мѣрною прозой. Жаль и очень жаль, что этотъ любопытный документъ, повидимому, не сохранился, и, вѣроятно, былъ истребленъ со многими другими бумагами въ 1825 году: не задолго передъ этимъ я его еще читалъ, вспоминая прошлое. Онъ послужилъ бы лучшимъ оправданіемъ противъ тѣхъ обвиненій критиковъ, которые упрекали брата впоследствии за искусственную цвѣтистость слога и доказали бы, что этотъ недостатокъ, если это можно назвать недостаткомъ, былъ у него невымышленный, а врожденный.

Отецъ, съ цѣлю развить въ немъ склонность къ ремеслу, разрѣшилъ братъ съ фабрики всѣ инструменты и матеріалы, которые мы найдемъ нужными, для осуществленія нашихъ дѣтскихъ проэктвъ. Съ такимъ пособіемъ, мы легко могли бы снабдить весь нашъ сценическій репертуаръ куклами, но для того, надо было время и терпѣніе. — Ни того, ни другаго у насъ не доставало. Братъ Александръ ограничился для перваго представленія куклами главныхъ лицъ, остальные были вырѣзаны изъ картона и раскрашены собственною его рукой. Большая часть декораций была сдѣлана съ помощію воспитанниковъ академіи художествъ, которые безжалостно исправляли въ его альбомѣ — ошибки и грѣхи противъ перспективы и вкуса. Смутно помню я наши репетиціи, какъ братъ управлялъ своими куклами, какъ училъ, поправлялъ, распекалъ насъ второстепенныхъ дѣятелей. Смутно помню первое представленіе, сопровождаемое смѣхомъ и рукоплесканіемъ, особенно, когда появлялся шутъ или трусь-оруженосецъ, и наконецъ очень хорошо запомнилъ два обстоятельства, невольно запавшія въ мою память. Одно состояло въ томъ, что трусь-лакомка оруженосецъ въ очарованномъ глѣсу, прельстившись яблокомъ, не смотря на запретъ, хочетъ сорвать его, но въ ту минуту, когда онъ подошелъ къ дереву, проволока, приводящая въ движеніе руки, сорвалась, и руки, вмѣсто того, чтобъ подняться, опустились безъ движенія. Мы ахнули — не потерялся только братъ Александръ: онъ вывелъ на сцену шута и началъ импровизацію, которую такъ ловко связалъ съ ходомъ пьесы, что эффектъ едва-ли не былъ лучше. — Потомъ, когда черти, долженствовавшіе появиться въ воздухѣ нескончаемою вереницею, спустились, то братъ приказалъ всѣхъ ихъ бросить на сцену, сказавъ: «ну, не хотятъ летать по воздуху — пусть валяются на землѣ.»

Онъ подготовлялъ для своего театра и другія пьесы; писалъ ли онъ ихъ, или они были только въ проэктѣ — я не знаю; знаю только, что декораціи для нихъ готовились. Это упражненіе, подъ руководствомъ художниковъ, такъ развило его декоративный талантъ, что когда впослѣдствіи въ горномъ корпусѣ образовался театръ, онъ былъ главнымъ декораторомъ и костюмеромъ. Театръ былъ очень изящно устроенъ, и на немъ разыгрывались очень миленькія пьески; списокъ актеровъ, состоящій изъ весьма талантливыхъ кадетъ — былъ очень длиненъ, но не смотря на то, братъ всегда бралъ роли по своему произволу, и выборъ его по большей части падалъ на самыя эффектныя. Особенно онъ хорошъ былъ въ роляхъ: Фрица, въ комедіи Коцебу: «Пажескія шутки.»

Такъ текла его корпусная жизнь; казалось, онъ свыкся съ идеею горной службы, и ничто не предвѣщало переворота въ его мысляхъ, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось. Братъ Николай, по обязанности корпуснаго офицера, былъ назначенъ въ крейсерство съ гардемаринами, между Петергофомъ и Кронштадомъ, и на все время вакацій взялъ Александра къ себѣ на фрегатъ. Двухъ-мѣсячное плаваніе въ морѣ было достаточно, чтобъ произвести сильное впечатлѣніе на его воспріимчивую душу. Онъ окунулся въ новый для него міръ невѣдомыхъ доселѣ красотъ природы и душевныхъ потрясеній, и, увлекаемый обаятельною силой, не противился увлеченію. Горную службу онъ возненавидѣлъ, и горько жаловался на судьбу свою. «Посмотри,» говорилъ онъ мнѣ, когда мы спускались въ искусственныя шахты, устроенныя въ Горномъ корпусѣ для нагляднаго пріученія воспитанниковъ къ ихъ будущей жизни: «посмотри, вотъ катакомбы, вотъ тѣ гробы, гдѣ насъ погребутъ за-живо. Я этого не вынесу. Для моей души необходимъ свѣтъ божій, широкое раздолье и свобода. Море можетъ только дать все это... Ахъ! какъ прекрасно море!»

По рассказамъ брата Николая въ немъ очень быстро совершился переломъ. Въ началѣ похода, очутившись въ обстановкѣ, совершенно для него чуждой, не втянувшись въ новую жизнь моряка, онъ какъ-то робко оглядывался и дѣйствовалъ несмѣло, что подало поводъ брату Николаю запретить ему лазить по мачтамъ, и участвовать въ матросскихъ работахъ, обыкновенно исполняемыхъ гардемаринами. — «Однажды, говорилъ братъ Николай, когда фрегатъ, ставъ на якорь въ устьѣ Невы, готовилъ барказъ, чтобы на немъ отправить заболѣвшаго гарде-

марина въ корпусной лазаретъ, братъ Александръ вошелъ въ мою каюту и настоятельно просилъ меня отпустить его домой. На вопросъ мой о причинѣ — онъ сказалъ: «Братъ, твои запрещенія сдѣлали меня посмѣшищемъ всего фрегата: меня называютъ подземельнымъ кротомъ, горною крысою, и Богъ знаетъ чѣмъ, чуть ли не трусомъ. Или ты позволишь мнѣ жить наравнѣ со всѣми, или отпусти домой.» Онъ былъ правъ и я, скрѣпя сердце, снялъ запрещеніе. На утро онъ уже явился въ матросской рубашкѣ, широкихъ парусинныхъ брюкахъ, съ фуражкой на бекрень, пристегнутой на ремешкѣ, подпоясанный смоленою веревкою, однимъ словомъ, какъ лихой *старикъ* *), истый *форъ-марсовый*, **) и чтобъ доказать на дѣлѣ, что онъ не ворона въ павлиньихъ перьяхъ, — бросился въ матросскій омутъ, очертя голову. Иногда у меня замирало сердце, когда изъ молодчества онъ бѣжалъ не держась по реѣ, чтобъ крѣпить *штыкъ-болтъ* ***), или спускался внизъ головою по одной веревкѣ съ самаго верха мачты, или катаясь на шлюпкѣ въ крѣпкій вѣтеръ, несъ такіе паруса, что бортомъ черпало воду. Матросское мастерство, морскую терминологию вооруженія и командныя слова, при различныхъ эволюціяхъ корабля онъ, такъ сказать, живьемъ проглотилъ.» — Онъ достигъ своего; заслужилъ пріязнь и уваженіе, его уже не дразнили болѣе черной крысой, а напротивъ, самые старшіе и старики гардемарины называли товарищемъ.

По окончаніи компаніи, онъ привезъ подъ родимый кровъ порядочный запасъ строго запрещенныхъ для ввоза предметовъ; какъ-то: смоленыхъ и неосмоленыхъ веревокъ, блоковъ, разноцвѣтнаго *филдучу* ****), пороху, сигнальныхъ ракетъ *фальшфейеровъ* *****). Онъ все это провезъ контрабандою, подъ фирмою брат-

*) Корпусная терминологія кадетовъ — что означаетъ ловкаго, сильнаго и имѣющаго большую власть надъ другими.

**) На корпусномъ фрегатѣ, такъ же какъ и на всякомъ военномъ кораблѣ, *форъ-марсовые* матросы выбираютъ изъ самыхъ ловкихъ и проворныхъ.

***) Когда вѣтеръ крѣпчаетъ — уменьшаютъ площадь парусности, и для того, у *марселей*, по всей ихъ ширинѣ, паралельно къ реѣ, за которую ихъ привязываютъ, располагаютъ три ряда всревочекъ; эти веревки и служатъ къ тому, чтобъ убавлять площадь парусности, а *штыкъ-болтъ* — есть веревка, закрѣпляющая убавку паруса на самомъ концѣ реи, что и называется крѣпить *штыкъ-болтъ* — операція трудная и весьма опасная.

****) Шерстяная разноцвѣтная ткань, изъ которой шьются флаги.

*****) Составъ бенгальскаго огня, употребляемаго на морѣ, чтобъ, сожигая его, показать мѣсто корабля въ темныя ночи.

ниного имущества; но запасъ разсказовъ былъ еще обильнѣе. «Странно, Мишель!»—говорилъ онъ мнѣ,—«какъ ты не вель журнала, когда васъ везли на корабль въ Свеаборгъ?—Сколько любопытнаго ты видѣлъ и испыталъ. На твоёмъ мѣстѣ я бы непремѣнно что-нибудь написалъ. Вотъ и теперь мнѣ хочется написать морской романъ или драму, гдѣ героемъ будетъ нашъ папа.— Я опишу сраженіе, какъ онъ страшно былъ раненъ, какъ его, вмѣстѣ съ убитыми, хотѣли бросить за бортъ, какъ артиллеристы изъ любви къ нему, выпросили позволеніе — похоронить его на берегу; какъ послѣ сраженія его стали обмывать и какъ онъ ожилъ. — Все опишу.... Жаль только, что я никогда не видѣлъ большаго корабля, и не слыхалъ, какъ палятъ большія пушки.— Впрочемъ, мнѣ Федоръ какъ нибудь поможетъ — и мы бѣжали къ старику Федору, пестуну и дядкѣ отца нашего, и онъ въ сотый разъ разсказывалъ, со всѣми подробностями, и своимъ особеннымъ языкомъ: о неизрѣченныхъ страстяхъ сраженія съ поганымъ Шведомъ и какъ голубчику батюшкѣ вашему, осколкомъ щепы, какъ нинаестъ отворотило, такъ сказать, нижнюю челюсть; какимъ поступкомъ онъ воротился къ животу, какъ черезъ соломинку онъ получалъ питательство цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, и пребывая нѣмъ, яко рыба, говорилъ только миѣнїемъ и доказательствомъ, т. е. (объяснялъ старикъ) когда ему что сдѣлать нужно, то скажетъ, ммѣ.... ммѣ.... и укажетъ....

Не знаю, писалъ ли онъ предполагаемый романъ, но знаю, что море съ этой поры поглотило всю его кипучую дѣятельность. Театръ былъ брошенъ и на мѣсто его явилась модель фрегата. Много надо было умѣнья и терпѣнія, чтобъ приготовить и приспособить микроскопическія принадлежности къ вооруженію фрегата, имѣвшаго длины не болѣе полу-аршина, но онъ съ изумительною настойчивостію пресодолѣвалъ затрудненія. Попеременно онъ переходилъ къ разнообразнымъ техническимъ занятіямъ; онъ то кроилъ и шилъ паруса, то скручивалъ оснастку, то работалъ ножемъ, долотомъ или стругомъ, то отливалъ оловянные пушки, то раззолочивалъ кормовую рѣзбу или рѣзалъ носовую фигуру, то красилъ рангоутъ и корпусъ фрегата. Мы съ братомъ Петромъ помогали ему, по мѣрѣ силъ и способностей нашихъ, но исполняли болѣе черную работу. Утомившись надъ копотливою работой, мы бѣжали въ садъ, но и тамъ, преобладавшія имъ идеи — его не оставляли и всѣ наши игры имѣли морской отгѣнокъ. Къ самымъ высокимъ деревьямъ мы прикрѣпляли веревочныя лѣстницы, блоки, взбѣгали или подымались

на веревкахъ на самыя вершины, тамъ устраивали площадки въ родѣ салинговъ, *) гдѣ помѣстившись — переговаривались съ дерева на дерево сигнальными флагами и когда сильный вѣтеръ нагонялъ грозу, мы спѣшили на свои мачты, и тамъ, при сильныхъ размахахъ и скрипѣ тонкой вершины дерева, воображали себя въ бурю на кораблѣ.

Подъ игомъ этой, можно сказать, морской лихорадки, онъ вымолилъ у матушки согласіе на исключеніе его изъ Горнаго корпуса. Былъ бы живъ отецъ — онъ бы его убѣдилъ, что счастье человѣка не всегда застегнуто въ военномъ мундирѣ, и что съ киркою въ рукѣ, такъ же какъ и со шпагою, можно быть полезнымъ отечеству. — Сбросивъ съ себя горную аммуницію — онъ дѣятельно принялся за приготовленіе себя къ экзамену въ гардемарины: работалъ безъ усталы, преодолевая даже свою антипатію къ математикѣ, отдыхалъ только за чтеніемъ морскихъ путешествій, и тогда его пылкое воображеніе носилось по безбрежнымъ морямъ, посѣщало ново-открытыя земли, полныя чудесъ природы или открывало новыя міры, пророчившіе ему будущую его славу. Но по мѣрѣ того, какъ его корабль, оставляя берегъ — приближался къ этимъ завѣтнымъ мірамъ — онъ съ грустію замѣчалъ, что доступъ къ нимъ постоянно замкнутъ рѣями дифференціальныхъ и интегральныхъ формулъ, о которыя разбивалось его терпѣніе. — «Неужели безъ этого нельзя быть хорошимъ морякомъ? — спрашивалъ онъ брата Николая, его наставника. — Неужели геній Колумба нуждался въ этомъ хаосѣ цифръ съ плюсами и минусами? — И когда братъ, логически доказывалъ ему, что именно эти плюсы и минусы дали средства Колумбу, сдѣлаться геніемъ, что они вселили въ него увѣренность, въ его гениальные замыслы, дали ему силу и терпѣніе, преодолевать препятствія, — а особенно, когда братъ рисовалъ предъ нимъ прозаическую сторону жизни моряка — Александръ слабѣлъ: онъ видѣлъ какъ по частямъ распадались его воздушныя замки, пароксизмы его лихорадки становились слабѣе и наконецъ — онъ убѣдился, что настоящимъ морякомъ онъ не можетъ быть, а дюжиннымъ, онъ ни за что на свѣтѣ не будетъ. — Я тогда былъ

*) *Салигомъ* называется та площадка на второмъ колѣнѣ мачты, гдѣ укрѣпляется третье колѣно мачты — брамъ-стенги. Второе колѣно мачты (стенги) укрѣпляется на площадкѣ, называемой *марсомъ*.

**) Отецъ умеръ 20 Марта 1810 г. въ Спбургѣ, на 48 году отъ рожденія.

Примѣч. М. А. Бестужева.

уже гардемариномъ, и по правдѣ — мнѣ досадно было лишиться въ братѣ, котораго я такъ любилъ, будущаго товарища-сослуживца. — «Не стыдно ли тебѣ воротиться съ полъ-дороги, говорилъ я. — Неужели ты пойдешь въ армію, чтобъ вытягивать носокъ?» — «Боже меня сохрани отъ этого» — отвѣчалъ онъ. Я буду инженеръ или артиллеристъ — смотря по обстоятельствамъ, и вѣрнѣе артиллеристъ, какъ былъ и нашъ папа. Половина морской дороги, пройденной съ братомъ Николаемъ, дала мнѣ довольно силы, чтобъ бороться съ математикой; — и съ свойственнымъ ему рвеніемъ принялся за изученіе артиллеріи и фортификаціи. Часы отдыха были посвящены постройкѣ миниатюрныхъ укрѣпленій, которыя мы разбивали стрѣльбою изъ маленькихъ пушекъ и мортиръ, взрывомъ минъ, занятій по лабораторной части, результатомъ коихъ были очень милые фейерверки со цытами и фонтанами.

Но своевольной судьбѣ не угодно было, чтобъ онъ плавалъ по морямъ, строилъ крѣпости или разбивалъ ихъ: — она рѣшила иначе, и однажды, явившись передъ братомъ генералъ Чечеринъ въ мундирѣ шефа лейбъ-драгунскаго полка, держалъ такую рѣчь: «Другъ мой, Саша! — ты не любишь фрунта, а хочешь быть полезнымъ военной службѣ по ученой части — прекрасно! Но для этого одного желанія мало, надо имѣть возможность — т. е. на первый разъ хоть добиться оберъ-офицерскихъ эполетъ, а ихъ тебѣ не дадутъ безъ знанія фрунтовой службы, хоть бы ты съ неба звѣзды хваталъ. Итакъ, если уже тебѣ нельзя миновать горькой участи, мы стараемся ее облегчить, сколько возможно. Вотъ мой совѣтъ: я беру тебя въ свой полкъ юнкеромъ; мѣсяцевъ пять, шесть, ты потренишь солдатскую ляжку и потомъ ты офицеръ, — ты свободенъ и я благословлю тебя на всѣ четыре стороны; — Держи экзаменъ хоть прямо въ начальники штаба. — Матушка, всегда увѣренная въ дружескомъ расположеніи къ нашему дому генерала Чечерина, — убѣдила брата принять его предложеніе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже надѣлъ юнкерскій мундиръ.

Не могу удержаться, чтобъ въ заключеніе не упомянуть одного обстоятельства. Офицерскій чинъ я получилъ въ 1817 году и былъ такъ молодъ, что мнѣ не доставало двухъ годовъ, до опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ, для пернаго чина. Братъ Александръ еще не былъ произведенъ въ офицеры и хотя изъ гордости не сознавался, — но солдатская ляжка до боли терла его раздражительное самолюбіе. — Какъ-то мы съ нимъ встрѣтились на Невскомъ проспектѣ и онъ протянулъ руку, чтобъ поздороваться. — «Вы не знаете своей обязанности, г. юнкеръ, сдѣлайте

фрунтъ и шапку долой. — Я не думалъ, чтобъ слова мои, сказанные въ шутку — произвели на него такое болѣзненное дѣйствіе; онъ поблѣднѣлъ и совершенно растерялся, очень неловко повернулся, чтобъ сдѣлать фрунтъ и снять фуражку. — Не сердись на меня, милый Саша, сказалъ я, взявъ его почтительно подъ руку. — Онъ сдѣлалъ почти машинально нѣсколько шаговъ, остановился и спросилъ дрожащимъ голосомъ. — Братъ, что это значить? — Мнѣ хотѣлось отмстить тебѣ Саша за твое возвращеніе съ поль-дороги, отвѣчалъ я. — Если бы ты тогда не воротился, мы бы съ тобою теперь прогуливались по Невскому въ одинаковыхъ мундирахъ.» — Ну, пожалуйста, впередъ не шути такъ, возразилъ онъ. — Прощай, солдату нельзя прогуливаться подъ руку съ офицеромъ; но знай, что я не останусь у тебя въ долгу и заплачу тѣмъ, что перегоню тебя по службѣ. Онъ сдержалъ свое слово и перегналъ меня въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, которымъ я только сравнялся съ нимъ уже по переходѣ моемъ въ гвардію.

Считаю лишнимъ говорить о его солдатской службѣ: — довольно упомянуть, что онъ несъ ее съ благородною гордостію и необыкновеннымъ терпѣніемъ. Самолюбіе, желаніе отличія на какомъ бы то ни было поприщѣ — сдѣлало изъ него славнаго солдата, и еще болѣе, смѣлаго наѣздника. Офицеры его любили, начальники не могли нахвалиться его исправностію, и черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ офицеры. Лейбъ-драгунскій полкъ тогда стоялъ въ Петергофѣ, братъ Александръ жилъ въ Марли и потому первая его критическая статья появилась въ журналѣ, подъ псевдонимомъ: Марлинскаго.

МИХАИЛЪ БЕСТУЖЕВЪ.

Селенгинскъ, 1860. сентября 10.

ПОЛИТИКА.

Письмо изъ Парижа.

II.

Послѣ венгерской конституціи, доставившей намъ нѣсколько дней пустого развлечения, мы снова впали въ оптимизмъ, т. е. въ нашу обычную бездѣтельность. Настоящія политическія новости имѣютъ интересъ второстепенный. Важнѣйшая изъ нихъ есть рѣшеніе совѣта маршаловъ, состоящее въ томъ, что весь составъ войскъ будетъ снова призванъ къ оружію, двѣ трети которыхъ войдутъ въ составъ дѣйствующей арміи на семилѣтнемъ положеніи, а послѣдняя треть, въ видѣ резерва, въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ займетъ гарнизоны по городамъ. Въ сущности, проэктъ этотъ имѣетъ цѣлю обратитъ каждаго Француза въ солдата, и кромѣ того увеличить на 200 т. человекъ число войска, готового выступить противъ непріятели, по первому знаку правительства. Что бъ ни говорили, эта военная реформа не можетъ не обременить государственный бюджетъ новыми милліонами, и не отяготитъ съ другой стороны народа, на трудъ котораго должна пасть вся тяжесть этого предположенія. Но это послѣднее обстоятельство менѣе всего было взято во вниманіе маршалами, а Французы, сказать правду, довольно невѣжественны въ вопросахъ политико-экономическихъ и далеко

не видятъ всего значенія этого проэкта. Мѣра эта будетъ вовсе непопулярной. Мы напередъ можемъ предсказать, что она вызоветъ ропотъ, но ропотъ безмолвный, и не одной старой матери придется пролить втихомолку слезы, а Франція между тѣмъ покроется ненужными войсками, отвявъ у себя лучшія дѣятельныя силы и опустошивъ провинціи отъ рабочихъ рукъ. Нѣтъ сомнѣній, что насъ ожидаетъ страшная бѣдность, которой симптомы уже начали обнаруживаться и теперь.

Общественная молва нашла себѣ богатую пищу въ неожиданной поѣздкѣ императрицы Евгеніи. Въ то время, когда она имѣетъ у себя Ницу и Гіерскіе острова, намъ кажется несовсѣмъ понятнымъ предпочтеніе, какое она даетъ Шотландіи, гдѣ среди холодныхъ тумановъ императрица думаетъ поправить свое разстроенное здоровье. Странно однакожъ и то обстоятельство, что выѣздъ ея совершился наканунѣ ея именинъ, слѣдовательно за день до официальнаго приема. Путешественница, какъ простая смертная, ждала, скучая на дебаркадерѣ въ четыре часа утра, и ея поѣздка была объявлена въ «Монптерѣ» пятью днями позже на самомъ невидномъ мѣстѣ его столбцовъ. Скоро заговорили, что отъѣздъ ея былъ слѣдствіемъ разныхъ недоразумѣній,—для однихъ интимнаго характера,—для другихъ общаго интереса. Говорятъ, что въ эту семейную тайну замѣшались религіозные интересы императрицы, которая приняла подъ свое особенное покровительство папу, и требовала немедленнаго разрыва съ Пиемонтомъ. Думаютъ также, что она разгнѣвалась на Фульда, который не хотѣлъ оставить похороны герцогини Альба, сестры Евгеніи, официальнымъ церемоніаломъ. Министръ объяснялъ, что герцогиня не была признана европейскими дворами принцессой крови, и что официальное извѣщеніе объ этомъ соединено было-бы съ продолжительной дипломатической перепиской, вслѣдствіе которой могло быть задѣто самолюбіе императора. Супруга его потребовала, чтобъ не любимый министръ былъ немедленно уволенъ въ отставку.—Императрица не знала, или по крайней мѣрѣ, не хотѣла знать, что изъ всѣхъ близкихъ лицъ къ Наполеону III Фульдъ такой человекъ, съ которымъ настоящій правитель Франціи можетъ быть разлученъ одною смертію; потому что между ними существуютъ связи, если не особенно нѣжной дружбы, то по-крайней-мѣрѣ отношенія самыхъ важныхъ политическихъ тайнъ. Императрица оставила мужа и сына, и едва ли вернется скоро,—по крайней мѣрѣ, такъ думаютъ въ Парижѣ.

Ламорпсьеръ вернулся въ имѣніе свое въ Анжу, какъ Гарибальди на островъ Капреру. Итальянскій герой остался побѣдителемъ, а французскій былъ побитъ. Но этого мало; онъ навлекъ на себя всеобщее неудовольствіе той части Франціи, которая прежде уважала его, какъ храбраго акирскаго солдата, а теперь увидѣла въ немъ плохаго панскаго генерала. Ламорпсьеръ записанъ въ золотую книгу римскаго дворянства; онъ получилъ кучу индульгенцій, онъ награжденъ медалью, выбитою въ честь его въ Римѣ; онъ получилъ почетную шпагу, вѣроятно за то, что послѣ сдачи Анконы у него не было шпаги. Этого было достаточно, чтобъ всѣ подагрики и худосочные сен-жерменскаго предмѣстья, сопутствуемые своими лакеями, аббатами и духовниками, толпой отправились къ нему на поклонъ, когда онъ прибылъ на желѣзную дорогу. Ламорпсьеръ получилъ болѣе трехъ тысячъ карточекъ отъ своихъ поклонниковъ, прибывшихъ къ нему для поздравленія его съ подвигами противъ итальянской независимости. Сподвижника Антонелли и Шмита привѣтствовали именемъ Маккавея цоваго Израиля....

Мы никакъ не могли надѣяться, чтобъ католическая партія въ Испаніи, Франціи и Италіи, въ этихъ трехъ главныхъ, послѣ Австріи, пунктахъ реакціоннаго духа въ Европѣ, могла быть такъ слаба. Мы знали хорошо, что власть іезуитовъ такое же лицемѣріе, какъ и ихъ виѣшняя святость; мы очень хорошо понимали, что борьба напскихъ легіоновъ, состоявшихъ изъ наемнаго сброда, съ лучшимъ народонаселеніемъ Италіи, окончится вовсе не въ пользу Рима; но событіе, если разсматривать его съ нравственной стороны, превзошло наши ожиданія. Мы ясно увидѣли, что это громадное средневѣковое зданіе не только оказалось ветхимъ, но окончательно подломленнымъ. Еще одинъ добрый ударъ, и все было бы кончено. Наше время совершило бы то, что думали осуществить столь крутыми мѣрами Данте, Петрарки, Гуссы, Лютеры, Арнольды, Савонаролы, Колиньи, и все поколѣніе XVIII вѣка.

Франція, не смотря на глубокую дремоту ума и совѣсти, какъ-то инстинктивно поняла, что союзъ папы и свободы, о которомъ мечтали неокатолическіе реформаторы, былъ одной изъ самыхъ жалкихъ иллюзій нашего времени. Поведеніе духовенства, которое въ двадцать четыре часа отрывается отъ прави-

тельства Людовика-Филиппа, и идти благословлять знамена торжествующей республики, поведение этихъ прелатовъ, которые загнули либералами накануне 2 декабря и проснулись на другой день друзьями стараго порядка, привело въ изумленіе всѣхъ тѣхъ, въ сердцахъ которыхъ не замолкли еще благородныя чувства. Теперь поселянинъ боится своего аббата, буржуа боится епископа, а правительство — всего католическаго духовенства. Въ 1848 г. было ясно, что главной мыслью парижскаго духовенства была статья его доходовъ, внесенная въ бюджетъ государства. Въ 1860 году оно увидѣло, что для наместника св. Петра ни что такъ не дорого, какъ это достояніе бѣднаго рыбака, чинившаго свои мрежи на тиберіадскомъ озерѣ и, подобно своему учителю, не знавшаго, гдѣ преклонить голову.

Утверждаютъ (по нашему мнѣнію слишкомъ рано), что приведенный въ крайность недостаткомъ финансовъ, и увѣренный, что по первому требованію Наполеона III, римскій владыка долженъ будетъ оставить столицу, разумѣется, не на горе своихъ подданныхъ, онъ снова вступилъ въ переговоры съ отлученнымъ имъ отъ церкви, Викторомъ-Эмануиломъ. По обоюдному между ними соглашенію, другъ Гарибальди, какъ говорятъ, имѣетъ воцариться въ Капитоліи; но преемникъ Гильдебранда и Иннокентія III, получить за то изъ бюджета итальянскаго королевства въ постоянное содержаніе миллионъ скуди; кромѣ того ватиканскій дворецъ, съ его садами, обратится въ удѣлъ папы, а кардиналы назначены будутъ сенаторами королевства, со ста тысячами франковъ содержанія. Съ нашей стороны мы не такъ легко вѣримъ осуществленію этой сдѣлки, разрѣшеніе которой естественнымъ образомъ должно будетъ зависѣть отъ исхода важныхъ событій, которыхъ ожидаютъ съ будущей весной.

Вѣроятноже, въ этомъ планѣ надо видѣть програму намѣреній туринскаго двора; во всякомъ случаѣ подобное разрѣшеніе вопроса было-бы очень логично. Оно лишило-бы папу значенія всемірной власти, обратило-бы его въ простаго Итальянца, и слѣд. успорило-бы счастливое время отдѣленія церкви отъ государства. Конечно не въ этомъ идеаль Италіи, но мимо этой ступени невозможенъ ея первый шагъ къ полному единству и внутреннему самоуправленію.

Въ прощальной рѣчи Гарибальди назначаетъ своимъ волонтерамъ срокъ новаго свиданія 1-го марта, 1861 года. Онъ умоляетъ Италію крѣпко соединиться подъ властью конституціоннаго короля, чтобъ въ данный моментъ подняться всенародно на освобожденіе Венеціи. Можетъ быть, еслибъ миллионъ вооруженныхъ Італіянцевъ явился въ виду четвероугольника съ требованіемъ возвратитъ имъ эту царицу лагуны, то война не была-бы продолжительна, и Австрія предпочла-бы за приличное вознагражденіе отказаться отъ страны, составившей ей крайне невыгодную репутацію. Матеріальное требованіе Гарибальди возможно, потому что изъ шести человѣкъ, болѣе или менѣе способныхъ носить оружіе, онъ требуетъ только по одному; но Кавуръ, Фарини и Фанти предпочтутъ, вѣроятно, этому поголовному возстанію, регулярную армію въ 250,000, съ которой Австріяцы могутъ помѣряться при равныхъ силахъ и по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Подождемъ однакожъ, и воздержимся отъ всякаго приговора прежде времени. Какъ бы еще потокъ событій не поворотилъ въ противную сторону, и не унесъ Италію отъ близкой пристани въ открытое море всѣхъ пережитыхъ ею золъ и страданій. Уже и теперь есть признаки той неблагодарности, на какую мы считали способнымъ Кавура. Онъ смѣло и почти открыто приписываетъ себѣ подвигъ возрожденія страны, начатаго и почти оконченнаго Гарибальди; этого мало, вождю волонтеровъ не позволяется выйти на берегъ Неаполя, который онъ приобрѣлъ своимъ потомъ и кровью. Что же будетъ дальше? Есть лица, которые вѣрятъ въ великодушіе туринскаго министра, въ его необыкновенную честность; но мы знаемъ факты, рекомендующіе его вовсе не съ этой стороны. Его честолюбіе извѣстно, его политическая вѣра—вѣра Талеярана,—не дальше завтрашняго дня и не выше личнаго благополучія. Странно, чтобъ великодушное правительство стало торговаться съ Гарибальди по каждому изъ его самыхъ законныхъ требованій;—чтобъ оно оскорбило военную честь волонтеровъ, доказавшихъ свое мужество подъ Калатафими, Палермо, Мелацио и на берегахъ Вольтурно. Какъ-бы то ни было, но Гарибальди, удалившись на свой островъ, даетъ *всѣмъ своимъ* примѣръ патріотизма. Если у него есть личныя неудовольствія, то онъ умѣетъ забыть ихъ и даже не высказываетъ публично настоящихъ чувствъ самой Італіи. Въ настоящую минуту непріятель еще въ Римѣ, Венеціи и Гаэтѣ; и бывший диктаторъ обѣихъ Сицилій приглашаетъ

Италиянецъ не останавливается на полдорогѣ, заглушить въ себѣ чувство расирей въ виду надежды видѣть родную свободную. Когда одержана будетъ послѣдняя побѣда, ему хорошо извѣстно, что онъ и друзья получатъ въ награду одни упреки и подвергнутся клеветѣ.

Осада Гаэты все еще длится, благодаря помощи, оказываемой королю Франциску эскадрой французскаго адмирала. Никто не понимаетъ этой роли. Полагаютъ, что порученіе, данное адмиралу Барбье-де-Тиванъ имѣетъ двойную цѣль. Въ глазахъ реакціонной Европы, оно предстаетъ какъ вмѣшательство въ пользу началъ легитимизма; но все-таки, чтобы не вооружить противъ себя другую сторону Европы, адмиралъ дозволяетъ взять городъ спешно, точно также, какъ не смотря на демонстраціи генерала Гоіона, Пиемонтцы рано или поздно займутъ Терраччину, Велетри и обложатъ Римъ. Чальдини и Персано скажутъ, по всей вѣроятности, генералу Гоіону, тоже, что они сказали генералу Ламорисьеру: «мы лучше васъ знаемъ намеренія вашего императора». — И такъ повѣрьте, 16 или 18 тысячъ войска, посланнаго неаполитанскимъ королемъ въ римскую область, въ надеждѣ, что они, собравшись подъ Римомъ, пойдутъ оттуда крестовымъ походомъ на королевство обѣихъ Сицилій, — это войско кончитъ тѣмъ, что войдетъ въ кадры итальянской арміи.

Если слабость австрійскаго правительства составляетъ сплу Италиі, то никогда еще положеніе этой послѣдней не было такъ блпстательно.

Относительно Пруссіи австрія ведетъ себя не только упрямо, но и надменно. Берлинское правительство обижено въ послѣднемъ вопросѣ о федеральныхъ контингентахъ, и ему неостается ничего дѣлать, какъ — или дѣйствовать путемъ унижительныхъ для нея уступокъ, — или открыто отдѣлаться отъ сейма и признать себя побѣжденной; а между тѣмъ дѣло идетъ о томъ, что въ случаѣ общей для всей Германіи войны съ Наполеономъ III, будетъ ли Пруссія или нѣтъ, — предводительствовать своей собственной арміей. И такъ въ то самое время, когда Австрія находится въ трудномъ положеніи, Францискъ-Иосифъ отказывается отъ помощи Пруссіи, желая видѣть въ ней скорѣе вассала, чѣмъ союзника.

Поэтому сомнѣваются, чтобъ Австрія поддавалась совѣтамъ своихъ друзей — Нѣмцевъ и Англичанъ, и не рискуя новой войной, согласилась-бы принять за выкупъ Венеціи 400 или 500 милліоновъ. Сколько намъ извѣстно, расположеніе вѣнскаго кабинета таково, что онъ лучше предпочтетъ положиться на неизвѣстность будущаго. Повсему побережью Венеціи, Истріи и Далмаціи возвышаются укрѣпленія; вездѣ копаютъ мины, соединяя ихъ между собой электрическими нитями, для того, чтобъ при высадкѣ непріятеля поднять его на воздухъ. Обучаютъ тирольскихъ стрѣлковъ стрѣлять въ цѣль по красной рубашкѣ, отъ Пескіеры до Венеціи все покрыто солдатами. Десять Австрійцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, нужны для наблюденія четырехъ или пяти Италіянцевъ и сотни стариковъ, женщинъ и дѣтей; потому что давно уже все, что можетъ носить оружіе, перешло въ италіянскую армию. Еще недавно въ Венеціи разстрѣляли нѣсколько ремесленниковъ, обвиненныхъ въ распространеніи прокламацій, приглашающихъ всѣхъ моряковъ въ службу на италіянскомъ флотѣ. Новымъ декретомъ увеличены $\frac{1}{3}$ суммы, взимаемыя сборщиками податей, независимо отъ обыкновенныхъ налоговъ, удвоенныхъ военной повинностью. Между тѣмъ не смотря на всѣ поборы, еще не доплачено 600-т. гульденовъ изъ податей, подлежащихъ взысканію за текущей годъ. Кромѣ того изъ числа 3,500,000 гульденовъ, ежемѣсячно расходуемыхъ арміей въ Венеціи, 2,500,000 должны быть уплачены этой областью, по старому займу.

Если была минута, когда думали, что Венгрія поддается обѣщаніямъ псевдо-конституціи, которую даровалъ ей Францискъ-Иосифъ передъ отъѣздомъ въ Варшаву, то нынче эта боязнь прошла. *Дипломъ* былъ принятъ не только безъ всякаго сочувствія, но съ общимъ равнодушіемъ. Но чтобы ни случилось съ Венгріей, нравственно она потеряна навсегда для Австріи.

Не смотря на то, что разныя предположенія полуофіціальныя слуховъ о мнимомъ измѣненіи министерства встревожили умы нашей публики, она тѣмъ не менѣе была поражена нынѣшнимъ утромъ новостью, которую поднесъ ей *Moniteur*. Новость эта заключается въ томъ, что Валевскій смѣняетъ Фульда. — Это слѣдствіе того обстоятельства, о которомъ мы говорили выше. Одна нечаянность смѣняется другой. Говорятъ, что общее преобразование министерства и конституціи входитъ въ соображенія правительства. Затѣмъ ожидаютъ расширенія литератур-

ной гласности, которая измельчала до пустых сплетней и журнальных перебранокъ.

Но когда я пишу эти строки, реформа еще въ головѣ Минервы. Все, что я вижу кругомъ себя,—это сильное движеніе въ officialной сферѣ. Министры, секретари, старшіе офицеры и вліятельныя лица бороздятъ по всѣмъ направленіямъ Парижа въ своихъ экипажахъ.

Впрочемъ не стоитъ обращать особенное вниманіе на этотъ милый безпорядокъ, потому что всѣ министры настоящаго царствованія были не больше, какъ писцы императорской канцеляріи.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

Обзоръ современныхъ событій.

Въ обзорѣ политическихъ событій за прошлый мѣсяць мы предсказали, участь, которая ожидала китайскаго императора. Пекинъ взятъ и Гиенфунгъ, оставивъ столицу на произволъ неприятеля, скрылся въ отдаленныя сѣверныя провинціи. Союзники, собравъ богатую добычу съ Дзегола, одного изъ роскошнѣйшихъ дворцовъ восточныхъ государствъ,—остаются, въ силу побѣды, полномасштабными распорядителями въ верхпей половинѣ небесной имперіи. Между тѣмъ какъ путь отступленія ихъ обезпеченъ занятыми крѣпостями и гарнизонами, впереди ихъ нѣтъ ни одной серьезной преграды. Татарская кавалерія, единственная опора китайскаго престола, разбита и разсѣяна англо-французскимъ войскомъ, въ семъ миляхъ отъ Пекина. Центральное правительство, лишенное послѣдняго народнаго довѣрія, и не имѣющее

ни умнаго государственнаго вождя, ни сильныхъ матеріальныхъ средствъ, ни внутренней симпатіи съ управляемой имъ страной, должно безмолвно выслушать приговоръ, который произнесетъ надъ нимъ побѣдитель.

Нельзя не изумляться, съ какой быстротой совершилось занятіе Пекина, одного изъ многочислѣннѣйшихъ городовъ и резиденціи самой населенной имперіи. Двадцать тысячъ европейской арміи, менѣе чѣмъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, покоряютъ страну, съ тремя стами милліонами подданныхъ. Такое событіе скорѣе походитъ на сонъ Шехерезады, чѣмъ на дѣйствительный фактъ современной эпохи. Само собою разумѣется, что этотъ блистательный успѣхъ Европейцевъ нельзя объяснить однимъ военнымъ искусствомъ и энергическими дѣйствіями союзныхъ генераловъ; главная причина такого быстрого паденія китайской имперіи заключается въ самомъ духѣ ея управленія. Какъ вообще восточная власть, основанная на религіозномъ квіэтизмѣ и не имѣющая глубокихъ корней въ народной жизни, она также мгновенно можетъ возвыситься, какъ и пасть. Составленная изъ однихъ формъ и придворныхъ декорацій, блистательная снаружи и нищая внутри, самоувѣренная до ослѣпленія внѣ опасности и трусливая при первомъ противномъ ударѣ, неспособная ни къ развитію своихъ началъ, ни къ пониманію истинно-національныхъ интересовъ, она держится также искусственно, какъ картонный идолъ, поставленный въ пагоду для того, чтобы однимъ видомъ страшить полудикаго поклонника Будды. Съ этими общими свойствами восточнаго деспотизма соединяется личная слабость китайскаго императора. Невоздержная юношеская жизнь, отсутствіе всякаго образованія и труда, до того истощили его силы, что онъ почти не сходитъ съ постели; подъ влияніемъ наркотическихъ раздраженій опиума и сладострастныхъ оргій съ женщинами, онъ не имѣетъ ни времени, ни воли — заниматься государственными дѣлами. Его безконтрольная власть — въ рукахъ четырехъ мандариновъ, которые произвольно располагаютъ судьбой имперіи. Нашептывая слабонервному властителю боязнь новаго порядка вещей и систему управленія, основанную на террорѣ, они приготовили внутреннее возстаніе и внѣшній разрывъ съ европейскими народами. Въ послѣдніе десять лѣтъ Китай, при всей неподвижности своего соціального положенія, далеко отступилъ назадъ; его земледѣльческая промышленность, какъ единственный источникъ народнаго продовольствія, упала; торгов-

ли, особенно вывозъ туземныхъ произведеній, сократился; царская казна опустѣла, и огромная долина, покрытая густымъ населеніемъ, отъ береговъ Амура до сѣверныхъ границъ Индіи, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ картину жалкую. Бѣдность низшихъ сословій доходитъ до самоумерщвленія націи, надѣленной превосходнѣйшими почвами и разнообразіемъ растительнаго богатства. Китайскія деревни, застроенныя мазанками съ соломенными дырлявыми крышами отличаются классической нечистотой и запустѣніемъ. Недостатокъ пищи и неопрятность домашней жизни, во многихъ мѣстахъ, обезлюдили край и обратили народъ въ щедушное, болѣзненное и вялое племя. Апатія Китаецъ, соединенная съ хитростью, подлобострастіемъ и неуваженіемъ къ своему слову, составляетъ отличительную черту его. Говорятъ, что патриотизмъ служитъ главнымъ двигателемъ націи, такъ долго и упорно сохранившей свою первобытную физиономію; но это инстинктивное чувство самосохраненія никогда не возвышалось у Китаецъ до яснаго сознанія общенныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ иностранное войско могло бы такъ легко пройти до самого сердца страны, не встрѣтивъ нигдѣ ни вооруженнаго отпора, ни засады; если оно было принято негостеприимно, то и невраждебно. Неприятельскій лагерь раскидывалъ свои палатки близъ городовъ и селъ, и толпы любопытныхъ жителей приходили посмотреть на Европейцевъ, принося имъ запасъ фуража и провизіи. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ полного равнодушія народа къ своему правительству и къ самому обществу. Въ восточномъ деспотизмѣ есть одно, въ высшей степени антисоціальное свойство — развитіе эгоизма, въ отдѣльных личностяхъ, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ сама по себѣ и для своихъ собственныхъ цѣлей. Для Китаецъ непонятны интересы общіе, и если онъ такъ или иначе соприкасается съ ними, то главная его мысль обращена не къ добру общества, а къ удовлетворенію личныхъ выгодъ. Вслѣдствіе этого, въ китайскомъ обществѣ правительственное сословіе отличается хищностью, а подданные отсутствіемъ всякой живой связи (съ нимъ).

Другое обстоятельство, облегчившее побѣду Англо-Французовъ, заключается въ политическомъ раздвоеніи китайской имперіи. Известно, что у нея двѣ столицы — Пеккинъ и Нанкинъ. Въ первой господствуетъ наследственная династія Манджуровъ; вторую, со времени возстанія, занимаетъ предводитель инсургентовъ; и въ сѣверной и въ южной половинѣхъ находится свой

собственный дворъ, свое внутреннее управление и своя вѣдущая политика. Борьба старой династїи съ новой продолжается уже давно, она стоила Китаю очень дорого, потому что съ обѣихъ сторонъ истощены всѣ средства варварскаго самоуправства. Бунтовщики не щадили ни жизни, ни крови, опустошая беззащитные города и вырѣзывая въ нихъ жителей отъ мала до велика; съ другой, стороны, пекинское правительство не разъ выводило свои войска противъ инсургентовъ и почти всегда возвращалось съ урономъ. Собственно говоря, народъ хладнокровно смотритъ на эту династическую вражду, не обнаруживая особеннаго сочувствїя ни той, ни другой партїи. Для него все равно, кто-бы ни управлялъ имъ; онъ не привыкъ ожидать отъ правительства ни помощи, ни облегченїя. И мы увѣрены, что если лордъ Эджинъ объявитъ себя завтра вице-королемъ китайской имперїи, эта перемена не произведетъ никакого впечатлѣнїя на страну, и даже во многихъ провинціяхъ останется неизвѣстной.

Послѣ высадки, европейская армія встрѣтила сопротивленіе какъ сѣвернаго, такъ и южнаго правительства. Инсургенты приступили къ Шангаю съ тѣмъ, чтобъ взять его приступомъ; но отраженные убійственнымъ огнемъ артиллерїи, они отступили и, кажется, приняли выжидательную систему дѣйствїя; между тѣмъ армія союзниковъ, послѣ осады крѣпости Таку, заняла Тіень-Дзинь. Видя возрастающій успѣхъ непрїятеля, Гіенфунгъ выслалъ изъ Пекина уполномоченныхъ для переговоровъ съ союзниками. Лордъ Эджинъ потребовалъ прежде всего уплаты пятидесяти семи миллионъ франковъ военной контрибуціи; французскій генералъ предложилъ выдачу той же самой суммы; но китайскіе сановники отказались отъ ратификаціи такого договора, подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ утвержденїя императора они не имѣютъ права принять его. Тогда Англо-Французы, прервавъ всякія сношенїя съ пекинскимъ министерствомъ, двинули свои войска къ столицѣ. Такимъ-образомъ занятїе Пекина было опять слѣдствїемъ роковой близорукости мандариновъ. Зная, что Англичане и Французы рано или поздно возьмутъ свою контрибуцію, они по какому-то непонятному упорству не хотѣли заплатить ее своевременно, въ Тіень-Дзингъ, когда непрїятель находился еще на разстоянїи ста миль отъ Пекина, и допустили его до столицы. Теперь вопросъ становится гораздо серьезнѣе. Имѣя въ залогъ резиденцію императора, съ ея огромными богатствами, Англичане и

Французы, нѣтъ сомнѣнія, не ограничатся прежними условіями, и потребуютъ гораздо больше и даже могутъ низложить царствующую династію. Последнее предположеніе тѣмъ вѣрнѣе, что нѣмецкій правитель заявляетъ симпатію къ христіанскимъ народамъ и шлетъ сближенія съ Европейцами. Если онъ усѣетъ расположить къ себѣ парижскій и лондонскій кабинеты, тогда положеніе Гіенфунга будетъ болѣе чѣмъ сомнительное. Конечно онъ можетъ еще рассчитывать на преданность ему сѣверныхъ провинцій и, вмѣсто одной междоусобной брани, зажечь двѣ, но тогда онъ только продлитъ время своего паденія, не возвративъ потерянный престолъ.

Австрія, кажется, пересталаискать помощи и спасенія въ союзахъ внѣшнихъ, на-счетъ и во вредъ подвластнымъ ей народамъ, и старается найти опору въ себѣ самой, въ примиреніи своей политической совѣсти съ требованіями вѣка и обстоятельствъ. И напрасно она думаетъ, что враги ея Франція или Италия: нѣтъ, она сама первый врагъ себѣ и потомъ принципъ національности, пережившій эпоху систематическихъ гоненій и уничтоженія чужихъ народностей. Франція также обратилась къ улучшенію своего конституціоннаго механизма. Здѣсь политическія перемѣны происходятъ съ удивительной нечаянностью. Французамъ уже не разъ случалось заснуть народомъ монархическимъ, а проснуться республиканскимъ. Такъ случилось и теперь. Наканунѣ 24 ноября всѣ были увѣрены, что парижскій кабинетъ не чувствуетъ ни малѣйшей надобности въ реформахъ и стоитъ тверже, чѣмъ когда-нибудь. И вдругъ, на другой день, издается декретъ о перемѣнѣ министерства, общемъ преобразованіи его наличнаго состава и о новыхъ привилегіяхъ палатъ. Имперія 2 декабря, уничтожившая въ одну ночь (въ 1851 г.) права парламентской трибуны, опять находитъ необходимымъ возстановить ихъ съ нѣкоторой свободой общественнаго голоса. Въ силу перваго пункта этого декрета сенатъ и законодательное собраніе, при открытіи ежегоднаго засѣданія, будутъ отвѣчать особеннымъ адресомъ на произнесенную рѣчь императора. Этотъ адресъ будетъ обсуживаться въ присутствіи агентовъ правительства, которые обязаны дать объясненіе палатамъ относительно внутренней и внѣшней политики монарха. Дебаты палатъ, составленные секретарями-редакторами подъ руководствомъ президента, каждый вечеръ будутъ сообщаемы журналамъ. Вотъ главныя положенія реформы, которыя сводятся къ тому общему результату, что сенатъ и законодательный корпусъ могутъ говорить

и даже разсуждать, но подъ вліяніемъ императорскихъ агентовъ. И такъ какъ система настоящаго управленія теперь распадается на двѣ части,—на ораторскую трибуну, допускающую гласность и на правительственную дѣятельность, по прежнему сосредоточенную въ рукѣ монарха, то Наполеонъ III раздѣлил и министровъ на два разряда — на министровъ безъ портфеля и съ портфелемъ. Первые будутъ *говорить*, а вторые *дѣлать*.

Какъ бы то ни было, но мы вовсе не раздѣляемъ тѣхъ восторженныхъ мнѣній о новой конституціонной реформѣ во Франціи. Истинная парламентская система живетъ двумя главными элементами — отвѣтственностью министровъ передъ судомъ палаты и широкимъ общественнымъ мнѣніемъ. Между тѣмъ, согласно императорскому декрету 24 ноября, министры попрежнему остаются отвѣтственными только передъ монархомъ; они исполнѣ зависятъ отъ его воли и должны дѣйствовать не иначе какъ въ смыслѣ его намѣреній и желаній. Затѣмъ ораторская трибуна, не имѣющая своего собственнаго взгляда, легко можетъ обратиться въ праздную болтовню, которая такъ много отнимаетъ драгоценнаго времени даже въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ каждый членъ можетъ предложить законъ и настаивать на его утвержденіи. Притомъ, жизненная сторона и въ британскихъ палатахъ начала развиваться только съ тѣхъ поръ, когда дебаты получили полную гласность и стали обсуживаться не въ четырехъ стѣнахъ уестминстерскаго сената, а всей націей или, по крайней мѣрѣ, образованной ея частью. Въ настоящей реформѣ Франціи не достаетъ этого необходимаго начала для конституціоннаго управленія. Журналы, единственный органъ, передающій правительственную мѣру публикѣ, не могутъ разбирать или толковать дебаты палатъ съ своей точки зрѣнія; въ противномъ случаѣ, послѣ третьяго замѣчанія парижскаго пресекта, періодическое изданіе прекращается.

Отчего же представительная система не прививается къ Франціи, какъ она ни старалась скопировать ее съ Англіи? Оттого, что у Французовъ для политической, прочной и рациональной конституціи, не выработалось непремѣнныхъ ея условій....

Широко раздвигается политическій горизонтъ въ Америкѣ. Вопросъ эманципация Нѣгровъ, — этотъ ужасный фатумъ за-

атлантической республик, снова выступает на сцену. Избрание новаго президента Соединенныхъ Штатовъ возбуждаетъ обще-европейскій интересъ въ томъ отношеніи, что Линкольнъ одинъ изъ жаркихъ поборниковъ за свободу угнетеннаго племени. Съ его назначеніемъ вопросъ принимаетъ политическій характеръ, и борьба американскаго сѣвера съ югомъ становится почти неизбежной. Вспомнимъ, что въ прошломъ году, почти въ тотъ же самый день, погибъ на эшафотѣ Броунъ, защитникъ человѣческихъ правъ несчастныхъ рабовъ Америки.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Основные начала политической экономии, П. Дилёва. Петербургъ. 1860.

Изъ всѣхъ современныхъ знаній социальная наука представляется самымъ интереснымъ и въ то же время сомнительнымъ знаніемъ. Задача ея такъ громадна, а результаты изслѣдованій такъ бѣдны, что дѣйствительная роль этой науки почти та же, какую играла философія въ средніе вѣка. «Что такое общество? Изъ какихъ элементовъ оно слагается? Въ чемъ главная дѣятельность его и насколько она помогаетъ матеріальному счастью народа? Какъ лучше распределить трудъ и вознагражденіе его между различными дѣятелями?» — всѣ эти вопросы ежеминутно вызываютъ насъ на размышленіе и требуютъ отвѣта. Созаемъ ли мы значеніе ихъ или нѣтъ, но они постоянно затрогиваютъ наши интересы, желанія и поступки, и затрогиваютъ ихъ съ самой чувствительной стороны жизни. Когда ученый рѣшаетъ метафизическую проблему объ отношеніи физическаго міра къ нашему мышленію или о вліяніи *безконечныхъ началъ* на развитіе видимыхъ явленій, намъ, собственно, нѣтъ никакого дѣла, какъ онъ разрѣшитъ свою проблему: результаты его открытія, если только возможны какіе нибудь результаты въ праздныхъ утоняяхъ, такъ далеко лежатъ отъ практическаго примѣненія, отъ обыденныхъ нуждъ и потребностей, что намъ, какъ говорится, ни тепло, ни холодно отъ такихъ ученыхъ элквибрацій. Но когда экономистъ создаетъ новую теорію и совѣтуетъ пенывать се на дѣлѣ, ученіе его прямо относится къ общественному

устройству, и для пстоппика или фабриканта оно имѣть огромную важность.

Поэтому соціальная наука должна быть осторожна въ своихъ выводахъ, бережлива на иллюзіи и, какъ можно, болѣе богата фактами; коротко, она должна «обращаться съ словомъ честно». Въ противномъ случаѣ, идеи ея, пускаемыя въ ходъ, какъ фальшивая монета, принимаютъ видъ очень непріятной шутки. Положимъ, что кто нибудь, ради собственной потѣхи, соберетъ аудиторію и предложитъ новую методу стричь овецъ такъ, чтобъ ножницы захватывали вмѣстѣ съ шерстью кожу, и представимъ, что какой нибудь простакъ рѣшится приложить эту теорію къ своему стаду, нѣтъ сомнѣнія, ему будетъ больно и хозяину невыгодно. Съ политической экономіей такія шутки случались перѣдко. Но намъ возразить: да кто же принуждаетъ соглашаться съ нелѣпнымъ мнѣніемъ и парадоксъ принимать за истину? Такой вопросъ походитъ на слѣдующій: зачѣмъ же вы ходите въ лавку, если знаете, что тамъ обманываютъ покупателей?

Современная политическая экономія страдаетъ двумя крайними недостатками: съ одной стороны она находится въ строгой зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій народной жизни, — отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя стѣсняютъ ея дѣятельность. Есть націи, у которыхъ она фактически невозможна; потому что теорія ея діаметрально противорѣчитъ положительнымъ учрежденіямъ страны. Предложите, напримѣръ, Турціи самую лучшую систему сельскаго хозяйства или промышленнаго труда, и пусть эта система будетъ принята правительствомъ; но къ чему же она послужитъ тамъ, гдѣ не обезпечены ни личная свобода человѣка, ни его собственность? Народъ, у котораго не выработались твердыя соціальные права и индивидуальная независимость, обикновенно, живетъ патриархальными понятіями о своемъ матеріальномъ благосостояніи и предоставляетъ простому случаю его судьбу. Въ такихъ обществахъ экономическія теоріи не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительной жизнью, и не прибавляютъ ни одного гроша къ насущному достоянію страны. Напротивъ, снимите у Американцевъ всѣ экономическіе учебники, закройте ихъ кафедры соціальныхъ наукъ, и общественное хозяйство ихъ не потеряетъ ни силы, ни знанія. Впрочемъ, такую участь раздѣляетъ политическая экономія вмѣстѣ съ другими науками, съ тѣмъ однакожь важнымъ различіемъ, что ея смѣлыхъ воззрѣній болѣе боится человѣче-

скій эгоизмъ и тупоуміе. Съ другой стороны, она часто ошибается въ методѣ своего построенія. Говоря вообще, отъ средневѣковой схоластики еще во многомъ не освободилось современное знаніе. Многія понятія мы доселѣ усвоиваемъ на вѣру, безъ оцѣнки своего собственнаго анализа, — большая часть нашихъ свѣдѣній досталась намъ по преданію; и еслибъ гениальная критика, способная стать выше всѣхъ предразсудковъ эпохи, коснулась своей мощной рукой этого стараго зданія, отъ него уцѣлѣло бы очень мало здоровыхъ матеріаловъ, а все прочее пришлось бы сложить въ одну грудку негодныхъ вещей. Этотъ упрекъ относится и къ политической экономіи. Собирая свои свѣдѣнія отъ другихъ наукъ, съ которыми стоитъ въ болѣе тѣсной связи, она часто принуждена брать ихъ безъ критической оцѣнки такъ, какъ они разработаны этими науками; притомъ для самостоятельнаго ея взгляда еще много недостаетъ въ области нашихъ знаній; ея законы и правила иногда основываются на одномъ шаткомъ опытѣ или на одной ложной цифрѣ. Наконецъ, что болѣе всего подрываетъ довѣріе и твердость ея ученія, — это фальшивая метода ея выводовъ, которую Бэконъ такъ мѣтко называлъ *наутиной* въ наукѣ. Подъ этимъ словомъ надо понимать тотъ способъ мышленія, по которому человѣческой умъ, оставляя въ сторонѣ наблюденіе и опытъ, кладетъ въ основаніе своей идеи какое нибудь отвлеченное начало и тянетъ изъ него, подобно пауку, длинную нить своихъ собственныхъ мнѣній и результатовъ. Такому направленію обязана старая теологія своими представленіями о темныхъ духахъ, а магія — о привидѣніяхъ и предсказаніяхъ: ни въ природѣ, ни въ человѣческомъ мозгу нѣтъ ничего, что могло бы подтверждать или доказать дѣйствительное существованіе этихъ фантомовъ, и за всѣмъ тѣмъ они живутъ въ нашей головѣ, какъ летучія мыши въ ночномъ мракѣ, и что хуже всего, постоянно дѣйствуютъ на наши желанія и стремленія. Для менѣе фанатическихъ умовъ эта научная рутинка принимаетъ характеръ *idée fixe*, — своего рода лунатизмъ, иногда вооруженный огромной эрудиціей и богатѣмъ запасомъ фактическаго знанія. Не истина, не жизненная сторона предмета занимаетъ ихъ при изученіи предмета, а свое личное возрѣніе, которому, во что бы то ни стало, они стараются дать и плоть и нервы. Такъ, если они составили себѣ понятіе о томъ, что въ природѣ все развивается систематически, то имъ кажется, что и въ жизни человѣческой все идетъ мѣрнымъ и невозмутимо-спокойнымъ шагомъ, что исторія построена также геоме-

трически правильно, какъ домъ Бедлама для умалишенныхъ въ Англіи. Случится ли какая нибудь катастрофа, нарушающая обычный порядокъ вещей, они объясняютъ ее «вѣчными законами», по которымъ такъ и слѣдовало быть; надо ли вставить извѣстныя событія въ опредѣленные рамки, на это у нихъ есть напередъ придуманныя рубрики и параграфы. И если свободное и смѣлое дарованіе покусится разсѣять эти сновидѣнія и внести новую и оригинальную идею, имъ кажется такое покушеніе чѣмъ-то въ родѣ «бунта и пожара». Безусловно нельзя обвинять защитниковъ рутинны, потому что они съ своей точки зрѣнія часто бываютъ правы: представьте, что еслибъ кто нибудь зашелъ въ мой домъ и увидѣлъ, что я не съумѣлъ разставить въ немъ мебели; не спросивъ меня, онъ началъ бы передвигать столы, стулья, зеркала и размѣщать ихъ по своему. Положимъ, что онъ и умнѣй и изящнѣй обставилъ бы меня, но я не простилъ бы ему уже за то, что онъ нарушилъ мои привычки, оскорбилъ самолюбіе и не попросилъ предварительно совѣта. Въ наукѣ та же привычка и то же самолюбіе терифтъ не могутъ никакой рѣзкой новизны и оригинальности, т. е. того, чѣмъ именно отличается истинное дарованіе.

Въ послѣднемъ недостаткѣ, т. е. въ произвольномъ построеніи своей теоріи мы готовы урекнуть и книгу г. Лилѣва. Она написана съ хорошей цѣлью, съ знаніемъ политической экономіи по старымъ руководствамъ, но въ ней есть своя *idée fixe*, изъ которой развивается теорія, основанная на мечтахъ, а не на положительныхъ доводахъ. Первый вопросъ, представившійся г. Лилѣву: что такое человѣческое общество? какъ оно образуется и растетъ? — рѣшается у него очень просто, *ex abrupto*. Въ основаніи всякаго общества, по мнѣнію его, лежатъ «обшия, песокрушныя начала», и оно развивается по закону органической силы. «Повторяемъ, говоритъ авторъ, человѣческое общество не есть дѣло случая, насилія или мудрости людской» (стр. 4). Но что же оно такое? — г. Лилѣвъ не отвѣчаетъ на это прямо, и даетъ чувствовать, что органическая сила, какъ невидимое, главное колесо въ машинѣ лежитъ совершенно внѣ нашей индивидуальной воли и распоряженій, такъ что все происходитъ кругомъ насъ не такъ, какъ мы хотимъ и думаемъ, а какъ повернетъ сама органическая сила. Но изъ чего же она состоитъ? Опять не видно ясно изъ книги г. Лилѣва, но можно догадываться, что въ составъ ея входятъ все юридическія и нравственныя свойства каждой отдѣльной народности — ея стра-

сти, наклонности, почва, климатъ, исторія и проч. Такимъ образомъ, поставивъ эту таинственную силу — Deus ex machina — въ основаніи всѣхъ соціальныхъ учреждений, г. Лилъевъ уводилъ себя отъ объясненія другихъ вопросовъ, столь интересныхъ для экономиста: почему, напримѣръ, одно общество развивается такъ быстро, другое стоитъ неподвижно, какъ грузная телега по ступицу въ болотѣ? Почему Сѣверо-американскіе штаты, впродолженіе семидесяти лѣтъ создали себѣ такое блестящее и прочное положеніе, а Китай болѣе двадцати вѣковъ прозябаетъ, не выработавъ никакой соціальной жизни? Почему и какъ одна и та же органическая сила средневѣковую Европу обращаетъ въ тюрьму, гдѣ человѣкъ едва дышетъ отъ насилія и разбоевъ, а потомъ вооружаетъ ее противъ собственной же ея исторіи? Во всѣхъ этихъ явленіяхъ намъ интересно знать не слѣпой фатумъ, а внутренней смыслъ и участіе нашей воли и разума. Съ той минуты, когда я признаю надъ собою одну силу виѣшнихъ обстоятельствъ, я отказываюсь отъ своего личнаго достоинства и становлюсь не выше вьючнаго животнаго, на которомъ возить тяжести, безъ согласія и часто не по силамъ его. Въ окончательномъ выводѣ соціальная теорія г. Лилъева приводитъ именно къ этому пассивному и рабскому состоянію.

Само-собою разумѣется, что вліяніе историческихъ, мѣстныхъ, религиозныхъ и фізіологическихъ комбинацій участвуетъ въ первоначальномъ складѣ общаго организма; но не въ этомъ главная причина его дальнѣйшаго развитія. Не климатъ, не температура, не клочекъ земли опредѣляютъ ту или другую судьбу народа, а его гражданскіе истинны и степень его самобытной работы въ подготовленіи и устройствѣ своего собственнаго положенія. У каждаго народа есть огромная сумма жизни, но одинъ пользуется ею благоразумно, а другой истрачиваетъ попусту; для одного она пробуждается раньше, для другого позже или никогда не выступаетъ наружу. И все это зависитъ вовсе не отъ «общихъ и несокрушимыхъ началъ», а отъ личныхъ способностей общества. Худо ему жить, — пусть обвиняетъ въ этомъ не законы природы, а свою лѣнь, апатію и неумѣнье взяться за дѣло; хорошо ему жить, — пусть убѣдится, что эта жизнь упала къ нему не съ неба, не отъ парламента или сената, а составляетъ плодъ его собственныхъ усилій и стремленій. Только при такомъ возрѣніи на общественныя организаціи, трудъ человѣка становится дѣйствительною силой, не лишеною смысла и значенія для политико-экономиста.

Но г. Лилъевъ идетъ въ своей теоріи дальше; ему непремѣнно хочется вставить исторію человѣчества въ опредѣленные формы. Процессъ внутренняго развитія его онъ отмѣчаетъ тремя различными эпохами, которыя переживаются всѣми обществами: «въ младенствѣ своемъ, говоритъ авторъ, пораженный великолѣшіемъ и необозримымъ разнообразіемъ представлявшагося взорамъ его зрѣлища, человѣкъ только *любовался имъ*, и, остановившись на самомъ порогѣ отверстаго передъ нимъ чуднаго храма, не рѣшался проникнуть въ его внутренность... Это былъ первоначальный чисто-эологическій періодъ развитія человѣчества» (стр. 6.). Все это очень поэтично и красно, но крайне далеко отъ истины. Во-первыхъ, чтобъ *любоваться* природой, надо стоять на высокой степени нравственнаго развитія—это неоспоримый фактъ. Русскій крестьянинъ гораздо выше дикаря, но чувствуетъ ли онъ какую-нибудь потребность наслаждаться красотой природы? Мы замѣтили совершенно противное; если дерево выростаетъ передъ окномъ его избенки, оно какъ-будто мѣшаетъ ему и онъ спѣшитъ срубить его на топливо; наши деревни и села, дороги и площади, — голыя, не отѣненные ни парками, ни аллеями, всего лучше доказываютъ, что эстетическое чувство, возбуждаемое въ насъ природой, образуется поздно. Во-вторыхъ, человѣкъ въ дикомъ состояніи вовсе не такъ удивительно смотритъ на природу, какъ думаетъ г. Лилъевъ. Первые наши отношенія къ окружающему міру сопровождаются на каждомъ шагу борьбой съ физическими препятствіями; это состояніе прекрасно выражено поэтическимъ образомъ Крузое, выброшеннаго моремъ на пустынный островъ. Первой его мыслью было не удивленіе закату или восходу солнца, а боязнь голодной смерти, — и инстинктивное желаніе обезпечить себя со стороны матеріальнаго существованія. Въ этомъ первая забота человѣка, на первой ступени его развитія. Наконецъ, *чисто-эологическому* періоду предшествуетъ періодъ общественнаго сдѣленія разрозненныхъ семействъ или группъ, на которыя распадается человѣческія конгрегаціи въ ихъ первобытномъ состояніи. Религія, какъ положительное вѣрованіе, облеченное въ извѣстныя формы и обряды, возможна только при нѣкоторомъ социальномъ устройствѣ, когда интересами ея овладѣваетъ отдѣльная каста. Въ кочевомъ состояніи помадовъ, какъ это отчасти мы видимъ на Киргизахъ нашихъ заволжскихъ степей, есть какія-то смутныя представленія о верховномъ существѣ, но эти представленія не имѣютъ ничего реальнаго и выражаются въ однихъ темныхъ

сомнѣніяхъ и предчувствіяхъ. Проходитъ нѣсколько вѣковъ — составляется общество и только тогда является положительный культъ, обязательный для всѣхъ и cadaго. Точно также, мы могли бы поспорить съ г. Лилѣвымъ, относительно второй эпохи — *чистою умозрѣнія*, котораго собственно никогда не бываетъ для цѣлаго общества, и если греческая философія явилась послѣ мнѣческой поэзіи и исторіи, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и другіе народы прошли тѣмъ же путемъ умственного развитія. Еще произвольнѣе намъ кажется третій періодъ — *процвѣтаніе наукъ естествоиспытательныхъ*. Да гдѣ же онъ былъ, когда современная Европа вполне сознаетъ недостатокъ этого знанія и теперь?

Ограничившись мистическимъ взглядомъ на развитіе человѣческихъ обществъ, г. Лилѣвъ запуталъ свою теорію и въ послѣдующихъ выводахъ. Тамъ, гдѣ англо-американская школа социалистовъ даетъ самыя ясныя опредѣленія и удовлетворительныя отвѣты, нашъ Русскій-Нѣмецъ закручиваетъ и затемняетъ свою идею безъ всякой надобности. Понятіе о *потребностяхъ*, которое такъ превосходно разъяснено у Американца Кери, у г. Лилѣва принимаетъ характеръ чисто-схоластическій. Онъ дѣлитъ потребности общества на физическія и духовныя, разграничивая ихъ двумя различными природами человѣка — душою и тѣломъ. Вода, утоляющая жажду, удовлетворяетъ потребность физическую; музыкальная арія, прослушанная въ театрѣ, удовлетворяетъ потребность духовную. Но мы спросимъ г. Лилѣва, какъ экономиста, гдѣ же лежитъ точная граница между тѣми и другими потребностями? И можно ли удовлетворить какую-нибудь духовную потребность, совершенно отстранивъ физическую природу человѣка. Положимъ, что я наслаждаюсь взглядомъ на картину или статую: впечатлѣніе, дѣйствующее на меня пріятно, воспринимается глазомъ; это я понимаю; но какъ оно дѣйствуетъ дальше — это вопросъ, который мы объяснить себѣ не можемъ. То, что мы называемъ чувствомъ, воображеніемъ, можетъ быть, тѣсно соединяется съ нашимъ физическимъ составомъ. По-крайней-мѣрѣ, опытъ убѣждаетъ насъ, что такія потребности, какъ эстетическій слухъ, взглядъ, вкусъ и чувство прекраснаго развиваются въ насъ механическимъ навыкомъ; чтобъ чувствовать потребность хорошей музыки, надо прежде выучиться понимать ее; чтобъ наслаждаться монументальной архитектурой, надо прежде развить въ себѣ чувство пропорціи, изящной формы и гармоніи. Притомъ, во всѣхъ этихъ понятіяхъ ничего нѣтъ безусловнаго и постояннаго. Чувство изящ-

наго измѣняется отъ степени развитія, обычаевъ и образа жизни каждаго народа; дикарь, наиримѣръ, находитъ особенную прелесть въ томъ, чтобы продѣть деревянное кольцо сквозь губу или поздюю; свѣтская европейская дама продѣваетъ сережку сквозь ухо, и конечно видитъ въ своемъ украшеніи больше изящнаго вкуса, чѣмъ дикарь: американскій Индѣецъ раскрашиваетъ себѣ лицо самыми яркими красками, и думаетъ, что это очень красиво, а русская купчиха только бѣлится и румянитъ себя: кто изъ нихъ болѣе правъ передъ искусствомъ — это совершенно зависить отъ личнаго взгляда каждаго.

Но для г. Липѣва этого раздѣленія мало; онъ формулируетъ потребности еще на три разряда — *положительныя, отрицательныя и среднія*. Удовлетвореніе первыхъ увеличиваетъ или сохраняетъ наше личное благосостояніе; удовлетвореніе вторыхъ рѣшительно вредитъ намъ; удовлетвореніе третьихъ ни то, ни сѣ, — и не разстраиваетъ насъ и не приноситъ полного удовольствія. Вѣроятно, при большемъ досугѣ и желаніи тянуть паутину изъ своей головы, можно было бы приискать еще потребности реальныя и воображаемыя, юношескія и старческія, крестьянскія и барскія, чиновничьи и ремесленныя, и такъ до безконечности. На основаніи этого критериума, куреніе табаку и игра въ карты будутъ потребности отрицательныя, а любовь къ пиву или квасу, и то въ умѣренной степени, будетъ потребностью среднею. Но не объясняетъ ли такое подраздѣленіе какой-нибудь фактъ въ политической экономіи и не наводитъ ли на открытіе новаго закона? Ничего подобнаго мы не видимъ у г. Липѣва; вся эта ученая гимнастика предпринята имъ ради собственного удовольствія и изъ подражанія нѣмецкимъ школьнымъ упражненіямъ.

Съ такой логикой немудрено было дойти до заключенія, что «трудъ съ точки зрѣнія производства богатства и услугъ, какъ совокупность успій, какъ представитель цѣнности, остается всегда экономическимъ зломъ» (стр. 37.) Намъ несколько не изумилъ бы этотъ средневѣковъй парадоксъ въ книгѣ католическаго монаха, потому что выше этого понятія ему трудно возвыситься; но мы удивляемся, какимъ образомъ экономистъ рѣшается главнѣйшій органъ производительныхъ силъ ставить въ числъ золь, что на самомъ дѣлѣ надо считать величайшимъ благомъ. Очевидно, г. Липѣвъ, увлеченный своей теоріей органическаго развитія общества, смѣшиваетъ случайныя и ложныя явленія съ основными законами человѣческой природы.

Продолжая анализъ книги г. Лилъева, мы могли бы указать и на другіе недостатки ея; но, кажется, такой трудъ былъ бы дѣйствительнымъ экономическимъ зломъ, потому что напрасно погубилъ бы и время и бумагу. Если первыя и главныя положенія теоріи оказываются шаткими или ложными, то слѣдствія, вытекающія изъ нихъ, не могутъ быть основательными. Мы думаемъ, что гораздо полезнѣе заключить эту статью слѣдующимъ замѣчаніемъ: для насъ, Русскихъ, потребность въ экономической наукѣ еще только начинается; она получитъ право гражданства, кромѣ аудиторій и литературы, только по мѣрѣ разработки гражданской жизни. Поэтому, въ настоящее время обязанность русскаго экономиста состоитъ не въ изобрѣтеніи теорій, тѣмъ болѣе съ аскетическими или нѣмецко-школьными воззрѣніями, а въ подготовленіи матеріаловъ и изысканіи фактовъ, на которыхъ построится наша будущая соціальная наука. И чѣмъ эти работы окажутся полнѣй и разностороннѣй, тѣмъ успѣхи ея будутъ вѣрнѣе и лучше. Припомнимъ, какихъ огромныхъ изслѣдованій стоила Англіи статистика сельскаго хозяйства, съ какимъ неутомимымъ усердіемъ они доселѣ преслѣдуютъ задачу реформъ въ промышленныхъ и ремесленныхъ сословіяхъ, и за всеѣмъ тѣмъ недостатокъ точныхъ наблюдений и свѣдѣній далеко не удовлетворяетъ цвѣтущему состоянію соціальной науки. Въ нее, какъ въ море, текутъ все отрасли человѣческихъ знаній; нѣтъ ни одного открытія, ни одного событія, которое бы прямо или косвенно не относилось къ ея содержанію. Но что же мы сдѣлали въ этомъ отношеніи?—Ничего или очень мало. Намъ остается отъ души пожелать г. Лилъеву, чтобъ книга его о народномъ богатствѣ не обратилась въ убытокъ самому автору и слѣдовательно обществу.

Р. Р — ОВЪ.

Военное хозяйство. Сравнительное изслѣдованіе положительныхъ законодательствъ Россіи, Франціи, Пруссіи, Австріи, Сардиніи, Бельгіи и Баваріи. Полковника Аничкова, профессора военной администраціи въ Николаевской академіи генеральнаго штаба.

Съ учреженіемъ постоянныхъ армій въ Европѣ 17-го вѣка, войско, отвлеченное своимъ спеціальнымъ назначеніемъ отъ производительныхъ занятій, отдѣленное по своему общественному положенію отъ гражданскаго быта, получило въ экономическомъ и юридическомъ отношеніяхъ свои особыя условія существованія.

По мѣрѣ того, какъ политика и государственные интересы побуждали европейскія правительства усиливать постоянныя арміи, содержаніе ихъ въ мирное время и благовременное приготовленіе средствъ для веденія войны становилось затруднительнѣе для финансовъ государствъ. Явилось стремленіе облегчить условіе этой государственной повинности, выразившееся въ видоизмѣненіяхъ общепринятой военной системы, болѣе или мѣнѣе выгодныхъ въ экономическомъ отношеніи. Такъ возникла ландверная система — менѣе убыточная, чѣмъ содержаніе постоянно на службѣ дѣйствующихъ войскъ, хотя далеко уступающая, въ отношеніи къ дешевизнѣ, швейцарскимъ милліямъ, которыя стоятъ союзу, по вычисленіямъ Ларока, не болѣе $\frac{1}{2}$ всѣхъ доходовъ Швейцаріи.

Въ настоящее время содержаніе постоянныхъ армій поглощаетъ въ первостепенныхъ европейскихъ монархіяхъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ государственныхъ расходовъ.

Расходы эти, какъ упомянуто, зависятъ преимущественно отъ принятой военной системы; но съ другой стороны при данномъ числѣ войскъ, они могутъ увеличиваться или уменьшаться отъ устройства военно-административнаго механизма.

При неудовлетворительности или злоупотребленіяхъ, издержки государства на удовлетвореніе потребностей войскъ значительно возрастаютъ, не улучшая внутренняго ихъ быта, потому-что не все, что дается правительствомъ, доходитъ до солдата, оставаясь въ рукахъ разныхъ лицъ. Въ организаціи же войскъ объ обезпеченіи матеріальнаго ихъ быта имѣетъ первостепенное значеніе.

Сокращеніе расходовъ въ ущербъ матеріальному быту арміи положительно вредно, потому что отъ степени матеріальнаго довольства человѣка много зависитъ и нравственное его настроеніе.

Отправляясь отъ только-что высказанныхъ положеній, г. Аничковъ, оставилъ въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи системы вооруженныхъ силъ къ видамъ политическимъ и экономическимъ въ государствѣ и предался исключительно изслѣдованію общихъ началъ хозяйства постоянныхъ войскъ въ мирное время.

Цѣль военно-экономическихъ изслѣдованій должна заключаться, по мнѣнію автора: «въ изысканіи способовъ, которые содѣйствовали бы возможному улучшенію матеріальнаго быта войскъ безъ истощенія финансовыхъ средствъ государства и представляли бы гарантіи къ тому, чтобы всѣ расходы государства по содержанію войскъ доходили до прямаго своего назначенія, распредѣляясь правильно между потребителями, сообразно нуждамъ и заслугамъ cadaго».

Такимъ образомъ въ сравнительное изслѣдованіе положительныхъ законодательствъ Россіи, Франціи, Пруссіи, Австріи, Сардиніи, Бельгіи и Баваріи вошли слѣдующіе предметы: способы заготовленія и снабженія войскъ, различныя системы продовольствія ихъ пищею, одеждою, снаряженіемъ, жалованьемъ и т. п., организація внутренняго хозяйства полковъ, отдѣльныхъ батальоновъ и другихъ административныхъ единицъ и наконецъ повѣрка дѣйствій административнаго механизма довольствія войскъ или контроль военнаго хозяйства. Кромѣ того въ общемъ очеркѣ изложены рациональныя условія составленія государственнаго бюджета и распредѣленіе суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ.

Сочиненіе г. Аничкова обстоятельно знакомитъ читателя съ военнымъ хозяйствомъ въ мирное время, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ особенности экономическихъ условій, которыя проистекаютъ изъ положенія постоянныхъ армій въ государствѣ.

Для объясненія возьмемъ провіантское довольствіе: оно производится вообще тремя способами: 1) отпускомъ хлѣба въ войска — мукою, какъ у насъ въ Россіи, 2) печенымъ хлѣбомъ, приготовляемымъ въ казенныхъ пекарняхъ, какъ во Франціи (*système manutentionnaire*), или наконецъ 3) назначеніемъ денежнаго оклада, — какъ въ Баваріи, гдѣ вмѣсто слѣдующихъ по положенію 1½ фун. пшеничнаго хлѣба, выдаются на руки солдатамъ деньги, по мѣстнымъ справочнымъ цѣнамъ и они сами, складываясь артелями, покупаютъ хлѣбъ у мѣстныхъ булочниковъ. При этой системѣ довольствія устраняется расходъ на содержаніе

провіантскаго штата, который, на примѣръ въ Россіи, стоитъ до 770,000 руб., во Франціи еще болѣе, принимая во вниманіе издержки на ремонтъ, отопленіе и т. п. казенныхъ пекарень.

Система эта была испытана въ большихъ размѣрахъ во Франціи. Въ мартѣ 1848 года, вскорѣ послѣ февральской революціи, корпорація парижскихъ булочниковъ явилась къ префекту полиціи Коссидіеру съ просьбою о закрытіи казенныхъ пекарень, говоря, что они стѣсняють частную промышленность и, составляя лишній государственный расходъ, увеличивають рекрутскую повинность на пополненіе провіантскихъ рабочихъ командъ. Просьба эта была передана на разсмотрѣніе комисіи національной защиты, по приказанію которой произведенъ былъ опытъ новой системы довольствія.

Втеченіе 3-хъ мѣсяцевъ, въ шести полкахъ вмѣсто натурального довольствія хлѣбомъ, отпускались деньги по мѣстнымъ справочнымъ цѣнамъ; вслѣдствіе этого опыта оказалось, что раціонъ хлѣба, обходившійся при манютанціонной системѣ, кромѣ расходовъ на провіантскихъ чиновниковъ и ремонтъ зданій, по 20 сант. (5 к. с.), при выдачѣ деньгами, по справочнымъ цѣнамъ, обошелся въ 16 с. (4 к. с.), что составляло экономію около 1 к. сер. въ день на человѣка, кромѣ сбереженій, предстоявшихъ отъ сокращенія провіантскаго штата и закрытія пекарень при магазинахъ.

Вслѣдствіе такихъ блестящихъ опытовъ, генераль Готтуль (Hautrouille), назначенный военнымъ министромъ въ 1849 году, сдѣлалъ распоряженіе о закрытіи 42 пекарень и о продолженіи опыта въ обширныхъ размѣрахъ, почти въ цѣлой арміи, втеченіе шести мѣсяцевъ. Въ это время Готтуль получилъ другое назначеніе. Мѣсто его занялъ генераль Шрамъ и, по докладу его, высшая комисія, завѣдывавшая опытами, осудила новую систему, не смотря на всѣ выгоды, которыя общала она, подъ предлогомъ, что въ неурожайные годы продовольствіе арміи не будетъ обезпечено, хотя подобная опасность весьма легко устранялась посредствомъ устройства запасныхъ магазиновъ. Дѣйствительная же причина непріятія этой системы заключалась въ томъ, что при всякомъ государственномъ переворотѣ армія могла остаться безъ хлѣба.

Заготовленіе снабженій для войскъ, повеченіями хозяйственныхъ управленій полковъ, отдѣльныхъ батальоновъ и другихъ административныхъ единицъ, не смотря на всѣ выгоды представляемыя этимъ способомъ во многихъ частныхъ случаяхъ,

оказывается совершенно неудовлетворительнымъ по мнѣнію автора, съ юридической точки зрѣнія, въ особенности тамъ, гдѣ полковой командиръ есть полный хозяинъ своего полка.

«При отпускѣ предметовъ довольствія въ натурѣ, на полковомъ командирѣ лежитъ обязанность посредника между провіантскимъ или комиссаріатскимъ вѣдомствомъ и солдатомъ, какъ блюстителя интересовъ солдата; дѣлаясь заготовителемъ предметовъ снабженія, онъ совокупляетъ въ лицѣ своемъ два значенія юридически несомѣстимыя: блюстителя благосостоянія солдата и прихода-расходчика суммъ, отпускаемыхъ на его довольствіе. Интересы его приходятъ въ соприкосновеніе съ интересами солдата, за благосостояніемъ котораго онъ долженъ блюсти. Жалуясь на дурное продовольствіе, солдатъ жалуется бы на своего командира, а подобныя претензіи, *хотя бы облечены въ самую законную форму, ильютъ видъ*, противный дисциплинѣ. Пусть лучше уже всё подозрѣнія и обвиненія солдата падаютъ на другое вѣдомство, на подрядчиковъ; онѣ не могутъ быть такъ вредны, какъ подозрѣнія, которыя подчиненный находитъ поводъ имѣть противъ начальника, когда на послѣдняго возлагается покупка, заготовленіе предметовъ полковаго довольствія».

Мы все-таки признаемъ вполне справедливую мысль автора о вредѣ — предоставлять полкамъ какія бы то ни было заготовленія. На обязанности полковаго управленія лежитъ столько заботъ по наблюденію за обезпеченіемъ внутренняго быта солдатъ, что усложнять эти обязанности, поручая полкамъ торговыя операціи, значить измѣнять характеръ полковаго управленія, давъ ему видъ купеческой конторы. Отличительною чертою круга дѣятельности командира отдѣльной части и даже хозяйственнаго комитета должно быть удостовѣреніе въ правильномъ удовлетвореніи членовъ полка, или другой административной части, всѣмъ, закономъ имъ опредѣленнымъ, что не вяжется уже съ ролью подрядчика.

Важный въ администраціи вопросъ о степени необходимости, какъ ихъ называетъ авторъ, «*посредствующихъ вѣдомствъ* (провіантскаго, комиссаріатскаго) между войсками — потребителями предметовъ довольствія и промышленниками заготовителями ихъ, — вѣдомствъ исключительно назначенныхъ для пріема, храненія, устройства складовъ вещей и отпуска ихъ въ войска, затронуть въ статьѣ объ обмудированіи и снаряженіи, по отношенію къ комиссаріатскимъ складамъ или депо съ ихъ дорого-стоющею администраціею.

По нашему мнѣнію, говоритъ г. Аничковъ, цѣль этихъ посредствующихъ учрежденій заключается въ устраненіи сдѣлокъ между подрядчиками и войсками, которыя возможны были бы при прямой непосредственной сдачѣ предметовъ довольствія въ войска. По основной идеѣ этихъ учрежденій, предполагалось, что онѣ, принимая вещи отъ подрядчиковъ, будутъ подвергать качество ихъ тщательной оцѣнкѣ, подѣ опасеніемъ браковки со стороны войскъ. Пропуская вещи черезъ эту посредствующую браковку, правительство надѣялось, что до войскъ будутъ доходить вещи только самаго лучшаго достоинства.

Кромѣ того, при складахъ представлялась возможность устроить на прочныхъ основаніяхъ запасы вещей и систематически освѣжать ихъ.

Но практика показала, что, съ учрежденіемъ подобныхъ вѣдомствъ, цѣль эта не была достигнута. Не у насъ однихъ комисаріатъ служилъ иногда проводникомъ злоупотребленій между подрядчиками и войсками. Конечно въ этомъ случаѣ и войска не могутъ быть свободны отъ обвиненія; напротивъ того инициатива злоупотребленій комисаріата принадлежитъ имъ самимъ: если-бъ они принимали отъ него вещи вполне добросовѣстно, это искоренило бы злоупотребленія и въ самомъ комисаріатѣ. Не вездѣ однакожь учрежденіе комисаріата оказалось несостоятельнымъ. Есть государства, въ которыхъ организація этого вѣдомства получила такія прочныя основанія, что всѣ попытки злоупотребленія подкопаться подѣ эти основанія были безуспѣшны.

Это ведетъ насъ къ разбору организаціи комисаріатскаго вѣдомства въ разныхъ европейскихъ арміяхъ.

Изъ разбора, сдѣланнаго авторомъ, видно: что нашъ комисаріатскій департаментъ съ подвѣдомственными ему 14-ю комисаріатскими комиссіями завѣдуетъ изготовленіемъ, приѣмомъ, храненіемъ и отпускомъ всѣхъ предметовъ довольствія вещами независимо отъ денежнаго и госпитальной части, а также учетомъ и контролемъ по этимъ родамъ снабженій. Между тѣмъ какъ въ управленіи по обмундированію войскъ во Франціи, центральныя магазины мундирныхъ, амуниционныхъ и лагерныхъ вещей служатъ собственно хранилищемъ запасовъ и мѣстами приѣмки сумки, которая возлагается на особыя временныя комиссіи, совершенно независимыя отъ упомянутаго управленія; да и прочія вещи, большею частію, сдаются подрядчиками прямо въ войска,

а въ приемкѣ тѣхъ, которыя сдаются въ магазины, управленіе ихъ непосредственнаго участія не имѣеть.

Въ прочихъ европейскихъ государствахъ организаціи управленія, завѣдывающаго обмундированьемъ войскъ, имѣютъ аналогію съ однимъ изъ двухъ различныхъ типовъ — нашимъ или французскимъ, а лучшее устройство запасовъ мундирныхъ и амундичныхъ вещей встрѣчается въ Пруссіи, гдѣ они содержатся при дѣйствующихъ войскахъ и кадрахъ ландверовъ. -

Всѣдъ за этимъ авторъ говоритъ: трудно понять, почему при болѣе или менѣе сложной системѣ организаціи этого управленія, нигдѣ до сихъ поръ не наша примѣненія весьма простая, естественная мысль о непосредственной сдачѣ предметовъ обмундированія фабрикантами и вообще контрагентами военнаго министерства прямо въ войска. Чего стоитъ содержаніе всѣхъ этихъ магазинововъ, устройство и ремонтъ зданій, жалованье администраціи.

Едва-ли всѣ эти расходы не превзойдутъ того ущерба, который можетъ потерпѣть качество вещей отъ прямой, непосредственной сдачи ихъ подрядчиками прямо въ войска, ущербъ еще предполагаемаго, а между тѣмъ при подобномъ порядкѣ выигрывается упрощеніе администраціи, сокращеніе переписки и уменьшеніе чиновничества, которое хотя не въ настоящемъ, но въ будущемъ поколѣніи должно будетъ обратиться къ труду болѣе производительному и перестанетъ обременять государство, кромѣ издержекъ на свое содержаніе, еще многими, уже совсѣмъ непродуктивными расходами, извѣстными подъ именемъ накладки и т. под.

Что касается до запасовъ, то мы указали выше, (это относится до устройства ихъ въ Пруссіи), что гораздо лучше имѣть ихъ при войскахъ, обязавъ кромѣ того фабрикантовъ содержать у себя запасы матеріаловъ (во Франціи подобная организація запасовъ встрѣчается въ отношеніи суконъ). Даже при австрійскомъ способѣ довольствія войскъ готовыми вещами, можно обойтись безъ казенныхъ складовъ и мастерскихъ, запрягая готовые вещи у фабрикантовъ.

Намъ кажется, что вопросъ объ упрощеніи административнаго механизма по значенію его относительно сокращенія расходовъ, заслуживаетъ болѣе обширной разработки, а мнѣніе о возможности обойтись безъ посредствующаго учрежденія при приемѣ, храненіи и сдачѣ предметовъ обмундированія въ войска, нуждается въ лучшей обстановкѣ, какъ по количеству и качеству

данныхъ, такъ и по группировкѣ ихъ около высказанныхъ основаній.

Мы несогласны, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы инициатива вѣхъ злоупотребленій комиссаріата принадлежала войскамъ. Какъ трудно, наиримѣръ, военному пріемщику совершенно добросовѣстно выполнить свою обязанность (и такимъ образомъ недопустить злоупотребленія въ комиссаріатѣ), когда управляющей комиссіею имѣеть право отстранять пріемщика по неопытности и мнительности и даже арестовать его, между тѣмъ какъ за пріемъ вещей, несходныхъ съ образцами, пріемщики предаются военнаго суда. На стр. 211 авторъ самъ приводитъ, что, вслѣдствіе подобнаго положенія, они вынуждены иногда прибѣгать къ бесспорному пріему вещей съ полученіемъ отъ сортоваго смотрителя части накладки вещевой и денежной, которою сопровождается сдача вещей въ комиссію подрядчиками.

Французское управленіе по обмундированію потому только не служитъ источникомъ и проводникомъ злоупотребленій въ войска, что обязанности его исключительно отданы наблюденію за заготовкою матеріаловъ и храненію вещей въ магазинахъ, не распространяясь на пріемку или сдачу ихъ. Слѣдовательно вмѣстѣ съ устраненіемъ необходимости имѣть подобныя магазины и склады уничтожаются сами-собю основанія учреждать себоя посредствующія вѣдомства, съ ихъ дорогою и сложною администраціею и вреднымъ вліаніемъ на военное хозяйство.

Наконецъ, обращаясь къ историческимъ причинамъ появленія упомянутыхъ учреждений вмѣстѣ съ постоянными арміями въ XVIII ст., не трудно было бы автору осязательно доказать, что, съ измѣненіемъ въ настоящее время главныхъ условій снабженія войскъ, устройство этихъ административныхъ органовъ должно быть переорганизовано.

Не имѣя въ виду представить полного отчета объ интересномъ и добросовѣстномъ трудѣ г. Анчикова, а только познакомить нѣсколько читателей съ общимъ характеромъ изслѣдованій «о военномъ хозяйствѣ», мы не будемъ болѣе останавливаться на предметахъ, относящихся къ различнымъ видамъ довольствія войскъ, изложеннымъ въ III-й главѣ, представляющей самый обширный отдѣлъ всего сочиненія. Масса разсматриваемыхъ здѣсь свѣдѣній о провіантскомъ и комиссаріатскомъ снабженіяхъ войскъ, о квартирномъ довольствіи госпитальной части, ремонтрованіи, о перевозочныхъ средствахъ и т. п., не позволяетъ представить по каждому изъ этихъ предметовъ даже самый сжатый выводъ,

не выходя за предѣлы нашей статьи. Поэтому мы обратимся теперь къ статьѣ о полковомъ хозяйствѣ, имѣющемъ непосредственное вліяніе на матеріальное благосостояніе солдата.

Основными началами организациі полковаго управленія авторъ считаетъ отдѣленіе строевой части отъ хозяйственной, возможное упрощеніе обязанностей лицъ, завѣдующихъ хозяйствомъ полковъ, и установленіе рациональнаго и независимаго контроля дѣйствій этихъ лицъ.

Строевая и хозяйственная части имѣютъ свои спеціальности, требуютъ особыхъ познаній и способностей и только въ ротахъ или эскадронахъ, уже по необходимости, должны быть соединены въ рукахъ одного лица. Хозяйство полка, представляющее операциі сложныя, соединенное съ учетомъ значительныхъ суммъ, не слѣдовало бы уже поручать лицу, завѣдывающему строевою частію. Главное дѣло его — дисциплина, поддержаніе моральныхъ качествъ солдата, тактическое образованіе. Заботы по хозяйству, отвлекая вниманіе полковаго командира отъ упомянутыхъ предметовъ, въ особенности могутъ вредно отразиться на пользахъ службы въ военное время. Наконецъ упущенія по хозяйству, не говоря уже о недобросовѣстности, бросаютъ на полковаго командира тѣнь подозрѣнія въ незаконномъ желаніи пользоваться казеннымъ интересомъ, что весьма вредно для дисциплины.

Когда хозяйственная часть находится въ рукахъ прямого начальника, солдату трудно заявить претензію на недоброкачественность, или недостаточность довольствія. Между тѣмъ возможность всегдашняго дознанія всякой справедливой претензіи есть одна изъ необходимѣйшихъ гарантій благосостоянія солдата. При вмѣшательствѣ полковаго командира въ хозяйственныя распоряженія — гарантіи этой не существуетъ.

Будучи хозяиномъ-распорядителемъ и, по должности своей, все-таки оставаясь ближайшимъ блюстителемъ интересовъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, полковой командиръ совмѣщаетъ въ своемъ значеніи два принципа, юридически несовмѣстимые: власть распорядительную и контроль, соединеніе которыхъ въ одномъ должностномъ лицѣ также неумѣстно, какъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, соединеніе полицейской и судебной власти.

Контроль можетъ быть дѣйствителенъ только тогда, когда, съ одной стороны, всякому солдату открыта полная возможность заявленія всякаго незаконнаго дѣйствія чиновъ хозяйственнаго управленія въ ущербъ интересамъ солдата, и съ другой сторо-

ны — когда контролирующее лицо совершенно непричастно распоряженіямъ и когда оно независимо отъ всѣхъ лицъ и начальниковъ, подъ вліяніемъ которыхъ находится хозяйство полка.

Подобное наблюденіе интересовъ солдата всего естественнѣе подлежитъ полковому командиру, въ томъ случаѣ, когда отъ него устранена распорядительная часть полковаго хозяйства; *«но для того, чтобы сдѣлать контроль еще болѣе независимымъ весьма полезно, когда онъ находится въ рукахъ лица, совершенно не принадлежащаго полку и находящагося внѣ вліянія іерархіи строеваго начальства».*

Цѣль эта достигается въ организаціи французскаго интендантства.

Мы изложили главные доводы, приведенные авторомъ въ подтвержденіе своихъ принциповъ организаціи полковаго управленія, но не вполне раздѣляемъ идеи о необходимости вѣдѣтельности особаго вѣдомства, въ родѣ французскаго интенданства, по дѣламъ этого управленія.

При совершенномъ отдѣленіи строевой части отъ хозяйственной, строгомъ разграниченіи ихъ обязанностей, полковой командиръ можетъ быть лучшимъ контролеромъ дѣйствій тѣхъ чиновъ, которымъ поручены хозяйственныя операціи.

Строгий выборъ лицъ для занятія должностей полковыхъ командировъ, содержаніе, обеспечивающее ихъ положеніе на службѣ и распространеніе здравыхъ понятій въ военномъ обществѣ о значеніи этого званія, едва ли не будутъ самыми дѣйствительными средствами противъ злоупотребленій. Кромѣ того, примѣняясь, на примѣръ, къ организаціи нашей арміи, можно указать на дивизионный штабъ, какъ на управленіе для сосредоточенія ближайшаго контроля хозяйственныхъ распоряженій полковъ, и на начальника дивизионнаго штаба, которому можно было бы поручить нѣкоторыя изъ обязанностей французскаго интенданства по наблюденію за полковымъ хозяйствомъ.

Главная заслуга г. Аничкова по изложенію полковаго хозяйства заключается въ ознакомленіи русскаго читателя въ системѣ съ порядкомъ хозяйства и отчетности, принятыми въ Россіи, (не говоря уже объ иностранныхъ государствахъ), которымъ до сихъ поръ приходилось вѣдѣваться только изъ практики. Сопоставленіе нашего порядка съ заграничнымъ благопріятствуетъ наглядному изложенію того и другаго, а объясненіе формъ важѣйшихъ вѣдомостей и таблицъ является совершенною необходимостію для уразумѣнія полковой бухгалтеріи и отчетности.

Очень может случиться, что на дѣлѣ многое въ нашемъ полковомъ хозяйствѣ исполняется не такъ, какъ это опредѣлено различными положеніями, а слѣдовательно изложено авторомъ; но не смотря на эти отступленія, обуславливаемыя мѣстными причинами, читатель вынесетъ изъ книги отчетливое понятіе объ основапіяхъ, общемъ характерѣ и главныхъ недостаткахъ нашего полковаго управленія,

Отдавая полную справедливость запасу спеціальныхъ знаній и трудолюбію автора, мы расходимся съ его взглядомъ на порядокъ отчетности, принятый во Франціи, находя его сложнымъ, обремененнымъ формами, и потому далеко не образцовымъ.

Хотя между французскими бланками и нашими вѣдомостями та огромная разница, что первые представляютъ возможность услѣдить по отчетамъ за каждою казенною копѣйкою, а въ нашихъ вѣдомостяхъ и табеляхъ отчетность, представляется по большей части, одною формальностію, желательною было бы военную бухгалтерію, и отчетность упростить до самыхъ крайнихъ предѣловъ, пожертвовавъ даже для этого недантическою точностію учета каждаго полувершка сукна или полуфунта крупы; потому что корень злоупотребленій по полковому хозяйству находится въ его организаціи, ложныхъ понятіяхъ должностныхъ лицъ о своей обязанности, понятій проистекающихъ часто отъ фальшиваго положенія, въ которое эти лица бывають поставлены на службѣ недостатками въ законоположеніяхъ, и отъ многихъ другихъ причинъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ разбираемаго сочиненія говорится о контролѣ. Но читатель не иначе можетъ составить себѣ полное представленіе о значеніи контроля въ военной администраціи, какъ ознакомившись вполнѣ съ трудомъ г. Аничкова. Идея о контролѣ служитъ общемою нитью связывающею автора; удачно проведенная черезъ все сочиненіе она даетъ ему единство, котораго другимъ путемъ едва ли можно было достигнуть при принятомъ методѣ въ изложеніи.

Въ контролѣ видятъ г. Аничковъ единственную гарантію основнаго своего положенія, *«чтобы весь расходъ государства на содержаніе войскъ доходилъ до прямого своего назначенія, распределяясь правильно между потребителями.»*

Пораженный недостатками, существующими въ этомъ отношеніи и въ административномъ механизмѣ и въ законоположеніяхъ, авторъ счелъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ развитія злоупотребленій фактическій контроль, встрѣченный имъ

во французскомъ законодательствѣ, чѣмъ объясняется и подробное изложеніе его во всѣхъ отдѣлахъ сочиненія и предубѣжденіе въ достоинствахъ организаціи хозяйственной части во Франціи.

«Во французской администраціи, говоритъ авторъ, мало злоупотребленій не потому, чтобъ они были несомвѣстны съ правами націи — напротивъ того, при настоящемъ развитіи роскоши, дороговизнѣ жизни духъ любостыжанія весьма сильно развитъ во Французахъ; но дѣло въ томъ, что въ основѣ законодательства ихъ страны лежитъ мысль, что исполнители закона — люди съ страстями и пороками, что единственное средство противъ зла заключается во взаимномъ, перекрестномъ контролѣ. Оттого французскіе административные законы такъ отзываются макиавелизмомъ. Но что-жь дѣлать: макиавелизмъ не лучше-ли того безграничнаго довѣрія, вслѣдствіи котораго прекрасные законы оказываются въ примѣненіи несостоятельными».

Познакомимъ въ заключеніе читателя съ объясненіями, данными авторомъ (въ V главѣ) понятію о контролѣ.

Цѣль контроля заключается въ удостовѣреніи въ правильномъ расходованіи казенныхъ суммъ и въ правильномъ удовлетвореніи каждаго кредитора казны всѣмъ, законами ему опредѣленнымъ.

По своему существу контроль военнаго хозяйства имѣетъ три степени: 1) Фактической, мѣстный контроль (*contrôle local*) состоитъ въ удостовѣреніи на мѣстѣ въ правильности дѣйствій всѣхъ приходо-расходчиковъ казеннаго имущества, посредствомъ людей, состоящихъ на довольствіи, спросовъ тѣхъ чиновъ, которыми законами опредѣленъ отпускъ этого имущества, повѣрки наличнаго количества и удостовѣренія въ должномъ качествѣ припасовъ въ складахъ и правильности отпуска ихъ въ войска.

2) Центральный контроль заключается въ ревизіи отчетности войскъ и военно-хозяйственныхъ учрежденій въ центральныхъ установленіяхъ какъ наиримѣръ въ военномъ министерствѣ и т. п.

3) Внѣшній контроль — въ повѣркѣ военно-хозяйственныхъ отчетовъ высшими контрольными учрежденіями, внѣ круга распорядительныхъ министерствъ находящимися, каковы напр. Государственный контроль у насъ, *Compt des comptes* во Франціи и т. п.

Изъ всѣхъ степеней или видовъ контроля, наибольшую важность имѣетъ контроль фактической. При неудовлетворительности его, прочія степени контроля не могутъ достигать своей цѣли, потому-что когда правительство не гарантировано отъ неправиль-

ности, фактической невѣрности отчетныхъ документовъ, фактическимъ же удостовѣреніемъ въ вѣрности каждой ихъ цифры, то эти отчеты или документы служатъ часто только для прикрытія незаконности, ибо тогда центральный и внѣшній контроль, повѣряя вѣрность счисленія и соотвѣтственность статей прихода-расходныхъ книгъ съ документами, рѣдко имѣютъ возможность удостовѣриться въ правильности администраціи, если между составителями документовъ и прихода-расходчиками существуютъ противозаконныя сдѣлки. Обѣ эти степени контроля получаютъ важность тогда только, когда правительство имѣетъ возможность факческаго удостовѣренія въ вѣрности первыхъ основаній письменныхъ отчетовъ.

Ни въ одной арміи фактической контроль не имѣетъ такой солидной организаціи какъ во французской. Фактической контроль подраздѣляется тамъ на постоянный и на временный. Первый лежитъ на обязанности чиновъ корпуса интендантства, второй производится инспекторами, назначаемыми ежегодно военнымъ министромъ для осмотра войскъ и военныхъ учреждений.

На этомъ мы остановимся, потому-что дальнѣйшій разборъ мнѣній автора о французскомъ интенданствѣ, увлекъ бы насъ за предѣлы бѣлаго обзора характера и содержанія перваго на русскомъ языкѣ опыта военно-экономическихъ изслѣдованій, которыми г. Аничковъ подарилъ нашу военную литературу. Большинство военного общества, не имѣя подъ рукою теоретическаго изслѣдованія объ общихъ началахъ военного хозяйства, до сихъ поръ не могло познакомиться съ ними изъ одной административной практики, гдѣ текущая переписка, или хозяйственныя операціи поглощаютъ большую часть времени; притомъ же свойственная канцелярскому порядку рутинна менѣ всего способна пробудить умъ къ многостороннему взгляду на свойства той отрасли управленія, изъ которой истекаютъ занятія и обязанности чиновника, какъ органа административнаго механизма.

Административная практика можетъ образовать способнаго дѣльца, но хорошаго администратора образуютъ наука и опытъ.

Въ этомъ отношеніи трудъ г. Аничкова принесъ огромную пользу, открывъ дорогу для разработки началъ нашего военно-экономическаго быта.

Безъ всякаго сомнѣнія сочиненіе «о военномъ хозяйствѣ» переживетъ много изданій и потому, въ интересахъ науки, мы позволимъ себѣ замѣтить автору, что оно нуждается въ болѣе равномерной обработкѣ, какъ различныхъ своихъ отдѣловъ, такъ

и предметовъ, входящихъ въ эти отдѣлы. На прусское военное хозяйство, напримѣръ, встрѣчаются, по большой части только общія указанія, между тѣмъ какъ главные основанія его весьма интересны и по особенностямъ принятой въ Пруссіи ландверной системы, и по отсутствію злоупотребленій въ администраціи, организованной на налогахъ наименѣе сходныхъ съ французскою.

Въ изслѣдованіи положительныхъ европейскихъ законодательствъ, описательному элементу, сравнительно съ важностію критическаго, данъ слишкомъ большой просторъ: многія подробности можно было бы помѣстить въ приложеніяхъ и тамъ еще болѣе развить, согласно намѣреніямъ автора.

Наконецъ авторъ формулировалъ конечную цѣль военно-экономическихъ изслѣдованій и не совершенно ясно и нѣсколько односторонне, говоря, что цѣлю этою должно быть *изысканіе способовъ, которые содѣйствовали бы возможному улучшенію матеріальной быта войскъ, безъ истощенія финансовыхъ средствъ государства* и т. п. Армія поглощаетъ въ государствѣ не только извѣстную долю финансовыхъ средствъ, но и часть производительныхъ силъ страны; по этому военно-экономическія изслѣдованія должны коснуться этого источника производительныхъ силъ, что поведетъ къ разбору отношеній различныхъ военныхъ системъ къ производительнымъ силамъ и финансовымъ средствамъ государства.

Авторъ избралъ для себя задачу другаго рода: изслѣдовать общія начала военнаго хозяйства постоянныхъ войскъ, и, какъ мы видѣли, съ полнымъ усиліемъ разрѣшилъ ее. Но за тѣмъ, онъ не въ правѣ свою частную цѣль возводить въ общую, конечную цѣль всѣхъ военно-экономическихъ изслѣдованій.

Б.

28 Ноября,
1860 г.

Исторія Франціи отъ основанія монархіи, Менньше. Сочиненіе, посвященное отцамъ семейства и увѣнчанное французской академіей. Томъ 1-й, выпускъ 1-й (до смерти Карла Великаго). Спб. 1860 года.

«Исторія, говоритъ Маколя, должна состоять изъ соединенія поэзіи и философіи; дѣйствуя на человѣческой умъ посредствомъ живаго воспроизведенія фактовъ, она выводитъ общія истинны изъ частныхъ явленій. Чтобъ представить прошедшее настоящимъ, чтобъ облечь плоть и кровью блѣдныя тѣни предковъ и показать ихъ намъ со всѣми особенностями ихъ нравовъ и обычаевъ, необходимо сильное поэтическое воображеніе; для того же, чтобъ извлечь философскіе выводы изъ исторіи, чтобъ оцѣнить значеніе частныхъ фактовъ, показать связь между причинами и слѣдствіями и прослѣдить развитіе прогрессивной идеи въ формѣ человѣческихъ обществъ — необходимо обладать глубокимъ критическимъ тактомъ и громаднымъ разностороннимъ образованіемъ».

Разумѣется, такое соединеніе противоположныхъ элементовъ встрѣчается весьма рѣдко: большей частью перевѣшиваетъ одна какая-нибудь сторона: у одного историка поэтическая, у другаго философская. Вотъ отчего такъ рѣдки хорошія исторіи, тѣмъ болѣе, что совершенно безпристрастное изложеніе событій не возможно; историкъ не можетъ остаться холоденъ къ тѣмъ страданіямъ, которыя описываетъ; онъ принадлежитъ къ какой-нибудь партіи, у него есть свои убѣжденія, своя вѣра, свой взглядъ: все это непременно отразится въ его исторіи.

Но при всемъ разнообразіи историческихъ условій, есть нѣкоторыя положенія, выполненія которыхъ должно строго требовать а именно сохраненія колорита времени и представленія исторіи не нѣсколькихъ фамилій, а цѣлой націи.

Уже давно О. Тьерри замѣтилъ этотъ недостатокъ во французскихъ исторіяхъ: «главная причина ихъ ошибки, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что они исторію Франціи отъ V до XVIII вѣка считаютъ исторіей одного и того же народа и въ своихъ неопредѣленно пышныхъ разсказахъ занимаютъ только небольшимъ числомъ привилегированныхъ лицъ, которыя одни занимаютъ историческую сцену, а масса народа печезаетъ за мантиями придворныхъ». Между тѣмъ прежде чѣмъ Франки покорили

сѣверъ Галліи, Визиготы и Бургунды занимали востокъ и югъ ея. Вторженіе варваровъ ниспровергло римское управленіе, но не уничтожило расы, населявшія страну и не образовало изъ нихъ одного народа. Слитіе началось при концѣ владычества Франковъ, а не при началѣ. Такимъ образомъ нелѣпо выдавать за исторію Франціи исторію Франковъ. Первое достоинство историка не забывать никого и представлять событія въ разныхъ частяхъ страны и со всѣми дѣятелями. «Вообще, продолжаетъ Тьерри, историки должны принять за правило различать вмѣсто того, чтобъ смѣшивать, потому что не бывъ разнообразнымъ, нельзя быть истиннымъ. Наши лѣтописцы хотять, во что-бы-то ни стало, историческаго единства, привязываются къ одному народу, слѣдуютъ за нимъ черезъ мракъ вѣковъ и судьбы его служатъ имъ ариадниной нитью».

Высказавъ эти правила, Тьерри приступаетъ къ разбору исторій Франціи, написанныхъ прежде него и во всѣхъ ихъ находитъ важные недостатки. Но съ тѣхъ поръ прошло довольно времени и труды Гизо, Мартэна, Мишлэ и другихъ бросили яркій свѣтъ на исторію Франціи, такъ что появленіе компіляціи Менъше, напоминающей хронику Николая Жилля (Gilles) кажется теперь непростительнымъ анахронизмомъ.

Приступая къ исторіи Франціи, необходимо задать себѣ слѣдующіе вопросы: изъ какихъ народныхъ элементовъ составилась нація въ эпоху своей дикой независимости; каковы были ея характеръ и нравы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она основывалась. Опредѣливъ это, необходимо разсмотрѣть значеніе Галліи въ составѣ римской имперіи и въ ходѣ римской цивилизаціи.

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ надо обратиться къ свидѣтельству греческихъ и римскихъ историковъ и къ историческо-сравнительной филологической школѣ. Амедей Тьерри такъ и сдѣлалъ и результатомъ его трудовъ было слѣдующее: первоначальными обитателями Галліи были Аквитанцы и Лигурійцы племени иберійскаго, и Галлы и Кимвры (Kimris) племени гальскаго.

Дѣло исторіи — разсмотрѣть обычаи и нравы этихъ племенъ, чтобы съ точностью опредѣлить вліяніе Рима на ихъ развитіе, и потомъ уже перейти къ нашествію Франковъ и показать ихъ значеніе въ судьбахъ Галліи.

Эта часть труда г. Менъше еще лучше другихъ; хотя и тутъ онъ слишкомъ преданъ идеѣ централизаціи и не представляетъ достаточно полной и стройной картины тогдашняго состоянія

страны. Рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ французской исторіи ускользаетъ отъ него: читатель остается въ недоумѣніи, почему римское право и вторженіе германскихъ расъ произвели результаты, противоположные тѣмъ результатамъ, которые выработались при тѣхъ же условіяхъ на англійской почвѣ.

Воинственная натура Галловъ нашла себѣ полный просторъ въ борьбѣ съ Римлянами. Составляя лучшую часть арміи Аннибала, безстрашные обитатели Галліи не разъ способствовали ему къ одержанію побѣды надъ потомками Ромула. Война съ Цезаремъ и его преемниками не дала ни на минуту остынуть ихъ воинственному жару. Обратившись въ римскую провинцію, Галлія постоянно стремилась къ возвращенію своей самостоятельности; постоянно служила лучшею военной школой для римскихъ генераловъ и только введеніе христіанства ослабило нѣсколько военный духъ древнихъ Галловъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ жилахъ текла кровь зараженная отъ цесарскаго Рима. Съ этого времени начинается вырожденіе Галліи: юго-восточная ея часть привыкла полагаться на защиту римскихъ легионовъ; близость къ центру управленія, Риму, деспотическая власть проконсуловъ, обращавшихъ въ ничто узаконенія, уничтожили все благотворное вліяніе римскаго права; самое христіанство, со-временъ Константина, утратило свой чистый характеръ и обратилось въ орудіе деспотизма; Аріане и православные преслѣдовали другъ-друга, все вниманіе было обращено на теологическіе споры... обѣ партіи искали поддержки въ правительствѣ... гражданская доблесть исчезла «съ тѣхъ поръ, какъ христіанство вышло изъ дѣтства, говоритъ Гизо, архіепископы играли двойную роль: философовъ и политиковъ; они хотѣли властвовать надъ идеями или по крайней мѣрѣ имѣть вліяніе въ мірѣ нравственномъ и въ то-же время пользоваться властью свѣтскою: они постоянно должны были удовлетворять двойной своей миссіи: размышлять и дѣйствовать; убѣждать и управлять»... Паганизмъ Греціи и Рима былъ подорванъ окончательно; хотя нѣкоторыя формы его сохранились даже до конца XVI вѣка *), но тѣ отличительныя черты его, о которыхъ говоритъ Маккиавелли (*Discorsi. lib. 11 cap. 2*), погибли навсегда. Напрасно гениальный Юліанъ пытался возвратить имперіи прежнее благосостояніе съ помощью паганизма — попытка его была несвоевременна и только ускорила его гибель. Исто-

*) См. Форіэля исторію провансальской поэзіи и Гизо исторію французской цивилизаціи.

рическія обстоятельства сложились такъ, что даже самыя благоприятныя событія оказывались пагубными для Галліи. Перенесеніе столицы въ Византію отдаляло страну отъ центра злоупотребленій, позволяло ей дышать свободнѣе и развиваться самостоятельнѣе, но въ то-же время отдавало ее на жертву варварамъ. Постоянныя ихъ нашествія до такой степени ослабили связь не только между Галліей и имперіей, но даже между различными частями Галліи, что достаточно было 6000 тысячъ Франковъ Кловиса для уничтоженія тамъ послѣднихъ слѣдовъ римскаго владычества.

Съ этого времени начинается новый періодъ исторіи Галліи. Военственныя дружины Германцевъ рѣзко отлпчались по своему устройству отъ муниципальныхъ учрежденій Галліи. Получивъ огромныя поземельныя владѣнія, фамиліи Кловиса пыталась расширить свое вліяніе посредствомъ вновь прибрѣтенныхъ богатствъ.... «Пока король раздѣлялъ свои сокровища или земли между сыновьями, онъ не нуждался ни въ чьемъ согласіи, потому-что поступалъ какъ помѣщикъ или отецъ семейства; но какъ скоро онъ хотѣлъ, чтобъ сынъ его былъ признанъ шефомъ воинамъ, онъ долженъ былъ просить ихъ согласія. (Augustin Thierry. Lettres sur l'hist. de France). Власть королей въ строгомъ смыслѣ ограничивалась странами на сѣверѣ отъ Луары, гдѣ жили Франки. Въ этихъ предѣлахъ администрація состояла въ военномъ занятіи. Шайки солдатъ рыскали повсюду, поддерживая страхъ или налагая выкупъ на гражданъ, но не управляя ими-управленіе принадлежало муниципалитету или архіепископамъ.

Поставленныя въ такія отношенія къ покореннымъ народамъ и къ своимъ дружинамъ, франкскіе короли всѣми мѣрами старались освободиться отъ власти послѣднихъ и собрать какъ можно болѣе денегъ съ первыхъ. Пользуясь помощью архіепископовъ, они быстро пошли къ своей цѣли; но скоро споръ за преобладаніе остановилъ ихъ усилія: духовенство также стремилось къ свѣтской власти: законы Константина и послѣднихъ римскихъ императоровъ быстро вели его къ феодализму. Прочно утвержденное въ странѣ, оно искусно пользовалось невѣжествомъ и суевѣріемъ королей и вельможъ; съ другой стороны военное самовластіе, привычка повелѣвать, увѣренность въ своемъ превосходствѣ заставляли Франковъ противиться притязаніямъ архіепископовъ; отсюда безпрестанныя столкновенія и уступки то съ той, то съ другой стороны.

Военная аристократія стояла отдѣльно отъ коммуны; духо-

венство при малѣйшихъ уступкахъ королей сближалось съ ними и содѣйствовало ихъ честолюбивымъ видамъ. Карлъ Мартелъ съ помощью войска подчинилъ себѣ духовенство: Пепинъ Короткій съ помощью духовенства подчинилъ военную аристократію. Раздѣльность сословій не могла способствовать пріобрѣтенію правъ; глубокое невѣжество смѣнило остатки римской цивилизаціи; ораторское искусство упало; свѣтская литература измелъчала, обратилась въ эпиграммы, мадригалы, эпиграфы, однимъ словомъ сдѣлалась литературою приличія и роскоши, которія и рутины; одна только духовная литература процвѣтала; теологическіе интересы, по тогдашнему состоянію общества, стали на первомъ мѣстѣ; они занимали королей и высшихъ сановниковъ и всю образованную часть населенія Галліи.

Изъ всего этого ясно, что централизація должна была восторжествовать, народныя собранія должны были потерять свое значеніе — исторія Франціи получила оборотъ, вслѣдствіе котораго коммуны предоставлены были своимъ силамъ въ борьбѣ съ королевскою и феодалскою властью, и освобожденіе крѣпостнаго сословія сдѣлалось невозможно, благодаря своекорыстію и невѣжеству феодаловъ, державшихъ низшій классъ въ тяжеломъ рабствѣ и глубокомъ невѣжествѣ.

Ненормальное положеніе общества разрѣшилось французскою революціею....

Но Менншѣ, при составленіи своей исторіи, послѣдовалъ совершенно другому методу. Главнымъ его руководителемъ является Григорій Турскій и его послѣдователи, не проверенные критикою; но и этимъ источникомъ авторъ не умѣлъ воспользоваться какъ слѣдуетъ и отнялъ у лѣтописцевъ колоритъ современности. Вообще по методѣ изложенія книга г. Меннше относится къ самымъ плохимъ учебникамъ: она не представляетъ ни художественной картины О. Тьерри, ни глубокомысленной, хотя ошибочной, теоріи Гизо. Съ самаго началъ авторъ дѣлаетъ промахи на каждомъ шагу. «Этотъ народъ, говорятъ онъ, имя котораго Франкъ, происходитъ отъ тудесскаго слова *liber* свободный и который прежде назывался Сикамбрами, не иначе хотѣлъ соединиться съ Римлянами, какъ въ видѣ союзниковъ» (стр. 25). Между тѣмъ слово *frank* или *frak* употреблялось въ германскихъ нарѣчіяхъ въ смѣслѣ гордаго, безстрашнаго, жестокаго, (*fier, intrepide, ferosse*), потому-что жестокость не считалась позорною у древнихъ Германцевъ. По мнѣнію О. Тьерри, принявъ названіе Франковъ, они хотѣли показать непріятелю сбори-

ще храбрыхъ безъ страха и милосердія. Только съ XIII столѣтія слово Франкъ стало выражать соединеніе въ одномъ лицѣ богатства, могущества и политической важности.

«Почти вся Галлія, продолжаетъ г. Менньшѣ, сдѣлалась (при Кловисѣ) французскою, какъ прежде была римскою (стр. 48)» мы сдѣлаемъ такъ какъ принуждена была сдѣлать большая часть историковъ: мы будемъ признавать только одного короля Франціи. Остальные будутъ для насъ только короли Меца, Соассона и Орлеана. Мы должны замѣтить, какъ были близки столицы одна отъ другой всѣхъ этихъ четырехъ государствъ. Было-ли это сдѣлано преднамѣренно, чтобъ быть всегда готовымъ взаимно защищать другъ-друга, въ родѣ братскаго союза, въ случаѣ нападенія чужеземцевъ, или не было-ли это лучше дѣлю бытъ всегда наготовѣ противъ честолюбивыхъ замысловъ брата?» (стр. 52).

Итакъ г. Менньшѣ допускаетъ, что по смерти Кловиса цѣлая Галлія стала называться Франціей? на какомъ же основаніи? Такъ называли ее только Греки и Итальянцы; собственно Frankland занимала Австрію и Невстрію.

Причина близости столицъ состояла въ томъ, что эта часть была населена побѣдителями, которые во всей остальной странѣ видѣли не болѣе какъ предметъ грабежа.

Пойдемъ далѣе.

Г. Менньшѣ признаетъ существованіе королевства Ивето *), (Yvetot), но онъ забылъ, что сказаніе объ этомъ событіи встрѣчается первый разъ у Николая Жила, секретаря Лудовика XII. Этотъ историкъ сдѣлалъ извлеченіе изъ Великой хроники Франціи (Grandes chroniques de France), прибавивъ къ ней множество басень и преданій; въ числѣ ихъ находится и сказаніе объ основаніи королевства Ивето.

Оставивъ въ сторонѣ факты, взглянемъ на способъ разсматриванія ихъ г. Менньшѣ. Заключенія его отличаются удивительной шаткостью и неопредѣленностью: то въ нихъ проглядываетъ монастырская нетерпимость средневѣковыхъ лѣтописцевъ, то странная снисходительность къ людямъ, стоящимъ во главѣ правленія, то желаніе стать на высоту событій и разсматривать ихъ

*) Готье сеньерь д'Ивето былъ убитъ въ церкви въ страстную пятницу Клотеромъ I по подозрѣнію въ измѣнѣ. Въ искупленіе своего грѣха онъ возвелъ Ивето на степень королевства.

съ безстрастіемъ философа, то грубое непониманіе самыхъ обыкновенныхъ явленій.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ воззрѣнія г. Менньше.

«Клотерьъ былъ одинъ изъ преступнѣйшихъ сыновей Кловиса; а между тѣмъ онъ былъ могущественнѣйшій и счастливѣйшій. Какое явственное доказательство, что правосудіе Божіе ждетъ насъ за могилой? (стр. 68).

Основатель аббатства Сентъ-Дени, Дагобертъ, называется великимъ королемъ, несмотря на свою неспособность и безнравственность, потому только, что обогатилъ монаховъ. Но за-то авторъ не щадитъ Кловиса II, который, для облегченія бѣдныхъ, страдавшихъ отъ голода, приказалъ продать серебряный покровъ изъ базилики Сентъ-Дени. Ни раскаяніе этого короля, который впоследствии сдѣлалъ богатыя приношенія въ церковь, ни добрыя его намѣренія не могутъ извинить его въ глазахъ г. Менньше за-то, что онъ приказалъ отдѣлить частицу мощей св. Діонисія для себя, «оскорбленіе святыни, говоритъ онъ, требовало наказанія: послѣ безславнаго царствованія, продолжавшагося 16 лѣтъ, Кловисъ умеръ въ 654 году» (стр. 117).

Сужденія нашего историка о Карлѣ Мартелѣ отличаются удивительной наивностью. Онъ оправдываетъ его во всѣхъ опустошеніяхъ, потому только, что онъ изгналъ изъ Франціи Сарациновъ, а между тѣмъ этотъ Карлъ въ 731 году два раза разграбилъ Аквитанію; въ 736 проникъ до Марсея и Арля и вывезъ богатую добычу; въ 737 разрушилъ стѣны Нима, Агды и Безьера и предалъ ихъ и всю страну кругомъ огню и мечу. Вотъ какъ думаетъ объ этомъ г. Менньше: «Его (Карла) вандализмъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ національный. Безъ сомнѣнія, онъ заставилъ насъ сожалѣть о многомъ, но онъ никогда не можетъ заслужить нашихъ упрековъ» (стр. 136).

«Господь, вооруживъ сына Пепина мечемъ, которымъ онъ побѣдилъ Абдерама, доставилъ ему величайшую славу, которой только можетъ домогаться христіанскій герой»...

Каковы понятія о Богѣ любви и мира; какво понимаетъ г. Менньше вѣротерпимость? и это въ половинѣ XIX вѣка!

Немудрено, что при такомъ развитіи г. Менньше является большимъ приверженцемъ централизаціи, и подчасъ не прочь помечтать, что случилось-бы съ Франціей, еслибы не совершилось того или другаго событія; но мечты эти, неоснованныя на строгихъ началахъ науки, остаются только игрою празднаго воображенія.

Такова книга, увѣнчанная французскою академіею и посвященная отцамъ семействъ! Мы не стали-бы говорить о ней съ такою подробностью, еслибъ она не обнаруживала желанія служить учебникомъ, если-бъ переводчикъ не сказалъ вмѣстѣ съ авторомъ, что «сочиненіе это можетъ быть полезно для читателей всякаго возраста».

Участіе исторіи въ дѣлѣ воспитанія, безспорно, чрезвычайно важно.

Настоящее есть только слѣдствіе прошедшаго, и потому, представляя себѣ совершенно ясно минувшія событія, открывая въ нихъ законы современнаго развитія, мы можемъ съ большею увѣренностью стремиться къ разрѣшенію насущныхъ вопросовъ. Смѣшно и дико мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что исторія должна выказывать только извѣстнаго рода факты и скрывать остальные, мечтая этимъ остановить движеніе идеи и факта. Горькое заблужденіе! Идея переходитъ въ фактъ при извѣстныхъ условіяхъ, нисколько не завися отъ лѣтописи или прагматической исторіи. Важна та исторія, которая живетъ въ устахъ народа, которая выражается въ формахъ его жизни; здѣсь часто какое нибудь баснословное преданіе имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ цѣлое философское разсужденіе. Ни что такъ не вредитъ мирному прогрессу, какъ незнаніе; правильное разъясненіе причинъ, двигающихъ современное общество къ разрѣшенію занимающихъ его задачъ, вѣрное воспроизведеніе прошедшаго быта много содѣйствовали-бы къ разумному осуществленію завѣтныхъ желаній. Во все времена безпорядки и революціи производились невѣжествомъ и своекорыстіемъ; вездѣ массы увлекались фактами, а не фразами — поэтому возможно-полное и отчетливое знаніе никогда не въ состояніи повредить. Но, можетъ быть, скажутъ нѣкоторые строгіе ревнители китайскаго обскурантизма: «исторія можетъ увлечь дурными примѣрами, можетъ развратить юное воображеніе и возбудить неосуществимыя мечтанія». Но вѣдь исторія рядомъ съ дурными примѣрами представляетъ и хорошіе; возможность увлеченія зломъ представляется въ жизни гораздо чаще, чѣмъ въ наукѣ; да въ строгомъ смыслѣ, наука и не можетъ развратить: знаніе вредно только въ искаженномъ видѣ, когда между различными предметами воспитанія господствуетъ дисгармонія. Юное воображеніе гораздо чаще развращается словами и примѣрами своихъ воспитателей, чѣмъ научными фактами. Дурное воспитаніе можетъ точно также развратить исторіей словесности, философіей, зако-

новѣдѣніемъ; живописью; скульптурой, какъ и исторіей. Ничто такъ не опасно, какъ притворство и незнаніе, а стремленіе воспитателей сохранить такъ называемую невинность ведетъ именно къ тому.

Укрѣпите душу воспитанника и воспитанницы, внушите имъ уваженіе къ человѣческой личности, покажите жизнь какъ она есть — и не бойтесь никакого знанія. Тогда оно явится охранителемъ на жизненномъ пути и внесетъ свѣжія силы въ общественную дѣятельность. Не говорите, что для насъ наука безъ покрова неприлична, что мы не созрѣли, чтобъ смотрѣть на нее прямо; для васъ все еще будетъ рано: вы постоянно будете напоминать того чудака, который не хотѣлъ купаться до тѣхъ поръ, пока не выучится плавать. Вы боитесь скачковъ — не бойтесь: въ наукѣ все идетъ послѣдовательно, все развивается одно изъ другаго. Соображайте научные факты съ степенью пониманья учениковъ; представляйте имъ то стройную оживленную картину прошедшаго, то рядъ строго-логическихъ выводовъ; говорите не только ихъ уму, но и сердцу — и вы смѣло можете проходить съ ними любую исторію! Но бѣда, если вы въ угоду заранѣе заданной идеѣ начнете искажать истину — вы оттолкнете отъ себя своихъ слушателей, вы потеряете ихъ уваженіе. Никакія преміи не помогутъ дѣлу. Потерянную репутацію трудно возстановить.

Точно въ такомъ положеніи находится французская академія. Со времени основанія своего она постоянно служила убѣжищемъ официальной бездарности и рутины. Какой-то тлетворный духъ вѣялъ надъ ней: даже талантливяя личности, дѣлаясь академикомъ, измѣнялись. Узкая китайская мораль, нестерпимый формализмъ и духъ касты овладѣвали вновь поступившимъ. Въ приговорахъ своихъ академія какъ нарочно выбирала книги съ извѣстными взглядами, съ извѣстнымъ направленіемъ, книги оскорбляющія науку и служащія только къ поддержанію въ народѣ ложныхъ понятій.

Эти свойства сдѣлались въ послѣднее время такъ извѣстны, что увѣнчаніе академіей какого нибудь сочиненія служитъ самою плохою для него рекомендаціей.

Исторія Франціи Менъше представляетъ новое тому доказательство.

Что касается до перевода, судите по слѣдующимъ образчикамъ.

«Внезапно, вмѣсто побѣжденныхъ Галловъ пришли изъ со-
сѣдственныхъ странъ Балтики цѣлыя переселенцы мужчинъ, жен-
щинъ, дѣтей» (стр. 12).

«Это былъ раздѣлъ людей, которые дѣлали изъ себя королей
франкскихъ изъ поколѣнія Меровинговъ» (стр. 71).

«Базилка и Сень-Дени составляли большую часть его бла-
гочестивыхъ приношеній» (стр. 113).

Тотъ долженъ быть королемъ, кто оказалъ власть королев-
скую (стр. 142).

Переводъ посвященъ добрымъ дочерямъ переводчика Софѣй
и Александрѣ Л.....нѣ. Не хорошо злоупотреблять такъ семей-
ными отношеніями, и заставлять читать родныхъ своихъ пло-
хой переводъ плохой книги.

В. ПОПОВЪ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ.
Переводы В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Москва. 1860.

Грустное впечатлѣніе производятъ книги, о которыхъ рѣ-
шительно нельзя сказать, для кого онѣ написаны; одни не най-
дутъ въ нихъ ничего поваго, другіе — ничего замѣчательнаго,
третьи ничего понятнаго. Для дѣтей пишутъ элементарныя ру-
ководства витіеватымъ языкомъ, народу сообщаютъ первыя не-
обходимыя свѣдѣнія, не умѣя избѣгать научныхъ терминовъ, для
русской публики переводятъ иностранныхъ поэтовъ такъ свое-
образно, что человекъ, знающій подлинникъ, не узнаетъ его
въ переводѣ, а незнающій пожалуй и вовсе не доищется смысла.
Къ числу такихъ безцѣльныхъ и бесплодныхъ явленій въ области
книжной торговли относится «сборникъ стихотвореній иностран-
ныхъ поэтовъ,» изданныхъ въ Москвѣ гг. Бергомъ и В. Д. Ко-
стомаровымъ. На ихъ книжку стѣдуетъ обратить вниманіе во 1-хъ
потому, что она своею внѣшностью и именами переведенныхъ
поэтовъ можетъ расположить публику въ свою пользу, во 2-хъ
потому, что гг. переводчики общаются продолжать свое изданіе,
если первый выпускъ будетъ имѣть успѣхъ. Въ сборникъ вошли

имена Гюго, Беранже, Гейне, итальянских патриотов поэтов, Шамиссо, Трегера и двух Датчань Андерсена и Эленшлегера. Почему выбрали именно этих поэтов, и почему из их творений выбрали именно такие-то стихотворения — остается неразрешимым вопросом. Сборник не носит на себя никакого определенного характера; руководящей идеи не видно ни в группировке поэтов, ни в выборе стихотворений. В переводах с итальянского господствует конечно политическое направление; об остальных нельзя сказать ничего общего; при чтении многих переведенных стихотворений, рождается невольно вопрос: чем они обратили на себя внимание переводчика и для чего он тратил время и труд, чтобы познакомить русскую публику с безцветными и даже не особенно грациозными лирическими стихотворениями. Стоило ли переводить с датского «Фиалки», где говорится, что «счастливый мальчик манит в сад цветочки-глазки, а что кругом звенят голоса: иди же в сад, иди же в сад. Все стихотворение написано для того, чтобы сравнить глазки девочки с фиалками, и это стихотворение переводится на русский язык в то время, когда наша критика серьезно и дельно упрекает некоторых наших лириков в бедности содержания. Зачем же брать от других то, чего у самих черезчур много и брать в такое время, когда всякий здравомыслящий человек сознает излишество разных неудавшихся подражаний «новой весны» Гейне. — Стихотворения с датского как-то особенно неудачно выбраны. Как вам понравится, например: «умирающее дитя» (стр. 149). Ребенок при смерти, и говорит с своею мамашею о том, как прилетал к нему ангел; замечательно то, что он говорит так же спокойно и речисто, как учитель риторики. Всякий предмет обозначен эпитетом и картина выходит очень яркая; есть радужное крыло, и лазурное облако, и золотой круг, и пестрые цветы и райский запах, — словом, нужно полное отсутствие эстетического чувства, чтобы не понять, что это стихотворение — набор слов, в котором нет ни естественности, ни чувства; а г. Бергъ перевел его. — Онъ перевел также стихотворение «у колодезя» и вот его содержание: девочка смотрит в колодезь, и припоминает рассказы своей матери о том, как мудрая женщина приносит ей детей из колодезя; при этом у нея рождается желание добыть себе ребенка и заманить им куколку. Это все очень наивно — спору нет, но ведь уж кроме наивности ровно ничего, а наивность как-то

не прививается къ русскому здоровому смыслу, и переходитъ въ приторность. Если прибавить къ этому, что стихотвореніе переведено размѣромъ конька-горбунка, то не покажется удивительнымъ, что наивность датскаго подлинника принимаетъ въ русскомъ характеръ плоской двусмысленности. Затѣмъ слѣдуетъ стихотвореніе съ припѣвомъ: «говорять, говорять!» которое можно было бы напечатать развѣ только въ покойномъ Весельчакѣ, до такой степени при претензіи на остроуміе оно вяло и пусто. По этимъ четыремъ плохимъ стихотвореніямъ русская публика осуждена составить себѣ понятіе объ Андерсенѣ. Что можно подумать? Что это поэтъ безъ міросозерцанія, безъ эстетическаго чувства, даже безъ фантазіи. Чтобъ оправдать Андерсена, посмотримъ, что перевелъ изъ него Шамиссо, замѣчательный лирикъ и человѣкъ съ тонкимъ и развитымъ вкусомъ. Вотъ напр. буквальный переводъ стихотворенія «Märzveilchen,» взятаго имъ изъ Андерсена; это же стихотвореніе вошло въ «Сборникъ» подъ заглавіемъ Фіалки. Сравню ихъ по строфамъ:

Шамиссо:

Сводъ небесный блеститъ чистою си-
невою,

Морозъ расписалъ стекла цвѣтами;
На окнѣ красуются сверкающіе цвѣты;
Юноша глядя на нихъ стоитъ передъ
окномъ.

А за цвѣтами еще цвѣтеть
Пара голубыхъ, веселыхъ глазъ.
Мартовскія фіалки, какихъ тотъ и не
видывалъ.

Иней растаетъ отъ живаго дыханія;
Ледяные цвѣты начинаютъ таять
Убереги Богъ молодаго человѣка.

Бергъ:

Блескъ солнца въ небѣ голубомъ

И пѣнье и весна кругомъ
Въ окошкѣ пестрые цвѣты
Глядятъ на садикъ съ высоты.

А изъ за нихъ смѣясь глядятъ
Фіалки глазки въ пестрый садъ.
Счастливый мальчикъ тамъ стоитъ.

Цвѣточки глазки въ садъ манить
И голоски кругомъ звенять:
Иди же въ садъ, иди же въ садъ.

У Шамиссо мы видимъ легкую, остроумную шутку талантливаго поэта, мы видимъ граціозный образъ, въ которомъ поэтъ выражаетъ вліяніе женской красоты. У Берга ничего этого не видно. Изъ Андерсена можно было выбрать и получше; укажу на примѣръ на стихотвореніе: «Müllergesell» переведенное Шамиссо, представляющее самый тонкій психологическій анализъ и проникнутое теплою задушевностью (Chamisso. S. 185). Изъ Эленшгегера г. Бергъ перевелъ сцену трагедіи Гаконъ Ярль. Сцена эта замѣчательно ничтожна и заключаетъ въ себѣ только взаимныя угрозы двухъ вптязей: Гакона и Олафа. Ни замѣчательной мысли, ни драматической живости дѣйствія, ни пепхо-

логической вѣрности анализа! Что пошло не так тутъ г. Бергу, это остается совершенно непонятнымъ. Еслибы совершенно откинуть переводы изъ датскихъ поэтовъ, отъ этого нисколько не потерялъ бы сборникъ.

Съ Шамиссо г. Костомаровъ обращается очень безцеремонно. Въ стихотвореніи «старая прачка» онъ откинулъ весь послѣдній куплетъ, не пояснивъ причины. Физиономія стихотворенія совершенно измѣнена. Шамиссо изображаетъ дѣятельную, бодрую старуху, жившую честнымъ трудомъ и сохранившую до сѣдыхъ волосъ физическое здоровье и нравственную энергію. Г. Костомаровъ представляетъ страдалицу, несшую тяжкій крестъ, плачущую надъ работою и нерѣшающуюся роптать на Господа. Можетъ быть, оба типа одинаково законны и важны, но только Шамиссо написалъ не то, что перевелъ г. Костомаровъ. Шамиссо говоритъ: «она честнымъ прилежаніемъ наполняла тотъ кругъ, который отвелъ ей Господь.» Г. Костомаровъ переводитъ: «И безъ роптанія на Господа несла тотъ тяжкій крестъ, который ей послалъ онъ.» Смѣшалъ ли г. переводчикъ *Kreis* и *Krentz*, или сознательно отступилъ отъ подлинника—все равно, колоритъ отъ этого во всякомъ случаѣ измѣняется.

Шамиссо: Она несла долю жены; не было недостатка въ заботахъ; она ходила за больнымъ мужемъ, она родила ему троихъ дѣтей; она положила его въ гробъ и не потеряла вѣры и надежды.

Костомаровъ: И съ кроткою покорностью сносила
Обязанность суровую жены.
Мужъ у нея сварливый былъ, больной.
Трехъ дочекъ отъ него она имѣла,
И не осталось съ нею ни одной —
Но все перенести она умѣла.

Сварливость мужа, суровая обязанность жены — двѣ черты, произвольно прибавленныя переводчикомъ.

Шамиссо: «Она стала работать ножницами и иглою
И собственноручно сшила себѣ
Безукоризненный саванъ.

Костомаровъ: Она беретъ наперстокъ и иглою
Шьетъ саваны дрожащею рукою
Безъ ропота... Лишь плачетъ втихомолку.

Это совершенно не то, что говоритъ Шамиссо. Отчего плачетъ прачка, отчего у нея дрожать руки — это не пояснено ни-

какъ, да и совершенно не въ ея характерѣ; въ слѣдующемъ куплетѣ Шамиссо говорить, что она съ удовольствіемъ всякое воскресеніе смотритъ на свой саванъ. Объ удовольствіи, съ которымъ дѣлаетъ это старая прачка, г. Костомаровъ умалчиваетъ. Точно также стихотвореніе «Нищій и его собака» представлено не въ переводѣ, а скорѣе, какъ варіанція на данную тему. Бѣдный нищій, у котораго разрывается сердце въ то время, какъ онъ надѣваетъ петлю на шею своей собаки, названъ у г. Костомарова «злодѣемъ.» О собакѣ сказано, что она «вдругъ околѣла» на могилѣ хозяина, точно будто съ нею сдѣлался апоплексическій ударъ. По признанію самихъ переводчиковъ лучше всего переведены у нихъ стихотворенія Гюго «съ сохраненіемъ какъ образовъ, такъ даже и эпитетовъ подлинника.» Посмотримъ, что это за переводъ. Вотъ наприимѣръ, картина разрушенія Содома и Гоморра. Курсивомъ напечатано въ подлинникѣ то, чего нѣтъ въ переводѣ, а въ переводѣ — чего нѣтъ въ подлинникѣ.

Ce peuple s'éveille
Qui dormait la veille
Sans penser à Dieu
Les grands palais croulent ;
Mille chars qui roulent
Heurtent leur essieu ;
Et la foule accrue
Trouve en chaque rue
Un fleuve de feu

Sur ses tours altières
Colosses de pierre
Trop mal affermis
Abondent dans l'ombre
Des mourants sans nombre
Encore endormis
Sur des murs qui pendent
Ainsi se répandent
De noires fourmis

Se peut-il qu'on fuie
Sous l'horrible pluie ?
Tout périt, hélas
Le feu qui foudroie
Bat les ponts qu'il broie
Crève les toits plats
Route, tombe et brise
Sur la dalle grise
Ses rouges éclats

Туча грозная рветъ,
Вихорь крыши съ зданій рветъ
И проснулся тотъ народъ,
Что вчера, забывъ о богѣ
Въ золотомъ уснулъ чертогъ
И въ смлѣтѣнїи, въ тревогѣ
Всѣ изъ города бѣгутъ
На долину, но и тутъ
Рѣки пламени текутъ

Словно глыбы хрупкой глины
Пали башни исполины
И волнами снесена
Пала бѣлая стѣна
Подъ развалинами сводовъ
Улицъ крытыхъ переходовъ.
Не опомнившись отъ сна
Гибнуть тысячи народа
Въ лавы огненныхъ волнъ.

Гдѣ же вамъ искать спасенья
Отъ огня и разрушенья?
Все погибло, все, увы!
Всѣ гранитныя твердыни
Вашей суетной гордыни
Въ прахъ повернуты и вы,
Дѣти мрачнаго Эреба,
Не спасетесь отъ гнѣва
Бога силъ, Изговы.

*Sous chaque étincelle
Grossit et ruisselle
Le feu souverain*

*Туча лопнула отъ жара
И отъ каждаго удара (чего?)
Ярче зарево пожара*

и такъ далѣе...

Изъ 32 строкъ переданы приблизительно вѣрно 10 и это вы найдете въ каждомъ стихотвореніи Гюго. Вотъ вамъ и сохраненіе образовъ и эпитетовъ; и хоть бы эти отступленія выкупались художественностью языка, звучностью и вѣрностью стиховъ. Что за рѣмы, что за грамматическія ошибки, что за нарушенія исторической вѣрности въ самовольныхъ отступленіяхъ отъ подлинника. У г. Костомарова считается рѣмами: *сна и волнахъ* (стр. 20), *шумомъ и другомъ* (21), *праздникъ и участникъ* (24), *огромный и верховный* (23), *помочь имъ и и очи* (25), *ни тѣки и теченье* (25), *разскаеть и чаекъ* (27), *наряды и стадо* (27). Всѣ эти примѣры собраны на семи страницахъ и между тѣмъ, какія кровавыя жертвы г. переводчикъ приноситъ рѣмѣ. Для того, чтобы найдти третью рѣму къ словамъ *своды и народы*, г. Костомаровъ употребляетъ выраженіе: *Лавы пламенный воды* (19). Для рѣмы, онъ называетъ жителей Содома и Гомора *дѣтьми мрачнаго Эрева* и сливаетъ представленія греческой мифологіи съ еврейскими преданіями. Онъ пишетъ: *шмре пламенный потокъ* и вслѣдъ затѣмъ для рѣмы небеса *сыплютъ огненный песокъ*, который для созженія провинившихся городовъ былъ уже собственно излишенъ при потокахъ огненной лавы, но для стиха именно при потокѣ и оказался необходимымъ. А главное хорошо то, что въ подлинникѣ нѣтъ ни *пламенныхъ водъ лавы*, ни *дѣтей Эрева*, ни *огненнаго песку*. Это все отъ г. переводчика и для рѣмы. Г. Костомаровъ для рѣмы сочиняетъ новыя слова и даже не поясняетъ ихъ значенія:

Драгоценная тіара

Занялась на немъ какъ *фара*.

Что такое *фара*? Слечаю съ подлинникомъ и вижу тамъ *phare*, рѣмующе съ *tiare*, и переводящееся, какъ извѣстно, русскимъ словомъ маякъ. Но ужъ *тіара* и *маякъ*, даже на снисходительное ухо г. Костомарова не покажется рѣмою. Онъ и создалъ *фару*, и рѣма вышла богатая.

А вотъ и грамматическая ошибка во имя рѣмы:

Валы пепла, волны *пламя*

И царя возхва и *знамя*

Увлекали за собой.

Пламя, по мнѣнію г. Костомарова, есть родительный падежъ отъ существительнаго того же имени. Но ужъ за то, надо сказать правду: гдѣ г. Костомаровъ жертвуетъ здоровымъ смысломъ, исторією или граматикою, тамъ уже интересы уха спасены и рѣша выходитъ блистательная.

Посмотримъ, что же сталося подъ рукою непризванныхъ переводчиковъ съ граціозными, легкими созданіями Гейне и Беранже, которыя такъ легко испортить и которыя такъ часто портятъ у насъ въ Россіи и въ журналахъ, и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ сборникѣ мы находимъ между прочимъ переводъ прелестной пѣсни Беранже «*la sougonne retrouvée.*» Въ подлинникѣ вложенъ въ эту пѣсню цѣлый міръ чувства. Тутъ есть и грусть, и добродушный юморъ, и слезы сквозь улыбку, и то любовное отношеніе ко всему живому, ко всякой искренней радости, которое составляетъ вѣчно свѣжую и господствующую черту поэзіи Беранже. Все это выражается просто какъ Богъ послалъ, все это какъ будто не сознаетъ собственной прелести и оттого становится еще прелестнѣе. Добрый, честный, любящій старикъ смотритъ на увядшій вѣнокъ и, вспоминая прошлое, поневолѣ съ грустью относится къ настоящему. Но уже самое это тихое настроеніе грусти исключаетъ всякій цинизмъ, всякое ожесточеніе противъ настоящаго. Вотъ какъ говоритъ поэтъ о той женщинѣ, которую онъ когда то любилъ, и вотъ какъ переводитъ это мѣсто г. Костомаровъ:

Et la beauté tendre et ricuse, Qui de ces fleurs me courrona jadis?	А та красавица, что бѣлюю рукой Вотъ въ этотъ самый лавръ мнѣ ро- заны вплетала,
Vieille dit on elle est picuse; Tous nos baisers, les a-t-elle maudits?	Да, говорить, сварливою ханжей На старости-то лѣтъ моя красотка стала.
J'ai cru que Dieu pour moi l'aurait fait naitre	Неужели-жъ и я объ ней не пожалѣю
Maïs l'age accourt qui vient tout effacer	И такъ же, какъ она, забуду страсть свою!
O honte! et sans la reconnaître	О стыдъ, теперь и я, встрѣчаясь съ нею,
Je la verrais passer.	Ея не узнаю.

Я не знатокъ живописи, но мнѣ кажется, что еслибы художникъ арзамасской школы взялся списать епистинскую мадонну, то результатъ его трудолюбія былъ бы похожъ на картину Рафаэля столько же, сколько переводъ г. Костомарова похожъ на стихотвореніе Беранже. Посредственныя дарованія любятъ

клясть краски густо, ярко, чтобъ въ глаза било, чтобъ издали было замѣтно. Въмѣсто картины выходитъ вывѣска. Но это не бѣда! блеститъ по-крайней-мѣрѣ. Беранже говоритъ: «она богомольная старушка». Г. Костомарову это кажется слабо и онъ ставитъ сварливую ханжу, что конечно выходитъ рельефнѣе. Беранже говоритъ: «я бы можетъ быть не узналъ ее.» Г. Костомаровъ избавляетъ читателя отъ тягостнаго сомнѣнія: «теперь и я, встрѣчаясь съ нею, ее не узнаю». Неправда-ли такъ будетъ гораздо яснѣе. Впрочемъ, гг. переводчикамъ Богъ проститъ; вѣдь у нихъ разобрать трудно, что дѣлается по глубокимъ эстетическимъ соображеніямъ, и что измѣняется случайно; въ угоду рѣшмы замѣчу мимоходомъ, что *ханжой* рѣмуетъ съ *рукой*, а *узнаю* съ *свою*, и это вѣроятно играетъ не послѣднюю роль въ ряду соображеній побудившихъ г. Костомарова исковеркать мысль своего подлинника. Слѣдующее затѣмъ стихотвореніе «Фіалки» сплошь набито выдумками г. Костомарова. Напр.

Фіалка бѣдняжка! Апрельскій морозъ
Ужъ стелетъ коверъ серебристый
И бѣлой бахромкой по вѣткамъ березъ
Раскинулся иней пушистый.

Оно гладко и по размѣру и по рѣшмамъ, только къ сожалѣнью выходитъ безсмыслица, да и къ тому же Беранже говоритъ совсѣмъ не то. Если въ апрѣлѣ морозъ уже стелетъ серебристый коверъ, значитъ къ маю, должно быть, замерзнуть рѣки, пойдутъ метели и ужъ тутъ подлинно горе будетъ бѣдняжкѣ фіалкѣ; придется пуще прежняго *рыдать отъ стужи* (стр. 167). Не мѣшаетъ замѣтить, что у Беранже нѣтъ ни серебристаго ковра, ни березъ, обшитыхъ бахромкой иней, ни бѣдняжки, ни рыданій, ни даже апрѣля. Все дѣло происходитъ въ началѣ марта, отъ весеннихъ лучей солнца надъ снѣгомъ поднимается паръ, фіалки только немного зябнуть и поэтъ предостерегаетъ ихъ, говоря, что разрыхленный снѣгъ можетъ опять скрѣпиться морозомъ. Г. Костомаровъ по своей привычкѣ усилилъ все это и вѣроятно принаровилъ свой переводъ къ русскому климату, перенеся дѣйствіе на апрѣль.

Перейдемъ къ Гейне. О вѣшности перевода говорить нечего; онъ ни сколько не лучше всѣхъ остальныхъ, а степень его совершенства я оцѣнилъ уже достаточно, говоря о Гюго. Любопытно теперь посмотрѣть, какъ гг. переводчики *попали* Гейне; этого поэта нужно знать, чтобъ переводить его; иначе внутренній смыслъ выдохнется, и тамъ, гдѣ у Гейне выражено міросо-

зерцаніе, тамъ въ переводѣ окажется только претензія на оригинальную выходку, лишенную внутренняго содержанія. Наша публика, незнакомая съ нѣмецкимъ языкомъ, положительно не знаетъ Гейне и въ этомъ виноваты переводчики. Почти всѣ лирическія стихотворенія Гейне переведены, но почти никто не переводилъ его по цикламъ. Въ книгѣ: «Neue Gedichte» есть нѣсколько лирическихъ романовъ, изъ которыхъ каждый названъ именемъ женщины. Анжелика, Катарина, Серафим-Эмма и т. д. состоятъ, какъ извѣстно, изъ ряда лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ изображены различные моменты въ развитіи чувства мужчины къ женщинѣ. Наши поэты переводили изъ этихъ цикловъ отдѣльныя стихотворенія, а физіономія Гейне выражается именно въ ихъ совокупности, въ связи ихъ между собою. Публика наша любитъ Гейне, но положительно не знаетъ его. Переводы гг. Берга и Костомарова могутъ только повредить этому дѣлу, потому что поэтическая личность Гейне ими не понята положительно. Во всякомъ сколько нибудь характеристическомъ стихотвореніи Гейне самая замѣчательная черта или вовсе опущена, или извращена самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Судя по переводамъ г. Костомарова, можно предположить, что онъ былъ-бы поставленъ въ крайнее затрудненіе, еслибы его попросили написать критическую статью о Гейне; а тяжело должно быть переводить поэта, котораго не знаешь и не понимаешь. За прямирами этого непониманія дѣло не станетъ. Переведена между прочимъ «пѣсня Океаниды»; вотъ сюжетъ этого стихотворенія, какъ я его понимаю. На берегу сѣвернаго моря сидитъ мужчина и хвалится передъ морскими чайками своимъ блаженствомъ. Тогда океаниды, вслушавшись въ его слова, начинаютъ пѣть ему пѣсню слѣдующаго содержанія:

«Глупый ты, глупый человѣкъ, хвастунъ мелѣпый! Гнететь тебя тоска! Погибли твои надежды, и живые дѣти сердца, и увы! сердце твое, подождо Ниобѣ, каменѣть отъ горя. Въ головѣ у тебя наступаетъ ночь, и сверкаютъ въ ней молніи безумія и ты съ горя хвастаешь! О, глупый ты человѣкъ, глупый хвастунъ. Ты упрямъ какъ твой предокъ, великій титанъ, укравшій у боговъ небесный огонь и давшій его людямъ. Измученный коршуномъ, къ скалѣ прикованный, онъ грозилъ Олимпу и не покорялся и стоналъ, такъ что мы это слышали въ глубинѣ моря, и пришли къ нему утѣшать его пѣснью. Глупый, глупый ты человѣкъ, хвастливый глупецъ! вѣдь ты еще безсиленъ. Ты бы сдѣлалъ благоразумно, еслибы сталъ уважать боговъ и

терпѣливо, перенесъ тяжесть страданія, и несъ бы ее терпѣливо такъ долго, такъ долго, пока самъ Атласъ потеряетъ терпѣнье и сброситъ съ плечей тяжелый міръ въ вѣчную ночь».

А вотъ переводъ г. Костомарова:

«Дуракъ ты, дуракъ ты, хвастливый безумецъ!
Жалко тебя намъ!
Тамъ погибають твои золотыя надежды
Сердца — шутливыя дѣти!
И ахъ! твое сердце, подобно Ниобѣ,
Окаменѣетъ отъ скорби великой,
И въ головѣ твоей темная ночь поселится,
И молніи бѣшенства будутъ однѣ лишь блистать въ ней
Расхвастался ты передъ горемъ бѣдою!» И т. д.

На это мѣсто перевода стоитъ обратить вниманіе. Не говоря уже о грубомъ незнаніи нѣмецкаго языка, выражающемся въ томъ, что г. Костомаровъ переводитъ «Kummergequälter» — «жалъ мнѣ тебя», «*dahin gemordet*» — «тамъ погибають», настоящія времена глаголовъ — будущими (*versteinert* окаменѣетъ, *zucken* — будутъ блистать), наконецъ оборотъ «*du prahlst vor Schmerzen*» — словами: «расхвастался ты *передъ* горемъ», не говоря уже обо всемъ этомъ, любопытно посмотрѣть, какъ понята вся идея стихотворенія.

Что хотѣлъ сказать Гейне, или вѣрнѣе что сказалось въ его поэтическомъ образѣ? — То, что человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ, съ лопнувшими надеждами, съ уничтоженными вѣрованіями находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы упорно говорить о своемъ счастьи, съ цинизмомъ хвастать имъ передъ другими, давая имъ впрочемъ замѣтить свою неискренность, и громкимъ, рѣзкимъ ожесточеннымъ хохотомъ заглушать голосъ тихой грусти или судорожные вопли страданія. Этотъ человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ природою, смотритъ на волнующееся море, на сѣрое небо и въ виду ихъ безпредѣльности начинаетъ смутно чувствовать мелочность своей неискренности, начинаетъ понимать, что та несокрушимая сила, которою онъ хвастался передъ людьми, даже не успокоивала страданія, а только закрашивала рану. Страдалецъ перестаетъ рисоваться, фанфаронъ дѣлается на минуту искреннимъ человѣкомъ и ожесточенный смѣхъ разрѣшается тихими, теплыми слезами ноющей грусти. Кто читалъ Гейне внимательно, да кто при этомъ знаетъ нѣмецкій языкъ лучше г. Костомарова, тотъ припомнитъ, что борьба между искреннею грустью и натянутымъ смѣхомъ не только составляетъ

колоритъ его произведеній, но во многихъ изъ нихъ обращаетъ на себя его собственное вниманіе и дѣлается предметомъ поэтической обработки. Г. Костомаровъ этого не знаетъ и потому принимаетъ пѣсню Океаниды за какое-то пророчество о будущихъ страданіяхъ и кажется вмѣсто глубокой мысли видять во всей пѣсѣ только причудливое твореніе фантазіи. Въ стихотвореніи: «Горные голоса» ошибка переводчика еще наивнѣе. Гейне представляетъ, что эхо отвѣчаетъ на слова путника, спрашивающаго о своей судьбѣ. Оно отвѣчаетъ, повторяя его послѣднія слова и эти отвѣты, случайно нося на себѣ характеръ грустнаго предзнаменованія, наводятъ уныніе на путника. Въ этомъ поэтическомъ образѣ лежитъ глубокая иронія, но въ нее нужно вдуматься. Все въ чемъ есть доля мистицизма, все что основано на одномъ вѣрованіи и не проверено критикою мысли — все это случайно, и между тѣмъ всему этому слабое человѣчество придаетъ суевѣрное значеніе, отказываясь во имя бреда отъ живыхъ надеждъ и свѣжихъ радостей жизни. Вотъ смыслъ словъ Гейне. Что г. Костомаровъ не понялъ этой затаенной ироніи — это еще не бѣда, но онъ даже не понялъ, что этотъ горный голосъ — эхо, или забылъ, что эхо повторяетъ послѣднія слова. Путникъ въ переводѣ говоритъ: «или съ темной, холодной могилы». Эхо повторяетъ: съ могилы.

Въ третьемъ куплетѣ путникъ говоритъ: «пусть съ любовью могилу встрѣчаютъ», а эхо отвѣчаетъ «тамъ счастье. Что-же это такое? вѣдь это значитъ переводить стихотвореніе, не прочтя его или не умѣя прочесть. Этакъ немудрено выпустить десять книжекъ подобныхъ разбираемой, немудрено перевести всего Гейне и Беранже, но что-же въ нихъ толку? Такія книги сбиваютъ публику съ толку, портятъ эстетическое чувство или отбиваютъ охоту отъ чтенія. Въ личностяхъ Гюго, Беранже и Гейне мы видимъ поэта фантазій, поэта чувства и поэта мысли. Созданіе фантазій искажено произвольными прибавками, опущеніями и выдумками, въ которыхъ нѣтъ ни историческаго значенія, ни эстетическаго такта. Выраженіе чувства превратилось въ грубую каррикутуру, въ которой нѣтъ даже психологическаго правдоподобія. Проявленіе творческой мысли и разумнаго міросозерцанія непонято и искажено; гдѣ у Гейне иронія, тамъ въ переводѣ напное оригинальничанье, которое само не понимаетъ своего значенія; гдѣ у Гейне истинное сдержанное чувство, тамъ въ переводѣ искаженное и водянистое подражаніе непонятому оригиналу.

ДМИТРІЙ ПИСАРЕВЪ.

Ужасная ночь или обманутая невеста; драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сочин. И. А. Островскаго. Спб. 1860.

Мы должны предупредить читателя, что поставленная нами въ заглавіи «Ужасная ночь или драма» И. А. Островскаго, принадлежитъ не автору «Свои Люди — Сочтемся,» а другому новому поэту. Надѣмся, что никто не смѣшаетъ этихъ двухъ писателей.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣднее время сдѣлался большой запросъ на умъ, люди, никогда не державшіе пера въ рукахъ, не подготовленные къ литературѣ ни жизнью, ни образованіемъ начали писать. Петербургъ и Москва обратились въ огромныя фабрики, гдѣ производится умственная провизія, на всю провинціальную Россію. Скоро читателей будетъ гораздо меньше, чѣмъ авторовъ. Критика отступилась; противорѣчіямъ нѣтъ конца. Пьяницы стали проповѣдывать воздержаніе, литературные промышленники безкорыстіе, взяточники добросовѣстность, Аскоченскій заговорилъ о смиренномудріи и Старчевскій, издающій печатную бумагу, подъ именемъ Сына Отечества, толкуетъ о направленіи и единствѣ идей. Да что же это такое? Убѣдимся, что литература не канцелярія, и журналистика не дойная корова. Не ужели, въ самомъ дѣлѣ, за отсутствіемъ таланта, намъ некуда приложить силы, употребивъ ихъ и съ большей пользой и съ меньшимъ упрекомъ на совѣсти.

На эти размышленія навела насъ комедія г. Островскаго (И. А.). Мы думаемъ, что она принадлежитъ юношѣ, еще не покпнувшему школьной скамейки. Незнаніе жизни и первыхъ условій искусства озадачиваетъ на каждомъ шагѣ; непростительные промахи противъ грамматики и небрежное обращеніе съ языкомъ доходятъ до крайней смѣлости. Содержаніе комедіи то же, что «не въ свои сани не садись,» съ той только разницею, что здѣсь дѣйствіе происходитъ между помѣщиками.

Дѣйствующія лица раздѣлены на прилежныхъ и лѣнивыхъ: первые выражаются языкомъ старыхъ подъячихъ, а вторые отличаются удивительнымъ незнаніемъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, незнаніемъ, доходящимъ до поразительной наивности. Героевъ, говорящихъ на французскомъ языкѣ, авторъ заставляетъ

дѣлать такія грубыя ошибки, за которыя они непремѣнно, по его понятію, подверглись бы самому строгому наказанію.

Для примѣра выпишемъ нѣсколько выраженій, которыя лучше всякой рецензіи познакомятъ читателя съ достоинствомъ разбираемой нами комедіи.

Помѣщица Надѣина, проживъ съ мужемъ не менѣе 17 лѣтъ, не знаетъ, что ея супругъ *не понимаетъ по французски* (стр. 7); помѣщикъ Скородубовъ, человѣкъ 60 ти лѣтъ, едва догадывается, что танцуютъ ногами; такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно судить, изъ его собственныхъ словъ: «чѣмъ они могутъ танцовать, это зависить отъ воли и характера человѣка» (стр. 37).

Теперь представимъ образчики языка прилежныхъ.

Г-жа Мейеръ: «Да, сколько лѣтъ, какъ я васъ не видала, я какъ-бы съ особымъ удовольствіемъ *подъѣзжала* къ вамъ, ну, право, какъ къ роднымъ» (19).

«Да и еще бы; конечно вы меня обижаете, передо мной *имъ* стѣсняться; я такъ много уважаю Григорія Петровича, что право считаю какъ роднаго и особенно мой мужъ былъ товарищъ *имъ*» (21). Какова вѣжливостъ! Для полнаго букета ея только недостаетъ нашего милаго свистящаго-съ.

«Вы такъ мило поете, я слышала отъ многихъ, что доставите намъ удовольствіе, но не критику» (43).

Лэфкинъ. «А родительское сердце какого своего ребенка не простить, стоитъ только двинуть его къ этому предмету, она сама вамъ первая выразитъ это чувство своей любви, проститъ все и если не выдержитъ этого, то умретъ хотя на вашихъ рукахъ, будетъ молить объ васъ Творца, чтобы онъ вамъ послалъ все хорошее» (68).

Заюскинъ: «ты одно сдѣлала безразсудно, что *далась въ обольщенія* этого негодяя» (70).

Въ слѣдующихъ за тѣмъ шести строчкахъ пять разъ повторяется и безъ всякой надобности.

«Къ утру уже онъ началъ утихать, но не *притупскалъ* къ себѣ никого кромѣ меня и Лэфкина» (71).

«И ни одного такъ человѣка не была трогательна кончина, какъ его» (71). — Эта новая разстановка словъ, принята г. Островскимъ (И. А.) для усовершенствованія нашей стилистики.

Въ заключеніе авторъ заставляетъ жениха прямо изъ-подъ вѣнца ^с пѣть пѣсню:

Сяду я за столечекъ, (за столъ?)

Да подумаю...

Не мѣшало бы и автору «Ужасной ночи» подумать хоть о томъ, что прежде учатся, а потомъ пишутъ; но писать и печатать—опять двѣ вещи различныя, и что въ состояніи выносить бумага, то не всегда можетъ вынести литература. Ужъ не рассчитывалъ-ли г. Островскій (И. А.) на эффектъ имени; но фамильное сходство не дастъ таланта и *quid licet Iovi, non licet bovi*.

D. P.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Труды общества, учрежденнаго въ Англии, для развитія соціальной науки (Transactions of the national association for promotion of social science, London. 1858—1860. 3 vols.

II.

Третій конгрессъ англійскихъ соціологовъ, былъ открытъ въ одномъ изъ промышленныхъ городовъ Йоркшира, именно въ Брадфордъ, 10-го октября 1859 года. Это собраніе было не такъ многочисленно, какъ ливерпульское, вѣроятно, по причинѣ отдаленности Брадфорда отъ столицы и другихъ центральныхъ пунктовъ; въ немъ принимало участіе не болѣе тысячи членовъ правителей общества. За-то мѣстные жители, мануфактуристы и работники высказали сочувствіе конгрессу и сходились толпами на пренія; кромѣ того, около трехъ сотъ билетовъ было роздано дамамъ. Засѣданія начались вступительнымъ адресомъ лорда Шефтсбюри; послѣ него говорилъ лордъ Брумъ, избранный, незадолго передъ тѣмъ, безземнымъ президентомъ ассоціаціи. Для иностранцевъ, особенно интересна рѣчь лорда Брума: кромѣ обзорѣнія уже извѣстныхъ намъ трудовъ, она касается новыхъ задачъ, на которыя обратили вниманіе соціологи. Сначала, какъ мы видѣли, они не хотѣли заниматься чисто политическими вопросами. Теперь обстоятельства заставили ихъ, если не перемѣнить свое намѣреніе, то по крайней мѣрѣ отказаться

отъ строгаго толкованія своихъ уставовъ: иначе ихъ могли упрекнуть въ исключительности и въ равнодушіи къ дорогимъ интересамъ страны. Такое время наступило для Англіи, по случаю реформы парламента. Вопросъ этотъ, сколько бы ни сомнѣвались въ его своевременности, едва ли загложнетъ или будетъ отодвинутъ назадъ. Рѣшить его нужно, такъ или иначе. И консерваторы и виги слишкомъ окомпрометтировали себя неудачными попытками, чтобы отложить въ долгій ящикъ обѣщанныя преобразованія. Можно сказать смѣло, что будущій парламентъ непременно займется расширеніемъ избирательной системы. Удастся ли ему окончить съ успѣхомъ свою задачу, — это другое дѣло. Мы хотимъ замѣтить только, что ее нельзя обойти, что она будетъ давить своею тяжестью государственныхъ людей, пока они не рѣшатъ ее серьезно. Старая конституція Англіи, при всѣхъ ея достоинствахъ, требуетъ починки. Съ этимъ согласились всѣ, даже лордъ Дерби и г. Дизраэли, авторы знаменитыхъ *fancy franchises*, или воображаемыхъ электоральныхъ правъ, которыми они хотѣли наградить народъ, или правильнѣе, надѣялись обмануть его. Между тѣмъ подкупы на послѣднихъ выборахъ усилились въ самыхъ огромныхъ размѣрахъ. Рабочіе классы, что бы ни говорили о ихъ равнодушіи къ реформѣ, поняли значеніе обѣщанныхъ имъ привилегій и конечно воспользуются ими не хуже, чѣмъ богатые мѣщане, холодные ко многому, кромѣ своего кошелька. Не одному Брайту, въ самомъ дѣлѣ, способному увлекаться пылкими надеждами, ясно, что кризисъ близокъ, что преобразование неизбежно, хотя отсюда не слѣдуетъ, что единственный путь для этого — революція. Напротивъ, здравый смыслъ и политическій тактъ англійскаго народа предупредитъ ее. Нужно только приготовить умы, не доводить ихъ до раздраженія, а обсудить предметъ со всѣхъ сторонъ, опредѣлять характеръ новаго избирательнаго сословія, изслѣдовать причины подкуповъ и принять противъ нихъ дѣйствительныя мѣры. По всѣмъ этимъ вопросамъ, социологи могутъ изложить свои мнѣнія и оказать пособіе правительству, почти не затрогивая партій, или по крайней мѣрѣ оставляя парламенту самыя спорныя пункты. Держась своей обыкновенной методы, собирая одни факты, даже не выводя изъ нихъ заключеній, они принесутъ несомнѣнную пользу великому дѣлу. Въ такомъ духѣ именно совѣтовалъ имъ работать лордъ Брумъ. Не распространяясь слишкомъ о предметѣ, который требуетъ особой статьи, мы передаемъ здѣсь только смыслъ рѣчи почтеннаго оратора и

заимствуемъ изъ ней самыя любопытныя мѣста. Показавъ преимущество англійской системы правленія надъ нынѣшнею французскою, лордъ Брумъ справедливо замѣчаетъ, что британская конституція обезпечила жителямъ свободу, публичность и спокойствіе, а потому есть дорогое испытанное благо, которое нужно держать крѣпко въ рукахъ. Развитіе представительныхъ началъ не требуетъ, чтобы историческое равновѣсіе государственныхъ силъ и властей, утвержденное въ Англіи, было нарушено. Всякое преобразование становится опаснымъ, если подъ нимъ теряется почва дѣйствительности. Общественные опыты нельзя дѣлать на-угадъ; лучше идти вѣрнымъ путемъ опыта и опираться во всемъ на факты. Англійскому устройству, по мнѣнію лорда Брума, грозятъ серьезныя опасности, даже отъ тѣхъ лицъ, чьи интересы оно ограждаетъ. Его внѣшніе враги и скрытые внутри страны противники смотрятъ на эти опасности съ удовольствіемъ. Для парламентскаго правленія, говорятъ они, наступаетъ роковой день. Подкупы входятъ въ обычай. Считая этотъ упрекъ, только отчасти справедливымъ, лордъ Брумъ соглашается однакожъ, что деньги играютъ при выборахъ большую роль и во многихъ городахъ раздаются прямо или косвенно. Отсюда, разумѣется, происходятъ большія злоупотребленія. Остановить ихъ иначе невозможно, какъ строгостью наказаній и вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Поэтому лордъ Брумъ предлагаетъ соціологамъ просить законодательную власть, чтобы она объявила подкупъ уголовнымъ преступленіемъ и чтобы производство слѣдствій надъ обвиненными было поручено присяжному комитету, избранному изъ палаты лордовъ и палаты депутатовъ. Учрежденіе публичнаго обвинителя лордъ Брумъ также находитъ полезнымъ средствомъ къ предупрежденію подкуповъ. Только при этихъ условіяхъ ему кажется возможнымъ и безопаснымъ расширеніе электоральныхъ правъ.

Читатель, вѣроятно, согласится теперь, что государственныя задачи, о которыхъ говорилъ лордъ Брумъ, едва ли могутъ быть разрѣшены безъ участія общества. Одно правительство не въ силахъ уничтожить подкупы, какъ бы оно ни желало этого. Мы не соглашаемся также съ мнѣніемъ тѣхъ критиковъ, которые обвиняли почтеннаго лорда за то, что онъ обратилъ вниманіе соціологовъ на чуждые имъ политическіе споры. Злоупотребленія, подобныя подкupu, не относятся исключительно къ области политики. Это — своего рода общественная язва. Ни одна партія въ Англіи не защищаетъ подкуповъ по

принципу. Правда, и виги и торіи прибѣгали тайно къ этому средству, но не колебались говорить въ парламентѣ, что оно постыдно. Очевидно, вопросъ давно пересталъ быть спорнымъ. Насчетъ же самыхъ способовъ предстоящей реформы, лордъ Брумъ выражался очень осторожно. Онъ зналъ, что здѣсь ему придется коснуться щекотливыхъ сторонъ и затронуть политическія убѣжденія членовъ ассоціаціи. Впрочемъ—повторяемъ—мы не видимъ причинъ, почему соціологамъ слѣдовало уклоняться отъ сужденія о преобразованіи представительной системы въ Англіи. Конечно было бы жаль, если бы конгрессъ сдѣлался орудіемъ партій и кружковъ: онъ отъ этого потерялъ бы кредитъ въ общественномъ мнѣніи. Но вопросъ о какой бы то ни было реформѣ можно разсматривать безпристрастно съ точки зрѣнія науки, не выходя изъ ея предѣловъ. Нужно только устранить изъ полемики личности, намеки и козни. Съ такимъ спокойнымъ направленіемъ выступилъ на брадфордскомъ конгрессѣ адвокатъ Томасъ Гэръ (Hage). Онъ составилъ проектъ измѣненія представительной системы въ Англіи, руководствуясь однимъ стремленіемъ къ общему благу, безъ всякихъ личныхъ видовъ, безъ желанія угодить какой нибудь партіи,—и публика встрѣтила его съ сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, проектъ этотъ не напечатанъ въ трудахъ общества. Но мы поговоримъ о немъ когда нибудь особо, потому что имѣли случай читать его. Теперь замѣтимъ только, что опытъ рѣшенія государственныхъ задачъ на конгрессѣ не имѣлъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій для соціологовъ, какихъ ожидали боязливые люди и пуристы. Мы бы желали, чтобъ онъ повторился съ такимъ же успѣхомъ на нынѣшнемъ конгрессѣ.

Далѣе лордъ Брумъ совѣтовалъ брадфордскому конгрессу заняться обсужденіемъ вопроса о стачкахъ между работниками и происходящей отсюда остановкѣ въ промышленныхъ предпріятіяхъ (strikes). Борьба между капиталомъ и трудомъ достигла въ послѣднее время грозныхъ размѣровъ въ Англіи и сдѣлалась источникомъ общественныхъ бѣдствій. Надежныхъ средствъ примирить враждебные интересы до сихъ поръ не находили, или лучше сказать, искали не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Лордъ Брумъ полагаетъ, что распространеніе въ народѣ здравыхъ началъ политической экономіи поведетъ скорѣе другихъ мѣръ къ успокоенію умовъ. Не отвергая совершенно пользы отъ подобной пропаганды, мы думаемъ однакожь, что тайныя причины стачекъ лежатъ глубоко, именно въ самомъ устройствѣ промышленности.

Сознавая необходимость выслушать мнѣніе рабочаго класса по предметамъ, которые ближайшимъ образомъ его интересуютъ, лордъ Брумъ и лордъ Шефтсбюри созвали для этого особый митингъ, куда стеклось множество простаго народа. Результаты происходившихъ здѣсь преній, къ сожалѣнію, не обнародованы въ трудахъ брадфордскаго конгресса. Видно только, что митингъ имѣлъ успѣхъ: соціологи положили на будущее время устранивать для работниковъ засѣданія по каждому департаменту.

Вообще труды брадфордскаго конгресса очень сложны и разнообразны. Кромѣ обыкновенныхъ департаментовъ, при немъ были устроены спеціальныя комитеты и составилось новое общество для помощи женщинамъ, работающимъ на фабрикахъ. Здѣсь же вмѣстѣ съ соціологами открыли свои засѣданія приверженцы децимальной системы, подъ руководствомъ Мишеля Швалье и члены союза воздержанія (Temperance-League). Особенно интересенъ былъ митингъ защитниковъ финансовой реформы, гдѣ происходили пренія о податной системѣ Англій. Митингъ этотъ высказалъ самыя радикальныя требованія. Главную роль на немъ играли друзья Брайта, между которыми отличался нѣкто Партриджъ изъ Бэрмингама. Впрочемъ, не смотря на сочувствіе публики и единодушіе во мнѣніяхъ, руководители митинга подали своимъ противникамъ примѣръ рѣдкой умѣренности и не постановили такого рѣшенія, которое могло бы связать другихъ членовъ конгресса. Окончательное сужденіе о преимуществахъ прямыхъ налоговъ надъ косвенными было отложено еще на годъ и всѣ мемуары, читанные на митингѣ, переданы особому комитету съ тѣмъ, чтобы на нихъ представлены были возраженія нынѣшнему конгрессу въ Глазго (1860). Любопытно знать, чѣмъ это кончится и въ какое отношеніе соціологи поставятъ себя къ финансовымъ реформамъ Гладстона.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ работамъ въ департаментахъ, нужно сказать еще объ одной особенноти брадфордскаго конгресса. Именно: здѣсь начали свою дѣятельность мѣстные комитеты, объ учрежденіи которыхъ было уже упомянуто въ прошломъ обзорѣ. Судя по первому опыту, отъ нихъ можно ждать большой пользы. Члены ливерпульскаго комитета въ одинъ годъ собрали много фактовъ и свѣдѣній, имѣющихъ общій интересъ. Они затронули, напримѣръ, вопросъ о жестокомъ обращеніи американскихъ шкиперовъ надъ матросами въ открытомъ морѣ. Читатели газетъ, вѣроятно, помнятъ, какое негодованіе возбудило въ Англій въ прошломъ году поведеніе одного капитана изъ

южныхъ штатовъ, который не хотѣлъ оставить своихъ варварскихъ привычекъ, даже въ странѣ не признающей рабства и тиранствовалъ надъ своимъ экипажемъ изъ негровъ, какъ у себя дома. Къ чести образованной націи должно сказать, что она не позволила ему безнаказано оскорблять свою свободу безчеловѣчными поступками. При громкихъ крикахъ толпы, полндейскіе судьи призвали его къ отвѣту и отправили въ отечество для наказанія. Къ сожалѣнію, международные договоры умалчиваютъ о подобныхъ случаяхъ, а на строгость американскаго закона смѣшно полагаться: онъ явно покровительствуетъ деспотизму бѣлыхъ и не признаетъ челоуѣческой личности въ черныхъ. Многие были очень благодарны ливерпульскому комитету за то, что онъ обратилъ вниманіе Европы на этотъ вопросъ. Если дипломатія не рѣшитъ его или сдѣлаетъ уступки варварству, тогда мы увидимъ въ образованныхъ странахъ не такія сцены: каждый рабовладѣлецъ сочтетъ себя вправѣ нести съ собою по свѣту невольничество со всѣми его ужасами. Трудно допустить это въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, а между тѣмъ, читая рассказы о томъ, что дѣлается въ Америкѣ и въ другихъ мѣстахъ, невольно приходитъ въ голову мысль, что Вильберфорсъ не кончилъ своей задачи и умеръ слишкомъ рано....

Но мы отвлекаемся отъ предмета. Ливерпульскій комитетъ поднялъ еще одинъ любопытный для юристовъ вопросъ о столкновеніи на морѣ между кораблями разныхъ націй. Онъ также рѣшается не одинаково въ морскихъ законахъ и требуетъ общенароднаго соглашенія. — Остальныя донесенія комитета имѣютъ мѣстный характеръ и касаются быта разныхъ классовъ въ Ливерпулѣ (*Transactions* III 153—55.). Городъ этотъ, какъ видно, высказалъ большое сочувствіе предпріятію соціологовъ и намѣренъ учредить свою ученую коллегію для разработки общественной науки. Желательно, чтобы его примѣру послѣдовали другіе города.

Переходимъ теперь къ работамъ юридическаго департамента. Онѣ были открыты длинною рѣчью вице-канцлера Вуда. Излагать здѣсь ея содержаніе значило бы повторять то, что извѣстно нашимъ читателямъ. Почтенный вице-канцлеръ слишкомъ распространяется о содержаніи правовѣдѣнія и о задачахъ, уже рѣшенныхъ соціологами. Но мы не можемъ не привести рассказаннаго имъ анекдота о томъ, какъ въ иныхъ странахъ поощряютъ юридическое преобразование. Герцогъ моденскій Францискъ V, въ рескриптѣ къ своему министру, отъ 9-го де-

кабря 1853 года пишетъ слѣдующее: «Пересматривая университетскій календарь за послѣдніе годы, мы находимъ постепенное уменьшеніе въ числѣ кандидатовъ философіи и правъ. Такъ какъ науки эти опасны для общества, то благодаримъ васъ за усердіе къ нашимъ пользамъ и увѣщаемъ стараться еще болѣе о сокращеніи студентовъ по юридическому факультету. Изученіе права и законовъ мы желаемъ, по возможности, прекратить между нашими подданными.»

Изъ мемуаровъ, представленныхъ юридическому департаменту, не многіе кажутся намъ замѣчательными. Въ Брадфордѣ, какъ и въ Ливерпулѣ, вниманіе соціологовъ было обращено преимущественно на юридическіе вопросы англійскаго законодательства, не очень интересные для русской публики. Канцелярскій судъ, банкротскіе уставы, кодификація, — вотъ предметы, занимающіе больше всего мѣста въ этомъ отдѣлѣ разбираемыхъ нами трудовъ! Мы не можемъ однакожъ умолчать объ одномъ явленіи, на которомъ ярко отражается духъ нашего времени, именно о пережвѣхѣ въ понятіяхъ англійскихъ юристовъ, касательно правъ завѣщателей. Права эти конечно давно опредѣлены и ограничены закономъ. Но, достаточно защищая наслѣдниковъ противъ расточительности и произвола, законъ давалъ большой просторъ капризу т. наз. общественныхъ благотворителей. Имущества, ими пожертвованныя (charitable trusts), обращались часто на такія цѣли, отъ которыхъ не только никому не было пользы, но въ которыхъ трудно отыскать смыслъ. Извѣстно, что Англія есть по преимуществу страна эксцентриковъ. Нѣкоторые изъ нихъ избирали самыя причудливыя или смѣшныя способы благотворительности и приводили въ недоумѣніе своихъ душеприкащиковъ. Въ архивахъ канцелярскаго суда найдется много курьезныхъ документовъ этого рода. Одинъ чудакъ завѣщалъ, на примѣръ, триста фунтовъ молодому человѣку, безуспѣшно подвизающемуся на литературномъ поприщѣ, небогату и скромному. Не говоря объ оригиналахъ, даже почтенные и либеральные благотворители часто ошибаются въ своихъ намѣреніяхъ и понятіяхъ касательно пользы общественной. Они предписываютъ, на примѣръ, учредить школу и ввести въ ней извѣстную методу обученія, которая кажется имъ самою лучшею. Между тѣмъ проходитъ пятьдесятъ лѣтъ; принятая въ школѣ метода оказалась негодною; воспитанники отъ ней пострадали, учителямъ она внушила отвращеніе. Спрашивается, неужели воля благотворителей неприкосновенна и должна быть соблюдаема буквально? Еще

римское право допускало въ подобныхъ случаяхъ широкое толкованіе и отступленіе; напротивъ въ Англїи, уваженіе къ умершимъ завѣщателямъ дошло до такой крайности, до какой много изъ нихъ, вѣроятно, сами бы не дошли, если бы остались живы. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, почему университеты здѣсь были долго неподвижны и сколько препятствій встрѣтилось при ихъ преобразованіи. Итакъ неувидительно, что на брадфордскомъ конгрессѣ, самъ вице-канцлеръ требовалъ измѣненія закона о благотворительныхъ пожертвованіяхъ (*charitable trusts*) и признался, что совѣстный судъ, при всемъ своемъ благоразуміи, часто затрудняется обратить ихъ на пользу общую. (*Transactions* III, 184—192). На преміяхъ, происходившихъ по этому поводу (*ibid.* 255—59) почти всѣ пришли къ убѣжденію, что необходимо положить извѣстный срокъ и опредѣлить условія для выполненія воли завѣщателей, что для разбора благотворительныхъ распоряженій, съ юридической точки зрѣнія и въ видахъ общественнаго блага, — должна быть учреждена отвѣтственная коммиссія, и что наконецъ о всѣхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ *на отчужденныя времена*, слѣдуетъ доносить парламенту. Томасъ Гэръ (*Hare*) замѣтилъ справедливо, что очень трудно составить разумный проектъ для управленія подобными имуществами. Воля завѣщателей не можетъ быть измѣнена до тѣхъ поръ, пока для ней есть какая нибудь практическая опора, и пока воля эта совпадаетъ съ требованіями общественнаго блага: иначе никто не будетъ жертвовать для согражданъ и для человѣчества. Но связывать благотворительностью законы прогресса, значить дѣйствовать на перекоръ прогрессу. Цивилизація наша еще слишкомъ молода, чтобы одно поколѣніе могло указывать другому, слѣдующему за нимъ, путь къ развитію и предписывать наилучшіе способы просвѣщенія. Нужно вѣрно помнить цѣль жертвователя, свято хранить его мысль, не присвоивать незаконно, и не отдавать одному то, что принадлежитъ другому, но держаться буквально мелочныхъ подробностей, слѣдовать капризамъ завѣщателя, выбирать для достиженія цѣли средства, потерявшія смыслъ и цѣну, — едва ли обязанъ юридически самый добросовѣстный наслѣдникъ.

Интересно знать, какою дорогою пойдетъ англійское законодательство къ разрѣшенію этой задачи. Во всякомъ случаѣ оно имѣетъ передъ собою богатый опытъ, поучительный даже для другихъ народовъ. Соціологи сдѣлали очень хорошо, что выступили противъ предрасудковъ насчетъ благотворительности. Соз-

данные ею капиталы во многих мѣстахъ лежатъ мертвыми, благодаря общественной апатіи или неумѣстной деликатности тѣхъ людей, кому они ненужны. Пора воспользоваться этими сокровищами, какъ народными ресурсами, согласно съ ихъ назначеніемъ!

Юридическій департаментъ затронулъ еще одинъ капиталъ-ный вопросъ, надъ которымъ больше двадцати пяти лѣтъ работаютъ образованныя правительства и дипломаты, именно вопросъ объ авторскихъ правахъ. (Transactions III, 237—47). Причины, почему онъ окончательно не рѣшенъ до сихъ поръ, понятны. Способы обезпеченія авторскихъ правъ далеко не одинаковы въ разныхъ государствахъ, почти вездѣ если не прямо, то косвенно законъ покровительствуетъ больше туземцу, чѣмъ иностранцу, которому вообще труднѣе преслѣдовать ихъ или защищаться въ чужихъ судахъ при множествѣ формальностей. Поэтому Брюссельскій конгрессъ книгопродавцевъ и экономистовъ 1858 года не безъ основанія полагалъ, что Европа должна оградить литературный и художественный трудъ общими постановленіями противъ контрафакціи, обязательными для всѣхъ и cadaquo. Къ сожалѣнію, желанія этого конгресса еще далеки отъ исполненія; его члены не согласились между собою въ коренныхъ понятіяхъ и требованіяхъ; кромѣ того въ практикѣ встрѣчаются разные препятствія. Прежде всего нужно хорошенько подумать, какъ соединить выгоды публлки съ притязаніями авторовъ; затѣмъ выбрать средства къ достиженію цѣли легкія и надежныя, а не безсильныя и шаткія, какъ было до сихъ поръ. Франція показала другимъ народамъ примѣръ, что можно сдѣлать для литературы, даже при настоящемъ разнообразіи законовъ. Отъ будущаго мы вправѣ ожидать больше. Намъ кажется, что общенародныя юридическія убѣжденія, которыя неперемѣнно и скоро должны быть выработаны, относительно авторскихъ правъ, поведутъ къ устройству единообразныхъ и простыхъ судовъ. Удобнѣе всего рѣшать дѣла подобнаго рода въ судахъ третейскихъ. Они могутъ состоять изъ экспертовъ, разсматривать иски и постановлять приговоры, безъ стѣснительныхъ формальностей и проволочки.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ объ авторскихъ правахъ находится другой, также затронутый слегка социологами, именно о фальшивыхъ знакахъ на мануфактурныхъ издѣліяхъ (fraudulent imitation of trade marks). Контрафакція или поддѣлка этого рода сильно распространилась въ послѣднее время; на нее жалуются

не только потребители, но сами купцы. До какой степени она поддерживает недобросовѣстность въ торговлѣ, не трудно себѣ представить. Почти всякому приходится слушать кругомъ себя отзывы о томъ, что въ старину всѣ товары были лучше и что мануфактурныя произведенія съ каждымъ годомъ становятся негоднѣе. Оставляя въ сторонѣ споръ о томъ, въ какой степени можно рассчитывать на доброкачественность дешевыхъ издѣлій, нужно однакожь согласиться, что поддѣлка, о которой мы говоримъ, есть преступленіе противъ того лица, чей штемпель поддѣланъ и противъ общества. Мы думаемъ даже, что она подрываетъ довѣріе между народами и потому должна быть вездѣ преслѣдуема. Впрочемъ не многія правительства постановили на этотъ счетъ взаимныя обязательныя правила. Кромѣ трактата Англійи и Россіи (см. Transactions III, 333) едва ли найдутся другіе договоры о поддѣлкѣ мануфактурныхъ штемпелей. Почти вездѣ законъ защищаетъ только туземца, оставляя беззащитнымъ иностранца. Такой пробѣлъ въ практической юриспруденціи приноситъ большой вредъ и противорѣчитъ духу нашего времени. Соціологи рѣшились ходатайствовать передъ парламентомъ о введеніи новой системы въ видахъ покровительства всемірной торговлѣ. Съ своей стороны министерство выразило готовность начать объ этомъ переговоры съ иностранными державами.

Собственно теоріею права конгрессъ занимался мало. Сюда относится только одинъ мемуаръ адвоката Чамберса о вліяніи общества на законы и законовъ на устройство. Къ сожалѣнію мемуаръ этотъ едва ли удовлетворитъ современнаго читателя! Авторъ, повидимому, не сладилъ съ новымъ предметомъ и доказываетъ то, что давно всѣмъ извѣстно.

Второй отдѣлъ трудовъ брадфордскаго конгресса очень богатъ и разнообразенъ. Мы рекомендуемъ его особенному вниманію поборниковъ народнаго просвѣщенія и педагоговъ. Они найдутъ здѣсь множество драгоценныхъ указаній и матеріаловъ. Изъ этой массы статей трудно отдать чему нибудь предпочтеніе. По каждой спеціальной задачѣ были высказаны дѣльныя, даже глубокія мысли. Разумѣется, не все въ этомъ отдѣлѣ представляетъ практической интересъ для иностранцевъ: Англичане относительно народнаго воспитанія идутъ оригинальнымъ путемъ, по которому за ними не всегда удобно слѣдовать: у нихъ многое опредѣляется мѣстными потребностями и условіями, не вездѣ существующими. Но во всякомъ случаѣ ихъ опытъ поучителенъ. Англійское общество принялось въ послѣднее время съ большимъ

рвеніемъ обучать низшіе классы, перепробовало разные методы и системы и, надобно отдать ему справедливость, работало съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Если, какъ можно надѣяться, доброе дѣло пойдетъ впередъ такъ же энергически, какъ оно начато, то Англія скоро догонитъ Германію въ распространеніи грамотности. Вѣрные своему принципу самодѣтельности (self-help), Англичане однакожь увидѣли необходимость помощи со стороны государства, если не для устройства, то для поддержанія народныхъ школъ, или лучше сказать, для поощренія учителей и учениковъ. Парламентъ уже нѣсколько лѣтъ выдаетъ для этой цѣли известную сумму. Къ сожалѣнію, она распредѣляется не ровно и, какъ думаютъ нѣкоторые соціологи, несправедливо. Самыя бѣдныя приходскія школы ею не пользуются; школы для уличныхъ мальчиковъ (ragged schools) также остаются почти безъ поддержки отъ правительства. На это жалуется между прочимъ известная ихъ защитница Марія Кѣрпентеръ въ своемъ любопытномъ мемуарѣ (III., 397). Вообще система поощреній, принятая воспитательнымъ комитетомъ государственнаго совѣта (Education Committee of the Privy Council), при всѣхъ ея достоинствахъ, не безукоризненна. Даже изъ послѣднихъ, наиболѣе либеральныхъ распоряженій комитета видно, что онъ слишкомъ вѣритъ въ значеніе учительскихъ дипломовъ и въ рапорты своихъ инспекторовъ (III., 406). Нѣкоторые соціологи, напр. священникъ Гоннери, справедливо замѣчаютъ, что не всѣ общины могутъ издерживать одинакія суммы денегъ на школы, что иные приходы, по ограниченности средствъ, непривлекательны для учителей, вполне приготовленныхъ къ своему званію и рады, если найдутъ челоуѣка, хоть сколько нибудь годнаго распространить грамотность въ народѣ (III., 377). *Итакъ общій уровень педагогическихъ требованій и испытаній со стороны правительства не долженъ быть слишкомъ высокъ; нужно соображать ресурсы жителей въ разныхъ мѣстахъ и помнить, что бѣднякъ нуждается въ пособіи къ образованію больше, чѣмъ богатый.* Англійское правительство, кажется, постановило слишкомъ одностороннюю норму для оцѣнки заслугъ и больше поддерживало существующія школы, чѣмъ вызывало къ существованію новыя. Противъ основной принятой имъ системы поощреній соціологи не спорили. «Пусть воспитательный комитетъ, говорили они, раздаетъ попрежнему награды способнымъ учителямъ и ученикамъ за успѣхи; мы желаемъ только болѣе широкаго и либеральнаго присужденія этихъ наградъ.» Кромѣ этихъ общихъ вопросовъ, брадфордскій конгрессъ

рѣшилъ множество частныхъ. Ни одна сторона народнаго воспитанія не была здѣсь упущена изъ виду. Для удобства совѣщаній социологи раздѣлили предметы этого департамента такъ, чтобы спеціалисты могли по каждой отрасли имѣть отдѣльные митинги. Намъ показали особенно любопытными мемуары о воспитаніи рабочихъ классовъ, такъ какъ на конгрессѣ присутствовали лучшіе поборники этого дѣла. Замѣчательно, что въ послѣдніе годы въ Англіи устроены новыя заведенія для обученія работниковъ, подъ именемъ коллегій (*working men's colleges*). Онѣ имѣютъ то преимущество надъ институтами механиковъ, что открыты въ одинаковой степени взрослымъ людямъ и юношеству. Во главѣ коллегій стоятъ люди, кончившіе курсъ въ университетахъ; они учатъ, конечно, даромъ и собираютъ съ слушателей незначительную плату только на содержаніе и на пособія для школы. Лекціи читаются здѣсь по вечерамъ съ большимъ успѣхомъ. Намъ самимъ случилось осматривать одну изъ коллегій въ Лондонѣ, и мы до сихъ поръ не можемъ забыть отраднаго впечатлѣнія, которое мы оттуда вынесли. Насъ поразила непринужденность отношеній между наставниками и работниками, ихъ братство и взаимное довѣріе. Къ счастью, число этихъ заведеній съ каждымъ годомъ увеличивается въ Англіи *). — Напротивъ, институты механиковъ, которые прежде находились въ цвѣтущемъ состояніи, теперь падаютъ или превращаются въ литературныя общества. Объяснить причины ихъ упадка мы не беремъ; говорятъ, что въ этомъ виноваты и учителя и ученики. Вѣроятно впрочемъ, что распространеніе другихъ школъ уменьшило само собою значеніе институтовъ. Прежде они были почти единственными заведеніями въ подобномъ родѣ, — теперь низшее сословіе имѣетъ много новыхъ средствъ къ образованію. Даже для женщинъ изъ рабочаго класса, о судьбѣ которыхъ прежде никто не заботился, въ Англіи существуютъ школы. На какихъ основаніяхъ онѣ устроены, читатель можетъ узнать изъ превосходнаго мемуара Фанни Чертцъ, представленнаго Брадфордскому конгрессу (III, 347).

Изъ разбираемыхъ нами трудовъ не трудно также составить себѣ понятіе объ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ въ Англіи для средняго класса. Понятно, что ему от-

*) Подробности объ устройствѣ коллегій и теперешнемъ ихъ состояніи читатель найдетъ въ мемуарѣ Чадвика (*Chadwick*), въ третьемъ томѣ трудовъ (стр. 323).

крыто гораздо больше способовъ къ образованію, чѣмъ классу рабочему. Жаль только, что англійскіе университеты сохраняютъ до сихъ поръ свой преимущественно-аристократическій характеръ и доступны однимъ богатымъ людямъ. Соціологи справедливо на это жалуются. Многие изъ членовъ конгресса высказали требованіе, чтобы число университетовъ было увеличено (III, 437—40) и чтобы принятая въ нихъ система обученія была лучше принаровлена къ потребностямъ нашего вѣка.

Наконецъ вопросъ объ экзаменахъ на гражданскія должности (civil service examinations), о которомъ такъ много спорили въ Ливерпулѣ, былъ обсужденъ основательнѣе въ Бранфордѣ. Главными защитниками правительственныхъ мѣръ явились здѣсь государственные люди и притомъ разныхъ партій. Самое сильное впечатлѣніе на конгрессѣ произвели мемуары консерватора Норткота (III, 279) и прогрессиста Горэса Манна (III, 274). Оба они возставали противъ стараго обычая протекцій и рекомендацій по службѣ; оба позагали, что экзамены слѣдуетъ приниматьъ ко всѣмъ родамъ службы съ тѣмъ впрочемъ, чтобы требовать отъ кандидатовъ свѣдѣній практическихъ.

Переходимъ къ департаменту уголовному. Президентомъ его въ Бранфордѣ былъ избранъ членъ парламента Монктонъ Мильнзъ. Его вступительная рѣчь (III, 87) довольно интересна по содержанію, хотя не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Мильнзъ, повидимому, твердо вѣритъ въ успѣхъ исправительной системы, принятой Англичанами и находитъ нападки на нее неосновательными. Главныя возраженія противъ этой системы высказаны экономистами, которые думаютъ, что она во-первыхъ дорога, во-вторыхъ непроизводительна. И то и другое замѣчаніе намъ кажется отчасти справедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ нынѣшнія тюрьмы стоятъ правительству огромныхъ суммъ, особенно тамъ, гдѣ онѣ устроены съ кельями для одиночнаго заключенія. При этомъ естественно рождается мысль: зачѣмъ издерживать столько денегъ для преступниковъ, когда во всякомъ государствѣ есть много безвредныхъ, даже честныхъ бѣдняковъ, умирающихъ съ голоду? Попытки обратить тюрьмы въ фабрики также до сихъ поръ не удавались: трудъ преступника не выдерживаетъ конкуренціи съ трудомъ работника. Чтобы ни говорить Мильнзъ, пенитенціарная система съ этой стороны не вполне достигаетъ цѣли и открыта для нападений. Но, разумѣется, отсюда никакъ не слѣдуетъ, что ее надобно оставить и возвратиться къ доброму старому времени, или подражать Туркамъ;

у которыхъ тюрьмы — самыя дешевыя и веселыя заведенія. Англійскій путешественникъ Сеньоръ, посѣтивши недавно въ Константинополѣ острогъ, сдѣлалъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: «Еслибы меня посадили въ тюрьму, я выбралъ бы именно эту: здѣсь васъ не мучатъ молчаніемъ, правильностью жизни и опрятностью. Правда, вы сидите на цѣпи, но за-то ничего не дѣлаете; да кромѣ того пользуетесь кофе, табакомъ и пріятною бесѣдою такихъ же плутовъ, какъ вы сами.» Европейская система конечно имѣетъ свои недостатки, но все же она несравненно выше турецкой. Не велика еще бѣда, что тюрьмы въ Европѣ слишкомъ хороши, и что преступники живутъ въ нихъ удобно! Удобства можно скорѣе уменьшить, чѣмъ неудобства. Что же касается до работы заключенныхъ, ее не трудно сдѣлать хоть въ нѣкоторой степени производительною. У государства есть много нуждъ, которыя слѣдовало бы покрывать этою работою. Мы имѣли случай наглядно убѣдиться въ этомъ, осматривая нѣкоторыя тюрьмы въ Бельгiи и въ самой Англiи. Правительство здѣсь дѣлаетъ многіе заказы для арміи и флота преступникамъ, разумѣется, за вознагражденіе. Говорятъ, что это обходится дороже. Но подождемъ дальнѣйшихъ опытовъ и не будемъ спѣшить приговоромъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ нельзя устроить тюрьмы такимъ образомъ, чтобы онѣ стоили меньше обществу и хоть въ нѣкоторой степени покрывали свои издержки? Странно было бы думать, что такая задача неразрѣшима. Есть проблемы гораздо труднѣе, въ которыхъ однако человѣчество не отчаявается.

Къ числу такихъ головоломныхъ задачъ принадлежитъ напирѣжь поднятый обществами воздержанія, филантропами и социологами вопросъ о пьянствѣ. На конгрессѣ въ Брадфордѣ много и дѣльно разсуждали объ этомъ порокѣ, какъ объ источникѣ разныхъ преступленій (III, 451—467). Но что касается до средствъ остановить его, объ нихъ нѣкоторые находили даже бесполезнымъ говорить. Строгіе законы противъ пьяницъ, предлагаемые фанатиками трезвости, едва ли поведутъ къ какой нибудь цѣли. Общество не имѣетъ ни средствъ, ни права запретить кому нибудь употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Здѣсь все зависитъ отъ доброй воли. Государство можетъ только принять мѣры безопасности противъ лицъ, страдающихъ припадками бѣшенства, или посягающихъ на преступленія въ пьяномъ видѣ.

Разсуждая о средствахъ къ предупрежденію преступленій, брадфордскій конгрессъ коснулся между прочимъ устройства ноч-

ныхъ приютовъ для брошенныхъ дѣтей и бездомныхъ сиротъ въ большихъ городахъ. Намъ живо помнится, по какому случаю Англичане обратили вниманіе на этотъ предметъ. Осень 1858 года была очень холодная въ Лондонѣ. Морозъ ударилъ неожиданно въ ноябрѣ и потомъ съ новою силою въ декабрѣ. Передъ самымъ Рождествомъ одному корреспонденту газеты Times случилось проходить ночью по отдаленнымъ улицамъ столицы. Съ удивленіемъ замѣтилъ онъ множество оборванныхъ, почти нагихъ мальчиковъ, которымъ некуда было дѣться. Напрасно бѣдняжки искали убѣжища въ рабочихъ домахъ и въ госпиталяхъ, гдѣ почти всегда есть свободныя кровати на такіе случаи. Начальство не принимало ихъ, ссылаясь на недостатокъ мѣста. Распросивъ кого было можно, корреспондентъ узналъ, что весь этотъ народъ живетъ лѣтомъ на улицахъ и занимается какою-нибудь ничтожною промышленностью, что неожиданный холодъ засталъ несчастныхъ врасплохъ, прежде нежели они могли найти себѣ пристанище въ пустыхъ домахъ или въ погребкахъ. На другой день, въ самое Рождество (это — день благотворительности для Англичанъ) появилась въ газетѣ превосходная статья, въ которой высказана была мысль объ устройствѣ *общественныхъ ночлеговъ* и другихъ заведеній подобнаго рода. Нужно было видѣть, съ какою быстротою составила подписка, какія огромныя суммы были присланы въ бюро газеты, для добраго дѣла. Намъ самимъ случилось осматривать весною 1859 года нѣсколько новыхъ приютовъ, основанныхъ для дѣтей обоюго пола, по этому случаю: они уже превратились въ цвѣтущія школы. Такъ по крайней мѣрѣ можно было судить, по беззаботнымъ и веселымъ лицамъ учениковъ, по охотѣ, съ которой шла работа и по опрятности комнатъ, въ наскоро устроенномъ помѣщеніи.

Уголовный департаментъ разсматривалъ также проекты объ исправленіи законовъ, напимѣръ, мемуаръ Тарти о произвольныхъ приговорахъ мирныхъ судей. Замѣчено, что тамъ, гдѣ эти судьи дѣйствуютъ безъ присяжныхъ, т. е. при *summary convictions*, — ихъ рѣшенія особенно шатки и разнообразны. Цѣль мемуара состоитъ въ томъ, чтобы, по выраженію автора, прекратить лоттерею наказаній, и сдѣлать ихъ болѣе твердыми. Не сомнѣваясь въ добросовѣстности мирныхъ судей, г. Тарти желаетъ только, чтобы они согласились между собою въ нѣкоторыхъ принципахъ. Другой мемуаръ, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, направленъ противъ смертной казни (III, 487). Въ немъ авторъ старается убѣждать согражданъ, что Ан-

глія не имѣетъ никакой надобности удерживать въ своихъ законахъ этотъ жестокий видъ наказанія и что отъ него современное общество только страдаетъ. Мысль автора не нова для криминалистовъ, но они найдутъ въ мемуарѣ разные факты и мнѣнія британскихъ судей о смертной казни.

Труды и пренія медицинскаго департамента мы оставляемъ, слѣдуя разъ принятому обыкновенію, на судъ знатоковъ. Между мемуарами, сюда принадлежащими, весьма многіе имѣютъ спеціальнѣйшій характеръ. Намъ показался особенно любопытнымъ отчетъ Мильера о карантинной конференціи, которая собиралась въ Парижѣ десять лѣтъ тому назадъ и состояла изъ консуловъ и медиковъ. Такъ какъ ея работы мало извѣстны или забыты, а между тѣмъ очень важны, то мы считаемъ излишнимъ напомнить о нихъ читателямъ. Поводомъ къ созванію конференціи было желаніе Франціи смягчить свои карантинные законы, такъ какъ чума теперь потеряла свою прежнюю силу. При этомъ другія правительства выразили намѣреніе посоветоваться о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять противъ холеры и желтой горячки. Всѣ вопросы подобнаго рода, по справедливому замѣчанію Рейбо, «касаются прямо международнаго интереса; неблагоразуміе и неосторожность одной націи здѣсь падаетъ и на другія; напротивъ излишняя строгость карантинныхъ мѣръ въ одномъ портѣ задерживаетъ сношенія вездѣ.» При нынѣшней легкости путешествій, каждому желательно, чтобы въ Европѣ были начертаны однообразныя карантинныя правила. Конференція дѣйствительно составила проектъ общаго устава, но онъ до сихъ поръ принятъ только Франціею, Сардиніею, Португаліею и Турціею; Австрія и Англія не согласились съ мнѣніемъ конференціи и нашли ихъ неудобными и стѣснительными для международнаго оборота. Не защищая этимъ мнѣній, мы думаемъ однакожь, что карантинное устройство можетъ и должно быть предметомъ новыхъ переговоровъ. Если первая попытка не удалась, отсюда еще ничего не слѣдуетъ. Члены конференціи разошлись въ частностяхъ, на примѣръ насчетъ срока для очищенія и т. п., но не отрицали необходимости и пользы общихъ врачебно-полицейскихъ мѣръ, противъ заразительныхъ болѣзней *).

Засѣданія департамента общественной экономіи были открыты прекрасною рѣчью Кэ Шоттльворта (Kay Shuttleworth) объ

*) Подробности объ этомъ предметѣ см. стр. 605—612.

успѣхахъ цивилизаціи въ Англіи (III, 122). Не разбирая ее въ подробностяхъ, замѣтимъ только, что она касается преимущественно матеріальнаго промышленнаго развитія британской націи; государственныя учрежденія и умственную жизнь своего отечества Кэ Шоттльвортъ затрогиваетъ вскользь, мимоходомъ. Впрочемъ коренныя начала англійской конституціи, замѣтныя еще въ общественномъ устройствѣ саксонской гептархіи, изложены у него обстоятельно.

Нѣтъ нужды говорить читателю, чѣмъ больше всего занялся департаментъ общественной экономіи. Каждый угадаетъ, что вопросъ о стачкахъ между работниками былъ выдвинутъ здѣсь на первый планъ. Жаркія пренія объ этомъ продолжались цѣлый день. Въ публикѣ имѣлъ большой успѣхъ мемуаръ Фосетта (Faucett), изданный недавно отдѣльною книжкою, съ дополненіями, подъ заглавіемъ: «теорія и цѣль стачекъ между работниками.» Вообще Фосеттъ разбираетъ эти явленія довольно безпристрастно. Точка зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на предметъ, правда не понравится капиталистамъ, но во всякомъ случаѣ ему нельзя сдѣлать упрекъ въ искаженіи фактовъ. Цѣль стачекъ, по словамъ Фосетта, двоякая: онѣ имѣютъ въ виду, во-первыхъ, уравненіе задѣльной платы, въ разныхъ отрасляхъ промышленности и, во-вторыхъ, справедливое раздѣленіе выгодъ отъ предпріятія между его участниками. Нынѣшнія отношенія рабочихъ къ хозяевамъ не благоприятствуютъ ни тому, ни другому и слѣдовательно должны быть измѣнены, согласно духу нашего времени.

Противъ выводовъ Фосетта, сколько мы можемъ судить, на конгрессѣ не было сдѣлано серьезныхъ возраженій. Нѣкоторые капиталисты, правда, говорили о необходимости публичныхъ лекцій для народа въ консервативномъ духѣ, но мы уже замѣтили, какъ безсильны подобныя мѣры противъ общественнаго зла. Чтобы вникнуть глубже въ положеніе рабочихъ людей, департаментъ занялся изслѣдованіемъ существующихъ между ними союзовъ (Trades' unions). Еще на ливерпульскомъ конгрессѣ учрежденъ былъ для этой цѣли комитетъ. Онъ пересмотрѣлъ въ теченіе года около 30 уставовъ разныхъ обществъ, которыми связаны ремесленники въ Англіи. Изъ доклада (III, 657) и изъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ показаній видно, что эти компании не такъ страшны, какъ ихъ описываютъ напуганные или подозрительные капиталисты: вмѣсто демагоговъ, тиранствующихъ вокругъ себя и подкапывающихъ спокойствіе тайными просками,

во главѣ движенія здѣсь находятся смышленные работники. Если смотрѣть на нихъ простыми, не предубѣжденными глазами, окажется, что они — выборные начальники артелей. Скрываютъ свое назначеніе и свою дѣятельность они настолько, насколько этого требуютъ промышленные интересы заступаемаго ими народа. Одинъ изъ нихъ смѣло изложилъ передъ конгрессомъ свой образъ мыслей (III, 716—718). «Задѣльную плату, сказалъ онъ, конечно, нельзя поднять стачками, насильственно, противъ законовъ экономіи, также какъ нельзя понизить мѣрами правительства. Но кромѣ *постояннаго* уровня, во всякомъ производствѣ бываютъ *временные* переходы и колебанія. На рынкѣ говорятъ иногда, что торговля идетъ вяло (trade is slack). Если при этомъ уменьшится задѣльная плата, то капиталисты не измѣнятъ ее и тогда, когда торговля пойдетъ живо (trade is busy). Между тѣмъ кризисъ зависитъ часто отъ соперничества предпринимателей, которые стараются одолѣть другъ друга дешевизною при заказахъ, въ надеждѣ свалить невыгоды контракта на рабочихъ, всегда нуждающихся и слѣдовательно уступчивыхъ. Въ концѣ своей рѣчи ораторъ замѣтилъ, что не союзы между ремесленниками обыкновенно бываютъ причиною стачекъ, а напротивъ остановка работы ведетъ къ образованію союзовъ (Trades' unions).

Любопытны также показанія другаго работника Коуэля, свидѣтеля и руководителя стачки, которая надѣлала много шума въ Англій въ 1853 году. Работникъ этотъ рѣзко выступилъ на конгрессѣ противъ мнѣній лорда Брума и объяснилъ, что причиною остановки предпріятій были тогда капиталисты: они сначала заключили сдѣлку, для уменьшенія поденной платы рабочимъ, а потомъ были принуждены уступить. «Если почтенный лордъ мнѣ не вѣритъ, сказалъ Коуэль, пусть спроситъ, кого угодно ему, о моемъ характерѣ. Я всегда говорилъ правду и трудился честно!»

Выслушавъ этихъ свидѣтелей, конгрессъ постановилъ, если не удовлетворительное, то благоразумное рѣшеніе. «Мы желаемъ отъ васъ одного, замѣтили члены комитета работникамъ. Оставьте неприкосновенною свободу промышленности, не мѣшайте нашимъ товарищамъ распоряжаться собою, какъ угодно; не стѣсняйте ихъ принужденіемъ или угрозами! Подъ этимъ условіемъ мы обѣщаемъ вамъ полное безпристрастіе и выслушаемъ всѣ ваши требованія. Дѣло это нужно изслѣдовать точнѣе.» Съ своей стороны работники рѣшились въ полномъ довѣрїи къ социологамъ доставить имъ факты и свѣдѣнія о всѣхъ союзахъ ■

стачкахъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ году дѣло это прояснилось и подвинулось впередъ.

Мы не можемъ также упустить изъ виду преній департамента объ эманципациі Негровъ въ Вестъ-Индіи. Она издавна занимаетъ британскихъ филантроповъ; ея результаты далеко не потеряли практическаго интереса для остальной Европы. Образованному міру извѣстно, сколько Англія принесла жертвъ въ пользу освобожденія Негровъ. Она не только воевала противъ торга невольниками, но выкупила въ своихъ колоніяхъ 700,000 рабовъ. О послѣдствіяхъ эманципациі Англичане до сихъ поръ думаютъ не одинаково. Что Вестъ-Индіа упала, что разработка тропическихъ произведеній на многихъ островахъ идетъ безуспѣшно, что владѣльцы прежде богатыхъ плантацій разорились, въ этомъ, правда, всѣ согласны. Но отчего именно произошло разореніе, можно еще поспорить. Плантаторы приписываютъ всѣ несчастія и потери ошибкамъ освободителей; освободители — добросовѣстности плантаторовъ; путешественники также, смотря по образу мыслей, склоняются на ту или на другую сторону. Безпристрастныхъ свидѣтелей и критиковъ эманципациі найти трудно. На брадфордскомъ конгрессѣ присутствовалъ одинъ изъ такихъ рѣдкихъ людей, нѣкто Стивъ Кэвъ (Stephen Cave). Его показанія заслуживаютъ довѣрія: онъ не принадлежитъ ни къ ослѣпленнымъ противникамъ реформы, ни къ ея жаркимъ защитникамъ: онъ изучалъ на мѣстѣ ея послѣдствія и совершенно примирился съ ними, хотя прежде былъ плантаторомъ и слѣдовательно потерпѣлъ убытки. Вотъ что говорилъ онъ: «Съ нравственной точки зрѣнія эманципациа удалась; Негры, освободившись изъ неволи, остались спокойными и вели себя безукоризненно; они одичали только тамъ, гдѣ ихъ удалили отъ соприкосновенія съ бѣлыми. Но въ экономическомъ отношеніи эманципациа не имѣла успѣха: рабскій трудъ на островѣ Кубѣ и въ южныхъ штатахъ, по своей дешевизнѣ, взялъ верхъ надъ трудомъ свободнымъ въ Вестъ-Индіи; сахаръ, покупаемый въ Англіи, воздѣланъ большею частью руками невольниковъ. Если Англичанамъ удастся привлечь по контрактамъ вольныхъ эмигрантовъ во всѣ свои колоніи на такихъ основаніяхъ и съ такимъ успѣхомъ, какъ это дѣлается въ Барбадосѣ, то задача будетъ рѣшена въ пользу свободы. Америка уничтожитъ рабство, когда увидитъ, что потери при этомъ незначительны, а за нею раньше или позже послѣдуетъ непремѣнно Испанія. Иначе нельзя

и ожидать успѣха, и всё благородныя усилія британской націи должны остаться безплодными.»

Кромѣ Кэва, въ преніяхъ принималъ участіе извѣстный Американецъ, Чаннингъ. О мысляхъ его касательно невольничества, мы можемъ здѣсь не распространяться. На брадфордскомъ конгрессѣ онъ совѣтовалъ Англичанамъ, съ свойственною ему откровенностью, искать новыхъ рынковъ, для покупки хлопчатой бумаги въ Африкѣ, въ Индіи, гдѣ угодно, лишь бы не въ рабовладѣльческихъ штатахъ и смотрѣть, чтобы подъ видомъ свободной эмиграціи не возобновили торгъ Неграми.

Коснувшись невольничества въ колоніяхъ, мы обязаны отвѣчать на вопросъ, который, вѣроятно, теперь представляется читателю. Неужели эманципація Негровъ въ самомъ дѣлѣ не оправдала надеждъ, на нее возложенныхъ? Неужели благосостояніе колоній поддерживалось рабствомъ и погубило съ свободою? Такъ, повидимому, говорятъ факты. Что европейскія плантаціи, лишившись невольниковъ, упали, этого нельзя отрицать. Даже въ быту Негровъ, послѣ освобожденія, замѣтно мало перемѣнъ къ лучшему. Но прежде нежели мы произнесемъ нашъ строгій приговоръ надъ филантропіею и скажемъ вмѣстѣ съ практическими мудрецами, что реформы, предпринимаемыя изъ любви къ человѣчеству, разстраиваютъ хозяйство, посмотримъ ближе, предпринята ли была эманципація добросовѣстно и благоразумно со стороны рабовладѣльцевъ. Въ этомъ главное дѣло. Жалобы и требованія плантаторовъ мы должны выслушать, но каждый безпристрастный судья обязанъ также взвѣсить ихъ поступки. Люди часто сами не знаютъ, чего хотятъ и, будучи кругомъ виноваты, жалуются на другихъ. Общественные законы нельзя почитать безнаказанно: человѣческая природа такъ или иначе мститъ за нарушеніе своихъ правъ. Плантаторы тиранствовали надъ Неграми цѣлые вѣка, не дали имъ при отпущеніи на волю ни клочка земли, стѣснили ихъ трудъ заговорами и стачками, не хотѣли привязать ихъ къ плантаціи справедливыми контрактами, запутались въ долгахъ и спекуляціяхъ, а потомъ подняли крикъ, что всему причиною эманципація, что она рѣшительно привела на край гибели и бѣлыхъ и черныхъ. Страшныя претензіи! Пора понять наконецъ, что невольничество — преступленіе, за которое всякое общество раньше или позже должно отвѣчать. Эманципація есть самый мирный и дешевый способъ расплаты; другіе способы гораздо несправедливы. Чтобы избѣжать ихъ, лучше согласиться на сдѣлку и потерять меньше. Нужно быть сни-

сходительнымъ и къ тому населенію, которое освободилось отъ вѣковаго рабства. Оно не можетъ разомъ привыкнутьъ къ свободѣ, разомъ воспользоваться всѣми ея благами, идти съ быстротою впередъ. Всякая эманципація непрѣнно выгодна для общества уже потому, что прекращаетъ невольничество. При этомъ терпятъ только тѣ, которые прежде черезъ мѣру извлекали выгоды на счетъ другихъ. Нельзя же цѣлую жизнь ожидать однихъ барышей; каждому приходится въ свою очередь нести убытки. Въ доказательство этихъ истинъ можно сослаться на вестъ-индскія колоніи. Не всѣ онѣ одинаково *потерпѣли* отъ эманципаціи. На тѣхъ островахъ, гдѣ сл. Неграми обходились лучше, гдѣ имъ дали больше, разработка плантацій не остановилась. Даже въ измѣненіяхъ, оставленныхъ рабами, открылись новые способы устроить и поправить хозяйство. Кто искалъ вольнаго труда, тотъ находилъ его. Вообще будущность Вестъ-Индіи не такъ безотраднa, какъ инымъ кажется. Дѣла здѣсь съ каждымъ годомъ поправляются; усилѣніи промышленности задерживаются во всякомъ случаѣ не свободою, а климатическими условіями, рабскими преданіями и попытками къ притѣсненію несчастныхъ эмигрантовъ, Китайцевъ и Куліевъ (Coolis).

Департаментъ экономическій обратилъ вниманіе еще на многіе другіе вопросы соціальной науки, напр., на способы народонаселенія, по случаю наступающей въ 1861 году, ревизіи въ Англіи (III, 628), на общества взаимнаго вспомошествованія между работниками (665—86) и проч. Но всему нельзя дать мѣста въ нашей статьѣ: она и безъ-того слишкомъ длинна. Трудно обозрѣть на немногихъ страницахъ содержаніе огромнаго тома, наполненнаго дѣльными мемуарами, полезными замѣтками и практическими разсужденіями! Разнообразіе изданныхъ соціологами сочиненій невольно заставляло автора переходить отъ одного предмета къ другому, разсуждать обо всемъ понемногу и ни на чемъ долго не останавливаться. Онъ на каждомъ шагу чувствовалъ то, что называютъ *embarras de richesse*. Но если предлагаемый разборъ можетъ казаться неудовлетворительнымъ и отрывочнымъ, — во всякомъ случаѣ читатель найдетъ въ немъ указанія, которыя объяснятъ ему сущность современныхъ задачъ англійскаго общества и помогутъ слѣдить за дальнѣйшимъ ихъ разрѣшеніемъ.

Мы не хотимъ сказать впрочемъ, что результаты, добытые соціологами, должны имѣть непотрясаемый авторитетъ; мы далеки отъ мысли, что они вполне выяснены и закончены. Мы

видимъ въ нихъ не науку, а только полезныя матеріалы для науки. Изслѣдованіе общественныхъ законовъ началось очень недавно; человѣческая мысль еще теряется въ ихъ разнообразіи, и не тверда въ своихъ приѣмахъ. Сами социологи вовсе не имѣютъ претензіи на ученость, на глубину взглядовъ и на гениачность: ихъ цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы подвинуть общество къ самостоятельности и къ самоуправленію. Многіе изъ нихъ люди съ обыкновенными способностями и съ обыкновенными знаніями; нѣкоторые даже ни за что не берутся, кромѣ своей спеціальности и были бы удивлены энциклопедическими стремленіями русскаго человѣка.

За-то дѣятельность этихъ людей полезна. Пересматривая ихъ труды, мы не находимъ здѣсь мелкаго, бесплоднаго, крикливаго либерализма, который все обнимаетъ, все хочетъ преобразовать и ни до чего не умѣетъ дотронуться. Кого мы обыкновенно встрѣчаемъ на конгрессѣ? — Не художниковъ въ душѣ, не профессоровъ, блистающихъ громкими фразами, а скромныхъ, разсѣянныхъ по провинціальнымъ городамъ, деревнямъ и захолустьямъ труженниковъ, всю жизнь свою посвящающихъ какой нибудь тюрьмѣ, школѣ или рабочему дому. Доля ихъ незавидна, заслуги неизвѣстны, но они не мѣтятъ въ министры, не гнушаются своимъ призваніемъ, не ропщутъ на судьбу. Съ чѣмъ выступаютъ эти люди на конгрессѣ? — Не съ широкими безграничными взглядами, не съ готовыми теоріями, въ которыя нужно вѣрить, чтобы ихъ оцѣнить, а съ показаніями, основанными на узкомъ *неблагодарномъ* опытѣ. Такъ и слогъ ихъ рѣчей навѣрное не понравится ораторамъ. Для образца приведемъ вступленіе, которымъ начинается одинъ превосходный мемуаръ о воспитаніи бѣдныхъ (III, 355) какого-то г. Роджерса. «Я не имѣю претензіи быть педагогомъ, говоритъ онъ. Я просто приходскій священникъ. Живя среди нищихъ, я посвящаю нѣсколько свободного времени школамъ въ моемъ округѣ, мнѣ кажется, что почти всѣ страданія, которыя вокругъ себя я вижу, происходятъ отъ невѣжества и что если мнѣ удастся въ нѣкоторой степени просвѣтить моихъ прихожанъ, то ихъ положеніе улучшится. Радуюсь, что мое дѣло идетъ впередъ, правда не такъ быстро, какъ бы мнѣ хотѣлось, но по-крайней-мѣрѣ ободрительно для меня....» Не продолжаемъ дальше нашихъ выписокъ. Изъ рапортовъ правительственнаго инспектора видно, что авторъ мемуара воспитываетъ въ своемъ приходѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ, что подъ его надзоромъ находится нѣсколько

лучшихъ школъ въ Англіи, что онъ умѣетъ заохотить къ ученію самыхъ грубыхъ бѣдняковъ (III, 361). Энергія этого почтеннаго человѣка для многихъ покажется непонятной. Онъ не требуетъ и не ждетъ награды отъ начальства за усердіе, никогда не будетъ рассчитывать на вѣчную признательность современниковъ, и потомства. Онъ наввно вѣритъ, что между его бѣдняками, можетъ быть, скрывается какой нибудь Джорджъ Стивнзонъ! Живи онъ въ другой странѣ, при иныхъ условіяхъ, онъ давно бы прослылъ и считалъ себя великимъ педагогомъ, выучился бы красно говорить и хоть на короткое время приобрѣлъ бы авторитетъ знаменитости! Гдѣ репутаціи легко создаются и легко разрушаются, тамъ каждый недоволенъ обыкновеннымъ положеніемъ, преувеличиваетъ свои заслуги и старается попасть въ благодѣтели человѣчества. Напротивъ, Англичане умѣютъ найдтись во всякой жизни, довольствуются такъ сказать, будничными подвигами и дѣлаютъ свое дѣло, не думая исключительно о славѣ. Въ этомъ ихъ сила. Англія не богата гениями, люди высокаго полета, юношами, подающими надежды, честолюбивыми натурами непонятыми и сѣтующими на existence maigre, ея граждане замѣчательны тѣмъ, что они спокойно выполняютъ свой долгъ, не берутся съ жаромъ сегодня за филантропическое предпріятіе, къ которому охладѣютъ завтра, и дорожатъ своими убѣжденіями столько же, сколько своими привязанностями. У нихъ есть похвальный обычай работать надъ тѣмъ, что по силамъ, къ чему есть охота и призваніе, выбрать то, что нужнѣе, ближе, сподручнѣе и вообще не мудрствовать лукаво.

Эти счастливыя привычки англо-саксонскаго племени можно наблюдать и въ дѣятельности общества, труды котораго мы разбираемъ. Сколько здѣсь видно на каждомъ шагѣ энергіи, мужественнаго энтузіазма и практическаго смысла! Съ ученой точки зрѣнія матеріалы, добытые соціологами, далеко не одинаковаго достоинства, но для жизни имѣютъ большую цѣну. Отраднo читать, что сочувствіе къ этимъ конгрессамъ возрастаетъ; послѣднее собраніе въ Глазго, бывшее въ концѣ сентября, говорить, имѣло неслыханный успѣхъ. Правда, это не понравилось газетѣ Times *): Но нападки этой газеты на соціологовъ не

*) Статья газеты Times была перепечатана или, правильнѣе, искажена въ письмахъ лондонскаго корреспондента (?) одной изъ нашихъ газетъ. Если уже принято на Руси посылать корреспондентовъ за границу (прежде они жили на петербургской сторонѣ), то желательнo, чтобы они передъ отъѣздомъ выучивались иностраннымъ языкамъ.

слишкомъ серьезны; она во-первыхъ судить о конгрессѣ по вступительнымъ рѣчамъ, которымъ едва ли слѣдуетъ приписывать большое значеніе; во вторыхъ упрекаетъ въ дилеттантизмъ общество, вовсе неимѣющее ученыхъ претензій и наконецъ жалуется, что на митингахъ говорятъ о чемъ угодно *de omnibus rebus et quibusdam aeris*.

Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи есть дѣйствительно доля правды. Изъ нашего обзора можно было замѣтить, что социологи до сихъ поръ почти не заботились о системѣ и округленности изысканій, даже не поставили для своей области твердыхъ границъ. Но на нихъ ли однихъ падаетъ отвѣтственность за это, когда социальная наука еще не сложилась, когда матеріалы для нея не совсѣмъ готовы? Смѣшеніе здѣсь возможно и простиительно; относящіеся сюда вопросы нужно еще уяснять долго и разсматривать свободно, не стѣсняясь никакими рамками. Вопросъ о народномъ здоровьѣ имѣетъ напр. и медицинскую и общественную сторону, о народномъ воспитаніи можно говорить съ педагогической и социальной точки зрѣнія. Размѣрить эти области какъ слѣдуетъ никто пока не успѣлъ, даже не многіе думали. Занимаясь чисто практическими работами, англійскіе социологи поняли, что задачи теоріи лежатъ далеко отъ нашего времени, что для ихъ разрѣшенія еще не наступила пора.

Впрочемъ, о послѣднемъ конгрессѣ социологовъ мы не рѣшаемся судить по отрывочнымъ извѣстіямъ и поверхностнымъ отзывамъ газетныхъ корреспондентовъ. Мемуары этого конгресса выйдутъ въ свѣтъ не ранѣе февраля или марта и только тогда можно будетъ показать его значеніе.

Д. КАЧЕНОВСКІЙ.

23 Октября 1860 г.

Харьковъ.

МЕРЛИНЪ волшебникъ, соч. Эдгара Кинэ.

Merlin l'Enchanteur, par Edgar Quinet, Paris 1860.

2 vols.

Литературная эпоха, которая произвела *Contemplations, Légende des siècles* и *Merlin l'Enchanteur*, останется навсегда отиѣченной особеннымъ почетомъ въ потомствѣ. Къ сожалѣнію, однакожъ, мы должны сознаться, что эти плоды, упавшіе къ намъ, такъ сказать, невзначай, будто брошенные черезъ заборъ, выросли на другой почвѣ, которая была гораздо плодovitѣе нашей. Мы, измельчавшіе остатки поколѣнія 1848 года, мы не можемъ гордиться этимъ, потому что ни одно изъ нашихъ произведеній нельзя сравнить съ тѣмъ, что было обдуманно и исполнено нашими передовыми художниками—мыслителями 1830-хъ годовъ,—Викторомъ Гюго, Ж. Зандомъ, Ламне, Мишле,—нельзя сравнить даже съ созданіями нашего гениальнаго шалуна Альфреда де-Мюсе.

Чтобъ написать книгу, которой заглавіе выставлено въ началѣ нашей статьи, нуженъ былъ не только историкъ, но поэтъ и философъ, нуженъ былъ романистъ и біографъ. Въ ней мы видимъ и философію исторіи, и самую исторію прежде ея проявленія въ фактичной дѣйствительности, какою мечтали видѣть ее гениальные преобразователи нашего вѣка. Эта идеальная исторія, облеченная въ форму граціознаго символизма, не лишена однакожъ животрепещущей дѣйствительности. Подъ ея прозрачнымъ покрываломъ ясно чувствуется бѣненіе сердца того, кто такъ живо описалъ себя въ *Исторіи моихъ идей* (*Histoire de mes idées*). Однимъ словомъ, это произведение мысли, понятное только для тѣхъ, кто привыкъ мыслить. Многіе найдутъ его темнымъ, исполненнымъ мистицизма; но что же дѣлать? въ этомъ-то и заключается недостатокъ великихъ идей, которыя не приобретаются подобно матеріальнымъ вещамъ, и которыхъ нельзя понимать по заказу. Даже привыкшіе иногда углубляться въ чтеніе серьезныхъ книгъ, вызывающихъ на размышленіе, встрѣтятъ въ *Мерлинѣ* своего рода затрудненія. Затрудненія эти состоятъ, во-первыхъ, въ содержаніи книги и въ способѣ изложенія, свойственнаго одному Кинэ, затѣмъ въ словахъ и рѣчахъ чародѣя, понятныхъ только одному народу.

Намъ Мерлинъ кажется какимъ-то сложнымъ олицетворе-

ніемъ, представляющимъ собой кельто-французскую народность. Вникая глубже въ смыслъ поэтической идеи Мерлина, нельзя не сознаться, что это ни-что иное какъ душа самого поэта, душа всѣхъ тѣхъ, которые сродняются съ идеаломъ правосудія и свободы. Чтобъ выразить двойственный характеръ новаго міра, перешедшій къ нему изъ древняго, Кинэ избралъ народную легенду, представляющую Мерлина настоящимъ антихристомъ, рожденнымъ отъ отшельницы. Рожденный такимъ образомъ ребенокъ, находится подъ двойнымъ вліяніемъ: — матери своей, инокини Серафимы, предназначающей его къ монашеской жизни, и отца, духа зла, влекущаго его къ болѣе практической цѣли. Гениальный ребенокъ не оправдываетъ ни того, ни другаго ожиданія, и дѣлается *вошисбникомъ*. Онъ становится ученикомъ барда Тализіана, послѣдняго представителя друидической науки Кельтовъ, которой естественною наслѣдницей была Франція.

Но ни бѣлая магія, ни сокровенныя тайны знанія друидовъ не удовлетворяютъ ненасытной любознательности Мерлина. Все ученіе Тализіана было для волшебника только мистификаціей, удовлетворявшей одной суетной гордости. Когда же Мерлинъ встрѣтилъ прелестную Вивіану, приемную дочь легконогой Діаны Сицилійской, когда онъ полюбилъ въ Вивіанѣ женщину, природу и красоту, когда онъ, виваясь своими очами въ ея глаза, чувствовалъ и жизнь и смерть въ одно и то же время, только тогда Мерлинъ узналъ и почувствовалъ въ себѣ всю силу волшебства; потому, чтобъ сдѣлаться чародѣемъ, надо сначала быть самому очарованнымъ. И это очарованіе онъ нашелъ въ любви и природѣ. Съ этой минуты Мерлинъ начинаетъ обладать необыкновеннымъ могуществомъ чародѣя; въ саду своей Армиды онъ производитъ чудеса, не съ эгонстической цѣлью, а съ тѣмъ великимъ намѣреніемъ, чтобъ осуществить міровое братство въ будущемъ золотомъ вѣкѣ. Посвященные въ языки звѣрей и духовъ, Мерлинъ и его подруга разговаривали съ единорогами, эльфами, кузнечиками, гуляя по прелестнѣйшимъ и очаровательнымъ мѣстамъ. Единственными ихъ занятіями было—обращать въ ручныхъ домашнія животныя, акклиматизировать разныя полезныя растенія; въ то же время они занимались и болѣе благородными предметами. Они основали Парижъ, *городъ міра*, это и была Вивіана, которая избрала мѣстоположеніе Лютеціи.

«Однажды, когда взошло солнце, они достигли берега какой-то рѣки, вода которой была тиха, зеленовата, и пробиралась среди травъ и тростянковъ, среди дубоваго и буковаго лѣсу. Оба

берега рѣки были покрыты тѣью и объаты таинственнымъ молчаніемъ. Мѣстность, казалось, была необитаема. Только цапли, словно безмолвные часовые, недвижимо стояли на болотахъ, да дятлы, вдѣпившись стоймя за вѣтви старыхъ дубовъ, казалось, прислушиваясь ожидали, чтобъ изъ сердцевины столѣтнихъ деревьевъ раздался волшебный голосъ.

«Тотъ, кто заблуждался въ лѣсахъ Америки, могъ встрѣтить подобныя мрачныя пустоши, не зная однакожъ, останутся-ли онѣ владѣніемъ однихъ только дикихъ звѣрей, или же обратятся въ колыбель возраждающагося народа. Обратятся-ли эти мѣстности въ гнѣзда птицъ, насѣкомыхъ, останутся-ли онѣ муравейникомъ, или же составятъ современемъ цвѣтушіе города? Какъ знать? Никакая человѣческая прозорливость не въ состояніи рѣшить, кому придется на долю населить ихъ, муравью, или человѣку.

«По срединѣ рѣки путешественники замѣтили островъ, покрытый лѣсомъ, съ богатой растительностью, опушенный тополями, которыхъ вершины выглядывали сквозь густой утренній туманъ. Островъ съ виду былъ продолговатый, будто барка, которой носъ разсѣкаетъ течение воды. Подойдя ближе, они ясно могли слышать кудахтанье курицы и громкое чириканье стаи испуганныхъ воробьевъ, съ шумомъ налетѣвшихъ на яблоню, одѣтую въ полномъ цвѣтѣ. При этомъ шумѣ Мерлинъ оборачиваетъ голову. Легкій туманъ, покрывавшій землю, разсѣялся при первомъ дуновеніи утренняго вѣтерка, и взорамъ его представились деревенскія избышки, расположенныя среди островка подъ густолиственными ольхами. Дымъ, исходившій изъ хижинъ, терялся въ голубомъ воздухѣ вмѣстѣ съ утреннимъ паромъ, который окончательно разсѣвался при лучахъ осенняго солнца.

«Что за чудное мѣсто! воскликнулъ волшебникъ, какъ я хотѣлъ бы перейти туда!»

Какъ нельзя кстати тутъ же не вдалекѣ находился дровосѣкъ, приготовлявшій уже охапку вѣтвей, и собравшійся сѣсть въ лодку. Онъ отвязывалъ уже веревку, которою лодка была причалена къ берегу.

— Возьми и насъ съ собою, — сказалъ ему Мерлинъ.

— Охотно, — отвѣчалъ ему поселянинъ.

Мерлинъ и Вивіана съ улыбкой сѣли на связку вѣтвей, сложенныхъ посреди лодки.

— Какая это рѣка? спросилъ Мерлинъ.

— Сена.

— А эта деревня?

— Лютеція!

Мерлинъ, прежде чѣмъ присталъ къ берегу, обратилъ взоры свои на окрестныя мѣста, на дремучіе лѣса, среди которыхъ возвышались тогда вершины Монмартра, Сен-Клу, Валеріанской горы, подобныя густошерстымъ головамъ американскихъ зубровъ, возвышающимся надъ влажною растительностью пустынныхъ лѣсовъ Лютеціи.

Здѣсь, въ этомъ Парижѣ, который долженъ былъ обратиться въ колыбель свободы, Мерлинъ поселилъ благороднаго Артуса и его бѣлогрудую королеву Женевру, поселилъ свѣтлоглазую Изельду, бретанскаго Ноеля, Тристана Леонскаго и многочисленную свиту ихъ, состоявшую изъ бароновъ и рыцарей.

Что жъ думалъ Мерлинъ, спросите вы, о женщинахъ Лютеціи? Мерлинъ боялся ихъ. Ихъ сладкій голосъ, подчасъ насмѣшливый, сначала озадачилъ его. Вслушиваясь въ ихъ звуки, не рѣшаясь однакожъ говорить, онъ не зналъ, чему приписать ихъ, природѣ или искусству. Даже улыбка этихъ женщинъ страшила его. Несмотря однакожъ на это, онъ рѣшился открыться одной изъ нихъ, которая казалась ему красивѣе всѣхъ и называлась Изолиной. — «Не обижайся, Мерлинъ! сказала ему Изолина. Мы только-что родимся, уже смѣемся надо всѣмъ. Здѣсь, на этомъ клочкѣ земли, мы смѣемся надъ тѣмъ, что любимъ, и надъ тѣмъ, что ненавидимъ. Мы смѣемся надъ розой и шиповникомъ, надъ свободой и рабствомъ, надъ колыбелью и гробомъ, даже надъ любовью. Иногда только, — къ счастью очень рѣдко, — среди этой веселости и смѣху, грустная мысль проникаетъ въ сердце, охватывая его во всѣхъ его изгибахъ. Тогда ядъ горечи даетъ себя чувствовать болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ.

— Ты меня утѣшашь этой рѣчью — отвѣчалъ ей Мерлинъ.

Лицо Изолины въ сравненіи съ ея черными, какъ смоль волосами, было нѣсколько блѣднѣе. Чудное, высокое чело, гибкій станъ, черные, большіе глаза, которыхъ взгляды то глубокіе и нѣжныя, то строгіе и серьезные, то задумчивые, приковали къ себѣ дотога Мерлина, что онъ думалъ видѣть въ ихъ бархатныхъ отливкахъ источникъ всѣхъ чаръ, и онъ съ жадностью припалъ къ этому источнику...

Не долго продолжалась эта привязанность, это минутное заблужденіе: Мерлинъ снова возвратился къ Вивіанѣ, своей невѣстѣ, и къ этому-то времени относится прогулка, которую пред-

приняли они въ преисподнюю. Мерлинъ построилъ въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ столько храмовъ, что какое-то лихорадочное желаніе, — было-ли это чувство естественнаго противорѣчія, или необдуманное чувство сыновней привязанности, — влекло его на встрѣчу искушенію, куторое едва не овладѣло имъ совершенно. При свиданіи съ своимъ сыномъ, Мефистофель, какъ человѣкъ лѣвкій, хитрый и тонкій скептикъ, искусно расшевелилъ въ немъ чувство родства. Добрый Мерлинъ готовъ былъ уже сдаться и думалъ возвратиться снова къ преисподней, когда голосъ Вивіаны спасъ его.

— Брось! говорила ена, — забудь прошлое, которое ты не въ состояніи исправить. Теперь одно будущее можетъ принадлежать тебѣ.

Находясь еще въ подземномъ царствѣ, Мерлинъ какъ-бы прозрѣваетъ въ будущее, и предъ его глазами зарождаются событія, которыя появились въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. — На ледяныхъ вершинахъ Альпъ, на допѣ вѣчныхъ снѣговъ, онъ ужъ предвидѣлъ тѣхъ, которые впоследствии оставили имена свои исторіи, онъ ужъ говорилъ съ этими любимцами судьбы, и давалъ имъ совѣты. Не слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что Мерлинъ былъ вѣщимъ и однимъ изъ согражданъ будущаго міра?

Вы удивитесь, если узнаете, что несмотря на умъ, доброту и красоту Вивіаны, счастье ея и Мерлина продолжалось не долго. Они вскорѣ должны были разстаться.

II.

Несмотря на эту утрату, которую понесъ Мерлинъ, онъ за всѣмъ тѣмъ оставался великимъ чародѣемъ. Потерявъ свое счастье, ему оставалась однакожъ любовь. Съ этимъ чувствомъ онъ ринулся на великое предпріятіе, въ которомъ могъ найти источникъ новой жизни, и это предпріятіе было — образованіе, которое онъ предпринялъ въ отношеніи къ людямъ.

Лучшимъ его ученикомъ, встрѣченнымъ имъ съ самаго начала, былъ Жакъ Бономъ (Jacques Bonhomme), — типъ французскаго народа, котораго образъ часто встрѣчается и у другихъ націй. Простакъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скрытный, насмѣшникъ, но часто обманутый, по временамъ трусливый, иногда храбрый, — таковъ былъ этотъ новый товарищъ Мерлина. Онъ сдѣлался вѣрнымъ его спутникомъ, оказывался подчасъ неблагодарнымъ

къ его благодѣяніямъ, однимъ словомъ, онъ былъ нѣчто въ родѣ Санчо Пансо, спутника Донъ-Кихота. Съ этимъ-то товарищемъ-ученикомъ отправился Мерлинъ въ путь и куда бы онъ ни приходилъ, вездѣ щедрою рукою бросалъ благодатный посьвъ правосудія и свободы. Вездѣ онъ училъ промысламъ, давалъ законы, смягчалъ нравы: *jura dabat populis*: учреждать общины и устанавливалъ въ городахъ управленія и права. Но болѣе всего желалъ онъ основать орденъ Круглаго Стола, гдѣ на огромномъ иршествѣ собирались бы безъ различія король, принцы, рыцари и простолюдины.

Въ старомъ, неустроенномъ мірѣ, Мерлинъ положилъ начало рыцарству, которое было бы идеаломъ индивидуальной свободы. Рыцарь признавалъ надъ собой власть только одного бога и своей дамы, обязанъ былъ уважать своего короля, какъ перваго рыцаря. Онъ былъ защитникомъ вдовъ, сиротъ, наказывалъ обиды, выступалъ на бой съ чудовищами, пожиравшими молодыхъ дѣвушекъ. Однимъ словомъ, рыцарь былъ идеаломъ того бѣднаго Донъ-Кихота, котораго ошибка состояла только въ томъ, что онъ явился слишкомъ поздно на сцену, какъ и многіе другіе!

Кто же изъ насъ не испыталъ въ молодости этого чарующаго настроенія духа, едва понятнаго въ наше положительное время? Въ нашихъ поэтическихъ мечтахъ, какъ часто видѣли мы себя съ копьемъ въ рукѣ, въ шлемѣ съ развѣвающимся по вѣтру перомъ, верхомъ на огнедышущемъ конѣ, скачущихъ на поиски приключеній по горамъ и доламъ, по густымъ лѣсамъ и равнинамъ. Далѣе, не рисовало-ли намъ пылкое воображеніе молодости и встрѣчу похитителя, влекущаго въ неволю прекрасную царевну, которой жалобный голосъ зоветъ къ себѣ избавителя? Вы являетесь этимъ избавителемъ: стремительнымъ палатомъ накрываете злодѣя, ломаете ему ребра, и дѣва, въ порывѣ признательности, обнимаетъ васъ своими бѣлоснѣжными руками, а конь уноситъ васъ далѣе и далѣе, и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже погружаетесь вы въ безбрежное море восторга, не замѣчая ничего, кромѣ бѣлой одежды красавицы, да ея золотыхъ волнистыхъ кудрей. Вы летите, летите далѣе... Куда же наконецъ? Что за дѣло! вы летите и тонете въ этомъ самозабвеніи къ счастью!

Это мы говоримъ о временахъ давноминувшихъ! Но и теперь развѣ многіе изъ насъ не повѣрятъ, что Мерлинъ успѣлъ основать свое царство правосудія, гдѣ слава сильнаго состояла въ томъ,

чтобъ жертвовать собою на пользу слабого; развѣ мы не принимаемъ эти дѣтскія мечты за дѣйствительную исторію средневѣковыхъ временъ!

Не довольствуясь основаніемъ рыцарства во Франціи, Мерлинъ пожелалъ ввести его и въ другія земли; первая страна, которую онъ посѣтилъ послѣ Франціи, была Англія. Высадившись въ Дуврѣ, онъ былъ встрѣченъ тремя колдуньями отъ трехъ острововъ Великобританіи. Глаза ихъ горѣли огнемъ, влажные волосы были разметаны по плечамъ. Не обращая на нихъ вниманія, онъ заходитъ далѣе во внутренность страны, и знакомится съ Робинъ Гудомъ, знаменитымъ въ свое время вольнымъ стрѣлкомъ, джентльменомъ большихъ дорогъ, вѣчно веселымъ и всегда готовымъ на молодецкій подвигъ въ густомъ лѣсу, или въ морѣ во время бури. Его-то научилъ Мерлинъ стричь шотландскихъ овецъ, откармливать барановъ, научилъ рудокопству и выдѣлкѣ желѣза.

Чему однакожъ исключительно удивился онъ въ этой странѣ, — это были томные глаза женщинъ, которые напоминали ему цвѣточки — скороспѣлки, распускающіеся подъ снѣгомъ. Что-же касается мужчинъ, онъ даже былъ того мнѣнія, что это лучшіе люди въ свѣтѣ, судя по ихъ цвѣтущимъ лицамъ. Къ несчастію, онъ вскорѣ разочаровался, и пришелъ къ тому убѣжденію, что большая часть изъ нихъ носила въ груди своей самое черствое сердце. Открытіе это тяжело опечалило Мерлина. Онъ снова прозрѣлъ въ будущее и ему представились всѣ потоки крови, которые обогрили эту землю впоследствии, и казнь Іоанны д'Аркъ ясно представилась его пророческому взору: Мерлинъ не выдержалъ; онъ произнесъ страшное проклятiе Джону-Булю, и это проклятiе породило тѣ губительныя войны, которыя разыгрались между Франціей и Англіей въ послѣдующія времена.

Мерлинъ, оставивъ Англію, отправился черезъ ватерлооское поле, въ Германію. Въ Майнцѣ онъ знакомится съ докторомъ Фаустомъ; но не могъ съ нимъ ужиться. Заносчивость Нѣмца не могла вынести того чувства, которое ясно показывало Фаусту все превосходство французскаго чародѣя. Они впрочемъ разстались прiятелями и Мерлинъ, послѣ многихъ приключеній, прибылъ въ Италію, именно въ Верону, гдѣ остановился у красавца — Ромео. Здѣсь онъ встрѣтилъ также и императора Макса во главѣ рейтеровъ, сенешаловъ и ландскнехтовъ. Нѣмецъ тотчасъ приказалъ ему заговорить и придать

волшебную силу его скинтру, бердышу и мечу, но Мерлинъ рѣшительно отказалъ.

Мерлинъ наравнѣ съ Франціей любитъ Италію, и щедрой рукой даритъ ее счастьемъ и благодатью. Онъ даже считаетъ за честь вписаться въ число гражданъ Флоренціи, не смотря на то, что въ этой-то именно странѣ ему пришлось выдержать самую ужасную борьбу съ мрачными силами ада. Не надо забывать, кто былъ его отцомъ, и Мерлинъ, едва отстранялъ влияние темнаго духа. Искуситель употребилъ для этого всѣ средства своей чарующей силы. Онъ началъ съ самой тонкой, извительной прони, пустилъ въ ходъ всѣ искушенія адскаго соблазна, но все это было напрасно. Сатана пришелъ въ отчаяніе, но не призналъ себя побѣжденнымъ. Онъ рѣшился ждать сына своего въ Римѣ.

Въ вѣчномъ городѣ молва распространила уже слухъ, что Мерлинъ былъ такимъ чародѣемъ, которому извѣстны были всѣ дѣла тьмы кромѣшной.

«Однакожь, когда онъ собиралъ полевыя маргаритки въ баняхъ Каракаллы гдѣ ему особенно нравилась мѣстность съ ея величавой дикостью, солдаты взяли его подъ стражу. Связавъ его (онъ не противился имъ), они привели его затѣмъ въ крѣпость Св. Ангела, которая изъ гробницы обратилась въ тюрьму.»

Его готовились судить какъ еретика, какъ волшебника. Страшныя орудія пытки были разложены, а черный сатана, отецъ Мерлина, пріютившись на капители старой колонны, все это видѣлъ и радовался адской радостью. Мерлинъ былъ приведенъ предъ трибуналъ, предсѣдательствуемый каноникомъ Власіемъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ законодѣдовъ. Онъ торжественно усѣлся на первомъ мѣстѣ и готовился обличить Мерлина въ ереси, затѣмъ видѣть его, какъ онъ долженствовалъ погибнуть на кострѣ.

Но въ это время, съ другой стороны горъ вдохновеніе Вивіаны пронеслось чрезъ обширныя пространства и проникло въ сердце Мерлина. Легіоны добрыхъ геніевъ прилетѣли къ нему на помощь, и онъ произнесъ заклинаніе:

«Если душа моя полна чарующей силы.... я приказываю, всѣхъ ихъ заключить въ невидимомъ кругѣ!»

И съ того же мгновенія, Власій и прочіе доктора остались заключенными въ тѣсномъ волшебномъ кругѣ, остались въ тѣсной сферѣ глупыхъ понятій прошлаго, остались неподвижны въ

своихъ знаніяхъ, въ тѣсной связи съ преданіемъ, однимъ словомъ — остались злѣйшими врагами всякаго прогресса.

Такимъ образомъ онъ прошелъ это горькое испытаніе, выпадающее обыкновенно на долю всѣмъ гениальнымъ силамъ, которыя обречены на борьбу съ предразсудками глупой толпы и суевѣріемъ ханжей. Если Мерлинъ не погибъ на кострѣ, если онъ не подвергся той же участи, какой подверглись Іоанна д'Аркъ, Ванпиз, Альбигойцы и Савонорола, изведенные фанатическимъ духовенствомъ, это потому, что онъ, представляя въ себѣ гений человѣчества, не могъ погибнуть по одному приговору инквизиціоннаго суда.

Черезъ классическую Грецію Мерлинъ спѣшилъ посѣтить Византію, гдѣ былъ свидѣтелемъ разрушенія этой имперіи. Онъ нашелъ ее въ полномъ разложеніи. Мерлинъ присутствуетъ на праздникахъ въ честь лицемѣрію, на играхъ народныхъ, опозоренныхъ всѣми злодѣянiami; на академическихъ спорахъ, гдѣ декламировали въ носъ лирическія поэмы, состоявшія исключительно изъ напыщенныхъ выраженій, лишенныхъ всякаго смысла. Онъ былъ также свидѣтелемъ гнуснаго обычая, съ какимъ совершались тамъ брачныя связи. Рѣчь идетъ о вступленіи въ бракъ Евросиніи:

«Всѣ князья и державцы были приглашены разложить свои сокровища на асфодильской равнинѣ. Затѣмъ они обратили ихъ въ кучу пепла, прикрывъ ихъ тонкими золотыми пластинками. Оказалось, что груда золы Алифантина была больше другихъ, и его-то Евросинія выбрала себѣ въ мужья, не взгнувъ даже на него; между тѣмъ какъ онъ былъ уже старъ, дурень собой и черствъ сердцемъ».

Всѣ тѣ, которые могли бѣ быть и даже были людьми благонамѣренными, всѣ они имѣли лица желтыя, взглядъ безпокойно-уклончивый, тѣло расплывшее. Что же до ихъ совѣсти, то она вообще выражалась у нихъ особеннаго рода грустью, подлинною которой они старались вымогать у искателей мѣстъ какъ можно болѣе денегъ. Подкупъ и продажность были повсемѣстны. Онѣ доходили до яснаго, гласнаго предательства, какъ народныхъ, такъ и государственныхъ интересовъ, а грамотѣи не стыдились провозглашать имъ въ напыщенныхъ риторическихъ выраженіяхъ хвалу, какъ людямъ, преданнымъ народу и государству. Безграничное поклоненіе софизму вытѣснило господство правды:

Мерлинъ дошелъ почти до преддверій рая и сдѣлалъ бы большую ошибку, еслибъ не вошелъ въ этотъ эдемъ челоувѣчества. Герой нашъ задумался: не то ли это мѣсто куда бы онъ могъ удалиться съ своею невѣстой Вивіаной? но вдругъ ему пришла другая мысль, зародилось сомнѣніе, достаточно-ли онъ чистъ для того, чтобъ поселиться въ такомъ убѣжищѣ? Не то же-ли сомнѣніе выказалъ и Дантъ, когда онъ, провожаемый Виргилиемъ, прежде чѣмъ рѣшился вступить въ глубокознаменательный путь, имъ описанный, спросилъ его:

Guarda la mia virtù, s'el é possente
Primo ch'all alto passo tu mi fidi!

«Посмотри на мою нравственность, достаточно-ли она сильна, прежде чѣмъ ты посвятишь меня въ таинства этого высокаго пути!» — Но Мерлинъ убѣдился, что земной рай не будетъ въ состояніи удовлетворить всеѣмъ сердечнымъ желаніямъ новѣйшаго чародѣя; нужно было отказаться отъ этой мечты, забыть ее.

Онъ рѣшился лучше всего удалиться съ своею невѣстой въ Эльдорадо Америки, которое отправился открыть, и такимъ образомъ показалъ первый дорогу грядущему Колумбу. — «Весло выпало у меня изъ рукъ, — писалъ онъ Вивіанѣ, — но приливъ увлекъ меня къ плоскому берегу. Въ это время всходило солнце. Казалось что оно въ первый разъ освѣщало эту дѣвственную страну!» — Описывая въ яркихъ краскахъ природу новаго свѣта, Мерлинъ думалъ уговорить Вивіану переѣхать въ эту новую землю, но она не отвѣчала ему. Долго ждалъ онъ отвѣта, живя у гостепріимнаго короля Испаніи Алифанитина, строилъ ему замки, крѣпости и увеселительныя зданія; онъ не жалѣлъ ничего, и щедро надѣлялъ страну всеѣми избытками своего гениальнаго искусства, для того только, чтобъ еще болѣе украсить эти плѣнительныя мѣста. Но проходили дни за днями, а отъ его возлюбленной Вивіаны не было никакой вѣсточки.

Надо сказать, что переѣзжая съ одного мѣста на другое, посѣщая одну страну за другою, Мерлинъ часто увлекался красотой женщинъ, если онѣ хоть нѣсколько напоминали собой отдаленныя черты его возлюбленной подруги. Но это увлеченіе не было измѣной, и Вивіана постоянно царилъ въ его сердцѣ, образъ ея ежеминутно проносился въ его воображеніи. Такимъ образомъ увлекся онъ красотой прелестной гондольерки Неллы въ Венеціи, въ угоду которой онъ построилъ Бучентауро, Базилику Св. Марка, Ріальто, однимъ словомъ — всю царицу морей —

Венецію. Далѣе, у береговъ Мистры, онъ спасаетъ жизнь молодой гречанки Марины, которую бросилъ въ воду эмиръ этого города, зашитую въ мѣшкѣ. Затѣмъ, на берегахъ Ганга, онъ привязывается къ Саконтаѣ, которую вскорѣ смѣняетъ молодая Индіанка, Омеанія.

Но чтобъ положить конецъ постояннымъ странствіямъ бѣднаго чародѣя, его постоянно тревожному состоянію души, и пожалѣть несчастную Вивіану, Діана сицилійская рѣшилась соединить ихъ снова и взялась сама привести это дѣло къ счастливому концу. Она написала Мерлину письмо, которое было совершенствомъ доброты, ума и граціи. Въ этомъ письмѣ Діана исчисляетъ Мерлину приданое, какое можетъ принести ему Вивіана.

— Она принесетъ тебѣ перлы, рубины, алмазы.

— Шелковые пояса съ семицвѣтными отливами радуги небесной.

— Коралловые дворцы, воздвигнутые на днѣ морской глубины.

— Воздушные замки, города и моря изъ опала и изумруда.

— Кромѣ того все царство сна со всѣми его видѣніями.

— Затѣмъ стадо взнузданныхъ ипогрифовъ, готовыхъ къ твоимъ услугамъ. Мы пропускаемъ большую часть этого волшебнаго приданого Вивіаны, скажемъ только, что Мерлинъ рѣшился, и послѣ долгой разлуки, онъ отправился въ царство Артуса, чтобъ соединиться навсегда съ своей возлюбленной.

Не думайте однакожь, чтобъ эта мировая Вивіаны и Мерлина положила начало блаженству человѣчества? Нѣтъ, счастье не такъ легко, не такъ дешево дается людямъ.

III.

Возвратившись въ царство Артуса, Мерлинъ надѣялся, что Вивіана выйдетъ къ нему навстрѣчу. Это было первымъ его разочарованіемъ! Чѣмъ болѣе подвигался онъ впередъ, вездѣ взоры его встрѣчали одиѣ развалины, за которыми тянулись новыя развалины. Основанное имъ царство не могло выдержать долгаго отсутствія своего строителя, и со всѣхъ концовъ приходило къ упадку. Только многіе изъ его лучшихъ друзей могли узнать его, и то не по тому, чтобъ онъ измѣнился, но ихъ собственная старость и бѣдность до-того ослабили ихъ взоры и память, что они едва могли узнать своего общаго благодѣтеля. Но болѣе всего измѣнилось народонаселеніе страны, вслѣд

стыѣ страшнаго бича, которому оно подверглось, а именно, вслѣдствіе нравственной чумы, заразившей все общество. Страницы, на которыхъ изображена эта зараза, ужасны.

«Артусъ, благородный король будущности, лежалъ въ постели въ одной изъ обширѣйшихъ комнатъ своего дворца, усыпанной мелкимъ тростникомъ. Онъ страдалъ тою же болѣзнію, какую страдали его народы.

«Королева Женевра, обложивъ его чело амулетами, лежала тутъ-же на разостланной медвѣжьей шкурѣ, у ногъ своего влстителя.

«Отчего былъ болѣнъ Артусъ?

«Была-ли это старость? Онъ только-что дожилъ до годовъ зрѣлаго возраста, а между тѣмъ уже чувствовалъ всю тяжесть глубокой дряхлости.

«Была-ли то отъ пресыщенія тѣми благами, которыя такъ обильно излились на него? Онъ признался, что далекъ былъ отъ пресыщенія, и между тѣмъ въ немъ потухла уже прежняя жажда къ правосудію.

«Отъ оконечностей его членовъ холодъ проникалъ въ самое сердце. Глаза, вращавшіеся въ кровавыхъ орбитахъ, казалось сохранили еще остатокъ жизни. Скорченныя его руки искали рукоятъ меча, который лежалъ подъ его изголовьемъ. Знаками онъ хотѣлъ сказать, что мечъ его ржавѣетъ отъ заражительнаго дыханія злыхъ, и трепетно прижалъ его къ своей груди....

«Пронзительный крикъ раздался въ комнатѣ больнаго, и былъ слышенъ во всемъ дворцѣ.

«Артусъ, король Артусъ не существовалъ болѣе!»

Онъ однакожъ не умеръ; но темная ночь, столь же глубокая, какъ и смерть, закрыла его глаза, скрывъ отъ нихъ дневной свѣтъ.

Глубокимъ сномъ спалъ Артусъ, но также глубока была горестъ и въ душѣ Мерлина. Чародѣй почувствовалъ полное разочарованіе! Имъ овладѣли самыя черныя, безотрадныя мысли, но, къ счастью, Вивіана умѣла спасти его. Она врасплохъ захватила Мерлина въ дремучемъ лѣсу, въ то самое мгновеніе, когда онъ предавался безпредѣльному отчаянію; жгучими поцѣлуями она погрузила его въ глубокій сонъ, заключила и замуровала въ обширной гробницѣ, и сама поселилась въ ней сторожить сонъ своего возлюбленнаго.

Еще и теперь Артусъ спитъ вмѣстѣ съ семью уснувшими великанами; еще до-сихъ-поръ Мерлинъ и Вивіана не выходили изъ очарованной своей гробницы!

Въ-самомъ-дѣлѣ, все то, чѣмъ такъ богаты были среднія вѣка, все это сдѣлалось какъ бы недоноскомъ ихъ. Но разсвѣтнѣй день занимался чудною зарей, хотя лучи его никогда не освѣтили ясно глубокую, полярную ночь средневѣковаго времени. Это отдаленное, романтическое время скрывало въ своихъ нѣдрахъ самую печальную жизнь, — историческій рядъ именъ, крови, убійствъ, преступленій, голода и продолжительныхъ войнъ. Исторія раскрыла, что эти гордые, убранные въ перья рыцари, были ничто иное, какъ разбойники большихъ дорогъ; неумолимая, она разъяснила, что пресловутый императоръ, такъ называемой Св. имперіи, былъ жалкимъ вѣнценосцемъ! Ему-то, отъ времени до времени, римскій папа продавалъ несчастную Италію; и замѣнъ нѣкоторыхъ мучениковъ святой, великой мысли, какъ-то Яна Гусса и Арнольда Бресніи, принесенныхъ ему въ жертву, — онъ позволялъ нечестивымъ полкамъ Тевтона безнаказанно грабить и опустошать страну благодатной Авзоніи! Но вотъ послѣ этой ужасной эпохи, по прошествіи почти двѣнадцати столѣтій, занялось — было утро возрожденія. Въ этотъ счастливый день гений человѣка приблизился снова къ природѣ, отъ которой прежде отрекся. Онъ снова связалъ свои воспоминанія съ Греціей, снова заглянулъ въ Гомера и Платона; взоры его снова обратились къ богамъ и богинямъ, наполнявшимъ Партедонъ древняго міра. Но это было сновидѣніе, мелькнувшее передъ Европой быстро и безслѣдно. Это была мгновенная реакція католическаго юга, протестъ ума и чувства, закованныхъ въ цѣпи схоластическаго ученія. Но сонъ быстро исчезъ и эпоха возрожденія смѣнилась реформой, пробудившей къ дѣйствительности Сѣверъ. Реформа въ свою очередь достигла своей цѣли только на-половину. Связь съ прошедшимъ была разорвана: рыцарство и феодальная система пали навсегда; Артусъ находился въ предсмертномъ издыханіи, но спустя нѣсколько времени, вслѣдствіе какого-то геройскаго вдохновенія, человѣческій гений вошелъ снова въ овчарню инквизиціи, которая заключила его въ формы статей тридентскаго Собора. Это случилось нѣ то время, когда Вивіана, страшась потерять снова своего возлюбленнаго, заключила его въ каменную гробницу. Но время ихъ заключенія не прошло даромъ. Они продолжали любить другъ-друга, какъ любились Ромео и Юлія, Абельяръ и Элюиза.

Мерлинъ, занятый счастьемъ будущности, принялся за огромный литературный и философскій трудъ, написалъ большое количество книгъ самаго разнообразнаго содержанія, въ числѣ которыхъ можно отличить нѣсколько рыцарскихъ романовъ, басни Лафонтена, повѣсти Вольтера, Раблэ, комедіи Мольера и исторію Франціи Мишлэ. Несмотря на ихъ заключенность въ тѣсныхъ стѣнахъ гробницы, Мерлинъ и Вивіана были однакожъ живы, такъ что отъ нихъ родился красивый юноша Формозъ. Юноша этотъ слишкомъ еще молодъ, и тогда только войдетъ въ свѣтъ, когда отецъ и мать совершатъ его образованіе.

Кромѣ этого общечеловѣческаго смысла, затаеннаго въ легендѣ Мерлина, въ ней не трудно замѣтить выраженіе средневѣковаго дуализма. Самое рожденіе чародѣя вноситъ начало внутренней борьбы во всю его жизнь. Въ образѣ темнаго духа ясно проглядываетъ эта мрачная, гнетущая сила, которая давила собой лучшіе помыслы, желанія и порывы средневѣковой Европы; въ образѣ Вивіаны, существѣ нѣжномъ, слабомъ и прекрасномъ чувствуется геній добра и свѣтлая идея прогресса. Между этими противоположными силами развивается жизнь и дѣятельность Мерлина. Онъ постоянно борется съ ними, и не выдержавъ борьбы, впадаетъ въ летаргическій сонъ, подъ вліяніемъ враждебнаго начала, впредь до пробужденія къ новому и лучшему существованію.

Представивъ содержаніе и разборъ сочиненія Эдгара Кинэ, мы должны замѣтить, что это трудъ цѣлой жизни его, построенный смѣлой и искусной рукой гениальнаго писателя. Это — эпопея поэта нашего времени, проникнутая мощнымъ вдохновеніемъ, несмотря на то, что съ перваго взгляда она кажется отрывочной, и будто состоящей изъ отдѣльныхъ, хотя и окончанныхъ обломковъ.

У истинныхъ художниковъ, т. е. у художниковъ по призванію, форма идеи рисуется въ ихъ воображеніи вмѣстѣ съ содержаніемъ этой идеи. Въ широкой картинѣ Мерлина глубокая мысль совершенно гармонируетъ съ поэтическимъ языкомъ художника. Всѣ лица, выводимыя имъ на сцену, обозначены яркой кистью, въ рѣзкихъ чертахъ, съ оконченной рельефностью.

Чтобъ договорить послѣднее слово объ этомъ произведеніи французскаго поэта, и указать на его недостатки, если только самая взыскательная критика сумѣетъ открыть ихъ, мы скажемъ, что съ внѣшней стороны въ этой эпопее кое-гдѣ встрѣ-

чаются слишкомъ длинныя вставочныя эпизоды. Потомъ историческая часть поэмы во многомъ уступаетъ ея философской половинѣ, и первое, что бросается въ глаза, — это отсутствіе тѣхъ знаменательныхъ эпохъ, какъ-то: крестовыхъ походо́въ и изобрѣтенія книгопечатанія, которыхъ вліяніе для новой Европы имѣло міровое значеніе. Поэтъ съ особеннымъ жаромъ принимается рисовать ужасную роль, какую играло папство средневѣковаго Рима, уничтожившее вмѣстѣ съ Альбигойцами цѣлый народъ, цѣлую эпоху и вмѣстѣ съ ней всю ея цивилизацію. Онъ живо воспроизводитъ духъ и направленіе этой жалкой власти, породившей инквизицію, и отточившей ножъ для Варроломеевской ночи! Таково произведеніе Эдгара Кинэ, представленное нами въ общихъ, летучихъ чертахъ, и которое, скажемъ еще разъ, смѣло можетъ занять лучшее мѣсто въ ряду поэтическихъ произведеній новой Европы.

Э. РЕКЛЮ.

С М Ъ С Ъ .

Современная англійская литература *).

Въ настоящее время англійская литература неоспоримо заслуживаетъ въ высшей степени серьезнаго вниманія русскаго народа. Блестящіе и вѣрные своимъ началамъ писатели Франціи останавливаются на интересахъ, чуждыхъ современной французской жпзни. Лучшіе изъ нихъ работаютъ для иностранныхъ литературъ.

Философская германская литература, нѣкогда рассадникъ великихъ идей, до того измельчала своими отвлеченными теоріями, что не даетъ той умственной пищи, которая именно въ настоящее время необходима Россіи. Россія нуждается не въ абстрактномъ, а въ реальномъ направленіи для развитія своей жизни путемъ естественнаго прогресса.

Англійская литература доставляетъ читателю широкій рядъ мнѣній по всѣмъ интереснѣйшимъ предметамъ, — политикѣ, религіи, философіи, искусству и наукѣ, возбуждаетъ сочувствіе и вызываетъ дѣятелей къ различнымъ предпріятіямъ. Здѣсь мы разумѣемъ сочувствіе между писателями и большою массою ихъ соотечественниковъ. Какъ незначительны были власть и вліяніе слова, когда Тома Аквинскій (Thomas Aquinas) упражнялъ свой тонкій умъ въ казуистикѣ; какъ мало умовъ слѣдовало за док

*) Печатаемая статья, написанная нашими заграничными сотрудниками исключительно для Русскаго Слова, мы одинъ разъ и навсегда должны оговориться, что это не компиляція и переводы уже изданныхъ сочиненій, а самостоятельные труды извѣстныхъ европейскихъ писателей.

торомъ — богословомъ по лабиринту его выводовъ! То-же самое можно сказать о всѣхъ писателяхъ того и даже позднѣйшаго времени. Тогда не существовало сочувствія между ученымъ и неученымъ, между писателемъ и читающей публикой. Совершенно другое видимъ мы, когда Шекспиръ писалъ; когда Лютеръ проповѣдывалъ, когда истина выходила изъ сердца одного человѣка и прямо заходила въ сердца тысячи людей. Тогда литература стала силою, а ея развитіе и распространеніе — благодѣяніемъ для человѣчества. Видя въ Англіи это развитіе и распространеніе печатнаго слова, эту внутреннюю связь между обществомъ и писателями, мы намѣрены обратить вниманіе нашихъ читателей на современное состояніе литературы въ этой странѣ.

На первый разъ мы предлагаемъ ознакомиться съ важнѣйшими англійскими сочиненіями, появившимися въ послѣднее время; мы увѣрены что большая часть нашего умственнаго богатства неизвѣстна даже по слуху, по ту сторону балтійскаго моря.

При перечисленіи современныхъ книгъ, мы будемъ держаться слѣдующаго порядка:

Религія и философія, — политика и общественные вопросы, — наука и искусство, — исторія, біографія, путешествія, и изящная словесность.

Замѣчательная черта современной англійской литературы заключается въ томъ, что сочиненія, касающіяся религіозныхъ вопросовъ, продолжаютъ занимать въ ней столь обширное и видное мѣсто. Другіе образованные народы уже давно дошли до какого нибудь результата по этому предмету, но Англія уперно держится старинныхъ идей и преданій, и чѣмъ она дорожила однажды, съ тѣмъ разстается медленно и неохотно. Въ этомъ ея консервативная рутинная, и въ то же время сила и постепенное движеніе впередъ безъ насильственныхъ потрясеній и революцій à coup de bâche. Необходимо знать это, чтобъ понять волненіе, произведенное въ Великобританіи появленіемъ книги подъ заглавіемъ: *Опыты и обзорнія* (Essays and Reviews). Эти опыты вышли изъ-подъ пера семи духовныхъ лицъ, учителей или профессоровъ въ университетахъ или школахъ; и скорѣе имена авторовъ, чѣмъ содержаніе книги придаютъ этому изданію значеніе. Эти ученые и занимающіе въ обществѣ высокое положеніе, какъ наставники молодого поколѣнія, должны-бы отважно и искренно стать лицомъ къ вопросамъ, которые представляются всякому испытующему уму именно теперь, когда въ Англіи духъ

религіозныхъ партій почти исчезъ. Въ Германіи показалось бы смѣшнымъ, что сомнѣніе въ хронологической и геологической точности одной изъ библейскихъ книгъ обращаетъ на себя въ настоящее время какое-либо вниманіе. Между тѣмъ этого-то рода скептицизмъ, исходящій отъ лицъ англійскаго духовенства, привлекаетъ на нихъ тяжкія обвиненія въ невѣріи и неспособности къ занимаемымъ имъ должностямъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что самая масса народа, не заинтересованная ни личными выгодами, ни соперничествомъ партій, совершенно равнодушна къ такимъ вопросамъ. И мы касаемся ихъ единственно потому, что надъ религіей Англій вѣетъ духъ новаго анализа, обещающаго великіе результаты религіозной свободѣ нашей страны. Лучшая критика «Обытовъ» явилась въ октябрьской книжкѣ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*.

Сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Проблески неба, окружающаго насъ* (Glimpses of the Heaven that lies about us, by J. E. Rooynting. 1860) вноситъ философскую мысль въ область вѣры болѣе смѣлой рукою, чѣмъ предъидущес. Въ противоположность тезису Огюста Конта, что богословская эра миновала и наступила эра положительная, авторъ утверждаетъ, что *наступила эра, когда теологія и позитивизмъ составляютъ одно, потому что причина всему одна и ее не далеко искать*. Онъ продолжаетъ доказывать, что его ученіе, которое читатели могутъ считать пантеизмомъ, въ дѣйствительности вовсе не таково. Авторъ, какъ онъ самъ выражается, только шьетъ опредѣлить библейскую форму вѣры и согласить ее съ положительнымъ догматомъ вѣка. Книга очень богата матеріалами для мыслящаго читателя.

Вообще мы замѣчаемъ въ умѣ Англичанъ склонность примирить, на сколько возможно, ученіе метафизическое съ ученіемъ откровенія. Говоря словами одного писателя «сдѣлано усиліе перекинуть мостъ черезъ пучину, которая раздѣляетъ ученый міръ отъ теологическихъ воззрѣній».

По философіи мы укажемъ на изданіе послѣдней части лекцій Уильяма Гамильтона. Это — два тома о логикѣ; первые два, напечатанные въ прошломъ году, заключали въ себѣ метафизику. Лекціи покойнаго шотландскаго профессора были большею частію набросаны въ ихъ общей формѣ въ одинъ курсъ, но къ нимъ присоединено множество прибавленій и дополненій. Мы не можемъ имѣть притязанія разобрать достоинство философіи Уильяма Гамильтона въ настоящемъ очеркѣ, тѣмъ болѣе, что настоящіе два тома не знакомятъ ясно съ его системой; они

скорѣе — складъ цѣннаго матеріала, который, чтобъ сдѣлаться полезнымъ для всѣхъ студентовъ, потребуетъ дальнѣйшей разработки со стороны другихъ спеціалистовъ. Одинъ изъ издателей лекцій — мистеръ Манзель, отличнѣйшій ученикъ Уильяма, который еще недавно напечаталъ отдѣльно свой собственный трактатъ о метафизикѣ, написанный первоначально для британской энциклопедіи. Главная черта ученія послѣдняго, по его собственному выраженію, — *философія условнаго*, или, говоря словами заглавія книги, *философія сознанія феноменальнаго и реальнаго*. Мы не станемъ разсматривать въ подробности этотъ обширный и спорный вопросъ, а будемъ продолжать нашъ обзоръ и укажемъ на сочиненіе мистера Бена, новаго профессора нравственной философіи въ Эбердинѣ, двѣ книги котораго «*Чувство и Разумъ*», «*Волеиіе и Воля*» составляютъ вмѣстѣ психологическое ученіе, плодъ долговременнаго труда, заслуживающій серьезнаго вниманія критики. Въ этомъ сочиненіи онъ ярко освѣтилъ физиологическіе и психологическіе процессы въ формѣ, какъ мы обыкновенно говоримъ, добровольныхъ и недобровольныхъ отправленій. Съ замѣчательнымъ искусствомъ онъ развиваетъ теорію Іоганна фонъ-Миллера, что хотѣніе есть звѣно между дѣйствіемъ и чувствомъ; онъ даетъ весьма много поучительнаго и направляющаго къ разрѣшенію трудныхъ проблемъ воли.

Значительное вниманіе обратило на себя другое метафизическое сочиненіе мистера Джемса Мак-Коша, подъ заглавіемъ: *Созерцаніе ума индуктивно изслѣдованнаго*. (The intuitions of the mind inductively investigated). Авторъ — профессоръ логики и метафизики въ королевской коллегіи, въ Бельфастѣ, разбираетъ подъ этимъ заглавіемъ основанія онтологіи, психологіи, этики и теологіи. Онъ пишетъ понятно, опредѣленно; не менѣе поучительна часть его сочиненія, гдѣ онъ говоритъ о прежнихъ писателяхъ по тому же самому предмету. Знакома намъ съ своимъ взглядомъ на справедливое и несправедливое въ ихъ мнѣніяхъ, онъ даетъ возможность получить довольно ясное понятіе о направленіи его собственныхъ мнѣній. Примѣры полезнаго наставленія; въ собственной системѣ философа мы имѣемъ его наставленіе, а въ его критикѣ другихъ философовъ мы находимъ лучшіе примѣры.

Заклучимъ наше обзорѣніе новыхъ философскихъ книгъ, указаніемъ на послѣднія сочиненія ученаго доктора Вевеля, ректора коллегіи св. троицы въ Кембриджѣ.

Укажемъ именпо на *Философію откровенія* и на *Платоновы*

разговоры. Основаніемъ перваго сочиненія служить двѣнадцатая книга его *Философіи Индуктивной Науки*, въ которой прибавлены различныя главы. Итакъ мы знакомимся съ перечнемъ и съ критикой мнѣній, начиная съ Платона и Аристотеля до нашего времени.

Историческая связь мнѣній имѣетъ большое достоинство для студента, а теоретическій отдѣлъ представляетъ общій интересъ, особенно для естествоиспытателей, не теряющихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ цѣльнаго философскаго взгляда.

По отдѣлу политики англійская печать очень бѣдна въ послѣднее время. Послѣ книги Милля «Свободѣ» мы не имѣемъ ни одного замѣчательнаго произведенія. Столбцы Times'a поглощаютъ лучшія способности и силы нашихъ публицистовъ. Покойный билъ о реформѣ вызвалъ въ продолженіе своего краткаго существованія одну или двѣ небольшія книги. *Два опыта о конституціонной реформѣ*, Джона Колинза отлпчаются развѣ только тѣмъ, что имѣютъ доброе намѣреніе возвысить литературу и литераторовъ на болѣе важное мѣсто въ государствѣ, чѣмъ то, которое они занимаютъ нынѣ. Его теорія, по нашему мнѣнію, ошибочна: политика для своихъ разнообразныхъ интересовъ требуетъ, людей дѣйствія; мыслители и писатели должны зрѣть въ сферѣ болѣе спокойной, чѣмъ политическая арена, если желаютъ имѣть обширное и постоянное вліяніе. Это такъ вѣрно, что покойный историкъ Макозэ тѣлъ выше становился въ общественномъ мнѣніи, какъ писатель и художникъ, чѣмъ дальше отходилъ отъ парламентской сцены.

Сэръ Джонъ Уольшъ, баронетъ и Торп старой школы, написалъ и напечаталъ свой протестъ противъ всѣхъ новыхъ билей о реформѣ, подъ заглавіемъ: *Практическіе результаты акта о реформѣ 1832 года*. Это просто политическій памфлетъ, не вызывающій даже на серьезную улыбку. Другой сотрудникъ по политической литературѣ за нынѣшній годъ — лордъ Вроттесли, членъ королевскаго общества, отъ котораго можно было бы ожидать, что онъ не напечатаетъ ничего такого, что не прибавило бы наставленія для правительствъ.

Однако сочиненіе его, подъ заглавіемъ: *Мысли о правительствѣ и законодательствѣ* не оригинальный трактатъ по этому предмету, а скорѣе политическій этюдъ, составленный изъ выписокъ съ объяснительными и критическими замѣчаніями и съ очеркомъ настоящаго положенія Англій, преимущественно въ отношеніи правительства и законодательства. Изъ сочиненія видно, что ав-

торъ челоуѣкъ хорошо образованный, мыслящій и либеральный. Книга его представляетъ полезный перечень предметовъ, а потому весьма важна для читателей, желающихъ избавиться отъ труда перелистывать множество книгъ.

Полезный небольшой томъ мистера Роуланда заслуживаетъ особеннаго вниманія; онъ озаглавленъ: *Руководство къ конституціи, съ обзоромъ ея происхожденія, развитія и настоящаго положенія*. Соглашаясь въ главныхъ чертахъ съ мистеромъ Галамомъ, мистеръ Роуландъ предлагаетъ читателямъ мало новаго, но его книга превосходный сборникъ случайностей, ознаменовавшихъ развитіе англійской конституціи и представленныхъ съ точки зрѣнія челоуѣка зоркой мысли. При томъ въ немъ есть дѣльный очеркъ совокупности дѣйствій, посредствомъ которыхъ англійское правительство выработалось до настоящаго своего положенія. Это карманный Блекстонъ о конституціонномъ законѣ Англій. О сочиненіяхъ: *Опыты свода англійскихъ законовъ и т. д. господина Телькампа* и переводъ Стирлинга — *Harmonies economiques, Bastia*, съ краткою біографіею оплакиваемаго автора — мы упоминаемъ какъ о книгахъ, хотя и достойныхъ вниманія, но не производящихъ особеннаго вліянія на современниковъ.

Мы знакомимся съ предметомъ болѣе практичнаго характера изъ серьезной книги объ общественномъ доходѣ и потребленіи, — мистера Леона Леви: *О налогахъ*. Здѣсь нѣтъ разсужденій объ отвлеченныхъ основаніяхъ налоговъ, а только ясное изложеніе догматовъ, на которыхъ основана англійская система. Книга содержитъ критическую исторію всѣхъ существующихъ налоговъ и обзоръ администраціи національнаго дохода. Настоящее финансовое положеніе страны представлено въ сокращенной формѣ; къ каждому отдѣлу предмета приложены таблицы прогресса каждаго налога въ особенности и отчеты о дѣйствіяхъ новѣйшихъ перемѣнъ. Какъ прибавленіе къ теоретическимъ книгамъ объ этотъ предметъ, это сочиненіе весьма важно и смѣло можетъ быть рекомендовано, какъ хороший сборникъ фактовъ по предмету англійской финансовой системы. Мистеръ Леви доказываетъ, что, вопреки увеличивающимся ежегоднымъ расходамъ британскаго правительства, средства націи увеличивались въ довольно значительной пропорціи. Касательно распредѣленія налоговъ, мистеръ Леви основательно разбираетъ вліяніе пошлинъ, акциза, налоговъ и набора для бѣдныхъ въ различныхъ классахъ общества и вообще обнаруживаетъ справедливость требованій и симпатію въ пользу высшаго, средняго и рабочаго класса.

Два дополнительныхъ отдѣла его сочиненія содержатъ исторію и описаніе національнаго долга и обстоятельный обзоръ, какимъ образомъ контролируется расходъ казначействомъ по части гражданской и военной.

Мы не повторяемъ общей фразы, что XIX столѣтіе — вѣкъ мысли; но позволимъ себѣ замѣтить, что замѣчательное явленіе представляетъ увеличивающаяся склонность къ тому отдѣлу науки, который обыкновенно называется естественною исторіею. Въ особенности это можно сказать объ Англіи. Еще не далеко то время, когда обыкновенно смѣялись надъ изслѣдованіемъ насекомыхъ, червей, ископаемыхъ и костей первобытныхъ животныхъ. Но со времени Кювье новая наука — палеонтологія — сдѣлалась наукой величайшаго интереса и породила размышленія чрезвычайной важности.

Доказательствомъ этого служить обширная популярность сочиненій профессора Оуэна, англійскаго Кювье. Обращаемъ вниманіе на его превосходное сочиненіе: *Палеонтологія или систематическій перечень вымершихъ животныхъ и ихъ геологическихъ отношеній*.

Правда, это только перепечатка, съ нѣкоторыми прибавленіями статьи *Палеонтологія*, помѣщенной въ послѣднемъ изданіи *Британской Энциклопедіи*, но статья эта вполнѣ заслуживаетъ отдѣльнаго изданія, которое каждый читатель можетъ приобрѣсти за небольшую цѣну. Подобно новому Адаму, ученый профессоръ, кажется, вызываетъ передъ себя всѣхъ звѣрей, птицъ и пресмыкающихся древняго допотопнаго міра, даетъ имъ имена, раздѣляетъ ихъ на классы и описываетъ ихъ свойства. Онъ не щедръ на философскіе выводы, но, кажется, дошелъ до заключенія, выражаемаго аксіомой — *непрерывнаго дѣйствія предзнаменнаго существованія всѣхъ живыхъ существъ*. Его убѣжденіе конечно требуетъ болѣе полнаго выраженія и болѣе выработаннаго выясненія, чѣмъ то, которое онъ даетъ въ своей книгѣ. Онъ представляетъ, что «Разумъ не только вызываетъ средства для достиженія конечной цѣли въ твореніи, но въ послѣдовательныя времена и періоды производитъ перемѣну въ механизмѣ, приспособленную къ перемѣнѣ въ общемъ составѣ всего мірозданія. Такимъ образомъ высшее обобщеніе въ наукѣ органическихъ тѣлъ, подобно Ньютоновымъ законамъ объ универсальной матеріи, ведетъ къ несомнѣнному убѣжденію въ великомъ первомъ началѣ, которое, конечно, дѣйствуетъ не механически».

Не возможно высказывать вѣру въ абстрактное существо менѣе

холодно, а между тѣмъ эта самая видимая холодность придаетъ огромный вѣсъ творческому анализу ученаго автора. Касательно различнаго происхожденія, различныхъ родовъ животныхъ, профессоръ Оуэнъ встрѣтилъ грознаго противника въ знаменитомъ натуралистѣ Чарльзѣ Дэрвинѣ, котораго книга *О происхожденіи родовъ* обратила на себя большое и заслуженное вниманіе. Сочиненіе это составляетъ томъ умѣренной величины и можетъ быть названо предпосылкою большаго произведенія, которое авторъ намѣревается писать по этому предмету.

Книга Дэрвина читается весьма пріятно и полна интересныхъ разсказовъ о животной жизни во всѣхъ ея фазисахъ; но достигаемый результатъ и руководящій принципъ писателя вовсе не льстятъ родовой гордости, столь естественной многимъ смертнымъ. Книга имѣетъ цѣлю доказать, что различныя формы животной и растительной жизни, которыя теперь населяютъ земной шаръ или остатки которыхъ сохранились въ видѣ ископаемомъ, въ великомъ міровомъ музеѣ вокругъ насъ и подъ нами, открываемомъ геологіею, произошли путемъ естественной послѣдовательности изъ рода въ родъ. Однимъ словомъ, всѣ животныя и растѣнія исходятъ отъ одного прототипа, отъ одной первоначальной формы, въ которой пробудилась первая искра жизни.

Такимъ образомъ мы, гордые властители міра, согласно съ теоріею Дэрвина, ничто иное, какъ младшіе братья грибовъ и ящерицъ, потому что болѣе сложныя созданія развились въ позднѣйшій періодъ, чѣмъ простѣйшія. Мистеръ Дэрвинъ поддерживаетъ эту замысловатую теорію цѣпью доказательствъ и пластическимъ описаніемъ, съ которыми мы, къ сожалѣнію, не можемъ познакомить читателя въ нашемъ настоящемъ обзорѣ по англійской литературѣ. Сочиненіе доставитъ удовольствіе всѣмъ, хотя и не каждый, можетъ быть, согласится съ идеями и заключеніями автора.

По другому отдѣлу науки въ послѣднее время появилось замѣчательное сочиненіе Форбеса Винсло, которое приобрѣло громкую извѣстность леченіемъ умалишенныхъ. Сочиненіе озаглавлено: *Темныя болѣзни мозга и разстройство ума: ихъ начинающіея симптомы, патологія, діагностика, леченіе и предохраненіе*. Онъ показываетъ, какими медленными и невидимыми путями идетъ прогрессъ умственной болѣзни отъ своего незначительнаго начала до ужаснаго взрыва. Случались примѣры, гдѣ болѣзнь существовала въ продолженіи тридцати или сорока лѣтъ, а между

тѣмъ ея настоящаго характера не подозрѣвали до конечнаго проявленія. Докторъ Винсло указываетъ, какія предосторожности и средства должно употреблять при первыхъ симптомахъ умственнаго разстройства, что, конечно, подѣ перомъ опытнаго ученаго имѣеть особенную важность. Приводимые имъ примѣры страдающаго имѣють интересъ чарующій и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасающій. Онъ передаетъ исповѣдь умалишенныхъ послѣ ихъ выздоровленія, подробно описываетъ прогрессъ разстройства и страшнаго рода иллюзій, которымъ они подвергались. Иногда внезапность припадка составляетъ самую замѣчательную черту приводимаго случая. Напримѣръ, студентъ сидѣлъ однажды, прилежно читая, до поздней ночи, какъ вдругъ имъ овладѣло непреодолимое желаніе уничтожить все, что было подѣ рукой. Вскорѣ онъ разбилъ и разбросалъ лампу, зеркало, книги и другіе предметы въ комнатѣ, затѣмъ вышелъ изъ дому въ три часа утра и возвратился въ восемь, въ грязи, но при полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей. Болѣзнь возобновилась только чрезъ двѣнадцать лѣтъ, но съ-тѣхъ-поръ она уже не оставяла его; онъ страждетъ еще и теперъ.

Иногда сумашествіе принимаетъ странную форму ума, остановившагося на данной точкѣ. Этому явленію онъ приводитъ два трогательныхъ примѣра. Какому-то джентльмену, охотившемуся съ своимъ другомъ, попало въ лобъ нѣсколько дробинокъ: поврежденіе было причиною умственнаго разстройства. Несчастіе это случилось наканунѣ дня, въ который должна была совершиться его свадьба. На этомъ его умъ, повидимому, совершенно остановился, и весь послѣдующій разговоръ несчастнаго вертѣлся только на свадьбѣ. Онъ останавливался на всемъ, что касалось этого обстоятельства; впродолженіе пятидесяти лѣтъ, онъ воображалъ себя попрежнему молодымъ, дѣятельнымъ и исполненнымъ надеждъ женихомъ, негодуя на медленность времени, хотя оно тихо свело его въ могилу на восьмидесятомъ году. Другой примѣръ: какая-то леди вышла однажды навстрѣчу дилижанса, который долженъ былъ привезти ея мужа къ мѣсту ея жительства. Здѣсь она узнала о его смерти; пораженная этимъ извѣстіемъ, она сошла съ ума. Впродолженіе пятидесяти лѣтъ она ежедневно выходила на ту же самую дорогу, ожидая прибытія своего возлюбленнаго, и, обманувшись въ своихъ надеждахъ, восклицала жалобнымъ голосомъ: «Онъ еще не пріѣхалъ; я приду сюда завтра!»

Физиологія общей жизни Льюнса, извѣстнаго автора жизни

Гёте, книга не новая, но доселѣ удерживаетъ за собой первенство популярныхъ физиологій, на англійскомъ языкѣ. Она служитъ новымъ доказательствомъ чрезвычайной гибкости таланта этого писателя. Онъ писалъ драматическія піесы, повѣсти, поэмы, исторію, біографію, а теперь даритъ читающій міръ превосходнымъ изложеніемъ новѣйшаго состоянія физиологической науки. Онъ посвящаетъ отдѣльныя главы *Пищу и Питью, Свойствамъ, наследуемымъ нами отъ родителей, Нашимъ Осязаніямъ и Ощущеніямъ, Чувствованію и Мышленію, Уму и Мозгу*. Въ послѣднихъ главахъ развиваются нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ ученій автора. Онъ старается доказать, что умъ есть психическій видъ жизни, что онъ въ такой же мѣрѣ составляетъ итогъ всего чувственного организма, какъ жизнь составляетъ итогъ всего жизненнаго организма, и что нѣтъ ни одного исключительнаго органа ума. Сила мистера Льюиса въ области оригинальнаго изслѣдованія хорошо видна въ весьма замѣчательной главѣ: *Нервная система и ея самопитательная способность*. Не малая заслуга — сдѣлать подобный предметъ интереснымъ для неспеціального большинства читателей, а эта заслуга остается за мистеромъ Льюисомъ, вмѣстѣ съ знаніемъ и оригинальною въ его научныхъ соображеніяхъ и выводахъ изъ опытовъ и фактовъ.

Мы не можемъ заключить этотъ обзоръ англійскихъ книгъ по отдѣлу наукъ, не упомянувъ о небольшомъ томѣ лекцій знаменитаго химика Фаредея. Сочиненіе названо: *Курсъ шести лекцій о различныхъ силахъ матеріи и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ*. Этотъ томъ содержитъ слово-въ-слово лекцій доктора Фаредея въ королевскомъ институтѣ, въ продолженіи рождественскаго періода 1859 — 60 года. Хотя авторъ очевидно обращается къ молодымъ слушателямъ, но прелесть его рассказовъ всегда привлекала множество взрослыхъ и ученыхъ. Предметы, разбираемые въ этомъ томѣ, — тяготѣніе, сдѣпленіе, химическое свойство, теплота, магнетизмъ и электричество въ ихъ соотношеніи къ физическимъ силамъ. Въ немъ также находится глава объ электрическомъ свѣтѣ и употребленія его для освѣщенія маяковъ.

Кромѣ того есть и другія книги ученаго содержанія, заслуживающія нашего вниманія. Таково прекрасное сочиненіе профессора Тиндаля: *Альпійскія ледяныя горы*; доктора Латема: *Описательная Этнологія* и проч., но намъ остается говорить еще о многомъ, и мы должны перейти къ другому отдѣлу нашего обзора.

Первое мѣсто въ области англійской исторіи безспорно при-

надлежитъ еще не вполне изданному сочиненію мистера Фроуда: *Исторія Англій при Тюдорахъ*. Недавно вышли 5 и 6-й томы этой исторіи. Они содержатъ включительно періодъ правленія Эдуарда VI и королевы Маріи и обнаруживаютъ всю прелесть простаго и изящнаго разсказа, благородное воззрѣніе автора на то, чѣмъ наша исторія особенно богата, и его постоянное желаніе быть справедливымъ судьей дѣйствиіи и лицъ давно прожитой эпохи. Изъ лучшихъ характеристикъ, мы можемъ указать на превосходный очеркъ опекуна молодого Эдуарда, протектора Сомерсета. Пользуясь популярностію, какъ защитникъ бѣдныхъ противъ могущественныхъ, онъ сдѣлался жертвой слишкомъ добрыхъ и открытыхъ своихъ намѣреній. Обладая только силой женщины, онъ брался за геркулесовскій трудъ; встрѣчая же неудачу, горячился и дѣлался неукротимымъ. Онъ управлялъ Англіей впродолженіи пяти лѣтъ, съ лучшими желаніями, но достигъ очень жалкихъ результатовъ и погибъ на эшафотѣ, 22-го января 1552 года. Трогательная исторія Дженъ Грей, этой жертвы честолюбія развратныхъ людей, превосходно разсказана мистеромъ Фрудомъ. Даже описаніе королевы Маріи, прозванной «Кровожадной,» имѣетъ цѣль возбудить скорѣе симпатію и прощаніе, чѣмъ ненависть и бесполезный укоръ. Ужасное релігіозное преслѣдованіе въ ея правленіе онъ приписываетъ образованному, но хитрому тартюфу, кардиналу Полю; ослѣпленный релігіознымъ фанатизмомъ, онъ нашептывалъ королевѣ уроки ненавистной и безумной жестокости. Съ большимъ интересомъ ожидаются теперь слѣдующіе томы исторіи мистера Фроуда, которые будутъ заключать въ себѣ дѣянія королевы Елисаветы.

Собраніе историческихъ документовъ Великобританіи въ царствованіе еще болѣе славное, хотя при правителѣ, имѣвшемъ, въ сравненіи съ королевой Бесъ (Елисаветою) меньшее значеніе, продолжается мистеромъ Масси, предсѣдателемъ комитетовъ нижней Палаты. Третій томъ его *Исторіи Англій въ царствованіе Георга III*, заключающій въ себѣ годы 1781 — 1793, вышелъ. Въ немъ разсказывается америкапская война, окончившаяся трактатомъ, которымъ была обезпечена независимость Соединенныхъ Штатовъ, индійскій биль и жаркія пренія по поводу его и борьба между королемъ и парламентомъ, за обладаніе дѣйствительною властію въ государствѣ. Не представляя живописныхъ или рѣзкихъ очерковъ, мистеръ Масси плавно и стройно разсказываетъ фактъ и помогаетъ читателю въ составленіи безпристраст-

наго мнѣнія о важномъ періодѣ историческаго существованія Англіи, имъ описываемомъ.

Второй томъ исторіи Франціи мистера Крова также вышелъ. Въ немъ заключаются событія ста восьмидесяти лѣтъ, съ правленія Карла VI (1380) до смерти Генриха II (1559). Мистеръ Кровъ — ученый трудолюбивый и точный, но ему не достаетъ историческаго таланта, сообщающаго жизнь и духъ событіямъ давно прошедшимъ и лицамъ, уже истлѣвшимъ въ землѣ. Исторія, великолѣпно описанная блестящимъ перомъ Мишле и де-Баранта, не можетъ получить новаго блеска въ нашихъ глазахъ подъ перомъ почтеннаго Англичанина, богатаго свѣдѣніями, но скуднаго дарованіемъ. Гораздо большій интересъ въ настоящее время представляетъ сочиненіе: *Исторія Италіи со времени отреченія Наполеона I, съ указаніями въ введеніи на исторію прежнихъ временъ*, Исаака Бутта, нѣкогда профессора политической экономіи въ дублинскомъ университетѣ. Вышли только I и II томы и были съ горячимъ участіемъ прочитаны публикой.

Все, что касается Италіи, у насъ такъ популярно, что мистеръ Адольфусъ Троллопъ написалъ, пользующуюся значительнымъ успѣхомъ книгу объ одной изъ менѣе значительныхъ личностей флорентійской исторіи XVI столѣтія. Книга называется: *Филиппо-Строцци; исторія послѣднихъ дней старой италіанской свободы*. Этотъ смѣлый, ловкій и несовѣстливый человекъ былъ сынъ и наследникъ извѣстнаго банкира и вождя патриціевъ во Флоренціи. Брачное родство связывало его съ семействомъ Медичи, которому онъ иногда служилъ, иногда измѣняя, смотря по своимъ цѣлямъ. Его странная разнообразная карьера, его интриги, судъ надъ нимъ, заключеніе, изгнаніе, наконецъ насильственная смерть—въ ряду яркихъ картинъ изложены мистеромъ Троллопомъ. Впрочемъ, авторъ написалъ книгу больше съ тою цѣлю, чтобъ занять своихъ читателей, чѣмъ разъяснить имъ старую или современную италіанскую свободу.

По отдѣлу біографіи англійская печать произвела въ продолженіи 1860 года двѣ или три интересныя книги, интересныя, по крайней мѣрѣ, для любителей искусства и литературы. Книжка — юмористъ и демократическій поэтъ Гудъ (Hood), которая ѣдка насмѣшка въ стихахъ и прозѣ и забавные очерки занимали британскую публлку лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, составляетъ предметъ двухъ занимательныхъ томовъ подъ заглавіемъ: *Воспоминанія о Томасѣ Гудѣ, собранныя и изданныя его дочерьми, съ предисловіемъ и примѣчаніями сына*.

Жизнь Гуда была почти одной непрерывной борьбой съ бѣдностью, а между тѣмъ, веселый юморъ никогда не измѣнялъ ему. Письма, напечатанныя въ этихъ томахъ, свидѣтельствуютъ о его кроткомъ и наивномъ характерѣ. Они полны умныхъ поговорокъ и милыхъ остротъ; какъ трогателенъ его пафосъ, такъ занимательно его остроуміе. *Пѣснь о рубашкѣ*, которую онъ напечаталъ въ исходѣ своихъ дней, и которая въ нѣсколькихъ стихахъ (переводъ этой пѣсни напечатанъ въ Русскомъ Словѣ. Юнь. 1860 г.) знакомитъ съ борьбой, часто испытываемой бѣдными швеями, электризовала публику и произвела болѣе сильное дѣйствіе въ филантропическихъ кругахъ, чѣмъ длинныя парламентскіе дебаты. Ясно, что воспоминанія такого человѣка составляютъ интересное явленіе въ нашей біографической литературѣ.

Съ жизнью юмориста - писателя мы получаемъ также автобіографію юмориста - живописца: *Автобіографическія воспоминанія Чарльза Роберта Лесли, королевскаго академика, изданныя Томомъ Телѣромъ*.

Лесли былъ, можетъ быть, однимъ изъ лучшихъ иллюстраторовъ Дон-Кихота и сочиненій Стерна. Кто видѣлъ его *Дядю Тоби и вдову Вадменъ*, въ вернонской галереѣ въ Лондонѣ, тотъ никогда не забудетъ этой картины. Карьера его началась крайне-бѣднымъ существованіемъ: ребенкомъ онъ былъ взятъ изъ Англіи въ Америку, гдѣ его хозяинъ, книгопродавецъ, вначалѣ даже мѣшавшій его художественнымъ вѣдѣніямъ, впоследствии доставилъ ему средства получить артистическое образованіе. Возвратившись въ Англію, молодой Лесли познакомился съ Кольриджемъ и другими лицами, которые впоследствии приобрѣли знаменитое имя. Анекдоты, относящіяся до этихъ лицъ, составляютъ одну изъ интересныхъ частей *Воспоминаній*. Благосклонный и самый щедрый покровитель артиста былъ лордъ Эгмонтъ, описаніе домашней жизни котораго представляетъ намъ настоящій типъ стараго англійскаго аристократа. Слѣдующій анекдотъ можетъ служить доказательствомъ, что глупая гордость и спесь не всегда составляютъ характеристическую черту англійскаго барства. Однажды лордъ Эгмонтъ проходилъ по коридору, какъ вдругъ раздался звонокъ, призывавшій прислугу къ обѣду. Очень живая горничная, недавно только прибывшая въ домъ съ какимъ-то гостемъ, ошибочно принявъ милорда за дворецкаго, схватила его за руку и сказала: «Ну-ка, старикъ, покажи мнѣ, гдѣ мы должны обѣдать?». Лордъ важно вопиеть, держа подъ руку

молодую женщину, въ толпу своихъ удивленныхъ слугъ, посадилъ ее за столъ, и, спокойно сказавъ: «Я обѣдаю въ шесть часовъ,» удалился. Сдѣлавшись извѣстнымъ, Лесли получилъ доступъ въ большой свѣтъ. Онъ рассказываетъ много остроумныхъ чертъ о Веллингтонѣ, Пилѣ, Мельбурнѣ, Роджерсѣ, Скоттѣ и другихъ. Мы позволяемъ себѣ выписать только слѣдующій образецъ наивной критики, рассказанный артисту издателемъ сочиненій Вальтеръ-Скотта. Великій романистъ прогуливался, опираясь на руку своего управляющаго Тома Нурдѣя, какъ вдругъ послѣдній сказалъ: «А вѣдь хороши ваши романы, сэръ Вальтеръ; они просто сводятъ меня съ ума». «Очень радъ». «Да, сэръ, когда я весь день не бываю дома, прилежно работаю и потомъ, возвратившись домой, измученный, сяду съ кружкой портера у огня и примусь за одинъ изъ вашихъ романовъ, то тотчасъ засыпаю». Эти слова были, конечно, произнесены совершенно отъ души, безъ всякаго намѣренія тайнаго сарказма. Вальтеръ Скоттъ догадался и, улыбувшись, прибавилъ: «Созвѣтую вамъ порѣже читать меня, чтобъ не проспять мое домашнее хозяйство». Великій французскій артистъ Ари Шефферъ написалъ біографа въ англійской леди мистрисъ Гротъ, женѣ знаменитаго историка Греція. Шефферъ, кромѣ живописи, принималъ довольно дѣятельное участіе въ политикѣ; въ этой книгѣ встрѣчается много анекдотовъ, неизвѣстныхъ до настоящаго времени въ печати, относящихся до Луи Филиппа и его семейства, съ которымъ Шефферъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ. Необыкновенное вліяніе Гёте на манеру Шеффера составляетъ весьма интересную черту въ характерѣ живописца. Онъ написалъ не менѣе девяти картинъ, сюжетъ которыхъ взятъ изъ Фауста. Кто изъ видѣвшихъ его Маргариту не былъ пораженъ ея удивительной иѣжностью и неземной меланхоліей! Та-же сила генія, давшая артисту способность схватить изящно глубокіе образы Гёте, позволила ему заглянуть въ бурную душу Данте и произвести *Маоло* и *Франческа*, картину, которою Шефферъ приобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Въ настоящее время она находится во владѣніи князя Анатоля Демидова. Библейскія картины, выполненные въ послѣдній періодъ жизни артиста, заключаютъ въ себѣ любопытныя указанія на волненія, которыя онъ вынесъ изъ за релігіозныхъ убѣжденій. Шефферъ принималъ дѣятельное участіе въ революціи, которою началось правленіе Луи-Филиппа, и въ той, которою оно заключилось. Мы, однакожъ, вовсе не имѣемъ желанія писать здѣсь біографію Шеф-

фера, а только указываемъ на интересъ превосходной книги мистрисъ Гротъ.

Въ Россіи, конечно, не многіе будутъ интересоваться жизнью людей, которые въ конституціонныхъ странахъ снискиваютъ себѣ пропитаніе, занимаясь стенографическимъ записываніемъ для газетъ преній въ парламентѣ и рѣчей на публичныхъ митингахъ. Тѣмъ не менѣе книга мистера Граттена: *Галлерей: очеркъ исторіи парламентскихъ докладовъ и стенографовъ* прочтется съ удовольствиемъ. Еще не много нѣтъ прошло съ того времени, когда отчетъ рѣчей считался нарушеніемъ привилегіи палаты, а пренія, появившіяся въ журналахъ, состояли изъ воспоминаній слушателей, посылаемыхъ съ этою цѣлію въ парламентскую галерею. Мужъ извѣстной романистки Анны Рэдклиффъ былъ однимъ изъ составителей отчета на память; тѣмъ-же былъ и братъ Вудфоля, издателя писемъ Юніуса. Почти невѣроятно, до какой силы была развита ихъ память упражненіемъ подобнаго рода. «Память Вудфоля» считалась, въ свое время, чудомъ, и посѣтителы галлерей съ такимъ же любопытствомъ слѣдили за нимъ, какъ и за сникеромъ. Приходя въ парламентъ при самомъ началѣ засѣданій и уходя только послѣ закрытія ихъ, онъ сидѣлъ все время, погруженный въ слушаніе преній и, не смотря на физическую усталость, нерѣдко на шесть часовъ самаго напряженнаго вниманія къ разнообразнымъ спорамъ и жаркимъ диспутамъ, удерживалъ въ головѣ не только мнѣнія, но и точныя выраженія ораторовъ.

Недавняя смерть въ Австраліи умнаго, но злостнаго и несчастнаго писателя Уитти (E. M. Whitty) повела къ перепечаткѣ его политическихъ портретовъ, подъ заглавіемъ: *Правительствующіе классы Великобританіи*. Сознывая свои способности, но не подвигаясь впередъ ни въ политикѣ, ни въ литературѣ, онъ далъ волю своей злобѣ въ весьма острой сатирѣ и описалъ правительственныхъ вождей красками далеко неслестными для нихъ, но почти вѣрными. Эту книгу мы особенно рекомендуемъ тѣмъ изъ читателей, которые, увлекаясь восторженнымъ невѣжествомъ поклонниковъ нашего правительства, желаютъ познакомиться съ нимъ въ его настоящемъ свѣтѣ....

Литература наша всегда была богата путешествіями, потому что нѣтъ націи, которая бы съ такою жадностію посѣщала всѣ страны свѣта, какъ Англичане. Отъ сѣвернаго и до южнаго полюса, среди образованныхъ и дикихъ національностей, въ степяхъ Африки и въ снѣгахъ Сибири, во всякое время года можно

найти какого нибудь Англичанина — путешественника, желающего познакомиться съ неизвѣстнымъ ему краемъ. Это объясняется не столько любознательностью, сколько предприимчивостью коммерческаго народа, расбросившаго по земному шару до семи сотъ торговыхъ портовъ и до пятидесяти огромныхъ колоній. Главное достоинство нашихъ путешественниковъ заключается въ практическомъ взглядѣ на вещи и, сравнительно съ Французами и Нѣмцами, въ точности сообщаемыхъ свѣдѣній. Сочиненіе, которое мы считаемъ важнѣйшимъ трудомъ по этому отдѣлу и которое обратило на себя особенное вниманіе англійскихъ читателей, довольно большой томъ, описывающій восточную часть азіатской имперіи, изданный и иллюстрированный мистеромъ Томасомъ Аткинсономъ, который два года тому назадъ (1858) напечаталъ описаніе *Восточной и Западной Сибири*. Авторъ, посѣтивъ обширный край Байкала и Алтая, проѣхавъ около 40,000 миль по областямъ, большей части которыхъ никогда не касалась нога западнаго Европейца. Живой рассказъ писателя и отличнаго художника вѣрно воспроизводитъ сибирскія пустыни и полудикія народности. Последняя книга, озаглавленная: *Путешествія въ областяхъ Верхняго и Нижняго Амура и на границахъ Индіи и Китая, съ походами среди горныхъ Киризовъ и племенъ эврологовъ и пастуховъ*.

Подобно первому, и это сочиненіе составляетъ большой томъ, превосходно иллюстрированный, но съ большими претензіями на научное достоинство. Отсутствие положительныхъ данныхъ и критической оцѣнки очень замѣтно во многихъ мѣстахъ. За всѣмъ тѣмъ, геологія, ботаника и этнологія посѣщенныхъ областей разработаны очень подробно. Авторъ совѣтуетъ учредить на границѣ Индіи большую ярмарку, которая послужила бы каналомъ для ввоза англійскихъ товаровъ въ эти азіатскія владѣнія. Въ примѣръ увеличивающейся важности торговли онъ приводитъ *ермакъ* (yermak) или большую ярмарку въ Ирбитѣ, которая, по его словамъ, въ послѣднія десять лѣтъ приобрѣла значительную важность. Долголѣтнее пребываніе мстера Аткинсона въ странѣ, имъ описываемой, заставляетъ уважать его мнѣнія, а хорошія отношенія между нимъ и нѣсколькими татарскими князьками придаютъ его описанію полную достовѣрность. Мы замѣчаемъ, что онъ, какъ вообще его соотечественники, не можетъ совершенно освободиться отъ яда русофобіи, которую, повидному, ваши успѣхи на востокѣ возбуждаютъ въ умахъ всѣхъ Англичанъ.

Для русскихъ читателей, желающихъ ознакомиться съ арктическими странами, имѣетъ особенный интересъ книга капитана Мак-Клинтокка: *Путешествіе Фокса въ арктическихъ моряхъ; открытіе участи, постигшей сэръ Джона-Франклина и его товарищей.* Изъ этого тома мы не только приобретаемъ новыя географическія познанія о пустынной странѣ при помощи превосходныхъ морскихъ картъ, но изъ подробнаго дневника узнаемъ, въ какой степени англійскіе моряки въ состояніи бороться съ климатомъ, къ жестокости котораго ихъ вовсе не приготовляетъ умѣренная влажность ихъ роднаго берега.

Кромѣ открытія остатковъ экспедиціи Франклина, открытія, разъяснившаго, наконецъ, обстоятельство, столь грустно волновавшее Великобританію, капитанъ Мак-Клинтоккъ тщательно снялъ берега на пространствѣ 800 миль и доказалъ, что проливъ, названный по отважному лейтенанту Белло и до того времени считавшійся непроходимымъ замерзшимъ каналомъ, — проливъ судоходный, а его южный берегъ составляетъ крайнюю сѣверную точку американскаго материка! Онъ снялъ также неизвѣстный до того времени берегъ. Ботинъ къ югу отъ беллоскаго пролива до магнитнаго полюса, описалъ весь островъ короля Уильяма и открылъ новый каналъ, простирающійся отъ пролива Викторія въ сѣверо-западномъ направленіи до пролива Мельвилъ или Парри. Приключенія экипажа Фокса, когда судно замерзло во льду и экипажъ содержался такимъ образомъ въ плѣну большую часть года, его сношенія съ Эскимосами, его занятія и забавы, его многочисленныя экспедиціи по льду, наконецъ открытіе въ безмолвной пустынѣ вѣчнаго льда одинокой лодки, которую занимали два скелета, тщательно прикрытые платьемъ изъ послѣдняго запаса корабля, грустная записка о смерти Джонъ-Франклина въ апрѣлѣ 1848 года и о послѣдующемъ затѣмъ бѣгствѣ съ корабля ста пяти членовъ, которые всѣ, должно быть, погибли, — вѣроятно, покинутые одинъ за другимъ, когда дѣлался жертвой голода и холода — все это составляетъ рассказъ необыкновеннаго интереса; простота его производитъ въ десять разъ большее впечатлѣніе, чѣмъ самый ужасный романъ старой французской школы.

Превосходная и красиво-иллюстрированная книга о положеніи сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ издана римско-католическимъ миссіонеромъ, аббатомъ Доменеккомъ, подъ заглавіемъ: *Семилѣтнее пребываніе въ великихъ пустыняхъ сѣверной Америки, въ двухъ томахъ.* Истребленіе расы краснокожихъ отъ сближенія ихъ съ

бѣлыми составляетъ лучшія страницы этой книги, въ которой, однакожь, есть описанія странъ почти совершенно новыхъ, такъ какъ онѣ рѣдко были посѣщаемы европейскими путешественниками. Отсюда, между прочимъ, мы узнаемъ грандіозныя картины береговъ Красной рѣки. Авторъ сообщаетъ множество интересныхъ фактовъ по естественной исторіи, и часто переходитъ отъ природы къ описанію племенныхъ особенностей. Индійцы Техаса, рассказываетъ онъ, все еще ожидаютъ возвращенія несчастнаго Монтепумы, подобно тому какъ Валлійцы долгое время чаяли прихода добраго короля Артура. Въ селеніи *Старый Пекосъ* все еще поддерживается священный огонь, зажженный Монтепумою. Въ томъ-же самомъ мѣстѣ народный герой посадилъ большое дерево вверхъ корнемъ, предсказавъ, что когда исчезнетъ это дерево, чужое племя покоритъ его народъ и дождь перестанетъ падать на землю.

Предсказаніе, говорятъ Индѣйцы, уже сбылось до извѣстной степени. «Страна стала суха, бесплодна и пустынна; дерево Монтепумы пало въ тотъ же самый день, когда Американцы вступили въ Санта-Фе, и послѣдній жрецъ, охранявшій священный огонь, умеръ въ то же самое время». Множество другихъ частности, касающихся туземныхъ легендъ, языка и этнологіи, вы найдете въ этихъ разнообразныхъ, хотя не всегда интересныхъ разсказахъ.

Слѣдующая замѣчательная книга путешествій, о которой мы должны упомянуть, переноситъ насъ на другой материкъ, къ другому племени: Капитанъ Бѣртонъ (Burton), совершившій необыкновенное путешествіе богомольца въ Мекку и Медину, разсказъ, который онъ напечаталъ нѣсколько лѣтъ назадъ, — снова обогащаетъ этотъ отдѣлъ двумя томами подъ заглавіемъ: *Области озеръ въ Африкѣ*.

Экспедиція, въ которой находился Бѣртонъ, вышла изъ Занзибара въ іюнь 1857 года, высадилась въ Раогѣ на противоположномъ берегу, двинулась къ Казе, большому депо арабскихъ купцовъ, откуда приняла прямой западный путь къ озеру Занганіа или озеру Ужижи, крайней точкѣ путешествія. Проходимое пространство земли — отъ 900 до 1000 миль, раздѣленное на пять областей, отличающихся одна отъ другой нѣкоторыми измѣненіями климата и формации. Экспедиція состояла изъ двухъ Англичанъ, капитановъ Бѣртонъ и Слика, двухъ мальчиковъ мулатовъ изъ Гоано, двухъ Негровъ оруженосцевъ и осьми баносскихъ наемниковъ. Страна представляла не много живописныхъ

пунктовъ, атмосфера была заражена міазмами лихорадокъ и горячекъ, и часто приходилось пробивать путь при непрерывныхъ ссорахъ съ туземцами, то угрозой, то подкупами. Двумъ Европейцамъ много пришлось вынести отъ изнуренія и жара. Они безпрестанно подвергались ударамъ солнечныхъ лучей, и за этимъ слѣдовали обмороки и лихорадки отъ болотныхъ испареній. Когда же они достигли озера, вполнѣ были вознаграждены созерцаніемъ его необозримаго пространства и красоты. Такимъ образомъ они получили возможность дополнить общую сумму свѣдѣній множествомъ любопытныхъ подробностей касательно племени, по странамъ которыхъ проходили. Припомнимъ, что Африка занимаетъ особенно Англичанъ, — однихъ — потому-что составляетъ источникъ негро-торговли, — другихъ — потому-что тамъ можно производить хлопчатую бумагу, и, наконецъ, третьихъ — потому-что тамъ можно свободно охотиться за львами, слонами и антилопами, которые водятся въ изобиліи. Трудно предсказать — что послѣдуетъ изъ усиливающагося теперь сближенія между бѣлыми людьми и Неграми въ родной землѣ послѣднихъ; извѣстно только, что карта Африки, прежде почти голое мѣсто въ атласѣ міра, ежегодно все болѣе и болѣе покрывается именами городовъ и селеній, которые были посѣщаемы и въ которыхъ уже заброшены сѣмена будущей ея цивилизаціи.

Мы должны заключить этотъ отдѣлъ литературы, указавъ на сочиненіе о *Либанонѣ* пресловутаго Давида Уркуарта, въ продолженіе столь-многихъ лѣтъ тщетно-старавшагося прославиться своею руссофибією. По нашему предположенію, рѣзня въ Сиріи послужила поводомъ къ напечатанію этого сочиненія, но такъ-какъ мы еще не читали книги, то въ настоящую минуту ограничимся только укнаніемъ на ея появленіе.

Послѣдняя часть нашей статьи, сознаемся, не такъ богата, какъ можно было ожидать отъ изящной словесности, прежде столь обширной и разнообразной въ англійской литературѣ. Настоящее время можетъ быть названо періодомъ журналистики. Какъ давно уже было замѣчено Бульверомъ, нѣкоторые изъ лучшихъ литературныхъ талантовъ совершенно исчезаютъ отъ глазъ публики въ нашихъ періодическихъ обозрѣніяхъ. За недостаткомъ болѣе оригинальныхъ сочиненій, образовалось обыкновеніе собирать эти разсѣянные опыты и печатать ихъ отдѣльными книгами, съ именемъ авторовъ, остававшихся до этого времени неизвѣстными. Такъ поступили Макозъ, Карлейль и множество другихъ даровитыхъ писателей. Въ силу этого обыкно-

венія два тома *Поэмъ и Опытовъ* покойнаго Уильяма Кальдвелла Роско, внука историка Роско, изданы въ свѣтъ его зятемъ. Эти опыты написаны хорошо, тѣ есть, ясно, умно, непринужденно. Въ нихъ нѣтъ большой оригинальности или глубокихъ идей, но можно найти нѣсколько горячихъ политическихъ эпизодовъ, въ защиту замѣчательныхъ писателей, какъ напримѣръ, Карлейля и Эмерсона и другихъ. Роско умеръ въ цвѣтъ лѣтъ. Къ его сочиненіямъ приложенъ краткій и хорошій рассказъ о его литературной карьерѣ, написанный его родственникомъ.

Странно, что поэзія Англии, родины Шекспира, Мильтона и Байрона, выразившихъ настоящее отраженіе своею вѣка и націи, — странно, повторяемъ мы, что эта поэзія представляется теперь придворнымъ поэтомъ Теннисономъ. *Идилліи Короля*, послѣднее сочиненіе его — превосходное произведеніе, несмотря на отдаленность рассказываемыхъ событій отъ современной европейской жизни.

Какъ истинный талантъ, онъ смѣло переноситъ насъ въ отдаленную эпоху короля Артура и рыцарей круглаго стола; въ его образахъ много мѣстной истины, исторической достоверности и общечеловѣческихъ идей. Чтѣ особенно дѣйствуетъ на англійскаго читателя въ произведеніяхъ Теннисона — это умѣнье его сблизить историческую картину съ настоящими интересами и чувствами народа. Оригинальность сравненій и чистота языка даютъ огромное художественное значеніе его стихотвореніямъ. За всѣмъ тѣмъ, это не поэзія Байрона или Мура. На многихъ демократическихъ чувствахъ Теннисона лежитъ отпечатокъ другой жизни, понятной въ Виндзорскомъ замкѣ, но недоступной массамъ. Поэтому Теннисонъ никогда не станетъ въ ряду нашихъ народныхъ великихъ пѣвцовъ.

Сынъ романиста Бульвера напечаталъ подъ именемъ Оуэна Мередина три тома стихотвореній, изданныхъ имъ въ продолженіе не многихъ послѣднихъ лѣтъ. Его послѣднее сочиненіе, озаглавленное: *Люсиль, поэма* — родъ повѣсти въ стихахъ, совершенно относится къ современной эпохѣ и обществу. Авторъ удивительно владѣетъ англійскимъ языкомъ, чтѣ даетъ ему право на такія оригинальныя выраженія, какія до него позволяли себѣ только немногіе поэты. Его описанія изящны и сцены внутренняго волненія въ рассказѣ переданы съ замѣчательной силой и истиной, такъ что интересъ читателя къ развязкѣ, которая довольно романтична, и къ нѣсколькимъ характерамъ поддерживается до конца.

Отъ разсказовъ въ стихахъ обратимся къ разсказамъ въ прозѣ, отдѣлу англійской литературы, которому сочувствуютъ многіе русскіе читатели и съ которымъ они болѣе или менѣе уже знакомы. Мистеръ Антони Троллопъ съ неослабной силой и живостью продолжаетъ дарить публику своими произведеніями. Въ романѣ *замокъ Ричмондъ* онъ наконецъ оставилъ свою любимую тему, англійское духовенство, и написалъ разсказъ изъ ирландской жизни. Интрига не очень запутана; она получаетъ свой главный интересъ отъ любви двухъ молодыхъ людей, двоюродныхъ братьевъ, къ дочери графини. Последняя заставляетъ свою дочь отказаться отъ первой любви для того, чтобъ выйти замужъ за двоюроднаго брата, наслѣдника обширнаго имѣнія. Но до совершенія свадьбы наслѣдникъ объявленъ незаконнымъ и бѣдный двоюродный братъ становится наслѣдникомъ. Это, конечно, вполнѣ оказывается недоразумѣніемъ. Каждому достается свое, негодни обличены и наказаны судомъ. Характеръ Оуэна Флджералда, страстнаго и рыцарскаго Ирландца, — самый привлекательный въ романѣ. Другія лица очерчены хорошо, за исключеніемъ только индивидуума, въ которомъ авторъ намѣренъ былъ представить одного изъ грубыхъ бездѣльниковъ, какіе играютъ роль героевъ между несчастнымъ классомъ самыхъ бѣдныхъ пролетаріевъ. Этотъ трудный родъ характеровъ неслишкомъ удастся мистеру Троллопу.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ романовъ нынѣшняго года, если только не самый замѣчательный, — *Романъ Монте-Бени*, Натаніэля Готорна, американскаго писателя, болѣе всего прославившагося до этого времени слѣдующими въ высшей степени интересными произведеніями: *Красная Буква* и *Домъ о семи щипцахъ*. Романъ Монте-Бени, сочиненіе написанное авторомъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безмолвія, совершенно отличается отъ первыхъ произведеній, но въ то же время вполнѣ сохраняетъ характеръ его, какъ человѣка гениальнаго. Мѣсто дѣйствія въ Римѣ, и мы должны удивляться вліянію Италіи, когда читаемъ описанія мистера Готорна, задуманныя съ силой чувства, свойственной поэтамъ; — описанія природы и искусства, въ одинаковой степени вѣрныя и художественныя. Тема романа — облагораживающее вліяніе угрызений совѣсти на извѣстнаго рода людей. Сюжетъ трудный для обработки. Мистеръ Готорнъ, однакожь, сумѣлъ придать видъ торжественной дѣйствительности внутренней борьбѣ двухъ интересныхъ лицъ: графа Донателло Монте-Бени, который представленъ авторомъ какъ исти и

ное дитя природы, живое и веселое, съ счастливою свободной жизнью, обитатель гѣсовъ, — и Мириамы, леди-артистки таинственнаго происхожденія, одаренной теплою и страстною натурою и высокими умственными силами. Главный случай разсказа — преступленіе, совершенное Донателло подъ вліяніемъ любви къ Мириамѣ. Италіянка вовсе не раздѣляла страстной любви своего возлюбленнаго до той минуты, когда однажды въ лунную ночь Донателло освободилъ ее отъ присутствія ея ненавистнаго преслѣдователя, сбросивъ его съ тарпейской скалы. Она простила Донателло за убійство и отъ сожалѣнія, которое чувствовала къ нераздѣляемой страсти его, въ эту ужасную минуту перешла къ любви; ужасъ и любовь вмѣстѣ овладѣли ея сердцемъ.

— Она прижала его крѣпко къ своей груди, страстными объятіемъ, которое соединило сердца ихъ обоихъ до-того, что ужасъ и агонія каждаго слились въ одно душевное движеніе, въ какое-то восторженное чувство.

— Да, сказала она, мое сердце было согласно на то, что ты совершилъ. Мы оба умертвили этого презрѣннаго злодѣя. Такой поступокъ долженъ соединить насъ навсегда.

Но въ умѣ Донателло началась уже реакція. Его невинная дѣтская натура помрачилась страшнымъ преступленіемъ и виною всему была любовь. Раскаяніе грызетъ его душу; онъ страшно несчастливъ. Онъ бѣжитъ Мириамы, онъ не можетъ забыть ее или перестать любить, но чувствуетъ, что его любовь къ ней довела его до преступленія. Эта перемѣна въ характерѣ юноши гѣсовъ прекрасно разработана авторомъ. Заключение романа, однакожъ, не удовлетворяетъ читателя. Лица исчезаютъ подобно призракамъ мечты, авторъ не даетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, что случилось съ ними.

О романѣ мистера Вильни Коллинза: *Бллая Женщина*, появившемся по одной главѣ въ журналѣ Диккенса *All the year round*, говорили болѣе, чѣмъ о какомъ нибудь произведеніи нынѣшняго года. Главное достоинство этого произведенія заключается въ построеніи весьма-запутанной интриги, которая искусно возбуждаетъ любопытство читателя въ началѣ романа и такъ же искусно все болѣе и болѣе возвышаетъ интересъ по мѣрѣ того, какъ разсказъ подходитъ къ развязкѣ въ концѣ третьяго тома. Это, безъ сомнѣнія, служитъ доказательствомъ изобрѣтательности таланта романиста. Но форма романа далеко несовершенна. Событія передаются не въ простомъ разсказѣ, а въ ряду дневниковъ, писемъ и исповѣдей различныхъ лицъ, ко-

торыя знаютъ что нибудь, но не все, о тайнѣ, составляющей интересъ разсказа. Легко возбуждать и поддерживать любопытство такими средствами; но авторъ рискуетъ при этомъ слишкомъ утомить читателей. Нельзя, однакожь, отрицать, что въ Англии этотъ романъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ послѣднее время.

Весьма обширное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ англійской литературы занимаютъ женщины, изъ которыхъ многія уже составили собѣ извѣстное имя.

Въ числѣ ихъ находится писательница, представившая публикѣ подѣ именемъ *Джоржа Эліота* три произведенія фантазій, обнаруживающія несомнѣнный талантъ. При первомъ появленіи въ *Blackwood's Magazine* *Сцена изъ жизни духовенства* Джоржа Эліота, многіе, бесполезно доискивались, кто бы могъ быть Джорджъ Эліотъ? мужчина или женщина? какое на стоящее имя автора? Но когда въ 1859 году тотъ же самый авторъ напечаталъ *Адама Бида*, читающій міръ пришелъ въ страшное волненіе и употреблялъ самыя отчаянныя усилія, чтобъ узнать автора этого замѣчательнаго сочиненія. Нѣкоторыя корреспонденціи въ газетѣ *Times* старались произвести мистификацію по этому предмету, настоятельно указывая, какъ на автора, на мистера Джоржа Лиггинза, «который былъ хорошо знакомъ съ нѣсколькими духовными и другими лицами въ Варвикѣ». Наконецъ истина открылась и подѣ псевдонимомъ Эліота была миссъ Эвансъ (*Evans*), женщина высокаго ума. Послѣднее произведеніе, миссъ Эвансъ: *Мельница на Флоссъ* гораздо ниже Адама Бида, и по оригинальности характеровъ и по концепціи идеи.

За всѣмъ тѣмъ оно написано хорошо; этюды изъ англійской деревенской жизни особенно типичны и нравятся нашей публикѣ, но едвали могутъ интересовать иностранныхъ, особенно русскихъ читателей, которымъ сцены этой жизни вовсе незнакомы. Оба сочиненія, должно сознаться, оставляютъ подѣ конецъ непріятное впечатлѣніе на читателя. Житейское горе занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ житейскія радости въ повѣстяхъ Джоржа Эліота, которыя всегда оканчиваются катастрофой. Почему преувеличенное изображеніе господства несчастія надъ счастьемъ на этомъ свѣтѣ должно быть темою для романиста, который пишетъ съ цѣлю пріятно занять читателя? Мы не понимаемъ великаго трагическаго элемента человѣческой жизни въ одномъ несчастіи, тѣмъ болѣе, что задачей искусства отнюдь не можетъ быть одностороннее направленіе человѣческаго су-

ществованія. Преступныя наклонности неразвитыхъ и дурновоспитанныхъ натуръ не составляютъ исключительной темы для творческой фантазіи. Въ этой односторонности главный недостатокъ миссъ Эвансъ.

Менѣ блестящая писательница, но болѣе талантливая и занимательная рассказчица — леди, пишущая подъ псевдонимомъ *Гольмъ Ли*. Ея настоящее имя, если не ошибаемся, миссъ Пурри изъ Йорка. Сочиненія этого автора въ настоящее время многочисленны, всѣ они отличаются остроумной интригой, естественностью характеровъ, истинностью мѣстныхъ описаній, простотой формы и языка. Изъ ея послѣднихъ произведеній отмѣтимъ: *Дочь Сильвана Гольта*, *Противъ вѣтра и теченія* и *Дневникъ Вортельбекка*.

Дѣйствительно, британскій читающій міръ, по-видимому, утомляется сочиненіями, основанными на рассчитанныхъ эффектахъ, и радушно встрѣчаетъ всякій простой рассказъ, содержанію котораго каждый можетъ болѣе или менѣе сочувствовать. Этотъ развивающійся вкусъ объясняетъ неожиданную популярность *Ключницы Менсона*, романа миссъ Метъяръ. Онъ интересенъ и натураленъ, безъ всякаго жорж-зандизма или другой изумительной примѣси.

Выше послѣдняго стоитъ сочиненіе *Полувлюбленная Чета*, автора *Полуотдѣленной Дома*. Второе было издано леди Терезою Льюисъ, женой англійскаго министра внутреннихъ дѣлъ и сестрою графа Клерендона. *Полувлюбленная Чета* — произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ очаровательное, картина современной общественной жизни, написанная легко и искусно, леди Льюисъ, можетъ быть самой естественной и самой изящной правописательницей, подобной которой давно уже не было въ Англіи.

Миссъ Йонгъ, авторъ романовъ *Редклиффскій наследникъ* и *Душевное спокойствіе или братнина жена*, которыми она приобрѣла большую извѣстность, продолжаетъ еще писать, но уже болѣе слабой рукой. Ея послѣднее сочиненіе: *Надежды и опасенія или сцены изъ жизни двушки-невѣсты* едва-ли поддерживаютъ ея прежнюю славу. Здѣсь встрѣчается тотъ-же легкій, плавный, естественный разговоръ, то-же значеніе характеровъ, въ особенности характеровъ молодыхъ людей и дѣтей, но здѣсь, кажется, недостаетъ возвышеннаго тона, столь замѣтнаго въ ея прежнихъ сочиненіяхъ.

Большой интересъ возбудило въ это время, когда взоры

всѣхъ обращены на Италію, прекрасное сочиненіе, напечатанное безъименно подъ заглавіемъ: *Дюица Мори, рассказъ изъ жизни современнаго Рима.*

Этимъ мы должны окончить нашъ пріятный трудъ. Мы старались представить наглядный очеркъ настоящаго состоянія современной англійской литературы, и русскій читатель, конечно, согласится съ нами, что дѣятельность ея широко разбрасывается по всѣмъ отраслямъ умственной работы. Говоря сравнительно, у насъ въ одинъ мѣсяцъ является больше, если не замѣчательныхъ, то интересныхъ произведеній, чѣмъ во Франціи въпродолженіи цѣлаго года. Одна Германія могла бы спорить съ нами умственнымъ капиталомъ, еслибъ, не лишенная политическаго смысла и не забитая до тупости профессорскимъ доктринерствомъ, она могла избрать болѣе вѣрный путь между рутинной и безплодной теоріей. Современная нѣмецкая литература, не представляемая ни однимъ передовымъ дѣятелемъ, находится въ незавидномъ положеніи, если только исключить изъ ея состава смѣлые теологическіе вопросы, безспорно занимающіе первое мѣсто въ ученой критикѣ.... За всѣмъ тѣмъ, Англія, богатая въ общемъ итогѣ, бѣдна сильными дарованіями, которыя бы особенно высоко стояли надъ общимъ уровнемъ. Но объ этомъ нечего жалѣть; главная задача нашей эпохи — проводить знаніе въ массы, и если въ рядахъ низшихъ сословій каждый годъ прибавится сто или двѣсти грамотныхъ людей, тогда мы готовы радоваться имъ больше, чѣмъ появленію одного гениальнаго человѣка. Притомъ у насъ есть запасъ и на будущее.

Мистеръ Бёкклъ прилежно занимается приготовленіемъ втораго тома, своей «Исторіи Цивилизаціи», который долженъ скоро появиться въ печати. Мистеръ Карлейль также усидчиво работаетъ надъ третьимъ и четвертымъ томами своей исторіи Фридриха Великаго, которые, надѣемся, также появятся въ будущемъ году. Знаменитые англійскіе романисты, не подарившіе намъ ничего замѣчательнаго въпродолженіи 1860 года, Теккерей, Диккенсъ и Кинсли, вѣроятно, напомнятъ о себѣ читающей публикѣ въ 1861 году.

1860-й годъ былъ годомъ политическихъ волненій и военныхъ дѣйствій. Армія волонтеровъ въ Англій, стрѣлковое ученіе, опыты надъ армстронгскими и вайдвортскими пушками — эти и подобныя обстоятельства обратили потокъ народной дѣятельности къ оружію и войнѣ. Равно какъ и слѣдствіе финансовыхъ

перемѣнъ, въ особенности предлагаемая отмѣна пошлины на бумагу приостановили авторовъ и издателей въ печатаніи новыхъ важныхъ сочиненій. Мы, однакожь, довольны этой общей литературной дѣятельностью, обнимающей множество вопросовъ, имѣющихъ мировое значеніе. Мы убѣждены, что русскій пытливый умъ, обращаясь къ англійской литературѣ, всегда найдетъ въ ней что нибудь достойное его вниманія и полезное его практической жизни.

Р. С. ГАРРИСОНЪ.

Лондонъ. 1860, 15 ноября.

Письмо Гоголя къ Б.....ой.

Баденъ-Баденъ, 16 іюля 1837 г.

Я обѣщался писать къ вамъ, пріѣхавши на мѣсто, гдѣ мнѣ суждено пользоваться водопоемъ и передать вамъ тѣ впечатлѣнія, которыя на меня произвела Швейцарія послѣ Италіи. Вы знаете, что я почти съ грустью разставался съ Италіей. Мнѣ жалко было и на мѣсяцъ оставить Римъ. И когда при вѣздѣ въ сѣверную Италію, на мѣсто кипарисовъ и куполовидныхъ римскихъ сосенъ увидѣлъ я тополи, мнѣ сдѣлалось какъ то тяжело. Тополи стройныя, высокіе, которыми я восхищался бы прежде непремѣнно, теперь показались мнѣ пошлыми. Чтобы быть безпристрастиѣе, я заранѣе старался себя приготовить, какимъ образомъ нужно смотрѣть Швейцарію и не сравнивать между собою этихъ двухъ странъ.

Я думалъ, что природа Италіи — странная, — греческо-римская архитектура съ колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцаріи сумрачная, архитектура готическая съ углубренными сводами, летящими въ небо остроконечными шпицами, величавая, вдыхающая безпредѣльныя мысли; — что природа Италіи дѣйствуетъ на чувство, а Швейцарія на мысль и прочіе пустяки; я думалъ стараясь себя увѣрить, что мнѣ также будетъ пріятно взглянуть на Швейцарію послѣ Италіи, ікакъ послѣ коліеза взглянуть на кѣлнскій катедраль, какъ

послѣ прекрасно сготовленнаго обѣда прочесть стихи Пушкина.— Оттого ли что я ѣхалъ чрезъ пустынную Савою, видѣлъ обнаженные ребра скалъ, покрытые тощими кустарниками и остроконечными соснами похожими на наши сѣверныя, только мнѣ показалась Швейцарія въ это время Сибирью. Если бы я видѣлъ долины Шамуни или Юнгфрау, я увѣренъ, что мои впечатлѣнія были бы другіе. Душа бы почувствовала сладкій трепеть и священный ужасъ, глаза бы съ наслажденіемъ окунулись въ страшно-прекрасныхъ пропастяхъ, подлѣ которыхъ, какъ мелкая трава, растутъ лѣса и царапаются по камнямъ сосны и брызжутъ водопады и мысль бы моя, какъ царь, облетѣла отъ снѣговыхъ бѣлояштарно розовыхъ вершинъ альпъ, въ темныя ущелья и зеленныя долины. Дикое и вмѣстѣ высокое наслажденіе!

А ргороз, — въ Туринѣ очень хорошіе сухари къ чаю.

Вотъ мое мнѣніе: кто былъ въ Италіи, тотъ скажи прощай другимъ землямъ. Кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю. — Мнѣ кажется уже душа не въ силахъ будетъ наслаждаться прекраснымъ видомъ какого нибудь мѣста, — она будетъ помнить лучшее и уже ничто не въ силахъ изъ нея выгнать его. — Тѣ горы, которыя казались мнѣ голубыми до Италіи, теперь кажутся сѣрыми. Воздуха нѣтъ, этого прозрачнаго транспаратнаго воздуха. Солнце здѣсь не любитъ такъ земли и людей, какъ въ Италіи. Тамъ оно даетъ имъ какой-то радушной сверкающей колоритъ. Словомъ Европа въ сравненіи съ Италіей все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ. Я вамъ совѣтовалъ бы сдѣлать вотъ что: прожить въ Италіи лишнюю неделю и пробѣжать всю Европу вдругъ, какъ можно скорѣе, не останавливаясь нигдѣ. Пусть все мелькнетъ передъ вами, какъ въ фантастическомъ снѣ. Тогда это будетъ имѣть свое достоинство и въ быстротѣ можетъ быть покажется пріятнымъ. Ни за что не рѣшился бы остаться на житье въ серединѣ Европы, мнѣ въ этомъ случаѣ противна середина.

Я въ Баденѣ мимоѣздомъ. Еще неизвѣстно на какія воды буду отправленъ. Во всякомъ случаѣ въ августѣ мѣсяцѣ надѣюсь быть непременно въ Швейцаріи и можетъ быть буду такъ счастливъ, что встрѣчу васъ еще разъ. Если жъ нѣтъ, то позвольте вамъ пожелать всего, что есть лучшаго на свѣтѣ, что достойно вашей прекрасной души.

Я вамъ много — много благодаренъ. Воспоминаніе о васъ принадлежать будетъ на-всегда къ числу самыхъ прекрасныхъ воспоминаній моей жизни. Я отъ васъ ожидаю отвѣта на это пись-

мо изъ Петербурга. Мнѣ хочется знать, какое чувство будетъ обладать вашею душою при возвращеніи вашемъ на родину въ среду вашего единственнаго въ мірѣ по добротѣ семейства. Вы меня очень обяжете, если что нибудь изъ него расскажете. Между тѣмъ я заранѣе прыгаю отъ радости, воображая что получу вмѣстѣ съ тѣмъ письмо отъ Марьи Петровны на трехъ листахъ, все наполненное петербургскими сплетнями. А такъ какъ я всегда былъ большой охотникъ до сплетней, то это для меня такой лакомый кусъ, съ какимъ не сравнится и то мороженое, какое мы ѣдали у Боюдони. Въ Баденѣ я встрѣтился еще разъ съ Смирновой; она живетъ даже въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жила прежде (кто живетъ въ вашемъ, я не знаю). У ней прочиталъ я Удину Жуковскаго. Чудо что за прелесть! И вы и Марья Петровна будете восхищены ею,—это я знаю напередъ. А до того да сопутствуетъ вамъ Богъ въ вашемъ путешествіи и да доставитъ вамъ, еще много—много пріятныхъ минутъ, много такого на что нужно и прекрасно глядѣть.

Пребываніе же мое помните твердо. Въ Римѣ и нигдѣ больше, и потому письма ваши адресуйте въ Римъ.

Roma, Marz 15, 1838.

Ditemi un poco la mia illustrissima Signora che significa questa musica? Tacete, non dite nulla non scrivete nulla... E possibile di fare così! Voi avete forse dimenticato che dovete scriver mi tre lettere larghe e lunghe com' i mantelli dei Bernardoni, tre lettere tutti piene di callunnia che a mio parere é una cosa necessaria nel mondo, tre lettere scritte, col piu piccolo carattere e di vostro proprio pugno.

Ma forse voi godete talmente della vaghezze e bellezze del vostro dolce clima (che fa tremar da capo a piè tutti gli uomini del mondo) che non volete distrarvi per alcun' altra cosa. O forse

siete tropo occupata della vostra celeberrima collezione di marmi, pietre antiche, e molte moltissime cose, che la vostra signoria a rubata onestamente in Roma (perche doppo Attila e Enserico nessuno a mandato tanto a sacco la città eterna quanto l'a fatto la brillantissima signora Rùssa Maria Petrovna). O fosse voi... ma non posso trovar piu ragioni per iscusarvi.

O mia cava signorina, getatti per la fenestra il vostro Pietroburgo duro come il quercio d'alpine e venite qua. S'io fossi nei panni vostri mostrarei subito il calcagno. Se voi sapeste che bel inverno abbiamo qui. L'aria é tanto dolce, piu dolce del *riso a la milanese* che voi avete sovente mangiato in Roma ed il cielo o dio che bel cielo! Egli è sereno, sereno — simile agli occhi... a, che peccato che i vostri occhi non siano azzuri per far il parragone! ma almeno egli è simile alla vostra anima e com'ella resta tutto il giorno sgombro di nuvole. Ma sapete meglio di me che tutta Italia è un boccone da ghiotto ed io bevo la sua aria balsamica a creppagozza, in modo che par altre forestieri non ne resta niente. Figurateri che sovente mi pare di vedervi spassegiare nelle strade di Roma tenendo in una mano Nibbi e nell' altra qualche santissima antichità trovata, nel mezzo del camino, nera e sporca com' un carbone, che domanda almeno la forza d'Ercole per poterla portare. Così a voi vi si rapresenta forse il mio naso, lungo e simile a quello degli uccelli (o dolce speranza!). Ma lasciamo in pace i nasi; é questa una materia delicata e tratandosi di questa, si puo facilmente restare con un palmo di naso. — Ma tornaremo a bomba: Non trovo alcune novita da scrivervi, le novita come sapete voi stessa non abita in Roma qui tutto è antico: Roma, Papa, le chiese, i quadri. Amio parere le novita sen inventate da quelli che s'annojano, ma sapete voi stessa che nessuno puo annojarsi in Roma fuorche quelli che hanno l'anima fredda comme gli abitanti di Pietroburgo e principialmente i suoi impiegati, innumerevoli comme arena del mare. Tutto sta qui in buona salute: S. Pietro, monte Pincio, Colosseo e molti altri vostri amici vi reveriscono. La piazza Barberini, vi fa così una umplissima, reverenza. Poveretta! ella é adesso tutta solitaria; i tritoni soli muscosi e senza naso al suo solito, spingono tutt avia l'acqua all'insu piangendo della contananza della bella signora boreale che sovente udiva dalla fenestra il lor mormorio melanconico e sovente lo prendeva per quello di pioggia. Le Capre e gli scultori spasseggiano sinora sulla strada Felice dove ho la mia stanza (N° 126 ultimo piano) a proposito della capre: il signor Meier non conta piu adesso, é inna-

morato come un gatto e gnaule sotto voce per non farsi sentire. D'altra parte tutto va al suo solito; tutti sono in comalera con voi che non scrivete niente. Il Colosseo é molto adirato contro la vostra signoria. Per questo raggione non vado da lui perche mi domanda sempre: dite mi un poco mio caro uomicio (mi chiama sempre cosi) che fa adesso la mia donna signora Maria? Ella a fatto il giuramento sull' ara d'amarmi sempre e con tutto cio tace e non vuole conoscermi, dite cosa é questo? ed io rispondo: non lo so, ed egli dice: dite mi perche ella non continua a volermi bene? ed io rispondo: siete tropo vecchio signor Colosseo! Ed egli dopo aver sentito tali parole aggrotta le ciglia, e la sua fronte deviene burbera e severa, e le sue crepaccie — quelle rughe di vecchiezza mi pareano allora patetre e minacevoli, per modo, ch' io sento paura e mi ritiro spaventato. Di grazia la mia chiarissima signora non dimenticate la vostra promessa: Scriveté! farete un gran piacere, a noi. Le Ombre di Romulo, di Scipione, di Augusto tutti ve ne saranno tenuti ed io massi mamente.

A rivedela mia illustrissima signora
il vostro servidore fino alla morte.

NICOLA GOGOL.

Письмо Н. В. Гоголя къ Марьѣ Петровнѣ Балабиной.

Римъ, марта 15-го. 1838 г.

Скажете, почтеннѣйшая синьора, что это за пѣсія? Молчите, не говорите ничего, не пишите ничего.... Возможно ли такъ поступать! Вы, можетъ статья, забыли, что должны мнѣ написать три письма, длинныя и широкія, какъ мактии Бернардинцевъ, три письма, всѣ наполненныя злословіемъ, которое, какъ мнѣ кажется, вещь неизбѣжная въ свѣтѣ; три письма, написанныя мельчайшимъ шрифтомъ и собственнымъ вашимъ почеркомъ.

Впрочемъ, можетъ быть, вы наслаждаетесь удовольствіями и сладостями вашего климата, (заставляющаго дрожать съ головы до ногъ всё живое въ мірѣ, что не хотите развлечься чѣмъ-

нибудь инымъ. Или можетъ быть, вы слишкомъ заняты вашей знаменитой коллекціей мраморовъ, античныхъ камеевъ и многими множествомъ вещицъ, добросовѣстно прибрѣтенныхъ вашей милостью, въ Римѣ (такъ какъ послѣ Аттилы и Гензерика, никто такъ не разорялъ вѣчнаго города, какъ блистательная русская синьора Марія Петровна). Или, можетъ статься, вы... но не могу найти болѣе предлоговъ для вашего извиненія.

О любезнѣйшая синьорина, бросьте въ окошко вашъ Петербургъ, и приѣзжайте сюда. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я тотчасъ показалъ бы каблуки. Еслибъ вы знали, какая здѣсь у насъ прекрасная весна! Воздухъ такъ сладокъ, слаще, чѣмъ рисъ, приготовленный *по милански*, который вы такъ часто кушали въ Римѣ; а небо, Боже! что за чудное небо. Оно ясно, ясно — какъ глаза... какъ на-грѣхъ, у васъ глаза не голубые и не идутъ для сравненія! Но по крайней-мѣрѣ, оно подобно вашей душѣ, и остается цѣлый день безоблачно. Но вы знаете лучше меня, что вся Италия — это лакомый кусочекъ, и я упиваюсь ея бальзамическимъ воздухомъ до надрыва горла, съ такою жадностію, что для другихъ иностранцевъ не остается ничего. Вообразите, мнѣ часто кажется, что вижу васъ идущею по римскимъ улицамъ въ одной рукѣ съ путеводителемъ Нлбби, а въ другой съ какимъ-то священнымъ антикомъ, найденнымъ на перепутьи, грязнымъ и чернымъ, какъ уголь, и требующимъ по-крайней-мѣрѣ геркулесовской силы для того, чтобъ нести его. Такъ можетъ быть и вамъ видится мой носъ длинный, подобный птичьему, (о сладостная надежда!). Но оставимъ въ покоѣ носы: это матерія деликатная, трактуя о ней легко можно остаться съ носомъ. — Обратимся къ дѣлу: не нахожу никакой новости написать вамъ. Новости, какъ вы сами изволите знать, не обитаютъ въ Римѣ; здѣсь все древности: и городъ, и папа, и перкви, и картины. Мнѣ кажется, что новости изобрѣтаются тѣми, кто скучаетъ; но сами знаете, можетъ-ли кто-нибудь скучать въ Римѣ, кромѣ тѣхъ, у кого душа холодна, какъ у жителей Петербурга, и особенно у его чиновниковъ, несчетныхъ какъ песокъ морской. Все здѣсь въ добромъ здоровьи: храмъ св. Петра, холмъ Пинціо, Колизей и многіе другіе ваши друзья вамъ кланяются. Площадь Барберини посылаетъ вамъ также нижайшій поклонъ. Бѣдняжка! она теперь совершенно пустынна; одинокіе триптоны, мшистые и безносые, точатъ попрежнему воду, тайно плача, по далекой прекрасной сѣверной синьорѣ, которая часто изъ окна вслушивалась въ ихъ меланхолическій ропотъ и часто принимала его за

шумъ дождика. Козы и скульпторы попрежнему бродятъ по улицѣ Феличе, гдѣ моя квартира (N° 126 въ верхнемъ этажѣ): кстати, о козлахъ: синьоръ Мейеръ нынѣ уже больше не поетъ: онъ влюбленъ какъ котъ, и мурлычетъ вполголоса, чтобъ не выдать себя.

Съ другой стороны, все здѣсь идетъ своимъ обычнымъ ходомъ; только всѣ въ гнѣвѣ на васъ, за то, что ничего не пишете. Коллизей сильно гнѣвается на вашу милость. По этой причинѣ, я его не посѣщаю, потому что онъ вѣчно у меня спрашиваетъ: скажи-ка мнѣ, любезнѣйшій дружище, (такъ онъ всегда меня называетъ), что-то подѣлываетъ теперь моя любезная синьора Марія? Она дала клятву любить меня вѣчно и при всемъ томъ молчать и знать меня не хочетъ; скажи, что это значитъ? И я отвѣчаю: не знаю. А онъ говоритъ: скажи мнѣ, почему она перестала благоволить ко мнѣ? а я отвѣчаю: «старъ ты слишкомъ, синьоръ Коллизей!» Слыша такія слова, онъ хмуритъ брови и лобъ его становится еще мрачнѣе и суровѣе, и его разсѣлины — эти морщины старости мнѣ кажутся тогда еще темнѣе и грознѣе, такъ что я, объятый страхомъ, поспѣшно удаляюсь. Помилосердуйте, яснѣйшая синьора, и не нарушайте своего обѣта. Пишите! Доставите намъ большое удовольствіе. Тѣни Ромула, Сципіона и Августа, всѣ здѣсь вамъ будутъ очень обя-заны и я всѣхъ богѣе.

До свиданія, мой достославнѣйшая синьора.

Вашъ покорный слуга до гроба.

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ.

Письмо III.

О выставкѣ въ Академіи Художествъ.

Вотъ вамъ наконецъ и третье письмо о той же самой выставкѣ. Она прошла, и уже никогда не повторится. Въ свое время о ней было сказано больше чѣмъ можно было сказать, и теперь многіе забыли ее прежде чѣмъ возможно позабыть объ ней.

Въ моемъ прошедшемъ письмѣ, я остановился... или, лучше сказать, я послалъ къ вамъ письмо мое съ порога, 1-й античной галереи, прежде чѣмъ перешагнуть его.

Въ эту минуту, она занята другой выставкой — выставкой картинъ нашего знаменитаго художника г. Боголюбова. Боголюбовъ вышелъ на сцену только что опустѣвшую, и велѣлъ опять поднять занавѣсъ. Слишкомъ тридцать морей и рѣкъ проливовъ и заливовъ вдвинулъ онъ какъ чародѣй въ тридцать золоченыхъ рамъ, и позвалъ публику. Публика пришла и подняла крикъ, или, иначе сказать, начала шептаться, озадаченная такимъ изобиліемъ волнъ, такимъ необычнымъ трудолюбіемъ, такимъ волшебнымъ искусствомъ, такимъ широкимъ и вольнымъ размахомъ кисти, и проч. проч.

Но подивитесь плодовитости нашихъ талантливыхъ художниковъ, когда вы будете читать это письмо, на мѣсто замѣчательныхъ картинъ Боголюбова явится рядъ картинъ г-на Горавскаго, только что прибывшаго изъ за границы. Такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году, начиная съ сентября, въ академическихъ залахъ выставка слѣдуетъ за выставкой. Но, я не доплатилъ вамъ моего стараго долга; чтобъ уплатить его, я долженъ обратиться къ прошедшему, долженъ выкинуть изъ памяти около шести послѣднихъ недѣль, забыть даже о картинахъ г-на Боголюбова, и мысленно посѣтить ту самую выставку, которой уже нѣтъ, которая разлетѣлась; и вмѣсто достоянія художниковъ, достоянія академіи, стала достояніемъ русскихъ, украшеніемъ дворцевъ или кабинетнымъ сокровищемъ. Эти послѣднія слова мои — не фраза, ибо лучшія изъ произведенія нашей живописи всѣ почти раскуплены, частью Государемъ Императоромъ и членами императорской фамиліи, частью людьми богатыми (хотя и не аристократами.)

Какъ хотите, а я, право, не радъ, что тогда же не кончилъ

Отд. III.

3

я своего письма, и что теперь поневолѣ долженъ писать къ вамъ третье. Не легко писать о томъ, что ушло изъ глазъ, и о чемъ всѣ мы наслушались столько разнообразныхъ толковъ, похвалъ и порицаній. Нельзя теперь ни повѣрить своихъ впечатлѣній ни распознать, гдѣ кончается чужое и гдѣ начинается мое собственное мнѣніе.

Сколько разъ съ тѣхъ поръ казалось мнѣ, слышу я въ чужихъ устахъ, мое, какъ будто уже выказанное гдѣ-то замѣчаніе, и наоборотъ, сколько разъ невольно приходилось мнѣ соглашаться съ чужимъ мнѣніемъ, и быть можетъ неумышленно, какъ свое собственное, повторять его.

Я рѣшительно почти убѣжденъ что въ этомъ письмѣ я не много скажу вамъ новаго; такъ напримѣръ не было ни одной статьи о выставкѣ (а статей было много, такъ много что я и половины изъ нихъ не прочелъ), гдѣ бы не говорилось о картинахъ Соколова. Помню что въ «Современникѣ» г-нъ Ковалевскій сравнилъ талантъ его съ талантомъ И. С. Тургенева. Мнѣ кажется, что не можетъ быть тоньше и удачнѣе такого сравненія; но неужели же я долженъ непремѣнно придумать еще удачнѣйшее сравненіе. Если такъ, то я буду поставленъ въ необходимость сравнить талантъ г-на Соколова съ талантомъ Шопена, извѣстнаго своими душевными музыкальными композиціями, ибо въ картинахъ г-на Соколова есть и своего рода душевность и своего рода музыка — музыка красокъ.

Нѣтъ, на этотъ разъ у меня рѣшительно нѣтъ способности быть фельетоннымъ писателемъ, и ничего особенно игриваго не лезетъ въ мою голову. Быть можетъ это происходитъ отъ того что я боюсь излишнимъ многословьемъ наскучить вамъ.

Обращаюсь къ прежнему плану, не слишкомъ замысловатому, но для меня наиболѣе удобному — буду попрежнему заочно подводить васъ то къ тѣмъ то къ другимъ картинамъ, и говорить объ нихъ такъ, какъ будто всѣ художники — люди безъ претензій, — и нисколько не обижаются, если я говорю объ ихъ произведеніяхъ всё, что, глядя на ихъ, мнѣ приходитъ въ голову. Мнѣ же остается сказать вамъ о перлахъ нашей живописи, (слово *pearls*, ввелъ въ моду покойной Гоголь).

Буду я вамъ говорить объ нихъ, безъ тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыхъ нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ какъ да ни. Дань эту, насколько могла уплатить имъ наша публика, давно уже собрана и уплачена. Публика наша скупа на эту дань, скупѣе Французовъ и Нѣмцевъ, она, извольте видѣть,

боится, что она захвалитъ талантъ если будетъ слишкомъ долго хвалить его, она при этомъ имѣетъ еще обыкновеніе дожидаться что скажутъ объ нашихъ художникахъ въ Парижѣ, и такъ какъ Парижъ рѣшительно ничего не говоритъ объ нашей выставкѣ, то мы и не смѣемъ слишкомъ увлекаться.

Такъ (смотрите первое письмо мое) публика наша восхищается русскимъ искусствомъ изъ-подтишка, въ тихомолку. Я готовъ восхищаться громко, недожидался того, что скажутъ въ Парижѣ, но, вы не просите у меня восторговъ, вы хотите искренняго моего мнѣнія, и суда, по возможности строгаго.

Чѣмъ выше башня, тѣмъ длиннѣе тѣнь, чѣмъ значительнѣе талантъ, тѣмъ болѣе у него завистниковъ, но пусть завидуютъ ему тѣ, которые такъ сказать лежатъ у его основанія, или стараются дотянуть до такой же высоты свое приземистое дарованье.

Не изъ зависти судить критикъ такое произведеніе, на которомъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта. Онъ это дѣлаетъ часто вслѣдствіе, двухъ побужденій: первое побужденіе, разрѣшить одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, т. е. найти въ красотѣ такія черты, которыя мѣшаютъ ему*вполнѣ отдаться и повѣрить ей, т. е. привести въ сознаніе все то, что его не вполнѣ удовлетворяетъ.

Второе побужденіе—убѣдить себя и другихъ, что прекрасное вполнѣ прекрасно, т. е. привести въ состояніе все то, что вполнѣ его удовлетворяетъ.

Есть у нѣкоторыхъ и еще третье побужденіе, а именно побужденіе дать совѣтъ художнику; но такое побужденіе простиительно только передъ ученическими работами. Я не вѣрю, чтобъ совѣтъ мой могъ кому либо принести пользу, точно также какъ не вѣрю, чтобъ можно было *захвалить талантъ*, т. е. похвалами уколотить его, (найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ въ исторіи чтобъ похвалами былъ убитъ гений или даже просто живой саморазвивающійся талантъ).

Невниманіе хуже самой придирчивой критики; равнодушное молчаніе для таланта убійственнѣе похвалъ самыхъ неумѣренныхъ. Но — чтобъ не заходить никуда далеко въ старину, пишу:

1) Картины А. И. Мещерскаго («Видъ въ Оберландѣ» и «Видъ Женевы»)

2) Картины М. С. Эрасси. Рейхенбахъ «озеро 4-хъ кантоновъ» и «Берегъ Женевского озера».

Г. Ерасси и г-нъ Мещерскій оба ученики Каляма, оба стало-быть пейзажисты, оба съ замѣчательнымъ дарованіемъ, но между ними есть различіе. Г. Ерасси по исполненію стоитъ гораздо ближе къ Каляму, чѣмъ г. Мещерскій. Онъ усвоилъ себѣ не только краски, способъ подмалевки, свѣтъ и тѣнь, но и любимые мотивы своего любимаго наставника, мотивы, похищенные у природы, исключительно швейцарской. Г-нъ Мещерскій, замѣтно не такъ близко стоитъ къ своему учителю.

Говорятъ, Калямъ когда-то во время поѣздки своей на югъ Италіи, самъ сознался, что палитра его блѣдна для итальянскаго неба и для тѣхъ волшебныхъ безпрестанно измѣняющихся красокъ, какія льетъ это небо на окрестности Рима или Неаполя. Калямъ остался вѣренъ своей родной природѣ, не увлекся новой страстью, и не увлекся потому конечно, что какъ умный человѣкъ предвидѣлъ неудачу.

Г. Ерасси очень легко можетъ стать въ такое же отношеніе къ нашему сѣверу, въ какомъ находился учитель его къ Италіи. Будетъ ли годиться кисть его, палитра и краски для степной природы, или для всякой другой, которая не напомнитъ ему ни Швейцаріи, ни вмѣстѣ съ нею мастерской Каляма, или — не будетъ? Вотъ вопросъ, который невольно приходитъ въ голову: когда любишь пейзажами г. Ерасси. Этотъ вопросъ далеко не пустой, и не шуточный. Отвѣчайте на него да, и талантъ. Ерасси будетъ идти впередъ, хотя бы захалъ онъ не только въ Петербургъ, но и на берега Бѣлаго моря, къ бѣлымъ медвѣдямъ.

Если нѣтъ, то г. Ерасси опять долженъ ѣхать въ Швейцарію и тамъ продолжать Каляма.

Г. Мещерскій, какъ видно еще не успѣлъ всему выучиться у Каляма, но заявилъ свой талантъ, и кажется можетъ гораздо свободнѣе чѣмъ г. Ерасси проложить свою независимую дорогу, иначе сказать, приобрести свою манеру, придумать свои краски, подмѣтить новые мотивы въ природѣ, и забывши прежнія уроки, отдаться своему собственному вдохновенію.

Недостатокъ нѣкоторыхъ пейзажей г. Ерасси, это сухость или незанимательность перваго плана; обыкновенно всѣ поэзіи картинъ его уходятъ въ даль, особенно хороши озера, скалы, воздушная перспектива горъ и отраженіе ихъ въ зеркальной поверхности роскошно и спокойно разливающихся лазурныхъ волнъ; нѣкоторыя изъ группъ деревьевъ также хороши, особенно тѣ, которыя какъ будто дремлютъ.

Г. Мещерскій много повредилъ своей картинѣ, кривой, совершенно дѣтски начерченной, и пестро намалёванной фигуркою женщины; помѣстилъ же онъ ее безъ нужды почти что на первомъ планѣ. Если г. Мещерскій хочетъ писать пейзажи съ фигурами, то конечно долженъ прежде всего научиться какъ писать фигуры.

3) Картины Л. Ф. Лагоріо «Аннибальскіе фонтаны въ Рокка ди-Папа». «видъ въ Понтійскихъ болотахъ» и «видъ Капо де Монте въ Соренто».

По рисунку и выполненію, всѣ эти картины — верхъ совершенства. Серьезный взглядъ на искусство, долгое изученіе природы, свободная широкая кисть и самобытность творчества, вотъ тѣ достоинства, которыя ставятъ г. Лагоріо въ число лучшихъ современныхъ намъ пейзажистовъ.

Если случается пейзажи его иногда почему-то не вполне удовлетворяютъ васъ, не смотря на мастерство съ какимъ они написаны, то во первыхъ не оттого ли это, что г. Лагоріо часто слишкомъ подчиняется природѣ и мало даетъ свободы своей фантазіи.

Нѣкоторые изъ лучшихъ картинъ его по рисунку, кажутся вѣрны какъ дагеротипъ, и не смотря на живость красокъ похожи на тщательно dokonченные этюды, (такова напримѣръ картина его Аннибальскій фонтанъ въ Рокка ди Папа) и во вторыхъ не оттого ли, что г. Лагоріо иногда вдается въ два тона, какъ видно особенно имъ любимыхъ, и именно въ сѣрый, когда онъ пишетъ даль и горы, и въ желто-оранжевый, когда онъ пишетъ зелень, (въ особенности траву на первомъ планѣ).

Вотъ все, къ чему можно иногда придратъся, любуясь пейзажами г. Лагоріо. На выставкѣ, изъ числа трехъ картинъ его больше всѣхъ нравился «видъ Капо де Монте въ Соренто». На первомъ планѣ этой небольшой картины воздымаются такія прозрачно-синія волны, какія бываютъ только тамъ, гдѣ по морскому берегу растутъ лимонные и померанцевыя рощи.

4) Изъ числа семи картинъ г. Н. Е. Сверчкова, только три можно назвать картинами съ содержаніемъ, а именно «табунъ при закатѣ солнца «мальчикъ на лошади» и «эстафета зимой», остальные портреты лошадей.

Г. Сверчковъ весь отдался изображенію животнымъ, по преимуществу же лошади; лошадь играетъ у него главную роль, даже тамъ, гдѣ на сценѣ люди; на челоуѣка г. Сверчковъ смотритъ какъ на дополненіе, иногда неизбѣжное, при изображеніи своего любимаго животного. Никто не упрекнетъ г-на Сверч-

кова за то, что онъ вѣренъ своей специальности, что у него есть свой конекъ, но многіе справедливо замѣчаютъ, что онъ не довольно разнообразенъ и мало изобрѣтателенъ. Сколько разныхъ сочетаній и занимательныхъ сценъ, примѣнимыхъ даже къ человѣческимъ страстямъ, могъ бы доставить ему мѣръ животныхъ: собака и кошка, — кошка и мышь, — собака загоняющая въ стадо отставшаго быка, — собака осторожно пробующая лапой сверчкашагося ежа, — кошка слѣдящая за полетомъ бабочки и проч. и проч. Я не учился анатоміи животныхъ, и стало быть ничего не могу сказать вамъ, на сколько рисунку г. Сверчкова вѣренъ природѣ тамъ, гдѣ онъ изображаетъ коня на всемъ скаку, или въ ракурсѣ. Я знаю, что г. Сверчковъ изучалъ предметъ свой больше насъ съ вами, и мы должны въ этомъ случаѣ ему вѣрить; но, что картины его далеко не всѣ производятъ цѣльное, и неотразимое впечатлѣніе, это, сожалѣнію и я, и вы можете замѣтить, если станете припоминать рядъ картинъ его, вами когда нибудь и гдѣ нибудь видѣнныхъ; немногія изъ нихъ какъ напримѣръ «тройка» или «свадебный поѣздъ» на долго врѣзаются въ память. Зимній пейзажъ удался г. Сверчкову гораздо лучше чѣмъ лѣтній, (вдообще, онъ мало изучалъ пейзажную живопись). Изъ числа выставленныхъ имъ картинъ, лучшая, «мальчикъ на лошади». Говорятъ, соперничество сильно развиваетъ изобрѣтательность, а у г. Сверчкова положительно нѣтъ пока равносильныхъ ему соперниковъ, одинъ г. Тиммъ могъ бы помѣриться съ нимъ, но мы давно уже не видимъ картинъ г. Тимма; талантливый и добросовѣстный издатель Художественнаго листка, онъ промѣнялъ палитру и кисть на литографическій карандашъ и не гоняясь за славой, которая такъ привѣтливо ему улыбалась, безъ шума, но не безъ пользы и не безъ значенія, служить русскому искусству и русскому обществу.

б) Картины А. Ф. Чернышева. «Норманскіе рыбаки» и «Итальянскіе разбойники нападающіе на дилижансъ.»

Еслибъ въ началѣ своего художественнаго поприща, г. Чернышевъ выставилъ эти двѣ картины на судъ публики, онъ возбудилъ бы великія надежды. Пріятный, свѣжій колоритъ и добросовѣстная оконченность подробностей, вызвали ли бы и съ нашей стороны болѣе похвалъ чѣмъ замѣчаній; но, г. Чернышевъ, не далеко стоитъ отъ той черты, за которой уже не подають надеждъ, а должны или ихъ оправдывать, или не пекать на охлажденіе публики. Г. Чернышевъ превосходно чертитъ, но въ послѣднія годы мало сдѣлалъ для живописи. Не

смотря на многія достоинства вышеупомянутыхъ, выставленныхъ имъ картинъ, не замѣтно, чтобъ художникъ работалъ надъ ними съ тѣмъ вдохновеніемъ, которое такъ магически дѣйствуетъ на зрителей. Сцена съ разбойниками, нападшими на дилижансъ, не возбуждаетъ въ насъ никакого почти участія. Въ ней нѣтъ ничего особенно страшнаго, и ничего особенно смѣшнаго, она не нова, и при внимательномъ анализѣ не вполне удовлетворяетъ строгой и взыскательной критикѣ. (Критика произведений искусства всегда взыскательна). Намѣреніе художника остается загадкой. Его очевидно поразила въ событіи, имъ изображенномъ, не поэтическая сторона его, т. е. не трагизмъ и не комизмъ событія, а пестрая и живописная обстановка — лица, костюмы, сильныя энергическія позы, лѣсъ, и проч. и проч. На каждомъ лицѣ, на каждой фигурѣ я могу остановиться порознь, разсматривать ихъ, и даже находить ихъ прекрасными, но всѣ лица, всѣ фигуры какъ то не вяжутся въ одно общее, силою художественнаго соображенія; а полное впечатлѣніе зависитъ только отъ этого общаго. Я отдаю предпочтеніе другой его картинѣ, менѣ блестящей, но зато болѣе симпатической «норманскіе рыбаки» вышли лучше итальянскихъ разбойниковъ, и въ сѣренкомъ норманскомъ небѣ оказалось больше поэтической правды, чѣмъ въ дремучемъ лѣсу, пожелтѣвшемъ отъ полуденнаго солнца.

6) Картина Вас. Гр. Худякова «игра въ шары».

Картина эта, красота и слава московской выставки, была не менѣ привлекательна и здѣсь, хотя и не возбудила такихъ толковъ, такихъ горячихъ споровъ, какъ тамъ. О ней много писали и писали съ увлеченіемъ. Картина дѣйствительно поражаетъ; на ней лежитъ печать таланта великаго. Вся она дотого проникнута тепломъ и свѣтомъ, что зритель забываетъ и сюжетъ и самое названіе картины. Зритель становится похожъ въ этомъ случаѣ на юношу-туриста, который пришелъ посмотреть какъ играютъ итальянцы въ шары и вдругъ увидѣлъ группу дотого красивыхъ дѣвушекъ, что не видитъ ни игры, ни играющихъ. Странно то, что недостатки картины этой составляютъ въ то же время и ея достоинство; строгому теоретику не понравится что картина равно занимательна отъ одного угла до другаго, что дальній планъ привлекателенъ также какъ и первый, что нѣтъ центра, на которомъ можно сосредоточить все вниманіе, что старуха выглядывающая изъ окна, сама по себѣ уже картина такая, что, глазъ отъ нея не оторвешь; но еслибъ всѣ эти не-

достатки не были сами по себѣ такъ блестящи, и главное, еслибъ нарушали полноту впечатлѣнія, мы бы осудили ихъ. Конечно не *ира съ шары* а Богъ знаетъ что производитъ впечатлѣніе. Глядя на картину Худякова, наслаждаешься всею прелестью, всею роскошью, всею поэтической обстановкой вѣчно классической, вѣчно живой Италіи.

Картины И. И. Соколова, «Константинопольское кладбище» «Морской берегъ» «Дѣвушки, гадающія на вѣнкахъ» и «Рекруты».

Послѣ картины г. Худякова — только и возможенъ переходъ къ картинамъ г. Соколова *). Вы знаете уже, что не было ни одной статьи объ нашей выставкѣ, въ которой бы не говорилось объ немъ почти съ такимъ же увлеченіемъ — съ какимъ когда-то критика наша встрѣчала произведенія нашихъ лучшихъ передовыхъ писателей. — Увлеченье это вначалѣ не допускаетъ замѣчаній; такіа замѣчанія намъ самимъ кажутся пустою придирчивостью изъ самолюбиваго желанія выказать нашу тонкую наблюдательность. — Талантъ, который такъ радуется — какъ радуется насъ талантъ Соколова, надолго устраниваетъ возможность дѣльной критики. Радость снисходительна. Соколовъ настолько успѣлъ въ живописи, что даже зависть боится явно говорить объ немъ.

На четырехъ выставленныхъ имъ картинахъ, онъ является намъ и какъ жанристъ, и какъ пейзажистъ. Каждая картина — новость. Содержаніе одной нисколько не напоминаетъ намъ другую. Въ одной — мрачное кладбище въ окрестностяхъ Константинополя, которое до такой степени озарилось присутствіемъ играющихъ дѣтей, что потеряла всю свою мрачность, и кажется маленькимъ эдемомъ, гдѣ такъ легко отвести душу, и помириться съ жизнью. По моему, послѣ «Рекрутовъ» это лучшая картина, изъ четырехъ, какъ по композиціи, такъ и по мастерскому исполненію. Она напоминаетъ манеру знаменитаго французскаго художника Декана — картинъ котораго Соколовъ никогда не только не изучалъ, но и едва ли гдѣ нибудь видѣлъ. Въ Художественномъ листкѣ г. Тимма вы найдете снимки съ трехъ картинъ г. Соколова — Они дадутъ вамъ вѣрное понятіе объ ихъ композиціи — но далеко не произведутъ на васъ то впечатлѣніе. Колоритъ, то блестящій и золотисто-яркій какъ лучи южнаго солнца, то задумчивый и туманный, играетъ большую роль въ картинахъ такого колориста,

*) Мы слышали, что многіе ошибочно принимаютъ г. Ивана Ивановича Соколова за одного изъ сыновей знаменитаго акварельнаго портретиста, но онъ даже ему и не родственникъ, хотя и носитъ одну съ нимъ фамилію.

каковъ г. Соколовъ и — до такой степени сливается съ содержаніемъ, что передать его литографическимъ карандашомъ тоже, что рассказать лирическое стихотвореніе Пушкина — прозой.

О картинѣ Соколова »рекруты« я сказать ничего не могу, она до такой степени вполне меня удовлетворяетъ, что я могу только удивляться творческимъ силамъ художника.

Картина «рекруты» или какъ сказано въ Художественномъ Листкѣ «Отъѣздъ парубковъ назначенныхъ въ рекруты», затмѣваетъ не только картины другихъ менѣе даровитыхъ художниковъ, но даже въ ряду его собственныхъ произведеній заставляетъ насъ невольно сознавать, что — ни «*Малороссійскія дѣвушки, гадающія на вѣнкахъ*» ни «*Морской видъ*» не могутъ съ ней соперничать.

Въ этихъ 2-хъ послѣднихъ картинахъ есть и недостатки: такъ напримѣръ эффектъ отъ пылающей лучины, озарившей лица дѣвушекъ въ лодкѣ — кажется слишкомъ придуманнымъ, а волны моря на переднемъ планѣ (въ морскомъ видѣ) слишкомъ тяжелы. Конечно эти недостатки выкупаются у г. Соколова первоклассными достоинствами. — Дай Богъ, чтобъ талантъ г. Соколова — развивался, крѣпнулъ и богатѣлъ содержаніемъ, чтобъ художникъ съ каждымъ годомъ радовалъ насъ новыми плодами своего трудолюбиваго творчества.

На этомъ желаньи я оканчиваю третье послѣднее мое письмо, о нашей академической выставкѣ. Оно далеко не полно и быть можетъ многіе упрекутъ меня, зачѣмъ не сказалъ я ни слова ни о картинѣ г. Бейдемана «Руфь», ни о картинѣ г. Шарлемана — «Петръ Великій объявляетъ миръ со Швеціей» но въ первой изъ нихъ — неприятно поражаетъ желтоватый колоритъ и слишкомъ неподвижная, истуканная фигура Вооза; а въ другой дѣйствующія — лица кажутся наряженными актерами; но недостатки картины г. Бейдемана выкупаются наивной прелестью Руфи собирающей колосья и тою теплотою чувства, которое нѣсколько располагаетъ къ ней.

Объ иностранныхъ знаменитыхъ художникахъ на этотъ разъ не скажу вамъ ни слова. Они у насъ явленія случайныя, наша публика знаетъ ихъ не по однимъ именамъ. За нихъ стоитъ европейская критика — и мои слова не дойдутъ до нихъ. — Для васъ же они будутъ слишкомъ блѣдны — потому что сказать объ нихъ что нибудь новое, можетъ только тотъ, кто знакомъ съ цѣлымъ родомъ ихъ произведеній.

Я — ИЙ.

Р и с т о р и.

Бѣдные провинціалы! у васъ нѣтъ Ристори, а у насъ есть: и мы, одинъ на сто человекъ, зная кое-какъ италіянскій языкъ, наслаждаемся ея классическими трагедіями, а вы — нѣтъ. У васъ все еще продолжаютъ плакать надъ Велисаріемъ, въ медвѣжьихъ сапогахъ и въ каскѣ пожарнаго солдата, а мы не только слушаемъ, но и понимаемъ Юдиѣ и Марію Стюартъ. Ну гдѣ же вамъ сравниться съ нами? Въ искусствѣ — не только брать взятки; но и быть компетентными судьями европейскихъ артистовъ, мы признаны передовыми людьми. Едва успѣла высадиться изъ вагона пламенная Италіянка, подъ 15 градусами сѣвернаго мороза, и мы уже успѣли раздѣлиться на двѣ партіи — одни за Рашель, а другіе за Ристори. Кричимъ, споримъ, горячмся, а вопросъ все-таки ъстается не рѣшеннымъ и, будьте увѣрены, никогда не рѣшимъ его, потому что мы любимъ спорить не ради истины, а такъ — ради крику и шуму. Ужасно скучно и однообразно, — когда не кричимъ!

Но что же такое Ристори — эта колоссальная и единственная новость нашего артистическаго міра? Въ 1858 году мы видѣли ее на парижской сценѣ, гдѣ она была принята довольно сухо. Передать здѣсь мое личное впечатлѣніе я не намѣренъ, но долженъ замѣтить, что большинство французской публики, сравнивая Ристори съ ея бывшей соперницей Рашелью, было въ пользу послѣдней. Парижская буржуазія, воспитанная на театральныхъ манерахъ и довольно неловко считаая изъ всевозможныхъ пріемовъ лицемерія и лжи, особенно осталась недовольна простыми и рѣзкими манерами италіянской актрисы. У Рашели все было искусственно, отъ румянъ и до надутыхъ монологовъ Расина; а у Ристори вмѣсто искусства часто проглядываетъ натуральная страсть, искреннее увлеченіе ролью и всегда пластическій, но размашистый жестъ. Вотъ это-то и не поправилось парижскимъ лавочникамъ и биржевой аристократіи, требующей отъ искусства той же жеманности и тартюфизма, къ какому она привыкла за своими конторками и на мѣщанскихъ балахъ. Черезъ шесть недѣль ту же артистку мы встрѣтили на лондонской сценѣ, среди многочисленнаго собранія зрителей, въ огромномъ драматическомъ театрѣ и, признаемся, были изумлены восторженнымъ пріемомъ ея. Англичане, какъ на-зло Французамъ, восхищались

именно тѣми ролями и патетической игрой Ристори, которыя были приняты холодно въ Парижѣ. Выполненіе ею драмы Шекспира «Макбетъ» было такъ художественно, что знаменитый Кинъ долженъ былъ на-время уступить эту пѣсу иностранкѣ и перейти къ своему творческому идеалу «Венаціанскаго купца». Журналы почти единодушно провозгласили Ристори первой актрисой нашего времени. Посмотримъ, что толковаго скажутъ о ней въ Петербургѣ.

Дочь итальянскаго актера Антоніо Ристори и актрисы Магдалины Поматели, Ристори родилась въ Италіи, въ 1823 году. Родители ея были второстепенными артистами одной изъ странствующихъ труппъ, которая давала свои представленія, переходя изъ города въ городъ, по всему полуострову. Знаменитая артистка начала свое поприще въ самые ранніе годы дѣтскаго возраста. Съ четырехъ до двѣнадцати лѣтъ, она постоянно играла дѣтскія роли вмѣстѣ съ отцомъ и матерью. Замѣчательно, что даже въ эти юные годы, извѣстный импрессаріо Монкальво, заключилъ съ ней условіе, по которому она должна была исполнять въ его труппѣ роли субретокъ. 14-ть лѣтъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ, она сыграла роль Франчески-де-Римини, въ трагедіи Сильвіо Пеллико, и вслѣдъ затѣмъ, простившись навсегда съ блуждающими труппами дневныхъ театровъ и второстепенныхъ сценъ, поступила въ труппу короля сардинскаго. Въ то время въ этой труппѣ, состоявшей подъ управленіемъ лучшаго итальянскаго комика Гастано Бацци, находилась знаменитая Карлотта Маркіонни. Подъ руководствомъ ея Ристори развила и окончательно пристрастилась къ своему искусству. Въ 1841 году она перешла въ труппу герцога пармскаго, и уже постоянно являлась, въ комедіи и драмѣ, одной изъ первыхъ актрисъ Италіи. Репертуаръ ея былъ чрезвычайно разнообразный. Она играла въ пьесахъ: Гольдони, Ноты, Фортиса, Джакометти, Маренко, Волю, Тесты; а въ пьесахъ французскаго репертуара, переведенныхъ на итальянскій языкъ, исполняла роли Марсъ, Дорваль, Вольнисъ и проч. Въ 1846 гду, когда извѣстность ея достигла полной высоты, когда имя ея обобщилось во всей Европѣ, въ нее влюбился маркизь Джуліано-дель-Грильо. Молодой маркизь предложилъ ей руку, но аристократическая фамилія долго не хотѣла дать свое согласіе на ихъ бракъ. Однако жъ твердая рѣшимость и истинная страсть влюбленной пары одолѣли всѣ препятствія. Маркизь дель Грильо и Аделаида Ристори, въ присутствіи родственниковъ, торжественно

но, были обвинены въ 1847 году. Вступивъ въ гордую семью маркизовъ Капроника, Ристори, въ угожденіе ей, должна была принести съ своей стороны великую жертву — отказаться отъ театра. Но сильное, неотразимое призваніе къ искусству было присущимъ элементомъ ея высоко-артистической натуры. Три года боролась она съ желаніемъ поступить на сцену. Между-тѣмъ общій голосъ всей Италіи звалъ ее на покинутое ею поприще. Наконецъ, гордый тесть ея, старый маркизъ Капроника, понялъ, что онъ не вправѣ лишать цѣлую страну представительницы драматическаго искусства. Онъ дозволилъ ей опять явиться на сценѣ, и Ристори въ 1850 году поступила въ сардинскую королевскую труппу. Въ первую эпоху своей артистической дѣятельности, она играла только въ комедіяхъ и драмахъ, но теперь захотѣла испытать свои силы въ трагедіи. Создавъ роль «Мирры», Ристори сдѣлалась знаменитой трагической актрисой, и въ четыре года съ сардинской труппой перебивала во всѣхъ столицахъ Италіи. Въ 1855 году Ристори въ первый разъ показала въ Парижѣ и явилась на тамошнемъ итальянскомъ театрѣ въ роли Франчески. Игра итальянской артистки произвела на парижскую публику сильное впечатлѣніе; а потомъ, когда она сыграла роль «Мирры» и «Маріи Стюартъ» — восторгъ зрителей превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія, и каждое появленіе ея было новымъ торжествомъ. Посѣтивъ главные города во Франціи, побывавъ въ Брюсселѣ, Мюнхенѣ и Берлинѣ, Ристори съ громкимъ успѣхомъ возвратилась въ Италію. Пріемъ, сдѣланный ей въ отечествѣ, походилъ на рядъ непрерывныхъ торществъ. Въ Веронѣ выстроили театръ, который назвали театромъ Ристори. Въ 1856 году она опять посѣтила Германію, была въ Вѣнѣ; затѣмъ снова появилась въ Парижѣ, потомъ была въ Испаніи, Португаліи, Англіи, Ганноверѣ, Саксоніи, Варшавѣ и Голландіи, исполняя какъ классическія произведенія итальянскихъ драматическихъ писателей, такъ и переведенныя для нея пьесы Расина, Корнея, Шиллера и Шекспира.

Облѣхавъ почти всѣ государства Европы, упрочивъ себѣ имя знаменитой современной трагической актрисы, Ристори наконецъ пріѣхала въ Петербургъ. Это обыкновенная наша участь: европейскіе артисты являются къ намъ поздно, правда, въ полномъ блескѣ имени и таланта, но не съ той юношеской энергіей, которая даетъ свѣжесть и прелесть молодому дарованію. Послѣ Америки и Россіи, они, обыкновенно, отправляются на покой, какъ-будто послѣ вашингтонской и петербургской кассы не

остаётся ничего болѣе желать на землѣ. Первымъ представленіемъ Ристори на нашей сценѣ была «Медея.» Эта трагедія, изъ Еврипида, написана была членомъ французской академіи Эрнестомъ Легуве для Рашели, которая сначала одобрила ее, но потомъ, за нѣсколько дней до представленія, отказалась отъ своей роли. Ристори, прибывъ въ Парижъ, приняла отверженную Рашелью пьесу подъ свое покровительство. Монтанелли нарочно для нея перевелъ трагедію на италянскій языкъ, и роль Медеи сдѣлалась одной изъ блистательныхъ ролей Ристори.

Когда она явилась у насъ въ этой роли — зала Маріинскаго театра была полна публики. Артистку встрѣтили обычными рукоплесканіями, и потомъ съ величайшимъ вниманіемъ начали слѣдить за игрой ея. Но въ шестомъ явленіи, разсказъ о томъ, какъ Медея полюбила Язона, увлекъ публику и вызвалъ общій взрывъ шумныхъ аплодисментовъ. Далѣе, невольная дрожь пробѣжала по жиламъ, когда страстная и мстительная женщина, говоря о ревности, сравниваетъ ее съ леопардомъ, разрывающимъ свою добычу. Въ послѣдующихъ двухъ актахъ, Ристори произвела самое сильное впечатлѣніе; она наводила невольный ужасъ на зрителей, олицетворяя дикій, необузданный характеръ Медеи, переходящей отъ одного чувства къ другому. Чувство страстной, безумной любви, при встрѣчѣ ея съ Язономъ страшное, ужасающее чувство ненависти въ упрекахъ Креузѣ, въ проклятіяхъ измѣнническому любовнику, и наконецъ безпредѣльное чувство мести — передала Ристори съ поразительной силой.

Во второе представленіе Ристори опять шла «Медея;» потомъ, 6-го числа декабря, дана была «Марія Стюартъ;» трагедія Шиллера, переведенная на италянскій языкъ Андреемъ Маффеи. На этотъ разъ въ залу Маріинскаго театра собралось уже менѣе многочисленная публика: нѣсколько креселъ и ложъ оставались незанятыми. Съ такимъ же глубокимъ вниманіемъ, какъ и въ первый спектакль, въ началѣ дѣйствія слѣдила публика за игрой Ристори. Первые сцены, приготовляющія къ развитію дальнѣйшихъ дѣйствій пьесы, почти не представляли мѣстъ, выходящихъ изъ уровня обыкновеннаго разговора, и только въ седьмомъ явленіи Ристори показала силу своего удивительнаго таланта. Она была женщиной, въ истинномъ значеніи этого слова, а не классической королевой. Во второмъ дѣйствіи, Марія не показывалась на сцену, и оттого оно прошло въ невозмутимой тишинѣ и спокойствіи. Но въ третьемъ дѣйствіи, сцена Маріи Стюартъ съ англійскою королевой Елисаветой была полнымъ торжествомъ

для Ристори: происходящую въ Маріи внутреннюю борьбу чувствъ, то подавляемыхъ невольнымъ сознаніемъ роковой зависимости отъ могущественной и мстительной соперницы, то рвущихся наружу при воспоминаніи переносимыхъ оскорбленій — она выразила съ такимъ артистическимъ тактомъ, съ такой истинной художественностью, съ такою правдой, что все это могло быть доступно только актрисѣ съ огромнымъ дарованіемъ. Въ концѣ этого дѣйствія, когда Марія, послѣ словъ, обращенныхъ къ Елизаветѣ, виѣ себя бросается на шею къ Аннѣ и восклицаетъ: «я унизила ее въ глазахъ Роберта,» восторгъ публики разразился энергическими рукоплесканіями, и Ристори вызвана была нѣсколько разъ. Но еще болѣе сильное впечатлѣніе произвела она на зрителей въ продолженіи пятаго дѣйствія, гдѣ Марія, за нѣсколько минутъ до казни, принесла искреннее раскаяніе въ слабостяхъ и преступленіяхъ прежней жизни, отрѣшившись отъ всѣхъ чувствъ ненависти и мести, является кроткой, покорной волѣ судьбы, и, кажется, принадлежитъ болѣе небу, чѣмъ землѣ. Въ сценахъ прощанія съ служителями, и въ послѣдней встрѣчѣ съ Лейчестеромъ въ моментъ, предшествующій казни, Ристори была истинно велика. Игра ея достигла верха художественнаго исполненія, какое только возможно въ современномъ драматическомъ искусствѣ.

Что особенно отличаетъ Ристори отъ современныхъ ей трагическихъ артистовъ — это паосъ игры, умѣнье отгѣнить контрасты чувствъ и страсти и великолѣпная дикція пѣвучаго италіанскаго стиха. Но мы подождемъ произносить послѣдній судъ, пока не увидимъ ее здѣсь въ Юдифи, лучшей ея піесѣ, если ужъ намъ не суждено увидѣть ее въ Макбетѣ.

С. С.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 24.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Письмо г-на Яниша по поводу его статьи о партіяхъ Морфи. — Архимедовъ
янить, (проблема Больтона). — Двѣнадцать партій Стаунтона съ разными
противниками. — Задачи. — Корреспонденція.

М. Г.

Викторъ Михайловичъ,

Вамъ угодно было перевести и удостоить напечатанія въ Шахматномъ Листкѣ статью мою о партіяхъ Морфи, написанную для нью-йоркскаго журнала Chess Monthly. Какъ въ разборѣ ладейнаго гамбита, входящаго въ эту статью, вкралась ошибка, о которой я уже извѣстилъ г-на Д. В. Фиске, то въ дополненіе къ стран. 194 Листка, считаю долгомъ сообщить Вамъ существенное содержаніе новаго письма моего къ г-ну Фиске.

Разсматривая гамбитъ:

(Бѣлые.)	(Черные.)
1) e2—e4	e7—e5
2) f2—f4	e5—f4°
3) g1—f3	g7—g5
4) h2—h4	g5—g4
5) f3—e5	g8—f6
6) f1—c4	d7—d5
7) e4—d5°	f8—d6
8) d2—d4	f6—h5

Я сказалъ, что хотя теперь бѣлые могли бы лишить черныхъ права рокировки, съигравши 9) $\frac{c4-b5+}{e8-f8}$, но что тогда черные, послѣ отступленія 9) $\frac{e1-f2}{e8-f8}$, приобрѣли бы превосходство положенія*). Затѣмъ я выразилъ мнѣніе, что лучшей девятымъ ходъ для бѣлыхъ 9) $\frac{e1-f2}{e8-f8}$, и онъ вывелъ бы ихъ изъ всякаго затрудненія, потому что они, на 9) $\frac{h5-g3}{h5-g3}$, могли бы съ большою выгодною отвѣтить ударомъ 10) $\frac{h1-e1}{h5-g3}$, не позволяющимъ черному ферзю брать пѣшки h4.

Вотъ это-то заключеніе и было слишкомъ поспѣшное, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго новаго разбора.

9) e1—f2 h5—g3
10) h1—e1 d8—h4°

Настоящій моментъ игры любопытенъ: бѣлые дали шахъ королю и ферзю, а черные отражаютъ это грозное нападеніе посредствомъ двойнаго шаха.

11) e5—f3 † (лучш.) g3—e4 †
12) f2—g1 h4—f2 †
13) g1—h1

Въ настоящемъ положеніи чернымъ не должно брать коня 13) $\frac{g4-f3^{\circ}}{g4-f3^{\circ}}$ потому что бѣлые съиграли бы 14) $\frac{e1-e4^{\circ}+}{g4-f3^{\circ}}$, и по отступленіи непріятельскаго короля, взяли бы еще ферземъ пѣшку f3. Единственный ходъ, позволяющій чернымъ сохранять превосходство, есть:

13) f7—f5 и вотъ его послѣдствія:
14) d1—d2

Ударъ любопытный. Если теперь черные возьмутъ коня, то потеряютъ ферзя даромъ, а если смѣнятъ ферзей, то бѣлые возьмутъ обратно конемъ f3, и тѣмъ еще выиграютъ пѣшку. Рокировка 14) $\frac{0-0}{0-0}$ также позволила бы бѣлымъ отыграться совершенно.

14) e8—d8 (лучш.)
15) d2—f2° e4—f2° †

*) Въ подлинникѣ (смотри Сентябрьскую книжку Chess Monthly) сказано: „après 9) $\frac{e1-f2}{e8-f8}$ la position des noirs nous semblerait préférable“.

- 16) h1—g1 g4—f3°
 17) g1—f2° f3—g2°
 18) f2—g2° h8—g8+

Черные, хотя съ нѣкоторымъ еще трудомъ, но сохранять гамбитную пѣшку—высшее, чего можно достигнуть въ королевскомъ гамбитѣ. А вышло бы не то, еслибъ бѣлые на 9-мъ ходѣ дали шахъ слономъ. Положеніе черныхъ, не смотря на потерю рокировки, тогда дѣйствительно было бы нѣсколько лучше, но силы остались бы равны. Затѣмъ настоящій разборъ и обнаруживаетъ единственно рискованный характеръ новой атаки 9) $\frac{e1-f2}{}$, отнюдь не касаясь прочихъ положеній анализа ладейнаго гамбита, помѣщеннаго мною въ Chess Monthly. Главное же изъ этихъ положеній, какъ Вы изволите помнить (Шахм. Лист. стр. 193), есть то, что защита 6) $\frac{d8-e7}{}$, предложенная Филидоромъ гораздо основательнѣе вошедшаго нынѣ напрасно въ употребленіе контръ-гамбита 6) $\frac{d7-d6}{}$.

Неизлишне присовокупить, что придуманный мною ходъ 9) $\frac{e1-f2}{}$ повидимому, сильно занялъ англійскихъ любителей. Одинъ изъ, нихъ недавно предложилъ противъ этого хода защиту 9) $\frac{d4-e5}{d6-e5}$ 10) $\frac{d4-e5}{h5-g8}$ чѣмъ завоевывается бѣлая ладья; но другой любитель его опровергъ, доказавъ, что такое завоеваніе приведетъ игру черныхъ въ весьма опасное положеніе; почему и остановился на заключеніи, что безопаснѣе отвѣчать на 9) $\frac{e1-f2}{}$ подвижаніемъ пѣшки 9) $\frac{f7-f5}{}$ (смотри октябрьскія тетради Лондонской Иллюстраціи). Выше уже показано, что лучшая защита черныхъ безъ сомнѣнія заключается въ контръ-атакѣ 9) $\frac{h5-g8}{}$.

Мы неоднократно спорили съ Вами, любезнѣйшій Викторъ Михайловичъ, о томъ, дѣльно ли преобладающее нынѣ въ Англии направленіе, чтобы ограничивать всѣ шахматныя проблемы весьма малымъ числомъ ходовъ (даже *четырьмя*, по предложенію Стаунтона). Конечно несообразно задавать маты въ 30 и 50 ходовъ, когда почти одинаково трудные могутъ быть сочинены въ 5 или въ 6. И дѣйствительно, нѣкоторые новѣйшіе составители задачъ блистательнымъ образомъ доказали эту возможность. Несмотря на то, и Вы со мною согласитесь, необхо-

димо допустить изъятіе для нѣкоторыхъ особенно гениальныхъ произведеній, коихъ основная мысль не можетъ быть втѣснена въ столь скудную рамку. Къ такому разряду конечно относится слѣдующій матъ Болтона, который Вы можете быть не откажете представить читателямъ Листка уже потому, что *его рѣшеніе никогда не было напечатано*, хотя самое положеніе издано еще въ Chess Player's Chronicle 1850 года. По всему видно, что ни одинъ англійскій любитель не удостоилъ имъ заняться, испугавшись значительнаго числа ходовъ, и что затѣмъ авторъ, оскорбленный холоднымъ приѣмомъ своего образцоваго произведенія, не захотѣлъ даже издать рѣшенія. О трудности его Вы можете судить потому факту, что открывъ это рѣшеніе, въ означенномъ году, послѣ продолжительныхъ размышленій, потомъ забывъ объ немъ до нынѣшняго года, а между тѣмъ не отыскавъ уже его въ своихъ бумагахъ, я принужденъ былъ употребить столько же времени, если не болѣе, на вторичную разгадку, сколько на первоначальную. Любопытно будетъ прочесть въ Листкѣ имена русскихъ Эдиповъ, которымъ удастся совладать съ этимъ сфинксомъ.

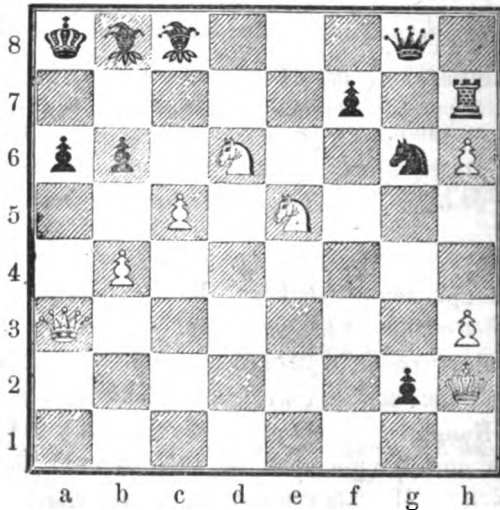
Примите и проч.

К. Якимъ.

17-го Ноября 1860 года.

Архимедовъ винтъ..

ЧЕРНЫМЪ.



БѢЛЫМЪ.

БѢлые начинаютъ и даютъ матъ въ 24 хода. 0

ПАРТІЯ № 143.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. Членъ Лондонскаго клуба.		10) c1—a3	e7—f6
(Бѣлые.)	(Черные.)	11) b1—d2	f6—g6
1) e2—e4	e7—e5	12) f3—e5°	c6—e5°
2) g1—f3	b8—c6	13) b3—b5+	e5—c6
3) f1—c4	f8—c5	14) f1—e1+(3)	c8—e6
4) b2—b4	c5—b4°	15) b5—b7°	a8—d8
5) c2—c3	b4—a5	16) b7—c6°+	d8—d7
6) d2—d4	e5—d4	17) c6—a8+	d7—d8
7) e4—e5(1)	d7—d6(2)	18) c4—b5+	c7—c6
8) d1—b3	d8—e7	19) b5—c6°×	
9) 0—0	d7—e5°		

Примѣчанія къ партіи № 143.

(1) Этотъ вариантъ эвансова гамбита требуетъ весьма тщательной защиты; при малѣйшей ошибкѣ черныхъ, бѣлые приобрѣтаютъ неотразимую атаку.

(2) d7—d5 было бы гораздо дѣйствительнѣе.

(3) Такая же атака съ почти совершенно тождественнымъ расположеніемъ шашекъ получается въ одномъ изъ вариантовъ шотландскаго гамбита, а именно:

1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$	2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$	3) $\frac{d2-d4}{e5-d4^\circ}$	4) $\frac{f1-c4}{f8-b4+}$	5) $\frac{c2-c3}{d4-c3^\circ}$	6) $\frac{b2-c3^\circ}{b4-a5}$
7) $\frac{e4-e5}{d7-d6}$	8) $\frac{d1-b3}{d8-e7}$	9) $\frac{0-0}{d6-e5^\circ}$	10) $\frac{c1-a3}{e7-f6}$	11) $\frac{b1-d2}{f6-g6}$	12) $\frac{f3-e5^\circ}{c6-e5^\circ}$
13) $\frac{b3-b5+}{e5-c6}$	14) $\frac{f1-e1+}{}$				

ПАРТІЯ № 144.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. Членъ Лондонскаго клуба.		4) b2—b4	c5—b4°
(Бѣлые.)	(Черные.)	5) c2—c3	b4—a5
1) e2—e4	e7—e5	6) 0—0	d7—d6
2) g1—f3	b8—c6	7) d2—d4	e5—d4°
3) f1—c4	f8—c5	8) c3—d4°	a5—b6

- | | | | |
|------------------------------|-----------|-------------|--|
| 9) c1—b2 | g8—f6 | 19) c4—b5°+ | f6—d7 |
| 10) d4—d5 | c6—a5 | 20) f1—d1 | a8—d8 |
| 11) e4—e5 | d6—e5° | 21) e5—f7° | e8—f7° |
| 12) b2—a3 | a5—c4° | 22) b5—b3+ | f7—f6 |
| 13) d1—a4+ | c8—d7(1) | 23) d1—d6+ | f7—g5(4) |
| 14) a4—c4° | e5—e4 | 24) b3—d5+ | g5—f4 |
| 15) b1—c3 | c7—c5(2) | 25) g2—g3+ | f4—g4- |
| 16) d5—c6° (на про-
ходѣ) | d7—c6° | 26) h2—h3+ | и какъ бы чер-
ные не сыграли, мать слѣдую-
щимъ ходомъ. |
| 17) f3—e5 | d8—c7 | | |
| 18) c3—b5 | c6—b5°(3) | | |

Примѣчанія къ партии No. 144.

(1) Лучше было бы предложить мѣну ферзей, поставивъ на клетку d7 не слона, а ферзя.

(2) Брать коня было бы очевидно въ высшей степени опасно.

(3) Лучше было бы брать другаго коня ферземъ, но и тутъ Стаунтонъ имѣлъ бы весьма сильную атаку.

(4) Брать ладью ферземъ было безъ всякаго сомненія лучше; потеря ферзя вовсе не страшна, такъ какъ черные имѣли бы за него двѣ ладьи, коня и пѣшку.

ПАРТІЯ № 145.

ГАМБИТЪ СЪ ЖЕРТВОЮ СЛОНА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

- | | | | |
|-------------------------------------|-----------|------------|-------------------|
| СТАУНТОНЪ. Членъ Лондонскаго клуба. | 11) 0—0 | f8—h6 | |
| (Бѣлые.) | (Черные.) | 12) a2—a3 | c7—c6 |
| 1) e2—e4 | e7—e5 | 13) a3—b4° | d7—d6 |
| 2) f2—f4 | e5—f4° | 14) e5—d3 | f6—d4°+ |
| 3) g1—f3 | g7—g5 | 15) g1—h1 | c8—e6 |
| 4) f1—c4 | g5—g4 | 16) e4—e5 | d6—d5 |
| 5) c4—f7°+(1) | e8—f7° | 17) d3—f4° | h6—f4° |
| 6) f3—e5+ | f7—e8 | 18) f1—f4° | d4—b6 |
| 7) d1—g4° | d8—f6(2) | 19) c3—a4 | b6—c7 |
| 8) d2—d4 | b8—c6 | 20) a4—c5 | c7—c8 |
| 9) g4—h5+ | e8—e7 | 21) h5—g5+ | e7—e8 |
| 10) b1—c3 | c6—b4(3) | 22) g5—g7 | и черные сдаются. |

Примѣчанія къ партіи № 145.

(1) Обыкновенная атака Муціо сильнѣе, но и настоящій ходъ можетъ быть употребляемъ противъ игрока слабѣйшаго (См. Haubbuch Гейдебранда стр. 359 и Chess Player's Handbook Стаунтона стр. 295.

(2) g8—f6 было бы лучше.

(3) Единственное средство для предупрежденія гибельнаго шаха конемъ на d5.

ПАРТІЯ № 146.

ГАМБИТЬ МУЦІО.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. Членъ Лондонскаго клуба.	8) d1—h5+	f7—g7	
(Бѣлые.)	(Черные.)	9) f1—f2	f8—e7
1) e2—e4	e7—e5	10) c1—f4°	h7—h6(3)
2) f2—f4	e5—f4°	11) e4—e5(4)	b8—c6
3) g1—f3	g7—g5	12) f4—g5	d8—f8
4) f1—c4	g5—g4	13) g5—f6+	g8—f6°
5) d2—d4(1)	g4—f3°	14) f2—g2°+	и черные сда-
6) 0—0	f3—g2°(2)		ются.
7) c4—f7°+	e8—f7°		

Примѣчанія къ партіи № 146.

(1) Этотъ ходъ составляетъ варіантъ Коха или Гуламъ — Кассима, о которомъ мы уже имѣли случай говорить; онъ одно время считался неотразимымъ, но теперь дознано, что старинная атака т. е. рокировка на пятомъ ходѣ — сильнѣе.

(2) Очень дурно; надо было играть d7—d5.

(3) При g8—f6 матъ въ три — четыре хода.

(4) f4—c7° представляется весьма естественно, но избранный Стаунтономъ ходъ еще сильнѣе.

ПАРТІЯ № 147.

GIUOCO PIANO.

Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.

СТАУНТОНЪ.	Mr. W.	3) f1—c4	f8—c5
(Бѣлые.)	(Черные.)	4) c2—c3	d7—d6
1) e2—e4	e7—e5	5) d2—d4	e5—d4°
2) g1—f3	b8—c6	6) b2—b4(1)	c5—b6

7) c3—d4°	g8—f6(2)	12) e4—e5	d6—d5(3)
8) b1—c3	h7—h6	13) c4—b3	f6—h7
9) 0—0	0—0	14) c3—d5°	c7—c5
10) b4—b5	c6—e7	15) d3—g6°	f7—g6° и бѣ-
11) d1—d3	e7—g6	лые даютъ матъ въ два хода.	

Примѣчания къ парти Н° 147.

(1) Чтобъ предупредить шахъ слономъ на b4, который имѣлъ бы послѣдствіемъ мѣну офицеровъ.

(2) Еслибъ черные взяли ферзевымъ конемъ пѣшку b4, то бѣлые выиграли бы офицера, а именно: 7) $\frac{c6-b4^\circ}{c6-b4^\circ}$ 8) $\frac{d1-a4+}{b4-c6}$ 9) $\frac{d4-d5}{d4-d5}$ и конь погибъ.

(3) Для того, чтобъ не потерять одного изъ коней даромъ, но послѣдствія этого хода будутъ гибельны для черныхъ.

ПАРТІЯ № 148.

ДВОЙНОЙ ГАМБИТЬ МАКЪ-ДОННЕЛЯ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. (Бѣлые.)	Мг. W. (Черные)	14) e4—d6°	d8—d6°
1) e2—e4	e7—e5	15) d1—d4°	g4—f3°
2) f1—c4	f8—c5	16) f1—f3°	b8—c6
3) b2—b4	c5—b4°	17) d4—c3	d6—c5+
4) f2—f4	d7—d5	18) g1—h1	c6—d4
5) c4—d5°	g8—f6	19) c1—a3	c5—b6
6) c2—c3	f6—d5°	20) a3—b2	f8—e8
7) e4—d5°	b4—d6	21) h2—h3	e8—e4(2)
8) g1—f3	e5—f4°(1)	22) f3—d3	e4—e1+
9) 0—0	c8—g4	23) c3—e1°	b6—b2°
10) d2—d4	0—0	24) e1—d1	d4—e2
11) c3—c4	c7—c5	25) d3—d2	e2—g3+
12) b1—c3	c5—d4°	26) h1—h2	b2—d2
13) c3—e4	f7—f5	и бѣлые сдаются.	

Примѣчания къ парти Н° 148.

(1) Продвигать эту пѣшку было бы дурно, потому что бѣлые завоевали бы ее посредствомъ шаха ферземъ на a4.

(2) Черные могли бы посредствомъ смѣлой атаки навѣрно выиграть игру, а именно: 21) $\frac{c3-e1^\circ}{e8-e1+}$ 22) $\frac{c3-e1^\circ}{d4-f3^\circ}$ 23) $\frac{g2-f3^\circ}{b6-b2^\circ}$ и черные, оставаясь съ лишнею ладьёю безъ сомнѣнія выиграютъ. Еще красивѣе было бы жертвовать ферземъ, слѣдующимъ образомъ: 21) $\frac{c3-b2^\circ}{b6-b2^\circ}$ 22) $\frac{c3-b2^\circ}{e8-e1+}$ 23) $\frac{f3-f1}{}$ (это лучший ходъ ибо если бѣлые уйдутъ кородемъ на h2, то 23) $\frac{g2-f3^\circ}{d4-f3+}$ 24) $\frac{g2-f3^\circ}{a8-e8}$ и бѣлые проиграли) 23) $\frac{h1-h2}{e1-f1+}$ 24) $\frac{h1-h2}{a8-e8}$ 25) $\frac{b2-d4^\circ}{e8-e1}$ и бѣлымъ нѣтъ спасенія.

ПАРТІЯ № 149.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладьёю.)

Стаунтовъ. (Бѣлые.)	Лондонскій любитель. (Черные.)	13) f1—e1+	g8—e7
1) e2—e4	e7—e5	14) g5—e4	d6—d5
2) g1—f3	b8—c6	15) a3—c5°	c8—f5
3) f1—c4	f8—c5	16) c3—c4	d5—c4°
4) b2—b4	c5—b4°	17) b1—a3	c4—d5
5) c2—c3	b4—a5	18) a3—b5(2)	a8—c8
6) 0—0	a5—b6	19) b5—c3	d5—d7
7) d2—d4	e5—d4°	20) c5—e7°	f5—e4°
8) e4—e5	d7—d5	21) c3—e4°	c6—e7°
9) e4—d6° на проходѣ)	d8—d6°	22) d1—h5+	e8—d8
10) c1—a3	b6—c5	23) e4—c5	d7—f5(3)
11) c4—f7°+(1)e8—f7°		24) c5—b7+	d8—d7
12) f3—g5+	f7—e8	25) e1—e7°+	d7—e7°
		26) h5—f5° и черные сдаются	

Примѣчанія къ партіи N° 149.

(1) Жертва слона безопасна; бѣлые непременно возвратятъ офицера.

(2) Угрожая гибельнымъ шахомъ на c7.

(3) Этимъ ходомъ черные теряютъ своего ферзя.

Отд. IV.

42

ПАРТІЯ № 150.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзю ладью.)

СТАУНТОНЪ. (Бѣлые.)	ГАРРИСОНЪ. (Черные.)	8) f3—d4°	c6—d4°
		9) c3—d4°	c5—b6
1) e2—e4	e7—e5	10) d1—b3	d8—e7
2) g1—f3	b8—c6	11) e4—e5	d6—e5°
3) f1—c4	f8—c5	12) c1—a3	e7—f6—
4) b2—b4	c6—b4°	13) d4—e5°	f6—g6
5) c2—c3(1)	b4—c6	14) c4—b5+	c7—c6
6) 0—0	d7—d6	15) b3—b4	и черные сдаются.
7) d2—d4	e5—d4°		

Примѣчанія къ партіи № 150.

(1) Если въ эвансовомъ гамбитѣ защищающійся беретъ пѣш-ку не слономъ, а конемъ какъ это случилось въ настоящей партіи, то бѣлые могутъ повидимому немедленно возвратитъ ее посредствомъ 5 $\frac{f3—e5^\circ}{}$, но этотъ ходъ нехорошъ.

ПАРТІЯ № 151.

ГАМБИТЬ МУЦО, СЪ ВАРИАНТОМЪ КОХА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзю ладью.)

СТАУНТОНЪ (Бѣлые.)	Г-вѣ ***. (Черные.)	11) f3—f4°+	g8—f6
		12) e4—e5	b8—d7
1) e2—e4	e7—e5	13) b1—c3	h8—e8
2) f2—f4	e5—f4°	14) c3—e4	f7—g8
3) g1—f3	g7—g5	15) e5—f6°	g8—h8
4) f1—c4	g5—g4	16) f6—f7(3)	e8—f8
5) d2—d4	g4—f3°	17) f4—h6	d8—e7
6) d1—f3°	f8—h6(1)	18) e4—g5	d7—f6
7) 0—0	d7—d5	19) h2—h3(4)	c8—d7
8) c4—d5°	c7—c6	20) f1—f6°	e7—e1+
9) d5—f7°+	e8—f7°	21) g1—h2	и бѣлые выигры- ваютъ.
10) c1—f4°	h6—f4°(2)		

Примѣчанія къ партіи № 151.

(1) Если вмѣсто этого d8—f6 какъ въ обыкновенномъ Муціо, то бѣлые отвѣтятъ 7) $\frac{e4-e5}{}$.

(2) Братъ пѣшку ферземъ было бы нехорошо, по причинѣ:

10) $\frac{d8-d4^{\circ}+}{}$ 11) $\frac{f4-d3+}{d4-f6}$ 12) $\frac{f3-h5+}{f7-g7}$ (лучше) 13) $\frac{e3-h6^{\circ}+}{g8-h6^{\circ}}$

14) $\frac{f1-f6^{\circ}}{}$ и т. д.

(3) Внимательное изслѣдованіе показываетъ, что играть коня на d6 или g5 было бы слабѣе этого подвиганія пѣшки.

(4) Столь же рѣшительно какъ и братъ коня непосредственно.

ПАРТІЯ № 152.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ КОРОЛЕВСКИХЪ СЛОНОВЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. Членъ Лондонскаго клуба.	Бѣлые.)	Черные.)	14) c1—g5	d7—c5
1) e2—e4	e7—e5	15) b3—a2	0—0(2)	
2) f1—c4	f8—c5	16) d1—f2	a8—d8	
3) d1—e2	d8—e7	17) g2—g4	e7—d6	
4) b1—c3	c7—c6	18) f3—e3	c5—a4°	
5) f2—f4	b7—b5(1)	19) g5—f6°	d6—f6°	
6) c4—b3	a7—a5	20) g4—g5	f6—d6	
7) a2—a4	b5—b4	21) g5—g6	a4—b2°(3)	
8) c3—d1	c5—g1°	22) e3—g5	d6—f6	
9) h1—g1°	g8—f6	23) g5—h5(4)	h7—h6	
10) d2—d3	d7—d5	24) g6—f7°+	g8—h7	
11) f4—f5	d5—e4°	25) g1—g6	f6—e7	
12) d3—e4°	c8—a6	и бѣлые даютъ матъ въ три хода.		
13) d2—f3	b8—d7			

Примѣчанія къ партіи №. 152.

(1) d7—d5 было бы лучше.

(2) На 15) $\frac{c5-e4^{\circ}}{}$ бѣлые отвѣчали бы 16) $\frac{g5-f6^{\circ}}{}$ выигрывая такимъ образомъ офицера, ибо если черные возьмутъ слона ферземъ или пѣшкою, то бѣлый ферзь прямо беретъ коня e4, а если возьмутъ конемъ e4, то 17) $\frac{f3-b5^{\circ}+}{}$ а затѣмъ берутъ ладью.

(3) Очень нехорошо; надо было играть короля на h8.

(4) Прекрасный ходъ; братъ пѣшку f7 было бы слабѣе.

ПАРТІЯ № 153.

ГАМБИТЬ МУЦЮ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. (Бѣлые.)	Мг. РОЛАНДЪ. (Черные.)		
		15) b1—d2	g4—e5
1) e2—e4	e7—e5	16) f3—e4	h8—g8
2) f2—f4	e5—f4°	17) f1—f2	g8—g7
3) g1—f3	g7—g5	18) c3—e5°	g5—e5°
4) f1—c4	g5—g4	19) e4—f3	g7—e7(1)
5) 0—0	g4—f3°	20) f2—e2	e5—g5
6) d2—d4	f8—h6	21) d2—e4	g5—e5
7) d1—f3°	d7—d5	22) f3—d3	e5—c7
8) c4—d5°	c7—c6	23) e4—f6°+	e8—f8
9) d5—b3	d8—d4°+	24) d3—f5	c8—e6°
10) g1—h1	d4—e5	25) b3—e6°	b8—a6
11) c1—d2	g8—f6	26) f6—d7+	f8—e8
12) d2—c3	e5—g5	27) e6—f7+	e8—d8
13) e4—e5	f6—g4	28) e2—e7°	d8—e7° и бѣ-
14) e5—e6	f7—f6		лые даютъ матъ въ два хода.

Примѣчанія къ партии №. 153.

(1) Лучше было бы давать шахъ ферземъ на e1.

ПАРТІЯ № 154.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

СТАУНТОНЪ. (Бѣлые.)	Мг. РОЛАНДЪ. (Черные.)		
		8) 0—0	h7—h6
1) e2—e4	e7—e5	9) g2—g3	c8—h3
2) f2—f4	e5—f4°	10) f1—f2	h3—g4
3) f1—c4	c7—c6(1)	11) g3—f4°	d8—b6
4) b1—c3	d7—d6	12) c3—e2	g4—f3°
5) g1—f3	g7—g5	13) f2—f3°	g5—g4
6) d2—d4	b7—b5	14) f3—f2	g8—f6
7) c4—b3	f8—g7	15) d1—d3	d6—d5
		16) e4—d5°	c6—d5°

- | | | | |
|------------|--------|--------------|----------------------|
| 17) e2—g3 | h6—h5 | 29) c1—e3(2) | f7—f5 |
| 18) d3—e3+ | b6—e6 | 30) d6—f5° | f8—f5° |
| 19) e3—d3 | 0—0 | 31) e4—f5° | a8—f8 |
| 20) f2—e2 | e6—d7 | 32) f5—e4 | h8—g8 |
| 21) g3—f5 | g8—h8 | 33) d4—d5 | c6—d8 |
| 22) e2—e7 | d7—d8 | 34) d5—d6 | d8—f7 |
| 23) c2—c3 | b8—c6 | 35) d6—d7 | f7—d6 |
| 24) e7—e1 | a7—a6 | 36) e4—d5+ | g8—h8 |
| 25) b3—c2 | f6—e4 | 37) d3—c5 | h6—f4° |
| 26) e1—e4° | d5—e4° | 38) d5—h5°+ | g7—h6 |
| 27) d3—e4° | d8—f6 | 39) c5—d4+ | и бѣлые выигрываютъ. |
| 28) f5—d6 | f6—h6 | | |

● Примѣчанія къ партии No. 154.

(1) Вѣрная, но не довольно энергичская защита противъ слоноваго гамбита.

(2) Брать коня было бы менѣе сильно; черные тотчасъ бы возвратили офицера посредствомъ a8—d8.

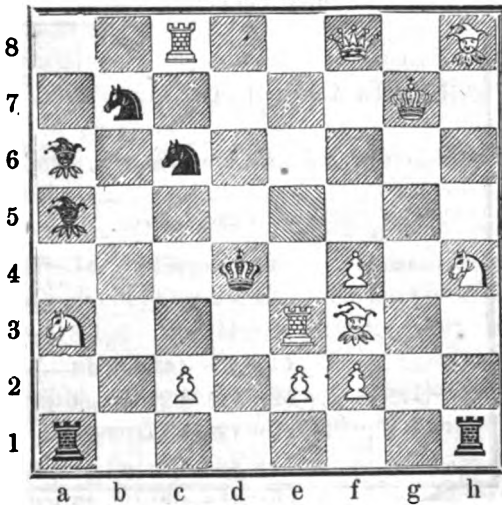
Задачи.

№ 67.

А. Д. ПЕТРОВА.

Посвящается Н. Д. Ахшарумову, автору фантастической повѣсти: «Игрокъ».

ЧЕРНЫЕ.



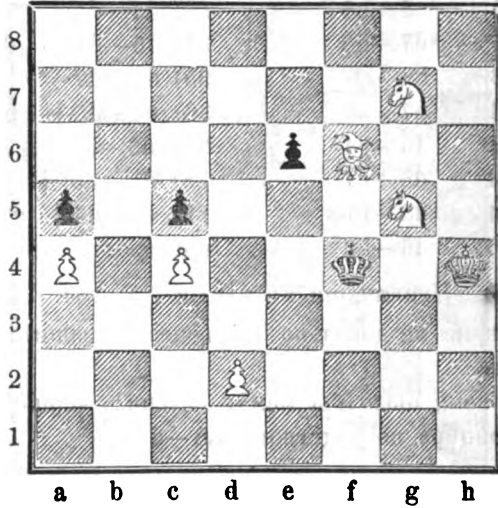
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 18 ходовъ.

№ 68.

К. О. ЦЪХОНОВИЧА. (въ Херсонѣ).

ЧЕРНЫЕ.



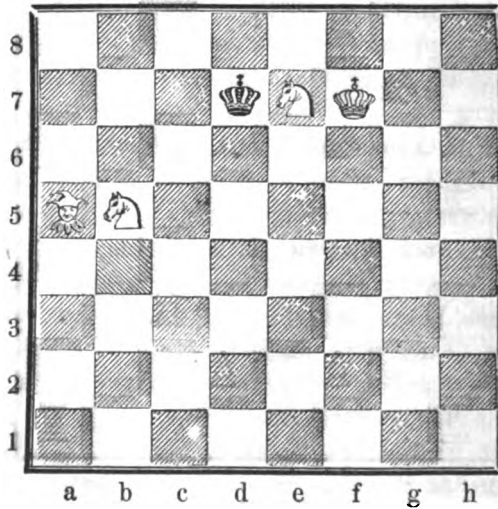
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 69.

КЛИНГА.

ЧЕРНЫЕ.

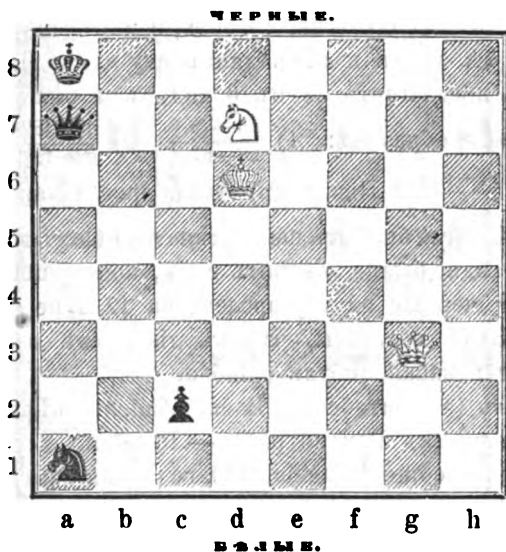


БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 70.

Большона.



БѢлые начинаютъ и даютъ матъ въ 13 ходовъ.

Корреспонденція *К. Цух—цу* (въ Херсонѣ). Согласно Вашему желанію мы непремѣнно сообщимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ Листковъ свѣдѣнія о замѣчательнѣйшихъ современныхъ руководствахъ по части шахматной игры. — Ваши рѣшенія и замѣчанія на задачи совершенно вѣрны; только рѣшеніе конца партіи Гг. Шумова и Тургенева можетъ быть сокращено на одинъ ходъ: надо, на второмъ ходѣ, брать пѣшку *g* не пѣшкой, а ладьей, и тогда матъ будетъ именно въ 5 ходовъ, какъ и предложено это окончаніе. — Теперь позвольте высказать Вамъ, съ полною откровенностью, наше мнѣніе о сообщенныхъ Вами задачахъ; надѣмся, что, какъ истинный любитель благородныхъ шахматныхъ упражненій, Вы благосклонно примете наши замѣчанія. Проблема № 3 чрезвычайно легка, но не смотря на то, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ее въ настоящемъ Листкѣ, такъ какъ основная мысль ея весьма остроумна; жаль только, что Вы не постарались скрыть эту мысль нѣкоторымъ усложненіемъ положенія

Совершенно иное видимъ мы въ задачѣ № 1: на доскѣ 17 пашекъ, положеніе сложное, запутанное; число ходовъ назначено большое (7 ходовъ для простаго мата далеко не бездѣлица), а между тѣмъ задача не интересна, потому что основная идея ея не представляетъ ничего замѣчательнаго: ферзь, подкрѣпляемый слономъ, гонить короля въ уголъ и тамъ даетъ ему матъ. Проблема № 2 ошибочна: Вы предлагаете еѣ въ 6 ходовъ а она разрѣшается въ 5 слѣдующимъ образомъ: 1) $\frac{e5-g6+}{h8-h7}$ 2) $\frac{g6-f8^{\circ}+}{g8-f8^{\circ}}$ 3) $\frac{f5-f6+}{g7-g6}$ 4) $\frac{h5-g6^{\circ}+}{h7-h8}$ 5) $\frac{g6-g7}{\times}$. Наконецъ, задача присланная при второмъ Вашемъ письмѣ могла бы быть напечатана въ такомъ только случаѣ, если-бъ Вамъ угодно было объяснить намъ, почему послѣ хода ферземъ 7) $\frac{f5-e4+}{\quad}$ черные идутъ королемъ на f2, а не берутъ ферзя пѣшкой d5? Надо полагать, что въ диаграммѣ изображающей эту задачу, есть какая нибудь ошибка.

В. Ласт—ну (въ Витебскѣ). Ваши рѣшенія вѣрны.

В. Г. Саи—ну (въ Раненбургѣ). — Редакція весьма признательна Вамъ за сообщеніе любопытнаго конца партіи; оно напечатано будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

И. Га—ко (въ Екатеринославѣ). Вы мастерски разрѣшаете задачи, но ошибаетесь, полагая, что проблемы за NN 58 и 61 заключаютъ опечатки; смѣемъ увѣрить, что обѣ онѣ напечатаны совершенно вѣрно, и убѣжденіе Ваше въ возможности разрѣшить послѣднюю изъ нихъ въ два хода (вмѣсто пяти) ничто иное какъ странное заблужденіе.

*Г-ну *** *)* (въ Митавѣ). Желаніе Ваше получить Шахматный Листокъ за прошлый годъ особо т. е. безъ Русскаго Слова, не можетъ быть къ сожалѣнію, исполнено такъ какъ, на Листокъ отдѣльной подписки не существуетъ.

Г-ну Ю—ну. (въ Уманн). При послѣднемъ письмѣ Вы изволили прислать намъ два шахматныя положенія, но безъ всякаго объясненія о томъ, что именно требуется вывести изъ этихъ положеній и безъ рѣшенія. Вмѣсто рѣшенія Вы сообщаете краткое разсужденіе, изъ котораго все-таки невозможно понять, въ чемъ именно заключаются Ваши проблемы. Тутъ очевидно какое-то недоразумѣніе и мы убѣдительно просимъ Васъ объяснить намъ въ чемъ дѣло.

*) Не смотря на всѣ старанія, мы не могли разобрать Вашей подписки.

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

(Les Drames Galants)

Романъ А. Дюма (отца)

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи С. Съденикина, въ Торговой ул., № 47.

1860

МАРКИЗА Д'ЭСКОМАНЪ

романъ А. Дюма (отца).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЪ КОТОРОЙ ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ЧѢМЪ ГЛУБЖЕ ПОДЪ КО-
РЕНЬ СКАШИВАЮТЪ ТРАВУ НА ЛУГАХЪ, ТѢМЪ ГУЩЕ ОНА
ВЫРОСТАЕТЪ.

По выходѣ изъ суда, маркиза д'Эскоманъ заболѣла жестокой горячкой.

За больной Эммой по прежнему ухаживала ея неизмѣнная кормилица. Не смотря на оскорбительныя и сумасбродныя выходки Сусанны Моле противъ адвоката маркиза, президентъ трибунала былъ до такой степени растроганъ ея преданностью, что позволилъ ей раздѣлнить вмѣстѣ съ маркизой ея тюремное заключеніе.

Болѣзненное состояніе Эммы не дало ей живо почувствовать всю тяжесть постигшаго ея несчастія и то, что могло убить ее, послужило ей спасеніемъ.

При выздоровленіи Эммѣ стало все представляться въ какомъ то новомъ свѣтѣ, какъ будто она, заснувъ въ одномъ мнрѣ, проснулась совершенно въ другомъ. Пропедемшее казалось ей едва замѣтной точкой, затерявшейся въ туманной дали горизонта; тогда какъ будущее являлось свѣтлымъ маякомъ, въ лучахъ котораго согрѣвалось ея сердце и къ которому стремились всѣ ея мысли и желанія.

Пошная истина, поставленная эпиграфомъ этой главы, точно также примѣняется къ чувствамъ человѣка, какъ и къ физическимъ законамъ природы.

Страсть, зароненная въ человѣческое сердце, растетъ въ немъ, увеличивается, цвѣтетъ и умираетъ подобно растенію.

Въ жизни растеній всѣ эти періоды смѣняются тѣмъ быстрое, чѣмъ спокойнѣе его существованіе. Оно блекнетъ въ тѣни и остается безплоднымъ на слишкомъ тучной почвѣ. Напротивъ, если растеніе притоптано, то соки его, удержанные въ своемъ стремленіи къ свѣту, стеблямъ и листьямъ, сосредоточиваются въ корнѣ, котораго ростъ и толщина такимъ образомъ удваиваются. Тысячи развѣтвляющихся волоконъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ корень, проникаютъ въ почву, окружающую растеніе, и пускаютъ поросли, непрерывно смѣняющіеся одинъ другимъ, такъ что трудно было-бы вырвать изъ земли то, что прежде было едва замѣтной травкой. Подъ влияніемъ вѣшняго гнета былинка обращается въ цѣлое дерево.

Тѣ же явленія повторяются и въ мірѣ нравственномъ.

Всякое чувство, сдержанное вѣшнимъ насиліемъ и сосредоточенное въ самомъ себѣ, растетъ въ своихъ силахъ вмѣсто того, чтобъ заглохнуть.

Изъ всѣхъ преимуществъ, данныхъ человѣку, самое драгоценное и высокое преимущество заключается въ томъ, что онъ можетъ бороться и страдать за свои убѣжденія, за любимый имъ предметъ. Съ гордостью онъ сознаетъ въ самомъ слабомъ организмѣ ту таинственную силу, которая недоступна насилію и преслѣдованію.

И странно, что человѣкъ въ самыхъ страданіяхъ способенъ находить источникъ утѣшенія и жизни. Одна жертва, принесенная имъ, вызываетъ другую, и до-тѣхъ-поръ, пока онъ не принесетъ послѣдней, тяжесть первыхъ для него не чувствительна, какъ ноша для того, кто не сбросилъ ее съ плечъ своихъ.

Маркиза д'Эскманъ — жертва любви своей къ Лудовику де-Фонтань, въ минуты хладнокровнаго размышленія о томъ, что она потеряла, не обвиняла ни своей страсти, ни ея предмета. И любовь ея и тотъ, кто внушилъ ей это чувство, до такой степени возвысились въ глазахъ Эммы, вслѣдствіе страданій, которыя она вынесла, что ей казалось невозможнымъ жаловаться на свое бѣдственное положеніе. Она находила своего рода счастье въ размышленіи о томъ, какой цѣной она отстояла и любовь свою и предметъ своего увлеченія; какъ будто от-

чаялась подняться въ уровень съ послѣднимъ, она спрашивала себя иногда: не слѣдовало ли ей купить свое счастье еще большими испытаніемъ.

Но эти размышленія рѣдко ее беспокоили; мы уже сказали, что она жила въ будущемъ.

Она не думала о свѣтѣ, котораго мнѣніе очень похоже на подпись банкира, цѣнную только для людей владѣющихъ векселями. Для Эммы весь свѣтъ заключался въ Лудовикѣ де-Фонтанье и Сусаннѣ; они уважали ее, и этого было для нея довольно.

Воображеніе рисовало ей чудную картину счастья двухъ существъ, соединенныхъ между собою взаимною и равносильною любовью. И это счастье, котораго она такъ напрасно искала въ мечтахъ своихъ, какъ дѣвушка, и напрасно жаждала, какъ женщина, казалось ей верхомъ земнаго блаженства.

Она сосредоточивала всѣ свои умственные силы, чтобъ хоть нѣсколько приподнять уголь завѣсы, скрывавшей отъ глазъ ея эту улыбающуюся будущность, и, хотя-бы только на мгновеніе, заглянуть за нее. И когда картина будущаго раскрывалась ей на мгновеніе, перспектива ея казалась великолѣпной, потому-что ожиданіе дѣлаетъ всегда прекраснымъ предметъ, хотя-бы только промелькнувшій передъ нами.

Такъ, благодаря своему воображенію, Эмма находила свое заключеніе скучнымъ и продолжительнымъ только потому, что она была разлучена съ тѣмъ, кого считала справедливой наградой за всѣ свои страданія.

Поэтому можно судить, какъ ей было и трудно и неприятно расставаться даже на время съ этими заоблачными мечтами въ ея уединеніи. Уголовное слѣдствіе повело за собой другое; въ гражданскомъ судѣ завязался поднятый маркизомъ д'Эскоманъ вопросъ о разводѣ, и адвокаты требовали по этому дѣлу частыхъ переговоровъ съ Эммой

Сусанна, женщина существенно положительная, не хотѣла отступить ни на шагъ и скорѣе согласилась-бы на тридцатилѣтнюю тяжбу, чѣмъ на уступку какой-нибудь соломинки. Не смотря на свое негодованіе противъ трибунала, она вскорѣ примирилась съ нимъ или, лучше сказать, съ его судебными проволочками и кознями, которыя, какъ нельзя болѣе, согласовались съ расположеніемъ ея духа и намѣреніями. Благодаря своей черемшности, она даже усвоила себѣ варварскій языкъ, до сихъ-поръ еще употребляемый по судебнымъ мѣстамъ, такъ-что

когда маркиза, переговоривъ съ адвокатомъ, располагалась заняться своими любимыми мечтами, Сусанна являлась на сцену повѣреннаго, словно градомъ осыпала и оглушала ее судейскими терминами, слѣдствіями, переслѣдованіями, очными ставками, допросами, инстанціями и апелляціями, и единственнымъ средствомъ для Эммы избѣжать этого ливня было притвориться спящей или сказаться больной.

Добрыя намѣренія кормилицы только ускорили развязку, которую уже съ давнихъ поръ замышляла маркиза д'Эскоманъ, наведенная на этотъ планъ весьма многими соображеніями.

Эмма знала, что разводъ служилъ только предлогомъ для маркиза д'Эскоманъ, чтобы прикрыть имъ свои корыстные замыслы; она знала, что единственной его цѣлью было завладѣть хотя-бы только частью имѣнія ея. Эмма считала постыднымъ низвести важный и великій для нея вопросъ объ общественныхъ правахъ и обязанностяхъ до такихъ мелочныхъ подробностей; она краснѣла при одной мысли явиться снова передъ трибуналомъ, на очной ставкѣ съ маркизомъ, если-бъ онъ далъ дѣлу такое направленіе. Раставаясь навсегда съ обществомъ, она не считала себя вправѣ удержать за собою то, что она отъ него получила. Убѣдивъ себя, что единственной причиной развода была ея собственная воля, она полагала несправедливымъ лишить своего мужа того богатства, которое было главною побудительною причиною его женитьбы на ней; наконецъ ей казалось легче купить себѣ свободу цѣной своего имѣнія, чѣмъ быть богатой, но зависимою отъ ея развратнаго мужа.

Кромѣ того были еще и другія соображенія, руководившія Эммой. Она отличалась той утонченной нѣжностью, свойственною только юной душѣ, сохранившей, благодаря уединенію и отсутствію всякаго столкновенія съ обществомъ, весь природный блескъ и всю свѣжесть, при которой малѣйшая пылинка можетъ представиться цѣлымъ пятномъ. Она получила отвращеніе къ своему богатству, потому что Лудовикъ де-Фонтанье былъ бѣденъ, и въ глазахъ его состояніе ея могло-бы служить препятствіемъ къ тому полному и совершенному сближенію съ нимъ и въ жизни и въ любви, которой она такъ домогалась. Оба бѣдные и лишенные средствъ, мы еще болѣе любимъ другъ друга, думала она, и можно-ли будетъ тогда заподозрить, чѣмъ кто нибудь изъ насъ руководствовался въ дѣйствіяхъ своихъ какой-нибудь скрытой мыслью, или личной и корыстной цѣлью. — Кромѣ-того бѣдность обязала-бы насъ обоимъ трудиться, а это

единственное средство, которое может вывести насъ изъ предстоящаго намъ ложнаго положенія. Такъ разсуждала Эмма.

И въ то самое время, когда Сусанна съ умилениемъ высчитывала по пальцамъ вѣроятную цифру проторей и убытковъ, приходившуюся маркизѣ съ ея мужа; въ то время, какъ она уже подсмѣивалась надъ бѣднякомъ маркизомъ, считая процессъ его совершенно проиграннымъ, Эмма,—не сказавъ ей ни слова, написала своему повѣренному по дѣламъ, что она не только не желаетъ противиться требованіямъ маркиза, но напротивъ того передаетъ ему въ полное и исключительное владѣніе все свое состояніе. И Эмма выразила свою волю такъ рѣшительно, что всякая попытка поколебать ее въ принятомъ ею намѣреніи показалось-бы неумѣстной.

Маркизь д'Эскоманъ изумился, когда ему передали это неожиданное предложеніе жены его; онъ вовсе былъ не изъ числа тѣхъ, которые стараются разгадать, какія именно чувства управляютъ поступками людей. Ему не было дѣла до внутренняго побужденія Эммы, и онъ поспѣшилъ предложить ей пенсію, отъ которой Эмма отказалась, и не теряя времени на предположенія и догадки, радовался своей счастливой звѣздѣ.

Разбивъ такимъ образомъ послѣднее звѣно своихъ связей съ прошедшимъ, Эмма въ первый разъ въ жизни вздохнула свободно. Будущее представилось ей теперь въ болѣе заманчивомъ свѣтѣ, и она еще съ большимъ нетерпѣніемъ чѣмъ прежде, ожидала того счастливаго дня, въ который должны были открыться для нея и двери темницы и новая жизнь.

Положеніе Лудовика де-Фонтанье было гораздо затруднительнѣе.

Во Франціи любезность, волокитство принадлежатъ къ характеристическимъ народнымъ элементамъ, которые въ болѣе или мѣншей степени мы выносимъ изъ самой колыбели; во Франціи рождаются мечтателями, въ Англій—ипохондриками, а въ Голландіи—флегматиками. Въ глазахъ французскаго народа волокитство составляетъ родъ рыцарскаго достоинства, принятаго во всѣхъ сословіяхъ за непремѣнное условіе общественной жизни. Строгое цѣломудріе обратилось въ насмѣшку нашего поколѣнія. Это конечно дурно; но еще хуже, что законъ слишкомъ опромѣтивъ и самонадѣянъ, карая то, что составляетъ самое привлекательное занятіе для необъятнаго большинства французскаго народа.

Правда, что на женщину законъ падаетъ всей своей тяже-

стью; благодаря нравамъ, онъ оказывается совершенно бессильнымъ относительно мужчинъ, противъ которыхъ ему слѣдовало бы по всей справедливости быть гораздо строже. Но для нихъ его суровое клеймо обращается въ розу безъ терній; а въ позорномъ столбѣ, къ которому законъ выставляетъ виновнаго, общество, благодаря своей вѣтрености и увлеченію, видитъ только пьедесталь предмету всеобщаго своего удивленія.

Какъ-бы ни былъ строгъ отецъ семейства, но если шалости его сына не безчестны, то-есть, не нарушаютъ общественныхъ приличій, и не вредятъ ни состоянію, ни здоровью наслѣдника; то заслуженный имъ упрекъ смягчается легкой улыбкой, и обычнымъ правоученіемъ. Отецъ, какъ истинный стоикъ, исполняетъ долгъ свой въ явномъ противорѣчій съ общественнымъ направленіемъ и народнымъ духомъ,

Что-же касается матерей, попавшихъ въ подобное положеніе, онѣ гордятся любовными интригами сыновей своихъ. Приговоръ трибунала, публично рассказывающій ихъ побѣды, напоминаетъ только матери ея собственные похиженія.

Мать .Людвика де-Фонтанье не составляла исключенія изъ общаго правила; на ней, какъ и на прочихъ, отразился общій законъ природы и сердце ея было снисходительнымъ сердцемъ Француженки.

Служебная карьера .Людвика де-Фонтанье разстроилась; онъ потерялъ выгодное мѣсто и соединенное съ нимъ обезпеченіе. Все это было ударомъ для его матери; но когда она явилась въ присутствіе трибунала, и увидѣла, что побѣда сына ея падъ маркпзой была блестящей побѣдой; когда она увидѣла, съ какимъ вниманіемъ взоры всѣхъ женщинъ были прикованы къ молодому человѣку, негодующій голосъ ея совѣсти замолкъ и нравственное чувство поступилось передъ свѣтскимъ тщеславіемъ. Въ душѣ ея осталось только одно теплое участіе къ сыну и маркпзѣ. Старушка не могла удержаться отъ слезъ при энергическомъ воззваніи, которымъ Эмма прервала вкрадчивую рѣчь своего адвоката.

Впрочемъ, за этимъ чувствомъ скрывалось и другое. Когда М-те де-Фонтанье убѣдилась, что процессъ былъ только началомъ драмы, и легко можетъ нанести смертный ударъ взаимной страсти героя и героини, она испугалась послѣдствій его за своего сына. Она поняла, что привязанность .Людвика, основанная на одномъ страстномъ увлеченіи, современемъ обратится въ бесплодную любовную связь, которая окончательно

разстроитъ карьеру ея единственнаго сына. И теперь та же самая женщина, которая слезами и сочувствіемъ одобряла эту страсть въ Лудовикѣ, стала порицать ее, какъ безнравственный поступокъ: до такой степени матеріальные интересы овладѣли всѣми вопросами современнаго общества. Общайте М-те де-Фонтань руку маркизы, ея положеніе въ свѣтѣ, связи, богатство, и старушка была-бы въ восторгѣ отъ поведенія своего сына.

Но теперь, когда дѣло разъяснилось, она употребила всѣ за-висѣвшій отъ нея средства, чтобъ спасти Лудовика отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. Слезы, просьбы, мольбы, упреки, угрозы — все было пущено въ ходъ для обращенія его, какъ она выражалась, на путь истинный. Она старалась затронуть въ немъ чувство сыновней любви, вызывала передъ глазами его образъ кузныи его, бѣдной молодой дѣвушки, считавшей его единственной опорой и которую онъ обрекалъ двойному сиротству.

И М-те де-Фонтань безъ сомнѣнія достигла-бы своей цѣли и отдала-бы сына своего отъ Эммы, не смотря на то, что молодой человѣкъ подобный поступокъ считалъ преступленіемъ, которое честный человѣкъ не долженъ пережить; она успѣла-бы воротить себѣ сыновнее сердце, если-бы, къ несчастію, въ ея характерѣ не было такъ много женственности. Женщины, въ борьбѣ между собою, слишкомъ поддаются чувству индивидуальнаго антогонизма, жалкому по своему принципу и послѣдствіямъ, и которое не слѣдовало-бы возбуждать въ тѣхъ сферахъ общества, къ которымъ принадлежатъ иногда эти женщины по праву рожденія.

Мать Лудовика наконецъ не перестала порицать одно только совершившееся событіе и стала всею осуждать Эмму, подозревая въ ней намѣреніе похитить у нея единственнаго ея Лудовика. Повторяя глупые слухи, распространенные злословіемъ, М-те де-Фонтань возвела ихъ до степени низкой клеветы. Она даже стала находить теперь наглость и безстыдство въ по-рывѣ того невольнаго негодованія, которое вырвалось наружу изъ возмущеннаго и любящаго сердца маркизы.

Сначала Лудовикъ де-Фонтань былъ растроганъ просьбами и слезами матери, такъ что самъ даже плакалъ вмѣстѣ съ ней; онъ начиналъ сознавать, что долгъ сына требуетъ отъ него этой жертвы и принялся было оплакивать будущую участь покидаемой имъ Эммы, предаваясь по этому поводу безнадежному отчаянію,

которое высказывалось въ немъ безпрестанными восклицаніями п сожалѣніями.

Но едва только М-ме де-Фонтанье начала свои несвоевременныя нападки на маркизу, Лудовикъ замолчалъ, слезы его прекратились, брови нахмурились, глаза воспламенились и выражали уже только самую холодную почтительность. Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы между имъ и матерью, встала леденая стѣна, навсегда раздѣлявшая ихъ.

Силой своей проницательности, свойственной всѣмъ вообще женщинамъ, М-ме де-Фонтанье угадала переворотъ, совершавшійся такъ внезапно въ душѣ ея сына. Она тотчасъ поняла, что дальнѣйшія убѣжденія и мольбы будутъ напрасны, что они только утверждаютъ рѣшимость и придадутъ новую энергію упорству ея сына. И старушка, закрывъ заплаканное лицо платкомъ, вышла изъ комнаты, тяжело рыдая.

Лудовикъ не сдѣлалъ ни одного шага, не произнесъ ни одного слова, чтобы удержать ее. Мать перестала посѣщать его въ тюрьмѣ и хотя онъ продолжалъ писать къ ней, но въ письмахъ своихъ не спрашивалъ о причинахъ ея долгаго отсутствія, считая дѣло съ нею совершенно поконченнымъ.

Страстная любовь походить на тѣ деревья, которыя тѣнью своею убиваютъ вокругъ себя всякую растительность. Если и случится какой нибудь былинки подняться у корня такого дерева, она скоро погибаетъ и дерево тянетъ въ себя ея сокъ.

Освобожденный изъ темницы, Лудовикъ де-Фонтанье рѣшился не возвращаться къ матери; намѣреніе его было твердое; но ему предстояла трудная борьба между страстью и не менѣе законными воспоминаніями дѣтства; эта борьба была скучная, и онъ обратилъ, подобно Эммѣ, хотя изъ менѣ чистыхъ побужденій, всѣ свои мысли и мечты на ожидаемое имъ счастье по прошествіи трехъ мѣсяцевъ.

Съ остальной суммой, привезенной имъ съ собою изъ Шатоде́на, Лудовикъ де-Фонтанье отправился отыскивать въ окрестностяхъ Парижа самое уединенное жилище, въ которомъ онъ могъ-бы укрыть отъ людской злобы и зависти предметъ своей любви. Найди скромный и отдаленный загородный домикъ, онъ сталъ убирать его съ необыкновенной заботливостью птички, вьющей гнѣздо, а свободное время отъ этихъ занятій посвящалъ перепискѣ съ маркизою д'Эскоманъ.

Со дня освобожденія Лудовика изъ тюрьмы, Сусанна Моле ежедневно приносила Эммѣ по письму отъ него и ежед-

невно относил на почту отвѣтъ на письмо, полученное наканунѣ.

Письма маркизы, разумѣется, дышали чувствами, поглотившими вполнѣ всѣ ея мысли, все ея существованіе; дышали тою же нѣжностью, преданностью, тѣмъ полнымъ самоотверженіемъ и тѣми надеждами, которыя наполняли ея душу. Не смотря на то, переписка Эммы показалась-бы холодной въ сравненіи съ письмами Лудовика, писанными въ бреду его разгоряченнаго воображенія;— въ сравненіи съ страстнымъ гимномъ его, повторяемымъ на всѣ возможные лады въ честь будущей подруги;— наконецъ въ сравненіи съ безконечными оттѣнками выраженія слова *любить*.

Время осуществленія давно желаемого и такъ дорого купленнаго счастья приближалось. Наканунѣ срока освобожденія маркизы д'Эскоманъ, Лудовикъ де-Фонтанъ всю ночь не сомкнулъ глазъ и провелъ часть ея, прогуливаясь около мрачной ограды, на нѣсколько только часовъ отдѣлившей его отъ обожимаго имъ сокровища; онъ посылалъ поцѣлуи рисовавшимся въ воздухѣ суровымъ тѣнямъ мрачнаго зданія и повторялъ про себя клятвы самой пламенной и преданной любви. Когда онъ рѣшился нѣсколько минутъ отдохнуть, бой часоваго маятника, — эти звучныя мгновенія, которыя улетая сближали его съ любимой женщиной, — не давали ему ни минуты покоя.

Лудовикъ былъ совершенно одѣтъ за долго до того времени, когда ему слѣдовало отправиться на-встрѣчу къ маркизѣ д'Эскоманъ и Сусаннѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними покинуть городъ, оставившіи имъ одни только грустныя впечатлѣнія.

Молодой человѣкъ расхаживалъ въ сильномъ волненіи по своей маленькой комнатѣ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, доходившемъ до него снаружи. Онъ, казалось, боялся, чтобы земля не разверзлась подъ нимъ и не воспрепятствовала осуществиться счастію человѣка, блѣднѣвшаго при одной мысли, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшаетъ Эммѣ соединиться съ нимъ. Лудовику казалось, что онъ сойдетъ съ ума, если-бы, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, свиданіе его съ Эммой замедлилось еще на день.

И при всемъ томъ опытный наблюдатель не поручился-бы за счастливую будущность этой страсти, увидѣвъ съ какою тщетной заботливостью Лудовикъ де-Фонтанъ умѣлъ, не смотря на все свое волненіе, заняться своимъ туалетомъ...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ четырехъ миляхъ отъ Паржа лежить живописная долина Марнъ. Тамъ по дорогѣ между деревней Шампаньи и мельницей Боне, немного не доѣзжая переправы Сэнтъ-Пьеръ, привольно раскинулось у подошвы холма мѣстечко Шеневьеръ. Здѣсь, на поворотѣ дороги, взору путешественника представляется не большой домикъ съ сѣрыми стѣнами и красной крышей. Со всѣхъ сторонъ залитый зеленью, онъ совершенно теряется изъ виду между тополями, ольхами и пвами, такъ что его можно замѣтить только на самомъ близкомъ разстояніи. Окрестные поселенцы прозвали его Clos-béni (благословенное мѣсто).

Наружный фасадъ домика былъ чисто сельскій. Окна съ желѣзными рѣшетками, рамы съ маленькими переплетами для стеколъ, массивныя дубовыя ворота, выходившія прямо на дорогу, заброшенное гумно, полуразвалившіеся сараи и избы, окружавшіе дворъ, — все доказывало, что тутъ была когда-то ферма, которую любитель уединенія и красоты сельской природы, обратилъ потомъ въ деревенскій загородный домикъ.

Но на перекоръ хозяйству, благодатное имя не принесло, по-видимому, счастія скромному жилищу; широкія трещины въ стѣнахъ его, казалось, были только недавно замазаны глиной, которая мѣстами уже снова отвалилась. Старая крыша, покрытая мохомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплаченная новыми черепицами, походила съ виду на шахматную доску. Запущенный садъ, поросшій терповникомъ, крапивою и сорной травой, запущенныя виноградники и дорожки, — все показывало, что это благословенное мѣсто долго оставалось заброшеннымъ и только недавно поправлено.

Въ первомъ этажѣ комнаты отзывались затхлостью и тѣмъ запустѣніемъ, которыми характеризовалась наружность строения.

Въ кухнѣ стариннаго, теперь рѣднаго устройства, стояла огромная печь съ высокой и широкой трубой, съ исполинскимъ очагомъ, на которомъ пламя, поднимаясь въ вышину на шесть футовъ, истребляло цѣлыя кучи древесныхъ пней и огромныя вязанки дровъ. Около такого огня легко могли-бы помѣститься и обогрѣться человекъ десять промокшихъ и продрогшихъ охотниковъ и изжарить себѣ цѣликомъ барана для удовлетворенія голода. Словомъ, кухня была устроена болѣе въ видахъ удобства, чѣмъ изящной обстановки. По чернымъ перекидывавъ потолка пауки постоянно и съ успѣхомъ охотились за мухами; а свѣтлыя вострюли, раставленные на полкахъ около закоптѣлыхъ стѣнъ и глиняный рукомойникъ съ плетеною пзвоной крышкою составляли единственное украшеніе кухни.

Въ столовой, отдѣленной отъ кухни одной только дверью, царствовали тотъ же мракъ и запустѣніе. Бумажные обои, размалеванные когда-то подъ мраморъ, были подернуты сыростью и кое-гдѣ отдѣлвшись отъ стѣны, висѣли лохмотьями, которыя безпрестанно раздувались и шелестили при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, свободно проникавшаго сквозь вѣтхія двери и рамы. Большой столъ орѣховаго дерева и нѣсколько такихъ же стульевъ рѣзной работы, выкрашенныхъ когда-то бѣлой, но отъ времени уже пожелтѣвшей краской, съ подушками, когда-то обитыми шитьемъ, отъ котораго оставалась только издѣнная молюю канва, израсцовый каминъ и старый барометръ безъ трубки мебелировали столовую.

Далѣе слѣдовала третья комната, но дверь въ нее была заперта и не безъ причины. Она служила когда-то гостинной; но потомъ подверглась общей участи всякаго земнаго величія и обратилась въ теплицу. Остатки обвалившагося карниза, покрытые слоемъ густой пыли, загрязненный и растрескавшійся паркетъ напоминали о первоначальномъ назначеніи этой комнаты. Цвѣточныя луковицы и засохшіе стебли другихъ орашжерейныхъ растений, развѣшанныхъ по стѣнамъ, молча свидѣтельствовали о второмъ назначеніи, наконецъ третья метаморфоза этой комнаты по своему удушливому запаху, ясно говорила, что ее обратили въ курятникъ.

Но чтобъ читатель преждевременно не пожалѣлъ о будущихъ обитателяхъ Clos-béni, — мы спѣшимъ оговориться, что второй этажъ этого домика представлялъ совершенную противоположность съ нижнимъ. Верхнія комнаты были за-ново отдѣланы и очень кокетливо убраны.

Однажды, около полудня, въ прекрасный майскій день легко и скоро катилась по дорогѣ наемная карета и остановилась у запертыхъ воротъ Clos-béni.

Изъ экипажа вышелъ Лудовикъ де-Фонтанье, а за нимъ граціозно выпорхнула маркиза, опираясь на протянутую ей руку молодого человѣка. Послѣ всѣхъ выгѣзла изъ кареты Сусанна Моле.

Отпустивъ извозчика, Лудовикъ вынулъ изъ кармана ключъ и отперъ ворота. Когда новые жильцы вошли во дворъ, Эмма съ ребяческой радостью уперлась руками въ обѣ вѣтхія и щелестыя половинки воротъ и съ страшнымъ усиліемъ затворила ихъ, какъ будто желая сказать цѣлому свѣту: «сюда не проникнетъ ни кто.»

Потомъ схвативъ за руку Лудовика, она прижалась къ нему своей хорошенькой головкой и привѣтливо улыбнулась. Раздался звонкій поцѣлуй и электрическая искра мгновенно пробѣжала по всему организму Эммы; но это мимолетное волненіе было чисто и неомрачено ни одной черной мыслью. Эмма почувствовала неизъяснимое наслажденіе, понятное только моряку, ступившему на твердую землю и увидѣвшему близкихъ сердцу, послѣ страшной морской бури, гразившей неотразимой гибелью.

Въ эту отрадную минуту всякое воспоминаніе о прошедшемъ было до такой степени непріятно для Эммы, что она повидимому боялась даже слезъ своихъ, хотя онѣ были вызваны не горемъ, а счастьемъ. Чтобъ остановить ихъ, она торопила Лудовика показать ей маленькій земной рай, который навсегда разлучилъ ее съ ея великолѣпнымъ замкомъ и мрачными сценами ея прошлой жизни. Все, что она видѣла въ своемъ новомъ жильѣ, ей нравилось, и чувство внутренняго удовольствія разлило свой розовой цвѣтъ на всѣ окружающіе предметы.

Въ двухъ шагахъ отъ Эммы, у ногъ ея кудахтали куры; красивый пѣтухъ съ гордой осанкой затянулъ свою манотонную пѣснь; по крышамъ строеній порхали разноцвѣтные голуби и солнечные лучи, ярко отсвѣчивая, играли на ихъ блестящихъ лазуревыхъ и серебристыхъ крыльяхъ. Въ первый разъ еще Эмма такъ близко была къ обществу пернатыхъ и почувствовала къ нимъ особенное расположеніе. Она за-ранѣе восхищалась, какъ они будутъ оживлять ея уединеніе; и только тогда рѣшилась на время разстаться съ ними, когда собрала ихъ въ кучу вокругъ себя нѣсколькими пригоршнями зеренъ.

Не смотря на Лудовика, желавшаго провести Эмму прямо во второй этажъ, она не послушала его и рѣшилась прежде осмотрѣть нижнія комнаты.

Въ жизни женщинъ бываютъ исключительные случаи, когда онѣ смотрятъ на все не глазами, а чувствомъ. И Эмма была въ такомъ же положеніи. Настроенная счастьемъ, она равнодушно смотрѣла на разрушеніе и безобразіе комнатъ нижняго этажа. Не обращая ни сколько вниманія на неудовольствіе своей кормилицы при видѣ такого помѣщенія, Эмма находила его прекраснымъ.

Наконецъ она взшла на верхъ по лѣстницѣ и Лудовикъ провелъ ее въ спальню. Стѣны ея были обтянуты ситцемъ. Далѣе онъ ввелъ маркизу въ маленькую гостиную, съ мебелью изъ розоваго дерева, гдѣ Эмма могла удобно работать или отдыхать во время дня. Радость ея была полная, такъ что маркиза въ эту минуту вовсе не походила на богатую даму, привыкшую съ дѣтства къ роскоши и комфорту. По ея восторгу скорѣе можно-бы принять ее за гризетку, получившую въ свое владѣніе имущество, которое было завѣтной мечтой всей ея жизни. Эмма перебѣгала отъ одной вещи къ другой, то садилась въ кресло, то принималась устанавливать форфоръ, то подходила къ вазамъ, которыя еще наканунѣ, благодаря заботливости Лудовика, были наполнены цвѣтами, и старалась придать букетамъ болѣе изящный видъ и живописное положеніе. Потомъ она осмотрѣла бібліотеку, составленную изъ любимыхъ ею авторовъ, раскрывала всѣ шкапы, отворяла окна, и восхищалась растіявшимися передъ ея глазами прекрасными сельскими картинами. Она подозвала къ себѣ Лудовика, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ полюбоваться изумрудной поверхностью рѣки Марны, волны которой омывали стѣны домика, рассыпаясь по сторонамъ серебристой пѣной. Высокіе тополи на островкахъ Ого и Кармеро сплетались зеленымъ сводомъ надъ рукомомъ рѣки, раздѣляющимъ эти острова; сквозь листья этого свода просвѣчивали солнечные лучи, играя на поверхности воды миллионами золотыхъ и брилліантовыхъ искръ. Вдали на горизонтѣ видѣлась сплошная масса зелени, раздѣленная на бирюзовомъ небѣ черными мрачными башнями венсенскаго замка. Эмма съ восторгомъ указывала Лудовику на красоты этихъ очаровательныхъ видовъ и благодарила съ искреннимъ чувствомъ любящаго сердца.

По странной противоположности, встрѣчаемой на каждомъ

шагу въ жизни, Лудовикъ де-Фонтанье вовсе не раздѣлялъ восторговъ Эммы. Безпечная и веселая, она безгранично отдавалась своему счастью, которое, какъ ей казалось, превзошло всѣ ея надежды и ожиданія. Лудовикъ, напротивъ, далеко не былъ такъ восторженъ окружавшей ихъ природою, въ немъ не было уже того чувства, той ягучей страсти, которая проглядывала впрочемъ въ его письмахъ къ Эммѣ. Въ молодомъ человѣкѣ начинался внутренній метаморфозъ, свойственный всѣмъ мечтателямъ. Воображеніе его уже было недовольно дѣйствительностью, потому что оно создало свой собственный міръ, которому ничего подобнаго не могло быть въ самой жизни. Всѣ восторги и радости Эммы были для нея новы и неожиданны, между тѣмъ какъ Лудовикъ уже испыталъ ихъ вдоволь и они потеряли для него свою прелесть. Онъ бранилъ себя въ душѣ, что не могъ восторгаться, подобно Эммѣ, и находить, что солнце еще никогда такъ ярко не свѣтило, вода на рѣкѣ никогда такъ не блестяла, въ воздухѣ еще никогда не было такого благоуханія, листья деревьевъ никогда еще не имѣли такихъ отливовъ, пѣніе птичекъ никогда еще не было такъ гармонично, какъ въ настоящую минуту.

Хладнокровіе Лудовика, непонятное для Эммы, заронило и въ ея душу сомнѣніе. Она невольно подумала, что, можетъ быть, потеря богатства возмутитъ ихъ спокойствіе, и обременитъ любимаго ей человѣка трудомъ и лишеніями. За себя въ эту минуту она не боялась; кажется, всѣ сокровища міра не стоили для нея одного поцѣлуя Лудовика; но что будетъ съ нимъ? — думала она, и темная мысль ложилась густой тѣнью на ея ясномъ лицѣ. Впрочемъ эта мимолетная грусть, какъ случайное облако, отлетало отъ Эммы, и она снова чувствовала необыкновенную теплоту на душѣ, снова крѣпко прижималась къ Лудовику.

Между-тѣмъ Сусанна хлопотала на кухнѣ, и только по-временамъ входила въ комнату, гдѣ находилась чета влюбленныхъ. Присутствіе Моле нарушило сладкое уединеніе ихъ, тѣмъ болѣе, что кормилица своими вопросами о хозяйствѣ сводила Эмму прямо съ неба на землю. Отрывая страстный поцѣлуй отъ Лудовика, маркиза должна была отвѣчать Сусаннѣ, что надо приготовить для обѣда и чѣмъ пополнить недостатокъ блюдъ. Видя затруднительное положеніе своей няньки, мало знакомой съ поварскимъ искусствомъ, она сама пошла на кухню и непременно хотѣла помочь Сусаннѣ въ приготовленіи обѣда, но такъ какъ

въ скромномъ ихъ жилищѣ никто не имѣлъ права оставаться безъ дѣла, то Эмма попросила, чтобъ Лудовикъ, пока она будетъ занята совершенно новой для нея работой, расчистить маленькую площадку въ кущѣ ракитника и сирени, въ тѣни которой она желала обѣдать. Обоюдныя занятія влюбленныхъ разъединили ихъ и потому они скоро соскучились своими работами и оставили ихъ, чтобъ опять сойтись другъ съ другомъ. Лудовикъ отъ души смѣялся надъ неумѣемъ Эммы взяться за хозяйство и надъ неловкостью ея шпримовъ, когда она старалась быть чѣмъ нибудь полезной ему. Она брала изъ рукъ его заступъ, слегка придавливала его своей миниатюрной ножкой и, напрягая всѣ силы чтобы вскопать землю, едва только надрѣзывала ее поверхность.

Послѣ обѣда они вышли изъ тѣнистой кущи, нѣжно обнялись и отправились въ садъ, раскинутый по берегу рѣки.

Сусанна Моле плакала отъ умиленія, смотря вслѣдъ удаляющимся. Никогда еще щеки ея ненаглядной питомицы не горѣли такимъ свѣжимъ румянцемъ; никогда еще такая радостная улыбка не играла на устахъ ея; никогда еще прекрасные глаза Эммы не разгорались такимъ живымъ и яркимъ блескомъ. Любуясь своей «ненаглядной», добродушная Сусанна внутренне радовалась побѣдѣ, одержанной, какъ ей казалось, надъ смертью, едва было непохитившей Эмму.

Наступилъ вечеръ. Прошло семь часовъ. Солнце уже спустилось за горизонтъ и дискъ его, вповоловину скрытый за холмъ, разливалъ богровый цвѣтъ по живописнымъ окрестностямъ и придавалъ рѣкѣ, широко разлившейся у подошвы пригорка, видъ огненного озера.

Воздухъ, растворенный ароматомъ свѣжаго сѣна, благоуханіемъ цвѣтовъ и испареніями земли, колыханіе еще нескошенной травы, шелестъ листьевъ на тополяхъ и легкое дуновение вечерняго вѣтерка — все вмѣстѣ, соединяясь съ щебетаніемъ птичекъ, казалось, пѣло благодарственный гимнъ небесному свѣтилу, даровавшему имъ, и жизнь, и свѣтъ, и теплоту.

Между деревьями летали запоздалыя стрекозы, слегка касаясь своими стальными грудками острыхъ оконечностей листьевъ; пчелы жужжали, высасывая медъ изъ цвѣтовъ, обрамлявшихъ берегъ рѣки, на подобіе радужной ленты.

То была минута, когда природа, какъ будто кокетничая, обыкновенно показывается во всей безъискусственной, но великолѣпной красотѣ, прежде чѣмъ погрузится въ тишину и мракъ

ночи, подобно мудрецамъ, украшавшимъ себя розами при переходѣ отъ земной жизни къ вѣчной.

Лудовикъ и Эмма молча шли посреди высокой травы, покрутому берегу рѣки. Не смотря на молчаніе, сердца молодыхъ людей никогда еще не понимали другъ друга такъ хорошо: тихимъ пожатіемъ рукъ влюбленные сообщали другъ другу сильныя впечатлѣнія, производимыя на нихъ созерцаніемъ грандіозныхъ явленій природы.

Возратившись на прежнее мѣсто, Лудовикъ отвязалъ лодку отъ берега, посадилъ въ нее Эмму и, взявшись за весла, поплылъ вверхъ по теченію рѣки. Наносные пески образовали со стороны островка Ого нѣсколько отмелей, которыя простирались поперекъ пролива на такомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой, что растущія на немъ деревья сплетались зелеными непроницаемымъ для свѣта сводами надъ маленькими заливами, раздѣлявшими эти отмели.

Лодка слегка скользила по свѣтлой влагѣ, среди береговъ, залитыхъ зеленью, подъ матовымъ свѣтомъ луны, и Эмма, чувствуя ровное колебаніе лодки, снова предалась своему счастью. Она сидѣла на кормѣ, облокотясь на бортъ и поддерживая рукой склонившуюся головку; русыми кудрями ея игралъ прихотливый вѣтеръ, развѣвая ихъ подобно струйкамъ золотистаго пара.

Ея полу-закрытые глаза, казалось, терялись въ созерцаніи прекраснаго, и если-бы на устахъ ея не сохранилась улыбка, если-бы грудь ея не подымалась высоко; то можно было-бы подумать, что душа покинула свою земную оболочку.

Какъ ни были сильны впечатлѣнія, которыя испытывала маркиза д'Эскоманъ, они вовсе не производили такого вліянія на Лудовика де-Фонтанъ, какое имѣли на Эмму.

Покинувъ весла, онъ подвинулся ближе къ ней и лодка, предоставленная самой себѣ, тихо поплыла по теченію рѣки.

Никогда Эмма не замѣчала такого страннаго выраженія въ лицѣ Лудовика: онъ придвинулся къ ней съ страстнымъ взглядомъ и дрожащими губами, такъ что удивленная и испуганная, маркиза безсознательно поднялась съ мѣста и съ умоляющимъ взглядомъ протянула къ Лудовику руки, какъ будто вымаливая у него себѣ пощады.

— Развѣ ты боишься меня, сказалъ Лудовикъ, голосомъ, едва внятнымъ отъ волненія.

Эмма старалась улыбнуться, отрицательно покачала головой и указала Лудовику мѣсто подлѣ ла себя.

Онъ жадно обвилъ рукою ея гибкій станъ и прижалъ ее къ груди своей. Эмма не противилась его объятіямъ и онъ почувствовалъ, что тѣло ея дрожало отъ сильнаго волненія.

— Не холодно-ли тебѣ? сказалъ онъ. Не возвратится-ли лучше домой?

— Нѣтъ, нѣтъ! Здѣсь такъ хорошо.... Миѣ кажется, что съ нынѣшняго дня я живу новою жизнью и въ мірѣ вовсе для меня невѣдомомъ.... Я нахожу въ душѣ моей новыя силы, существованія которыхъ и не подозрѣвала.... Мое сердце теперь такъ полно любви, что оно нечувствительно ни къ чему другому.... Любовь — это жизнь наша!

— А между тѣмъ мы еще неполнѣе пользуемся этой жизнью, прошепталъ Лудовикъ.

— Возможно-ли умереть, не слыхавъ этого глубокаго слова, заключающаго въ себѣ такое неизъяснимое блаженство. Лудовикъ! повтори миѣ, что ты любишь меня.

— Можешь-ли ты сомнѣваться въ этомъ?

— Конечно нѣтъ; но миѣ хочется слышать твой голосъ, звукъ этого слова.

Вмѣсто отвѣта Лудовикъ де-Фонтанъ вился своими губами въ розовыя губки молодой женщины.

Этотъ страстный и долгій поцѣлуй изумилъ Эмму; онъ былъ для нея неожиданъ и новъ; она еще ни разу не испытала подобнаго поцѣлуя, а потому съ ужасомъ вскрикнула и старалась освободиться изъ крѣпкихъ объятій молодаго человѣка.

Въ эту самую минуту лодка ударилась объ отмель, и раздѣлила влюбленныхъ: они оба упали на колѣна.

— Умоляю тебя, Лудовикъ, вскрикнула Эмма, оставаясь въ той-же позѣ, въ какую поставилъ ее случай:—Чего ты еще хочешь? Мы такъ счастливы, намъ такъ хорошо.... Пойми же меня, и не разрушай чистыхъ мгновений нашего союза,... Я боюсь потерять это блаженство — оно только что коснулось меня.... Боже мой! Да чего же тебѣ нужно отъ меня, когда я и такъ уже принадлежу тебѣ.... Сжался надъ моими предчувствіями; они понятны миѣ, и предвѣщаютъ что-то недоброе для меня....

Лудовикъ де-Фонтанъ ровно ничего не понялъ изъ словъ цѣломудренней Эммы; онъ не понялъ, что такой быстрый и крутой переходъ отъ высокой платонической любви къ земнымъ матеріальнымъ побужденіямъ былъ знакомъ паденія для ужаснувшейся Эммы, чуждой всякой чувственности.

— Не я, а вы меня не любите, холодно отвѣчалъ Лудовикъ.

При этом упрекъ Эмма залилась слезами и вмѣсто отвѣта упала въ объятія Лудовика... Страстные поцѣлуи его осушили ея слезы

Между тѣмъ исподоваль наступола ночь, окутывая долину и рѣку своимъ покровомъ. Звѣзды мерцали на небѣ, отражая блескъ свой въ зеркальной поверхности воды. Посреди ночного мрака и сельской тишины, мимо кустарниковъ вяза и орѣшника, покрывавшихъ острова, тихо пробирались двѣ человѣческія тѣни, обнявшись другъ съ другомъ. Осторожно раздвинувъ вѣтви хмѣля и виноградника, онѣ усѣлись подъ развѣистой ивой, на берегу широкой рѣки, мирно протекавшей по долинѣ.

Луна тихо плыла надъ холмами мѣстечка Шеневьеръ, серебрила своими лучами листья ивъ, надъ головами молодыхъ людей и зыбь, рябившая поверхность рѣки, играла у ногъ ихъ тысячами прелестныхъ спиралей.

И вотъ среди ночного безмолвія пронеслись звонкія выразительныя трели.

То была пѣснь соловья, распѣвавшего свой чудный гимнъ любви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Clos-béni.

Маленькій сельскій домикъ въ долинь Марнъ наконецъ вполне оправдалъ свое названіе: «*благословенное мѣсто*».

Впродолженіе полугода обитатели его пользовались въ немъ полнѣйшимъ и безграничнымъ счастьемъ, которое отразилось и на самой наружности домика, получившаго веселый, праздничный видъ.

Сады были расчищены и выметены, дорожки усыпаны пескомъ; фруктовыя деревья и виноградники приняли свой свѣжій видъ; лишнія и засохшія вѣтви ихъ болѣе не заглушали сада; повсюду видна была заботливая рука хозяина, который устроилъ это жилище для своего удовольствія, а не для выгоды. Самый домикъ былъ передѣланъ за-ново и первый этажъ его приведенъ въ порядокъ, по требованію Сусанны Моле, соотвѣтственно убранству верхняго жилья.

Скоро и незамѣтно летѣло время для влюбленныхъ въ этомъ мирномъ уголкѣ.

Сельская жизнь какъ-то особенно настраиваетъ къ любви и сближенію; вечернія прогулки, занятія въ саду, простота обхожденія, наконецъ самая природа и общія для всѣхъ удовольствія ея — все это примиряетъ и успокоиваетъ людей.

Эмма такъ полюбила свой маленькій цвѣтникъ, что, нисколько не опасаясь загара, постоянно копала тамъ землю своими бѣлыми, аристократическими руками.

Вполнѣ счастливая, она наслаждалась тихой сельскою жизнью. съ каждымъ днемъ находя ее болѣе пріятной и съ каждымъ днемъ сильнѣе привизываясь къ Лудовику. Она радовалась, что принесенная ею жертва такъ блистательно искупалась семейнымъ счастьемъ, послѣ такихъ страшныхъ страданій.

Упреки ея совѣсти замочили и Эмма болѣе не тяготилась своими близкими отношеніями къ Лудовику, благодаря общей логикѣ фактовъ, въ силу которой успѣхъ, вѣнчая дѣло, легко успокоиваетъ всякое внутреннее раздраженіе. Къ тому же Эмма могла оправдаться въ собственныхъ глазахъ, обвиняя тѣхъ, которые поторопились заклеить ея несправедливымъ приговоромъ.

Напротивъ, Лудовикъ де-Фонтань не подозрѣвалъ, что любовь Эммы съ каждымъ днемъ усиливается. Правда, что и онъ тоже очень сильно любилъ ее и былъ также счастливъ, какъ и Эмма; но счастье его болѣе заключалось въ какомъ-то нравственномъ оцѣпенѣніи, чѣмъ въ ясномъ сознаніи своихъ чувствъ. Онъ любилъ Эмму скорѣе потому, что тишина сельской жизни, которая новизной своей не могла ему не нравиться, успокоила въ немъ восторженность его воображенія и охладила пылкіе порывы сердца. Притомъ, подлѣ такой очаровательной и прекрасной женщины, какъ Эмма, въ которой съ каждымъ днемъ открывались новыя достоинства, Лудовикъ не могъ оставаться равнодушнымъ. И надо было видѣть, какъ Эмма старалась расположить къ себѣ своего друга: она подмѣчала каждый взглядъ его, чтобы предупредить малѣйшее его желаніе, которое было для нея закономъ. Она не боялась заглянуть въ глубину своей души, анализировать свои чувства, потому что она не сомнѣвалась въ ихъ искренности; но Лудовикъ не рѣшился-бы этого сдѣлать, изъ боязни открыть въ себѣ чувства вовсе не похожія на тѣ, которыми обзывали его честь и деликатность. Какое-то смутное сознаніе говорило ему, что настоящее, какъ оно ни было хорошо, далеко ниже картины, нарисованной въ его мечтахъ. И страшась истины, какъ всѣ вялые темпераменты, Лудовикъ хотѣлъ увѣрить самого себя, что онъ любитъ Эмму, что онъ счастливъ ея счастьемъ.

Но не смотря на всѣ старанія его обмануть самого-себя, состояніе его души не могло иногда не обнаружиться. Бывали дни, когда благородный характеръ и безграничная преданность Эммы смущали своимъ проявленіемъ Лудовика и онъ сознавалъ тогда всю ничтожность своихъ чувствъ передъ такой возвышенной любовью молодой женщины. И въ эти минуты онъ, обыкновенно, вспоминалъ ту холодность, съ которой принималъ самыя пламенныя выраженія безумной страсти Маргариты, и съ ужасомъ спрашивалъ себя: неужели сердце его неспособно для искренней любви? Съ грустью останавливался Лудовикъ на

этой безотрадной мысли и трудно было Эммѣ развлечь его внезапное уныніе. Ей непонятна была причина этой грусти. Вполнѣ увѣренная въ любви Лудовика, Эмма не беспокоилась на этотъ счетъ; но если когда и возмущалась ея душевное спокойствіе, то это при вопросѣ о матеріальныхъ средствахъ къ ихъ существованію.

Она не рѣшалась открыть Лудовику истину о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, откладывая признаніе день-за-день. Ни онъ, ни Сусанна не знали, что Эмма тихонько отда-да всѣ драгоценности своему повѣренному, чтобы обрѣсти ихъ въ деньги, которыми она рассчитывала скромно прожить нѣсколь-ко лѣтъ.

Однакожь, часто приходило въ голову Эммѣ, что съ ними станется, когда истощатся эти послѣднія средства къ ихъ существованію и оба они сдѣлаются жертвой нищеты, которой маркиза опасалась не столько за себя, сколько за своего воз-любленнаго.

Сначала Эмма придумала было пустить свой маленькій ка-питалъ въ какой-нибудь торговый оборотъ и самой заняться мастерствомъ, чтобы такимъ образомъ навсегда обезпечить себя и Лудовика отъ нужды. Но она была такъ счастлива, такъ блаженствовала въ своемъ сельскомъ уединеніи, что у ней не доставало мужества нарушить это счастье и собственной рукою нанести ему рѣшительный ударъ.

Наконецъ, встрѣтилось обстоятельство, заставившее Эмму прервать молчаніе. — Какъ-то однажды Лудовикъ заговорилъ съ ней о своей матери; при этомъ разговорѣ въ первый разъ еще отозвалось въ сердцѣ маркизы что-то похожее на внутренній упрекъ. Эмма вспомнила, что ради ея Лудовикъ розорвалъ свя-тыя узы съ женщиной, самой близкой его сердцу. Эта мысль повела за собой другія, заставившія маркизу сознать, что Лудовикъ совершенно испортилъ свою карьеру единственно изъ любви къ ней—и она стала обвинять себя въ этомъ, какъ въ какомъ-нибудь важномъ преступленіи.

И тутъ она рѣшилась наконецъ во всемъ открыться Лудовику. На другой день она рассказала ему, что по доброй волѣ стала также бѣдна, какъ и онъ, уступивъ все состояніе мужу, чтобы только примириться съ своею совѣстью, и, не ожидая болѣе ничего въ будущемъ, она рассчитываетъ только на свой трудъ и на дружескую помощь своего Лудовика, который навѣрно раз-дѣлитъ съ нею трудъ.

Пораженный этой новостью, де-Фонтанше всего болѣе удивился такой возвышенной любви, такому безкорыстному самоотверженію. Онъ мысленно далъ обѣтъ навсегда остаться достойнымъ такого великодушнаго отреченія Эммы отъ независимаго и почетнаго положенія въ свѣтѣ.

Эмма съ своей стороны совѣтывала воспользоваться временемъ, чтобы предпринять окончательное рѣшеніе на счетъ ихъ будущей жизни и занятій, прибавивъ притомъ, что имъ нельзя долѣе оставаться въ пріятномъ бездѣйствіи.

И не смотря на то, что маркиза, какъ свѣтская женщина, была вовсе незнакома съ житейскими нуждами; однакожь она первая придумала средства, какъ-бы легче выпутаться изъ критическаго положенія, ожидавшаго ихъ въ будущемъ.

Само-собою разумѣется, что Лудовику нельзя было и подумать занять какую-нибудь административную должность: имъ пришлось — бы тогда непременно разстаться; а между тѣмъ жизнь вмѣстѣ была для нихъ такъ хороша, что на всякую разлуку они смотрѣли, какъ на совершенный разрывъ. Притомъ они считали свою связь столько же законной и обязательной, какъ и бракъ, скрѣпленный церковными или гражданскими формами.

Надо отдать справедливость Лудовику, что мысль о разлукѣ съ Эммой никогда не приходила ему въ голову.

Помимо административнаго поприща, Эмма предложила Лудовику до двадцати другихъ, одинаково достойныхъ его занятій, которыя сверхъ того предоставляли ему полную самостоятельность въ дѣйствіяхъ.

Нравственное превосходство Эммы побѣдило въ Лудовикѣ словенные предразсудки и онъ согласился на ея предложеніе заняться коммерческими дѣлами. Родъ этихъ занятій былъ тѣмъ удобнѣе для влюбленной четы, что представлялъ имъ возможность ускользнуть отъ вниманія свѣта и скорѣе улучшить свое состояніе, чтобы возвратиться къ мирной деревенской жизни и скромнымъ сельскимъ занятіямъ.

Когда между ними было рѣшено, что Лудовикъ поступитъ въ купеческую контору, — Эмма, желая съ своей стороны также показать полное презрѣніе къ дворянской спѣси, придумала отдать свои деньги въ оборотъ небольшой торговой компаніи съ тѣмъ, что Лудовикъ внослѣдствіи долженъ будетъ распространить размѣры этой торговли и по возможности увеличить капиталъ.

На другой день они отправились въ Парижъ и осуществили свои намѣренія чрезъ посредство повѣреннаго Эммы, единственнаго знакомаго имъ челоѣка въ столицѣ, который усердно помогъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ Лудовикъ получилъ мѣсто въ банкирской конторѣ, а Эмма, подъ именемъ М-те Луи, сняла скромный небольшой магазинъ бѣлошвейки, помѣщавшійся въ безлюдномъ еще тогда кварталѣ, близъ церкви св. Магдалины.

Но самое главное и затруднительное обстоятельство еще не было устранено. Необходимо было сообщить Сусаннѣ о такой поразительной переменѣ въ жизни маркизы д'Эскоманъ. Это рѣшеніе Эммы не могло не возмутить преданную Сусанну, усвоившую себѣ совершенно иныя понятія объ общественной іерархіи и для которой подобное унижительное положеніе ея питомицы было ужаснѣе, чѣмъ переворотъ 1789 года для Франціи.

Когда Эмма стала рассказывать Сусаннѣ Моле о своихъ намѣреніяхъ, о потерѣ состоянія, отданнаго ея мужу, о будущей бѣдности, изумленная кормилица сомнительно покачала головой и сказала, что она принимаетъ все это за шутку. Превращеніе знатной дамы въ простую магазанщицу казалось старухѣ до того несбыточнымъ и невѣроятнымъ, что въ продолженіе двухъ дней она упорно твердила, что маркиза надъ ней насмѣхается. И только тогда Сусанна нѣсколько повѣрила этому безумному, по ея мнѣнію, предпріятію, когда Эмма принялась укладывать въ чемоданы свои вещи.

Желая узнать всю истину, Сусанна Моле стала спрашивать маркизу о всѣхъ подробностяхъ задуманнаго пми дѣла. Эмма рассказала ей и въ заключеніе, увѣривъ ее въ полномъ отреченіи отъ прежняго блестящаго положенія, обѣщала кормилицѣ мѣсто старшей мастерицы въ своемъ магазинѣ. Сусанна съ неудовольствіемъ отвергла такое унижительное предложеніе.

Досада и отчаяніе овладѣли убитой горемъ женщиной. Предаваясь съ обычной ей пылкостью то одному, то другому чувству, она разразилась тысячами проклятій надъ маркизомъ д'Эскоманъ, считая его единственнымъ виновникомъ ужаснаго удара, нанесеннаго ея самолюбію.

Эмма принуждена была прибѣгнуть ко всевозможнымъ ласкамъ, чтобы сколько-нибудь смягчить негодованіе своей кормилицы: но на всѣ увѣренія маркизы, что счастье не въ богатствѣ

и знатности, — Сусанна только качала головой, очевидно не соглашаясь съ такимъ ребяческимъ мнѣніемъ.

Оставалось распротиться съ «Clos-béni», къ которому Эмма гораздо болѣе была привязана, чѣмъ предполагала.

Ничто такъ тѣсно не соединяется съ знаменательными событіями человѣческой жизни, какъ тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями этихъ событій; а потому покинуть «Clos-béni» значило для Эммы сорвать съ своего счастья покровъ, подъ которымъ оно такъ мирно развилось. Не было ни одного уголка въ этомъ домикѣ, ни одной аллеи въ этомъ саду, съ которыми не были бы связаны для Эммы самыя пріятныя воспомнанія. Она трепетала при мысли, что чья-нибудь посторонняя рука равнодушно уничтожитъ ея цвѣтникъ, надъ которымъ она потратила столько трудовъ и заботъ. Слезы выступили на длинныхъ рѣсницахъ Эммы, когда она подумала, что не увидитъ болѣе ни этого зеленого холма, на который она столько разъ взбиралась, опираясь на руку своего друга, подъ тѣнью густаго орѣшника и между двумя анфиладами виноградныхъ лозъ; ни этой широкой рѣки спокойно извивающейя голубою лентою посреди изумрудныхъ луговъ, ни этихъ зеленѣющихъ береговъ, гдѣ въ тихій лѣтній вечеръ Эмма любила подышать свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ.

Лудовикъ тоже не безъ грусти разошелся съ «Clos-béni», хотя онъ и не соединялъ съ этой разлукой того роковаго предчувствія, которое такъ страшило Эмму.

Рѣшительность, вызванная накануне въ Лудовикѣ твердостью характера Эммы, на другой-же день совершенно его покинула. Онъ снова предался безконечнымъ грѣзамъ и лѣности, такъ что отъ души началъ жалѣть о той беззаботной жизни, которую онъ велъ въ «Clos-béni». — Онъ предложилъ Эммѣ оставить засобой этотъ маленькій домикъ, рассчитывая, что наемъ его не будетъ для нихъ слишкомъ обременителенъ; а между тѣмъ имъ, честнымъ торговцамъ, будетъ пристанище, чтобы проводить загородомъ каждый праздникъ. Эмма съ восторгомъ приняла это предложеніе, потому-что оно вполне согласовалось съ ея затаеннымъ желаніемъ.

Наконецъ насталъ печальный день отъѣзда влюбленной четы изъ «Clos-béni». Эмма еще разъ обошла его вмѣстѣ съ Лудовикомъ, оборвала съ кустовъ всѣ розы, пощаженные осеннимъ вѣтромъ, и сплела ихъ вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами въ одинъ букетъ, чтобъ внести его въ свое новое городское жилище.

Съ глубокой печалью и слезами на глазахъ переступила она порогъ двери, передъ которой за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышла изъ карѣты такой веселой и счастливой. И теперь, также какъ и тогда, стоялъ экипажъ у самыхъ воротъ, но съ тою только разницею, что обращенъ былъ въ сторону Парижа.

Эмма крѣпко схватила поданную ей Людовикомъ руку и припала къ нему со страхомъ, видимо борясь съ какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ.

Она пожелала взойти шѣшкомъ на пригорокъ, чтобы еще разъ взглянуть на домикъ, покидаемый ею съ такой грустью и искреннимъ сожалѣніемъ; но «Clos-béni» уже скрылся отъ глазъ маркизы за пожелтѣвшими листьями, отбывшихъ его дедьевъ.

Неужели восторгамъ любви и блаженству Эммы суждено было также быстро исчезнуть, какъ скрылась отъ ея взоровъ черепичная крыша «Clos-béni»?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, что происходило въ сердцахъ и магазинахъ въ
улицъ Сезъ.

Переѣздъ маркизы въ Парижъ открывалъ совершенно новое поприще въ ея жизни. Это былъ самый смѣлый шагъ ея, и надо отдать ей справедливость, что она показала себя здѣсь съ самой лучшей стороны.

Свѣтская женщина, воспитанная въ роскоши, послушная капризамъ и привыкшая къ безусловному исполненію своей воли, она покорилась съ геройскимъ самоотверженіемъ необходимости измѣнить свое прежнее блестящее положеніе на трудовую жизнь, отказаться отъ удобствъ и покоя, чтобы рядомъ безчисленныхъ лишеній обезпечить себѣ кой-какое независимое существованіе.

Повидимому Эмма даже не замѣтила этого перехода; казалось, ей все было сподручно; ее не остановили ни безсонныя ночи, ни однообразіе занятій, ни даже тѣ неизбежныя при торговлѣ непріятности, которыя приходилось ей иногда переносить.

Одѣтая въ скромное ситцевое платье, въ простенькомъ чепчикѣ, сидѣла она безъ всякаго смущенія за дубовой отпалпрованной кэпторкой, занятая приготовленіемъ какихъ-нибудь нарядовъ: или граціозно и ловко вскакивала на скамейку, чтобы достать съ верхней полки картонку съ вещами, которыя показывала покупателямъ съ необыкновенной любезностью и услужливостью. Всѣ посѣтители пзумялись изысканности манеръ молодой магазинщицы; но никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, сколько скрывалось благородства и возвышенныхъ чувствъ за этой простотою, сколько исчезло сокровищъ для свѣта за этой мѣщанской обстановкой.

И кто-бы повѣрилъ, что эта молодая, прекрасная магазинщица, которая такъ хлопотала изъ-за какого-нибудь франка. еще недавно была знатная дама, владѣтельница одного изъ самыхъ древнихъ и аристократическихъ замковъ! И кто-бы повѣрилъ, что эта самая женщина, такъ услужливо достающая съ полочекъ картонки и такъ любезно показывающая всѣмъ разнымъ бездѣлкамъ, — нѣкогда имѣла толпу людей, исполнявшихъ малѣйшія ея приказанія, десятокъ лошадей на капюшнѣ и считалась миліонеркой?

Въ новую жизнь свою Эмма внесла не поддѣльную веселость. Она старалась не высказывать передъ Сусанной ни малѣйшаго сожалѣнія о прошедшей жизни и не давала чувствовать Лудовику всю громадность принесенной ею жертвы изъ любви къ нему. Вся преданная занятіямъ, Эмма только и думала, чтобы облегчить заботы своихъ близкихъ и не хотѣла вводить Лудовика въ какіе-нибудь хлопоты объ ея участи.

Съ своей стороны Сусанна Моле не переставала называть поступокъ Эммы непростительнымъ безуміемъ и обвинять Лудовика въ томъ, что онъ съ недостойной для мужчины слабостью согласился на такую перемѣну. Хорошая кормилица возлагала на него всю отвѣтственность за будущность Эммы и, сомнѣваясь, чтобы любовь ихъ была безукоризненно чиста, неуспынно слѣдила за влюбленными, съ безпокойствомъ птицы, присматривающей за корнуномъ, угрожающимъ ея птенцамъ. Напрасно маркиза твердила Сусаннѣ, что она счастлива; послѣдняя слушала ее и ничего не возражала, оставаясь вполне убѣжденной, что блаженство это было болѣе воображаемое и что новостъ положенія составляетъ для Эммы всю прелесть этой мѣщанской обстановки. По мнѣнію Сусанны, все то, что могло занимать какую-нибудь гризетку, должно было скоро наскучить маркизѣ; но преданная кормилица не хотѣла разочаровывать ее и ускорить пробужденіе, которое и такъ должно было настать само-сабой. Грубое и неделикатное обращеніе недовольной Моле съ посѣтителями магазина составило совершенную противоположность съ вѣжливымъ обхожденіемъ и услужливостію молодой хозяйки.

Самая главная ошибка въ любви заключается въ томъ, что каждый влюбленный измѣряетъ степень привязанности къ себѣ другаго, по своимъ собственнымъ чувствамъ. И Эмма, перенося терпѣливо всевозможныя лишенія, нисколько не подозрѣвала, что Лудовикъ падаетъ духомъ и устаетъ подъ ихъ гнетомъ.

Теперь онъ увидѣлъ ясно, что его эгоистическая и мелкая натура не могла перенести перваго тяжелаго столкновенія съ суровыми опытами жизни. Лудовикъ понялъ, что для его любви было мало одной Эммы; кромѣ нея, ему еще нужно было самостоятельное положеніе въ свѣтѣ, удовлетвореніе личнаго самолюбія, богато-омеблированная квартира и пріятное «*sa part*» «Эмма мила, чрезвычайно мила, думалъ онъ, но развѣ я могъ представить себѣ, чтобъ наша будущая жизнь была такъ бѣдна, нообразна и зависима». Роль мелочнаго торговца рѣшительно возмущала Лудовика.

По открытіи магазина самолюбіе его оскорблялось на каждомъ шагу; онъ сердился на капризы и своенравіе покупателей, которые, по праву вывѣски магазина, совершенно завладѣли Эммой.

Лудовикъ, утомленный цифрами и всевозможными счетами, приходилъ изъ конторы около четырехъ часовъ, проклиная всѣ эти счеты, комиссіонерскіе проценты, кредитивныя письма. Усталый, онъ находилъ дома, вмѣсто отдыха, тѣ же пустыя заботы, тѣ же счеты, ту же скучную и жалкую борьбу интересовъ за какой-нибудь су или сантимъ.

Часто въ печальныя минуты Лудовикъ садился въ магазинѣ подлѣ Эммы, которую называлъ своей женой, и повѣрялъ ей причину своей невыносимой грусти и скуку, испытываемую имъ во время занятій въ конторѣ. Эмма утѣшала его, представляя ему независимое будущее, спокойную жизнь черезъ нѣсколько лѣтъ терпѣливаго труда и, незамѣтно переходя отъ серьезной рѣчи къ самымъ нѣжнымъ ласкамъ, старалась одушевить его своей энергіей и вѣрой. Но въ ту самую минуту, когда она, прижимаясь къ нему хотѣла поцѣловать его, двери магазина какъ нарочно отворялись и появлялась какая-нибудь покупательница изъ сосѣдокъ. При первомъ скрипѣ двери Эмма вскакивала съ мѣста и краснѣла отъ смущенія. Всего чаще приходила безобразная и брюзгливая старуха; спѣсиво и съ наглымъ взглядомъ приближалась она къ прилавку, какъ будто радуясь, что помѣшала интимной бесѣдѣ молодыхъ людей. — Требованія свои, обыкновенно; она выражала повелительнымъ голосомъ, стуча по прилавку нѣсколькими мѣдными монетами, приготовленными ею для покупки какой-нибудь четверти аршина ленточекъ. — Когда же сконфуженная Эмма не скоро удовлетворяла ея запросъ, старуха начинала ворчать, жаловаться на медленность, торговалась до брани, прежде чѣмъ рѣшилась выпустить изъ рукъ одинъ сантимъ за другимъ. И какъ нарочно

желая побѣсить раздраженнаго Лудовика, она продолжала свое посященіе, какъ можно дольше, такъ что онъ готовъ былъ вско-чить и вытолкнуть за дверь пазойливую старушенку; разъ двадцать въ продолженіе такой пытки онъ порывался сдѣлать это, но удерживался единственно изъ сожалѣнія къ Эммѣ, смотрѣвшей на него умоляющимъ взглядомъ.

Когда Эмма снова оставалась одна, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто никто не былъ и не прерывалъ ея разговора, она обращалась къ Лудовику съ тѣмъ же вопросомъ или лаской; но уязвленный въ самое сердце, онъ больше не слышалъ голоса Эммы и даже не замѣчалъ ее; — онъ оставался нѣмъ, нечувствителенъ ко всему его окружавшему. Предавшись обычной своей мечтательности, онъ залеталъ воображеніемъ въ облака своего прошлаго; но когда страстные звуки голоса Эммы наконецъ пробуждали его, онъ поражался невольнымъ сравненіемъ горькой дѣйствительности съ прошлой жизнью маркизы д'Эскомацъ. И чѣмъ чаще такое сравненіе впадало ему на мысль, тѣмъ сильнѣе охватывало его несамодовольствіе, раздраженіе и даже раскаяніе. Увы! праздныя мечты разлетались, и на прелестномъ образѣ любимой имъ женщины остались для него однѣ суровыя черты бѣдной Эммы....

Какъ скоро для человѣка настала минута, въ которую онъ проклинаетъ свое участіе въ сдѣланныхъ ошибкахъ, тогда недалеко уже и то мгновеніе, когда онъ проклинаетъ и виновницу этихъ ошибокъ.

Съ того самаго дня, какъ Эмма отдалась Лудовику, — онъ уже не любилъ ее. Любовь — это непрерывное стремленіе къ неопредѣленному, къ тому, что скрыто отъ глазъ, что ускользаетъ отъ рукъ и когда цѣль стремленія достигается — любовь сама-собою исчезаетъ. Натуры безпокойныя до самообольщенія въ своихъ неопредѣленныхъ стремленіяхъ; онѣ безразсудно приносятъ великія жертвы и пока молодость возбуждаетъ въ крови ихъ лихорадочный жаръ, — онѣ сохнутъ и страдаютъ, стараясь приобрести то, что такъ трудно имъ дается. Ихъ самообольщеніе заходитъ такъ далеко, что заставляетъ несчастныхъ не только обожать самую звѣзду, но даже ея отраженіе въ рѣкѣ.

Самъ-по-себѣ Лудовикъ де-Фонтань былъ человѣкъ честный, и потому онъ только смутно сознавалъ свое нравственное состояніе.

Сначала онъ былъ увѣренъ, что любитъ Эмму; потомъ силъ

старался убѣдить себя въ этомъ, — но вся энергія импровизированной любви его совсѣмъ исчезла: въ немъ не проявилось болѣе той пылкости, которая прежде такъ сильно волновала его кровь при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему Эммы. Теперь онъ смотрѣлъ равнодушно на ея очаровательное кокетство, прежде такъ восхищавшее его. Лудовикъ не находилъ уже неизъяснимой прелести во всемъ, что только принадлежало Эммѣ. И ароматическій запахъ ея волосъ, и шелестъ ея шелкового платья, и мелодическій—голосъ все потеряло для Лудовика свое прежнее обаяніе; онъ смотрѣлъ на все это съ такимъ же равнодушіемъ, какъ-бы глядѣлъ на непоятные для него іероглифы.

Мало-по-малу охлажденіе его дошло до такой степени, что онъ начиналъ уже досадовать, если оставался на-единѣ съ Эммой. Чтобы скрыть свое равнодушіе или скуку, онъ насильно отыскивалъ нѣжныя слова, придумывалъ различныя позы, и старался оживить свой взоръ притворнымъ огнемъ утраченной любви.

И чувства, затаенныя въ глубинѣ его души, стали рѣзко сказываться Лудовику, такъ что онъ получилъ отвращеніе къ своему ложному положенію. Сначала онъ сожалѣлъ только объ Эммѣ; потомъ сталъ жалѣть себя, оправдываясь въ своемъ мнѣніи невольнымъ увлеченіемъ страстями. Наконецъ эгоистическія чувства ослѣпили въ немъ благородныя побужденія честнаго человѣка и Лудовикъ находилъ уже страннымъ и самоотверженіе Эммы и ея спокойствіе, съ которымъ она рѣшилась приняться за ремесло бѣлонвейки. Онъ забылся до того, что въ мужественномъ самоотверженіи маркизы д'Эскоманъ, не видѣлъ никакой разумной цѣли, принесенной ради любви къ нему. Неблагодарность его зашла такъ далеко, что за прилавкомъ магазина онъ видѣлъ не прежнюю великосвѣтскую даму, блистательную маркизу, а мелочную торговку М-ше Луи, какъ будто рожденную именно для этой доли. И Лудовикъ тяжело вздыхалъ при мысли, что судьба навсегда связала его съ этой бѣдной женщиной.

Наконецъ все, что таилось въ душѣ его, стало невольно обнаруживаться само собою; онъ невыносимо скучалъ по цѣлымъ часамъ и ни ласки, ни заботы Эммы не развлекали его болѣе. Желая сколько-нибудь разсѣяться, Лудовикъ искалъ развлеченій вѣкъ дома, тратилъ для этого большую часть денегъ изъ ничтожныхъ доходовъ Эммы. Хотя она не могла не замѣтить, что Лудовикъ скучалъ и грустилъ подлѣ нея; но ослѣбленіе, которое происходитъ какъ отъ сильной любви, такъ и отъ желанія быть

счастливой, закрывало отъ Эммы истинную причину такой перемѣны; она старалась объяснить ее съ самой выгодной стороны, то его заботами о положеніи ея, то трудовой жизнью въ купеческой конторѣ. Она и не подозрѣвала, что Лудовикъ можетъ разлюбить ее. И бѣдная Эмма, обманутая собственнымъ сердцемъ, удвоивала свои хлопоты, чтобъ увеличить доходъ и тѣмъ утѣшить Лудовика, доставивъ возможно большія удобства его жизни.

Такъ не понимая другъ друга и не замѣчая совершившейся разладицы въ чувствахъ, они не могли измѣнить своихъ натянутыхъ отношеній, и эта томительная для обонхъ жизнь дѣлалась вершинцей самыхъ скучныхъ дней.

Положеніе ихъ было еще тѣгостивѣе потому, что связь съ обществомъ, къ которому они прежде принадлежали, не была совершенно порвана, не смотря на видимое отчужденіе ихъ. Случайныя встрѣчи съ старыми знакомыми выводили Лудовика изъ пассивнаго положенія.

На горизонтѣ скромной и тихой жизни молодыхъ людей снова забродили темныя тучи и собралась гроза надъ головой Эммы.

Между парижскими лавочниками существуютъ связи и отношенія по ремеслу и по сосѣдству, которыхъ трудно избѣгнуть новымъ лицамъ, начинающимъ торговать, и потому ни Лудовикъ, ни Эмма не могли избавиться отъ условій своего новаго состоянія. Ихъ воспитаніе, привычки, образъ мыслей далеко разнились отъ той мѣщанской сферы, въ которую толкнула ихъ судьба, такъ что обоюдное отвращеніе молодыхъ людей къ этому пошлему кружку и этого кружка къ нимъ не замедлило обнаружиться и разорвать между ними только-что начавшіяся отношенія.

Впрочемъ изъ этого кружка двое мастеровыхъ — часовщикъ и столяръ — были довольно сносные, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень близкіе сосѣди нашимъ героямъ. Лудовикъ и Эмма, хотя неохотно, познакомились съ ними; первый ради скуки и бездѣлья, а вторая съ той цѣлью, чтобъ отклонить отъ себя обвиненіе кумушекъ-сосѣдокъ въ глупой гордости, о чемъ началась уже пересуды.

Часовщикъ Вернье былъ отличнымъ мастеромъ своего дѣла, но въ остальномъ, что не прямо касалось его ремесла, — совершенный невѣжда. Молоденькая жена его, до пріѣзда Эммы, считалась красавицей между обитателями квартала св. Магдалины. Воспитанная въ пансіонѣ, она гордилась своимъ образованіемъ

и уничтожала всѣхъ сосѣдокъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. Когда Эмма поселилась въ своемъ магазинѣ, болтливая Бернье не приминула первая завести знакомство съ новою магазинщицей, считая ее простинькой бѣлошвейкой, но опасной соперницей. Любопытная до крайности, она старалась сблизиться съ Эммой, чтобъ вывѣдать отъ нея тайну прошлой ея жизни, и потомъ воспользоваться этимъ и посплетничать. Однакъжъ, съ истиннымъ искусствомъ лукавой и хитрой женщины, она скрыла подъ личиною дружбы своей настоящей замысль.

Напротивъ, столяръ Вердюръ и его жена были люди добрые, честные, трудолюбивые и весьма любознательные. Мужъ всегда съ большимъ любопытствомъ и внимательно слушалъ умныя бесѣды де-Фонтанье и гордился пожатіемъ его руки; а жена, бывшая прежде цѣточницей, съ своей стороны принимала въ Эммѣ искреннее участіе и была къ ней предупредительна.

Наконецъ наступила весна. Въ первое же весеннее воскресенье Эмма вмѣстѣ съ Лудовикомъ и Сусанной отправились въ Clos-béni, — о которомъ они такъ часто вспоминали въ городѣ. Ихъ манила сюда не одна свѣжесть полей и воздуха, но и первая, самая лучшая впечатлѣнія ихъ любви и невозмутимаго счастья. Поѣздки эти повторялись каждую недѣлю по воскресеньямъ и еще больше одушевляли Эмму надеждой поселиться здѣсь, современемъ, навсегда. Верхомъ ея мечтаній былъ этотъ мирный уголокъ, гдѣ она думала провести спокойныя годы съ Лудовикомъ, когда состояніе ихъ будетъ обезпечено.

Въ одну изъ такихъ воскресныхъ поѣздокъ, послѣ скучно-проведенной недѣли, Лудовикъ собрался ловить рыбу. Эмма, не желая оставлять своего друга, непременно хотѣла проводить его на рыбную ловлю.

Зантересованные успѣшнымъ ловомъ пскарей и другой мелкой рыбки, наши герои, тихо подвигаясь впередъ по берегу рѣки, наконецъ незамѣтно прошли селенье Шампаньи. Около полудня, Сусанна Моле, сопровождавшая своихъ молодыхъ господъ, приготовила въ извилинѣ высокаго берега приборы и закуску пройдя довольно далеко отъ дома; Лудовикъ и Эмма чувствовали сильный аппетитъ, который еще болѣе возбуждался отъ свѣжаго рѣчнаго воздуха, а потому они съ удовольствіемъ усѣлись за завтракъ.

Развлеченіе-ли рыбной ловлей или возвращеніе прежнихъ ощущеній любви, благотворно подѣйствовали на Лудовика и онъ сдѣлался гораздо веселѣе; Эмма наслаждалась совершен-

нымъ счастьемъ, гордясь, что достигла наконецъ цѣли своихъ постоянныхъ заботъ. Веселая, съ радостнымъ свѣжимъ личкомъ, она была очаровательна въ своемъ простенькомъ кисейномъ платьѣ, плотно обхватившемъ ея граціозную талію, и въ чепчикѣ съ розовыми лентами.

Среди этого счастливаго уединенія вдругъ тишина сельской природы была нарушена топотомъ нѣсколькихъ лошадей, ударами хлыстовъ, громкимъ крикомъ и хохотомъ. И въ тоже мгновеніе мимо влюбленной четы пронеслась блестящая кавалькада мужчинъ и амазонокъ, быстро скрывавшихся въ облакѣ пыли.

Не смотря на быстроту, съ которой мимо проскакали лошади, одна изъ самыхъ блестящихъ амазонокъ, обернувшись въ сторону объѣздавшей группы, успѣла разглядѣть сидѣвшихъ и вскрикнула отъ изумленія; но потомъ этотъ крикъ въ одно мгновеніе смѣнился самымъ язвительнымъ хохотомъ.

Восклипаніе, вырвавшееся у амазонки, и насмѣшливый хохотъ ея смѣшались для слуха Эммы съ лошадинымъ топотомъ и веселымъ разговоромъ проскакавшихъ всадниковъ; но Лудовикъ отчетливо и ясно слышалъ и крикъ удивленія, и язвительный смѣхъ хорошенькой амазонки; голосъ ея показался ему очень знакомымъ. Это ничтожное обстоятельство такъ растроило его, что день, сначала обѣщавшій столько удовольствій, кончился для него очень скучно и печально.

Послѣ этого случая жизнь Лудовика и Эммы потекла еще монотоннѣе и грустнѣе. Однажды, когда де-Фонтанье возвращался домой изъ конторы, Эмма по обыкновенію поджидала его у окна своего магазина, скрытая за кисейной занавѣской. Черезъ нѣсколько минутъ Лудовикъ показался вдали улицы, какъ и всегда задумчивый, съ поникшей головой. Эмма, желая сколько-нибудь развлечь его, стукнула въ стекло окна и привѣтливо улыбнулась.

Въ это самое время щегольская коляска, съ кучеромъ въ богатой ливреѣ, пронеслась по улицѣ Сезъ, мимо магазина. Не привѣтливая улыбка Эммы, но блестящій экипажъ привлекъ вниманіе Лудовика, который поднялъ голову и остановился въ изумленіи, слѣдя пристально за коляской, пока она не скрылась, повернувъ за уголъ.

Изъ всего, что пронеслось мимо нея, Эмма замѣтила только бѣлыя перья, развѣвавшіяся на шляпкѣ дамы, сидѣвшей въ экипажѣ, и изумленіе Лудовика, пристально слѣдившаго за удаляю-

щейся коляской. Последняго обстоятельства слишкомъ было довольно, чтобъ подстрекнуть любопытство Эммы и она поспѣшно выбѣжала на улицу. .Лудовикъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, неподвижно устремивъ свои глаза въ ту сторону, гдѣ скрылся экипажъ. Эмма окликнула его, но онъ не слыхалъ ея зова, углубленный въ размышленія до такой степени, что ничего не видалъ вокругъ себя и Эмма принуждена была еще разъ и громче назвать его по имени, чтобъ разсѣять его задумчивость.

Когда .Лудовикъ подошелъ наконецъ къ магазину, Эмма, увлекаемая любопытствомъ, стала распрашивать его о проѣхавшей дамѣ; но .Лудовикъ, покраснѣвъ, что-то невнятно пробормоталъ; когда-же Эмма спросила о причинѣ внезапнаго изумленія его при появленіи экипажа, — .Лудовикъ отперся отъ этого. И какое-то зловѣщее предчувствіе зацемило сердце маркизы д'Эскоманъ.

Ей запаало въ душу подозрѣніе, что .Лудовикъ что-то скрываетъ отъ нея, что есть какая-то тайна, въ которой онъ не хочетъ сознаться. И миръ ея блаженства, — ея счастья мгновенно пошатнулся.

Эммой овладѣло безпокойство. Краска въ лицѣ .Лудовика безсвязный отвѣтъ его, изумленіе, отъ котораго онъ отрекся, — изъ всѣхъ этихъ данныхъ она развила въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ догадокъ и предположеній.

Она тотчасъ придумала, что между постоянной грустью .Лудовика и промелькнувшей въ щегольскомъ экипажѣ хорошенькой дамой должно быть какое-нибудь отношеніе, — и при этой мысли морозъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу.

Неужели для нея наступило время пробужденія? неужели горячая и страстная любовь .Лудовика откила свои дичи? — думала маркиза и въ отвѣтъ на эти страшные для нея вопросы, она отрицательно покачала головой.

Мысли эти показались Эммѣ невозможными и она стала мало-по-малу успокаиваться и дала себѣ слово впередъ не обращать вниманія на пробѣжающую мимо магазина даму въ бѣлыхъ перьяхъ.

На другой день Эмма рѣше обыкновеннаго присѣла у окна за занавѣской.

Малѣйшій шумъ на улицѣ, и она дрожала какъ въ лихорадкѣ.

Въ это время пришла къ ней сосѣдка Бернье вовсе некстати и посѣщеніе ея было для Эммы тѣмъ болѣе неприятно, что

М-ше Бернье была на этотъ разъ гораздо болтливѣе и заносчивѣе.

Волненіе Эммы не укрылось отъ хитрой и лукавой сосѣдки.

— Что съ вами, моя милая? спросила она у Эммы: — Право можно подумать, что у васъ назначено съ кѣмъ-нибудь свиданіе и въ ожиданіи его вы переживаете минуты сомнѣнія.

— Ваша правда, М-ше Бернье, — я жду съ нетерпѣніемъ своего мужа, отвѣчала Эмма: — это часъ его возвращенія изъ конторы.

Бернье расхохоталась и начала грунить надъ такимъ продолжительнымъ медовымъ мѣсяцемъ счастливыхъ супруговъ. Шутки и насмѣшки ея были угловаты и грубы; онѣ вовсе не отличались той тонкой проноіей, которая, обыкновенно, проглядываетъ въ шуткахъ и островахъ людей хорошо образованныхъ; повсему было видно, что это не входило въ курсъ пансіонскаго воспитанія, которымъ Бернье непомѣрно хвасталась.

Смущенная Эмма сочла за лучшее не отвѣчать ей ничего и даже больше не слушать ея болтовни. Она предалась своимъ мечтамъ, и молчаніе ея дало полную волю Бернье пуститься въ розсказни, которыя сливались для слуха Эммы въ какой-то вовсе непонятный гулъ.

Но вдругъ говоръ сосѣдки замолкъ, оставивъ недосказаннымъ одинъ изъ актовъ драмы, видѣнной ею наканунѣ, и она, взглянувъ въ окно, съ удивленіемъ вскричала:

— Ахъ, Боже мой! посмотрите, какой прекрасный экипажъ остановился у дверей вашего магазина!... Боже мой! какая богатая покупательница!

Эмма взглянула въ окно и въ-самомъ-дѣлѣ вчерашняя колеска, за которой Луdivикъ такъ пристально слѣдилъ, стояла передъ скромнымъ и бѣднымъ магазиномъ М-ше Луи.

Ливрейный лакей быстро соскочилъ съ своего мѣста, ловко открылъ дверцы экипажа, съ шумомъ опустилъ подножку и высадилъ изъ коляски, полудрежавшую въ ней, роскошно одѣтую даму. Опираясь на руку лакея, она граціозно прыгнула на землю, не слишкомъ заботясь, что прохожіе подсмотрятъ красоту ея ножекъ, маленькихъ и щегольски обутыхъ.

Сначала Эмма никакъ не могла рассмотреть лицо этой дамы; но когда послѣдняя обернулась къ окну магазина, намѣреваясь прочесть выѣску, — Эмма поблѣднѣла, какъ полотно, и вскричала съ ужасомъ:

— Ради Бога, милая Бернье, оставайтесь здѣсь и скажите этой дамѣ, что меня нѣтъ дома; скажите ей... Боже мой! Боже мой!

И не дожидаясь отвѣта изумленной сосѣдки, Эмма скрылась въ смежную съ магазиномъ комнату и заперла на замокъ дверь.

Пока М-ше Бернье охорашивалась передъ зеркаломъ, чтобъ прилично встрѣтить такую важную особу, въ знатности которой она не сомнѣвалась, судя по богатому экипажу, — пріѣхавшая дама отворила дверь и вошла въ магазинъ.

Читатели, вѣроятно, угадали въ этой богатой львицѣ нашу старую знакомую — Маргариту Жели.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ МАРГАРИТА ЖЕЛИ ОПАТЬ ВЫХОДИТЬ НА
СЦЕНУ ДѢЙСТВІЯ.

Маргарита Жели нѣсколько не перемѣнилась въ продолженіе года. Немного только прибавилось полноты къ ея стану, да румяны и бѣлилы къ ея собственнымъ розамъ, которыми и безъ того она была щедро надѣлена отъ природы. Ея наряды были богаче прежнихъ; голову она держала высоко и однимъ легкимъ движеніемъ глазъ привѣтствовала знакомыхъ, перенявъ это отъ какихъ-то знатныхъ дамъ, сосѣдокъ своихъ по оперной ложѣ за исключеніемъ этихъ маленькихъ перемѣнъ она осталась той-же Маргаритой, какой была прежде, не смотря на цѣлый годъ жизни своей въ Парижѣ.

Она вошла небрежно въ маленький магазинъ и, приставивъ къ глазамъ лорнетъ, принялась разсматривать обстановку бѣдной лавки: внимательно осмотрѣла мебель, товары, взглянула на М-ше Бернье, низко присѣдающую передъ ней, и наконецъ протворила съ презрительной улыбкой.

— Однако здѣсь довольно скромно; не видать особенной роскоши Людовика и изысканности маркизы..... Впрочемъ мѣщанъ вѣроятно привлекаетъ сюда дешевизна.

Сказавъ это надменнымъ и громкимъ голосомъ, Маргарита бросилась на стулъ съ небрежностью богатой дамы, гордо откинула голову и, повернувшись къ Бернье, все еще продолжавшей свои пансіонерскіе реверансы, сказала:

— Можетъ быть я безпокою маркизу, моя милая; но такъ какъ она занимается шитьемъ бѣлья, то потрудитесь, пожалуйста сказать ей, что я нуждаюсь въ ея работѣ.

При словѣ маркиза, у М-ше Бернье тотчасъ зародилось по-

дозрѣніе, что тутъ скрывается какая-то тайна. Лукавая сосѣдка съ любопытствомъ навострила уши, какъ эскадронная лошадь при первомъ звукѣ военной трубы.

— М-ше Луи нѣтъ дома, отвѣтила она, сдѣлавъ удареніе на фамилію Эммы.

— М-ше Луи!.. вскричала Маргарита. — Вотъ какъ! Боже мой, сколько чувства!.. Но признаюсь, — ваша хозяйка напрасно скрываетъ свое настоящее имя; еслибъ она выставила на своей вывѣски имя маркизы д'Эскоманъ, то привлекла-бы множество богатыхъ покупателей!..

— М-ше Луи мнѣ не хозяйка, сударыня, отвѣчала обиженнымъ тономъ жена часового мастера, потому что не смотря на удовольвореніе своего любопытства, она не могла не обидѣться тѣмъ, что ее принимали за прислугу при магазинѣ. И сосѣдка М-ше Луи и она просила меня замѣнить ее на время ея отсутствія. Не угодно-ли вамъ сударыня сказать мнѣ, чего вы желаете и я пойду въ картошкахъ эти вещи.

— Нѣтъ, отвѣчала величественно Маргарита, когда я дѣлаю честь магазину и покупаю въ немъ, то я привыкла имѣть дѣло съ хозяиномъ или хозяйкой; а на этотъ разъ я непременно желаю ихъ видѣть. Я готова пожертвовать сто лундоровъ, чтобъ только исполнить мой капризъ; а потому я еще разъ возвращусь сюда.

— Если вы назначите время, когда вамъ будетъ угодно пріѣхать, лицемѣрно отвѣчала Бернье: — то я передамъ М-ше Луи и она вѣроятно будетъ ожидать васъ.

— Я вовсе не желаю, чтобъ она скрывалась отъ меня. Нѣтъ, моя милая! скажите ей, что я буду заѣзжать сюда каждый день, пока не застаю ее дома. Нельзя же отказаться отъ удовольствія — похвалиться комунибудь и сказать: посмотрите на этотъ чепчикъ, его сдѣлала мнѣ маркиза д'Эскоманъ; обратите вниманіе на эту кофточку — для нея сама маркиза снимала съ меня мѣрку!.. Нѣтъ! можно быть судимой за развратъ, можно сидѣть за то въ тюрьмѣ, жить открыто съ своимъ любовникомъ, какъ это и мы сдѣлали-бы съ вами, и все-таки не переставать носить по прежнему титулъ маркизы — онъ не отъемлемъ!.. Вотъ почему я непременно хочу видѣть маркизу д'Эскоманъ въ числѣ моихъ поставщицъ!.. Не правдали, моя милая, такое желаніе весьма поизтно?

Жена часового мастера отвѣтила на этотъ вопросъ самой одобрителной улыбкой. Она была въ восторгѣ, что случай

столкнулъ ее съ явнымъ врагомъ той женщины, которая своимъ воспитаніемъ и деликатностью совершенно затмила ее.

Она проводила Маргариту до экипажа; потомъ поспѣшно вернулась въ магазинъ, желая поскорѣй увидѣть мнимую М-ше Луи и насладиться ея униженіемъ, такъ-какъ тайна ея была уже теперь извѣстна.

Но въ ту самую минуту, когда экипажъ отъѣзжалъ отъ подъѣзда и когда лукавая сосѣдка постучалась въ зачертую дверь, .Лудовикъ де-Фонтанье вошелъ въ комнату.

Онъ уже поворачивалъ въ улицу Сезь, въ то мгновеніе, когда Маргарита выходила изъ экипажа, въ которомъ .Лудовикъ встрѣтилъ, ее наканунѣ. Желая избѣгнуть непріятной встрѣчи и предвидя сколько горя внесетъ въ его жилище это недоброжелательное посѣщеніе, — онъ не пошелъ домой, а скрылся по близости, вполне увѣренный, что Эмма успеетъ спрятаться отъ налагаго визита своей соперницы.

— Посмотримъ, не будете-ли вы счастливѣе меня, сказала Бернье, обращаясь къ подходящему къ ней .Лудовику:—кажется дверь эта вовсе неведетъ въ рай, а между тѣмъ я давно уже стучусь въ нее и мнѣ не отпираютъ. Мнѣ необходимо сообщить вашей любовницѣ порученіе этой дамы.

— Моей любовницѣ!.. вскричалъ .Лудовикъ, у котораго при послѣднихъ словахъ злобной сосѣдки нахмурились брови, губы поблѣднѣли и исказились отъ гнѣва.

— По-крайней-мѣрѣ такъ сказала эта дама.... Согласитесь, любезный де-Фонтанье, что я вовсе не обязана повѣрять вагъ свадебный контрактъ. Впрочемъ и скорѣе готова вѣрить, что эта незнакомья дама какая нибудь сумасшедшая, чѣмъ предполагать, что человѣкъ повидимому хорошо воспитанный, осмѣлился ввести свою любовницу въ кругъ честныхъ гражданъ, которыхъ имена хотя и не занесены въ родовыя дворянскія книги, но все таки носятъ свои настоящія имена, выставленные на вывѣскѣ, — имена не опозоренныя судебными протоколами.

— Убирайтесь вонъ отсюда, вскричалъ .Лудовикъ, убирайтесь вонъ и благодарите судьбу, что она создала васъ женщиной.

И не обращая вниманія на угрозы разгнѣванной и оскорбленной сосѣдки, .Лудовикъ вытолкнулъ ее изъ магазина и однимъ ударомъ ноги выломавъ дверь въ смежную комнату, вошелъ на антресоли, гдѣ слышались суетливые шаги Сусанны Моле.

Вотъ что происходило въ этой комнатѣ. При первыхъ словахъ Маргариты, при видѣ взволнованной Эммы, Сусанна тот-

часть отгадала злую цѣль такого неслыханнаго визита бывшей гризетки. Кормилица хотѣла было броситься въ магазинъ и вытолкать оттуда Маргариту; много стоило труда бѣдной Эммѣ удержать Сусанну отъ ея намѣренія. Между тѣмъ, сильное волненіе до того потрясло маркизу, что она впадала въ нервный припадокъ. Она только — что начала приходить въ себя, когда Лудовикъ вошелъ въ ея комнату.

Трудно представить, чтобы при видѣ нѣкогда любимой женщины не проснулась страсть, если даже отъ огня ея остался одинъ пепель. Пока существуетъ хоть искра любви, до тѣхъ поръ эта искра способна разгорѣться въ пламя. Характеръ Лудовика былъ вообще мягкій и воспримчивый; его сильно тронуло страданіе Эммы, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ причину его. Онъ бросился къ ней, обвилъ ее руками и покрылъ поцѣлуями.

Его нѣжное участіе было гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ заботъ Сусанны. Эмма отвела голову Лудовика отъ лица своего и съ наслажденіемъ посмотрѣла на слезы, катившіяся по щекамъ его. Въ первый разъ ей было приятно видѣть плачущимъ своего друга.

— Такъ это была она вчера!... сказала Эмма. Прости меня, Лудовикъ, что я хоть на одну секунду заподозрила любовь твою ко мнѣ. Только, теперь только я поняла, почему тебѣ не хотѣлось признаться, что ты узналъ ее.... И въ то время, когда ты думалъ удалить отъ меня даже непріятное воспоминаніе о ней, я подозрѣвала тебя!... Прости же меня Лудовикъ, еще разъ прости!... Какъ же жалка и ничтожна въ эту минуту моя любовь передъ твоей!... Я плачу теперь; но плачу о моей слабости, а не о смѣшной выходкѣ этой сумазбродной женщины. Ненависть ея безсильна, когда любовь наша сильна. Не мы, а она достойна сожалѣнія, потому что мы попрежнему любимъ другъ друга, потому что мой милый Лудовикъ преданъ мнѣ безгранично,—меня увѣряеть въ этомъ твой нѣжный взглядъ, твои горячія слезы.

Де-Фонтанье старался еще больше увѣрить Эмму въ ея мнѣніи о себѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту онъ не обманывалъ ее; но это была мгновенная вспышка впечатлительнаго сердца.

Когда они нѣсколько успокоились и были въ состояніи менѣе заниматься своими чувствами и болѣе своимъ незавиднымъ положеніемъ, Лудовикъ ухватился за этотъ случай, чтобы открыть передъ Эммой всю свою душу. И онъ высказалъ ей, что ея ремесло и торговля дѣлаются для него день ото дня нена-

вистѣе, а послѣ неприятнаго происшествія, случившагося съ ними, — эти занятія сдѣлались ему еще противнѣе. Онъ просилъ Эмму серьезно подумать объ ожидающей ихъ будущности и откровенно признался ей, что и ему самому кажется необыкновенно смѣшнымъ видѣть Эмму и себя за купеческой конторкой, съ бѣльемъ и какими-то юбками. При этомъ онъ прибавилъ, что свѣтъ презираетъ тѣхъ, которые пренебрегаютъ его мнѣніемъ, и нарушая приличія, выходятъ изъ своей среды; — что въ настоящую минуту, если-бъ даже не было злословія со стороны Маргариты, то скандалъ самъ-по-себѣ не оставитъ ихъ въ покоѣ.

Трудно было убѣдить Эмму, что честный трудъ, какъ ихъ торговля, можетъ унижить ихъ въ общественномъ мнѣніи. Въ простотѣ чистой души, она не понимала, что ея безкорыстная жертва не обезоружитъ злословія, предрекаемаго Лудовикомъ. Эмма рѣшительно не хотѣла вѣрить, что общество, такъ снисходительное къ женщинамъ открыто и гордо несущимъ свое безчестіе, будетъ неумолимо къ нимъ, требующимъ только совершеннаго забвенія.

Однакожъ Лудовикъ недолго поддавался вновь проявившейся въ немъ нѣжности, пробужденной чувствомъ сожалѣнія о незавидной участи Эммы. Онъ опять принялся увѣрять себя, что, при другихъ обстоятельствахъ, его любовь къ Эммѣ была-бы выше и крѣпче, но меркантильная обстановка мелочной лавки совершенно измѣнила его чувства.

Чтобъ скорѣе побѣдить сопротивленіе Эммы, Лудовикъ сталъ говорить ей о себѣ, преувеличивалъ свое отвращеніе — къ жалкому ея положенію — и, не высказываясь откровенно, далъ ей почувствовать, что жизнь начинается тяготить его.

Какъ ни казалось важнымъ для Эммы осуществленіе принятаго ею первоначальнаго намѣренія; однакожъ доводы Лудовика были слишкомъ сильны, чтобъ не подѣйствовать на ея убѣжденія. Но прежде чѣмъ рѣшиться на что, надо было подумать и о послѣдствіяхъ.

Оставить улицу Сезъ и переселиться въ Clos-béni, чтобы жить тамъ въ нуждѣ и лишенияхъ, какъ того требовалъ Лудовикъ, было совершенно невозможно.

Отъ продажи вещей своихъ Эмма выручила двадцать пять тысячъ франковъ; но приобрѣтеніе магазина, покупка товаровъ, расходы по маленькому хозяйству, въ продолженіи года, истощили большую часть этой суммы.

Лудовикъ умолялъ Эмму положиться во всемя на него, обѣщая усердно работать, чтобъ обезпечить ихъ существованіе; но какъ неприятно было Эммѣ слушать всѣ эти обѣщанія, основанныя не на сознаниі силъ, а на какомъ-то упорномъ эгоизмѣ. Она еще разъ попыталась уговорить Лудовика вооружиться терпѣніемъ и дать ей время выгодно передать магазинъ, имѣя въ виду, что съ вырученной за него суммой имъ легче будетъ предпринять что-нибудь лучшее.

Если это согласіе, уничтожившее совершенно полугодовой трудъ Эммы, и дорого стоило ей; за то восторгъ Лудовика, съ которымъ онъ принялъ новую жертву, вполне вознаградили любящую женщину за тѣ убытки, которые ее ожидали отъ передачи магазина.

Эмма опасалась одного, чтобъ Маргарита не исполнила своей угрозы. Она боялась, чтобъ преслѣдованія гризетки не отравили для Эммы послѣдніе дни пребыванія ея въ магазинѣ. Она пемѣля скрыть отъ Лудовика свои опасенія, и онъ рѣшился во чтобы ни стало отклонить опасность, угрожающую Эммѣ.

Въ купеческой конторѣ, гдѣ занимался Лудовикъ, находилось нѣсколько сыновей провинціальныхъ негоціантовъ. Разумѣется, эти молодые люди пользовались благоприятнымъ случаемъ, чтобъ посвятить себя во всѣ таинства парижской жизни, и потому де-Фонтанье очень легко узналъ отъ нихъ адресъ Маргариты, которая, повидимому, такъ хорошо пристроилась къ обществу разгульной молодежи.

Въ настоящее время герой нашъ такъ былъ далекъ отъ соблазновъ прежней своей любовницы, что даже самъ хотѣлъ идти къ ней съ просьбою оставить въ покоѣ Эмму.

Но неприятности, которыя онъ могъ встрѣтить при объясненіяхъ съ Маргаритой, заставили его рѣшиться писать къ ней.

Въ письмѣ своемъ онъ обратился къ ея великодушію и разсудку. Онъ говорилъ, что если она считаетъ себя вправѣ мстить; то должна обратить месть свою на него, который оскорбилъ ее, а не на женщину совершенно невинную въ томъ, что произошло между ними.

Письмо это было послано съ разсыльнымъ, который черезъ полчаса принесъ ему довольно удовлетворительный, но коротенькій отвѣтъ.

«Господинъ де-Фонтанье, — писала Маргарита, — долженъ былъ-бы знать, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которому никогда, ни-

кто и ни въ чемъ несъумѣетъ отказать. Жаль только, что онъ не счелъ приличнымъ явиться самъ съ просьбою».

Разорвавъ письмо Маргариты на мелкіе клочки и разбѣявъ ихъ по мостовой, Лудовикъ де-Фонтанъ воротился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Онъ былъ доволенъ Эммой, былъ доволенъ собой и въ тоже время былъ очень доволенъ Маргаритой, которая на этотъ разъ оказалась вовсе не такимъ демономъ, какимъ хотѣла казаться.

Капризное воображеніе его, подхвативъ эту тѣму, начало работать на ея фонѣ разные узоры, въ родѣ тѣхъ, какіе выводитъ сѣверный морозъ на двѣтныхъ стеклахъ или солнце — на кристалльной поверхности. Прибавляя одну черту за другой, оно нарисовало Лудовику довольно пріятный образъ Маргариты. Онъ припомнилъ и первое страстное свиданіе съ ней, и бурные порывы ея ревности, и слезы, и блестящій экипажъ, видѣнный имъ такъ недавно: въ контрастъ этой веселой и улыбающейся жизни, ему тутъ-же представилась бѣдная, горючая и оскорбленная Эмма, и вотъ черезъ четыре дня Маргарита была, какъ говоритъ старая пѣсня, «добрымъ щльцомъ его души».

Лудовикъ сидѣлъ подлѣ Эммы, когда это сознаніе мелькнуло у него въ головѣ. Онъ тотчасъ посадилъ Эмму на козлы, и крѣпко подблывалъ ее, какъ будто желая остановить совсѣмъ другое движеніе сердца.

Но скрывъ наружно истинное чувство, онъ не могъ не признать его внутреннюю силу. Съ каждымъ днемъ Маргарита представлялась ему въ лучшемъ свѣтѣ, съ каждымъ днемъ, подобно лунатигу, онъ кралъ лучшія черты у Эммы и переносилъ ихъ на Маргариту. Какъ потребитель гашиша или опиума, какъ всѣ люди, предающіеся естественнымъ или искусственнымъ возбужденіямъ мозга, — Лудовикъ нашелъ какую-то особенную прелесть въ этихъ всепоглощающихъ мечтахъ. Они казались ему такъ пріятны, что онъ засыпалъ и просыпался подлѣ вліяніемъ ихъ.

Прежде де-Фонтанъ изъ чувства чести и какъ-бы по обязанности находилъ еще возможность обманывать Эмму, чтобъ не ударить ее прямо по лицу той грязной маской, которую онъ такъ искусно носилъ на себѣ. Но достаточно было нѣсколькихъ дней тоски, чтобъ силы ему измѣнились. Онъ сталъ находить, что слишкомъ много страдалъ и не въ состояніи болѣе притворяться. Скука и грусть, смѣнившія грезы, до того успѣлись въ немъ, что стали очевидны для маркизы д'Эскоманъ.

Она замѣчала, что Лудовикъ постоянно скучаетъ, находясь подлѣ нее. Это открытіе ужаснуло маркизу, но не сокрушило; въ ней билось мужественное благородное сердце, которое могло уступить въ борьбѣ только при послѣднемъ своемъ біеніи.

Сначала она приписывала задумчивость Лудовика ихъ неза-видному положенію и потому просила своего маклера поскорѣе покончить съ продажей магазина. Къ несчастію время было лѣтнее, когда всѣ вообще торговыя сдѣлки въ застоѣ и притомъ немногочисленные покупатели, державшіеся магазина, перестали совсѣмъ являться.

Болтовня завистливой Бернье, злословіе околodka, очевидно уронили кредитъ заведенія.

Эмма слѣдила за балансомъ и видѣла, что дѣла ея день ото дня становятся хуже.

Чѣмъ ближе чувство любви подходитъ къ материнскому, тѣмъ оно совершеннѣе. При видѣ усиливающейся съ каждымъ днемъ грусти Лудовика и, опасаясь, чтобы она не имѣла на здоровье его губельнаго вліянія, Эмма была поражена до глубины души; и отчаяніе ея отозвалось истинно энергическими словами: «пусть все погибнетъ, пусть все пропадаетъ, но я должна спасти моего Лудовика».

И безъ дальнихъ размышленій, безъ всякаго разсчета, недумая о настоящемъ и не страшась будущаго, Эмма пожертвовала своимъ ничтожнымъ состояніемъ, предназначеннымъ для ихъ скуднаго существованія, на развлеченіе Лудовику. Мало этого; она надѣлала долговъ, чтобъ только успокоить своего друга. Она умоляла его на колѣняхъ отказаться отъ изнурительныхъ конторскихъ занятій, не поддаваться грусти и какъ можно болѣе развлекать себя. Бѣдная страдальца, подвергая себя новымъ лишениямъ, сама выбирала развлеченія, стараясь какъ можно больше придать имъ разнообразія и прелести.

Она ни на минуту не задумалась бы вынести самую опасную болѣзнь, трехдневный голодъ, если-бъ только это могло развеселить или утѣшить Лудовика.

Онъ холодно смотрѣлъ на всѣ распоряженія Эммы. Скука грозитъ опасностію не только чувству любви, но и чувству чести человѣка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Лудовикъ де-Фонтань сталъ рѣже проводить время съ Эммой.

Однажды вечеромъ онъ отправился въ оперу. Въ этотъ день давали «Богъ и Баядерка.»

Среди перваго акта съ шумомъ открылась и потомъ опять закрылась дверь одной изъ ложъ бель-этажа. Лудовикъ обернулся и увидѣлъ въ ложѣ молодую даму, которая, небрежно спускающая съ плечи шаль, презрительной улыбкой отвѣчала на раздавшееся въ партерѣ шиканье. Въ этой дамѣ Лудовикъ узналъ Маргариту Жели, и сердце его забилося.

Интересъ спектакля на минуту отвлекъ его вниманіе отъ молодой Дюнуазски; онъ даже не полюбовался хорошенькимъ профилемъ ея, которымъ нѣкогда такъ восхищался. Невольное волненіе, при появленіи Маргариты, изумило его и онъ боялся сознаться, что эта женщина еще не потеряла своего вліянія на его чувства. Ему было совѣстно, если-бъ Маргарита замѣтила это волненіе и потому онъ принялся пристально смотрѣть на сцену.

Но наперекоръ видимому равнодушію, кровь Лудовика волновалась, въ глазахъ потемнѣло, такъ что окружавшіе его предметы подернулись туманомъ; онъ не видѣлъ ничего, что происходило кругомъ его; неопредѣленные и безсвязныя мысли толпились и путались въ головѣ, какъ болѣзненные сны лихорадочнаго бреда. Ему казалось, что онъ сидѣлъ неподвижно, а между тѣмъ онъ видѣлъ лицо Маргариты, ярко выдающееся изъ чернаго занавѣса, отдѣлявшаго сцену отъ партера.

Дюнуазка была такъ хороша среди великолѣпной обстановки театра! Черный цвѣтъ ея бархатнаго платья съ открытымъ лифомъ ярко выказывалъ матовую бѣлизну ея нѣжныхъ, какъ ат-

ласть, плечь и роскошная, бѣлая, какъ мраморъ, грудь, ясно обозначалась изъ серебристыхъ виноградныхъ гроздьевъ, спускавшихся съ головы Маргариты.

Сладострастіе, нѣкогда сдержанное стыдливостью провинціалки, но теперь распаленное жизнью, разлилось по всѣмъ чертамъ ея; оно ясно высказывалось во всѣхъ ея движеніяхъ и приобрѣло самоувѣренность; глаза ея не подергивались уже томной влагой, но какъ-то особенно искрились. Однѣ только губы не измѣнили прежняго выраженія, и манили къ страстному поцѣлую.

Лудовикъ употреблялъ всевозможныя успія, чтобъ избавиться отъ этого, по его мнѣнію, соблазнительнаго призрака; но призракъ преслѣдовалъ его вездѣ: куда онъ ни поворачивалъ глаза, о чемъ онъ ни старался думать, во всемъ видѣлся ему образъ Маргариты.

Въ Баядеркѣ, кружившейся на сценѣ въ волнахъ газа, во кругъ своего бога, въ ея взглядахъ, въ сладострастныхъ движеніяхъ и въ художественныхъ формахъ, Лудовикъ постоянно замѣчалъ Маргариту.

Наконецъ онъ не выдержалъ, быстро поднялся съ своего мѣста и, расталкивая всѣхъ, встрѣчавшихся ему, поспѣшно вышелъ изъ партера.

Но и ста шаговъ не успѣлъ онъ сдѣлать по улицѣ, какъ уступилъ новому припадку безумія и возвратился въ залу.

Первый актъ уже кончился; Маргариты не было въ ложѣ. Лудовикъ кинулся искать ее въ фойе, тамъ ее также не было, наконецъ онъ увидѣлъ ее въ коридорѣ перваго яруса, посреди толпы мужчинъ, составлявшихъ ея свиту.

Она казалась веселой. Окружавшая ее молодежь хохотала во всеуслышаніе какой-то остротѣ и двусмысленности, сказанной ею. Увѣрить женщину, что она умна — лучшее средство выиграть въ ея мнѣніи. И поклонники Маргариты успѣшно пользовались этимъ правиломъ жизни.

Лудовикъ де-Фонтанье смѣло подошелъ къ кружку, стоявшему около Маргариты, съ твердымъ намѣреніемъ поспорить съ кѣмъ нибудь изъ молодыхъ людей. Маргарита, замѣтивъ это, подала ему дружескій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительственный знакъ рукой, заставившій молодыхъ людей повернуться и посмотреть, къ кому онъ относился. Потомъ она продолжала отвѣчать пустыми шутками на изліянія какого-то толстаго и плешиваго господина, покупавшагося зав-

ладѣть хоть однимъ цвѣткомъ изъ ея роскошнаго букета. Она смѣялась съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто де-Фонтанье всегда былъ для нее постороннимъ человѣкомъ.

Лудовикъ думалъ уничтожить ее взоромъ, полнымъ презрѣніемъ; но эта попытка ему не удалась. Маргарита, занятая своими поклонниками, казалась, совершенно позабыла о присутствіи де-Фонтанье.

Такое равнодушіе подѣйствовало на него, какъ холодная душа, и пылкія восторженныя воспоминавія, смѣнились гнѣвомъ и чувствомъ глубокой ненависти къ этой женщинѣ. Поддавшись этому чувству, Лудовикъ видѣлъ въ немъ только презрѣніе къ прежней своей любовницѣ. Онъ пошелъ домой, проклиная упадокъ женскихъ нравовъ и благодаря небо, что оно наградило его любовью женщины, составляющей самое рѣдкое исключеніе изъ прекраснаго пола. Во время дороги, онъ увѣрялъ себя, что хотя жизнь его съ Эммой однообразна и бѣдна, но зато онъ испытываетъ подлѣ нее полное счастье.

Впрочемъ, всѣ эти успокоительныя мечты не помѣшали ему найти это полное счастье нестерпимо скучнымъ и неприятнымъ, когда онъ вошелъ въ маленькую комнату, едва освѣщенную тусклой лампой съ зеленымъ абажуромъ.

Эмма сидѣла на кровати и что-то прилежно работала, въ ожиданіи своего друга.

Не смотря на самонадѣянность, съ которой онъ увѣрялъ себя въ своемъ невыразимомъ блаженствѣ подлѣ этой несчастной женщины, съ впалыми глазами отъ ночныхъ трудовъ, исхудавшей отъ лишеній и постоянныхъ душевныхъ тревогъ, Лудовикъ не могъ удержаться отъ вздоха, увидя Эмму въ простенькой кофточкѣ и кисейномъ чепчикѣ.

При видѣ Лудовика, Эмма бросилась къ нему на-встрѣчу и поцѣловала его въ лобъ. Губы маркизы показались де-Фонтанье холодны и блѣдны, какъ у мертвеца; невольное сравненіе ея съ блестящей Маргаритой промелькнуло у него въ умѣ, и онъ такъ ужаснулся этой адской мысли, что бросился на кровать и горько зарыдалъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Однажды, спустя мѣсяць послѣ этого вечера, Сусанна Моле воротилась домой чрезвычайно встревоженная. Отправляясь въ Сенъ-Жерменское предмѣстье она едва не была сбита съ ногъ, на площади «Concorde» промчавшейся мимо коляской. Кормилица обернулась и, къ удивленію, увидѣла на передней скамейкѣ экипажа Лудовика. Не вѣря глазамъ своимъ, она бросилась за коляской; но экипажъ промчался такъ быстро, что Сусанна могла замѣтить въ немъ только мелькомъ даму и пожилаго мужчину; лицъ же ихъ она не имѣла возможности хорошенько рассмотреть.

Въ это время здоровье маркизы д'Эскоманъ было такъ слабо, дѣла ея приняли такой печальный оборотъ и обременили ее такими заботами, что Сусанна Моле не рѣшилась огорчить ее своими опасеніями, можетъ быть, только воображаемыми. Но вечеромъ она дождалась въ магазинѣ прихода Лудовика и когда черезъ дверь послышались на улицѣ шаги его, она вышла изъ магазина и пошла на-встрѣчу къ нему.

— Милостивый государь, сказала она, заслоня ему дорогу и сжимая руку его съ такою силою, что всѣ старанія Лудовика высвободить ее остались напрасны: — вы были причиной того, что Сусанна Моле запятнала свое честное имя. Я надѣялась, что такой дѣвой, по-крайней-мѣрѣ, куплю счастье той, которую люблю какъ родное дитя, и вотъ слезы и отчаяніе опять посѣтили наше жилище.

— Если они посѣтили, Сусанна, то скорѣй вслѣдствіе обстоятельствъ, чѣмъ по моей винѣ, — отвѣчалъ Лудовикъ съ притворной лаской и спокойствіемъ

— Г-нъ де-Фонтанье, вы знаете, что я была противъ любви маркизы къ вамъ; я отговаривала, разубѣждала ее, но внутренно была довольна увлеченіемъ ея. Я знала, что между могилкой и вашей взаимной преданностью — для Эммы не было другаго выбора. И она доказала вамъ это — рядомъ жертвъ, которыя способны изумить въ наше время каждаго.

— Но Сусанна, чѣмъ же я нарушилъ мои обязанности въ отношеніи къ Эммѣ?

— А вотъ чѣмъ. Она груститъ, а вы оставляете ее одну; она плачетъ, а вы бѣжите отъ нея и проводите время въ праздности и развлеченіяхъ, которыя напоминаютъ мнѣ....

— Сусанна! съ гнѣвомъ вскричалъ Лудовикъ.

— Нѣтъ, г-нъ де-Фонтанье! вы меня выслушаете.... вы должны меня выслушать — я вашъ домашній другъ и имѣю полное право высказать вамъ свое мнѣніе. Я ничего не боюсь, но скажу вамъ прямо, что вы меня боитесь!... Я очень не навидѣла перваго палача моей бѣдной Эммы; но.... если вы заставите меня раскаяться и убѣдиться въ томъ, что я собственными руками вырыла пропасть и бросила въ нее на-всегда мою несчастную питомицу; тогда ненависть моя къ вамъ далеко превзойдетъ то чувство, которое я питала къ маркизу д'Эскоманъ.... Еще разъ повторяю вамъ, г-нъ де-Фонтанье: берегитесь.

Лудовикъ молчалъ. Простыя, но зловѣщія слова любящей кормилицы сильно поразили его; онъ ощутилъ въ эту минуту почти то же впечатлѣніе, какое испытываемъ мы при внезапномъ воспоминаніи о прошломъ преступленіи или смерти близкаго намъ существа среди пира и веселой бесѣды съ друзьями. Сусанна была для него классическимъ *memento mori*. Лудовикъ не могъ не согласиться съ ней, потому что съ нѣкоторыхъ поръ Эмма, дѣйствительно, страдала. Но впечатлѣніе, произведенное кормилицей на Лудовика, не имѣло дѣйствія. Прежде, когда онъ любилъ Эмму, угрозы и упреки Моле могли потрясти его до глубины души; — теперь было поздно. Онъ сознавалъ справедливость негодованія Сусанны; онъ чувствовалъ страшное положеніе Эммы; онъ даже предвидѣлъ, что она не перенесетъ этого послѣдняго несчастія, — и за всѣмъ тѣмъ оставался при своемъ убѣжденіи. Сердце его отшатнулось навсегда отъ женщины, которую за годъ прежде онъ считалъ выше всего на землѣ.

Нѣтъ ничего мучительнѣе тайныхъ угрызений совѣсти, которыхъ невозможно ни чѣмъ заглушить. Лудовикъ былъ слишкомъ молодъ и сердце его было слишкомъ невинно, чтобъ можно

было назвать его негодяемъ; но не смотря на то, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ полную волю своему дурному расположенію духа и, стараясь облегчить досаду, испытываемую противъ себя, вымѣщаль ее на другихъ.

Ему никогда не приходила мысль спросить Эмму о причинахъ ея печали; онъ никогда не думалъ узнать ея мнѣніе о своемъ поведеніи. Лудовикъ никогда не задавалъ себѣ вопроса: что можетъ быть съ Эммой, когда она будетъ оставлена имъ? Пора его заботливости уже миновала; а чтобы усыпить въ себѣ послѣднее чувство состраданія къ Эммѣ, онъ самъ жаловался на свое несчастіе и, увлекаясь собственными доводами, позволялъ себѣ, въ видѣ оправданія, самыя несправедливыя обвиненія и жалобы на маркизу. Въ этомъ отношеніи онъ дошелъ до такой безстыдной наивности, что даже заподозрилъ Эмму въ охлажденіи къ себѣ; этого мало, во всѣхъ прошлыхъ неудачахъ, оскорбленіяхъ и нравственной пустотѣ своей жизни, онъ обвинялъ своего преданнѣйшаго друга. Въ самыхъ благородныхъ и великодушныхъ поступкахъ Эммы онъ сталъ видѣть простой капризъ женщины, желавшей удовлетворить минутному увлеченію своего сердца.

Противъ всякаго ожиданія, подобное несправедливое и оскорбительное обвиненіе нисколько не возмутило Эмму; она осталась спокойна и тверда, она слушала его съ какимъ-то остолебненіемъ; глаза ея, съ ужасомъ остановленные на Лудовикѣ, были сухи, и только нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ, которыхъ не въ силахъ была удержать она, давали знать о томъ, что происходило въ ея душѣ, когда передъ ней открывалась самая черная неблагодарность человѣка, болѣе не любившаго ее.

Когда Лудовикъ кончилъ свои упреки, Эмма съ ангельской кротостью сказала ему.

— Лудовикъ, у меня есть къ тебѣ просьба, ты мнѣ не откажешь въ ней?

Молодой человѣкъ не рѣшался отвѣчать, покраснѣлъ и волненіе души отразилось на лицѣ его.

— Говори, продолжалъ поблѣднѣвшій де-Фонтанье.

— Ты давно обѣщаль мнѣ съѣздить къ твоей матери и помириться съ ней; обѣщай мнѣ исполнить свое слово завтра.

— Почему непременно завтра?

— Потому что завтра двадцать девятое іюля, день годовщины смерти твоего отца и дяди; потому что твои слезы давно уже не смѣшивались на ихъ могилахъ съ слезами бѣдной вдовы

и сироты кузины. Какъ знать, можетъ быть, всё наши несчастья — слѣдствіе этого равнодушія. Обѣщаешь-ли ты исполнить мою просьбу, Лудовикъ.

Въ этомъ полномъ самозабвеніи было столько простоты, въ словахъ Эммы слышалось столько правды, что Лудовикъ несмотря на все желаніе, съ которымъ его нервная раздражительность искала себѣ пищи для противорѣчія, не рѣшился отказать маркизѣ. Онъ согласился еще больше потому, что при первыхъ словахъ Эммы боялся услышать совсѣмъ другую просьбу, и только теперь вздохнулъ свободно.

Послѣ этого разговора Лудовикъ легъ и заснулъ. Когда мѣрное дыханіе его показало маркизѣ, что нечего опасаться пробужденія — она подошла къ кровати, облокотилась на изголовье и долго смотрѣла въ лицо милого человѣка, какъ будто желая разгадать по чертамъ спокойной фізіономіи тайну его души. Но сонъ не разоблачилъ внутренней мысли Лудовика, и Эмма долго простояла въ глубокомъ раздумьѣ.

Когда разсвѣло,—подушка, на которую облокачивалась Эмма, была смочена слезами. Она подошла къ шкатулкѣ, вынула изъ нея письма и волосы Лудовика, которые онъ присылалъ ей во время ея заточенія, крѣпко поцѣловала эти драгоценныя вещи и заперла ихъ въ маленькій ларчикъ.

Потомъ, ставъ на колѣна и скрестивъ руки, она проговорила глухимъ голосомъ: — «Вотъ все, что возьму съ собой изъ этого дома; безъ-сомнѣнія вещи эти скоро будутъ единственной связью, между нами.» — и зарыдавъ, прибавила: — «Боже мой! Неужели твоя справедливость навсегда оставила эту землю, гдѣ чистѣйшія слезы и кровь смѣшались съ грязью преступленій. Неужели самыя благородныя и высокія чувства не находятъ здѣсь ни отклика, ни сочувствія, здѣсь—въ этой дикой пустынѣ, населенной людьми, за тѣмъ, чтобъ все страдало, ныло и умирало по волѣ случая? Но если, великій духъ, ты караешь меня за эти заблужденія, то — пусть твоя кара удвоится, пусть мои страданія превышаютъ всякую мѣру человѣческихъ силъ, — я готова вынести все, что есть самаго мучительнаго на землѣ, — но прости и пощади его. Я увѣрена, что наступитъ время, когда повязка упадетъ съ его глазъ, и онъ почувствуетъ острое жало совѣсти въ своей груди. Умолю тебя, доброе провидѣніе, облегчи его раскаяніе и сохрани его — отъ несчастія.» И Эмма упала на колѣни передъ распятіемъ, стоявшимъ надъ ея изголовьемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

УТРЕННІЕ ПРИЕМЫ МАРГАРИТЫ ЖЕЛИЦ.

Маргарита занимала богатую квартиру, близъ итальянскаго бульвара; обширное знакомство ея съ парижской молодежью, праздною, пустою и роскошною, составило ей довольно громкую извѣстность. По утрамъ она принимала гостей, желавшихъ видѣть и познакомиться съ ней. Ловкость овладѣть вниманіемъ каждаго, умѣнье подстрекнуть любопытство, наконецъ разставить такія сѣти, изъ которыхъ трудно было выпутаться; затѣмъ великолѣпная обстановка прежней шотландской гризетки, — все это заинтересовало въ ея пользу извѣстный кругъ бульварныхъ героевъ. Но Жели, пользуясь временемъ и обстоятельствами, строго выбирала своихъ посѣтителей, и многіе изъ нихъ не переступали порога ея передней.

Ничего нѣтъ легче для женщины, какъ сдѣлаться, что навывается, львицей *à la mode*; и если не всѣ достигаютъ этого, то единственно потому, что обстоятельства жизни не всѣмъ одинаково улыбаются.

Не много сердца, побольше силы воли, дикое влеченіе ко всему блестящему, дѣтская привязанность къ тому, что въ состояніи надѣлать шуму и возбудить общее вниманіе, — вотъ что необходимо для женщины въ Парижѣ, чтобъ заставить говорить о себѣ и потомъ увлечь за собой толпу поклонниковъ и раздражителей.

Хорошенькіе языки также не лишнее достоинство въ женщинѣ, а въ иныхъ случаяхъ даже бываютъ необходимы. Что же касается до ума, то нѣтъ сомнѣнія, что прекрасному полу въ немъ не отказано, хотя женскій умъ, можетъ быть, не болѣе и не менѣе, какъ отблескъ чужаго ума; но это нисколько не

вредить имъ, потому что не въ немъ ихъ главное достоинство и не отъ него зависите счастье людей.

По приѣздѣ Маргариты Жели въ Парижъ, богатый и извѣстнѣйшій капиталистъ сошелся съ нею и взялся перевоспитать ее. И вотъ въ одно прекрасное утро, въ улицѣ «Helder», въ великолѣпномъ дворцѣ, нѣкогда принадлежавшемъ какой-то посланицѣ, увидѣли высокую и прелестную дѣвушку, перенесенную туда словно волшебнымъ жезломъ.

Нѣкоторые смѣльчаки отправились къ ней знакомиться и потому рассказывали, что это тайно-брачное растеніе имѣетъ на своей конюшнѣ пару караковыхъ лошадей, которыми всѣ восхищались, когда они принадлежали еще «Stephan-Drake»; — на кухнѣ отличнаго повора и нѣсколько роскошно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ свободно могутъ исполняться самыя затѣйливыя и сложныя фигуры веселаго котильона. По мнѣнію многихъ, посѣщавшихъ Маргариту—это была добрая дѣвушка, настолько добрая, чтобъ не свести никого съ ума, и настолько расточительная, чтобъ отбить охоту у каждаго имѣть на нее виды. — Этого уже было достаточно, чтобъ заставить говорить о себѣ и сильно возбудить общее вниманіе, такъ что о происхожденіи этой дѣвушки и о прежнемъ образѣ ея жизни не было и помину.

Натура женщины необычайно воспримчива: онѣ способны, какъ гнѣсъ въ скульптурной формѣ, принимать разныя видоизмѣненія, иногда совершенно противоположныя ихъ природѣ. Маргариту Жели не удивила блестящая переменна ея судьбы, точно также, какъ и маркизу д'Эскманъ не поразила мѣщанская обстановка ея поваго образа жизни и занятій, на которыхъ она обрекла себя.

Прошла съ небольшимъ недѣля, какъ Маргарита поселилась въ великолѣпномъ отелѣ, въ улицѣ Helder, — а между тѣмъ уже казалось, что ноги ея никогда иначе не ходили, какъ по самымъ дорогимъ восточнымъ коврамъ. Повидимому, она со всѣмъ была, какъ еще недавно, въ дни своего дѣтства, лакомилась брошенными объѣдками яблокъ. Конечно, строгій и разборчивый вкусъ легко могъ найдти въ Маргаритѣ много странностей и недостатковъ; но въ ней больше всего порицали роскошные наряды, — что было дѣломъ друзей ея, пересуды которыхъ никогда не доходили до Маргариты и не возмущали свѣтлыхъ дней ея новой жизни. Денежный сундукъ покровителя служилъ этой дѣвушкѣ надежнымъ пьедесталомъ.

Одно только обстоятельство бросало на нее тѣнь, одно только облако заволакивало ея лучезарный горизонтъ и помрачало счастливые дни Маргариты — это ненависть къ маркизѣ д'Эскоманъ, пережившая любовь молодой Дюнуазски къ Лудовику де-Фонтанье.

Нетрудно угадать читателямъ, что при первой встрѣчѣ съ Лудовикомъ, она тотчасъ поняла изъ его необыкновеннаго волненія, что вліяніе ея на чувство его еще не утрачено. Но къ величайшему удивленію, Маргарита при такомъ пріятномъ открытіи, осталась совершенно спокойной; пульсъ ея нисколько не ускорилъ біенія и даже лицо ея не измѣнило ей и не вспыхнуло по обыкновенію, какъ это случалось прежде, при одномъ только приближеніи къ ней Лудовика. Вѣроятно, это зависѣло отъ воспомнанія о послѣдней сценѣ при ея разрывѣ съ де-Фонтанье и глубоко-затаенной ненависти къ Эммѣ.

Причина этой ненависти заключалась не въ одномъ только чувствѣ оскорбленнаго самолюбія женщины, такъ рѣзко покинутой ради своей соперницы; нѣтъ молодую Дюнуазску возмущала высота характера и чувствъ маркизы, благородство ея души, тихая покорность судьбѣ и мужество, которое она сохранила въ своемъ паденіи. Въ душѣ она отдавала полную спрavedливостъ всѣмъ этимъ качествамъ Эммы, но не могла простить имъ въ глазахъ другихъ и передъ самимъ Лудовикомъ. Она сознавала, что благородная Эмма въ магазинѣ своемъ стояла нравственно неизмѣримо выше блестящей куртизанки въ ея великолѣпномъ отелѣ. Эта ненависть служила лучшимъ доказательствомъ, что добродѣтели ея соперницы пережили позоръ несчастной женщины.

Ненависть, также какъ любовь, имѣетъ сильное вліяніе на возбужденіе энергій и характера того, къ кому овладѣло это чувство. Преданная исключительной мысли отмстить маркизѣ, безпечная и безхарактерная отъ природы, Маргарита нашла въ этомъ чувствѣ болѣе силы воли и характера, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ нея.

При появленіи Лудовика де-Фонтанье въ отелѣ Маргариты Жели, она приняла его ласково и привѣтливо. Она притворилась даже немного взволнованной, хотя на самомъ дѣлѣ была совершенно равнодушна, и довольно краснорѣчивыми вздохами напомнила о прошедшемъ. Лудовикъ легко могъ подумать, что она ожидаетъ отъ него одного только слова, чтобы снова завязать съ нимъ самыя интимныя отношенія. Желая еще болѣе

расположить къ себѣ Маргариту, онъ нашель необходимымъ разжалобить ее своею несчастной участью, рассказать ей о нищетѣ и униженіи и дать понять всѣ страданія его разочарованной души.

Но онъ жестоко ошибся. Воспоминаніе прошлаго не заглохло на столько въ сердцѣ Маргариты, чтобъ эта нѣсколько наглая откровенность могла примирить ее съ Лудовикомъ. Женщины, обыкновенно, сочувствуютъ только тѣмъ, кто не требуетъ ихъ сочувствія. Маргарита, увѣренная, что Лудовикъ будетъ лежать у ея ногъ, слушала его безпечно и дала ему высказаться вполне; потомъ, она начала превозносить его великодушіе и преданность, уменьшая тѣмъ мѣру признательности, которою онъ былъ обязанъ Эммѣ. Такимъ образомъ Маргарита нанесла первый ударъ чувству уваженія и благодарности, которое еще поддерживало привязанность молодого человѣка къ маркизѣ. И Маргарита такъ часто и незамѣтно повторяла эти удары, что расположеніе Лудовика къ Эммѣ скоро повисло на волоскѣ.

Де-Фонтанье былъ самымъ частымъ посѣтителемъ Маргариты не потому, чтобъ она возвратила ему прежнія права его, она слишкомъ хорошо поняла характеръ Лудовика, — а потому чтобъ разлучить его съ Эммой. И вѣрная своей цѣли, она умѣла скрыть ее подъ разными предлогами. Одинъ разъ приглашала къ себѣ Лудовика, чтобъ поговорить съ нимъ дружески и вспомнить прошлые дни шатодѣнской жизни; въ другой разъ она, повидимому, сочувствовала его тяжелому положенію и просила раздѣлить съ ней вечернія удовольствія въ театрѣ, на балу или въ прогулкѣ. И цѣль ея вполне была достигнута. Она успѣла разжечь страсти своего прежняго любовника, затмить послѣднія искры его разсудка и довести Лудовика до-того, чтобъ онъ самъ выдалъ ей жертву ея ненависти.

Но напрасно она такъ много хлопотала, напрасно подливала масла въ огонь; Лудовикъ и безъ того былъ очарованъ Маргаритой, окруженной великолѣпіемъ и богатствомъ; онъ не желалъ ничего лучшаго, какъ быть рабомъ этой царицы алькова, разукрапшеннаго шелковымъ бадахиномъ и капитолійскими колонами.

И что могли сдѣлать, при этой обстановкѣ, воспоминанія о бѣдной, скромной Эммѣ, нравственно чистой и даже стыдливой въ минуту самаго упоительнаго наслажденія любви. Могли — лишь эти воспоминанія бороться съ чувственными обольщеніями Мар-

гариты Жели, производившей на Лудовика совершенное опьянение, такъ что если-бъ въ немъ не сохранилось еще нѣсколько гордости и самолюбія, онъ давно бросился-бы къ ея ногамъ съ мольбой о состраданіи, въ которомъ самъ такъ равнодушно прежде отказывалъ ей.

Не отступая отъ своей тактики, Маргарита старалась избѣгать этихъ пзліяній нѣжности, и потому представивъ Лудовика своему покровителю барону Вердье, подъ тѣмъ предлогомъ, что это знакомство могло быть полезно молодому человѣку, она такъ устранивала, что при ея свиданіи съ Лудовикомъ всегда присутствовалъ баронъ.

Въ то же самое время она старалась очернить Лудовика въ глазахъ маркизы д'Эскоманъ. Ей было недостаточно мщенія, въ осуществленіи котораго она была вполне увѣрена, и потому до той мноты, когда она надѣялась поразить жертву свою смертельнымъ ударомъ, она жгла ее медленнымъ огнемъ. Пользуясь вліяніемъ своимъ на Лудовика, Маргарита заставляла его показываться съ ней въ обществѣ, провожать ее въ прогулкахъ по Елисейскимъ полямъ, куда кучеръ, по приказанію ея, всегда ѣхалъ улицею Сезь.

До-сихъ-поръ Лудовикъ не появлялся еще въ салонѣ Маргариты въ ея пріемные дни; но она потребовала наконецъ, чтобы онъ непременно присутствовалъ на ея утреннихъ пріемахъ, назначаемыхъ ею изъ зависти и соперничества съ вечерами одной знаменитой актрисы, пзвѣстной въ городѣ.

Лудовикъ обѣщалъ непременно пріѣхать; но едва не нарушилъ своего слова.

Мы уже видѣли, съ какимъ жаромъ уговаривала его Эмма навѣстить престарѣлую мать. Чувство сыновняго долга устояло передъ заблужденіями молодаго человѣка и уже давно, по мѣрѣ охлажденія любви его къ Эммѣ, вступило въ прежнія права свои. Только потому онъ рѣшился отправиться въ Сэнь-Жермень на свиданіе съ матерью.

Одѣваясь, Лудовикъ замѣтилъ въ Эммѣ необыкновенное волненіе. Онъ боялся болтливости Сусанны Моле, но не рѣшился вызвать маркизу на объясненія, и потому молча вышелъ изъ дому.

Дойдя до улицы Риволи, откуда отправлялись омнибусы въ С. Жермень, Лудовикъ вспомнилъ, что забылъ кошелекъ съ деньгами дома и воротился, но подойдя къ магазину, нашелъ его запертымъ: привратникъ отвѣчалъ ему, что черезъ нѣсколь-

ки времени по уходѣ .Людвика, Эмма и Сусанна заперли лавку и ушли въ разныя стороны. Такъ .Людвикъ принужденъ былъ отложить поѣздку до другаго времени, и безсознательно пошелъ по улицѣ, ведущей къ дому Маргариты Жели.

Проходя мимо магазина часоваго мастера Бернье, онъ увидѣлъ на порогѣ жену его, смотрящую на него съ презрѣніемъ и торжествующей улыбкой. Озабоченный какой-то мыслью, онъ не обратилъ никакого вниманія на нѣмыя враждебныя выраженія своей сосѣдки. Но вдругъ сильный ударъ по плечу, заставилъ его остановиться. Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою мебельщика Вердюра, протягивавшаго ему руку.

— Мнѣ нужно кое о чемъ съ вами переговорить, сказали мебельщикъ, взявъ фамплярно .Людвика подъ руку и уводя его къ себѣ въ контору, смежную съ своимъ магазиномъ.

— Что вамъ нужно отъ меня, добрый сосѣдъ? спросилъ у него .Людвикъ де-Фонтанье.

— Что мнѣ нужно отъ васъ, любезный мой .Луи? это довольно трудно высказать въ двухъ словахъ, взразилъ мебельщикъ, почесывая затылокъ: — а въ особенности при моемъ расположеніи къ вамъ.

— Я не сомнѣваюсь въ вашемъ расположеніи ко мнѣ и очень вамъ благодаренъ за него; но вѣроятно вы остановили меня не за тѣмъ, чтобъ объясниться въ вашей дружбѣ.

— Ну если вы хотите, то я буду говорить съ вами прямо. Ваши дѣла кажется въ дурномъ положеніи, продолжалъ онъ, понижая голосъ громкій отъ природы, такъ чтобъ мастеровые не могли слышать его вопроса.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ему .Людвикъ, мы только желали передать нашъ магазинъ; но потомъ жена мнѣ сказала, что встрѣтились какія-то затрудненія при передачѣ.

— Чертъ возьми! Гораздо лучше было-бы уступить его съ убыткомъ, любезный .Луи, чѣмъ допустить бездѣльниковъ выстругать и выскоблить тамъ до чиста. Знаете-ли вы, что если они уже примутся столарничать по своему въ вашемъ магазинѣ, то не оставятъ вамъ даже и стружекъ.

— О какихъ бездѣльникахъ говорите вы? спросилъ .Людвикъ съ непритворнымъ удивленіемъ, смотря на мебельщика.

Послѣдній пожалъ плечами.

— Да не скрывайтесь-же отъ меня, пожалуйста, любезный .Луи, слушайте: я сейчасъ-же васъ успокою. Неужели вы полагаете, что возможно вести двадцать лѣтъ торговлю и ни ра-

зу не быть задѣтымъ такъ или иначе господами, которые теперь немилосердно щиплютъ васъ? Торговля таже мебель, которая какъ-бы крѣпко не была сдѣлана, — неможетъ не расколоться отъ жару.

Потомъ вынувъ изъ комода связку засаленныхъ и пожелтѣвшихъ бумагъ, столяръ продолжалъ.

— Видите-ли — и у насъ найдется, еще болѣе чѣмъ у васъ, гербовой бумаги и грязныхъ дѣлъ. Слава Богу! это нисколько не безчеститъ честныхъ людей. И такъ, говорите-же не стѣсняясь.

— Честное слово, любезный Вердюръ, я ровно ничего не понималъ изъ того, что вы мнѣ сказали.

— Ну полноте скрыватьсѣ любезный Луи. Намъ всѣмъ извѣстно, что экзекуторъ полиціи былъ у васъ три раза въ эту недѣлю и совершенно повятно, что послѣ троекратной повѣстки назначается опись имуществу—и сегодня вамъ срокъ. Чортъ возьми! Не думаете-ли вы что-нибудь утаить отъ жителей одного и тогоже квартала? Напрасно такъ думаете, мой другъ! Вы должны знать, что всѣ тайны Парижа находятся въ рукахъ полиціи и нашихъ дворниковъ. Отъ нихъ не скрывается ни одинъ вздохъ нашихъ женъ, ни одно желаніе нашихъ кредиторовъ.

— Но это невозможно! проговорилъ Лудовикъ, совершенно ошеломленный внезапнымъ открытіемъ плачевнаго положенія своихъ домашнихъ дѣлъ.

— Такъ вотъ какъ! вы ничего не знаете, сказалъ столяръ, котораго наконецъ голосъ Лудовика убѣдилъ, что онъ находится въ полномъ невѣденіи. Вѣроятно, ваша добрая жена хотѣла все скрыть отъ васъ; конечно, въ ея поступкѣ видно доброе любящее сердце; но скрывать угрожающую намъ опасность ни къ чему не ведетъ. Но все-таки скорѣе надо благодарить ее, чѣмъ журить за ея доброе намѣреніе. Видите-ли, мой другъ, я отъ всей души люблю вашу молодую и прекрасную Эмму: она скромна, опрятна, трудолюбива и, при всемъ томъ, держитъ себя нехуже любой графини. Носились слухи, что вы не женаты на ней; но я принимаю все это за сплетни, и постоянно выставляю вашу жену образцомъ для моей, которая также какъ и я, не терпитъ злословія.

Столяръ, вѣроятно, еще долго не кончилъ-бы, если-бъ Лудовикъ, озадаченный открытіемъ о новомъ несчастіи, не пересталъ слушать его. Душой молодого человѣка овладѣла страшная тоска. Съ ужасомъ видѣлъ онъ какъ судьба съ каждымъ днемъ болѣе

и болѣе ожесточается противъ нихъ; онъ особенно боялся за свое будущее потому, что нѣкоторая доля послѣдствій должна была упасть на него. Онъ быстро всталъ и хотѣлъ было выйти, по столляръ удержалъ его за руку.

— Мы еще не все переговорили, сказалъ онъ. Если есть въ этомъ свѣтъ неумолимые экзекуторы, то есть и добрые друзья. Послушайте-ка любезный Луи! хотя я небогатъ, но все таки у меня найдется еще билетикъ въ пятьсотъ франковъ, чтобы выручить изъ затрудненія добрыхъ людей... Сказано — сдѣлано, можетъ быть и неловко сказано, ну, да дѣлать нечего—я привыкъ болѣе работать руками, чѣмъ языкомъ. И такъ, мой любезный сосѣдъ, когда вамъ представится нужда въ деньгахъ, рассчитывайте смѣло на столяра Вердюра.

Лудовикъ дружески пожалъ руку доброму ремесленнику и побѣжалъ домой.

Эмма еще не возвратилась. Долгое отсутствіе начинало серьезно беспокоить Лудовика. Мысль о томъ, сколько Эмма перестрадала въ эти дни, заглушила на время его эгоистическія побужденія. Онъ сошелъ съ тротуара и началъ присматриваться, неувидитъ-ли вдали Эмму, какъ вдругъ подошелъ къ нему человѣкъ, одѣтый весь въ черное, и подалъ предписаніе объ описи имущества, объявляя рѣшительно, что онъ намѣренъ сейчасъ-же приступить къ дѣлу и въ случаѣ отказа добровольно отпереть дверь магазина, онъ призоветъ на помощь полицейскаго комисара.

Лудовикъ машинально развернулъ поданную ему бумагу и въ тоже мгновеніе глаза его были поражены крупной подписью подъ этой повѣсткой: на ней было выставлено имя покровителя Маргариты Жели.

Тогда Лудовикъ прочелъ бумагу съ особеннымъ вниманіемъ.

Изъ повѣстки было видно, что по просьбѣ банкира барона Вердье преслѣдовали жену маркиза д'Эскоманъ, принявшую фамилію Г-жи Луи.

Сомнѣніе было невозможно.

Лудовикъ вскрикнулъ отъ радости и бросился бѣгомъ къ великолѣпному отелю Маргариты Жели.

Длинная вереница щегольскихъ экипажей стояла около отеля. Де-Фонтанъ съ большимъ трудомъ прошелъ сквозь густую толпу гостей: но еще труднѣе было ему подойти къ хозяйкѣ дома.

Наконецъ онъ увидалъ ее, окруженную нѣсколькими молоды-

ми людьми, исполнявшими при ней что-то въ родѣ должности адъютантовъ. Она передавала имъ послѣднія свои распоряженія о предположенномъ концертѣ. Луdivикъ подошелъ къ ней, но она какъ-будто не замѣчала его.

— Маргарита,] сказалъ онъ тихо, наклонившись къ ея плечу.

Она обернулась.

— А, это вы де-Фонтанье! сказала она: — Право я вамъ очень благодарна, что вы сдержали свое слово; я такъ боялась, чтобы *ваша жена*... (и Маргарита сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ) не вздумала заставить васъ разматывать съ нею мотки нитокъ....

Окружающая молодежь, хотя совершенно не знала Луdivика де-Фонтанье, но громко расхохоталась при этой шуткѣ Маргариты, какъ будто она сказала самую умную остроту.

— Маргарита, сказалъ смущенный Луdivикъ тихимъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ: — мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— Ахъ, Боже мой! да мнѣ кажется, что вы уже начали.

Умоляющимъ взглядомъ Луdivикъ де-Фонтанье показалъ ей на толпу, ее окружающую

— Какъ де-Фонтанье, такой старій другъ какъ вы, просите аудиенціи, и тѣмъ хотите лишитъ меня двухсотъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода. Вы не подумали, что съ барономъ сдѣлается непремѣнно апоплексія. Право, вы не подумали объ этомъ....

— Маргарита, дѣло идетъ о жизни или смерти!

— Вопросъ о жизни и смерти имѣетъ свое время, мое милое дитя! Въ эту минуту я вполне принадлежу гостямъ своимъ и, еслибъ даже вопросъ о смерти касался меня самой, то я не оставила-бы общества ради такихъ пустяковъ.

Маргарита Жели говорила въ слухъ; при послѣднихъ словахъ ея многіе изъ гостей наклонили головы въ знакъ одобренія, а одинъ изъ нихъ даже поцѣловалъ ея руку, обтянутую перчаткой. Однакожъ, по выраженію лица Луdivика, Маргарита замѣтила, что она повидному зашла уже слишкомъ далеко и что не вниманіе къ ея старому другу можетъ раскрыть ему какъ-бы онъ ни былъ слѣпъ, настоящія чувства ея и цѣль, и тѣмъ разрушить планъ мщенія, исполненіе котораго она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Ну полноте, не сердитесь, сказала Маргарита, взявъ фо-

миллярно Лудовика подь руку. Мы поговоримъ съ вами на единѣ и я увѣрена, что мой баронъ не будетъ сердиться на меня: онъ знаетъ, что вы были моимъ возлюбленнымъ.... Да господа, продолжала она, обращаясь къ окружающей ее молодежи: — я была безъ ума отъ этого красавчика и желаю каждому изъ васъ быть такъ любимымъ, какъ онъ.... Но мой милый баронъ слишкомъ увѣренъ въ моихъ строгихъ правилахъ....

И говоря это, Маргарита вышла подь руку съ Лудовикомъ въ маленькую будуаръ и затворила за собой двери.

— Ну, чего же ты хочешь отъ меня? спросила она, усѣвшись на диванъ.

Вмѣсто отвѣта Лудовикъ де-Фонтанье показалъ ей роковую бумагу.

Маргарита Жели прочла ее, и лобъ ея наморщился.

— Ну что же мнѣ дѣлать съ этимъ? повторила она осматривая внимательно, не запачкала ли она этимъ приказнымъ мараньемъ свои безукоризненно чистыя перчатки.

— Развѣ ты не видишь, что опись назначена по писку барона Вердье.

— Барона?... Но я увѣряю тебя, что баронъ Вердье даже не знаетъ имени этой дамы.

— Конечно такъ; но отъ него вполне зависитъ остановить это дѣло и одного твоего слова будетъ достаточно, чтобъ спасти бѣдную женщину.

Лицо Маргариты Жели приняло выраженіе.

— Какъ ты думаешь, если я попробую самъ просить его объ этомъ? спросилъ Лудовика, котораго тоска еще болѣе усилилась при видѣ нерѣшительности Маргариты Жели.

— Пожалуйста, не дѣлай этого! поспѣшно сказала она. Не дѣлай, если ты не желаешь посориться со мной. Вердье очень расположенъ въ твою пользу, и, конечно, благодаря моему вліянію на него. Послушай я часто замѣчала, что ты слишкомъ мало полагаешься на мою искреннюю привязанность къ тебѣ; но ты оцѣбаешься. Эта привязанность, можетъ быть, благоразумнѣй, чѣмъ прежде, но все же она ни въ чемъ не измѣнила тебѣ. Скажу откровенно, что ты попалъ въ самое ложное положеніе, увлеченный своей ненаглядной маркизой. До такой степени унижить тебя только могла женщина, не имѣющая ни капли теплой крови и душевнаго расположенія къ тебѣ. Посуди, что ожидаетъ тебя въ будущемъ: пошлая роль мелочнаго лавочника или отца семейства, съ кучей дѣтвой и долговъ на шеѣ.

Вотъ что готовить тебѣ твоя Эмма. Напротивъ, я вовсе не забыла о твоёмъ положеніи: я придумала тебѣ прочную и надежную карьеру въ свѣтѣ и, когда будетъ нужно, тебѣ сообщать объ этомъ подробно, мой херувимъ. Знай только одно, что участь твоя вполнѣ зависитъ отъ расположенія къ тебѣ добряка моего Вердье; — такъ будь же остороженъ, и не мѣшай моему плану.

— Маргарита!... Ты не подумала о томъ, что сказала!... Вспомни только объ отвѣтственности, которая лежитъ на моей совѣсти. — Конечно, я сдѣлалъ глупость, но честь моя требуетъ, чтобы я принялъ на себя всѣ послѣдствія моихъ ошибокъ. Честь запрещаетъ мнѣ, опозоривъ маркизу д'Эскоманъ, оставить ее въ нищетѣ и отчаяніи. Я умоляю тебя, Маргарита, не за нее, а за себя! прибавилъ Лудовикъ, замѣтивъ, что брови молодой женщины все болѣе и болѣе хмурились.

— Ты дурно сдѣлалъ, что произнесъ передо мной имя этой женщины, вскричала Маргарита съ сверкающимъ взоромъ и топнувъ ногой. Я только благоразумна, а ты меня сдѣлаешь злой!... Я не исполню твоей просьбы, и не исполню ее именно потому, что еще люблю тебя искренно и нѣжно. Ты не любишь ее больше? Если-бъ ты любилъ ее, то не былъ-бы здѣсь, у меня... Будь-же благоразуменъ Лудовикъ — я очень хорошо знаю твои мысли: ты ждешь благовиднаго повода, чтобы разорвать съ нею свою безумную связь; а между тѣмъ развязна уже настала — и ты боишься сдѣлать послѣдній шагъ... Отъ меня ничего не жди въ ея пользу: это рѣшительное слово. Проси отъ меня денегъ на свои удовольствія, — я дамъ сколько хочешь; если желаешь получить мѣсто, мнѣ стоитъ только сказать — и оно будетъ; наконецъ, если ты ищешь возобновить со мной прежнія дружескія отношенія, не медли ни одного дни и брось твое *нищее сокровище*, обоготворенное тобой изъ чистаго каприза вялой и безхарактерной натуры. Но чтобы я согласилась продлить хоть на одинъ день или на одинъ часъ настоящее положеніе — не требуй отъ меня ни малѣйшей жертвы, и знай напередъ, что я непремѣнно откажу тебѣ въ этой просьбѣ.

Произноси послѣднія слова, Маргарита Жели такъ сильно ударила своимъ вѣеромъ по столику изъ розоваго дерева, что вѣеръ разлетѣлся въ дребезги. И она съ пренебреженіемъ оттолкнула ногой кусочки его.

Не смотря на такой рѣшительный отказъ Лудовикъ еще разъ

хотѣлъ просить ее; но шатодѣнская гризетка не дала времени ему сказать ни слова. Слѣдя все время за дѣйствиємъ, произведеннымъ словами ея, она замѣтила, что лицо Лудовика де-Фонтанье вмѣстѣ съ грустью выражало также полную довѣренность и благодарность къ ея дружескимъ увѣреніямъ.

— Боже мой! послѣшно проговорила она, осматривая въ зеркало свой щегольской нарядъ: — онъ опять заставилъ меня забыть моихъ гостей, какъ бывало въ то время, когда онъ наполнялъ для меня цѣлый міръ.... Но довольно, мы и такъ уже дали пищу злословію... Поправь-ка не много отдѣлку моего лифа....

Эта отдѣлка заключалась въ цвѣтахъ и зелени. Расправляя нѣкоторые изъ нихъ, Лудовикъ де-Фонтанье нечаянно коснулся ея тѣла. Отъ этого прикосновенія рука его задрожала и глаза встрѣтились въ зеркалѣ съ влажными глазами Маргариты, подернутыми томностью. И Лудовикъ забылъ Эмму, тоску и отчаяніе бѣдной женщины, забылъ свое собственное огорченіе и, наклонясь къ раздушенному плечу Маргариты, такъ жарко поцѣловалъ, что молодая куртизанка едва не вскрикнула отъ испуга.

Она быстро отворила дверь въ гостинную, гдѣ дожидалась ее толпа поклонниковъ.

— Что если-бъ баронъ подслушалъ у дверей, сказала она Лудовику съ полугнѣвомъ и съ полу-улыбкой. Потомъ, пожавъ ему крѣпко руку, она прибавила: «до завтра, мой милый!» но эти слова были сказаны такимъ голосомъ, что Лудовикъ ни какъ не осмѣлился остаться у нее ни минуты долѣе. И молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ тысячи различныхъ впечатлѣній, почти шатаясь, прошелъ посреди толпы гостей и только въ швейцарской не много пришелъ въ себя и превозмогъ нѣсколько свое волненіе.

Что же касается Маргариты Жеш, то она, не покидая своего маленькаго будуара, въ которомъ приняла Лудовика, написала на клочкѣ бумаги нѣсколько слѣдующихъ знаменательныхъ словъ: «будьте глухи ко всѣмъ мольбамъ и не принимайте ни какихъ обѣщаній.»

Позвавъ лакея, она приказала ему немедленно переслать эту записку съ нарочнымъ къ экзекутору, который долженъ былъ въ это время производить опись имуществу Эммы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ.

Въ то время, какъ Лудовикъ де-Фонтанье былъ у Маргариты Жели, Эмма воротилась домой.

Припоминая себѣ, какое сильное вліяніе имѣли въ былое время на ее здоровье душевныя страданія, Эмма не разъ удивлялась, какимъ образомъ она въ состояніи была переносить такія ужасныя огорченія, которыя далеко оставляли за собою все то, что заставилъ ее вытерпѣть маркизъ д'Эскоманъ.

Но тайна этой твердости заключалась въ сильной любви ея къ Лудовику, Эмма все еще страстно любила его. Ея бѣдное, дважды разбитое сердце, съ отчаянной энергіей носилось одиноко на бурномъ океанѣ жизни, не находя надежной пристани.

Привязанность ея къ Лудовику оказалось гораздо сильнѣе чѣмъ она сама предполагала. Невольно потерявъ слѣдную вѣру въ своего возлюбленнаго, Эмма научилась наконецъ читать въ его мысляхъ и съ чуднымъ ясновидѣніемъ предугадывала все, что въ немъ происходило.

Она не хотѣла преслѣдовать его подозрѣніемъ, не старалась узнать истины, — да и не нуждалась въ ней: какое было дѣло бѣдной Эммѣ до грязныхъ подробностей пзмѣны Лудовика, когда она терла любовь его — послѣднее благо въ жизни.

И то мимолетное счастье, которымъ она наслаждалась такъ не долго съ Лудовикомъ, основанное на взаимной любви, — Эмма рѣшилась принять за чудное свидѣніе. Она оплакивала его, но не чувствовала ни презрѣнія, ни гнѣва къ тому, кто такъ скоро разрушилъ ея блаженство.

Наконецъ она поняла всю безхарактерность и не остоинство Лудовика, и тѣмъ исполнила его охлажденіе къ себѣ. Она пи-

тала къ нему состраданіе и теплое участіе, похожее на участіе матери къ любимому сыну, разрушающему спокойствіе ея сердца. И снисходительная ко всѣмъ слабостямъ его, Эмма переносила съ истинно-ангельскимъ терпѣніемъ явную измѣну Лудовика. Она надѣялась, что наконецъ настанетъ день, когда если не она, то по-крайней-мѣрѣ здравый разумъ его войдетъ сколько нибудь въ свои права надъ этимъ легкомысленнымъ характеромъ. Въ ожиданіи этого дни, Эмма, совершенно забывая себя, думала только объ одномъ, чтобъ какъ-нибудь скрыть отъ Лудовика свою скорбь, которая могла-бы еще болѣе отравить жизнь его.

Однакожь крестъ былъ слишкомъ тяжелъ для Эммы, потому что ко всѣмъ огорченіямъ ея покинутаго сердца присоединилось новое ужасное несчастіе — матеріальныя недостатки въ жизни.

Давно уже Эмма терпѣла нужду, но Лудовикъ де-Фонтанье рѣшительно не сознавалъ того, что происходило вокругъ него, находясь въ какомъ-то оупьненіи, котораго послѣдствіе, какова-бы ни была причина, всегда одинаково. Онъ посѣщалъ общество Маргариты, и потому расходы Лудовика увеличивались; и онъ спокойно тратилъ деньги, предназначенныя на хозяйство. Эмма краснѣла за его равнодушіе, но при всемъ томъ ни разу не упрекнула его. Ей было совѣстно смѣшивать денежныя потери съ болѣе важными нравственными потерями и блъ восторженія великодушія, Лудовикъ почти ни въ чемъ не нуждался.

Такимъ образомъ Эмма входила въ долги, которые мало-помалу накопились. Однажды ей необходимо было расплатиться по переводному векселю за покупку довольно значительнаго количества товара для магазина. Она не могла рассчитаться въ срокъ и хотѣла выпросить отсрочку у *индосанта* *), который ее преслѣдовалъ; но онъ остался неумолчимъ, что очень удивило маркизу д'Эскоманъ, вовсе не подозрѣвавшую въ этомъ дѣлѣ вмѣшательства и вліянія Маргариты Желп, скрывавшейся за банкиромъ Вердье.

Эмма скрыла отъ Лудовика критическое положеніе дѣлъ своихъ и, въ день, назначенный для описи ея имущества, она настоятельно просила его навѣстить мать, какъ мы это видѣли выше. Эмма хотѣла одна выпнести ужасный ударъ преслѣдующаго ея несчастія. Смутно надѣялась она, чувствомъ какого-то

*) Въ коммерческомъ мірѣ *индосанти* есть лицо переводящее чужой вексель въ трети руки съ своею подписью.

• *Прим. Переводч.*

упованія, которое переживаетъ всѣ несчастія, и полнымъ своимъ самоотверженіемъ возвратитъ къ своимъ ногамъ .Людвика.

Посвятивъ свою вѣрную Сусанну въ тайну угрожающаго имъ новаго несчастія и проводивъ глазами удаляющагося .Людвика, Эмма тотчасъ-же ушла изъ дому, желая испытать послѣднія средства для отстраненія грозящей бѣды. Она пришла къ адвокату, защищавшему ее передъ трибуналомъ, и попросила его занять ей у кого-нибудь денегъ. Онъ предложилъ ей обратиться къ бывшему тогда въ Парижѣ, маркизу д'Эскоманъ; но Эмма отказалась отъ такого униженія, не смотря на неотступныя просьбы адвоката.

По возвращеніи своемъ въ магазинъ, она нашла въ немъ полицейскихъ чиновниковъ, занятыхъ описью имущества; законъ облеченный въ форму комиссара и слесаря, открылъ имъ запертыя двери.

Обратившись къ Эммѣ съ троекратнымъ приглашеніемъ уплатить по векселю и не получивъ, разумѣется, отъ нея удовлетворительнаго отвѣта, они снова обратились къ описи, перекидываясь грубыми замѣчаніями на счетъ красоты хозяйки. Эмма искала Сусанну, но не нашла ее; только въ эту минуту, въ своемъ отчаяніи, она въ первый разъ усумнилась въ вѣрности своей кормилицы. Непостоянство .Людвика дѣлало въ глазахъ Эммы возможнымъ все на свѣтѣ и, ужасаясь своей безпомощности, она почувствовала, что мужество наконецъ совершенно ее оставляетъ. Бѣдная, угнетенная несчастіями женщина упала на стулъ по среди разбросанныхъ картонокъ, и горько зарыдала.

Но вдругъ на тротуарѣ послышался шагъ, хорошо знакомые Эммѣ. Она бросилась къ запертымъ дверямъ, отворила ихъ и упала въ объятія Сусанны Моле.

Кормилица была блѣдна, а между тѣмъ ночь градомъ катилась по ея лицу. По всему было видно, что она утомилась отъ скорой ходьбы, которую, по своей тупости, дозволяла себѣ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Сусанна поцѣловала Эмму одинъ только разъ, но этотъ поцѣлуй, какъ сонетъ поэта, былъ цѣлой поэмой нѣжности и преданной любви.

Сусанна Моле однимъ взглядомъ окинула всю сцену, происходившую въ магазинѣ, и всѣхъ ея актеровъ.

— Положите все опять на мѣсто, сказала она повелительнымъ голосомъ, обращаясь къ чиновникамъ, производившимъ опись.

Они насмѣшливо переглянулись между собой.

— Скорѣй, продолжала Сусанна, какъ можно поскорѣй... топнитесь же!... Если у меня въ карманѣ есть чѣмъ заткнуть вашу глотку, то и въ рукахъ у меня есть чѣмъ пройтись по вашей спинѣ.

И говоря это, Сусанна сопровождала слова свои соответствующими движеніями рукъ: одной изъ нихъ она бросила на прилавокъ магазина мѣшокъ съ деньгами который до той минуты скрывала подъ шалью, а другою рукою, схвативъ аршинъ, грозно взмахнула имъ.

Но мѣшокъ съ деньгами произвелъ на чиновниковъ свое дѣйствіе; экзекуторъ, смѣривъ взглядомъ денежный мѣшокъ спросилъ Сусанну:

— Чьи это деньги, сударыня?

— Что вамъ за дѣло! Не думаете-ли вы, что онѣ украдены! Безчестный человѣкъ! — вскричала запальчивая Сусанна. Деньги эти принадлежатъ моей госпожѣ; понимаеть-ли ты, продажный рабъ?

— И такъ вы ручаетесь, что эти деньги принадлежатъ вашей госпожѣ?

— Конечно.

— Но, скажите-же мнѣ, по крайней мѣрѣ, откуда ты достала такую сумму? неотступно спрашивала Эмма, все еще прижимаясь къ груди своей доброй кормилицы.

— Молчите, сказала тихо Сусанна;—я скопила эти деньги на службѣ у васъ и вынула ихъ теперь изъ банка.... Ну поняли вы, что онѣ ваши?

— И такъ, сказалъ экзекуторъ, я беру этотъ мѣшокъ какъ найденный въ числѣ имущества. Если въ мѣшкѣ нѣтъ ни золота, ни банковыхъ билетовъ; то въ немъ не можетъ быть болѣе трехъ тысячъ франковъ.

— Ну, такъ что-же?

— А то, что хотя вашъ долгъ не превышаетъ двухъ тысячъ восьми сотъ франковъ; но за то съ проторями и убытками взысканіе простирается до трехъ тысячъ двухъ сотъ сорока семи франковъ. И потому чтобы покрыть этотъ недочетъ, мы все таки опишемъ имущество, — отвѣчалъ экзекуторъ, оставаясь вѣрнымъ исполнителемъ приказанія, полученнаго имъ за нѣсколько минутъ отъ Маргариты Желш.

Сусанна Моле пришла въ ужаснѣйшую ярость, такъ что если-бъ ее не удержала маркиза; то аршинъ непремѣнно вытянулъ-бы по спинѣ экзекутора, въ ту самую минуту, когда онъ произ-

носпль слова разрушавшій послѣднюю надежду обѣихъ женщинъ.

— Боже мой! вскричала Эмма: — возможно-ли, чтобы твое самоотверженіе Сусанна было напрасно.

— Въ мірѣ нѣтъ ничего напраснаго, не исключая даже такого стараго негодая, какъ я, послышался голосъ позади Эммы: и лучшимъ доказательствомъ этому, маркиза, служить-то, что небо во-второй разъ посылаетъ мнѣ счастье быть чѣмъ-нибудь вамъ полезнымъ.

— Швалье де-Монгла! вскричала Эмма, оборачиваясь къ дверямъ, на порогѣ которыхъ, въ-самомъ-дѣлѣ, стоялъ швалье де-Монгла, привѣтствуя хозяйку магазина самыхъ изысканнымъ и почтительнымъ поклономъ, напоминавшимъ всю утонченность версальскихъ кавалеровъ былого времени.

Позади швалье де-Монгла стоялъ Лудовикъ де-Фонтанъ и, съ разстроеннымъ лицомъ и тупымъ взглядомъ, слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ маленькомъ магазинѣ.

— Лудовикъ! снова вскричала Эмма, стараясь улыбнуться ему сквозь слезы.

— Тсъ! позвольте мнѣ, маркиза, отправить прежде этихъ па-лачей, проговорилъ старый швалье.

Потомъ обратясь къ экзекутору, онъ продолжалъ:

— И такъ вы говорите, что вамъ должны...

— Три тысячи двѣсти сорокъ семь франковъ, швалье, поспѣшно отвѣчалъ экзекуторъ: — Вотъ и документы.

Однимъ взмахомъ руки своей швалье де-Монгла отбросилъ подалныя ему бумаги къ самому потолку, и, вынувъ изъ кармана пачку банковыхъ билетовъ въ тысячу франковъ каждый, отдѣлилъ половину и подалъ ихъ экзекутору.

— Возьмите сколько вамъ нужно, а мѣшокъ съ деньгами возвратите этой женщинѣ, сказалъ швалье указывая на Сусанну.

— Но... возразила было добрая кормилица, желавшая, и съ своей стороны оказать услугу госпожѣ.

Швалье де-Монгла заставилъ ее замолчать, сдѣлавъ повелительный знакъ глазами, который, впрочемъ, былъ смягченъ легкимъ отгѣнкомъ благосклонности, какъ будто великодушный поступокъ Сусанны сократилъ разстояніе, раздѣлявшее благороднаго джентельмена отъ старой кормилицы. Потомъ швалье поцѣловалъ руку маркизы д'Эскоманъ такъ-же ловко и почтительно, какъ будто онъ находился въ ея шато-дѣнскомъ замкѣ.

Въ это время экзекуторъ возвратилъ мѣшокъ съ деньгами Сусаннѣ и, отсчитавъ билеты, которые слѣдовало возвратить швалье де-Монгла, сказалъ:

— Вы дали мнѣ четыре тысячи франковъ лишнихъ; неудобно-ли получить ихъ обратно.

— Отдайте ихъ вашимъ писцамъ, отвѣчалъ де-Монгла, не оборачиваясь къ нему.

— Милостивый государь, гордо отвѣчалъ экзекуторъ, мои писцы получаютъ жалованье и не нуждаются ни въ чьей милости.

— Вотъ какъ! А въ прежнія времена они постоянно брали взятки, хотя, правда ихъ за то часто поколачивали. Революція все это измѣнила. Но я нахожу, что съ этой переменной мы больше потеряли, чѣмъ выиграли. Взятчики, дѣйствительно, исчезли, какъ насѣкомые отъ мухомора, а шпионы развелись, какъ черви отъ гнѣющаго трупа.

Пока швалье де-Монгла потѣшался такимъ образомъ надъ полицейскими, которые одинъ-за-однимъ ускользали въ дверь магазина. Лудовикъ де-Фонтанье и Эмма окружили стараго друга и съ признательностью пожимали ему руки.

— Швалье, сказалъ Лудовикъ, чѣмъ благодарить васъ за оказанную намъ услугу?

— А развѣ вы не помогли мнѣ въ обстоятельствахъ, гораздо болѣе щекотливыхъ. Вы мнѣ дали пятьдесятъ луидоровъ, когда вы ихъ имѣли; я даю вамъ двѣсти, потому-что они у меня есть. Съ какихъ это поръ услуги между честными людьми стали измѣряться по арифметической таблицѣ?

— Но какимъ образомъ вы явились такъ кстати, швалье? спросила маркиза д'Эскоманъ.

Она никакъ не могла объяснить себѣ ни причины его посредничества, ни источниковъ неожиданнаго богатства, такъ внезапно заступившаго мѣсто всѣмъ извѣстной бѣдности стараго швалье.

— Значить Лудовикъ зналъ, что вы въ Парижѣ?

— Маркиза, даже романисты не въ состояніи придумать такихъ нечаянныхъ встрѣчъ, какія посылаетъ иногда случай. Я шелъ съ визитомъ.... къ общему нашему другу. Въ это время у нашего друга давался утренній балъ и лакеи его, подъ предлогомъ, что я не имѣю пригласительнаго билета, не хотѣли впустить меня, швалье де-Монгла! Чертъ возми! никогда я не воображалъ, что мнѣ необходимъ былъ пригласительный билетъ, чтобъ имѣть свободный доступъ.... и къ кому-же?....

Лудовикъ де-Фонтанье бросилъ умоляющій взоръ на своего стараго друга.

— И пока я возился съ этими негодяями, вдругъ вышелъ Лудовикъ, и поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Разговаривая съ нимъ, я замѣтилъ изъ его лица, что онъ сильно озабоченъ, — это меня обезпокоило. Вамъ очень хорошо извѣстно маркиза, что другъ нашъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые умѣютъ скрывать свои чувства. — Эмма вздохнула. — Я стала допытываться причины его заботъ, какъ гончая собака пытается найти логовище оленя. Сердце мое давно уже не перспытывало приятныхъ ощущений, и я чувствовалъ необходимость чѣмъ-нибудь освѣжить его. Я отказался отъ бала и брани съ лакейской челядью и рѣшился проводить де-Фонтанье. Онъ никакъ не хотѣлъ довѣрить мнѣ своей тайны; но я былъ увѣренъ, что самъ открою ее и сверхъ того буду имѣть удовольствіе увидѣть васъ, маркиза.

— Но знаете-ли, швалье, сказала Эмма съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что мы долго не будемъ въ состояніи возратить вамъ нашъ долгъ.

— Тѣмъ лучше, деньги у васъ будутъ цѣлѣе. Но, впрочемъ, не безпокойтесь и въ такомъ случаѣ о послѣдствіяхъ этого займа: — я скоро буду богатъ.

— Значить, вы получили наслѣдство? спросилъ Лудовикъ съ любопытствомъ.

— Я! — напротивъ. Эти четыре тысячи, которыя я отдалъ вамъ, составляютъ половину денегъ, оставшихся мнѣ отъ моего послѣдняго дяди.

— Такъ зачѣмъ-же вы отдали ихъ? воскликнула Эмма, сожалѣя, что позволила себѣ принять ихъ.

— Я сейчасъ-же утѣшу васъ, маркиза, если только вы желаете выслушать мою тайну. Я пріѣхалъ въ Парижъ съ намѣреніемъ жениться, сказалъ старшій швалье съ самой дѣтской наивностью, расправляя по обыкновенію складки своего галстука, — привычка, которую онъ сохранилъ со временъ еще директоріи.

— Жениться! вскричалъ Лудовикъ, чуть не всплеснувъ руками.

— Какъ вы не деликатны, мой милый. Конечно, жениться. Надо-же когда-нибудь сдѣлаться осѣдлымъ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я собираюсь съ году на годъ распоститься съ моей холостой жизнью. Теперь я не могу дагѣе откладывать и, какъ видите, совершенно готовъ на этотъ подвигъ.

И швалье де-Монгла глубоко вздохнулъ при послѣднихъ словахъ.

— На комъ-же вы женитесь, швалье? спросилъ де-Фонтанье.

— Чортъ возьми! Не торопитесь, любезный другъ, подождите, какъ и я жду. Я дамъ вамъ тотчасъ-же знать, какъ только узнаю имя госпожи де-Монгла. Съ завтрашняго дня я намѣренъ припяться за поиски, и такъ какъ я открылъ въ моемъ архивѣ заплысѣвшую грамоту на графскій титулъ, то и намѣренъ употребить его въ пользу. Въ настоящее время мѣщанскіе выходцы, окружающіе короля, такъ гоняются за громкими ярыками, что я вполне надѣюсь, что въ самое короткое время представлю маркизѣ, если только она позволитъ, графиню де-Монгла.

Старый швалье говорилъ такъ серьезно, что не было никакого повода сомнѣваться въ искренности его намѣренія.

Проницательный старикъ скоро подмѣтилъ и грустный видъ Эммы и какое-то смущеніе Лудовика де-Фонтанье. Онъ понялъ, что Лудовикъ не сдержалъ своихъ клятвъ, и стѣсняется присутствіемъ друга, бывшаго некогда свидѣтелемъ изліяній его безумной страсти къ маркизѣ д'Эскоманъ.

Недовольные взгляды, по-временамъ бросаемые Сусанною на Лудовика де-Фонтанье, окончательно утвердили швалье де-Монгла въ его предположеніи насчетъ отношеній молодыхъ людей. Но, съ тактомъ и деликатностью свѣтскаго человѣка, онъ воздержался отъ мажорнаго намека и вызова на откровенность. Его сообщительная веселость старалась бороться съ грустнымъ положеніемъ его друзей.

Швалье хотѣлъ непременно отпраздновать свою встрѣчу съ нимъ хорошимъ обѣдомъ, и предложилъ его Лудовику и Эммѣ. Просьба старика была такъ добродушна, что маркиза не умѣла отказать ему, и охотно приняла его предложеніе.

Послѣ обѣда, они отправились по приглашенію швалье прямо изъ гостиницы въ оперу, чтобъ вмѣстѣ провести вечеръ.

Во время антракта, швалье де-Монгла, жалуясь на сильную головную боль, пригласилъ Лудовика выйти съ нимъ изъ ложи. Оставивъ маркизу д'Эскоманъ одну, они приказали не впускать никого въ ихъ ложу.

Швалье де-Монгла повелъ Лудовика на бульваръ.

— Любезный другъ, грубо сказалъ де-Монгла, напрасно я старался удержать васъ отъ многихъ глупостей; но можетъ быть я буду теперь счастливѣе и помѣшаю вамъ поступить подло.

Лудовикъ хотѣлъ выдернуть свою руку изъ руки стараго друга, но тотъ удержалъ ее съ такой энергіей и силой какой нельзя было ожидать отъ старика.

— Извините, продолжалъ де-Монгла, дайте мнѣ докончить— у меня ужъ такая страсть, чтобъ вмѣшиваться именно тамъ, гдѣ меня вовсе не спрашиваютъ. Такъ какъ я не-прочь, еслибы вы захотѣли попробовать этой иппаги, то я рѣшился говорить, вамъ все и ничѣмъ не стѣсняясь. Вы не любите болѣе маркизы и, что еще хуже, поддались самой безразсудной страсти, къ этой низкой твари, которая сидитъ напротивъ васъ въ оперѣ.

— Швалье, не Эмма ли вамъ передала эти нелѣпыя сказки?

— А! возразилъ старикъ, съ видомъ непритворнаго презрѣнія. — Я слишкомъ уважаю маркизу, чтобъ предположить возможность слышать изъ устъ ея имя такой женщины. Хотя мнѣ шестьдесятъ пять лѣтъ, но глаза мои еще довольно хорошо видятъ, мой милый другъ, чтобъ подмѣтить нелѣпость вашихъ отношеній и вашу холодность къ маркизѣ. Я сейчасъ же увидаю въ оперѣ Маргариту, — она сидитъ выше насъ однимъ ярусомъ, — и стать наблюдать за вами. И какъ вы не старались сдержать свое волненіе, то я хорошо замѣтилъ выраженіе вашихъ томныхъ глазъ. А блѣдность Маргариты, судорожное искаженіе ея губъ и движеніе, съ которымъ она обрѣвала свой букетъ, взгляды, полныя ненависти, бросаемыя ею на маркизу— все это тоже не ускользнуло отъ моего вниманія. И наконецъ, зачѣмъ вы были сегодня у Маргариты, въ то время, когда бѣдная маркиза находилась въ такомъ ужасномъ положеніи?... А, любезный другъ, не вызывайте меня еще на большіе упреки, а то я испорчу вашъ сонъ на цѣлую недѣлю.

— Ну, еслибъ даже и такъ, еслибъ я дѣйствительно поддался мимолетному капризу въ отношеніи Маргариты, то вамъ ли, швалье, упрекать меня въ этомъ поступкѣ, — человѣку, постоянно хвалившемуся своими любовными похождениями.

— Не клеветайте, мой другъ! Положимъ, что я закоснѣлый негодяй, разбойникъ; но клянусь вамъ честью, я никогда и никого не обманывалъ. Лицо мое всегда было вѣрнымъ отраженіемъ и моихъ добродѣтелей, и моихъ пороковъ. Женщины, которымъ оно нравилось, пользовались имъ; если впоследствии онѣ раскаявались, то должны были пенять на себя, а уже никакъ не на меня. Я всегда обѣщалъ имъ гусарскую любовь, и если потомъ онѣ требовали чувства и иллюзіи, — онѣ сами остава-

лись виноваты. А вы развѣ такую роль разыграли передъ маркизой?

— Но виновать ли я, что разлюбилъ ее?

— Не мнѣ вамъ ставить это въ преступленіе. Еще въ то время, когда вы разсыпались передъ ней въ страшныхъ клятвахъ, пускавъ ихъ на воздухъ, какъ мыльные пузыри, я уже предвидѣлъ исходъ вашей любви. Но во всякомъ случаѣ, я думаю, что, поступая такъ, какъ обыкновенный смертный, вы не забудете, чѣмъ пожертвовала вамъ эта благородная женщина и хоть сколько нибудь оцѣните довѣренность, съ которой она такъ безгранично отдалась вамъ; что вы не допустите ее сказать впоследствии: «онъ ведетъ себя какъ.....»

— А чтожъ мнѣ было дѣлать? прервалъ Лудовикъ.

— Быть откровеннымъ. Разказать ей все, что произошло въ вашемъ сердцѣ. Положимъ, что это убило-бы ее сразу, если уже ей суждено умереть; но съ вашей стороны все же это было-бы честнѣе, чѣмъ играть роль ничтожнаго тартюфа.

— Эмма ничего не подозрѣваетъ.

— Вы думаете? Ну, такъ знайте же, что ей все извѣстно, — въ этомъ я могу увѣрить васъ честнымъ словомъ! А вы, вы одни только не видите, что происходитъ въ глубинѣ ея сердца. Слушайте, прибавилъ швалье, смягчая голосъ: — вотъ вамъ послѣдній мой совѣтъ. Вы не любите маркизу д'Эскманъ, — это ея несчастіе, а еще болѣе ваше; — но за отсутствіемъ любви, старайтесь же, по-крайней-мѣрѣ, не забыть вашихъ обязанностей; вы, конечно, помните, что она отдала вамъ все, и замокъ, и честь, и состояніе и даже положеніе свое въ обществѣ. Она не могла ничего больше сдѣлать для васъ, какъ умереть у вашихъ ногъ, въ ту минуту, какъ вы обнимаете Маргариту. Ваша собственная польза, такъ же какъ и чувство состраданія къ ея несчастію, заставляють меня такъ говорить съ вами. Одно только сознаніе долга, можетъ еще спасти васъ на вашей скользкой дорогѣ. Будьте же человѣкомъ; обдумайте хорошенько свое положеніе и постарайтесь честно выйти изъ него. Вспоминайте почаще, мой другъ, что вы бѣдны и что у васъ два кредитора: — маркиза д'Эскманъ, пожертвовавшая вамъ своимъ именемъ и жизнью, и бѣдная кормилица, которая недавно какъ сегодня принесла вамъ послѣднюю свою копѣйку; вамъ слѣдуетъ расплатиться съ ними. Посвятите себя труду и берегитесь сдѣлаться вторымъ швалье де-Монгла, тѣмъ болѣе, что въ васъ нѣтъ ни моей пылкости, ни моей смѣлости, ни той ве-

селости, которыми хотя сколько нибудь да выкупались мои роступки. Въ заключеніе, мой другъ, я совѣтую вамъ примириться съ вашей собственной совѣстью и обойти ту вѣрную гибель, которую такъ искусно готовятъ вамъ черныя руки шатоденской гризетки. Вспомните меня, когда будете рвать на себѣ волосы отъ досады и разочарованія.

Молодой человѣкъ склонилъ голову и не отвѣчалъ ни слова.

Друзья прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ въ глубокомъ молчаніи; но потомъ швалье де-Монгла вдругъ остановился и проговорилъ.

— Головная боль моя рѣшительно невыносима и я никакъ не могу вернуться въ оперу. Потрудитесь засвидѣтельствовать мое почтеніе прелестнѣйшей маркизѣ и передать ей мое искреннее сожалѣніе, что я долженъ отказаться отъ чести прсводить ее домой. На случай, если я буду нуженъ маркизѣ или вамъ, — то я живу въ гостинницѣ Риволи. И такъ до-свиданья, любезный другъ.

И швалье де-Монгла, не пожавъ даже руки молодаго человѣка, быстро исчезъ въ толпѣ. Лудовикъ возвратился къ Эммѣ въ ложу, удивляясь внезапной строгости правилъ своего стараго друга.

КОНЕЦЪ 4-Й ЧАСТИ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГРЕЦІИ, ГРОТА.

(Продолженіе.)

II.

ПЕРЕХОДЪ ПЕРВОВЫТНЫХЪ МОНАРХІИ ГЕРОИЧЕСКАГО ПЕРІОДА ВЪ ОЛИГАРХІИ.

Въ предыдущимъ томѣ мы старались разъяснить понятіе объ образѣ правленія Грековъ въ героическія времена, на сколько оно выражается въ твореніяхъ эпическихъ поэтовъ. Этотъ образъ правленія былъ основанъ (выражаясь языкомъ новѣйшихъ временъ) на началѣ божественнаго права, въ противоположность началу народнаго самоуправленія*). Вся политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ царя, но проявленіе ея, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ, совершалась всенародно; онъ совѣтовался и даже входилъ въ пренія съ сонмомъ предводителей или старшинъ, — а послѣ такого совѣщанія созывалъ народное собраніе, которое выслушивало его предположенія и одобряло ихъ или выслушивало и роптало, не считая однакоже себя въ правѣ рѣшить что либо или отвергнуть предлагаемое. Очерчивая характеръ Ликурговой системы, мы замѣтили, что первоначальныя Рѣтры или договорныя грамоты указывали на существованіе почти тѣхъ же элементовъ. Въ нихъ являются: царь божественнаго происхожденія (въ этомъ особомъ случаѣ два царя, совокупно царствующіе), сенатъ изъ старцевъ, числомъ двадцати

*) См. разительное мѣсто у Плутарха Граасер. Reipubl. Ger. гл. 5 стр. 8 10.

восьми, кромѣ засѣдающаго въ немъ царя, и экклезія или общее собраніе гражданъ, собираемое съ тѣмъ, чтобы утверждать или отвергать предлагаемыя ему мѣры, при весьма ограниченной свободѣ преній или даже вовсе безъ этой свободы. Элементы правительства героическихъ временъ, сдѣдовательно тѣже самые какъ и существующіе въ первобытной конституціи Ликурга: въ обоихъ образахъ правленія преобладающая власть принадлежитъ царямъ, а кругъ дѣятельности сената и еще болѣе — народнаго собранія, являются сравнительно весьма тѣсными и ограниченными; царская власть поддерживается нѣкоторымъ религіознымъ чувствомъ, которое исключаетъ собою всякое соперничество другихъ лицъ съ представителями династій, и до извѣстной степени обезпечиваетъ повиновеніе народа, даже и въ случаѣ предосудительныхъ поступковъ или неспособности царствующаго лица. У главныхъ племенъ Эпира, такой образъ правленія существовалъ до третьяго вѣка пер. Р. Хр., *) хотя нѣкоторыя изъ нихъ пошли дальше и избирали ежегодно предводителя изъ числа членовъ царскаго рода.

За исключеніемъ этихъ чертъ, общихъ между образомъ правленія героическихъ временъ и первоначальною системою Ликурга, мы видимъ, что вообще, въ греческихъ городахъ, царская власть замѣнилась олигархіею, состоящею изъ опредѣленнаго числа фамилій; въ Спартѣ же власть царей, хотя и была значительно ограничена, но никогда не подвергалась совершенному уничтоженію. Такое различіе въ ходѣ политическихъ дѣлъ мы можемъ отчасти себѣ объяснить. Случилось такъ, что, въ продолженіи пяти вѣковъ, ни то, ни другое изъ двухъ параллельныхъ поколѣній спартанскихъ царей, не оставалось безъ представителей мужескаго пола, такъ что понятіе о божественномъ правѣ, на которомъ основано было ихъ преобладаніе, сохранялось ненарушимымъ и продолжало дѣйствовать непрерывно. Это понятіе никогда не вымерло при консервативнѣмъ складѣ ума Спартанцевъ, но ослабѣло на столько, что потребовались огражденія противъ злоупотребленій власти. Еслибы сенатъ былъ болѣе многочисленнымъ сословіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ привилегированныхъ родовъ, и заключающимъ въ себѣ людей свѣхъ возрастовъ, онъ можетъ быть расширилъ-бы свое значеніе на столько, чтобы оно поглотило власть царя; но со-

*) Плутархъ, Пирръ гл. 5; Аристот. Полит. V, 9, 1.

вѣтъ, состоящій изъ двадцати восьми человѣкъ, самыхъ преклонныхъ лѣтъ и избранныхъ безразлично изъ всѣхъ родовъ, по самому существу своему долженъ былъ оставаться учрежденіемъ подчиненнымъ и второстепеннымъ. Сенатъ былъ недостаточно силенъ даже для ограниченія царской власти, тѣмъ менѣе могъ бы онъ вступить съ нею въ соперничество; онъ даже косвенно служилъ ей поддержкою, такъ какъ существованіе его не позволяло образоваться другому привилегированному сословію, которое могло бы быть довольно сильно, чтобы взять верхъ надъ нею. Эта недостаточность сената была одною изъ причинъ, вызвавшихъ установленіе ежегодно возобновляемаго совѣта изъ пяти членовъ, названныхъ эфорами, который сначала имѣлъ значеніе охранительное, подобно римскимъ трибунамъ, и долженъ былъ служить народу защитою противъ злоупотребленій власти со стороны царей, но въ послѣдствіи развилась въ преобладающую и безотвѣтственную исполнительную директорію. Пользуясь непрерывными столкновениями между двумя соправительствующими царями, эфоры расширяли свою власть на счетъ того и другаго, старались ограничивать дѣятельность царей нѣкоторыми опредѣленными функціями и даже достигли того, что цари стали отвѣтственными и могли быть подвергнуты наказанію; но уничтожить вовсе царское достоинство эфоры никогда не стремились. Что власть царей потеряла въ общирности, то, по весьма вѣрному изреченію царя Теопомпа *), она выиграла въ прочности: потомки близнецовъ Еврисаена и Прокла удержали въ своихъ рукахъ двойной скипетръ отъ самаго начала историческихъ временъ до переворотовъ, произведенныхъ Агисомъ III и Клеоменомъ III; оставаясь начальниками военныхъ силъ, въ тоже время они болѣе и болѣе богатѣли и продолжали пользоваться въ государствѣ какъ всеобщимъ уваженіемъ такъ и дѣйствительнымъ могуществомъ, хотя совѣтъ эфоровъ и имѣли надъ ними перевѣсъ. Эфоры въ свое время сдѣлались такими же деспотами въ дѣлахъ внутренняго управленія, какими могли быть ранѣе ихъ цари: граждане, глубоко проникнутые понятіями о правѣ повелѣвать и обяности повиноваться, по самому складу своего ума, оставались довольно холодными къ мысли о контролированіи дѣйствій правительства и о политической отвѣтственности, и даже были нера-

*) Арист. полит. V. 9. 1.

сположены къ общественному обсужденію качествъ и распоряженій его представителей, необходимому для осуществленія этой мысли. Не должно забывать, что спартанская политическая конституція была упрощена въ своемъ характерѣ и усилена къ исполненію всѣхъ своихъ функцій самою общностью введенной Ликургомъ дисциплины, которая, будучи одинаково чувствительна и богатымъ и бѣднымъ, устраняла тѣмъ многія изъ причинъ, производившихъ въ другихъ городахъ междоусобія. Она приучала самыхъ гордыхъ и наиболѣе расположенныхъ къ непокорности между гражданами во всѣхъ обстоятельствахъ жизни подчиняться закону, удовлетворяла существовавшей въ Спартанцахъ потребности системы и порядка, и установила такое тождество личныхъ привычекъ и образа жизни, какого не было и въ демократическихъ Аѣинахъ; но въ тоже время она была одною изъ причинъ, развившихъ въ народѣ презрѣніе къ ораторству и нерасположеніе ко всякой правильной и сколько нибудь продолжительной рѣчи, которыя уже сами по себѣ были достаточны для исключенія всякого постоянного участія всего гражданского общества какъ въ политическихъ, такъ и въ судебныхъ дѣлахъ.

Таковы были обстоятельства въ Спартѣ, но въ остальной Греціи первобытный образъ правленія героическихъ временъ измѣнился совершенно другимъ образомъ. Тамъ несравненно рѣзче выразился тотъ фактъ, что народъ переросъ чувство уваженія къ праву, на которомъ основывалась первоначально власть предводителей. Добровольное повиновеніе прекратилось со стороны народа, а еще болѣе со стороны подчиненныхъ царю вождей, и съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась монархія героическихъ временъ.

Главной причины этого прекращенія царской власти, сдѣлавшагося такимъ общимъ фактомъ въ политической жизни Грековъ, слѣдуетъ безъ сомнѣнія искать въ малочисленности членовъ и ограниченности территоріи каждаго отдѣльнаго греческаго общества. Существованіе одного владыки, безсмѣннаго и безответственнаго, нигдѣ не было необходимо для сохраненія общественной связи. Въ Средніе вѣка большая часть политическихъ обществъ, образовавшихся при распаденіи Римской имперіи, обнимали каждое довольно значительную массу населенія и болѣе или менѣе обширное пространство земли; монархическая форма правленія представлялась единственнымъ извѣстнымъ способомъ сохранить связь между частями цѣлаго, единственнымъ видимымъ и вполне достойнымъ выраженіемъ этой связи. И воинственный характеръ германскихъ пришельцевъ и преданія Рим-

ской имперіи, которую они разрушили — все вело къ установленію монархической власти, уничтоженіе которой казалось бы тождественнымъ и дѣйствительно было бы тождественно съ совершеннымъ распаденіемъ націи; такъ какъ сохраненіе національной связи посредствомъ общенародныхъ собраній было столь тягостно, что сами короли, даже употребляя власть, тщетно старались достигнуть его; — представительный же образъ правленія былъ еще совершенно неизвѣстенъ.

Исторія Среднихъ Вѣковъ, хотя представляетъ почти непрерывно примѣры сопротивленія монархамъ со стороны могущественныхъ подданныхъ, сверженія королей а иногда и перемѣны династій, но не заключаетъ въ себѣ почти ни одного примѣра попытки сохранить значительное политическое цѣлое въ единствѣ, безъ посредства короля наслѣдственного или избирательнаго. Даже въ концѣ прошедшаго вѣка, въ то время, когда образовывалась федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ, многіе мыслители *) считали невозможнымъ примѣнить какую-либо другую систему, кромѣ монархической, къ государству, имѣющему значительное пространство и населеніе, съ тѣмъ, чтобы единство цѣлаго совмѣщалось съ равенствомъ преимуществъ и огражденіемъ интересовъ каждой изъ частей: и дѣйствительно такое примѣненіе могло бы быть невозможнымъ для народа грубаго и необразованнаго, при сильномъ развитіи мѣстныхъ особенностей, затруднительности средствъ сообщенія, и отсутствіи привычки къ представительному образу правленія. По этому во всѣхъ значительныхъ народахъ Европы, въ Средніе и новѣйшіе вѣка, преобладало, съ немногими исключеніями, расположеніе къ монархіи; но вездѣ, гдѣ какой-нибудь отдѣльный городъ, или небольшая область или даже группа деревень приобрѣтала независимость — было-ли то въ равнинахъ Ломбардіи или въ горахъ Швейцаріи — гдѣ только маленькая частица отдѣлялась отъ цѣлаго — тотчасъ проявлялось противное стремленіе, и народъ оказывалъ расположеніе къ какому-либо виду республи-

*) См. разсужденіе объ этомъ предметѣ въ весьма замѣчательномъ собраніи писемъ, подъ общимъ заглавіемъ «the Federalist», написанныхъ въ 1787 г. — въ то самое время, когда обсуждалась федеральная конституція Соединенныхъ Штатовъ — письма 9, 10 и 14 — г. Мадисона.

Il est de la nature d'une république, говорить Монтестье (Esprit des lois VIII, 16) de n'avoir qu'un petit territoire: sans cela elle ne peut guère subsister.

канскаго правленія *). Хотя дѣйствительно въ такихъ республикахъ, также какъ и въ Греціи, неоднократно являлись деспоты, но это всегда совершалось не иначе какъ посредствомъ соединенія хитрости съ насиліемъ. Въ феодальной системѣ, которая выработалась изъ хаотическаго состоянія Европы между одинацатымъ и тринадцатымъ вѣками, всегда предполагался одинъ постоянный сюзерень, обладающій обширными правами частью личнаго, частью имущественнаго характера, надъ своими вассалами, хотя и несущій также относительно ихъ извѣстныя обязанности: непосредственные вассалы короля имѣли другихъ, собственныхъ своихъ вассаловъ, къ которымъ они стояли въ такихъ же отношеніяхъ: но въ этой іерархіи могущества, правъ собственности и территоріальной власти, право главнаго владѣльца, былъ-ли онъ король, герцогъ или баронъ, всегда представлялось явленіемъ совершенно самостоятельнымъ, неоснованнымъ на согласіи и не подлежащимъ уничтоженію по волѣ тѣхъ, на которыхъ оно простиралось **). Въ такомъ возрѣніи на существо политической власти сходились всѣ три главные основныя начала, изъ которыхъ сложилось европейское общество новѣйшихъ временъ — германское, римское и христіанское, — хотя изъ

*) Давидъ Юмъ, въ очеркѣ XII (т. I стр. 159 изд. 1760 г.), замѣтивъ, что «всѣ виды правительствъ и либеральныхъ и деспотическихъ, въ новѣйшія времена, значительно измѣнились къ лучшему, какъ въ управленіи внутренними дѣлами, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ государствъ между собою» — продолжаетъ: —

«Хотя всѣ образы правленія улучшились въ новѣйшія времена, но монархическое правленіе, кажется, — наиболѣе приблизилось къ совершенству. Теперь можно сказать о процвѣтшихъ монархіяхъ то, что прежде говорилось въ похвалу однѣмъ только республикамъ, — онѣ управляются не людьми, а законами. Въ нихъ проявляется порядокъ, систематичность дѣйствій и постоянство стремленій въ изумительной степени. Въ нихъ собственность обезпечена, промышленность поощряется, искусства процвѣтають и государя живутъ безопасно среди своихъ подданныхъ, какъ отцы между дѣтьми.»

«Теперь существуетъ, и существовало постоянно, въ продолженіи двухъ вѣковъ, въ Европѣ до двухсотъ владѣтелей большихъ и малыхъ съ неограниченною властью; полагая двадцать лѣтъ на каждое царствованіе, можно считать, что всего было, до двухъ тысячъ монарховъ, однакоже изъ нихъ не было даже со включеніемъ Филиппа Испанскаго, ни одного такого какъ Тиберій, Калигула, Неронъ и Дамиціанъ — четверо изъ двѣнадцати римскихъ императоровъ. Наше воспитаніе и наши обычаи внушаютъ больше человѣколюбія, чѣмъ было у древнихъ.»

**) См. Лекціи Гизо: Cours d'Histoire Moderne. Дек. 30 т. III стр. 187 изд. 1829 г.

каждаго начала это положеніе выводилось особымъ путемъ и съ извѣстными видоизмѣненіями; результатомъ же такого воззрѣнія было то, что подданные предпринимали множество попытокъ къ ограниченію власти своего владыки, но имъ никогда не приходило въ мысль замѣнить его избраннымъ представителемъ исполнительной власти. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ феодальныхъ монархій образовались по немногу города съ сосредоточеннымъ населеніемъ, представляющимъ собою замѣчательное соединеніе республиканскихъ идей, требующихъ общественнаго и отвѣтственнаго управленія мѣстными дѣлами, съ убѣжденіемъ въ необходимости связи съ великимъ монархическимъ цѣлымъ и подчиненія ему; отъ этого произошла еще новая сила, стремившаяся сохранить форму королевской власти и видоизмѣнить раз-
вигіе ея *) согласно съ своими требованіями. Дѣйстви- тельно найдена была возможность достигнуть этой послѣдней цѣли: соединить существованіе монархической власти съ постоянствомъ началъ управленія, равенствомъ гражданъ передъ закономъ, безпристра-

*) Г. Огюстенъ Тьерри въ своихъ «письмахъ объ исторіи Франціи» замѣчаетъ (письмо XVI стр. 235):

Sans aucun souvenir de l'histoire Grecque ou Romaine, les bourgeois des onzième et douzième siècles, soit que leur ville fut sous la seigneurie d'un roi, d'un duc, d'un évêque ou d'une abbaye, allaient tout droit à la république: mais la réaction du pouvoir établi les rejetoit souvent en arrière. Du balancement de ces deux forces opposées résultait pour la ville une sorte de gouvernement mixte. et c'est ce qui arriva en général dans le nord de la France, comme le prouvent les chartes de commune.

Даже въ итальянскихъ городахъ, которыя на дѣлѣ достигли самоуправленія, и произвели деспотовъ, столь-же многочисленныхъ и столь-же беззастенчивыхъ, какъ греческія республики, по замѣчанію Галлама, «верховная власть императоровъ, хотя не слишкомъ дѣйствительная на практикѣ, всегда признавалась въ теоріи: имя ихъ употреблялось во всѣхъ общественныхъ актахъ и изображалось на монетѣ. — View of the Middle Ages ч. 1, гл. 8 стр. 346 изд. шестое.

См. также Ренуара Histoire du Droit Municipal en France кн III. гл. 12, т. II. стр. 156. «Cette séparation essentielle et fondamentale entre les actes et les agents du gouvernement et ceux de l'administration locale pour les affaires locales, — cette démarcation politique, dans l'empire Romain avait donné l'exemple, et qui conciliait le gouvernement monarchique avec une administration populaire — continua plus ou moins expressément sous les trois dynasties».

Ренуаръ владеть въ крайность, предполагая постоянное сохраненіе въ городахъ Франціи муниципальных учрежденій, заимствованныхъ римскою имперією до третьей династіи, но въ этотъ вопросъ мы теперь не имѣемъ нужды вдаваться.

стіемъ въ исполненіи его и безопасностью лицъ и имуществъ; такимъ образомъ осуществлено то, что мудрѣйшій изъ древнихъ Грековъ назвалъ бы невозможнымъ *)).

Такое улучшение въ практическомъ примѣненіи монархическаго образа правленія сравнительно съ монархіями, существовавшими въ древности въ Сиріи, Египтѣ, Іудеѣ, въ греческихъ городахъ и въ Римѣ, — соединенное съ непрерывно увеличивающеюся силою всякой вкоренившейся рутины, и съ прочностью достигающею всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и понятіямъ, которымъ однажды удалось утвердиться на значительномъ пространствѣ земли и въ многочисленной массѣ народа — все это вмѣстѣ поддержало, хотя и не безъ сильныхъ колебаній, преобладаніе монархическихъ понятій въ умахъ Европейцевъ, среди совершившагося въ послѣдніе два вѣка развитія политическихъ знаній и при расширившейся политической опытности народовъ.

Весьма важно для насъ показать, что монархическія понятія, преобладающія въ Европѣ въ Средніе вѣка и въ новѣйшее время, произошли и сохранились вслѣдствіе особыхъ, свойственныхъ этимъ временамъ причинъ, которыя въ греческомъ обществѣ не существовали, — для того, чтобы мы могли приступить къ разсмотрѣнію явленій греческой жизни съ настоящимъ взглядомъ на нее и съ безпристрастною оцѣнкою понятія, соединявшагося въ умахъ всѣхъ въ Грековъ съ мыслью о царской власти. Первоначальное чувство, съ которымъ они смотрѣли на царей въ героическія времена, вымерло, перейдя сначала въ равнодушіе, а потомъ, когда они испытали иго деспотовъ, въ рѣшительное отвращеніе.

Въ глазахъ такого историка, какъ г. Митфордъ, проникнутаго англійскими понятіями о правительствѣ, это анти — монархическое чувство представляется какимъ то поврежденіемъ ума, а греческія республики собраніемъ безумныхъ безъ надзирающаго за ними сторожа; царь съ наследственной властью, пришедшій извнѣ покорить ихъ, кажется величайшимъ благодѣтелемъ

*) Относительно итальянскихъ республикъ среднихъ вѣковъ, Сисмонди замѣчаетъ, говоря о Филиппѣ дела Торре, избранномъ въ синьоры городами Комо, Верчелли и Бергамо: *Dans ces villes, non plus que dans celles que son frere s'était auparavant assujéties, le peuple ne croyait point renoncer à sa liberté: il n'avait point voulu choisir un maître, mais seulement un protecteur contre les nobles, un capitaine des gens de guerre et un chef de la justice. L'expérience lui apprit trop tard que ces prérogatives réunies constiuaient un souverain.* — *Républiques italiennes* т. III. гл. 20 стр. 273.

Греції, а первымъ послѣ него — домашній деспотъ, захватывающій акрополисъ и подчиняющій согражданъ своему гнѣту. Не можетъ быть болѣе вѣрнаго способа окончательно исказить всѣ явленія греческой жизни, какъ приступить къ истолкованію ихъ съ такими понятіями, при которыхъ всѣ правила мудрости и нравственности, существовавшія въ древнемъ мірѣ, являются въ обратномъ видѣ. Понятіе, которое Греки себѣ составляли о личности безотвѣтственной, стоящей выше всѣхъ законовъ, можетъ быть выражено въ энергическихъ словахъ Геродота *): «Деспотъ нарушаетъ обыкновенія страны, насилуетъ женщинъ и казнитъ гражданъ смертью безъ суда.» Никакого другаго понятія о вѣроятнѣйшихъ послѣдствіяхъ существованія деспотической власти они не могли себѣ составить, ни по знанію человѣческой природы вообще, ни по политическимъ опытамъ, совершавшимся съ самыхъ временъ Солона: никакого чувства, кромѣ ожесточенія, не должна была внушать понимаемая въ такомъ видѣ личность, и только человѣкъ съ самымъ безнравственнымъ честолюбіемъ могъ стремиться къ осуществленію ея собою.

Наша расшарившаяся политическая опытность научила насъ иначе смотрѣть на этотъ предметъ, показавъ намъ, что при существованіи монархическаго начала въ лучшихъ правительствахъ новѣйшей Европы, изображаемые Геродотомъ ужасы не совершаются — и что есть возможность устранить многія изъ золъ, могущихъ произойти отъ признанія обязательнымъ повиненія наслѣдственному и безотвѣтному королю; Но Аристотель самый мудрый и самый осторожный изъ древнихъ теоретиковъ, не имѣлъ случая наблюдать подобныя явленія, а если-бы онъ даже могъ наблюдать ихъ и тогда-бы онъ не могъ быть увѣренъ въ удобоприложимости ихъ къ управленію отдѣльныхъ городовъ Греціи. Теорія королевской власти, въ особенности въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Англіи, показалась-бы ему неудобополнимою: онъ бы не могъ себѣ представить короля, который царствуетъ, но не управляетъ государствомъ, — во имя котораго совершаются всѣ правительственныя отправленія, между тѣмъ, какъ личная воля его, въ ходѣ дѣлъ правительства, почти или даже совсѣмъ ничего не значить, — который изъять отъ вся-

*) Герод. III. 80. *Νομίαι τε κινεί πατρίαι και βίβται γυναικας, κταίνεαι τε ακοίτους.*

кой отвѣтственности, но не пользуется этимъ изъятіемъ,—которому всѣ выражаютъ безпредѣльную покорность, но повинуются только въ предѣлахъ извѣстнаго закона,—который окруженъ всѣми инсигніями власти, а при томъ составляетъ совершенно страдательное орудіе въ рукахъ министровъ, назначаемыхъ къ выбору его такими указаніями, которыми онъ не имѣетъ возможности пренебречь. Англичанинъ, говоря о королѣ, именно представляетъ себѣ это соединеніе видимаго величія и могущества, превосходящаго силы человѣческія, но совершенно мнимаго, съ невидимою, но весьма дѣйствительною сумасшедшею рубашкою, которая не позволяетъ всемогущему сдѣлать ни одного свободнаго движенія: событія нашей исторіи привели къ осуществленію этихъ противоположностей въ Англии, среди самой могущественной аристократіи, какая только гдѣ либо существовала — но мы еще не знаемъ могло ли бы оно удержаться въ какой либо другой странѣ, и не достаточно-ли было бы одному королю случиться человѣкомъ способнымъ, предприимчивымъ и рѣшительнымъ, чтобы разрушить все это многосложное зданіе. Аристотелю конечно осуществленіе подобной теоріи показалось бы непонятнымъ и неудобноисполнимымъ, онъ бы счелъ его невѣроятнымъ даже въ какомъ либо отдѣльномъ случаѣ, съ однимъ какимъ нибудь королемъ—а тѣмъ болѣе невозможнымъ въ видѣ постоянно дѣйствующей системы, при различіи характеровъ, могущихъ встрѣтиться въ преобладающихъ членахъ королевской династіи. Когда Греки воображали себѣ человѣка, стоящаго выше всякой законной отвѣтственности, они его представляли въ дѣйствительности такимъ, не только по имени, но и на дѣлѣ, а общество совершенно беззащитнымъ противъ его притѣсненій; *) страхъ

*) Еврип. (Supplices) выражаетъ ясно понятіе о тиранѣ, какъ оно существовало въ Греціи, въ противоположность понятію о законахъ.

Οὐδὲν τυράννου δυσμενέστερον πόλει.

**Ὅπου τὸ μὲν πρῶτιστον, οὐκ εἶστι νόμοι*

Κοῖνοι, κρατὲς δ' αἶς, τὸν νόμον κεκτημένους

Αὐτὸς παρ' αὐτοῦ. Ср. Софокла Антиг. 787.

См. также у Аристотеля (Polit. III. sect. 10, 11) преніе, въ которомъ царское управленіе сравнивается съ владычествомъ законовъ: ср. также IV. 8, 2 — 3. Царь, властвующій по законамъ, но его мнѣнію совѣтъ не царь: **Ὁ μὲν γὰρ κατὰ νόμον λεγόμενος βασιλεὺς οὐκ ἐστὶν εἶδος καθάπερ εἰρημὸν βασιλείας* (III. 11, 1).

и ненависть, съ которыми они смотрѣли на него, соотвѣтствовали глубокому уваженію ихъ къ тѣмъ правительствамъ, которыя обезпечивали гражданамъ равенство передъ закономъ и свободу рѣчи, и съ преобладаніемъ которыхъ были связаны всѣ надежды народа на безопасность и спокойствіе—преимущественно же передъ другими обществами Греціи одушевлялась такимъ чувствомъ аѳинская демократія. Это чувство, было однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ Греціи—единодушіе весьма драгоцѣнное при столькихъ предметахъ разногласія между отдѣльными городами. Мы не можемъ ни постигнуть, ни оцѣнить его, основываясь на понятіяхъ современной намъ Европы, и тѣмъ менѣе на особыхъ понятіяхъ Англичанъ о королевской власти; приложеніе этого несвойственнаго греческой жизни мѣрила, иногда высказанное, иногда подразумеваемое, и дѣлаетъ оцѣнку политическихъ событій Греціи у г. Митфорда такъ часто невѣрною и несправедливою.

Объясняя ходъ дѣлъ въ Греціи не по даннымъ, представляемымъ другими человѣческими обществами, а по понятіямъ самихъ Грековъ, мы увидимъ весьма достаточныя причины, какъ для прекращенія царской власти, такъ и для сохранившагося нерасположенія къ ней. Если-бы умъ Грековъ былъ такъ неподвиженъ и неспособенъ къ прогрессу, какъ умъ восточныхъ народовъ, недовольство нѣкоторыми царями привело бы только къ низложенію дурнаго царя въ пользу другаго, обѣщавшаго быть лучше, и понятія народа не пошли бы далѣе личнаго управленія. Но греческій умъ имѣлъ характеръ прогрессивный и былъ способенъ постигнуть, а впоследствии и осуществить высшія общественныя комбинаціи. Притомъ, по самой природѣ вещей, всякое правительство — будетъ-ли оно монархія, олигархія или демократія, простирающееся только на одинъ городъ, несравненно менѣе прочно, чѣмъ то, которое обнимаетъ собою значительное пространство земли и многочисленное населеніе. Когда полу-религіозная, полу-механическая поворность, которая возмѣщала собою личные недостатки царей героическихъ временъ, такъ ослабѣла, что уже не могла быть дѣйствительною

Объ *ισονομία, ἰσηγορία, κερτορία* — равенствѣ передъ закономъ и свободѣ рѣчи — въ противоположность деспотизму, см. Герод. III. 142, V. 78—92; Демосе. ad Leptin с. 6. р. 461; Еврип. Ion. 671.

О Тимолеонѣ было сказано въ благодарственномъ постановленіи, состоявшемся послѣ его смерти въ сиракузскомъ народномъ собраніи: *ὅτι τοῦ τυράννου καταλύσας ἀπέδωκε τοὺς νόμους τοῖς Σικελίοις.* (Шугархъ Timoleon с. 39).

См. Карла Фридриха Германна Griech. Staats-Alterthümer, отд. 61—65.

пружиною управленія, то мелкія царьки были въ слишкомъ близкомъ прикосновеніи съ народомъ, и слишкомъ бѣдно обставлены во всѣхъ отношеніяхъ, для того, чтобы подѣйствовать на него какимъ нибудь другимъ путемъ: они не имѣли возможности запугать воображеніе его этимъ соединеніемъ великолѣпія, недоступности и таинственности, которое Геродотъ и Ксенофонтъ весьма справедливо считаетъ одною изъ главныхъ опоръ царской политики. *) Какъ съ одной стороны не существовало никакого новаго понятія, на которомъ безсрочный правитель могъ бы опереть свою власть, точно также и положеніе общества не представляло необходимости въ сохраненіи этого достоинства для видимаго и болѣе дѣйствительнаго соединенія членовъ: **) въ одномъ городѣ, съ небольшимъ принадлежащимъ къ нему округомъ, не представлялось никакихъ затрудненій рѣшать всѣ дѣла посредствомъ общихъ совѣщаній и установить для всего общія правила, ввѣривъ исполнительную власть срочнымъ и отвѣственнымъ правителямъ.

Сохранить существованіе безотвѣстнаго короля и за тѣмъ обставить его такъ, чтобы правительство въ существѣ своемъ было отвѣтственное, дѣло весьма сложное, хотя, какъ уже было замѣчено, современная намъ Европа съ нимъ отчасти освоилась: болѣе простой и естественный переходъ заключается въ томъ, чтобы замѣнить самаго царя однимъ или нѣсколькими сановниками съ срочною властью и законною отвѣтственностью. Таковъ былъ ходъ дѣлъ и въ Греціи. Подчиненные царю проводители народа, первоначально составлявшіе его совѣтъ, нашли средство замѣнить его, очередуясь между собою въ исполненіи правительственныхъ обязанностей, и вѣроятно сохраняя также обыкновеніе созывать отъ времени до времени народное собраніе, въ такомъ-же видѣ, какъ и прежде и съ тѣмъ-же отсутствіемъ дѣйствительнаго значенія. Таковъ былъ въ существѣ своемъ характеръ переворота, совершившагося во всѣхъ греческихъ

*) См. рассказъ о Дейокѣ, первомъ царѣ Мидіи у Геродота—очеркъ, очевидно созданный воображеніемъ Грека; также Киропедію Ксенофонта VIII. 1, 40; VIII, 3, 1—14; VII. 5, 37. οὐ ταῦτα μόνον ἐνόμιζε (Κίβρος) χρῆναι τοὺς ἀρχοντας τῶν ἀρχομένων διαφέρειν τῶ βασιλῆας αὐτῶν εἶναι, ἀλλὰ καὶ κατακυριεύειν αὐτοῦ χρῆναι αὐτοῦς и т. д.

**) Дэвидъ Юмъ, Очеркъ XVII, о началѣ и развитіи наукъ и искусствъ стр. 198 изд. 1760 г. Вліяніе большаго или меньшаго пространства территоріи на характеръ правительства весьма хорошо разобрано также у Дестутта Траси въ *Commentaires sur l'Esprit des lois de Montesquieu* гл. VIII.

государствахъ, за исключеніемъ Спарты: царская власть была уничтожена и мѣсто ея заняла олигархія, осуществившаяся въ совѣтѣ, который засѣдалъ въ извѣстномъ составѣ, рѣшалъ общія дѣла большинствомъ голосовъ, и избиралъ нѣсколько лицъ изъ своей среды на исполненіе административныхъ должностей съ срочною властью и отвѣтственностью передъ тѣмъ-же совѣтомъ: вездѣ, по уничтоженіи монархій героическаго періода, образовывались олигархія: время демократическихъ стремленій было еще далеко, и состояніе народа, т. е. всей массы свободныхъ людей — не измѣнилось отъ совершившагося переворота ни къ лучшему, ни къ худшему: небольшое число привилегированныхъ лицъ, между которыми распредѣлились и стали переходить отъ одного къ другому прежніе атрибуты царской власти, состояло изъ людей, бывшихъ наиболѣе приближенными къ царю по своему положенію, можетъ быть даже изъ членовъ того-же рода, имѣющихъ притязаніе на тоже происхожденіе отъ боговъ или героевъ. На сколько намъ извѣстно, эта перемѣна совершилась естественнымъ ходомъ событій и безъ насилія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ династія царей прекратилась и не была замѣнена другою, въ другихъ — по смерти послѣдняго царя, его сынъ и преемникъ признанъ былъ только архонтомъ *) или совершенно устраненъ и замѣненъ пританисомъ, избраннымъ изъ ближайшихъ къ престолу знатныхъ людей.

Относительно Аѣинъ до насъ дошло, что Кодръ былъ послѣднимъ царемъ, и что его потомки были признаны лишь пожизненными архонтами; нѣсколько времени спустя архонты стали избираться на десять лѣтъ изъ сословія евпатридовъ (благородныхъ); еще позже срокъ служенія архонтовъ былъ сокращенъ до од-

*) Аристот. Polit. III. 9, 7, III. 10. 7—8.

Огюстенъ Тьерри замѣчаетъ точно также, что великій политическій переворотъ, совершившійся въ значительной части Европы въ XII и XIII вѣкахъ и положившій начало множеству городскихъ конституцій (communes) совершился самыми разнообразными путями — гдѣ силою, гдѣ добровольнымъ согласіемъ:

C'est une controverse qui doit finir, que celle des franchises municipales obtenues par l'insurrection et des franchises municipales accordées. Quelque face du problème qu'on n'envisage, il reste bien entendu que les constitutions urbaines du XIII siècle, comme toute espèce d'institutions politiques dans tous les tems, ont pu s'établir à force ouverte, s'octroyer de guerre lasse ou de plein gré, être arrachées ou sollicitées, vendues ou données gratuitement: les grandes révolutions sociales s'accomplissent par tous ces moyens à la fois.— (Aug. Thicrry, Récits des Temps Mérovingiens, Préface, p. 19. Edition 2 me).

ного года. Въ Коринѣхъ, по извѣстіямъ историковъ, владычество древнихъ царей перешло тѣмъ-же путемъ въ олигархію Вакхидовъ, изъ числа которыхъ выбирался пританисъ, срокомъ на годъ. Мы должны ограничиться заявленіемъ самаго факта этихъ переменъ, но не знаемъ какимъ образомъ онѣ совершились, такъ какъ наше первое дѣйствительно историческое знакомство съ греческими государствами начинается съ означенныхъ олигархій.

Подобныя олигархическія правительства, различающіяся между собою въ подробностяхъ, но сходныя по главнымъ чертамъ, въ продолженіи всего седьмого вѣка, преобладали во всѣхъ городахъ собственной Греціи и колоній. Хотя, по направленію своему, они мало улучшили положеніе массы свободныхъ людей, однако, если мы сравнимъ ихъ съ предшествовавшимъ управленіемъ героическихъ временъ, то они выражаютъ собою значительный успѣхъ—принятіе опредѣленной и предварительно рассчитанной системы въ управленіи общественными дѣлами. *) Въ устройствѣ этихъ олигархій показываются первые признаки зарожденія новыхъ и весьма важныхъ политическихъ понятій въ умѣ Грековъ — отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, осуществленіе первой въ коллегіальномъ учрежденіи, которое не только совѣщается, но и окончательно рѣшаетъ дѣла, и врученіе второй отдѣльнымъ сановникамъ, назначаемымъ на срокъ и отвѣтствующимъ передъ этимъ учрежденіемъ, по окончаніи своего служенія. Мы тутъ въ первый разъ видимъ общество гражданъ — общество, по опредѣленію Аристотеля, людей имѣющихъ и сознающихъ за собою, каждый въ свою очередь, право повелѣвать и обязанность повиноваться: а верховная власть уже принадлежитъ этому обществу, олицетворяемому въ понятіи о *Городѣ*. Правда, что это первоначальное гражданское общество заключало въ себѣ только весьма небольшую часть всей совокупности лично свободныхъ людей, но понятія, на которыхъ оно было основано, начинали по немного проясняться въ умахъ

*) Аристот. Полит. III. 10 7. Ἐπει δὲ (т. е. по окончаніи владычества первыхъ царей) συνέβηκε γίνεσθαι πολλοὺς πρὸς κρατίην, οὐκ ἔτι οὐκ ἐμμένον (τὴν βελτίειαν) ἀλλ' ἐξέσθαι κοινόν τι, καὶ πολιτικῶν ἀναγκαίων.

Κοινόν τι, la commune, та самая великая цѣль, за коорую въ среднихъ вѣкахъ европейскіе города боролись съ такою энергіею и которой наконецъ достигли — корпоративный уставъ и обезпеченіе привилегій внутренняго самоуправленія.

асѣхъ гражданъ. Политическая власть потеряла характеръ божественнаго назначенія и сдѣлалась атрибутомъ, законно-сообщаемымъ и существующимъ для извѣстныхъ, опредѣленныхъ цѣлей; такимъ образомъ положено основаніе для тѣхъ тысячи вопросовъ, которые такъ сильно волновали греческія города въ продолженіи слѣдующихъ трехъ вѣковъ и относились частью къ распредѣнію, частью же къ употребленію власти—вопросы иногда возбуждавшіеся членами преобладающей олигархіи, а иногда между цѣлымъ сословіемъ ихъ и непривилегированною массою народа. Сѣмена этихъ народныхъ бореній, которыя вызвали столько глубокихъ чувствъ, столько горькихъ антипатій, столько энергіи и дарованій во всемъ греческомъ мірѣ, съ различными видоизмѣненіями въ каждомъ городѣ, могутъ быть прослѣжены до перваго переворота, воздвигнушаго олигархіи на развалинахъ царствъ героическаго періода.

Какъ именно эти первыя олигархіи управлялись, о томъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣденій, но судя по узкости и противонародности интересовъ, которыми обыкновенно руководствуются привилегированныя меньшинства, и по преобладавшей въ то время грубости нравовъ и страстей, мы не имѣемъ причины предполагать въ первоначальныхъ олигархіяхъ слишкомъ разумаго и благодѣтельнаго направленія; равнымъ образомъ и дошедшіе до насъ факты, относящіеся къ положенію Аѳинъ передъ Солоновымъ законодательствомъ, даютъ намъ о нихъ неблагопріятное понятіе.

Первый ударъ, полученный древнѣйшими олигархіями Греціи и ниспровергнувшій многія изъ нихъ, нанесенъ былъ имъ похитителями власти — такъ называемыми деспотами, которые пользовались преобладавшими въ обществѣ гражданъ неудовольствіями противъ правительства, для удовлетворенія своего личнаго властолюбія. Успѣхъ, увѣнчавшій ихъ попытку въ большей части случаевъ, доказываетъ, что эти неудовольствія были почти повсемѣстно распространены и весьма серьезны. Деспоты вышли изъ среды самыхъ олигархическихъ сословій, но не всегда одинаковымъ образомъ. *) Иногда представитель исполнительной

*) Корнелій Пепоть, въ жизнеописаніи Мильтіада гл. 8 опредѣляетъ деспота с. ѣдующимъ образомъ: *Omnes habentur et dicuntur tyranni qui potestate sunt perpetua in eâ civitate, quae libertate usa est: ср. Цицер. de Republicâ II 26, 27; III 14.*

Слово *τύραννος*, по словамъ софиста Гиппія вошло въ употребленіе около

власти — сановникъ, получившій отъ самихъ олигарховъ важную административную должность на опредѣленное время, измѣнялъ своимъ избирателямъ, и пріобрѣталъ достаточное могущество, чтобы удержать за собою власть безсрочно, или даже передать ее своему сыну. Въ другихъ мѣстахъ и повидимому гораздо чаще являлась извѣстная личность, называемая демагогомъ, которую и древніе и новѣйшіе историки изображаютъ въ такихъ черныхъ краскахъ: — человекъ съ энергіею и съ честолюбіемъ, бывшій иногда даже членомъ самой олигархіи, который брался быть защитникомъ непривилегированнаго народа отъ падающихъ на него оскорбленій и притѣсненій, пріобрѣталъ расположеніе его и наконецъ силою народа ниспровергалъ олигархію и становился деспотомъ. Третій видъ пріобрѣтенія деспотической власти состоялъ въ томъ, что какой нибудь самонадѣянный богачъ, какъ на примѣръ Килонъ въ Аѣинахъ, не имѣя даже притязаній на популярность, но видя успѣшность подобныхъ предпріятій въ другихъ городахъ, рѣшался набрать вооруженныхъ наемниковъ и съ ними овладѣвалъ акрополисомъ (городскою цитаделью). Были еще примѣры, хотя и весьма рѣдкіе, четвертаго вида, когда прямой потомокъ древнихъ царей вмѣсто того, чтобы позволить олигархамъ ограничить его власть и контролировать его дѣйствія, находилъ средства пересилить ихъ и силою исторгалъ то преобладаніе, которое предкамъ его предоставлялось всеобщимъ согласіемъ. Говоря объ разныхъ видахъ установленія деспотической власти, слѣдуетъ еще упомянуть о бывшихъ въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ эсимнетахъ или диктаторахъ, которые формально и добровольно были облакаемы верховною безответственною властью, начальствовали надъ военными силами и имѣли право окружать себя постоянною стражею — но назначались только на опредѣленное время, для спасенія города отъ какой либо внѣшней опасности или гибельныхъ внутреннихъ волненій^{*)}. Лица, поставленные въ это высокое положеніе,

времени Архилоха (660 г. до Р. Хр.) Воескъ полагаетъ, что оно перешло къ Грекамъ отъ Лидянъ или Фригійцевъ (Comment. ad Corp. Inscrip. N^o 3439).

Аристот. Polit. V. 8, 2, 3, 4. *Τύραννος ἐκ προσηλατικῆς ρίζης καὶ οὐκ ἄλλοθεν ἐκβλαστάνει.* (Платона Republ. VIII. гл. 17, стр. 565.) *Οὐδὲν γὰρ δὴ ἀδύλον, εἴ τι πᾶς τύραννος ἐκ δημοκράτου εὔεται* (Діонис. Галикарн. VI. 60): мысль очевидно слишкомъ обобщенная.

^{*)} Аристот. III 9, 5; III. 10, 1—10; IV. 8—2. *Διουμήται — αὐτοκράτορες δυνάστες ἐν τοῖς ἀρχαίοις Ἑλλήσι — αἰρετὴ τυραννίς;* сравни Теофраста, Отрыв. *περὶ Βασιλείας* и Діон. Галикар. А. Р. 73—74; Страбона XII). стр. 618 и Аристот. *Fragm. Regum Publicarum* изд. Неймана стр. 122. *Κυραίων Πολιτεία.*

пользуясь всегда сильным довѣріемъ народа и отличаясь большею частью замѣчательными дарованіями, иногда достигали такого блестящаго успѣха или умѣли сдѣлаться столь необходимыми обществу, что срокъ власти ихъ былъ продолжаемъ и они становились на самомъ дѣлѣ деспотами на всю жизнь; въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ, когда община и не желала оставить диктатору безерочную власть, онъ былъ довольно силенъ, чтобы удержать ее противъ воли народа.

Таковы были различные способы, посредствомъ которыхъ многочисленныя греческія деспоты VII и VI вѣковъ пріобрѣтали свое могущество. Хотя все это намъ извѣстно въ общихъ чертахъ изъ краткихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Аристотелемъ, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного современнаго очерка какой либо изъ греческихъ общинъ, находившихся въ такомъ положеніи. Изъ числа лицъ, получившихъ царскую власть наследственнымъ порядкомъ, но распространившихъ ее настолько, что она стала деспотическою, Аристотель приводитъ въ примѣръ Фейдона аргосскаго, царствованіе котораго рассказано у него подробно; изъ сдѣлавшихся деспотами при помощи официальной власти, полученной при существованіи олигархій, онъ называетъ Фалариса Агригентскаго и нѣсколькихъ другихъ, управлявшихъ въ Милетѣ и прочихъ городахъ іонійскихъ Грековъ; изъ возвысившихся посредствомъ лицемѣрной роли демагоговъ, у него упомянуты Панэтій въ сицилійскомъ городѣ Леонтинахъ, Кипсель въ Коринѣ, и Пизистратъ въ Афинахъ; *) изъ числа эспиметовъ или добровольно избранныхъ деспотовъ, самымъ разительнымъ примѣромъ представляется Питтакъ Митиленскій. Военственный и предпріимчивый демагогъ, ниспровергающій олигархію, которая оскорбила и унизила его, владѣвшій нѣсколько лѣтъ какъ кровожадный деспотъ, а наконецъ лишенный престола и умерщвленный, изображенъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ въ лицѣ Аристодема, тирани итальянскаго города Кумъ **).

*) Аристот. Polit. V, 8, 2, 3, 4; V. 4. 5. Аристотель ссылается на одну изъ пѣсенъ Алкея какъ на свидѣтельство, на которомъ онъ основывается, говоря о возвышеніи Питтака — основаніе конечно весьма достаточное, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающее, что и онъ, относительно древнѣйшихъ временъ, не имѣлъ въ виду другихъ источниковъ кромѣ поэтовъ.

***) Діон. Галикар. А. Р. VII, 2, 12. Царствованіе Аристодема приходится около 510 г. до Р. Хр.

Изъ общихъ показаній Фукидда, равно какъ Аристотеля, мы видимъ, что вѣка шестой и седьмой до р. хр. были для всѣхъ греческихъ городовъ временемъ развитія богатства и могущества и умноженія населенія; многочисленныя колоніи, основанныя въ этомъ періодѣ и составляющія предметъ многихъ историческихъ сочиненій могутъ служить лучшимъ доказательствомъ такого прогрессивнаго направленія. Измѣненія въ организаціи греческихъ городовъ, теперь рассказанныя нами, хотя и не вполне намъ извѣстны, тѣмъ не менѣе служатъ рѣшительными признаками развивающейся гражданственности. Образъ правленія героическихъ временъ, съ котораго начали греческія племена—самый грубый и младенческій изъ всѣхъ видовъ правительства. Онъ даже не можетъ имѣть притязаній на систематичность и обеспеченность: результаты его никакъ не могутъ быть извѣстны впередъ и зависятъ отъ всѣхъ случайныхъ свойствъ, составляющихъ характеръ царствующаго лица, которое въ большей части случаевъ, вмѣсто того, чтобы служить защитою бѣднымъ противъ богатыхъ и сильныхъ, по всей вѣроятности должно было предаваться своимъ страстямъ съ такого-же необузданностью какъ послѣдніе, но съ большею еще безнаказанностью.

Деспоты, которые въ столькихъ городахъ замѣнили собою олигархическое правительство, хотя они въ управленіи руководствовались большею частью эгоистически-узкими понятіями, и многіе изъ нихъ были возмутительно жестоки — по энергическому выраженію Фукидда, только и думали что о себѣ и о своихъ семействахъ — однакоже, такъ какъ они не были довольно сильны, чтобы подавить умственную дѣятельность греческаго народа, то послужили къ тому, чтобы запечатлѣть во всѣхъ умахъ тяжкій, но весьма полезный политическій урокъ и много содѣйствовали къ расширенію политической опытности народа и къ опредѣленію его образа мыслей на дальнѣйшія времена. *) Они отчасти разрушили преграду, отдѣлявшую народъ въ собственномъ смыслѣ — массу свободныхъ людей — отъ олигархическихъ родовъ. Деспоты-демагоги заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ появленіе ихъ служитъ признакомъ возрастающаго значенія народа въ политическихъ дѣлахъ. Демагогъ являлся представителемъ желаній и интересовъ народа въ противоположность влады-

*) Фукид. I. 17. Τύραννοι δὲ οὗτοι ἦσαν ἐν ταῖς Ἑλληνικαῖς πόλεσι, τὸ ἐρ' αὐτῶν προορῶμενοι ἐς τε τὸ σῆμα καὶ ἐς τὸν ἴδιον οἶκον. κῆκεν δὲ ἀσφαλείας οὖσαν εὐδυνάτο μάλιστα, τὰς πόλεις ᾤκουν.

чествуящему меньшинству, и вѣроятно пользовался для своего усиленія всякимъ отдѣльнымъ случаемъ злоупотребленія правительственной власти, а самъ старался казаться въ сношеніяхъ съ народомъ сколь возможно болѣе ласковымъ и великодушнымъ; за тѣмъ, когда граждане вооруженнымъ содѣйствіемъ своимъ давали ему возможность ниспровергнуть прежнее правительство, они имѣли удовольствіе видѣть своего предводителя, облеченнаго верховною властью, но сами не приобрѣтали никакихъ политическихъ правъ и никакихъ прочныхъ обезпеченій. Какія именно дѣйствительныя преимущества доставались имъ при подобныхъ переворотахъ, за исключеніемъ того, что они видѣли своихъ враговъ униженными, недостаточность нашихъ свѣдѣній не позволяетъ намъ опредѣлить;*) но даже худшій изъ деспотовъ былъ опаснѣе богатымъ, нежели бѣднымъ, такъ что послѣдніе, при перемѣнѣ, выигрывали можетъ быть въ сравнительномъ значеніи, не смотря на приходившуюся имъ долю въ жестокостяхъ и вымогательствахъ правительства, не имѣвшаго никакой другой опоры, кромѣ внушаемаго подданнымъ страха.

Есть между прочими одно замѣчаніе Аристотеля, на которое мы здѣсь должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ оно превосходно изображаетъ постепенность политическаго развитія и воспитанія греческаго общества. Онъ проводитъ различіе, замѣченное имъ между древнѣйшимъ демагогомъ шестаго и седьмаго вѣковъ и демагогомъ позднѣйшихъ временъ — такимъ, какихъ и онъ самъ и непосредственно предшествовавшія ему поколѣнія неоднократно видѣли. Первый былъ военный предводитель, смѣлый и ни передъ чѣмъ не останавливающійся: онъ брался за оружіе во главѣ возмущеннаго имъ народа, насиліемъ ниспровергалъ правительство и провозглашалъ себя владыкою какъ тѣхъ, которыхъ онъ низложилъ, такъ и тѣхъ, которые помогли ему низложить ихъ; послѣдній, напротивъ, былъ ораторъ, одаренный всѣми качествами, нужными для увлеченія слушателей, но вовсе нерасположенный и даже неспособный къ нападенію вооруженною силою — всѣхъ цѣлей своихъ онъ достигалъ

*) Ваксмутъ (Hellenische Alterthumskunde) отд. 49 — 51 и Титтманъ (Griechische Staatsverfassungen стр. 527 — 533) преувеличиваютъ понятіе о дружескихъ отношеніяхъ и взаимномъ доброжелательствѣ, существовавшихъ между деспотомъ и бѣднѣйшими изъ гражданъ. Общая ненависть къ олигархіи была связью по преимуществу кратковременною, которая должна была уничтожиться при самомъ паденіи врага.

мирными и конституционными путями. Эта важная перемена— замѣнившая призывъ къ оружію преніями и пріобрѣтеніемъ голосовъ въ народномъ собраніи, и придавшее разъ выраженному собраніемъ рѣшенію такой вѣсъ въ глазахъ гражданъ, что оно признавалось ненарушимымъ даже тѣми, которымъ по смыслу своему было неприятно — произошла отъ развитія въ греческихъ городахъ демократическихъ учреждений. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ этого труда, мы будемъ имѣть случай оцѣнить то чрезмѣрное порицаніе, которое было высказываемо объ аѳинскихъ демагогахъ Пелопонезской войны, Клеонъ и Гиперболъ; но предполагая даже, что оно было основательно, тѣмъ не менѣе появленіе во главѣ народа такихъ личностей, какъ они, составляетъ существенное улучшение въ сравненіи съ первыми демагогами, подобными Кипселу и Пизистрату, которые вооружали народъ съ тѣмъ, чтобы испровергнуть существующее правительство и присвоить себѣ деспотическую власть. Демагогъ по самому существу своему былъ предводитель оппозиціи и пріобрѣталъ вліяніе на народъ обличеніемъ людей, пользующихся дѣйствительною властью и занимающихъ административныя должности. При первыхъ олигархіяхъ, оппозиція могла проявиться только въ вооруженномъ возстаніи и веда демагога или къ деспотической власти или къ гибели: но развитіе демократическихъ учреждений доставило и приверженцамъ и политическимъ противникамъ интересовъ большинства полную свободу рѣчи, а надъ тѣми и другими поставила власть народнаго собранія, рѣшающую всѣ споры между ними; въ тоже время это развитіе ограничило поприще, открывающееся властолюбію демагога, и устранило всякій поводъ обращаться къ оружію. Аѳинскій демагогъ время Пелопонезской войны, кричащій противъ всѣхъ и всего, если даже мы примемъ буквально показанія его злѣйшихъ враговъ, былъ несравненно менѣе вредною и опасною личностью, нежели буйный и воинственный предводитель народа въ древнѣйшія времена,— причиною же этого различія было, по выраженію Аристотеля, *) «развитіе привычки къ ораторству»: оппозиція рѣчи была благодѣтельною замѣною оппозиціи меча.

*) Аристот. Polit. V. 4, 4; 7, 3. Ἐπὶ δὲ τῶν ἀρχαίων, ὅτε γένοιτο ὁ αὐτὸς δημογῶνς καὶ στρατηγὸς, εἰς τυραννίδα μέβαλλον. σχεδὸν γὰρ οἱ κλειστοὶ τῶν ἀρχαίων τυραννῶν ἐκ δημογῶν γέγονασι. Αἴτιον δὲ τοῦ τότε μὲν γενέσθαι, ὕν δὲ μὴ, ὅτι τότε μὲν, οἱ δημογῶνι ἄσαν ἐκ τῶν στρατηγούντων οὐ γὰρ πῶ δεινοὶ ἦσαν λίγειν. ὕν δὲ, τῆς ῥητορικῆς ὑψημένης, οἱ δυνάμενοι λίγειν δημογῶναι μὲν, δε ἀπειρίαν δὲ τῶν πολεμικῶν οὐκ ἐπιτίθενται, πλὴν εἴ που βραχὺ τι γέγονε τοιοῦτον.

Гражданская организація Аѣинъ до Солона.

Вслѣдствіе глубокаго благоговѣнія, возбужденнаго въ Аѣиннахъ героизмомъ Кодра, который пожертвовалъ жизнью для спасенія отечества, они не хотѣли допустить, чтобы кто-нибудь послѣ него носилъ титулъ царя *). Сынъ Кодра Медонъ и двѣнадцать его преемниковъ: Акастъ, Архиппъ, Терсиппъ, Форбасъ, Мегаклъ, Діогнетъ, Фереклъ, Арифронъ, Тестѣй, Агаместоръ, Эсхиль и Алкмеонъ — всѣ были пожизненными архонтами. На второй годъ управленія Алкмеона (752 г. до Р. Хр.) власть архонтовъ была ограничена десятилѣтнимъ срокомъ: десятилѣтнихъ архонтовъ насчитываютъ семь — Харопсъ, Эсимидъ, Клейдикъ, Гиппомень, Леократъ, Апсандръ и Эрихій. При Креонѣ, который наслѣдовалъ Эрихію, не только сокращенъ срокъ архонтства до одного года, но и самая власть раздѣлена по предметамъ и распредѣлилась между девятью архонтами. Рядъ этихъ архонтовъ, назначаемыхъ по девяти и ежегодно смѣняемыхъ, продолжается чрезъ весь историческій періодъ, прерываясь только во времена политическихъ волненій и угнетенія республики чужеземцами. До Клейдика и Гиппомена (714 г. до Р. Хр.) право на архонтское достоинство принадлежало исключительно Медонтидамъ или потомкамъ Кадра и Медона**), а въ это время доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ евпатридамъ — членамъ высшаго сословія въ государствѣ.

Приведенный нами рядъ именъ доводитъ насъ отъ легендарнаго періода до временъ историческихъ. Всѣ достовѣрныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ Аѣиннахъ, начинаются со временъ годовыхъ архонтовъ. Весь рядъ именъ этихъ архонтовъ, который употребляется между прочимъ и въ видѣ хронологіи, для обозначенія времени разныхъ событій, совершенно достовѣренъ, начиная отъ Креона***). Далѣе же 683 г. до Р. Хр. изслѣдователи аѣинской древности представляютъ намъ множество именъ,

*) Юстинъ II. 7.

**) Павзан. I. 3. 2; Свидасъ *Ἰππομένης*; Diogen. Centur. Poverb. III. 1 *Ἀεβέστερον Ἰππομένους*.

***) См. Воескh, о паросской надписи на мраморѣ, Corp. Inscrip. Graec. часть 12 отд. 6 стр. 307. 310. 332.

Отъ начала правленія Медона, Кодрова сына, до перваго годоваго архонт Креона, по паросской надписи считается 407, а по Евсевію 387 лѣтъ.

которые мы вынуждены принять на вѣру, не имѣя возможности ни ручаться за все, ни отличить истинное отъ ложнаго. Нѣтъ причины сомнѣваться только въ томъ общемъ фактѣ, что Аѣины, подобно другимъ гражданскимъ обществамъ Греціи, въ первобытныя времена управлялись царями, имѣвшими наследственную власть, и затѣмъ перешли отъ этой формы правленія къ республикѣ, сначала олигархической, потомъ демократической.

Мы не въ состояніи достовѣрно опредѣлить классификацію сословіи и политическое устройство, существовавшія въ Аттікѣ даже во время архонтства Креона (683 г. до Р. Хр.), съ котораго начинается положительная хронологія исторіи Аѣинъ, — тѣмъ менѣе могли бы мы имѣть какія либо притязанія на опредѣлительныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ столѣтіяхъ. Великія политическія перемѣны были совершены сперва Солономъ (около 594 г. до Р. Хр.), потомъ Клисѣеномъ (въ 509 г. до Р. Хр.), наконецъ Арситидомъ, Перикломъ и Эфіальтомъ, между временемъ персидскихъ и пелопоннезскихъ войнъ: такимъ образомъ общественное устройство временъ, предшествовавшихъ Солону — и даже Солонова времени — болѣе и болѣе отодвигалось въ прошлое и забывалось. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этомъ древнѣйшемъ устройствѣ, почерпнуты отъ писателей, жившихъ послѣ всѣхъ или по-крайней-мѣрѣ послѣ нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ перемѣнъ. Они сами, не имѣя въ виду никакихъ положительныхъ свѣдѣній и находя однѣ только народныя легенды, объясняли прошедшее, какъ умѣли, болѣе или менѣе удачными догадками, которыя вообще были связываемы съ преобладающими въ легендахъ именами. Иногда имъ представлялась возможность основывать свои заключенія на религіозныхъ обычаяхъ, періодическихъ церемоніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ, сохранившихся до ихъ временъ. Это были конечно лучшіе источники свѣдѣній о древнѣйшей исторіи Аѣинъ, такъ какъ подобныя обыкновенія нерѣдко сохранялись безъ перемѣны среди всѣхъ политическихъ измѣненій. Этимъ только путемъ мы можемъ дойти до того, чтобы хоть что нибудь узнать о состояніи Аттіки до Солона, хотя въ цѣломъ оно все-таки составляетъ нѣчто темное и непонятное, даже послѣ всѣхъ разъясненій, сдѣланныхъ новѣйшими комментаторами.

Филохоръ, писавшій въ третьемъ вѣкѣ передъ христіанскою эрою, утверждалъ, что Кекроисъ первоначально раздѣлилъ Аттіку на двѣнадцать округовъ, которыхъ имена были: Кекроісія, Тетраполисъ, Эпакрія, Декеесія, Элевзисъ, Афидны, Торикъ, Бро-

уронъ, Китэръ, Сфеттъ, Кефизія и Фалеръ, и что эти двѣнадцать частей были соединены въ одно политическое цѣлое Тезеумъ *). Это раздѣленіе не включаетъ въ себѣ Мегариды, которая въ другихъ показаніяхъ представляется связанною съ Атикою и вошедшею въ раздѣлъ земель, сдѣланный царемъ Пандіономъ между четырьмя сыновьями его — Низомъ, Эгеемъ, Палантомъ и Ликомъ; это преданіе если не древнѣе Софокла, то, по крайней мѣрѣ, современно ему **). По другимъ показаніямъ опять, это раздѣленіе на четыре относится къ колѣнамъ или филамъ (φυλῆ, tribus) жителей Атики, которыхъ будто-бы было со времени Кекропса четыре, и которыя назывались: Кекропида, Аутохтонъ, Актея и Паралія. При царѣ Кранаосѣ, эти же филы, повидимому, были названы Кранаида, Аттида, Мезогэя и Діакрія ***); при Эрхтаніѣ онѣ назывались Діада, Атэнаида, Посейдоніада и Гефэстіада; наконецъ, вскорѣ послѣ Эрхтэя, онѣ названы по четыремъ сыновьямъ Иона (сына Креузы, дочери Эрхтэя, и Аполлона) Гелеонты, Гоплеты, Эгикорея и Аргадеи. Раздѣленіе на четыре аттическія или іонійскія филы съ послѣдне-приведенными названіями осталось главнымъ основаніемъ классификаціи гражданъ до переворота, произведеннаго Клисѣеномъ въ 509 г. до Р. Хр., послѣ котораго установлено раздѣленіе на десять филъ, сохранившееся до времени преобладанія Македонянъ. Нѣкоторые утверждали, не безъ этимологическаго вѣроятія, что названія этихъ четырехъ колѣнъ или филъ относились къ занятіямъ каждаго изъ нихъ: что Гоплеты составляли сословіе воиновъ, Эгикореи содержали стада козъ, Аргадеи были ремесленниками, а Гелеонты (Телеонты или Гедонты) земледѣльцами. На этомъ основаніи многіе писатели приписывали древнимъ обитателямъ Атики раздѣленіе на наслѣдственныя профессіи или касты, подобное тому, которое существовало въ Египтѣ и въ Индіи. Если допустить, что когда нибудь и было въ Атикѣ подобное раздѣленіе на касты, то оно должно было придти въ упадокъ задол-

*) Филохоръ у Страбона IX стр. 396. См. Шемана Antiq. Graec. часть V. отд. 2—5.

***) Страб. IX стр. 392. По Филохору и по Андрону царство Низа простиралось отъ Коринескаго перешейка до Писіона (близъ Эноса) и до Элевзиса (Страб. тамъ же); объ этомъ раздѣленіи существуетъ много разныхъ показаній.

****) Поллуксъ VIII гл. 9. 109—111.

*****) Ионъ, отецъ четырехъ героевъ, давшихъ свои имена этимъ племенамъ, по одному преданію былъ первымъ законодателемъ и просвѣтителемъ Атики, подобно Ликургу, Нумѣ и Девкалюну (Плутархъ adv. Koloten гл. 31 стр. 1125).

го до времени Солона, но повидимому нѣтъ достаточнаго основанія предположить и это. Имена филъ могли первоначально происходить отъ извѣстныхъ профессій, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ дѣйствительность вполне соответствовала этимологiи, или, чтобъ всякое лицо, принадлежащее къ какой нибудь филѣ, непременно занималось тою профессіей, отъ которой первоначально произошло названіе ея. По этимологiи именъ, какъ бы она ясна ни была, мы не можемъ съ достовѣрностью заключить, что дѣйствительно существовала классификація лицъ по занятіямъ ихъ. И это возраженіе, которое имѣло бы нѣкоторый вѣсъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ этимологiя была несомнѣнна, становится еще спльнѣе, когда мы присовокупимъ, что она далеко не достовѣрна *), что самыя имена встрѣчаются съ такими различіями въ правописаніи, которыя не могутъ быть съ нею примирены, и что въ Страбовомъ исчисленіи четырехъ классовъ пастухи опущены, а включены жрецы, между тѣмъ какъ у Плутарха первые упоминаются, а послѣдніе исключены **).

Достовѣрнымъ можно считать только то, что это было древнее раздѣленіе, свойственное іонійскому племени — въ аналогіи съ Гиллеями, Памфилами и Дипмаіами у Дорянъ—и что оно существовало не только въ Аѣннахъ, но во многихъ іонійскихъ городахъ, родственныхъ Аѣинамъ. Гелеонты упоминаются въ надписяхъ, относящихся къ городу Тѣосу въ Іоніи, которыя сохранились до нашихъ временъ, а въ надписяхъ г. Кизика въ Пропонтидѣ, который былъ колоніей іонійскаго Милета***), встрѣчаются всѣ четыре класса. И такъ существованіе четырехъ классовъ и четырехъ именъ ихъ (съ нѣкоторыми измѣненіями въ правописаніи) доказано какъ историческій фактъ; но ни о времени образованія этого раздѣленія, ни о первобытномъ значеніи его нельзя сказать ничего положительнаго, и равнымъ образомъ

*) Еврип. Ion. 1591; Плутар. Солонъ 25; Ross: die Attischen Demeu p. p. VII—IX.

**) Плутархъ (Солонъ гл. 25). Страбона VIII стр. 353. Ср. Платона: Критіасъ стр. 110.

***) Воескh. Corp. Inscr. Nos. 3073, 3079, 3062. Тщательно составленные комментаріи на послѣднюю надпись, въ которыхъ Бекъ доказываетъ дѣйствительное существованіе раздѣленія жителей по занятіямъ, по нашему мнѣнію недостаточны для убѣжденія.

К. F. Hermann (Lehrbuch der Griechischen Staats-Alterthümer отд. 91—96). Ilgen'de Tribubus Atticis стр. 9 и слѣд. Titmann Griechische Staatsverfassungen стр. 570—582; Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde отд. 43—44.

нельзя вѣрить различнымъ объясненіямъ легендъ объ Іонѣ, Эрехтѣ и Кекропсѣ, предлагаемымъ новѣйшими комментаторами.

Четыре филы могутъ быть принимаемы или за религиозныя и общественныя единицы, и въ этомъ смыслѣ каждая изъ нихъ заключала въ себѣ три фатріи и девяносто родовъ (*gentes*), — или за политическія единицы—въ этомъ отношеніи каждая раздѣлялась на три триттіи и на двѣнадцать наукрарій. Каждая фатрія заключала въ себѣ тридцать родовъ, каждая триттія четыре наукрарій: всего было слѣдовательно триста шестьдесятъ родовъ и сорокъ восемь наукрарій. Притомъ въ каждомъ родѣ считалось, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, по тридцати семействъ, слѣдовательно всего было десять тысячъ восемь сотъ семействъ.

Сравнивая между собою эти двѣ системы раздѣленія, мы найдемъ, что онѣ по самому существу своему весьма различны и имѣютъ противоположныя направленія. Триттія и наукрарія ничто иное, какъ подраздѣленія филы и опираются на нее, какъ на свою высшую единицу; наукрарія ограничивается извѣстною мѣстностью, и состоитъ изъ наукраровъ или главныхъ домохозяевъ каждой мѣстности (какъ повидимому доказываетъ этимологія этого слова), которые раскладываютъ во всякомъ околдкѣ количество общественныхъ податей, на него приходящееся, наблюдаютъ за взносомъ ихъ, выставляютъ военныя силы — съ каждой наукрарій по два всадника и по одному кораблю — и замѣщаютъ собою главную административную должность въ околдкѣ—пританиса наукраровъ.*) Извѣстное число пѣшихъ воиновъ, измѣнявшееся смотря по требованію, должно вѣроятно быть подразумѣваемо при всадникахъ, но это число не опредѣлено, такъ какъ, при преобладаніи олигархическаго начала и при относительной подчиненности всей массы народонаселенія, могло казаться нужнымъ опредѣлить съ точностью только повинности богатѣйшихъ людей, отбывавшихъ военную службу на конѣ. Такимъ образомъ сорокъ восемь наукрарій были только систематическимъ подраздѣленіемъ четырехъ филъ, обнимающимъ всю территорию, все населеніе, всѣ повинности и военныя силы Ати-

*) Аристот. *Fragmen. Rerum Public.* стр. 89 изданія. Неймана. Гарпократ. *Δῆραρχος, Наукрарія*; Фотія *Наукрарія*. Поллукса VIII. 108; Схол. къ Аристоф. *Nubes.* 37 Геродота V. 71 Wacksmuth *Hellén. Alterth.* отд. 44 стр. 240. Baumstark *De Curatoribus Epirogi* Нибура *Röm. Cdesch. V I* стр. 323 изд. 2 Гезикій *Ναυοτρηρὸς οἱ οἰκῆται*. См. Поллукса *Ναύλος* и Лобека *Ῥημῆτικος* отд. 3 стр. 7 Плутарха, *Quaest. graec. гл. 32* стр. 293.

ки—и притомъ подраздѣленіемъ, установленнымъ только для общихъ государственныхъ цѣлей.

Но фратріи и роды составляли раздѣленіе другаго характера. Они казались совокупленіемъ мелкихъ первобытныхъ единицъ въ большія; они независимы отъ филы и не предполагаютъ даже существованіе ея; они образуются отдѣльно и самопроизвольно и безъ всякаго отношенія къ общей политической цѣли; законодатель находитъ ихъ уже существующими и приспосабливаетъ или видоизмѣняетъ ихъ, согласно съ общою политическою системою. Мы должны отличать самый фактъ классификаціи гражданъ и послѣдовательное подчиненіе семейства роду, рода фратріи и фратріи филѣ — отъ этой точной числовой симметріи, въ которую намъ представляютъ его облеченнымъ. Если бы такое точное числовое равенство могло когда нибудь быть установлено посредствомъ принудительнаго дѣйствія законодательства *) на существовавшіе уже элементы, то пропорція никакъ не могла-бы быть сохранена навсегда въ такомъ видѣ. Но мы имѣемъ достаточныя причины сомнѣваться даже и въ томъ, чтобы она когда нибудь была такова: все это болѣе похоже на фантазію писателя, которому вздумалось предположить первоначальную совершенно систематическую организацію народа, и который взялъ для этого цифры, происшедшія отъ перемноженія числа дней въ мѣсяцъ и числа мѣсяцевъ въ году. Чтобы каждая изъ фратрій заключала въ себѣ равное число родовъ и каждый родъ равное число семействъ — это предположеніе, для допущенія котораго нужны несравненно сильнѣйшія основанія, чѣмъ тѣ, которыя намъ представляются, независимо отъ этой весьма сомнительной точности цифръ, фратрій и роды сами по себѣ были дѣйствительными, древними и весьма прочными ассоціаціями аеинскаго народа, которыя весьма важно надлежащимъ образомъ понять. **) Основаніемъ всей группировки служилъ домъ, очагъ или семейство, — большее или меньшее чи-

*) Мейеръ De Gentilitate Atticâ стр. 22 — 24.

**) Подобно этимъ греческимъ раздѣленіямъ, вѣтъ никакой причины полагать какъ объ англо-саксонскихъ десяткахъ и сотняхъ, такъ и объ общемъ раздѣленіи на сотни, распространенномъ въ древности по всему германскому и скандинавскому міру, несравненно болѣе чѣмъ десятки, — чтобы вообще на практикѣ число лицъ изъ которыхъ они состояли, соответствовало названію ихъ: эта номенклатура выражала только понятіе о постепенности дѣленій и примѣрное число лицъ, около котораго колебалось дѣйствительное количество ихъ. См. Thorpe. Ancient Laws and Institutes of England.

сло которыхъ составляло родъ — *генос* (*γένος*). Родъ былъ слѣдовательно нѣчто похожее на кланъ или септъ — распространенное и частью искусственное братство, въ которомъ члены связывались между собою: 1, Общими религіозными обрядами, совершаемыми въ честь одного и того-же бога, который считался общимъ предкомъ рода и потому носилъ особое проименованіе, — и исключительнымъ правомъ быть жрецами его. 2, Общимъ мѣстомъ погребенія. 3, Взаимными правами на наслѣдство. 4, Взаимною обязанностью помощи, защиты и содѣйствія къ удовлетворенію за обиды. 5, Взаимнымъ правомъ и такою же обязанностью заключать брачныя союзы внутри своего рода въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ, въ особенности когда наслѣдницей семейства оставалась осиротѣвшая дочь. 6, Владѣніемъ, въ нѣкоторыхъ по-крайней-мѣрѣ случаяхъ, общею собственностью и существованіемъ въ каждомъ родѣ особаго архонта и казначея. Таковы были права и обязанности, характеризовавшія родовой союзъ: *) соединеніе въ фратріи, связывавшее нѣсколько родовъ, было менѣе тѣсно, но тѣмъ не менѣе заключало въ себѣ нѣкоторыя взаимныя права и обязанности, аналогичныя съ вышеисчисленными по характеру, преимущественно же общность нѣкоторыхъ особыхъ религіозныхъ обрядовъ и права всѣхъ членовъ фратріи преслѣдовать виновнаго въ убійствѣ одного изъ нихъ. Каждая фратрія считалась принадлежащею къ одной изъ четырехъ филъ, и всѣ фратріи одной и той же филы въ извѣстный срокъ совершали нѣкоторые общіе обряды, подъ предсѣдательствомъ сановника, носившаго титулъ царя филы *phylō-basileus* — и избраннаго изъ числа еватридовъ. Патрономъ филы Гелеонтовъ считался Зевесъ Гелеонъ. Наконецъ всѣ филы соединялись въ общемъ поклоненіи Аполлону *Patrōus* (*Πατρῶος*), какъ общему божественному отцу и хранителю ихъ, потому что Аполлонъ былъ отецъ Іона, а филы считали своими родоначальниками, давши, имъ именами сыновей Іона.

Таковъ былъ первобытный религіозный и общественный союзъ населенія Аттики, съ своею постепенною системою дѣленій — въ противоположность политическому союзу, вѣроятно позже учрежденному и проявлявшемуся сперва въ тригтіяхъ и наукаріяхъ, а потомъ въ десяти трибахъ, установленныхъ Клисеономъ и

*) См. надпись, относящуюся къ роду *Аммуандридовъ*, въ сочиненіи Росса: *Ueber die Demeu von Attica*. Ср. Bossler'a, *De Gent. Attic.* стр. 53. Геродотъ V 91.

подраздѣленныхъ на триттіи и демосы. Религіозная и родственная связь вѣроятно образовалась раньше, но политическая, хотя и произошла въ позднѣйшее время, но постоянно приобретала болѣе и болѣе значенія, какъ будетъ доказано въ продолженіи этого труда. Въ первомъ раздѣленіи личный элементъ составляетъ главную и преобладающую характеристику *) — мѣстный-же элементъ является подчиненнымъ ему: въ послѣднемъ напротивъ, владѣніе собственностью и мѣсто жительства становятся главнымъ предметомъ, а личность получаетъ свое значеніе только въ зависимости съ этихъ существенныхъ элементовъ. Всѣ эти фратрическія и родовыя ассоціаціи, какъ большія, такъ и меньшія, были основаны на однихъ и тѣхъ-же началахъ и стремленіяхъ, всегда присущихъ греческому уму **) — на сліяніи понятія о богослуженіи съ понятіемъ о происхожденіи, или объ общности нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ съ общностью крови, дѣйствительною или предполагаемою. Богъ или герой, которому члены рода всѣ вмѣстѣ приносили жертвы, былъ въ ихъ глазахъ первобытнымъ родоначальникомъ, отъ котораго они вели свое происхожденіе иногда черезъ цѣлый рядъ посредствующихъ именъ — какъ было напримѣръ съ Милезійцемъ Гекатѣемъ ***). У каждаго семейства были свои священные обряды и трізыны по предкамъ, которыя совершались главою семейства, и къ которымъ никто, кромѣ членовъ его, не могъ быть допущенъ: пресѣченіе семейства, которое влекло за собою прекращеніе принадлежавшихъ ему религіозныхъ обрядовъ, считалось у Грековъ несчастіемъ, не только потому, что общество лишалось тѣхъ гражданъ, которые составляли это семейство, но и потому, что домашніе боги его и тѣни умершихъ гражданъ лишались слѣдовавшихъ имъ почестей,***) и могли вымѣстить свое

*) *φύλακ ὑπεύθυναι*, въ противоположность къ *φύλακ τοπικαί* — Діонис. Галик. Ant. Rom. IV. 14.

**) Платона Euthydem стр. 302. Аристот. у Схол. къ Плат. Axiosch. стр. 456 изд. Бек. Поллукса VIII 3 ср. также III 52 Moeris. Atticist. стр. 108.

Гарпократ. V; Etymol. Magn. V; Суидасъ; Поллуксъ VIII. 85; Демосе. cont. Eubulid стр. 1319 и cont. Neaeram стр. 1365; Изэя Orat. II стр. 19, 20—28 изд. Бек. Шемана Antiq. J. P. Graec. § XXVI. Гомера Илиад. II 362. Бутмана Mytholog. гл. 24. стр. 305. Мейеръ De Gent Atticâ Boeck. Corp Inscrip. стр. 310.

**) Геродот. 148. Изэя Orat. VI стр. 89 изд. Бек.

*) Изэя Or. VI стр. 61; II стр. 38, Демосе. adv. Makartatum стр. 1053—75; adv. Leochar. стр. 1093. См. также The Chinese. (Китайцы) Др. Фр. Дэвиса гл. IX стр. 131 — 134; изд. Нэйта 1840. Милля исторія Брит. Индіи кн. II, гл. VII, стр. 381.

неудовольствіе на всей странѣ. Большія ассоціаціи, называемыя родами, фратріями, филлами, образовались отъ распространенія того же начала — то есть семейства, принимаемаго въ смыслѣ религіознаго братства, поклоняющагося одному общему богу или герою, который получалъ соотвѣтствующее тому проименованіе и считался общимъ родоначальникомъ ихъ. Празднества Тѣоініи и Апатуріи *) — первыя у жителей Аттики, вторыя во всемъ іонійскомъ племени — ежегодно собирали всѣхъ членовъ каждой фратріи и каждого рода для поклоненія богамъ, и сверхъ того для разныхъ увеселеній, поддерживавшихъ между ними особое сочувствіе, и такимъ образомъ скрѣплялись обширнѣйшія связи, безъ ослабленія тѣснѣйшихъ.....

Въ время переворота, произведеннаго Клизееномъ въ 509 г. до Р. Хр., уничтожены прежнія филлы въ гражданскомъ отношеніи, и образовано десять новыхъ; фратріи же и роды оставлены безъ измѣненія, но за основаніе новыхъ политическихъ филлъ принято мѣстное распредѣленіе гражданъ по демосамъ или округамъ. Извѣстное число демосовъ принадлежало къ каждой изъ новыхъ филлъ (демасы той же филлы не всегда были сопредѣльны, такъ что филла не соотвѣтствовала ни какому дѣленію мѣстности) и въ какомъ демосѣ каждый гражданинъ былъ тогда зачисленъ, въ томъ же продолжали считаться и потомки его. Но роды не имѣли никакого отношенія къ этимъ филламъ, такъ что члены того же рода могли принадлежать къ разнымъ демосамъ **). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что до извѣстной степени въ древнемъ разграниченіи Аттики, раздѣленіе на роды совпадало съ раздѣленіемъ на демасы; именно случалось довольно часто, что геннеты или члены одного рода жили въ томъ же околоткѣ, такъ, что имя рода и имя демоса было одно и то же; сверхъ того Клизеень повидимому учредилъ нѣсколько новыхъ демосовъ, которымъ онъ далъ имена, происходящія отъ какого-нибудь значительнаго рода, обитающаго

*) Ксеноф. Hellen I. 5. 8. Суидасъ; Платона Euthydem гл. 28 стр. 320. Демосе. adv. Makart. стр. 11 — 14.

***) Демосе. cont. Neaeram стр. 1365. Титтманъ (Griechische Staatsverfassung стр. 277) полагаетъ, что каждый гражданинъ, послѣ Клизеенова переворота, былъ непременно членомъ какой-нибудь фратріи, а также и какого-нибудь демоса, но приводимыя имъ доказательства по нашему мнѣнію недостаточны. Понятія о фратріи и о филлѣ часто смѣшиваются между собою; такимъ образомъ эгеиды въ Спартѣ, которыхъ Геродотъ называетъ трибою, у Аристотеля названы одною изъ Фиванскихъ фратрій (Сжил. къ Пинд. Isthm. VII. 18). Ср. Wachsmuth Hellenische Alterth. отд. 83. стр. 17.

въ той же мѣстности. Такимъ-образомъ объясняется то, что многіе изъ Клизееновыхъ демосовъ носятъ имена, имѣющія характеръ родовыхъ.

Есть между греческими и римскими родами одна замѣчательная разница — она заключается въ различномъ способѣ именованія лицъ въ обществѣ. Римскій патрицій обыкновенно носилъ три имени — родовое имя, другое, означающее фамилію, къ которой онъ принадлежитъ, и третье, отличающее его отъ другихъ членовъ той же фамиліи. Но въ Афинахъ, по-крайней-мѣрѣ послѣ Клизеенова переворота, родовое имя вовсе не употреблялось: человекъ обозначался своимъ собственнымъ именемъ, за которымъ слѣдовало имя его отца, а потомъ имя демоса, къ которому онъ принадлежалъ, такъ напримѣръ: Эскинъ сынъ Агромета изъ Котокидовъ. Вслѣдствіе этого различія въ обыкновенномъ способѣ именованія лицъ, родовая связь была болѣе присуца уму каждаго въ Римѣ, чѣмъ въ греческихъ городахъ.

До классификаціи жителей Аттики по состоянію, введенной Солономъ, фратріи и роды, тритіи и наукураріи были единственными общепризнанными союзами между ними и единственными источниками законныхъ правъ и обязанностей, внѣ семейства въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ. Родъ составлялъ тѣсное соединеніе какъ относительно собственности, такъ и въ отношеніи къ личности. До временъ Солона никто не имѣлъ права располагать имуществомъ по завѣщанію: если кто-нибудь умиралъ бездѣтенъ, то члены его рода наследовали ему *); тоже продолжалось и послѣ Солона, но только въ случаѣ смерти владѣльца безъ завѣщанія. Дѣвицу, оставшуюся сиротой, могъ требовать по праву за себя въ замужство каждый изъ членовъ рода, причемъ ближайшіе родственники имѣли преимущество **); если она была бѣдна и родственникъ не желалъ самъ на ней жениться, то законъ Солона обязывалъ его снабдить ее приданымъ, соответствующимъ признанной по разряду суммѣ его собственности и выдать ее замужъ за другаго; размѣръ назначеннаго приданаго — довольно значительный по постановленію Солона, а впоследствии еще удвоенный — доказываетъ, повидному, что законодатель именна желалъ понудить въ этомъ случаѣ къ супружеству ***). Если кто-нибудь былъ убитъ, то

*) Плутархъ, Соловъ 21. Демосе. cont. Eubulid. стр. 1307; Цицеронъ Legg. II. 26

**) Демосе. cont. Makartat. стр. 1068. Плутархъ, Соловъ гл. 20.

***) См. Meursius, Themis Attica I. 13.

сперва его близкіе родственники, потомъ геннеты и фраторы имѣли право и даже были обязаны преслѣдовать убійцу передъ судомъ *); сочлены же убитаго по демосу не имѣли подобнаго права преслѣдованія. Все, что намъ извѣстно о древнѣйшихъ аѣнскихъ законахъ, основано на раздѣленіи гражданъ по родамъ и фратріямъ, которыя вездѣ принимаются за виды распространенія семейнаго союза. Должно замѣтить, что это раздѣленіе было совершенно независимо отъ состоянія гражданъ: и богатые и бѣдные люди нерѣдко принадлежали къ одному и тому же роду. Сверхъ того различные роды были весьма неравны между собою по значенію, что зависѣло главнымъ образомъ отъ характера религіозныхъ обрядовъ, которыми каждый родъ исключительно и наслѣдственно завѣдывалъ; нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ, считавшіеся особенно важными для всего города, причислены къ общенароднымъ торжествамъ. Такимъ-образомъ Евмольпиды и Керики, которые завѣдывали тайнствами Деметеры (Цереры) Элевзинской и изъ которыхъ назначался ея гіерофантъ (главный жрецъ) и Бутады, къ которымъ должны были принадлежать жрицы и жрецы Атэны Polias (Городской — покровительницы Аѣинъ) и Пѣсейдона (Нептуна) Эрехтэи, имѣвшихъ храмы въ акрополисѣ, пользовались повидимому большимъ уваженіемъ противъ другихъ родовъ***). Когда имя Бутадовъ, при Клизеновомъ распредѣленіи, присвоено было одному изъ демосовъ, то священный родъ, носившій это названіе прежде, принялъ имя Этеобутадовъ, то есть истинныхъ Бутадовъ *).

Очень многіе изъ числа родовъ древней Аттики намъ извѣстны по именамъ, но изъ фратрій есть одна только (Ахніады), которой имя дошло до насъ **). Эти фратріи и роды вѣроятно никогда не заключали въ себѣ всего населенія края, и количество лицъ, не принадлежащихъ къ нимъ, должно было болѣе и

*) Мейеръ, De Bonis Damnatis. стр. 23; Демосе. cont. Euerg. et Mnesib. стр. 1161 и cont. Makartat. стр. 1069.

**) Демосе. cont. Makartat.

***) См. Эсхина de Falsa Legat. стр. 292. гл. 46. Лизія cont. Andokid. стр. 108. Андокида de Mysteriis стр. 63 Reiske; Дейнархъ и Гелзаникъ у Гарпокр. V. 'Ἡεροφάντης.

*) Объ ораторѣ Ликургѣ сказано, что онъ былъ: τὸν ἐπὶ τῶν Βουταδῶν, ὑπὸ τοῦ τοῦ ἐπιβουταδῶν (Шлаугар. Vit. X. Orator. стр. 841.

**) Каждая фратрія Аттики имѣла повидимому свои особые законы и обычаи, отличные отъ прочихъ: τοῖς φρατρῶσι κατὰ τοὺς ἐκείνων ὄνομους (Изея Or VIII.)

болѣе возрастать, какъ во времена, предшествовавшія Клисѣну, такъ и послѣ него. При установленной имъ конституціи и въ теченіи всей послѣдующей исторіи, они сохранились въ видѣ религиозныхъ братствъ или корпорацій, дарующихъ права и возлагающихъ обязанности, которыя имѣли силу и передъ общими судами, но не были непосредственно связаны ни съ правами гражданства ни съ гражданскими должностями. Человѣкъ могъ быть гражданиномъ, не принадлежа ни къ какому роду. При конституціи Клисѣна прежнія сорокъ восемь наукрарій потеряли всякое практическое значеніе: демось сдѣлался вмѣсто наукрарій основнымъ политическимъ дѣленіемъ, а главнымъ лицомъ по мѣстному управленію сталъ демархъ, вмѣсто старшаго наукраара. Демось впрочемъ не вполне соответствовалъ наукрарій, также какъ и демархъ начальнику ея, хотя оба дѣленія были аналогичны и учреждены для той же цѣли. Между тѣмъ какъ наукрарій числомъ было только сорокъ восемь, — демось составлялъ болѣе мелкое дѣленіе и, по-крайней-мѣрѣ въ позднѣйшія времена, число этихъ дѣленій доходило до ста семидесяти четырехъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- Преклазчикъ** (повѣсть. Часть первая). А. П. КОБЯКОВОЙ.
Атта Троль. (перев. изъ Гейне). Д. И. ПИСАРЕВА.
Явь Гунгади (историческая характеристика. Статья вторая.
и последняя) С. Н. ПАЛАУЗОВА.
Понизовая Вольница (статья первая) Д. Л. МОРДОВЦОВА.
Безуміе Горя (стихотв.) Я. П. ПОЛОНСКАГО.
Дѣтство и юность Марлинскаго. М. А. БЕСТУЖЕВА.

ОТДѢЛЪ II.

- ПОЛИТИКА.** Письмо изъ Парижа. ЖАКА ЛЕФРЕНЯ. 1
Обзоръ современныхъ событій 8
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Основные начала политиче-
ской экономіи. *Лильева*. Р. Р... ВА. 1
Военное хозяйство. Сравнительное изслѣдованіе положитель-
ныхъ законодательствъ Россіи, Франціи, Пруссіи, Австріи,
Сардиніи, Бельгіи и Баваріи, Полковника Аничкова. Б. 10
Исторія Франціи, *Меньшигъ*. В. П. ПОПОВА. 23
Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ. Пере-
воды В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Д. И. ПИСАРЕВА 32
Ужасная ночь. (драма). И. А. Островскаго Д. Р. 43
Иностранная литература. Труды общества,
учрежденнаго въ Англіи для развитія социальной
науки. Д. И. КАЧЕНОВСКАГО 46
Мерлинъ (Merlin, par Edgar Quinet.) Э. РЕКЛЮ 70

ОТДѢЛЪ III.

- Смѣсь.** Обзоръ современной англійской литературы
Р. ГАРРИСОНА. 1

2 письма Н. В. ГОГОЛЯ	26
О выставкѣ. (Письмо 3-е и последнее.) Я. П. — АГО . . .	33
Внутренняя хроника (по независящимъ отъ редакціи причинамъ не напечатана).	
Рестори. С. С.	42
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.	

Четвертая часть романа А. Дюма, «Маркиза д'Эскомансъ». Изъ исторіи Греціи, Грота. (перев.) **Ө. Н. ПЕНАРКОМОВА.**

При этой книжкѣ раздается второй выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

ОБЪ ИЗДАНИИ
ГАЗЕТЫ КАВКАЗЪ
въ 1861 году.

Въ 1861 году газета «Кавказъ» будетъ издаваться по той же программѣ, съ которою постоянные читатели ея уже знакомы въ теченіи *пятнадцати лѣтъ*. Вступая въ шестнадцатый годъ своего существованія, наше мѣстное изданіе не имѣетъ причинъ измѣнять своего характера и будетъ слѣдовать направленію, данному ему нѣсколько лѣтъ назадъ, общеніемъ съ европейскими интересами, съ общечеловѣческими идеями. Эта потребность давно уже чувствовалась, потому что годъ отъ году болѣе и болѣе Кавказъ дѣлается Европою, страхивая съ себя азіатскую исключительность. — Тѣмъ не менѣе, стоя на рубежѣ двухъ странъ, межъ Востокомъ и Западомъ, мы никогда не отказывались знакомить читателей какъ съ мѣстною здѣшней исторіей, нравами и обычаями разнообразныхъ племенъ, населяющихъ нашу живописную и *во всѣхъ отношеніяхъ* интереснѣйшую страну, такъ и съ сопредѣльными ей странами и государствами. Наши корреспонденціи съ Тегераномъ, которыя сдѣлались постояннымъ отдѣломъ газеты, возбуждаютъ вниманіе въ образованномъ мірѣ и перепечатаются во всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ гезетахъ. Мы не можемъ нерадоваться такому успѣху, хотя и во вредъ изданію нашему, не богатому средствами и числомъ подписчиковъ; напротивъ, мы будемъ стараться какъ можно болѣе развить этотъ отдѣлъ *корреспонденцій съ Востока*, особливо теперь, при броженіи мусульманскаго ми-

ра — и надѣмся, что доведемъ это развитіе до того, что и русскія и иностранныя политическія газеты установятъ брать у насъ этотъ готовый матеріалъ — и можетъ быть многія обратятся къ прямому источнику. Мы высказываемъ эту мысль, какъ цѣль, къ которой мы будемъ стремиться.

Кавказскіе наши читатели конечно замѣтили, что отдѣлъ *политическаго обозрѣнія* у насъ если не многословенъ, то всегда полонъ и отлпчается свѣжестью сообщаемыхъ новостей, такъ что наша газета опережаетъ въ Тифлисъ С.-Петербургскія и Московскія почти цѣлой недѣлей—иногда болѣе. И на будущій годъ мы не оставляемъ заботы объ этомъ скорѣйшемъ сообщеніи новостей.

Что касается до другихъ отдѣловъ, то мы будемъ вести ихъ, какъ и доселѣ, желая быть по возможности полными и разнообразными, что конечно не такъ легко для изданія во сто сорокъ или въ полтора ста листовъ. Мы имѣемъ привычку не обѣщать, но стараться вводить еще улучшенія, сообразно съ средствами, которыми можетъ располагать редакція.

По составу своему газета «Кавказъ» раздѣляется на восемь постоянныхъ отдѣловъ:

I. Правительственныя распоряженія. — Сюда же относятся и *всѣ* Высочайшіе приказы по Кавказской Арміи, а также по гражданскому вѣдомству. II. Современная лѣтопись Кавказскаго и Закавказскаго края, заключающая въ себѣ вѣсти изъ разныхъ городовъ и мѣстностей края. III. Извѣстія о Россіи. IV. Политическое обозрѣніе. V. Учено-Литературный Отдѣлъ, или: а) статьи учено-литературнаго содержанія, преимущественно (но не исключительно) относящіяся до исторіи, этнографіи и статистики Кавказскаго и Закавказскаго края; б) статьи по части изящной словесности, какъ-то: повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены, очерки нравовъ, біографіи, военные анекдоты, путешествія, городскія замѣтки, новости изъ міра наукъ, искъ усствъ, земледѣлія и промышленности; театральная хроника, библіографія и т. д. — VI. Фельетонъ. VII. Метеорологическія наблюденія Тифлисской Магнитной Обсерваторіи, и наконецъ, VIII. Разныя объявленія и извѣстія о приѣзжающихъ и отъѣзжающихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. *Отъ тифлисскихъ подписчиковъ, ВЪ ТИФЛИСЪ, исключи-
тельно въ Редакціи, что на Александровской площади.*

2. *Отъ инокородныхъ подписчиковъ, ВЪ ТИФЛИСЪ, въ Редак-
ціи газеты «Кавказъ».*

3. *ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, въ Газетной Экспедиціи.*

4. *ВЪ МОСКВЪ, въ Газетной Экспедиціи у комисіонера
Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. О. Свѣшнікова,*

5. *Во всѣхъ газетныхъ экспедиціяхъ, находящихся при поч-
тамтахъ.*

Подписываться также можно и во всѣхъ губернскихъ поч-
товыхъ конторахъ; но за исправное и своевременное доставленіе
газеты Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только
передъ тѣми подписчиками, которые съ требованіями своими ад-
ресовались; *въ Тифлисъ, въ Редакцію газеты «КАВКАЗЪ.»*

У С Л О В І Е П О Д П И С К И :
Г О Д О В А Я Ц Ъ Н А .

За газету «Кавказъ» (безъ «Вѣстника» или казенныхъ прибав-
леній). Съ доставкою и пересылкою 9 руб. Безъ доставки и пе-
ресылки 8 р. 50 к. За одни казенныя прибавленія (безъ газеты
«Кавказъ»). Съ доставкою и пересылкою 5 р. 50 коп. Безъ пе-
ресылки и доставки 5 руб. За газету «Кавказъ» съ казенными
прибавленіями съ доставкою и пересылкою 12 р. 50 коп. Безъ
доставки и пересылки 12 руб.

ПОЛУГОДОВАЯ ЦЪНА:

За газету «Кавказъ» (безъ казенныхъ прибавленій). Съ дос-
тавкою и пересылкою 5 руб. Безъ доставки и пересылки 4 р.
50 коп. За одни казенныя прибавленія (безъ газеты «Кавказъ»)
Съ доставкою и пересылкою 3 руб. Безъ доставки и пересылки
2 р. 50 коп. За газету «Кавказъ» съ казенными прибавленіями.
Съ доставкою и пересылкою 6 р. 50 коп. Безъ доставки и пе-
ресылки 6 руб.

Само-собою разумѣется, что подписываться должно заблаговременно, да-
бы получить всѣ выходящіе нумера съ новаго года. Но независимо отъ
того, на газету «Кавказъ» можно подписываться всегда, съ тѣмъ, что годъ
будетъ считаться съ того только №, предъ которымъ поступить подписка.

Редакторъ Ѳедотъ Бобылевъ.

